СОЧИНЕНІЯ

Г. Р.

ДАЖЕЧНИКОВА

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

[redacted]

891.73
L45
I1899
v.5-6

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

Печать и типографія
Т-ва М. О. Вольфъ
Петроградъ · Бол. Пуш. 46 Адмиралт. 906 Дома
1913

891.73
L45
I1899
v.5-6

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Вотъ новость для меня!—Да кто же тотъ шалунъ,
Кто смѣлъ, безъ моего и плана и совѣта,
Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?
Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, легкій слогъ!
Спросилъ-бы у меня—и я-бъ ему помогъ!

Ком. „Гов."—*Хмельницкій.*

Долго страдала Лифляндія подъ игомъ перемѣнныхъ властителей, пока не достигла нынѣшняго своего благосостоянія. То рыцари нѣмецкіе, искавшіе иные опасностей, славы и награды небесной, другіе—добычи, земель и вассаловъ, наступили на нее, окрестили ее мечомъ, и первые ознакомили бѣдныхъ ея жителей съ высокими замками, данью и насиліями; то власти, ею управлявшія, духовныя и свѣтскія, епископы и гермейстеры, въ спорѣ за первенство свое, терзали ее на части. То русскіе, считая ее искони своею данницею, нерѣдко приходили зарубать на сердцѣ ея древнія права свои, или поляки и шведы, въ борьбѣ за обладаніе ею, душили первыя силы ея общественной

жизни. Война желѣзною рукою повила ее вдоль и поперекъ всѣми своими бѣдствіями. Вѣра безъ вѣрованія, съ примѣсью идолопоклонства, невѣжество, безчеловѣчіе, самоуправство обозначили время существованія Лифляндіи до начала XVII вѣка. Изрѣдка оживлено было это время проблесками великихъ характеровъ — и цвѣтущей торговли, прибавилъ бы я, если бы богатства ея придали тогда что-нибудь ея просвѣщенію, а не послужили, какъ это случилось, къ усиленію ея развратной роскоши.

Только съ именемъ Густава Адольфа соединяется воспоминаніе всего прекраснаго и великаго; онъ, въ одно время защищая свободу мнѣній и подписывая уставъ дерптскаго университета, бережно снялъ кровавыя пелены съ Лифляндіи и старался уврачевать ея раны. Но счастіе ея было кратковременно. Дочь Густава, этотъ феноменъ ума и страстей, хотѣла только собирать дань удивленія чуждыхъ народовъ, а не любовь своего. Христина, покровительница ученыхъ, отняла у дерптскаго университета его земли; она хвалилась любовью къ человѣчеству, и за новыя пожертвованія страны отдарила ее новыми налогами. Вслѣдъ затѣмъ нивы лифляндскія были истоптаны побѣдами русскихъ (при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ). Миръ въ Кардисѣ возвратилъ это спорное пепелище шведамъ, но не водворилъ въ него долговременнаго спокойствія.

Съ царствованіемъ Карла XI настали самые черные годы для лифляндскаго дворянства. Желая поправить разстроенные финансы Швеціи, онъ повелѣлъ *редукцію* имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда правительству и правительствомъ же подаренныхъ частнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе во времена епископовъ, гермейстеровъ и королей. На этотъ предметъ учреждена была *комиссія*. Разсужденію ея подлежало также узаконеніе великое и благодѣтельное, за которое надле-

жало бы человѣчеству благословлять память государя, творца этого узаконенія, еслибъ оно не смѣшивалось въ одно время съ своекорыстными видами. Къ тому жъ мѣры и способы исполненія были приняты несправедливые, насильственные и жестокіе; исполнители переступили волю государя—и цѣль самыхъ благодѣтельныхъ видовъ правительства была потеряна. Въ позднѣйшее время предоставлено было Миротворцу Европы сдѣлать важный приступъ къ соглашенію человѣколюбія съ сохраненіемъ правъ собственности, и тѣмъ собрать на себя еще при жизни, посвященной счастію великой имперіи, благословенія лифляндскихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Не такъ дѣйствовалъ своекорыстный Карлъ XI. За ужасными словами: *редукція* и *ликвидація* послѣдовало дѣло, и отчины, безъ всякаго уваженія давности и законности, были отрѣзаны и отписаны на короля. Изъ шести слишкомъ тысячъ гаковъ, бывшихъ во владѣніи частныхъ лицъ, слишкомъ пять тысячъ были взяты въ казну, тысяча съ небольшимъ оставлена владѣльцамъ и при церквахъ. Противъ начетовъ этихъ трудно было спорить: ихъ составлялъ любимецъ Карла, предсѣдатель редукціонной комиссіи, графъ Гастферъ, запечатлѣвшій имя свое въ лѣтописяхъ Лифляндіи ненавистью этой страны; ихъ утвердилъ самъ государь, хозяинъ на тронѣ искусный, хотя и несправедливый, который, подобно Перуну, имѣлъ золотую голову, но держалъ всегда камень въ рукахъ.

Оставалось угнетеннымъ просить: они это и сдѣлали, пославъ къ королю отъ лица дворянства лифляндскую депутацію съ трогательнымъ адресомъ о смягченіи, хотя нѣсколько, приговора его. Отвѣтомъ были новыя униженія. Къ большому несчастію ихъ, одинъ изъ членовъ депутаціи, Іоганъ-Рейнгольдтъ Паткуль, увлеченный краснорѣчіемъ правды и негодованія, пыл-

костью благороднаго нрава и молодыхъ лѣтъ [1]), незнакомыхъ съ притворствомъ, осмѣлился обвинить любимца королевскаго, Гастфера, въ преступленіи данной ему свыше довѣренности. Паткуль осужденъ къ отсѣченію правой руки, лишенію имѣнію, чести и жизни, а товарищи его: Фитингофъ, Менгденъ и Буденброкъ—только къ смерти. Вскорѣ приговоръ тремъ послѣднимъ былъ замѣненъ вѣчнымъ заключеніемъ; наконецъ, дарована имъ свобода. Первый же успѣлъ бѣжать отъ наказанія въ Швейцарію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ подъ чужимъ именемъ. Между тѣмъ въ отечествѣ его бѣдность и отчаяніе во многихъ семействахъ были неизъяснимы: вспыхнулъ ропотъ, тайными путями перебѣжалъ по мызамъ и—погасъ со вступленіемъ новаго государя на престолъ шведскій. Добрые лифляндцы умѣли терпѣливо ждать у моря погоды.

Въ такомъ состояніи засталъ страну эту Карлъ XII, о которомъ сказать можно, что онъ рожденъ былъ быть полководцемъ, но ошибкою судьбы призванъ царствовать. Вскорѣ отъ Бельта до Вислы развѣялись побѣдоносныя знамена его. Подъ эти призывные знаки чести спѣшили завербовать себя молодые лифляндскіе дворяне, забывъ прежнія угнетенія и горя жаждою вновь запечатлѣть кровью своею благородство рыцарскаго происхожденія, которому ни предки, ни потомки ихъ не измѣняли. Отцы новобранцевъ, отпуская къ королю живые залоги преданности къ нему Лифляндіи, казалось, ввѣряли его великодушію свои и отечества надежды. Но двадцатилѣтній герой, окруженный увлеченными раннею его славою офицерами и солдатами, переходя отъ торжества къ торжеству, грезилъ только побѣдами и мало заботился объ утѣшительныхъ ожиданіяхъ своихъ подданныхъ. Хотя и

---

[1]) Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ

обѣщалъ онъ въ 1700 году облегчить участь лифляндскихъ помѣщиковъ, однакожъ, не думалъ никогда выполнить это обѣщаніе. Еще не забыта имъ была депутація 1692 года, обступившая тронъ отца его просьбами, похожими на требованія; не забытъ еще былъ смѣлый и краснорѣчивый голосъ Паткуля. Онъ зналъ, что этотъ гордый лифляндецъ, унеся изъ-подъ сѣкиры палача руку и буйную голову свою, служитъ тою и другою опаснѣйшему его непріятелю — и поклялся въ лицѣ его унизить лифляндскихъ дворянъ его партіи и отмстить ему, хотя бы цѣною собственной славы.

Провидѣнію угодно было, чтобъ на пути отважныхъ замысловъ Карла остановилъ его соперникъ, явившійся съ неожиданной стороны. Это былъ нашъ Петръ I. Помня слова великаго предка своего: «*а Лифляндскія земли не перестать намъ доступать, докудова намъ ее Богъ дастъ*» [1]) и желая стать твердою ногою на берегу Балтійскаго моря, чтобы сзывать въ свое отечество богатства и просвѣщеніе Европы, онъ бросилъ Карлу перчатку будто за оскорбленіе, сдѣланное ему рижскимъ комендантомъ Дальбергомъ. Гдѣ ближе было имъ развѣдаться, какъ не въ странѣ, которую оба они почитали своею отчиною? Здѣсь-то Преобразователю Россіи опредѣлено было получить отъ царственнаго учителя своего жестокій урокъ и здѣсь же показать, съ какимъ успѣхомъ онъ имъ воспользовался. «*Я знаю*, — говорилъ онъ послѣ нарвской потери, — *что Шведы будутъ бить насъ еще разъ нѣсколько; но теперь мы ученики ихъ; придетъ время, что мы ихъ побѣждать будемъ*».

Карлъ пріѣзжалъ, казалось, подъ Нарву выиграть закладъ. Отважный, но слишкомъ самонадѣянный и

---

[1]) Грамата Царя Іоанна Васильевича къ Ягану королю Стейскому, $\frac{1573}{7081}$ января $\frac{6}{16}$. Смотри *Древнюю Вивліоѳику*.

мало разсудительный, вмѣсто того, чтобы воспользоватяся успѣхами своими и укрѣпиться въ Лифляндіи, онъ посвятилъ зиму въ Лансѣ забавамъ звѣриной охоты, побилъ, мимоходомъ, саксонцевъ подъ Ригою и отправился въ другой край Европы пощеголять своею непобѣдимою арміей, какъ дитя полученною имъ въ даръ острою саблею, которою въ первый разъ владѣетъ и спѣшитъ рубить все, что ему на встрѣчу попадется. Не такъ дѣйствовалъ противникъ его: онъ пользовался временемъ отдыха, даннаго ему счастливымъ соперникомъ, чтобы созидать войско и флотъ. Уже въ концѣ 1701 года фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ остатками полковъ, уцѣлѣвшихъ отъ лозы шведскаго героя, и съ корпусами, вновь образованными, сторожилъ отъ Пскова лифляндскую грань. Схватками съ малочисленными отрядами непріятеля знакомилъ онъ понемногу русскаго солдата съ его силами, съ потѣхою военныхъ удачъ, и воспитывалъ духъ его къ будущимъ побѣдамъ. Уже зародыши русскаго флота брали смѣлость выходить изъ заливовъ Чудскаго озера и, разгульемъ мимо шведской флотиліи, притаившейся въ устьѣ Эмбаха, вызывать ее *на чистую воду*.

Сыну военачальника предоставлено было открыть кампанію: близъ этого озера, подъ мызою Рапинъ, *волонтеръ* Михайла Борисовичъ Шереметевъ разбилъ 4-го сентября 1701 года передовой отрядъ шведовъ Потомъ самъ фельдмаршалъ — въ отвѣтъ на упрекъ своего Государя: «*полно отговариваться, пора дѣлать!*»—отпраздновалъ первый день 1702 года первою знаменитою побѣдой при Эррастферѣ, заставившею Петра I сказать: «*Благодареніе Богу! мы уже до того дошли, что шведовъ побѣждать можемъ*». Остальные мѣсяцы зимы и всю весну военачальникъ осторожно высматривалъ силы непріятеля, выжидалъ ихъ раздробленія, какъ послѣдствія разностороннихъ слуховъ,

лукаво пущенныхъ въ становья шведскія и, показывая нѣкоторую робость, *надѣялся* усыпить сѣвернаго льва у воротъ самой Лифляндіи. Можетъ быть Шереметевъ—распорядитель и герой въ полѣ, Фабій или Кутузовъ тѣхъ временъ — простеръ эту осторожность слишкомъ далеко и могъ бы потерять плоды своихъ соображеній, еслибъ имѣлъ противника болѣе смѣтливаго и смѣлаго, нежели каковъ ему данъ былъ Карломъ XII.

Мы видѣли, что нетерпѣливый характеръ государя разогрѣлъ душу военачальника упрекомъ. Четыре слова кстати—и въ этихъ словахъ заключалась побѣда. Шереметевъ доказалъ, что достоинъ понимать ихъ, что имѣетъ всѣ качества хорошаго военачальника, и потомъ, опять увлеченный умомъ осторожнымъ, холоднымъ, погрузился въ соображенія благоразумныя, полезныя, это правда, но уже слишкомъ долго выдерживаемыя. На этотъ разъ полководецъ выведенъ былъ изъ бездѣйствія внушеніями Рейнгольда Паткуля, генералъ-кригскоммисара и ближайшаго совѣтника его.

Надо оговорить, что Паткуль, приговоренный къ казни, бѣжалъ изъ Швеціи на берега Женевскаго озера. Оттуда, скучая праздною неизвѣстностью, перешелъ къ двору польскаго короля, непріятеля Карла XII, Августа, но и при этомъ государѣ, вяломъ, ненадежномъ, неславолюбивомъ, найдя кругъ дѣйствій своихъ тѣснымъ, вступилъ въ службу къ Петру I. Скоро исполинскія дѣла, простота, твердость и величіе души русскаго Царя привязали къ нему навсегда благороднаго лифляндца. Съ другой стороны, тому, кому нужно было все вновь творить въ Россіи, любившему, чтобы между мыслію его и исполненіемъ не было холодныхъ промежутковъ, часто уничтожающихъ самыя лучшія намѣренія, нужны были и люди съ пылкимъ, предпріимчивымъ характеромъ. Онъ скоро

полюбилъ новаго своего подданнаго, умѣвшаго понять его. Можно сказать, что Паткуль былъ достоинъ всей вражды Карла и довѣрія Петра: оба чувства эти умѣлъ онъ равно питать, равно и оправдывалъ. При дворѣ новаго государя своего онъ былъ хитрый, проницательный министръ, быстрый исполнитель его видовъ, вельможа твердый, хотя иногда слишкомъ нетерпѣливый, неумѣвшій льстить ни ему, ни любимцамъ его, выше всего почитавшій правду и между тѣмъ неограниченно преданный его выгодамъ и славѣ. Политическіе разсчеты Паткуля, оправданные послѣдствіями, доказываютъ, какимъ дальновиднымъ умомъ онъ обладалъ. Онъ первый утвердилъ русскаго монарха въ мысли завоевать *для себя* Лифляндію: онъ видѣлъ, что исполненіе этой мысли было не по силамъ колебавшагося духомъ Августа, и что одному только Петру можно было сдержать и понесть ее на исполинскихъ раменахъ своихъ. Съ какимъ восторгомъ, развертывая передъ Великимъ планъ свой, прочелъ онъ въ одномъ его взорѣ отпаденіе родного края отъ Швеціи и присоединеніе его къ возраставшему могуществу Россіи. Этимъ геніальнымъ взоромъ Паткуль былъ уже отмщенъ за наслѣдственныя оскорбленія двухъ шведскихъ королей.

Вывожу его на сцену моего романа въ одну изъ занимательныхъ эпохъ его жизни: здѣсь-то онъ всего себя посвятилъ мщенію, чувству, которое господствовало въ немъ надъ высокостью помысловъ и дѣяній и, можетъ статься, было единственнымъ ихъ источникомъ. Не только рукою дѣйствуетъ онъ противъ отрядовъ шведскихъ, онъ работаетъ сердцемъ и головой, приводитъ въ движеніе всѣ сокровенныя пружины ухищренной политики, даже не всегда разборчивой, чтобы подрыть основаніе шведскаго могущества. Для достиженія своей цѣли изыскиваетъ онъ всѣ средства,

и ни одного не отвергаетъ. Часто дѣйствія свои сопровождаетъ отвагою: досаждая дѣломъ врагамъ, онъ любитъ еще посмѣяться надъ ними смѣлыми проказами, нерѣдко приводящими его жизнь и честь въ опасность, отъ которой только имя его, дорогое патріотизму, изобрѣтательный умъ и преданные друзья могутъ его освобождать.

На границѣ псковской, въ срединѣ Лифляндіи, Паткуль имѣетъ друзей, преданныхъ, подкупленныхъ, обольщенныхъ, ему усердно содѣйствующихъ; въ знатнѣйшихъ домахъ лифляндскихъ агенты и лазутчики его всякаго званія неусыпно обо всемъ развѣдываютъ и передаютъ ему свѣдѣнія о движеніи шведовъ и замыслахъ ихъ партій. Не многочисленные, но удачно выбранные, хитрые, благоразумные, испытанные въ вѣрности къ нему, они свили гнѣздо враговъ для Швеціи въ сердцѣ самой Лифляндіи. Сначала робко вкрадывается неудовольствіе въ дворянскіе домы; потомъ, усиливаемое войною безъ цѣли, безъ пользы для отечества, оно смѣлѣе начинаетъ говорить въ гостиныхъ. Политика занимаетъ всѣхъ, военныхъ, студентовъ, женщинъ, купцовъ, духовныхъ. Судятъ о дѣйствіяхъ шведскаго правительства, начинаютъ и осуждать ихъ. Недовѣріе, потомъ нѣкоторая холодность зараждаются между шведами и лифляндцами. Благоразумнѣйшіе изъ послѣднихъ предугадываютъ уже, что самое положеніе Лифляндіи, отдѣляя ее моремъ отъ Скандинавскаго полуострова, должно рано или поздно прикрѣпить ее нравственно къ Россіи, какъ она физически прикрѣплена къ материку ея. Они видятъ, что Карлъ явно пожертвовалъ ихъ отечествомъ своенравному героизму, но предпочитаютъ остаться вѣрными законному правительству и предоставл ютъ жестокостямъ войны рѣшить судьбу ихъ и выборъ новаго владыки. Многіе, даже изъ почитателей короля, идутъ уже за торже-

ственною колесницею его, какъ за великолѣпною похоронною процессіей. Одна молодежь не охлаждается въ энтузіазмѣ къ нему и готовится, въ честь его, переломить не одно копье.

Въ эти смутныя времена Лифляндіи генералъ-вахтмейстеръ Шлиппенбахъ, главный начальникъ шведскихъ войскъ, оставленныхъ на защиту Лифляндіи, безпечно расположился на квартирахъ отъ Сагница до Гельмета. Небольшимъ конным отрядомъ наблюдалъ онъ близъ Розенгофа, на берегу Шварцбаха, дорогу отъ Новгородка-Ливонскаго (Нейгаузена), готовый протянуть крыло свое въ помощь Дериту или Ригѣ, либо, въ случаѣ неудачи, обезопасить себя уходомъ въ одну изъ этихъ крѣпостей. Силы его ослаблены гарнизонами въ нихъ и несогласіемъ начальниковъ. Между тѣмъ, ободренный осторожностью русскаго полководца, которая начинала казаться ему робостью, рѣшился онъ неожиданно напасть на него въ Нейгаузенской долинѣ и тѣмъ загладить стыдъ Эррастферской битвы.

Въ такомъ состояніи, къ первымъ числа іюля 1702 г., были дѣла Лифляндіи, колеблемой, какъ дерево, опаленное грозою и вновь оспариваемое противными вѣтрами. Послѣдними тяжкими опытами должна она была искупить свое будущее благосостояніе.

Вотъ нѣсколько словъ, необходимыхъ для поясненія происшествій, о которыхъ я намѣренъ разсказывать.

На случай вопроса, почему избралъ я сценою для русскаго историческаго романа *Лифляндію*, которой одно имя звучитъ уже иноземнымъ, скажу, что ни одна страна въ Россіи не представляетъ народному романисту пріятнѣйшаго и выгоднѣйшаго мѣста дѣйствія. Крымъ, Кавказъ выигрываютъ, въ сравненіи съ Лифляндіей, красотами мѣстной природы, но теряютъ передъ ней историческими воспоминаніями. Въ палла-

діумахъ нашихъ, Троицкомъ монастырѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ разгуливало уже вмѣстѣ съ истиной воображеніе писателя, опередившаго меня временемъ, извѣстностью и талантами своими. Другіе края Россіи бѣдны или исторіею, или мѣстностью; но въ живописныхъ горахъ и долинахъ Лифляндіи, на развалинахъ ея рыцарскихъ замковъ, на берегахъ ея озеръ и Бельта, русскій напечатлѣлъ неизгладимые слѣды своего могущества. Здѣсь колыбель нашей воинской славы, нашей торговли и силы; здѣсь русскій воинъ положилъ на грудь свою первое крестное знаменіе за первую побѣду, дарованную ему Богомъ надъ образованнымъ европейскимъ солдатомъ; отсюда — дивная своею судьбою и достойная этой судьбы Жена, неразлучная подруга преобразователя нашего отечества и спасительница нашего величія на берегахъ Прута; здѣсь многое говоритъ о Петрѣ безпримѣрномъ. Вотъ причины моего влеченія къ Лифляндіи! Эррастеферъ, Гуммельсгофъ, Маріенбургъ, Канцы, Лустъ-Эландъ — нынѣ *имена* мѣстъ, едва извѣстныхъ русскимъ, между тѣмъ какъ въ нихъ происходили тѣ великія явленія, о которыхъ идетъ дѣло. Къ этимъ-то мѣстамъ хотѣлъ бы я пробить свѣжую, цвѣтистую дорогу; хотѣлъ бы, чтобы любовь къ народной славѣ, посѣщая ихъ, съ гордостью указывала на нихъ иноземцу, и чтобы сердце русскаго билось сильнѣе, повторяя ихъ имена. Чувство, господствующее въ моемъ романѣ, есть любовь къ отчизнѣ. Въ краю чужомъ оно отсвѣчивается сильнѣе; между иностранцами, въ толпѣ ихъ, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ обычаевъ, виднѣе вырисовывается русская народная физіономія. Даже главнѣйшія лица изъ иностранцевъ, выведенныя въ моемъ романѣ, сердцемъ или судьбою влекутся необоримо къ Россіи. Вездѣ родное имя торжествуетъ; нигдѣ не унижено оно — безъ униженія, однакожъ, непріятелей нашихъ того

времени, которое описываю. Вотъ чего хотѣлъ я достигнуть, помѣщая героя моего въ Лифляндіи!

Доволенъ буду, если рѣшу задачу, предложенную мнѣ сердцемъ, и вмѣстѣ доставлю моимъ читателямъ пріятное препровожденіе времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОЛИНА МЕРТВЕЦОВЪ

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустенья...
И все какъ мертвое окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ
Ни птичка не промчится.
Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
Вранъ черный встрепенется
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видится бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи...
„Двѣн. сп. Д".—*Жуковскій.*

На пути отъ Маріенбурга къ Менцену (иначе названному *Черною мызою*) останавливаешься не разъ любоваться живописными видами, обступающими васъ съ седьмой версты и преслѣдующими за Ней-Розенгофъ. Дорога большею частію идетъ по горамъ и между горъ, разнообразныхъ, какъ игра воображенія. То протягиваются онѣ въ прямой цѣпи, подобно волнамъ, которыхъ ряды дружно гонитъ умѣренный вѣтеръ; то свиваютъ эту цѣпь кольцомъ, захватывая собою зеленую долину, или служа рамою зеркальному озеру, въ которомъ облачка мимолетомъ любятъ смотрѣться; то встаютъ гордо, одинокія, въ пространной равнинѣ, какъ бобцъ, разметавшій всѣхъ противниковъ своихъ и оставшійся одинъ господиномъ поприща; то пересѣкаютъ

одна другую, забѣгаютъ и выглядываютъ одна за другою, высятся далѣе и далѣе амфитеатромъ и, наконецъ, уступаютъ первенство исполину этихъ мѣстъ, чернѣющему Тейфельсбергу. Почти каждая гора имѣетъ свой особенный видъ, свою привлекательность. На острой конечности одной стоитъ роща букетомъ, по другой разлилась, какъ по шлему, косматая грива; третью черный, сосновый боръ оградилъ зубчатою стѣною. Тамъ кустарникъ окудрявилъ голову горы; здѣсь обвилъ ее вѣнцомъ, или смѣло всползъ на нее въ разныхъ кривизнахъ. Эту картину оживляютъ разостланныя по отлогостямъ полосы яровой зелени или золотой жатвы, красивыя мызы съ ихъ розовыми кровлями, гордо озирающія окрестность, разсыпанныя тамъ и сямъ одинокія хижины, которыя лѣпятся къ бокамъ горъ, какъ ласточкины гнѣзда, или стоятъ смиренно за щитомъ подножія ихъ съ частоколами и овощными садами. Почти во всю дорогу до Менцена (36 верстъ) не перестаетъ оглядываться на васъ кирка Оппекаленская— будто провожаетъ и охраняетъ васъ святынею своей отъ нечистаго духа, который, по словамъ народа, поселился съ давнихъ временъ на Тейфельсбергѣ *(Чортовой горѣ)*, и пугаетъ прохожихъ только ночью, когда золотой пѣтухъ оппекаленскаго шпиля изъ глазъ скроется. Видъ съ высоты Ней-Лайтценской мызы очарователенъ: панорама ея нѣсколько десятковъ верстъ обставлена разнообразіемъ горъ, озеръ, рощъ и селеній. Съ трудомъ отрывается путешественникъ отъ этого мѣста. Немного далѣе, за мызою, горы понижаются и замѣняются скучнымъ лѣсомъ и болотцами; но при появленіи рѣчки Вайдау, у грани, стоящей на мосту ея и раздѣляющей уѣзды Верровскій отъ Валкскаго, природа даритъ васъ прелестями уединенныхъ долинъ, обведенныхъ извилинами этой рѣчки и образуемыхъ провожающими ее двумя цѣпями холмовъ. Всѣхъ прі-

ятнѣе долина близъ мызы Ней-Гозенгофъ (въ недавнемъ еще времени называемой *Катериненгофъ*).

Въ началѣ XVIII столѣтія, по дорогѣ отъ Маріенбурга къ Менцену не было еще ни одной изъ мызъ, нами упоминаемыхъ. Нынѣ она довольна пуста, а въ тогдашнее время, когда война съ русскими наводила ужасъ на весь край и близкое сосѣдство съ ними отъ псковской границы заключало жителей въ горахъ, — въ тогдашнее время, говорю я, едва встрѣчалось здѣсь живое существо. Несмотря, на эти опасенія, въ одно изъ первыхъ чиселъ іюля 1702 г., въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчки Вайдау, пробиралась сквозь мрачный лѣсъ красноватая карета, запряженная двумя рыжими лошадками. День былъ жаркій. Полуденное солнце, въ одинокомъ величіи своемъ протекая по голубой степи неба, на которомъ ни одно завистливое облачко не смѣло заслонить его, лило горящіе лучи свои прямо на темя земли. Лѣнивый вѣтерокъ пересѣкалъ эти лучи повременамъ и только на мгновенія обдувалъ раскаленную ея поверхность. Разслабленная природа, казалось, потеряла движеніе; едва струились изрѣдка верхи деревъ; неохотно переливались волны зрѣющей жатвы; медленно текли воды, какъ будто потоки растопленнаго хрусталя. Все живущее спѣшило куда-нибудь укрыться отъ палящаго зноя. Птицы прятались въ рощахъ и на днѣ густыхъ нивъ; стада бѣжали въ воды, а гдѣ воды не было, бѣдныя животныя, оцѣпенѣвъ, съ поникнутыми головами, одно въ тѣни другого, искали малѣйшей прохлады.

Съ трудомъ ползла карета сквозь пески, нерѣдко попадавшіеся на пути. По щегольской отдѣлкѣ ея, особенно замѣтной въ золотыхъ обводкахъ съ узорами около огромныхъ рамъ въ видѣ несомкнутой цифры 8, въ золотыхъ шишкахъ, украшающихъ углы имперіала, въ колонцахъ по двумъ переднимъ угламъ кузова и

розовомъ вѣнкѣ въ голубомъ полѣ, изображающемъ на дверцахъ гербъ ея обладателя, можно было судить, что она принадлежала зажиточному барину. Двѣ рыжія лошадки, эзельской породы, повидимому сильныя, почти отказывались тащить ее; шоры на нихъ были взмылены. Колеса экипажа едва вертѣлись, погружая ободья свои въ песчаную топь. Не видно было, кто сидѣлъ въ немъ, потому что розовыя шелковыя шторы были опущены. Кучеръ, въ треугольной шляпѣ, нахлобученной бокомъ на глаза, въ кафтанѣ, котораго голубой цвѣтъ, за пылью, нельзя было бы различить, если бы пучекъ его, при толчкахъ экипажа, не обметалъ плечъ и спины, то посматривалъ съ жалостью на свою одежду, то съ досадою сгонялъ бичемъ оводовъ, немилосердно кусавшихъ лошадей, то, останавливая на время утомленныхъ животныхъ, утиралъ потъ съ лица. Замѣтно было, что жалостный возничій мучился за себя и за нихъ. По правую сторону кареты ѣхалъ верхомъ на тощемъ, высокомъ конѣ, офицеръ, подъ пару ему долговязый и сухощавый. На немъ былъ мундиръ синяго цвѣта; треугольная шляпа, у которой одна задняя пола была отстегнута, кидала большую тѣнь на лицо, и безъ того смуглое; перчатки желтой кожи раструбами своими едва не доставали до локтя; къ широкой портупеѣ, изъ буйволовой кожи, обхватывавшей станъ его и застегнутой напереди четвероугольною, огромною мѣдною пряжкой, привѣшена была шпага съ вальяжнымъ эфесомъ, на которомъ изображены были пушка дуломъ вверхъ и гранаты; кожаные штиблеты, съ привязными раструбами, довершали эту фигуру. Если бы не двигалось подъ нею высокое животное, она по важности своей походила бы на монументъ. Офицеръ былъ въ полномъ вооруженіи: ручки пистолетовъ торчали изъ чушекъ; къ сѣдлу прикрѣпленъ былъ карабинъ. Путешественники погружены

были въ глубокое молчаніе. Наконецъ, возничій прервалъ его сначала глубокимъ: уфъ! потомъ, видя, что это восклицаніе не имѣло желаемаго дѣйствія, униженно снялъ шляпу и, обратившись къ офицеру, сказалъ:—Воля ваша, господинъ цейгмейстеръ...

— Сначала покройся, не то испечешь лысую голову твою, какъ яйцо, а потомъ начинай свою рѣчь,— прервалъ его важнымъ голосомъ путешественникъ, ѣхавшій верхомъ.

Кучеръ опустилъ шляпу въ знакъ благодарности, потомъ надѣлъ ее и продолжалъ:—Воля ваша, господинъ цейгмейстеръ, мои лошади не горшки, а я не горшечникъ, чтобы ихъ жарить въ этомъ пеклѣ. Госпожа баронесса настрого приказала поберечь ихъ, во-первыхъ, потому, что она любитъ всѣхъ животныхъ, отъ лошади до кошечки, отъ попугая до чижика, какъ вы изволите знать; во-вторыхъ... эка бестія оводъ сѣлъ на самый крестецъ Арлекина!.. эти звѣрьки привезены съ острова Эзеля на большомъ суднѣ, какъ бишь его звали?

Кучеръ наморщился и поколотилъ себя пальцемъ по лбу, какъ бы выбивая оттуда память.

— Мимо названіе! Потомъ?

— Потомъ они подарены баронессѣ дядею жениха...

— Фюренгофомъ?.. Неужели онъ въ жизнь свою хоть разъ дарилъ?

— Былъ съ нимъ этотъ промахъ! Поохалъ, можетъ статься, ночекъ съ сотню, да съ конюшни нашей воротить рыжаковъ ужь было нельзя. Что къ намъ попало, то пропало. О чемъ бишь я говорилъ?.. Да, объ рыжакахъ. Вотъ видите, они подарены баронессѣ нашей дядею жениха нашей молодой госпожи... смекаете, сударь... госпожи, которую, какъ вы знаете, господинъ цейгмейстеръ... (увидя, что оводъ кусаетъ лошадь) собака, кровопійца! перелетѣлъ за Зефирку!..

которую, замѣтьте, она любитъ какъ самую себя, или себя въ ней любитъ. (Изъ кареты послышался хохотъ, да и на лицѣ угрюмаго офицера мелькнула усмѣшка; однакожъ, начавшій рѣчь, не смѣшавшись, продолжалъ). Но я самъ имъ не злодѣй, то есть рыжакамъ, Арлекину и Зефиру; говорю т.-е., чтобы ваша милость не подумала, что я говорю о баронессѣ или о комъ-нибудь изъ почтеннѣйшей фамиліи Зегевольдовъ. Нѣтъ, я имъ не только не злодѣй, но люблю ихъ и уважаю: во-первыхъ...

— Ни первыхъ, ни вторыхъ, пустомеля! Твои слова, какъ татары въ сраженіи: разсыпаются въ стороны такъ, что нашъ рейтаръ не знаетъ, котораго и какъ настигнуть. Думаетъ уловить подъ палашъ одного, а попадается другой. Безъ обиняковъ, скорѣе къ дѣлу!

— Я хотѣлъ сказать, что лошади устали.

— Ну!

— Да ужь онѣ и нуканья не слушаютъ, сударь. Мы проѣхали отъ Маріенбурга... (тутъ кучеръ началъ считать что-то по пальцамъ), да! именно, на этомъ мостикѣ ровно 4 мили, что мы проѣхали. До Менцена еще добрая и предобрая миля; будутъ опять пески, горы, косогоры и, Богъ знаетъ, что. Вздохните хоть здѣсь на мосту, бѣдныя лошадки, если ужь къ вамъ такъ безжалостливы. И пушкѣ въ сраженіи даютъ отдыхъ, а все-таки созданія Божьи!

— Ты съ ума сошелъ, Фрицъ! Да кто-жъ, доннерветтеръ, мѣшаетъ намъ остановиться въ ближайшей долинѣ и покормить лошадей?

Въ это время одна изъ розовыхъ шторъ у праваго окна кареты поднялась, и ручка, которой удивительную бѣлизну позволяла видѣть спущенная по кисть перчатка и короткій, недоходившій до локтя рукавъ, по модѣ тогдашнихъ временъ, опустила стекло. Мо-

лодая, прелестная женщина выглянула изъ окошка и, подозвавъ къ себѣ рукою офицера, шепнула ему: — Ради Бога, Вульфъ, упросите господина пастора остановиться въ долинѣ, о которой я вамъ на дняхъ разсказывала.

Офицеръ не отвѣчалъ ничего, но кивнулъ дружески въ знакъ согласія, остановилъ своего коня, неуклюжаго и неповоротливаго; потомъ, давъ ему шпоры, повернулъ къ лѣвой сторонѣ кареты, наклонился къ ней и осторожно постучался пальцами въ раму. Въ отвѣтъ на этотъ стукъ выглянуло изъ окна маленькое, сухощавое лицо старика, со сверкающими изъ-подъ густыхъ бровей сѣрыми глазами, съ ястребинымъ носомъ, въ парикѣ тремя уступами рыжекаштановаго цвѣта, который, въ крѣпкой дремотѣ его обладателя, сдвинулся такъ, что открылъ лысину въ разрѣзъ головы.

— Я слышалъ все сквозь дремоту, — сказало это новое лицо, поправляя свой парикъ, — и одобряю отъ души Фрицево желаніе и ваше согласіе, любезный господинъ цейгмейстеръ. Мнѣ самому такъ жарко, какъ если бы я принялъ потогонное. Да гдѣ-жъ вы думаете остановиться?

— Въ долинѣ, напротивъ которой стоитъ на горѣ крестъ,—отвѣчалъ офицеръ, — лучшаго мѣста для отдыха нельзя найти до Менцена.

Улыбка бѣжала уже на губы Фрица, но онъ не далъ ей вылиться наружу. — *Въ долинѣ мертвецовъ*, господинъ пасторъ? помилуйте! — закричалъ онъ съ ужасомъ, вытянувъ шею, какъ испуганный журавль, стоя на часахъ.

Молодая женщина засмѣялась отъ души; пасторъ съ улыбкою произнесъ: — Давно-ли стали мы такъ трусливы, Фрицъ? И что за новую сказку сплели здѣшніе жители?—Потомъ онъ присовокупилъ вполголоса, качая головой и уставя передъ маленькимъ лбомъ ука-

зательный палецъ правой руки:—Какое-нибудь старое повѣрье, грубое невѣжество, остатки идолопоклонства! Такъ! церковь далеко—духовный пастырь также. Надо придумать, какъ вывести; надо разобрать это, принять мѣры, средства. Это наша обязанность, нашъ долгъ! Всего лучше прибрать сильный текстъ изъ «Латышской Библіи», мною изданной [1]). Но рѣчь не о томъ: разскажи-ка, Фрицъ, откуда выкопалъ ты названіе этой долины?

— Сказкою своею ты сократишь намъ путь до назначеннаго мѣста,—примолвила сидѣвшая въ каретѣ.

— Опять-таки до назначеннаго мѣста? — отвѣчалъ угрюмо кучеръ,—вы все шутите, фрейлинъ. Хорошо еще, что мы ѣдемъ въ полдень; другое бы заговорили, кабы проѣзжали долину мертвецовъ ночью до кочетовъ. Тогда въ ней дѣятся такія чудеса, что и... кого бы назвать безстрашнѣе всѣхъ?.. да, напримѣръ, кто безстрашнѣе шведскаго офицера?.. и у того, съ позволенія сказать, господинъ цейгмейстеръ, побѣгутъ мурашки по кожѣ, когда увидитъ безплотнаго барона этой долины. Осмѣлюсь вамъ поперечить, господинъ пасторъ—со всѣмъ уваженіемъ къ вашему сану — это не сказка, не выдумка, а... (озирается со страхомъ кругомъ и вглядывается пристально въ густоту лѣса) я доложу вамъ, во-первыхъ, о томъ, что видѣлъ своими глазами. Вы знаете, что я не люблю трусу праздновать.

— Знаемъ! знаемъ! — закричали въ одинъ голосъ духовный отецъ и военный. — Но бываютъ сверхъестественныя силы... — прибавилъ съ притворнымъ ужасомъ послѣдній, давая пастору знакъ головою, чтобы онъ подтвердилъ его слова.

---

[1]) Глику, вмѣстѣ съ рижскимъ суперинтендентомъ Фишеромъ, обязана Лифляндія переводомъ Библіи на латышскій языкъ, начатымъ въ 1680 г. и конченнымъ въ 8 лѣтъ.

— Конечно, бываютъ... мы сами не можемъ вовсе отвергнуть, чтобы...

— Чтобы, любезный папахенъ, вы не сговорились съ любезнымъ братцемъ попугать меня, — возразила дѣвушка, лукаво улыбаясь. — Это вамъ не удастся. Можетъ быть, приличнѣе мнѣ, женщинѣ, бояться. Вульфъ это часто твердитъ и даетъ мнѣ въ насмѣшку прозванія мужественной, безстрашной; но онъ позволитъ мнѣ въ этомъ случаѣ вести съ нимъ войну, чтобы не быть въ разладѣ съ моей природой. Рабе останется тѣмъ, чѣмъ была еще ребенкомъ.

— Рѣчь не о томъ, — прервалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ пасторъ,—послушаемъ, что разскажетъ намъ вожатый нашъ въ царство тѣней.

— Готовы слушать! — вскричали въ одинъ голосъ офицеръ и дѣвушка.

— Прошу всепокорнѣйше вниманія, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, — произнесъ важно Фрицъ, раскланиваясь на обѣ стороны шляпою, — и вѣрьте, что конюшій баронессы, которой, во-первыхъ, никогда еще не лгалъ, особенно передъ столь почтенными господами...

— Во-вторыхъ, начнетъ теперь,—сказала сидѣвшая въ каретѣ.

— Слушай же, Кете! — вскричалъ сердито пасторъ. — И та, къ которой онъ обращался съ этимъ восклицаніемъ, смиренно опустила длинныя, черныя рѣсницы на прекрасные, черные глаза, полные огня и остроумія.

— Только безъ пунктиковъ, Фрицъ, безъ пунктиковъ, которыми ты любишь зарубать свою рѣчь,— примолвилъ офицеръ.

— Прошу извиненія, господинъ цейгмейстеръ! (Фрицъ снялъ униженно шляпу и, по знаку своего повелителя, опять надѣлъ ее). — Привычка куше

воли; топи ее въ морѣ словъ, а все гдѣ-нибудь вынырнетъ. Вотъ, напримѣръ, господинъ Ле... Ліо...охъ! эту фамилію забываю вѣчно.

— Фамилію мимо!

— Онъ былъ въ старые годы закройщикъ, нынѣ лифляндскій дворянинъ съ прибавкою *фонъ*.

— Лифляндскій дворянинъ?—прервалъ съ горькою усмѣшкой старикъ, сидѣвшій въ каретѣ и терявшій вовсе терпѣніе. — Неправда! Лейонскронъ изъ числа тѣхъ 8 графовъ, 24 бароновъ и 428 дворянъ шведскихъ, которыхъ угодно было королевѣ Христинѣ — не тѣмъ бы ее помянуть!—вытащить изъ грязи. Надо называть каждую вещь своимъ именемъ; всякому свое, Фрицъ!

— Сущая справедливость, господинъ пасторъ! Вотъ этотъ Лейонскронъ былъ въ чести, какъ вы изволите знать...

— Чтобъ его!..

— А все-таки имѣлъ привычку шевелить пальцами, какъ будто кроилъ ножницами, хотя бы на меня, грѣшнаго, кафтанъ. Такъ-то несетъ еще и отъ меня точностью фискальнаго судьи, потому что, какъ вы изволите знать...

— Знаю, знаю!.. чтобъ тебѣ... Минерва привязала замокъ на ротъ!—пробормоталъ съ сердцемъ пасторъ и, готовый вынести только послѣднюю осаду своего терпѣнія, углубился въ карету.

— Я прожилъ у одного фискала нѣсколько лѣтъ, а онъ имѣлъ привычку говорить сначала своимъ просителямъ, искавшимъ пропуска запутанному дѣльцу: *во-первыхъ, милостивый государь!* Проситель смекалъ, приносилъ первое, тогда *во-вторыхъ* не задерживалось въ судейскомъ горлышкѣ, и дѣло пропускалось гладко и скоро, какъ лодка по наполненному шлюзу. Онъ также строго взыскивалъ съ меня, если я излагалъ

ему дѣло о покупкѣ овса, сѣна и прочаго для лошадей, неясно, не по пунктамъ, какъ теперь...

— Что еще проклятый болтунъ?

— Нашъ амтманъ Шнурбаухъ взыскиваетъ съ меня, когда не прибавляю словечка *фонъ*, обращаясь къ нему; а передъ баронессою, повѣрите-ли, господинъ цейгмейстеръ, стоитъ, какъ натянутая струнка!

— Ха, ха, ха! спѣсь рыцарей меча и низость бременскихъ купцовъ, все вмѣстѣ!.. Вотъ эти patres patriae defensores justitiæ [1])!—вскричалъ коварно смѣясь путникъ, ѣхавшій верхомъ.

— Низость бременскихъ купцовъ? низость... Гмъ!— сердито проворчалъ пасторъ сквозь зубы. — Это говоритъ шведъ! въ Лифляндіи! ищетъ еще руки лифляндки!.. Прекрасно! безподобно!

Дѣвушка, видя, что между спутниками ея скоро загорится война не на шутку, поспѣшила еще во-время затушить ее. Она обратилась къ Фрицу съ убѣдительною просьбою начать обѣщанную повѣсть. Догадливый кучеръ, сообразивъ время и длину пути, который имъ оставался до таинственной долины, спѣшилъ исполнить эту просьбу.

— Въ приходѣ Ренко-Мойсъ,—началъ такъ Фрицъ свой разсказъ,—неподалеку отъ развалинъ замка, жила когда-то богатая *Тедвенъ*, знаете, которая сдѣлала дочери на славу такое платье, что чортъ принужденъ былъ смѣяться. Въ этомъ замкѣ живали и наши святые рыцари, и злодѣи русскіе, и монахи и едва ли, наконецъ, не одна нечистая сила — да проститъ мнѣ Господь! — Вы хорошо знаете Ренко-Мойсъ, фрейлинъ?

---

[1]) Такъ величали себя прежде лифляндскіе дворяне; Карлъ XI имъ это запретилъ.

— Рингенъ [1]), хочешь ты сказать? Какъ не знать мнѣ! Я только-что не родилась въ приходѣ рингенскомъ.

— Припомните, за болотцемъ, въ виду замка, пригорокъ. Вотъ на этомъ пригоркѣ, въ затишьѣ отъ вѣтровъ, за щиткомъ березовой рощи, стояла, лѣтъ сто тому назадъ, худенькая избушка, однимъ угломъ избоченясь, другимъ припавъ къ землѣ. Силачу стоило только ее пошевелить, такъ она бы и развалилась. Въ этой избушкѣ поселился, неизвѣстно откуда пришедшій, мастеровой человѣкъ, именно сапожникъ, еще не старый, одинъ-одинехонекъ. Душенка у него была дурная, потому во-первыхъ, что онъ нищему не подалъ въ жизнь свою даже куска черстваго хлѣба; во-вторыхъ, что онъ не любилъ дѣтей, а это худая примѣта! Никто въ домишкѣ его не слыхивалъ ни пѣсни, ни голоса женщины, ни говора хоть забѣглаго мальчишки, никто не выпилъ съ нимъ рюмки вина. Только и слышны были заказъ сапоговъ, или торгъ, или разсчеты, да тукъ-тукъ молоткомъ, и опять все тотъ же тукъ-тукъ, какъ стукъ гробового червяка. Руки же у него были золотыя — а можетъ быть, помогалъ ему окаянный — шивалъ онъ на славу сапоги безъ разрѣза и безъ тачки изъ цѣльной кожи. Нынѣ, благодаря нашимъ пасторамъ, такіе мастера вывелись. Заказывали ему сапоги скупые бароны, чтобъ были безъ сносу; епископы и архидіаконы, чтобъ были безъ шуму; рыцари, чтобы отражали копье татарское. Можете судить: когда такія особы заказываютъ что-либо, то и платятъ хорошо. Тогда еще не слышно было о вѣдьмѣ редукціи, которая въ недавнемъ еще времени ходила по мызамъ, и

---

[1]) Въ Лифляндіи мѣста имѣютъ иногда по три и четыре названія: нѣмецкое, латышское, чухонское и русское.

бароны жили попѣваючи и попиваючи. Оттого нашъ ремесленникъ долженъ былъ зашибать хорошую деньгу, но божился и клялся, что голъ, какъ облупленная липка, что онъ не женится за неимѣніемъ чѣмъ содержать жену, что его обкрадываютъ, что у него въ долгахъ много пропадаетъ. И будто бы потому онъ ѣлъ черствый хлѣбъ съ мякиной пополамъ, жердочками подпиралъ валившуюся хижину свою, все жаловался на свою бѣдность и безпрестанно завидовалъ богатымъ. Особенно, когда старики перебирали того и другого, разбогатѣвшихъ отъ кладовъ, онъ насупливалъ брови, какъ сычъ, лицо его подергивало туда и сюда, дрожь его пронимала, и нашъ сапожникъ невидимо утекалъ изъ круга разсказчиковъ въ свою пустую избушку. Собирались смѣлые проказники подмѣтить, что у него дѣлается по ночамъ, собирались, да видно не выполнили. Храбро только языкомъ шли на рать. Въ одно время онъ вовсе покинулъ работу, скрылся—и цѣлый мѣсяцъ не слышно было стуку его молотка. Приходившіе съ заказами со страхомъ отступали отъ пустой избушки, въ которой только двери, по блажи вѣтра, стонали на петляхъ. Онъ пришелъ домой для того только, чтобы черезъ нѣсколько дней умереть; но лежа на смертной постелешкѣ — знать ему отъ хорошаго житья уже тошно приходило!—послалъ за пасторомъ Рингенскимъ и, стуча зубъ объ зубъ, объявилъ ему то, что я буду вамъ теперь разсказывать. «Вы знаете или слышали, святой отецъ,—такъ говорилъ сапожникъ духовнику своему,—какая жадность къ богатству одолѣвала меня съ молодыхъ лѣтъ, но не знаете, съ какимъ усердіемъ отыскивалъ я сокровища въ горахъ и—открыться уже долженъ, приступая къ страшному суду—отыскивалъ ихъ въ мѣстахъ, гдѣ покоятся усопшіе. Я потревожилъ кости трехъ витязей русскихъ, схороненныхъ въ болотѣ близъ Оденпе; сдѣлалъ то же

съ римскимъ рыцаремъ [1]), который столько лѣтъ спитъ на высотахъ гумельсгофскихъ подъ баюканье лѣсовъ; всего на все разрылъ я собственными руками въ полночные часы 11 могилъ; 11 покойниковъ воззвалъ я отъ сна вѣчнаго...» — Тутъ у самого умирающаго волосы встали дыбомъ; холодный потъ выступилъ на немъ; онъ закашлялся: кхе! кхе! кхе! такъ, что пасторъ хотѣлъ прочесть отходную; но сапожникъ, вздохнувъ немного, продолжалъ: «Въ долинѣ за Менценомъ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ—видѣло только небо! — была мнѣ одна удача...» Здѣсь опять духовникъ не могъ разслушать, что прошепталъ ему, скрежеща зубами, кающійся. Оправившись, онъ опять началъ говорить: «Прихожу съ кладомъ домой, въ осеннюю мѣсячную ночь. Домишко мой едва лѣпился на жердочкахъ; дверью меня ударило, филинъ встрѣтилъ меня ужаснымъ свистомъ, какъ будто бичемъ полоснуло меня по сердцу; собака съ развалинъ замка отвѣчала ему воемъ. Чтобы себя успокоить, высѣкаю огонь, зажигаю фонарь, и спѣшу полюбоваться сокровищемъ своимъ: почти все золото, чистое, какъ лучъ солнечный! Только... были... пятна!... Принимаюсь считать деньги... Вдругъ 11 голосовъ захохотали, двѣнадцатый вздохнулъ тихо; но этотъ вздохъ, отецъ святой, былъ для меня ужаснѣе всѣхъ. Отъ страха... ру... полотно выпало у меня изъ рукъ и деньги разсыпались...» Не забудьте, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, что это—Боже меня сохрани!—не я говорю, а умирающій сапожникъ.

— Помнимъ, помнимъ!—отвѣчали слушатели Фрица.

---

[1]) И донынѣ показываютъ на этомъ болотѣ три камня, подъ которыми лежитъ прахъ русскихъ витязей. Гумельсгофскіе крестьяне водили меня на мѣсто, гдѣ будто бы похороненъ какой-то *римскій* рыцарь.

Кучеръ помахалъ себѣ въ лицо шляпою, какъ опахаломъ, потомъ надѣлъ ее, хлопнулъ искусно бичемъ такъ, что, казалось, разрѣзалъ лѣсъ пополамъ, и продолжалъ свой разсказъ: — «Было къ полуночи,—говорилъ задыхающимся голосомъ сапожникъ духовнику,— явились ко мнѣ, одна за другою, одиннадцать дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. Онѣ принялись собирать деньги съ полу, и въ нѣсколько минутъ опять наполнили... полотно; только требовали за труды, чтобы я поплясалъ съ ними *на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца*. Я долженъ былъ выполнить ихъ волю и плясалъ съ ними до пѣтуховъ, пока не выбился изъ силъ. «Каждую ночь будемъ посѣщать тебя,—сказали они мнѣ,—пока не выдашь намъ двѣнадцатой подруги; безъ нея нельзя намъ веселиться въ прекрасной долинѣ за Менценомъ *на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца*». Вотъ уже 11 дней, какъ онѣ не даютъ мнѣ любоваться кладомъ моимъ, разсыпаютъ его, опять собираютъ, мучатъ меня своими плясками и грозятъ мнѣ тѣмъ же, пока я живъ, если не выдамъ имъ двѣнадцатой, а кого—не знаю. На разсвѣтѣ нынѣшняго дня отнесъ я безъ счета горшокъ съ золотомъ въ развалины замка, и тамъ заклалъ его въ стѣнѣ восточной башни, отъ средняго круглаго окна четвертый камень внизъ. Ты видишь, отецъ духовный, въ какомъ я теперь состояніи. Вѣрно, меня двѣнадцатаго дѣвы требовали къ себѣ въ долину. Ради Отца небеснаго, похороните меня тамъ. Чувствую, что смерть близка... но умирая, хочу, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ переходъ въ вѣчность... искупить хоть часть грѣховъ моихъ... добрымъ дѣломъ». Замѣтьте, онъ не смѣлъ сказать: богоугоднымъ дѣломъ. «Отказываю половину своего сокровища бѣднымъ, а другую рингенской церкви, чтобы она...» Съ этимъ словомъ сапожникъ испустилъ духъ такъ скоро, что усердный пасторъ не успѣлъ

прочесть отходной. Немедленно созвано было множество окружныхъ прихожанъ, дворянъ и простолюдиновъ, и объявлено имъ завѣщаніе покойнаго. Сначала приступили къ открытію сокровища въ восточной башнѣ рингенскаго замка. Мѣсто, гдѣ оно хранилось, было такъ твердо, что едва сдалось на усилія нѣсколькихъ дюжихъ парней, вооруженныхъ добрыми ломами. Показался горшокъ; вынули его: въ немъ лежало что-то завернутое въ какомъ-то полотнѣ; раскрыли—и чтожъ нашли?—Человѣческій черепъ, обернутый саваномъ!.. Посовѣтовались между собою и положили: черепъ въ саванѣ похоронить по христіанскому долгу, на высотѣ противъ долины, въ которую одиннадцать дѣвъ требовали къ себѣ двѣнадцатую, и поставить на могилѣ деревянный крестъ; тѣло же сапожника, ради Отца небеснаго, Котораго онъ поминалъ при кончинѣ, не бросать на съѣденіе вороньямъ и волкамъ въ поле, а зарыть просто, какъ еретика, въ темномъ ущельѣ лѣса, неподалеку отъ долины. Такъ и сдѣлано было.— То, что я вамъ разсказалъ, слово въ слово записано тогда въ рингенскую книгу, самъ священникъ тутъ же руку приложилъ.

— Что правда, то правда! — сказалъ пасторъ. — *Подобное* происшествіе *дѣйствительно* записано въ старинной метрической книгѣ рингенскаго прихода. Мой собратъ,—продолжалъ онъ усмѣхаясь, — управлявшій тамошною паствою, лѣтъ близъ ста тому назадъ, много чудесъ помѣстилъ въ этой книгѣ; между прочими и сказаніе Фрица въ ней отыскать можно. Но я не зналъ, что долина, къ которой подвигаемся, имѣетъ съ нею такія близкія сношенія.

— Это не все еще, господинъ пасторъ! Въ долинѣ творятся такія дѣла... и днемъ разсказывать ихъ, такъ ужасъ беретъ. Надо вамъ прежде объяснить, что изстари — то-есть съ того времени, какъ похоронили

черепъ съ саваномъ на высотѣ и зарыли сапожника въ глухомъ ущельѣ—ходило преданіе, что двѣнадцать дѣвъ—замѣтьте, ужь двѣнадцать—въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, каждую полночь собираются въ долинѣ, пляшутъ нѣсколько времени хороводомъ на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца, и потомъ въ разныя стороны убѣгаютъ. Когда дѣвы разыграются, изъ ущелья показывается высокое привидѣніе, смотритъ на нихъ; не двигаясь съ мѣста, вздыхаетъ такъ, что противный берегъ началъ осѣдать; а какъ скоро кончится пляска ихъ, уходитъ опять въ свое ущелье. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ завелся въ здѣшней сторонѣ обычай привозить на высоту утопленниковъ и удавленниковъ. Но повѣрите ли, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, лишь только положатъ одного изъ этихъ несчастныхъ близъ креста, въ ту же ночь онъ пропадаетъ! Видали, что длинное, какъ шестъ, привидѣніе изъ ущенья выползаетъ, идетъ прямо на высоту, поднимаетъ мертвое тѣло на плечи и уноситъ его въ свое домовище. Безъ того, сказываютъ, дѣвы не пляшутъ въ долинѣ *при свѣтѣ мѣсяца, на мягкой травѣ.* Дороги къ ущелью не проложено, а видны только огромныя ступни нечеловѣческія,—я покажу ихъ вамъ какъ, проѣдемъ мимо ихъ.

— А бывалъ-ли кто въ страшномъ ущельѣ днемъ?—спросила дѣвушка.

— Никто изъ живущихъ не смѣетъ взглянуть въ него, — отвѣчалъ кучеръ, — а зашелъ туда невзначай (сколько лѣтъ тому назадъ, не упомню) прохожій егерь, нетутошный, изъ дальнихъ мѣстъ. Видно, онъ не слыхалъ объ этихъ ужасахъ.

— Чтожъ онъ тамъ видѣлъ?

— Долину, темную, какъ глубокій, осенній вечеръ, сѣрые камни, обрызганные кровью и обставленные вокругъ косматаго привидѣнія, которое освѣтило его

большими, нечеловѣческими глазами и встрѣтило визгомъ, стономъ и скрежетомъ. Въ ушахъ у егеря затрещало, глаза его помутились, рубашка на немъ запрыгала, и онъ едва, едва не положилъ тутъ душонки своей. Только молитвѣ да ногамъ обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Съ того времени всякій другу и недругу заказываетъ хоть полуглазомъ не заглядывать въ ущелье.

— Но тебѣ, Фрицъ, — спросилъ пасторъ,—случалось-ли проѣзжать здѣсь въ полночь и видѣть привидѣніе?

— Была на меня эта напасть прошлаго года, когда ѣхалъ я за фрейлинъ,—только я объ этомъ ей не сказывалъ.—Вотъ видите, господинъ пасторъ, до поѣздки этой я и самъ посмѣивался надъ ужасами долины, какъ охотникъ не боится медвѣдя, пока не побываетъ въ его лапахъ. Думалъ все, что тутъ какіе-нибудь вздоры или шашни кроются. Была ночь мѣсячная. Зная, что до Маріенбурга придется работка рыжакамъ, плетуся потихоньку и, подремливая, киваю головою, будто носомъ рыбу ужу. Вдругъ только что спустился съ косогора въ долину, рыжаки захрапѣли, навострили уши, съежились и стали въ пень. Я — ну, ну! Не тутъ-то было. Лошади мои дрожали, какъ будто домовой ихъ объѣзжалъ, и ни смѣста. Смотрю впередъ и самъ обомлѣлъ: вижу, привидѣніе, не ниже кареты, плетется черезъ долину съ мертвецомъ на спинѣ. Я уставилъ глаза въ лошадей, и куда ужъ оно дѣвалось, ничего не видалъ. Лошадки фыркнули и мчали меня съ четверть мили.

— А дѣвъ видалъ-ли ты?

— Грѣхъ солгать, дѣвъ-то я ни разу не видѣлъ. Какъ прикажете, господа, останавливаться-ли въ долинѣ мертвецовъ.

— Что скажетъ наша Кете? — улыбаясь спросилъ пасторъ свою сосѣдку.

— Если за мною дѣло стало,—отвѣчала дѣвушка,—такъ я просила бы васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе остановиться въ долинѣ, страшной только ночью, а днемъ... это рай!.. вы увидите сами, папахенъ.

— Будь по-твоему, дружокъ! Слышишь-ли, Фрицъ?

— Мое дѣло слушаться,—сказалъ, качая головою, кучеръ,—хоть бы приказали мнѣ прикорнуть на лапкахъ у самого сатаны; лишь бы моимъ рыжакамъ было гдѣ вздохнуть

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРУПНЫЙ РАЗГОВОРЪ

Поспорятъ, да сочтутся;
Итогъ все старый подведутъ!
Да мы свой счетъ найдемъ-ли тутъ?

Запросъ нерѣшенный.

— Постараемся,—сказалъ офицеръ съ видомъ таинственности,—свести на обратномъ пути знакомство съ здѣшними духами.

Пасторъ, забывавшій также скоро оскорбленіе, какъ и приходилъ въ гнѣвъ, видя, что конный товарищъ искалъ завязать разговоръ, посмотрѣлъ на него съ дружескою улыбкою и присовокупилъ:

— Духи еще бѣда не великая, отъ нихъ можно оборониться и молитвою.

— Ваша правда, господинъ пасторъ!—сказалъ офицеръ, — ваша правда! А вотъ бѣда, какъ нагрянутъ сюда въ ужасной плоти и образѣ русскіе варвары, которые бродятъ по сосѣдству.

— По сосѣдству? Это въ самомъ дѣлѣ ужасно!—лукаво произнесла та, къ которой относилась рѣчь.

— Еще хорошо бы, — продолжалъ конный спутникъ,— еслибъ пожаловали сюда такъ называемыя регулярныя войска русскія· а какъ, доннерветтеръ, сдѣ-

лаютъ намъ эту честь татары да калмыки? Вы, сестрица, конечно, не видывали еще этихъ звѣрковъ? О! ихъ можно показывать въ желѣзной клѣткѣ за деньги. Представьте себѣ движущійся чурбанъ, отесанный равно въ ширину, какъ въ вышину, нѣчто похожее на человѣка, съ лицомъ плоскимъ, точно сплющеннымъ доской, съ двумя щелочками вмѣсто глазъ, съ маленькимъ ртомъ, который доходитъ до ушей, въ высокой шапкѣ даже среди собачьихъ жаровъ; прибавьте еще, что этотъ купидончикъ со всѣми принадлежностями своими, колчаномъ, лукомъ, стрѣлами, несется на лошадкѣ, едва примѣтной отъ земли, захватывая на лету волшебнымъ узломъ, все, что ему на встрѣчу попадается: гусей, барановъ, женщинъ, дѣтей...

— И шведскихъ офицеровъ, не правда-ли? — промолвила сидѣвшая въ каретѣ.

— До сихъ поръ былъ неудаченъ ловъ послѣднихъ, не знаю, что будетъ впередъ! Впрочемъ, не въ первый разъ получать мнѣ щелчки изъ рукъ моей любезной сестрицы въ разговорѣ о русскомъ войскѣ, которое имѣетъ честь быть подъ особеннымъ ея покровительствомъ. Подвергая себя новымъ ударамъ, докончу то, что я хотѣлъ сказать о калмыкахъ. Разъ привели ко мнѣ на батарею подобнаго урода на лошади...

— Не страшнаго-ли Мурзенку, котораго имя съ ужасомъ твердитъ вся Лифляндія?—спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, этотъ разбойничій атаманъ, которымъ напуганы здѣшнія женщины и дѣти, покуда гуляетъ еще по бѣлому свѣту. Мой плѣнникъ былъ не такой чиновный. Какъ бы вы думали, сестрица, что у него было подъ сѣдломъ? Конское мясо, скажете вы? — Нѣтъ! Вспомнить только объ этомъ, такъ волосы становятся дыбомъ. — Младенецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, бѣлый, нѣжный, какъ изъ воску вылитый!

— Ужасно, если это не выдумка, — сказала дѣвушка.

— Не намѣренъ убѣждать васъ вѣрить мнѣ, а хотѣлъ я договорить, что этимъ уродомъ шведскій артиллеристъ велѣлъ зарядить шведскую пушку и отослать его въ русскій лагерь.

— Мнѣ совѣстно спросить офицера великой арміи шведской, при какомъ мѣстѣ происходилъ этотъ подвигъ; скажу вамъ въ свою очередь, что одна жестокость стоитъ другой. Однакожъ, если бы въ самомъ дѣлѣ вздумалось этимъ господамъ татарамъ пробраться на нашу дорогу?

Пасторъ, видѣвшій или думавшій видѣть, что неустрашимость его спутницы начинала нѣсколько остывать, спѣшилъ на помощь ей противъ нападеній офицера.—Развѣ,—сказалъ онъ,—мы не имѣемъ благороднаго и сильнаго защитника въ нашемъ другѣ? Отъ грозныхъ орудій, которыми онъ запасся и умѣетъ владѣть, какъ ловкая швея иглою, цѣлый десятокъ бедуиновъ разсѣется.

— А если ихъ будетъ сотня? Вульфъ одинъ, мы съ вами, папахенъ, не сладимъ и съ однимъ уродомъ, какого описалъ намъ услужливый братецъ. Фрицъ же скорѣе ускачетъ съ своимъ Арлекиномъ и Зефиркою, чѣмъ за насъ вступится. Чтожъ будетъ тогда съ нами?

Кучеръ покачалъ головою и погрозилъ у своего уха пальцемъ, какъ бы упрекая за несправедливые выговоры. Капитанъ, желая повеселиться на счетъ храбрости сидѣвшей въ каретѣ, продолжалъ грубыя шутки свои: —Бѣдному, ничтожному шведу карачунъ дадутъ, господина пастора изжарятъ на вертелѣ, а васъ, безстрашная фрейлинъ Рабе, увезутъ въ плѣнъ, въ дикую Московію, можетъ быть, къ падишаху ихъ въ...

— Нѣтъ, меня не разлучатъ съ моимъ вторымъ отцомъ!—возразила дѣвушка, прижимая къ себѣ изсохшую руку старика.

— Фуй, фуй, Вульфъ!—вскричалъ пасторъ, у котораго лицо вспыхнуло отъ необдуманныхъ словъ цейгмейстера. — Вы и въ шуткахъ показываете вещи въ черномъ видѣ. Нынѣшній день вы, позвольте вамъ сказать, особенно доказали, что въ вашихъ рѣчахъ нѣтъ ни Граціи, ни Минервы. Еще прибавлю, сударь: — и татары имѣютъ начальниковъ русскихъ; а развѣ русскіе не христіане? Развѣ они не озарены свѣтомъ Евангелія такъ же, какъ и мы, лифляндцы и шведы? И они уважаютъ не только своихъ поповъ, но и нѣмецкихъ пасторовъ: я слыхалъ многіе тому примѣры. Тѣмъ болѣе имѣю право ожидать ихъ снисхожденія, что могу изъясняться съ ними безъ помощи переводчика.... вы знаете, что я употребилъ нѣсколько часовъ моей жизни на изученіе русскаго языка.

— Къ сожалѣнію, знаю!—прервалъ офицеръ,—потраченный порохъ!

— Нѣтъ, сударь!—продолжалъ пасторъ, всѣ болѣе и болѣе горячась,—надѣюсь, что мои оружія получше защитятъ меня, нежели васъ ваши маріенбургскія заржавленныя пушченки. За меня *Ювеналъ*, *Четыре монархіи*, *Пуффендорфъ* съ своимъ *вступленіемъ во Всемірную Исторію*, *Планисферія*, весь *Политическій Театръ*,—всѣ, всѣ уже стоятъ у меня на стражѣ; заговорятъ за меня по-русски и умилостивятъ побѣдителей! — Вижу коварную улыбку вашу. «Все пустячки! объ нихъ и слухомъ не слыхать въ Московіи! говорите вы. Нѣтъ сударь,—объ нихъ извѣстенъ ученѣйшій человѣкъ въ Россіи, библіотекарь патріарха, которому я уже послалъ переведенныя мною на его родной языкъ: Orbem pictum и Vestibulum, и съ кото-

рымъ мы условились составить славяно-греко-латинскій лексиконъ.

— Прекрасно! — вы, въ военное время, и переписочку ведете съ непріятелями своего государя, врагами новаго отечества вашего.

— Народы враждуютъ, брань кипитъ; просвѣщеніе дѣлаетъ свое, прокрадывается хитростью, гдѣ не пускаютъ его силою. Мечи на-крестъ, музы черезъ нихъ умѣютъ подавать другъ другу руки! Изгнанныя изъ одного мѣста, онѣ поселяются въ сосѣдствѣ, на зло и къ несчастію гонителей. Браннолюбивый Карлъ напугалъ ихъ въ Швеціи и Лифляндіи, — онѣ отправляются вереницею къ Петру, умѣющему приласкать ихъ. Швеція становится близорукою, бѣднѣетъ, слабнетъ; Россія, просвѣщаясь, богатѣетъ, мужается. Горькая истина, господинъ цейгмейстеръ, но все-таки истина!

— Школьное умствованіе, вылупившееся изъ засиженнаго яйца какой-нибудь ученой вороны! Налетитъ шведскій левъ, и въ могучей лапѣ замретъ ея вѣщательное карканье! Отъ библіотекаря московскаго патріарха ступени ведутъ выше и выше; смѣю-ли спросить: не удостоится-ли и Царь получить отъ васъ какую-нибудь цыдулку?

— А что вамъ до этого, львамъ и орламъ сѣвера?.., Да, господинъ изъ свиты львиной, маріенбургская ученая ворона надѣется скоро и очень скоро посвятить Великому Петру переводы Юлія Цесаря, Квинта-Курція, Institutio rei militaris, Ars navigandi и Эзоповы притчи. Онъ любитъ древнихъ героевъ, потому-что ихъ въ себѣ воскрешаетъ. Не одни шведы будутъ учителями его въ наукѣ войны и мореплаванія — можетъ быть, и нашимъ книжечкамъ, и намъ скажетъ онъ нѣкогда спасибо! Эзопъ—о! онъ, говорятъ, знаетъ его наизусть, и словами фригійскаго мудреца умѣетъ

обличать самонадѣянность, невѣжество, безтолковое удальство, грубость, неуваженіе къ старшимъ. Здѣсь пасторъ отдохнулъ немного, потомъ, обратившись къ своей спутницѣ, не смѣвшей сказать ни слова въ защиту того или другого, ибо, повидимому, уже между ними не было слова на миръ, снова продолжалъ:—На зло господину цейгмейстеру, чтобы онъ впередъ не пугалъ тебя, Кете, и не говорилъ двусмысленностей, предсказываю, что, въ случаѣ похищенія, насъ ни жарить, ни печь не станутъ, меня въ уваженіе моего сана, моихъ трудовъ, тебя, въ уваженіе твоего хорошаго личика, которое и на Руси проглянуло бы, какъ солнышко. Напротивъ, насъ повезли бы въ Москву; тамъ ученые люди нужны. Царь сзываетъ ихъ и подалѣе, чѣмъ изъ Лифляндіи. Я опредѣлился бы при нѣмецкой церкви пасторомъ, сталъ бы проповѣдывать Слово Божіе, какъ здѣсь дѣлаю; основалъ бы академію, scholam illustrem; а ты, моя милая Кетхенъ, была бы украшеніемъ почтеннаго семейства какого-нибудь боярина.... Ой! ой! Фрицъ, по какимъ кочкамъ ты насъ везешь!

— Настоящая Московія! — пробормоталъ сердито офицеръ,—песокъ, лѣсъ, кочки, буераки!

— А вотъ мы сейчасъ и въ пригожей долинѣ, въ которой угодно было вамъ остановиться, – сказалъ кучеръ.—Слышите? слышите?

— Что такое еще тамъ?—спросилъ пасторъ, котораго гнѣвъ уже растрясся по ухабамъ.

— Я слышу, несетъ изъ долины запахомъ цвѣтовъ, точно отъ букета, что у фрейлинъ на шляпкѣ. Авось либо духи не ѣдятъ травы, и моимъ рыжакамъ будетъ что покушать. Вотъ она, долина мер... (Фрицъ, озираясь кругомъ, не договорилъ рѣчи своей). Въ сасамомъ дѣлѣ лѣсъ начиналъ рѣдѣть, показались излучины Вайдау, зеленые лужки, холмы, рощи и, нако-

нецъ, уединенная, живописная долина. Рѣчка пересѣкала дорогу поперекъ, бѣжа съ лѣвой стороны на правую; тутъ, удержанная горою, потянулась прямо, потомъ обогнулась влѣво дугою и, наконецъ, понесла далѣе свои ропщущія по камнямъ воды, въ извилинахъ своихъ все повинуясь своенравному направленію обступившихъ ее холмовъ. Дружно обсаженная деревьями, она за ними притаилась и казалась издали вьющейся по лугу тѣнистою дорожкой; только журчаніе измѣняло ей. По правую сторону возвышалась гора, которой нетронутую временемъ отлогость покрывалъ съ подошвы до гребня сосновый лѣсъ, немного протянувшійся по немъ мрачною оградою и вдругъ въ разрѣзъ остановившійся; далѣе самая вершина горы была на довольно большое пространство обнажена, а желто-глинистый бокъ ея, до самаго низу, обсѣлся въ видѣ прямого, какъ стѣна, утеса. На этой-то вершинѣ стоялъ необыкновенной величины деревянный крестъ, почернѣвшій отъ времени и непогодъ: онъ господствовалъ надъ всею долиной, а изъ нея, казалось, захватилъ полнеба. Далѣе, по косогору начиналась роща; изъ чащи ея выпадала дорожка. Лѣвую сторону долины обсѣли нѣсколько зеленыхъ холмовъ, иные въ половину обнаженные, другіе осѣненные красивыми рощами, примыкавшими къ густому лѣсу, изъ котораго чернѣлось *ущелье привидѣнія*.

Переѣхавъ мостикъ, карета повернула съ дороги налѣво и стала тамъ, гдѣ подножіе холма и рѣчка сходились угломъ. Сидѣвшая въ каретѣ выскочила изъ нея на мураву, не дожидаясь чужой помощи. — Какія прекрасныя мѣста! — воскликнула она. — Если такова Московія, то... Она хотѣла что-то сказать, не договорила и продолжала смутившись:—Тѣнистая роща ждетъ насъ на этомъ холмѣ; въ ней будто нарочно для насъ, разостланы цвѣтистые ковры.

— Есть изъ чего набрать вѣнокъ для будущаго побѣдителя шведа Вульфа! — присовокупилъ офицеръ, сошедши съ лошади и привязавъ ее къ каретѣ.

— Какіе вы недобрые, Вульфъ! Этого я не помышляла даже въ шутку. Могу-ли не желать во всякомъ случаѣ успѣха тому, кто былъ другомъ моему отцу, кого любитъ такъ много мой благодѣтель, мой второй отецъ? Развѣ вы не принадлежите къ нашему маленькому семейству?

— Полно, полно, дѣти! — сказалъ ласковымъ голосомъ пасторъ, которому Фрицъ помогалъ вылѣзть изъ экипажа. — Шутка пусть останется шуткой. Скорѣй мировую! аминь!

Прекрасная дѣвушка протянула Вульфу руку, онъ спѣшилъ ее поцѣловать.—Вотъ такъ-то! — вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками въ знакъ одобренія,—это лучше, чѣмъ смотрѣть другъ на друга сентябремъ. А знаете ли, друзья мои, всѣ настоящія бѣды наши, не выключая и вашей размолвки, происходятъ оттого, что адресъ, поданный лифляндцами блаженныя памяти королю, былъ худо сочиненъ.

— Адресъ?—спросила въ одинъ голосъ примиренная чета съ видомъ изумленія.

— Да, точно! я вамъ это сейчасъ объясню. Если бы онъ написанъ былъ, какъ должно, т.-е. какъ я думалъ написать его, король принялъ бы его милостиво. Вспомните, что его величество, не разобравъ еще хорошенько адреса, поданнаго депутаціею, потрепалъ Паткуля по плечу и сказалъ ему: «Вы говорите въ пользу своего отечества, какъ истинный патріотъ; тѣмъ больше я васъ уважаю».

— И черезъ нѣсколько дней прозорливый государь велѣлъ палачу поласкать шею у почтеннаго лифляндца!—возразилъ съ усмѣшкою офицеръ.

— Не намъ, Богу судить дѣяніе царей! Новому

отечеству моему отъ этого не было легче. Но дѣло не въ томъ. Возьмите въ соображеніе, что блаженныя памяти король, нашъ милостивѣйшій господинъ, приказалъ сдѣлать эту экзекуцію черезъ нѣсколько времени, т.-е. тогда, когда успѣли его величеству растолковать несообразности адреса — чего не могъ онъ при слушаніи его понять.—Итакъ, вы видите, что все зло произошло, опять скажу, отъ неловкаго сочиненія адреса. Въ противномъ случаѣ Паткулю не погрозили бы плахою, онъ не бѣжалъ бы изъ Стокгольма отъ мысли, что палачъ будетъ играть головою его, какъ мячикомъ,—головою, которой, надобно признаться, подобной же не нахожу болѣе въ Лифляндіи. И его-жъ, стыжусь выговорить, нашъ братъ духовникъ, Нордбекъ, упрекаетъ, почему онъ ушелъ отъ приговора закона! Но дѣло не въ томъ. Тогда бы, т.-е. если бы адресъ написанъ былъ, какъ я полагалъ его написать, Паткуль не находился бы въ русскомъ войскѣ, не служилъ бы Шереметгофу—выговариваю имя это полководца на нѣмецкій ладъ, по-русски надо сказать Шереметевъ; но дѣло не въ томъ. Паткуль не служилъ бы ему живою лифляндскою ландкартой, не шевелилъ бы страстей въ своемъ отечествѣ, война кончилась бы скорѣе, мы не боялись бы теперь сосѣдства русскихъ, вы не ссорились бы въ разговорѣ о нихъ... И Богъ знаетъ, отъ какихъ бѣдъ избавилъ бы насъ адресъ, дѣльно составленный, обдуманный не горячими умами, но холоднымъ стариковскимъ разсудкомъ. Если бы адресъ...

Конца бы не было сильному, все сокрушающему потоку, льющемуся изъ устъ нашего оратора, для котораго слово *адресъ* было то же, что поднятіе затвора у спуска воды на мельницѣ,—если бы не поспѣшилъ Фрицъ заткнуть прорывъ этотъ докладомъ, что поставитъ карету и лошадей въ уголку долины, въ тѣн

Между тѣмъ пасторъ, воспитанница его и Вульфъ вошли въ рощу; усердный конюшій понесъ за ними нѣсколько подушекъ. Чѣмъ далѣе углублялись они въ нее, тѣмъ болѣе жаръ терялъ силы. Вѣтерокъ вился мотылькомъ между деревьями и обвѣвалъ нашихъ путешественниковъ нѣгою прохлады. Сплетшіяся вѣтви душистой липы, всегда шепчущей осины и широколиственнаго клена манили ихъ подъ свою тѣнь къ отдыху; однообразное жужжаніе пчелъ склоняло къ дремотѣ. Пасторъ, утомленный путешествіемъ, охотно предался зову природы: онъ прилегъ въ бесѣдкѣ, которую нѣжная заботливость его спутницы устроила со всѣми возможными удобствами для него. Старецъ, забывъ мертвецовъ, адресъ, переводы и всѣ великія намѣренія свои, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ душевнаго спокойствія. Прекрасная путешественница сѣла не въ дальнемъ разстояніи отъ него подъ наметомъ цвѣтущей липы и занялась чтеніемъ *Свѣтлѣйшей Аргениды*, одного изъ *превосходнѣйшихъ романовъ настоящаго и прошедшаго временъ* (по крайней мѣрѣ, такъ сказано было въ заглавіи книги), сочиненнаго знаменитымъ Барклаемъ. Подалѣе, цейгмейстеръ задремалъ, прислонясь къ пню, обитому пышнымъ мохомъ и ползуномъ. Онъ имѣлъ осторожность взять съ собою карабинъ, который поставилъ въ пріятельскомъ отдаленіи. Фрицъ... но мы разскажемъ, что съ нимъ случилось, чрезъ главу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КТО ОНИ ТАКІЕ?

Ужъ разумѣется, что это мы узнаемъ!
Хмѣлницкій.

Отдыхъ нашихъ путешественниковъ представляетъ намъ удобный случай короче ознакомить съ ними читателя нашего. Начнемъ со старшаго лица.

Эрнстъ Гликъ былъ пасторомъ въ лифляндскомъ городкѣ Маріенбургѣ, лежавшемъ близъ границъ псковскихъ. Лифляндія не была его отечествомъ: онъ родился въ Веттинѣ, что въ герцогствѣ Магдебургскомъ, гдѣ отецъ его, Христіанъ, также священствовалъ. Дѣдъ его Іоганнъ былъ нѣкогда типографщикомъ въ Лейпцигѣ. Отъ перваго получилъ онъ въ наслѣдство любовь къ добру, отъ второго любовь къ просвѣщенію; и съ такимъ достояніемъ почиталъ себя богатымъ. — Занесенный разными обстоятельствами, о которыхъ умалчиваемъ по незанимательности ихъ, сначала въ Ригу, потомъ въ настоящее мѣстопребываніе свое, онъ вездѣ, гдѣ только жилъ, приносилъ съ собою извѣстность почтеннаго имени и оставлялъ память о своихъ добрыхъ дѣлахъ. По лѣтамъ и по сану его, а болѣе по уваженію и любви къ нему обывателей маріенбург-

скихъ, можно было назвать его патріархомъ этого городка. Но какъ доброе сердце его, найдя тѣснымъ этотъ кругъ дѣятельности, умѣло расширить его на нѣсколько десятковъ миль отъ Маріенбурга, такъ и любовь и уваженіе успѣли найти Глика изъ отдаленныхъ мѣстъ Лифляндіи.

Добро дѣлать считалъ онъ такою же потребностью, какъ пить и ѣсть. Онъ былъ небогатъ; но догадливая любовь къ нему прихожанъ и окружного дворянства, вознаграждая недостатки его, доставляли ему постоянные способы исполнять эту потребность. За стыдъ не считалъ онъ получать дары, потому что ихъ же раздавалъ неимущимъ: въ этомъ случаѣ почиталъ онъ себя только посредникомъ между благотвореніемъ и несчастіемъ. Не дѣлалъ онъ такого *скрытаго* добра, которое преданные люди обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, разглашаютъ человѣкамъ двадцати; не любилъ онъ также и открытой дѣлежки. Зато съ какою пламенною готовностью спѣшилъ онъ къ безпомощному больному съ лѣкаремъ, лѣкарствомъ, пособіями всякаго рода и даже хожалою (горничною, старой дѣвой Грете, часто замѣнявшею его въ такихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ). Съ какимъ усердіемъ поддерживалъ онъ существованіе безпріютной вдовы, отдавалъ бѣдныхъ сиротъ въ ученіе разнымъ ремесламъ, оказывалъ великодушныя пособія подсудимымъ! «*Законы* должны дѣлать свое, — говаривалъ онъ, — а я, какъ *человѣкъ*, свое». Однакожъ, острый взглядъ его умѣлъ почти всегда отличать въ числѣ истинно-бѣдныхъ и несчастныхъ, составляющихъ вездѣ многочисленное семейство, тѣхъ самозванцевъ - несчастливцевъ, бродягъ, тунеядцевъ, просящихъ милостыню по привычкѣ, которые могли бы работой рукъ своихъ доставать себѣ пропитаніе. Опекунъ злополучія, великодушный, но не безразсудный, онъ отказывалъ послѣднимъ въ веществен-

номъ пособіи, но преслѣдовалъ ихъ духовными благодѣяніями, мѣрами, болѣе дѣйствительными къ исправленію порока; онъ успѣлъ даже многихъ изъ нихъ отучить отъ бродяжничества. Этотъ добродѣтельный человѣкъ основалъ въ городѣ рабочій домъ, богадѣльню и училище, помня, какъ онъ говорилъ, что пороки не иначе можно изгнать изъ общества, какъ удовлетвореніемъ трехъ главнѣйшихъ потребностой человѣка: укрѣпленіемъ тѣла, очищеніемъ сердца и просвященіемъ разума. Успѣхи его благодѣтельныхъ средствъ были доведены до того, что дали бургомистру возможность въ одно воскресенье прибить у всѣхъ въѣздовъ въ Маріенбургъ доски съ надписью: *Здѣсь не позволяется просить милостыню.* Въ этотъ достопамятный день гражданами поставленъ былъ въ киркѣ великолѣпный, по тогдашнему времени, органъ. Вечеромъ же окна пасторскаго дома внезапно освѣтились необыкновеннымъ свѣтомъ. Онъ выставилъ свою лысую голову изъ окна, и былъ изумленъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: по озеру летѣло съ разныхъ сторонъ множество двойственныхъ огней, которые соединились у берега противъ дома, произвели въ воздухѣ блестящее зарево и зажгли воды. Раздались, при звукѣ мечей, громкіе виваты и пропѣтъ былъ хриплымъ голосомъ почетнѣйшихъ жителей кантъ, сочиненный въ честь виновника общаго ихъ благополучія, въ которомъ сравнивали его съ Ликургомъ, Солономъ и многими другими законодателями. Торжество это извлекло у добраго старца слезы и радостью взволновало его кровь до того, что онъ не могъ заснуть прежде разсвѣта. Извѣстно намъ также по преданію, что сочинитель канта, городской школьный мастеръ Дихтерлихтъ, былъ нѣсколько дней въ лихорадкѣ отъ одной мысли перейти въ потомство съ новорожденнымъ своимъ твореніемъ.

Слово Глика къ паствѣ было слово отца къ дѣтямъ: онъ поучалъ, увѣщевалъ, не пугая. Правда, платилъ онъ изрѣдка дань своему вѣку, щеголяя въ проповѣдяхъ схоластическою ученостью, которою голова его была изобильно снабжена, тревожа съ высоты каѳедры робкіе умы слушателей варварскими терминами изъ физики и математики, и возбуждая отъ сна вѣчнаго не только героевъ Греціи и Рима, но даже Грацій и Минерву, съ которыми онъ рѣдко гдѣ-нибудь разставался. Къ чести его надобно оговорить, что онъ въ концѣ своихъ рѣчей, съ скромностью христіанина, почти всегда извинялся передъ слушателями, что отвлекъ ихъ вниманіе отъ даровъ небесныхъ къ дарамъ человѣческимъ. Но лучшее, незабвенное благодѣяніе, которое онъ сдѣлалъ не только своимъ прихожанамъ, но и всему лифляндскому краю, былъ переводъ на латышскій языкъ Библіи; съ этого времени Законъ Божій сталъ извѣстенъ поселянамъ на природномъ языкѣ и понятенъ ихъ разуму и сердцу.

Ученость его вошла въ пословицу. Онъ зналъ хорошо языки греческій, латинскій и, что удивительнѣе всего въ тогдашнее время, русскій, на который онъ перевелъ множество латинскихъ сочиненій. Имъ хотѣлъ онъ сдѣлаться извѣстнымъ Преобразователю русскаго царства и занять въ его исторіи почетное мѣсто. Чтобы достигнуть своей цѣли и между тѣмъ согласить чувства вѣрноподданнаго шведскаго короля съ нетерпѣливою любовью къ знаменитости, онъ ожидалъ мира, какъ жиды Мессіи. Страстный поклонникъ всего великаго, являлось ли оно въ лютеранинѣ или иновѣрцѣ, въ соотечественникѣ или чужестранцѣ, онъ питалъ уже съ давняго времени пламенную любовь юноши къ славѣ Царя Алексѣевича (такъ звали его за-просто нѣмцы), и успѣлъ напитать этимъ огнемъ воображеніе своихъ домашнихъ. Еще въ 1697 году (15-го марта:

это число было у него записано красными чернилами и огромными буквами въ календарѣ), смѣшавшись въ толпѣ лифляндскихъ дворянъ, прибывшихъ встрѣтить русскаго монарха на границѣ своей въ Нейгаузенѣ, онъ видѣлъ тамъ лично этого великаго мужа, ѣхавшаго собирать съ Европы дань просвѣщенія, чтобы обогатить ею свое государство. Тамъ еще успѣлъ онъ угадать его сердцемъ, которое часто вѣрнѣе изслѣдованій ума осязаетъ истину; и съ того времени, съ цѣлью далекою, посвятилъ лучшіе досуги свои изученію русскаго языка. Мы видѣли по прочитанной имъ самимъ номенклатурѣ книгъ, имъ переведенныхъ на этотъ языкъ, что труды его были велики; узнаемъ впослѣдствіи, были ли они безполезны.

Всякая фигура имѣетъ свой свѣтъ и свою тѣнь; идея человѣка соединяется всегда и съ идеею слабостей его: это сказано и пересказано уже до меня. Хорошо еще, когда свѣтъ преобладаетъ надъ мракомъ; мы уже до того дошли, что стали говорить: хорошо бы, если бы на людяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, проглянуло гдѣ-нибудь бѣлое пятнышко, а то бываютъ нынѣ и такіе черненькіе, какъ уголь, который горитъ и свѣтитъ для того только, чтобы сожигать! Этимъ разсужденіемъ приговариваюсь къ тому, чтобы выиграть, сколько можно, болѣе снисхожденія къ слабой сторонѣ нашего Глика. Пытливость ума его, страсть къ планамъ, нововведеніямъ и усовершенствованіямъ нерѣдко простирались на мелочи, но рѣдко проявлялись въ смѣшныхъ, странныхъ способахъ. Въ нашъ вѣкъ назвали бы его прожектеромъ. Но мы видѣли, что эта самая страсть произвела множество полезныхъ, истинно благодѣтельныхъ дѣлъ, и потому не только была въ немъ извинительна,—она заслужила даже благодарность согражданъ и память потомства. Не средства, а цѣль достойна строгой повѣрки. И потому

охотно отпускаемъ ему на судѣ нашемъ эту слабость. Но что было въ немъ истиннымъ порокомъ, такъ это своенравіе. Когда онъ садился на конька своего, неугомоннаго, заносчиваго, то никто не состояніи былъ его удержать, хотя бы онъ скакалъ черезъ рвы и плетни. Получивъ ли отъ природы направленіе къ этому пороку, утвержденный ли въ немъ чувствомъ собственныхъ достоинствъ, дававшихъ ему первенство въ семействѣ, въ училище и въ обществѣ, избалованный ли всегдашнимъ, безусловнымъ согласіемъ невѣждъ и ученыхъ, онъ забывалъ иногда смиреніе евангельское, непримѣтно поклоняясь своему кумиру. Если онъ что-либо задумалъ, расположилъ и утвердилъ въ головѣ своей, то начертанія свои почиталъ лучшими, какія только можно составить, по нимъ дѣйствовалъ и заставлялъ дѣйствовать людей съ нимъ тѣсно связанныхъ и отъ него зависѣвшихъ. Ничто не могло заставить его перемѣнить свое намѣреніе, даже и тогда, когда обстоятельства заранѣе открывали ему заблужденія и ошибки его. «Конецъ вѣнчаетъ дѣло» говаривалъ онъ иногда, желая оправдать неуспѣхи своихъ предположеній и разсчетовъ и, приближаясь къ цѣли, нерѣдко узнавалъ прискорбнымъ опытомъ, что основаніе ихъ было непрочно и ложно. Къ счастью имѣвшихъ съ нимъ дѣло и не слѣпо выполнявшихъ его начертанія, мщеніе никогда не входило въ сердце его. «Близорукіе! ослѣпленные! невѣжды!» говаривалъ онъ объ нихъ въ пылу гнѣва, «умываю себѣ руки въ несчастіяхъ, которыя могутъ съ ними случиться». Если же противились ярму его своенравія люди сильные, къ видамъ которыхъ привилъ онъ свои услуги, то соглашался скорѣе потерять свою пользу и разрушить давнишія связи, чѣмъ растаться съ начертаніями своими.

Гликъ давно лишился жены и дѣтей. Взамѣнъ ихъ Провидѣніе послало ему такое существо, которое, по-

полнивъ всѣ его утраты, подарило его лучшими утѣшеніями въ жизни. Это была воспитанница его, Катерина Рабе. Отецъ ея, служившій квартирмейстеромъ въ шведскомъ эльфсбургскомъ полку, умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія (въ 1684 году). Мать ея была благородная лифляндка, по имени перваго мужа, секретаря какого-то лифляндскаго суда, Морицъ. Лишившись второго мужа, она изъ Гермунареда, что въ Вестготландіи, пріѣхала по дѣламъ своимъ на родину съ малолѣтнею дочерью своею (нашей героинею) въ Рингенское помѣстье господъ Розенъ, гдѣ и скончалась въ непродолжительномъ времени. Малютка осталась послѣ нея круглою сиротой, не только безъ покровительства, но и безъ всякаго призрѣнія. Роопскому пастору Дауту случилось быть въ Рингенѣ: онъ взялъ ее къ себѣ и далъ ей убѣжище и содержаніе. Въ Роопѣ жила она нѣсколько лѣтъ въ униженіи, подъ тягостнымъ господствомъ пасторши, женщины злой и властолюбивой. Надобно было, чтобы судьба привела нашего добраго Глика въ Роопъ, чтобы онъ увидѣлъ худое обращеніе этой мегеры съ бѣднымъ пріемышемъ, въ которомъ замѣтилъ необыкновенную кротость и умъ. Онъ легко выпросилъ ее у госпожи Даутъ, бывшей полною властелиншей въ домѣ. Съ десяти лѣтъ, Катерина Рабе жила у маріенбурскаго патріарха. Съ того времени расцвѣталъ этотъ прелестный цвѣтъ подъ нѣжными попеченіями второго отца ея.

Дѣвицѣ Рабе минуло восемьнадцать лѣтъ. Черные глаза, въ которыхъ искрились проницательность ума, живость и доброта души, черты лица, вообще привлекательныя, уста, нѣгою образованныя (нижняя губа немного выпуклая въ срединѣ), волосы черные, какъ смоль, которыхъ достаточно было, чтобы спрятать въ нихъ Душенькина любимца, величественный ростъ, гибкій станъ, свѣжесть и ослѣпительная бѣлизна тѣла,—

все въ ней было обворожительно, все было въ ней роскошью природы. Душа ея была вылита по формѣ ея прекрасной наружности. Лишить себя пріятной вещи, чтобы отдать ее бѣдному; помнить добро, ей сдѣланное кѣмъ бы то ни было; пожертвовать своимъ спокойствіемъ для угожденія другимъ; терпѣливо сносить слабости тѣхъ, съ которыми она жила; быть вѣрною дружбѣ, несмотря на перемѣну обстоятельствъ и особенно преданною своему благодѣтелю, — таковы были качества дѣвицы Рабе. Но достоинства души, рѣдко достающіяся въ удѣлъ ея полу и которыми Провидѣніе щедро наградило ее, были необыкновенная твердость и сила характера. Еще въ дѣтствѣ, слушая ужасныя сказки, она смѣялась, когда подруги ея отъ страха едва смѣли дышать. Проходя въ сумракѣ вечера черезъ кладбище, дѣти одного съ нею возраста прижимались къ старшимъ провожатымъ своимъ, шибко стучало сердце ихъ; ея же было такъ покойно, какъ обыкновенно; она еще старалась отстать отъ другихъ, спѣшила полюбоваться памятникомъ, остановившимъ ея вниманіе, и тихими уже шагами ихъ догоняла. Ей не было десяти лѣтъ, когда у сосѣда случился пожаръ: всѣ въ домъ бѣгали и суетились; она взяла кувшинчикъ съ водою, и когда спросили ее: куда идешь, отвѣчала спокойно: *заливать огонь*. Твердость души дѣвицы Рабе, столь рано умѣвшей пренебрегать опасностями, возмужавъ съ лѣтами, сдѣлала ее способною къ необыкновеннымъ побѣдамъ надъ собою и трудными обстоятельствами въ рѣшительныя минуты ея жизни.

Нѣкоторые изъ гражданъ маріенбургскихъ, думая, что для бѣдной, незначительной дѣвушки они слишкомъ завидные искатели, заочно собирались просить руки ея; но при свиданіи съ нею, по какому-то невыгодному для себя сравненію, рѣшительно перемѣняли

намѣреніе свое. Дѣвица Рабе одна не знала могущества своихъ прелестей: жива, простодушна, какъ дитя, ко всѣмъ одинаково привѣтлива, она не понимала другой любви, кромѣ любви ко второму отцу своему, другой привязанности, кромѣ дружбы къ Луизѣ Зегевольдъ (съ которою мы впослѣдствіи познакомимъ нашего читателя).

Только одинъ избранникъ осмѣлился простирать на нее свои виды: именно это былъ цейгмейстеръ Вульфъ, дальній ей родственникъ, служившій нѣкогда съ отцомъ ея въ одномъ корпусѣ и дѣлившій съ нимъ послѣдній сухарь солдатскій, вѣрный его товарищъ, водившій его къ брачному алтарю и опустившій его въ могилу, любимый пасторомъ Гликомъ за благородство и твердость его характера, хотя онъ безпрестанно сталкивался съ нимъ въ разсужденіяхъ о твердости характера лифляндцевъ, о намѣреніи посвятить Петру I переводы *Квинта Курція* и *Науки Мореходства*, и о скоромъ просвѣщеніи Россіи; храбрый, отважный воинъ, всегда готовый умереть за короля своего и отечество; офицеръ у котораго честь была не на концѣ языка, а въ сердцѣ и на концѣ шпаги. На него, какъ на отличнаго артиллериста, вмѣстѣ съ старымъ комендантомъ, подполковникомъ Брандтомъ, возложена была Карломъ XII защита маріенбургской крѣпости. Много правъ имѣлъ онъ на уваженіе дѣвицы Рабе: она и уважала его, любила, какъ друга отца ея, какъ брата, не болѣе. Впрочемъ, онъ не былъ созданъ для того, чтобы возбудить въ комъ-либо нѣжную, истинную страсть, придающую часто любимому человѣку достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ, между тѣмъ какъ равнодушіе къ другому отнимаетъ у него и тѣ прекрасныя качества, которыми природа его надѣлила. Старѣе ея двадцатью годами, съ чертами лица, выражающими благородство, но грубыми, пропитанный суровою

жизнью лагерей и войны, и потому въ обращеніи даже съ женщинами не оставлявшій солдатскихъ привычекъ и выраженій, властолюбивый, вспыльчивый даже до безразсудства, — таковъ былъ искатель руки нашей героини, любившій ее истинно, но сердцемъ ея не избранный.

Пасторъ, съ своей стороны, имѣлъ также виды на цейгмейстера: здѣсь предоставлялся ему важнѣйшій случай поработать головой и сердцемъ, выказать свои глубокія соображенія, тонкое знаніе людей. Онъ видѣлъ, онъ уже осязалъ воображеніемъ знаменитое дерево, долженствующее изумить потомство плодами необыкновенными, — дерево, сѣмя котораго таилось въ его разсадкѣ. Великія послѣдствія должны были произойти отъ предполагаемаго союза бѣдной воспитанницы его съ незначущимъ артиллерійскимъ офицеромъ! Можно-ли было упустить такой случай? Правда, къ страсти его все устраивать примѣшивалось тогда и доброе намѣреніе. «Кто искреннѣе меня желаетъ счастья моей Кете?»—разсуждалъ самъ съ собою Гликъ,— «что я обдумалъ для нея, то должно служить къ ея благополучію... Послѣ смерти моей она останется въ пустынѣ, гдѣ ни одинъ голосъ друга не отзовется на голосъ ея, точно также, какъ было это послѣ смерти ея матери. Неопытность ея опутаютъ сѣтями. Она узнаетъ нужду, горести. Ей необходимъ именно такой товарищъ въ жизни, каковъ цейгмейстеръ, мой пріятель. Благородныя и твердыя правила мнѣ извѣстны; онъ имѣетъ состояніе, которое обезпечитъ его навсегда отъ бѣдности. Умретъ — и вдова храбраго шведскаго офицера не будетъ забыта признательнымъ королемъ. Наружность его не совсѣмъ привлекательна, согласиться надобно, но этотъ недостатокъ можетъ пугать только вѣтренную дѣвчонку, а не мою Кете. Луиза Зегевольдъ не помнитъ лица жениха своего; однакожъ благоразум-

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

ная мать, съ помощью же *нашею*, умѣла заставить ее и заочно полюбить его, и все такъ устроила, слѣдуя *нашимъ* совѣтамъ, что будущій союзъ ихъ долженъ быть пресчастливѣйшій. Жениха же моей Кете я знаю, какъ самого себя; она видитъ его каждый день и должна быть къ нему неравнодушной. Съ нимъ она ласковѣе, нежели съ другими мужчинами. Еще на дняхъ подслушалъ я, какъ они толковали о разныхъ чувствахъ, между прочимъ дѣлали опредѣленіе любви... О! эти вѣрные признаки не укроются отъ зоркой опытности старика. Нѣтъ, нѣтъ, лучшаго мужа не имѣть ей; лучшаго супружества, какое имъ готовлю, существовать не можетъ». Такъ обдумывалъ, разсчитывалъ и, наконецъ, скрѣпилъ пасторъ словами: *быть такъ*, сидя на конькѣ своемъ, съ котораго уже не было возможности его ссадить. Цейгмейстеръ немного думалъ и разсчитывалъ и, какъ отважный воинъ, рѣшительно аттаковалъ Глика съ предложеніемъ. Маленькая сухая рука пастора ударила въ широкую ладонь его, и вскорѣ, какъ водится, сначала околичностями, потомъ открыто объявлены воспитанницѣ виды лучшаго друга перваго и второго отца ея, любимца королевскаго, будущаго коменданта маріенбургскаго, любезнаго, благороднаго, умнаго и прочее, что воспитатель могъ прибрать изъ словаря мнимыхъ и настоящихъ достоинствъ жениха. Между тѣмъ, на случай нечаяннаго отраженія, онъ не замедлилъ присовокупить, что, для ускоренія ея благополучія и его собственнаго спокойствія, согласіе съ его стороны дано, и что она омрачитъ послѣдніе дни его жизни, сведетъ его безвременно въ гробъ, если откажется отъ счастія, которое такъ рѣшительно ее преслѣдовало. Дѣвица Рабе, никогда не помышлявшая о важности такого предложенія, сначала испугалась, потомъ, сама не понимая себя, стала равнодушнѣе слушать повторенные вызовы своего благодѣтеля,

который въ исполненіи плановъ своихъ любилъ въ точности поступать согласно съ текстомъ Священнаго Писанія: *толцыте и отверзется.* Наконецъ, твердая душа ея взяла верхъ надъ боязнію непріятнаго союза, ей такъ настоятельно предлагаемаго. Она повиновалась. Сказавъ рѣшительное: *иду!* она не чувствовала въ себѣ ни сильнаго трепета сердечнаго, ни страха будущаго, ни сожалѣнія о прошедшемъ, и сама удивлялась своему спокойствію; только просила, побуждаемая внутреннимъ совѣтникомъ, отложить союзъ этотъ на два мѣсяца. Роковой срокъ долженъ былъ кончиться въ послѣднихъ числахъ августа. Въ продолженіе этого времени, Вульфъ, женихъ ея, остался для нея тѣмъ же цейгмейстеромъ Вульфомъ, ею уважаемымъ, въ качествѣ друга ея отца и благодѣтеля, любимымъ, какъ братъ, не болѣе. По прежнему пасторъ безпрестанно съ нимъ ссорился и безпрестанно мирился; по прежнему объ оселокъ его раздражительнаго характера любилъ Гликъ точить свои мнѣнія.

Мы видѣли воспитателя, воспитанницу и жениха ея въ дорогѣ. Куда-жъ они ѣдутъ?—Въ Гельметъ, къ баронессѣ Зегевольдъ, ко дню рожденія ея дочери Луизы, съ которою пасторъ познакомилъ свою Кете *ради* милостиваго покровительства сиротѣ на будущія времена и съ которою, между тѣмъ, вопреки неравенства состояній ихъ, соединили ее узами дружбы нѣжныя, благородныя чувства и особенное другъ къ другу влеченіе, разумомъ неопредѣляемое и часто непостигаемое. Пять лѣтъ уже, какъ Рабе въ одно и то же время посѣщала Гельметъ или съ пасторомъ, или, въ случаѣ важныхъ занятій, не позволявшихъ ему отлучиться, одна, сопровождаемая довѣреннымъ служителемъ баронессы, а иногда женою гельметскаго амтмана Шнурбауха, которую нарочно за нею присылали. Безъ милой Кете для Луизы день ея рожденія

не былъ праздникомъ; не видать Луизы въ этотъ день было для вѣрной подруги ея то же, что потерять цѣлый годъ, потому что надобно было провесть его въ скукѣ до новой радостной встрѣчи. Сколько готовилось памятью сердца къ этому дню таинственныхъ узелковъ, развязываемыхъ только въ сладкіе часы довѣренности съ единственнымъ другомъ! Сколько нечаянностей, увеселеній, игръ изобрѣтала къ принятію своей безцѣнной гостьи молодая хозяйка, ломавшая голову для нихъ не менѣе пастора Глика, когда онъ думалъ о способахъ просвѣтить сосѣдственный народъ. И всѣ эти великія думы, всѣ планы исчезали, какъ облако отъ дуновенія вѣтра, въ чувствѣ удовольствіи при первомъ взглядѣ другъ на друга. Нерѣдко маріенбургская жительница оставалась гостить по нѣскольку мѣсяцевъ въ Гельметѣ. И какъ скоро проходили эти мѣсяцы. Пріѣздъ и отъѣздъ сливались въ одну минуту: въ первый забыта была вся несносность разлуки, при второмъ—радости свиданія будто не существовали; слово: *прости!* ихъ всѣ поглощало. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхала дѣвица Рабе въ Гельметъ нынѣ, когда ей было столько новаго разсказать и выслушать: языкъ ихъ былъ только для нихъ понятенъ, ибо это былъ языкъ сердца. Ключа къ нему не могло найти холодное властолюбіе, располагавшее ими, не спросясь голоса природы.

Цейгмейстеру сдѣлано было маріенбургскимъ комендантомъ Брандтомъ важное порученіе, которое онъ долженъ былъ лично передать генералъ-вахтмейстеру Шлиппенбаху въ Гуммельсгофѣ, главной его квартирѣ; а какъ мыза эта была по дорогѣ въ Гельметъ, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы сопутствовать пріятелю своему и невѣстѣ, пока возможно было.

Фрицъ, наемный кучеръ баронессы, находившійся у нея въ услуженіи болѣе двухъ лѣтъ, изъ особеннаго

уваженія къ пастору всегда вызывался ѣхать за нимъ или его воспитанницею. Онъ везъ ихъ и нынѣшній разъ съ тою же готовностью быть имъ угоднымъ. Чтобы хотя нѣсколько удовлетворительно отвѣчать на вопросъ, сдѣланный намъ въ началѣ главы, скажемъ объ Фрицѣ, что, несмотря, на простоту его наружности и жеманство его движеній, онъ былъ лукавъ, какъ духъ, прельстившій нашу прабабушку въ раю. Эту старую крысу трудно было обмануть; и кто бы это сдѣлалъ, не долго бы прожилъ, какъ говоритъ пословица. Если нужно ему было отвесть вниманіе желавшаго проникнуть его тайну, то онъ искуснымъ оборотомъ рѣчи удалялся отъ предмета, который желалъ скрыть, останавливался и вертѣлся надъ другимъ предметомъ, по виду для него чрезвычайно занимательнымъ, глупѣлъ и путался въ рѣчахъ до того, что уже нельзя было добиться отъ него толку. Въ такихъ случаяхъ онъ поступалъ, какъ пиголица, которая, желая отвлечь охотника отъ гнѣзда, гдѣ скрываются птенцы ея, кружится съ жалобнымъ крикомъ надъ другимъ мѣстомъ, какъ будто даетъ знать, что здѣсь таятся предметы, ей драгоцѣнные. Гдѣ нужно было Фрицу самому вывѣдать или получить что-либо для него занимательное, онъ также начиналъ издалека и скрытыми, извилистыми путями вкрадывался въ душу, такъ что кругомъ ее обшаривалъ. Обыкновенно казался онъ простымъ болтуномъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИГОТОВЛЕНІЯ

А то, какъ молоткомъ ударить вдругъ съ размаха,
Такъ, Боже сохрани! они умрутъ со страха.
Когда же это все улажу безъ труда,
Терпенью пріучать примуся ихъ тогда.

Хмельницкій.

Съ версту впередъ отъ долины мертвецовъ, въ виду менценской дороги, на холмистомъ мыску, обведенномъ рѣчкою Вайдау, стоялъ красивый господскій домикъ съ такими же красивыми службами и скотнымъ дворомъ. Мыза эта защищалась отъ полуденнаго солнца березовою рощей, примыкавшею къ сосновому лѣсу, наполненному столькими ужасами, о которыхъ поразсказалъ Фрицъ, а отъ сѣверныхъ аквилоновъ—высокимъ берегомъ рѣчки. Цвѣтники, со вкусомъ расположенные и хорошо содержанные; небольшой, плодовитый садъ, въ которомъ каждое дерево росло бодро и сильно, будто въ соревнованіи одно передъ другимъ, какъ члены новаго, мужающаго народа; зеленыя пажити, на которыхъ ходили тучныя коровы; стоки, проведенные съ высотъ; исправныя водохранилища; поля, обѣщающія богатую жатву; работники, непраздные, чисто одѣтые и надѣленные дарами здо-

ровья, трудолюбія и свободы, — все показывало, что обладатель этого помѣстья любилъ жить порядочно и пріятно. Казалось, что сюда перенесенъ былъ одинъ изъ цвѣтущихъ уголковъ Англіи. Мыза эта принадлежала господину Блументросту, извѣстному въ Лифляндіи медику. Въ него вѣровали, какъ въ оракула; практика соотвѣтствовала его славѣ, деньги сыпались къ нему въ карманъ сами; между тѣмъ онъ не былъ корыстолюбивъ: къ бѣдному и богатому спѣшилъ онъ на помощь съ одинаковымъ усердіемъ. Блументростъ много путешествовалъ, зналъ хорошо свѣтъ и людей, дорожилъ ученою славой и старался не только питать ее искусствомъ своимъ, но и сдѣлать ее извѣстною въ ученомъ мірѣ разными важными по его части сочиненіями и перепискою съ университетами, считавшимися въ тогдашнее время средоточіями наукъ. Въ Швейцаріи познакомился онъ съ Паткулемъ. Паткуль былъ несчастливъ, угнетенъ, не имѣлъ отечества: добрый Блументростъ полюбилъ его, помогалъ ему совѣтами, утѣшеніями и деньгами, не оскорбляя его бѣдности и несчастія. Съ того времени связи ихъ укрѣплялись болѣе и болѣе; благопріятная перемѣна судьбы изгнаника, потомъ любимца Петрова, не перемѣнила ничего въ ихъ дружбѣ.

Мыза Блументроста была подъ особеннымъ покровительствомъ генерала-вахтмейстера Шлиппенбаха, которому онъ успѣлъ искусствомъ своимъ оказать важныя услуги; и потому къ воротамъ, ведущимъ въ нее, прибитъ былъ въ рамѣ, опутанной рѣшеткою, охранный листъ, за подписью и печатью генерала, запрещавшаго подъ строжайшею отвѣтственностію, шведскимъ войскамъ малѣйшее оскорбленіе жителей мызы и самовольное отъ нихъ требованіе чего-либо. Жители ея, кромѣ хозяина.... узнаемъ ихъ сейчасъ, взойдя во внутренность красиваго домика.

На балконѣ его, съ котораго видна была вкось высота съ крестомъ, сидѣла въ то время, какъ наши путешественники подъѣзжали къ долинѣ мертвецовъ, прехорошенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Томные глазки ея щурились, чтобы лучше видѣть вдали. Казалось, она что-то подстерегала. Одежда на ней была, какой не носятъ лифляндскія женщины. Голову ея дважды обвила русая коса. Вмѣсто ожерелья, на черной лентѣ, перевязанной около шеи, висѣлъ золотой крестъ, падавшій на грудь, которую открывала нѣсколько, въ видѣ сердца, бѣлая косынка. Станъ ея пріятно обозначалъ корсетъ изъ шерстяной матеріи каштановаго цвѣта, съ узенькими оплечьями, стягивавшійся голубою лентою, переплетенною съ одной стороны на другую на подобіе угловъ. Весь корсетъ былъ также обложенъ голубою лентой; такого же цвѣта два банта висѣли у конца его, въ серединѣ самой таліи. Широкіе, тонкаго полотна, рукава доходили немного ниже локтя, гдѣ они собирались въ густыя манжеты. Короткая юбочка синяго цвѣта съ пунцовыми полосами, поверхъ ея бѣлый передникъ, выходившій изъ-подъ корсета, голубые чулки, башмаки съ стальными пряжками, блиставшими отъ солнца, въ рукахъ ея соломенная шляпка съ разноцвѣтными лентами и букетомъ цвѣтовъ, — все обличало въ ней жительницу южнаго края Европы. Долго смотрѣла она въ ту сторону, гдѣ крестъ одиноко возвышался надъ долиной, наконецъ, задумалась и склонила голову на грудь. Въ такомъ состоянія оставалась она нѣсколько минутъ. Неподолеку отъ балкона, подъ навѣсомъ цвѣтущихъ липъ и рябины, сидѣли на длинной скамейкѣ трое мужчинъ; всѣ они были разныхъ лѣтъ, въ различныхъ одеждахъ и казались—хотя они изъяснялись по-нѣмецки — не одного отечества дѣти. Въ срединѣ сидѣвшій былъ старецъ. На открытой головѣ

его небольшой рядъ серебряныхъ волосъ, отъ времени сбереженныхъ, образовалъ вѣнокъ; бѣлая, какъ лебяжій пухъ, борода падала на грудь. Лицо его дышало благочестіемъ. Повидимому, онъ былъ слѣпъ. Широкая пепельнаго цвѣта одежда его, похожая на епанчу, съ длиннымъ, перекинутымъ назадъ капюшономъ, была опоясана ремнемъ. На груди онъ имѣлъ маленькое хрустальное распятіе, въ которомъ солнышко, прокрадываясь сквозь листья деревьевъ, по временамъ играло. Обувь его походила на сандаліи. Двумя изсохшими руками держался онъ за ручку ветхой скрипки, приклоня голову на край ея, а другой конецъ ея опирая на колѣна. По правую сторону сидѣлъ крестьянинъ, похожій на нѣмецкаго мызника, лѣтъ пятидесяти или безъ малаго; онъ былъ безъ верхняго платья, въ длинномъ камзолѣ изъ тонкаго краснаго сукна, съ рядомъ блестящихъ пуговицъ, въ синихъ, короткихъ исподнихъ платьяхъ, пестрыхъ чулкахъ и башмакахъ со стальными пряжками. Русые съ просѣдью волосы его подбирались со лба назадъ и сдерживались роговымъ гребнемъ. Лицо его было полно и румяно, какъ осень, движенія и разговоръ его—свободны. Онъ былъ скученъ. Лѣвую сторону скамейки занималъ высокаго роста мужчина, крѣпко и стройно сложенный. Еслибъ надобно было отгадать его лѣта, то по пріятнымъ, тонкимъ чертамъ его смуглаго лица, по огню его карихъ глазъ, нельзя было бъ ему дать болѣе тридцати лѣтъ; но проведенные по возвышенному челу его глубокіе слѣды размышленія, работы сильныхъ страстей или угнетенія гнѣвной судьбы, предупредивши время, накидывали ему еще нѣсколько лѣтъ. Съ открытой головы его бѣжали обильно на плечи кудри, черныя, какъ вороново крыло. Борода у него была обрита. Верхняя одежда его, изъ грубаго синяго сукна, походила на венгерскую куртку; камзолъ и исподнее платье,

такого же цвѣта, были нѣмецкаго покроя; гибкій станъ опоясывался чернымъ кожанымъ ремнемъ съ мѣдною пряжкою; ноги до самыхъ башмаковъ обрисовывались узкими шведскими штиблетами. Онъ былъ весь тревога: то погружался въ глубокую задумчивость, то, вдругъ встрепенувшись, какъ будто пораженъ былъ ожидаемымъ вѣстовымъ звукомъ, прислушивался съ жаднымъ вниманіемъ: то вставалъ, прохаживался по цвѣтнику быстрыми шагами, посматривалъ на дѣвушку, сидѣвшую на балконѣ, и опять садился. Казалось, отъ нея онъ долженъ былъ услышать роковое для него слово; однакожъ, навѣрно можно было догадаться, что это не было слово любви. Въ глазахъ его выливалось нетерпѣніе души безпокойной, грустной, которой предметъ былъ далекъ, а не изъясненія нѣжнаго чувства предмету видимому. Съ лѣвой стороны скамейки приставлены были къ ней складной стулъ и какой-то продолговатый, неглубокій ящикъ, съ придѣланными къ нему ремнями, вѣроятно служившими для поднятія и носки его. Напротивъ лавки лежалъ, развалившись на травѣ, огромный дѣтина, вершковъ шестнадцати вышины, плечистый, сутуловатый. Это была олицетворенная доброта. Русые волосы его, небрежно распущенные по плечамъ, сѣрый кафтанъ изъ *ватмана* [1]), хотя и тоньше обыкновеннаго, башмаки безъ подошвъ изъ желтой кожи, стянутые, а не сшитые, обличали въ немъ природнаго лифляндскаго домочадца или человѣка, его представлявшаго. Онъ ничего не говорилъ, но объяснялся движеніями рукъ, такъ хорошо, что его всякій могъ понимать.

— Что съ тобою сдѣлалось, Баптистъ? — сказалъ слѣпецъ, обращаясь къ сидѣвшему по правой рукѣ его.

---

[1]) Грубое латышскаго издѣлья сукно.

— А что такое?—отвѣчалъ сухо вопрошаемый.

— Какъ что? Ты нынче не разговорчивъ, какъ духъ долины или нашъ нѣмой.

— Эхъ, Конрадъ! Ты не вѣдаешь моего горя: цѣлые пять круговъ сыру не удались, хоть брось ихъ, а все по милости моей Розки. Съ нѣкотораго времени, Богу извѣстно, что съ нею дѣлается: за что ни примется, валится все изъ рукъ! А кажется, ты знаешь, швейцарцы не любятъ хвастаться; мать ея считалась во всемъ округѣ Лозанскомъ первой молочницей; да и въ дѣвочкѣ виденъ былъ прокъ. Нынѣ же говоришь ей—не слышитъ; толкуешь, не понимаетъ; сама говоритъ, пугается. Бывало, рѣзвится и прыгаетъ, какъ вольная козочка нашихъ горъ; теперь же когда одна, задумается, какъ пасторъ надъ сочиненіемъ проповѣди.

— Не больна-ли она чѣмъ? Чадолюбивая природа открыла мнѣ нѣкоторыя таинства свои на пользу моихъ ближнихъ, и я постарался бы исцѣлить ее.

— О! кабы такъ, не помѣшкавъ приступилъ бы я къ тебѣ съ просьбою помочь моему дѣтищу, которое послѣ смерти матери своей и въ разлукѣ съ родиной, замѣнило мнѣ ихъ обѣихъ. Я знаю, какъ ты способенъ на эти дѣла. Давно-ли ты избавилъ меня отъ смерти? Порѣзавъ себѣ косою ногу, я обливался кровью; самъ господинъ Блументростъ не могъ остановить ее; тебя подвели ко мнѣ, ты обмокнулъ безыменный палецъ правой руки въ кровь мою, текущую ручьемъ, написалъ ею на лбу моемъ какія-то слова....

— *Совершишася.*

— И кровь остановилась. Помню, какъ добрый господинъ всплеснулъ руками, ахалъ, пожималъ плечами, обнималъ тебя и обѣщалъ тебѣ груды золота за открытіе твоей тайны.

— Я не согласился тогда; но скоро, скоро придетъ время сдать ее и многія другія нашему общему

благодѣтелю. Не хочу, чтобы онѣ умерли со мною. Да, мы говорили о бѣдной Розѣ! Спрашивалъ-ли ты ее хорошенько, что у нея болитъ? Не тоскуетъ-ли она по родинѣ?

— Спрашивалъ, и только слышалъ: «такъ, батюшка! ничего-съ, батюшка! нѣтъ-съ, батюшка!»

— Странно. (Тутъ слѣпецъ вздохнулъ глубоко).

— Вотъ мы ее поставили караульщицею на балконѣ, а она, когда-бъ ты видѣлъ, сидитъ, повѣся голову на грудь, какъ убитая птичка. Ну, право, я распрощаюсь скоро съ добрымъ господиномъ Блументростомъ, возьму котомку на плечи и утащу Розку въ свою Вельтлинскую долину, въ Божію землю, гдѣ нѣтъ ни войны, ни печали, ни угнетенія; можетъ быть, она разцвѣтетъ опять на свободныхъ горахъ ея, подъ солнцемъ полудня!

Слѣпецъ еще вздохнулъ и примолвилъ, настроивая свою скрипку:—сдѣлаемъ послѣдній опытъ!—Наладивъ строй бѣднаго инструмента своего, онъ заигралъ швейцарскую пѣсню: Rance de vache. Первые звуки ея заставили Баптиста затрепетать; онъ вскочилъ со скамейки, потомъ зарыдалъ и, наконецъ, не въ силахъ будучи выдержать тоски, стѣснявшей его грудь, вырвалъ скрипку изъ рукъ слѣпого музыканта. Роза, казалось не слыхала пѣсни родины.

— Что Роза?—спросилъ слѣпецъ.

— Роза? — вскричалъ, всхлипывая, швейцарецъ, смотря на нее,—она... не дочь моя!

Нѣмой утиралъ себѣ глаза рукавомъ. Онъ плакалъ оттого, что другіе плакали. Слѣпецъ ничего не говорилъ, поникнувъ грустно головой. Въ это время младшій товарищъ, сидѣвшій прежде съ ними на одной скамейкѣ и теперь прохаживавшійся по цвѣтнику, взглянулъ на балконъ, и, увидя, что Роза, вмѣсто того, чтобы исполнять должность караульщицы, си-

дѣла въ горестной задумчивости, изъ которой не могли, какъ онъ слышалъ, исторгнуть ее родные звуки, подошелъ къ балкону и произнесъ потихоньку одно слово: *Фишерлингъ*, такъ чтобы оно только до нея дошло. Дѣвушка отъ этого магическаго слова встрепенулась, осмотрѣлась вокругъ себя, покраснѣла, увидѣвъ подъ балкономъ свидѣтеля ея душевной слабости; взглянула на *возвышеніе креста*, съ испугомъ закричала: «*Знамя!*» и бросилась бѣжать во внутренность дома. Явившись въ цвѣтникѣ, она остановилась передъ собесѣдниками, какъ преступница. Отецъ сурово посмотрѣлъ на нее; убійственный взоръ его говорилъ: *ты не швейцарка!* Видно было, что Роза собиралась плакать, но черноволосый мужчина быстро и крѣпко схватилъ ее за руку и увлекъ за собою. У тына, въ сторонѣ рощи, была калитка. Могучею рукою распахнулъ онъ калитку и, втолкнувъ въ нее дѣвушку, сказалъ ей: «Узнай все вѣрнѣе и скорѣй! Если ты ужь этого хорошенько ни выполнишь, что скажетъ, что подумаетъ о тебѣ господинъ *Фишерлингъ?*» Глаза его въ это время блистали, какъ огонь зарницы въ удушливой атмосферѣ; слова его казались бѣдной Розѣ громомъ, ужаснымъ, хотя еще издали гремящимъ. Исполненіе ихъ было для нея смертнымъ ударомъ. Она скрылась и черноволосый сталъ на стражѣ, какъ изваянный геній, прикованный къ гробницѣ.

Пока все это происходило на мызѣ господина Блументроста, Фрицъ, сообразно мѣстоположенію, стратегически расположилъ свои дѣйствія. Надобно сказать прежде объясненія ихъ, что мѣсто, гдѣ расположилось наше странствующее общество, было довольно далеко отъ края рощи, примыкавшей съ одной стороны къ ущелью привидѣнія и простиравшейся назадъ на неопредѣленное разстояніе, ибо чѣмъ далѣе взоръ углуб-

лялся, тѣмъ болѣе учащали для него преграду деревья и сѣти ихъ зелени. Мимо лагеря нашихъ путешественниковъ проходила сквозь рощу тропа мало пробитая, которая вела, повидимому, изъ Адзеля и спускалась съ холма на маріенбургскую дорогу. Мы видѣли, что карета стала въ долинѣ тамъ, гдѣ рѣчка и подножіе холма сходились угломъ. Лошадей привязалъ кучеръ къ деревьямъ, въ недальнемъ разстояніи, и задалъ имъ овса, которымъ запасся на дорогу; потомъ перескочилъ по камнямъ черезъ рѣчку, пробрался сквозь рощу, въ которой, сказали мы, терялась по косогору дорога въ Менценъ, проползъ по обнаженной высотѣ за крестомъ, и у мрачной ограды сосноваго лѣса, къ сторонѣ Маріенбурга, вскарабкавшись на дерево, котораго вершина, была обожжена молніею, привязалъ къ нему красный лоскутъ, непримѣтный съ холма, гдѣ были наши путешественники, но видный вкось на мызѣ. Волнующееся знамя было оставлено въ этомъ положеніи на нѣсколько минутъ. Снявъ его, Фрицъ опустился проворно на землю, пробрался тѣмъ же путемъ назадъ, подошелъ къ лошади нашего цейгмейстера, разстегнулъ небольшой чемоданъ, висѣвшій у сѣдла, пошарилъ вездѣ и вынулъ кувертъ. Онъ былъ запечатанъ, но сургучъ печати такъ былъ худъ, что удобно ломался. Не думая много, кучеръ изломалъ печать, положилъ крошки сургуча въ камзолъ, застегнулъ по прежнему чемоданъ и, держа крѣпко въ рукахъ сокровище свое, нырнулъ въ страшное ущелье. Здѣсь, слѣдя глазами извѣстныя ему примѣты, онъ проползъ ужомъ сквозь кусты, перескочилъ черезъ пни, какъ лань, и, задыхаясь, очутился, наконецъ, у огромнаго, бурею разорваннаго дерева, далеко уронившаго косматый верхъ свой отъ дупловатаго корня Тамъ, гдѣ треснуло оно, выставились два острые клыка, повыше коихъ свѣтились два отверстія, на

подобіе глазъ. Кругомъ возвышались столѣтніе вязы, дружно размахнувъ на жилистыхъ вѣтвяхъ своихъ широкотѣнные щиты; они заслоняли отъ этого мѣста солнечный свѣтъ. Настоящее царство мрака и ужаса! Между деревьями и дупломъ кое-гдѣ торчали—памятники великаго земнаго переворота—огромные, красноватые, будто кровью обрызганные камни, до половины вросшіе въ мохъ и представлявшіе разные уродливые образы. Ни одна пташка не смѣла здѣсь показаться, не только оживить эту пустыню своими пѣснями. Только изрѣдка шелестъ листьевъ, тревожимыхъ вѣтромъ, и пресмыкающихся животныхъ, казался шепотомъ злодѣйскаго заговора; лишь по временамъ шуркалъ перелетъ филина, и крикъ его или скрипъ сухихъ деревъ, какъ стоны умирающаго подъ ножомъ разбойника, жалобно раздавались. Окрестные жители разглашали объ этомъ мѣстѣ много дивныхъ ужасовъ, которыхъ и сотую долю не разсказалъ Фрицъ нашимъ путешественникамъ.

Онъ осторожно постучался палочкой въ дупло разъ, потомъ два, наконецъ три раза. *И!*—произнесъ изъ дупла тонкій голосокъ.—*Ли!*—отвѣчалъ конюхъ.—*Я!*—продолжалъ прежній голосокъ.—*Муромецъ!* — сказалъ отрывисто второй. Вслѣдъ за этимъ словомъ выскочила изъ дупла швейцарка. Глаза ея блистали въ сумракѣ, какъ ночью два свѣтляка на распускающейся розѣ. — «Порядочно я васъ дожидалась, господинъ Трейманъ!»—сказала дѣвушка испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ.—«Не могу же я бѣгать, какъ ты, швейцарская козочка! Мнѣ ужь подъ шестьдесятъ, Розхенъ! Да скажи мнѣ, здѣсь-ли нашъ молодой старшина?»—«Вы говорите о господинѣ *Фишерлинѣ*?» — отвѣчала она, смутившись, и лицо ея вспыхнуло, потомъ, оправившись немного, она продолжала: «Онъ былъ вчера здѣсь... ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ и уѣхалъ вчера-же.

Мнѣ некогда съ вами распѣвать. Угрюмый шведъ приказалъ узнать о новостяхъ; кажется, онъ готовъ былъ перешвырнуть меня къ вамъ, какъ мячикъ; а теперь того и гляди, что прибьетъ меня, если я не скоро явлюсь къ его милости».—«Передай ему эти бумаги и скажи, чтобъ онъ списалъ ихъ поскорѣе, прислалъ съ тобою же не медля и пришелъ съ товарищемъ на Адзельскую тропу; мимоходомъ шепни ему-жъ, что звѣзда вечерняя—невѣста, дорожный столбъ—женихъ; пускай дѣлаютъ они изъ этого, что хотятъ! Отца попроси, чтобъ онъ сталъ шагахъ въ пятидесяти отсюда съ заряженнымъ ружьемъ. Не забыть бы мнѣ чего. . Да, да, приведи съ собою *Нѣмого*. Теперь все».

Дѣвушка ничего не отвѣчала, кивнула ему дружески и юркнула въ густоту лѣса. Фрицъ дожидался ее не безъ сердечнаго волненія, и между тѣмъ говорилъ самъ съ собою такимъ образомъ: «Ну, если вздумается проклятому пушкарю сойти въ долину къ одру своему и осмотрѣть чемоданъ? Пропалъ я тогда! Вульфъ прихлопнетъ меня на мѣстѣ, какъ комара, и не дастъ разу пискнуть. По крайней мѣрѣ, въ послѣдній разъ дохну, служа моему господину, какъ приказывалъ мнѣ ему служить умирающій отецъ его. Не своему брату, знатному дворянину, поручалъ онъ сына на смертномъ одрѣ своемъ; нѣтъ, онъ поручилъ его слугѣ, дядькѣ, зная, что никто болѣе меня любить его не можетъ, что десять ножей противъ сердца этого служителя не вынудятъ у него измѣны». Фрицъ казался тронутымъ; глаза его были мокры. «Не кстати разнѣжился ты, старикъ!» примолвилъ онъ, утирая глаза рукавомъ; «кремень долженъ высѣкать огонь, а не воду. Господинъ мой трудится для блага своей родины, я для него — Богъ намъ помощникъ! Ахъ кабы Творецъ милосердый выбросилъ изъ сердца его одно имя.... Пускай проказничаетъ онъ со шведами,

какъ хочетъ; здѣсь доброе намѣреніе устроить судьбу его братьевъ, лифляндцевъ, какъ онъ говоритъ; вѣрю ему, и готовъ съ удовольствіемъ положить за него жизнь свою въ этихъ проказахъ. Но... въ дѣлахъ любовныхъ, боюсь сердца его, мягкаго какъ воскъ, и также, какъ онъ, измѣнчиваго; боюсь, чтобы онъ не скушалъ бѣдной овечки. Что будетъ со мною?»...

Съ этими словами Фрица одолѣла грусть; но вскорѣ, принявъ бодрый видъ, онъ положилъ крестообразно руки на повалившееся дерево, припалъ ухомъ ко пню и обратился весь въ слухъ и вниманіе. Минутъ черезъ пятнадцать вынурнула опять изъ дупла пригоженькая посланница. Щеки ея горѣли, грудь сильно волновалась; стоя возлѣ нея, можно было считать біенье ея сердца. За нею съ трудомъ выползъ *Нѣмой*; пыхтя, какъ мѣхъ, онъ обнялъ дружески Фрица и погрозился пальцемъ на Розу. — «Какъ устало милое дитя!»—сказалъ конюхъ, поведя одною рукою по лбу швейцарки, а другою принимая отъ нея кувертъ.— «Скоро-ли я пришла?»—спросила она.—«Ты не шла, а вѣрно летѣла, какъ птичка. Что шведъ?»—«Писалъ, чертилъ что-то съ вашихъ бумагъ и потащилъ товарища, куда вы назначили. Бѣдный! онъ старинушку понесетъ, какъ пастухъ хворую овечку, а то, куда слѣпому? И зрячему за нимъ не поспѣть!»—«Гдѣ твой отецъ?»—«Стоитъ на караулѣ». — «О! да я его вижу сквозь сучья; онъ киваетъ мнѣ головой, добрый старикъ! Здорово, здорово!... Ступай же къ нему, Розхенъ, и скажи, чтобъ онъ, какъ скоро увидитъ красный значокъ Нѣмого на *высотѣ креста*, тотчасъ выстрѣлилъ изъ ружья по воздуху и немедленно воротился домой. Прощай, милое дитя! Богъ и ангелы Его съ тобою: да избавятъ они тебя отъ злого искушенія!... Но ты поблѣднѣла, Роза? Не дурно-ли тебѣ отъ бѣганья и жару?»—«Ничего, такъ, ничего... пройдетъ!»—

сказала она, щипля рукою передникъ свой. Фрицъ глубоко вздохнулъ и примолвилъ, качая головою: «Хорошо-бъ, если прошло! Прощай!» Онъ поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ, махнулъ рукою дюжему латышу и исчезъ съ нимъ въ чащѣ лѣса. По примѣтамъ, которыя Нѣмой зналъ еще лучше Фрица, потому что ни разу не останавливался, служа уже ему вожатымъ, они пришли къ лошадямъ. Здѣсь конюхъ поднялъ глаза къ небу, чтобы поблагодарить его за что-то, разстегнулъ вьюкъ, положилъ кувертъ съ крошками разсыпавшейся печати на прежнее мѣсто и, опять застегнувъ вьюкъ, перевернулъ его вмѣстѣ съ сѣдломъ на бокъ лошади; потомъ вынулъ изъ чушки пистолетъ, разрядилъ его бывшимъ у него инструментомъ, положилъ его по прежнему, высѣкъ огонь изъ огнива, которое имѣлъ съ собою, прожогъ и разодралъ низъ чушки. Все это было дѣломъ минутъ пяти, не болѣе. Лошади были напоены; изъ нихъ Вульфова вручена нѣмому съ особенными, строжайшими наставленіями. Смѣтливый нѣмой кивалъ только и, вдругъ принявъ важный видъ, черкнулъ себѣ пальцемъ по шеѣ, какъ будто желая дать знать, что онъ отвѣчаетъ за исполненіе головою. По расположеніи, такимъ образомъ, плана, давно придуманнаго, конюхъ спѣшилъ отнести дорожные припасы къ путешественникамъ нашимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОВѢСТЬ СЛѢПЦА

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!
Дмитріевъ.

Солнце едва сдвинулось съ полуденной точки, палящій зной, ослабѣвая непримѣтно, былъ еще нестерпимъ. Наметъ, подъ которымъ отдыхалъ пасторъ, не раскрывался. Дѣвица Рабе разсказывала Вульфу, какимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтнихъ странствій и бѣдъ, наградилась вѣрная и нелицемѣрная любовь *Свѣтлѣйшей Аргениды*, и вдругъ остановившись, начала прислушиваться.

— Что вы, сестрица?—спросилъ цейгмейстеръ.

— Голоса человѣческіе!—отвѣчала она,—съ Адзельской стороны.

— Милости просимъ; оттуда некому быть, кромѣ пріятелей. Впрочемъ, я ничего не слышу. Не обманулъ-ли васъ вѣтерокъ? Правда, теперь и до моего уха что-то коснулось.

Въ самомъ дѣлѣ, сначала невнятно долеталъ до слуха смѣшанный говоръ, какъ ропотъ вѣтерка въ листахъ, потомъ сталъ постепенно яснѣе и громче и,

наконецъ, показались по тропѣ изъ Адзеля два человѣка, медленно по ней шедшіе.

Наружность ихъ возбудила вниманіе дѣвицы Рабе. Это были слѣпой и черноволосый. Послѣдній держалъ въ правой рукѣ круглую шляпу, между тѣмъ какъ другая рука служила спутнику вожатаемъ и опорой. Онъ съ видимымъ терпѣніемъ укорачивалъ шаги свои, соразмѣряя ихъ съ ходомъ старца. Ящикъ и складной стулъ были прикрѣплены на спинѣ его широкими ремнями, которые крестомъ перехватывали грудь и застегивались напереди двумя мѣдными пряжками Сверху стула висѣла еще небольшая котомка. Поравнявшись съ дѣвицею Рабе и Вульфомъ, онъ привѣтливо имъ поклонился. Воспитанница пастора просила жениха своего пригласить странниковъ закусить съ ними, чтобы не упустить случая, какъ она говорила, сдѣлать удовольствіе ея воспитателю. Вмѣсто отвѣта, цейгмейстеръ спѣшилъ перехватить путникамъ дорогу.

— Добрые люди!—произнесъ онъ, обратившись къ нимъ,—вамъ жарко теперь идти. Не хотите-ли отдохнуть съ нами и раздѣлить нашу походную трапезу?

— Благодарю васъ, господинъ офицеръ, за себя и моего товарища! — отвѣчалъ младшій путникъ. — Мы поднялись недавно и хотѣли только пробраться черезъ рощу, чтобы на концѣ ея присѣсть. Съ удовольствіемъ принимаемъ радушное предложеніе ваше и прекрасной госпожи, которой, какъ я замѣтилъ, вы посланникъ. Товарищъ!—продолжалъ онъ съ нѣжною заботливостью, обратившись къ слѣпцу,—мы пойдемъ теперь безъ дороги; берегись оступиться.

Слѣпецъ, крѣпко прижавшись къ рукѣ своего проводника, побрелъ еще медленнѣе. Нетерпѣливая дѣвушка спѣшила къ нимъ на встрѣчу, подхватила старика за руку съ другой стороны и провела его къ мѣсту своего отдыха, приговаривая между тѣмъ: —

Сюда, сюда, дѣдушка, на эти подушки; тебѣ здѣсь будетъ покойнѣе.

— Голосъ.... точно знакомый! — сказалъ встревоженный слѣпецъ, прислушиваясь къ рѣчамъ дѣвицы Рабе, какъ будто стараясь припомнить, гдѣ онъ его слышалъ. — Голосъ ангела! куда бы не пошелъ я за нимъ? Сяду и буду дѣлать, что тебѣ угодно. Господь да пошлетъ тебѣ свое благословеніе и да возвеличитъ родъ твой, какъ возвеличилъ родъ Сары и Ревекки!

Товарищъ его осторожно снялъ ношу свою, приставилъ ее къ дереву, молча поклонился еще разъ Вульфу и невѣстѣ его. Все общество расположилось, по удобству или по вкусу, кто на подушкахъ изъ кареты, кто на муравѣ. Слѣпецъ, сидя на двухъ подушкахъ, возвышался надъ всѣми цѣлою головою: старость предсѣдала въ совѣтѣ красоты и мужества.

— Откуда вы, добрые люди?—спросила Рабе.

— Мы не знаемъ, откуда и куда идемъ,—отвѣчалъ слѣпецъ, — а придемъ, куда всѣмъ, царю и селянину, бѣдному и богатому, назначена общая гостиница.

— Мы, просто, странники, — подхватилъ черноволосый, — идемъ изъ Адзеля въ Менценъ, оттуда проберемся, куда глаза взглянутъ и сердце позоветъ.

— Чѣмъ-же вы живете? — спросила опять дѣвица Рабе.

— Искусствомъ нашимъ, — отвѣчалъ черноволосый,—я играю на гусляхъ, товарищъ мой—на скрипкѣ и поетъ.

— Попавъ на эту бѣдную землю, — продолжалъ слѣпецъ, — всѣ мы живемъ для того, чтобы дожить; но выполнить этого не можемъ, не нося тяготы одинъ другого. Онъ помогаетъ слѣпцу ходить; мы другъ друга утѣшаемъ бесѣдою и дружбой; оба, по возможности нашей, доставляемъ другимъ удовольствіе, и за

это награждены. Такова въ мірѣ въ разныхъ видахъ круговая порука.

— О, да ты и мудрецъ, какъ я вижу!—возразилъ цейгмейстеръ.

— Много чести, господинъ! Бродя по бѣлому свѣту, видѣвъ много людей, изучая природу, можно кое-чему научиться. Впрочемъ, въ великой книгѣ Того, Кто единъ премудръ, мы читаемъ еще по указкѣ.

— Ваша родина?—спросила дѣвушка.

— Обоимъ намъ родина Швеція, — отвѣчалъ слѣпецъ.

Капитанъ пожалъ руку старика такъ, что онъ поморщился, и воскликнулъ: — Камрады - соотечественники! не одного-ли поля ягоды?

— Я изъ Торнео, а товарищъ мой изъ Выборга.

— Мое же гнѣздо судьба свила почти на перепутьѣ этихъ мѣстъ, именно въ Абовѣ. Я центръ, какъ вы видите, а вы, фланги мои, отнынѣ должны поступать ко мнѣ въ команду, и потому...

— Прошу заранѣе уволить насъ отъ этой чести. Одинъ, дряхлый, будетъ отставать, другой, можетъ быть, погорячится и уйдетъ впередъ, и ваша линія разстроится.

— Доннерветтеръ! Онъ разсуждаетъ, какъ старый капитанъ. Ваше имя и прозваніе?

— Мы люди простые, и потому насъ просто зовутъ: меня Конрадомъ изъ Торнео, его—Вольдемаромъ изъ Выборга. Думаю, что этими именами потребуютъ насъ въ день послѣдняго суда; развѣ тамъ прибавятъ къ нимъ, по дѣламъ нашимъ, новыя прозванія.

— Не въ лѣсу же выросли вы, какъ дождевики? Вѣрно были у васъ отецъ и мать? Кто твои, молодецъ?

— Я родителей моихъ не зналъ, — отвѣчалъ Вольдемаръ. — Впрочемъ, повѣсть сиротства, бѣдности и нуждъ не можетъ быть занимательна ни для воина,

который все это почитаетъ вздоромъ, ни для прекрасной госпожи, начинающей только жить.

— Но ты много странствовалъ, много видѣлъ? — продолжалъ вопрошать цейгмейстеръ такимъ тономъ, какимъ членъ комиссіи военнаго суда отбираетъ по пунктамъ отзывы отъ своего подсудимаго.

— Я и теперь подъ чужимъ небомъ; видѣлъ людей, которые вездѣ одинаковы, — возразилъ младшій музыкантъ, неплодовитый на отвѣты и замѣтно несклонный къ откровенности. Голосъ его въ этомъ возраженіи отзывался какою-то раздражительностью характера, несогласною съ наружностью смиреннаго странника.

— Отвѣтъ коротокъ и убѣдителенъ, какъ прикладъ часового, поставленнаго у поста, куда одни избранные, съ паролемъ, имѣютъ право входить. Дозволь, по крайней мѣрѣ, спросить тебя, камрадъ: давно-ли ты оставилъ Швецію?

— Лѣтъ... если не ошибаюсь... десятокъ.

— Столько, сколько греки осаждали Трою! Вѣроятно, сильное время, походы, удары непріятельскіе, стерли съ орудія шведскаго надпись, гдѣ оно вылито, и прочее, и прочее. Я разумѣю, что время, странствіе, несчастія твои, Вольдемаръ, могли истребить отечество изъ памяти и сердца. Ты молчишь? — Да, отечество.

До сихъ поръ Вольдемаръ сидѣлъ нѣсколько согнувшись, опустивъ голову на грудь; пасмурное лицо его выражало глубокую задумчивость, изъ которой выводилъ его только сильный голосъ вопрошателя, способный, кажется, разбудить и мертвыхъ отъ сна; иногда улыбка бродила по блѣднымъ устамъ его, однакожъ, видно было, что приличіе выдавливало ее на нихъ безъ согласія сердечнаго или лукавство приправляло ее насмѣшкою своей. При повторенномъ

словѣ: *отечество*, вся сила души его вылилася наружу, какъ будто въ этомъ роковомъ словѣ заключалась единственная власть, могущая приводить ее въ движеніе. Онъ затрепеталъ; глаза его засверкали, какъ молнія на мрачномъ небѣ; лицо его, доселѣ помертвѣвшее, оживилось пробѣжавшимъ по немъ румянцемъ; его станъ распрямился; изгладились слѣды бѣдствій съ лица его и замѣнились печатью возвышенныхъ чувствъ. — Отечество?... Помню-ли я его? Люблю-ль его?... — произнесъ странникъ и несмотря, что голосъ его дрожалъ, онъ казался грознымъ вызовомъ тому, кто осмѣлился бы оскорбить его сомнѣніемъ въ любви къ родинѣ. Но вдругъ, будто испугавшись, что высказалъ слишкомъ много, онъ погрузился опять въ то мрачное состояніе, изъ котораго магическое слово вывело его.

— Труба военная не краснорѣчивѣе твоего голоса протрубила бы аттаку передъ рядами непріятельскими! — воскликнулъ цейгмейстеръ и потрепалъ дружески Вольдемара по плечу. — Этому коню не нужно давать шпоръ: видно, какой онъ породы. Ни слово болѣе!—Я тебя понимаю. Но добрыхъ сыновъ отечества, кромѣ любви къ нему, должно воспламенять другое, столь же святое чувство: любовь и преданность къ государю. Правда, ты оставилъ благословенное сѣверное царство, когда молодой государь твой не вступалъ еще на престолъ, и ты, вѣроятно, въ странствіяхъ своихъ не успѣлъ узнать и полюбить его.

— Это правда! Меня... не было тогда въ... Швеціи,—отвѣчалъ младшій странникъ, нѣсколько смутившись и потупивъ глаза, которыми боялся, можетъ быть, встрѣтиться со взорами его собесѣдниковъ, чтобы они не прочли въ нихъ исповѣди его помышленій. Потомъ, оправившись нѣсколько, онъ продолжалъ довольно твердо: —Люблю государя своего, какъ могу. Чего хотѣть возвышеннаго и постояннаго отъ стран-

ника? Впрочемъ, вы не исповѣдникъ, я передъ вами не кающійся грѣшникъ и не обязанъ давать вамъ отчета въ дѣлахъ своихъ, еще менѣе въ своихъ чувствахъ. Придетъ, можетъ быть, время, вы узнаете меня короче.

— Я не имѣю права аттаковать пріятельскую фортецію, гдѣ заперлась твоя тайна! — съ усмѣшкою произнесъ Вульфъ, и началъ ломать голову насчетъ таинственнаго странника.

— Всякій человѣкъ есть загадка, — возразилъ слѣпецъ. — Добрая госпожа! мнѣ послышалось, вы о чемъ-то спрашивали меня. Мы, люди старые, тугоньки на ухо.

— Нѣтъ, дѣдушка,—отвѣчала Катерина Рабе, бывшая доселѣ внимательною слушательницей разговора, которымъ женихъ ея завладѣлъ, и теперь обрадованная, что ей давали случай быть участницей въ бесѣдѣ. — Я не спрашивала, но хотѣла-бы спросить: правда-ли, что на родинѣ твоей среди лѣта солнце не садится, а среди зимы не бываетъ дня?

— Правда! Тамъ горнило Божіихъ чудесъ. Край этотъ очень, очень далеко отсюда.

— Какъ же ты, слѣпой, сюда зашелъ?

— Перстъ Провидѣнія указалъ мнѣ друга, и онъ довелъ меня сюда. Юность любопытна; вижу, отъ нея не скоро отдѣлаешься простыми отвѣтами.

— Да, не скоро, дѣдушка! — промолвила собесѣдница съ лукавою откровенностью.

— Вамъ хочется, добрая госпожа, узнать повѣсть моей жизни. Не всякому ее разсказываю; но—не знаю, почему я полюбилъ васъ такъ скоро — отъ васъ не утаю ее.

— Разскажи, пожалуйста, разскажи, мой хорошій, мой добренькій старинушка!

— Слушайте жъ. Я родился тамъ, какъ вы ска-

зали, гдѣ среди лѣта солнце, не отдыхая, совершаетъ путь свой, гдѣ нѣсколько зимнихъ дней—круглая ночь, какъ для слѣпца всѣ дни жизни его. Отецъ мой, бѣдный ремесленникъ, жилъ въ деревушкѣ близъ Торнео: онъ выдѣлывалъ кожи дикихъ звѣрей; матери я никогда не видалъ. Я былъ у него одинъ, какъ перстъ. Природа странно создала меня: въ тѣ лѣта, когда другіе рвутъ играючи цвѣты на лугу жизни, я бѣгалъ дѣтскихъ игръ, я ужъ задумывался и, тревожимый непонятнымъ чувствомъ, искалъ чего-то, самъ не зная чего. Отроку, дома мнѣ было тѣсно, мнѣ было душно. Въ прогулкамъ своихъ я не любилъ ходить по спокойнымъ, пробитымъ дорогамъ; нѣтъ, я старался быть тамъ, гдѣ слѣда человѣческаго не видано, кромѣ моего, куда можно было пройти съ опасеніемъ упасть и погибнуть или съ радостною надеждой быть тамъ первымъ. Какъ векша, вскарабкивался я нерѣдко на одинъ любимый утесъ мой, выдавшійся въ море. По цѣлымъ часамъ сиживалъ я на скалѣ. Съ нея взорами скользилъ я по необозримой равнинѣ водъ, спокойныхъ и гладкихъ, словно стекло, то любовался какъ волны, сначала едва примѣтныя, рябѣли, вздымались чешуей или перекатывались, подобно нити жемчужнаго ожерелья; какъ онѣ, встревоженныя, кипѣли отъ ярости, потомъ, въ видѣ стаи морскихъ чудовищъ, гнались другъ за другомъ, отрясая бѣлыя космы свои и, наконецъ, расли выше и выше, на подобіе великановъ, стремились ко мнѣ со стономъ и ревомъ, красовались въ блестящихъ ризахъ своихъ. Казалось, хотѣли онѣ обхватить меня своими объятіями, которыхъ холодъ я уже ощущалъ, и ударяясь объ утесъ, съ ропотомъ исчезали. Отъ домашней трапезы убѣгалъ я смотрѣть на радужную игру сѣвернаго сіянія. Когда другіе спали крѣпкимъ сномъ, въ полуночные часы спѣшилъ я украдкой, съ трепетомъ сердечнымъ, какъ на усло-

вленное свиданіе любви, проводить утомленное солнце въ раковинный дворецъ его на дно моря и опять въ то-жъ мгновеніе встрѣтить его, освѣженное волнами, въ новой красотѣ, начинающее путь свой среди розовыхъ облаковъ утра. Сколько разъ въ тиши осенняго вечера, одинъ подъ открытымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздными очами, освѣщеннымъ великолѣпнымъ ночникомъ міра, терялся я умомъ и сердцемъ въ безпредѣльности этой пустыни, исполненной величія и благости Творца! Въ эти дивныя, таинственныя мгновенія никто не мѣшалъ мнѣ бесѣдовать съ моимъ Богомъ. Я забывалъ тогда домъ, деревню, отца, все, что только знавалъ отъ рожденія; мнѣ казалось, я былъ одинъ въ свѣтѣ и сбросилъ съ себя въ прахъ земную оболочку: мнѣ было такъ легко, такъ сладостно!.. Изъяснить это никто не можетъ; чувствовать же можно только во дни отрочества, когда демонъ страстей не разочаровалъ еще нашей жизни. Со слезами на глазахъ засыпалъ я тамъ, гдѣ заставали меня эти часы блаженства неземного. На другой день встревоженный отецъ, слѣдя полуночника по мхамъ и кустарникамъ, находилъ меня спящимъ подъ открытымъ небомъ. Хищные звѣри могли бы съѣсть меня! За мои побѣги я былъ строго наказываемъ.

— И по-дѣломъ! — промолвилъ Вульфъ. — Лучше было помогать отцу работой и молиться дома, чѣмъ шататься, какъ сумасбродный, куда глаза глядятъ, безъ цѣли и пользы. Ты, вѣрно, скоро исправился?

— Вы не отгадали, господинъ, я никогда не исправлялся, какъ лоза тростниковая, которую можно гнуть, втоптать въ землю, исторгнуть съ корнемъ, а не переломить. Отецъ мой думалъ по вашему; также разсуждали сосѣди наши, говоря: прежде, нежели на этомъ маломъ пуковъ десять розогъ не переломаешь, изъ него ничего добраго не выйдетъ. Они не знали, и вы,

господинъ, не знаете, какъ трудно побѣждать сильныя врожденныя склонности; вамъ неизвѣстна эта жажда удовлетворять имъ, эта грусть, рождающаяся отъ препятствій. Запрещаемое сдѣлалось для меня еще привлекательнѣе: такъ бываетъ обыкновенно.

Черезъ нѣсколько времени, все, что я видѣлъ великаго, ужаснаго, прекраснаго въ этомъ мірѣ, я хотѣлъ высказать, но высказать не простымъ разговорнымъ языкомъ; нѣтъ, по своенравному, странному характеру своему, я хотѣлъ это выполнить какимъ-то особеннымъ, размѣреннымъ языкомъ, о которомъ далъ мнѣ понятіе одинъ англійскій купецъ, пріѣзжавшій каждое лѣто въ Торнео и оттуда заходившій всегда въ нашу деревушку для покупки кожъ. Онъ полюбилъ меня, узнавъ мою склонность къ поэзіи, какъ онъ говорилъ; давалъ отцу моему хорошіе барыши, чтобы онъ не наказывалъ меня за своевольство; нерѣдко, въ прогулкахъ своихъ, онъ бралъ меня съ собою и читалъ мнѣ что-то изъ книги. Онъ называлъ ее: *Потерянный рай*. Я ничего не понималъ, но мнѣ было пріятно, очень пріятно его слушать; не зная языка, я могъ, однакожъ, съ помощью слуха сказать ему, что онъ читалъ: пѣсни ли ангеловъ, у престола Всевышняго поющихъ ему хвалу чистаго сердца, или безумный ропотъ бѣснующихся на Творца своего, бунтующій адъ, или красные, райскіе дни. Я могъ, согласно пониженію или возвышенію голоса, раздѣлять ударами руки моей какую-то правильную мѣру. Часто говорилъ я самъ съ собою, читалъ вслухъ восторженныя созданія, повторялъ ихъ и выучивалъ на память. Наконецъ, для меня не довольно было, что картины, мною изображаемыя, казались мнѣ живыми сколками съ природы; не довольно было, что я самъ наслаждался ими,—я желалъ, чтобы и другіе чувствовали всѣ красоты ихъ, чтобы они ихъ хвалили. Когда я прочелъ

на память одно изъ своихъ произведеній отцу моему, онъ назвалъ меня сумасшедшимъ и съ угрозами посадилъ за работу; когда я прочелъ его одноземцамъ своимъ, они покачали головою и молча со страхомъ отошли отъ меня, какъ отъ чумного. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я лѣта. Оно пришло, и съ нимъ явился англичанинъ, который одинъ понималъ меня. Услышавъ мои поэтическія видѣнія, какъ онъ называлъ ихъ, онъ обнялъ меня крѣпко и, поцѣловавъ въ голову, сказалъ. «Ты поэтъ! Въ Лондонѣ, въ Стокгольмѣ поняли бы тебя». Онъ присовокупилъ, что тамъ выучился бы я писать и передавать бумагѣ творенія свои такъ, чтобы они не умирали. Многое, очень многое говорилъ онъ мнѣ тогда, чего теперь не припомню. Съ того времени слова его безпрестанно отзывались въ моемъ сердцѣ; они не давали мнѣ покоя и во снѣ. «Ты поэтъ!» твердилъ мнѣ безпрестанно какой-то демонъ. Я не выдержалъ, я бѣжалъ изъ дому родительскаго и направилъ путь мой въ Стокгольмъ. Мнѣ было двадцать лѣтъ. Много странствовалъ я, много терпѣлъ нужды, и за чѣмъ пошелъ, того не нашелъ. Какъ бродягу, въ Рангедалѣ остановили меня и записали въ солдаты.

— Порядочная холодильня для стихотворнаго жара! — прервалъ рѣчь его цейгмейстеръ. — За то съ этого времени повѣсть твоя начнетъ разогрѣваться воспоминаніемъ солдатской жизни. Признаюсь, старикъ, люблю слушать разсказы изувѣченнаго солдата о трудныхъ походахъ, любимыхъ полководцахъ, жаркихъ сраженіяхъ. Полки движутся, дѣлятся, строятся; стрѣлки впередъ—какъ бѣсенята, перекидываются мячиками; дуру-бабушку съ костылей долой: мигнулъ ей глазомъ—пафъ! и заколыхалась колонна непріятельская. Весело сердцу артиллерійскому! Летучіе смѣтили проказы старушки и понеслись докончить палашомъ, что начала пушка; поле, какъ мостъ понтонный, стонетъ и,

кажется, зыблется отъ топота конницы: врѣзались, смяли, сокрушили, и—наша взяла! Виватъ! Здѣсь все—жизнь, все—движеніе! Вотъ что я люблю послушать, доннерветтеръ! Вотъ тогда-то я ушами вижу, сердцемъ слышу! А что мнѣ до мяуканья, съ кашлемъ пополамъ, вашихъ стихотворовъ на козьихъ ножкахъ:

Фіалочка прелестная!
Почто въ лѣсу цвѣтешь?

или:

Она сидитъ, она глядитъ...

и съ мѣста ни шагу!

— Иному талантъ, иному другой,—возразилъ слѣпецъ съ нѣкоторой досадой. — Привычка вторая природа. Сколько ни стучи по натянутому на барабанѣ пузырю, онъ ничего не издаетъ, кромѣ однообразныхъ звуковъ: прошу не прогнѣваться.

— Старикъ!.. — вскричалъ Вульфъ, какъ порохъ вспыхнувшій отъ гнѣва. Онъ хотѣлъ что-то присовокупить, но дѣвица Рабе убѣдительно посмотрѣла на него, и слова замерли на его устахъ.

— Оставьте меня слушать занимательную повѣсть старика,—сказала она, кивая цейгмейстеру, — онъ для меня ее разсказываетъ.

— Ужъ конечно не для солдата!—примолвилъ слѣпецъ съ сердцемъ.—На чемъ-бишь мы остановились?.. Да, помню, помню! Волей или неволей далъ я присягу шведскому королю служить ему. Казармы, стукъ ружей, приказы грознаго капрала, военныя эволюціи, а иногда и экзекуціи, пробудили меня отъ сладкаго сновидѣнія. Воображеніе мое угасло, сердце одеревенѣло Земля представилась мнѣ смрадною глыбой; страсти, подобно гадамъ, выползали изъ норъ своихъ и окружали меня; кандалы моего существованія влачились по пятамъ моимъ. Слишкомъ восемь лѣтъ былъ я подъ

ружьемъ. Начальники называли меня безтолковымъ солдатомъ, товарищи—тюленемъ. Я искалъ утѣшеній. Въ часы досуга я выучился играть на скрипкѣ у органиста одной изъ церквей упсальскихъ, гдѣ полкъ нашъ стоялъ гарнизономъ. Онъ же былъ моимъ учителемъ чтенія. Первая книга, которую я уразумѣлъ, была «Псалтырь». Горячія слезы, капавшія на эту книгу, наполняли душу мою высшимъ наслажденіемъ; съ ними я обрѣлъ опять моего Бога. — Время искуса прошло, и я, за слабостію зрѣнія, получилъ отставку. Стряхнувъ у городского порога всю нечистоту неволи, я полетѣлъ на родину. Но какъ тамъ все перемѣнилось! Вмѣсто дома отца, я нашелъ его могилу. Можете судить, что я, неблагодарный, безразсудный сынъ, чувствовалъ, припавъ на нее! Виновникъ смерти отца,—думалъ я,—куда мнѣ было обратиться? Я хотѣлъ видѣть предметы, нѣкогда мнѣ любезные, и чтожъ? море показалось мнѣ обширнымъ гробомъ; надъ любимымъ моимъ утесомъ вились вѣщіе враны, въ ожиданіи, что привѣтливая волна подаритъ имъ для снѣди остатки того, кто былъ человѣкомъ; черныя, угрюмыя тучи застилали отъ меня звѣздное небо; стонъ вѣтра нашептывалъ мнѣ проклятія отца. Я спѣшилъ удалиться отъ этихъ ужасныхъ мѣстъ. Долго скитался я по селамъ; товарищъ, столько же вѣрный, какъ и горе—скрипка—доставляла мнѣ пропитаніе, пѣсни божественныя—утѣшеніе. Томимый жаждою познаній, я возвратился, свободный, туда, гдѣ жилъ поневолѣ. Сначала опредѣленъ я при упсальскомъ университетѣ привратникомъ, потомъ, долго ли, скоро ли, сдѣлался въ немъ студентомъ. Смѣйтесь, господинъ офицеръ! вы видите передъ собою упсальскаго студента богословія и поэзіи!... Мнѣ-ль оскорбляться вашимъ смѣхомъ? И объ Немъ, чудясь, спрашивали: откуда Ему сіе?... Неужели вы никогда не читали въ Писаніи: ка-

мень, который отвергли зиждущіе, тотъ самый сдѣлался главою угла. Отъ Господа сіе содѣлалось, и есть дивно въ очахъ вашихъ!... Въ университетѣ любилъ меня особенно одинъ профессоръ, Томасъ Биръ...

— Извините меня, господинъ цейгмейстеръ, и вы, фрейлинъ!—сказалъ Фрицъ, подкравшійся къ собесѣдникамъ и начавшій раскладывать разныя блюда съ закускою, запасенною на дорогу.

— Ты насъ испугалъ, Фрицъ! — прервала его дѣвица Рабе.

— Виноватъ!—продолжалъ кучеръ съ лицомъ свѣтлымъ, какъ полный мѣсяцъ въ морозную ночь, потирая себѣ ладонями грудь, будто у него что-нибудь тяжелое отходило отъ сердца. — Я обрадовался, что вижу живыхъ людей въ этой долинѣ; между тѣмъ услышалъ о Бирѣ и хотѣлъ спросить, не сынъ ли его нашъ Адамъ?

— Сумасшедшій, какъ отецъ его!—возразилъ цейгмейстеръ, — тотъ смотрѣлъ все на небо, предвѣщалъ конецъ міра, и едва ли не уморилъ себя и свое семейство въ богадѣльнѣ; этотъ все смотритъ подъ ногами и болтаетъ безпрестанно объ усовершенствованіи рода человѣческаго!

— Пускай это говорятъ тѣ, которые сами не видятъ далѣе ядра, пущеннаго наторѣлымъ бомбардиромъ!—воскликнулъ слѣпецъ съ негодованіемъ. — Да, я знаю Адама; онъ любилъ меня, какъ родного, когда я былъ еще привратникомъ. Отецъ его прикрылъ наготу моего ума и души крыломъ серафима. Божій человѣкъ! Онъ былъ добръ, яко голубь, и мудръ, яко змій. Ему дано было свыше уразумѣть таинства природы, слагать слова изъ великихъ буквъ ея, начертанныхъ перстомъ Всемогущаго въ небесахъ, на каждой былинкѣ и камнѣ, во взорахъ, на челѣ и рукахъ

смертнаго. И это называете безуміемъ вы, слѣпотствующіе очами душевными, вы, которые боитесь оторвать отъ праха звено, приковывающее къ нему духъ вашъ? Персть и въ персти погрязли! Злыхъ злѣ погубитъ ихъ и виноградъ предаетъ инымъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя.

Грудь слѣпца сильно волновалась; негодованіе перехватывало слова его; также и Вульфъ едва удерживалъ свою досаду. Вольдемаръ, положивъ руку на колѣно старика, ласково прервалъ его рѣчь:—Другъ! ты забылъ о своей повѣсти.

— Скоро конецъ ея! я это знаю... Да... помню, помню... я сдѣлался боленъ. Неизвѣстно мнѣ, долго ли страдалъ я, чѣмъ, куда дѣвался мой благодѣтель, сынъ его, что со мною было; извѣстно мнѣ только, что послѣ моей болѣзни я ослѣпъ. Повѣрите ли, добрая госпожа? съ того времени я весь обновился: казалось, спало съ меня проклятіе отца и съ нимъ бремя жизни; возвратились ко мнѣ первые дни моей юности и съ ними все, что меня обворожало. Слѣпой, я прозрѣлъ. Не однѣ картины прежде знакомаго мнѣ моря, любимаго утеса, сѣвернаго сіянія и неба, прекраснаго ночного неба во всемъ его великолѣпіи, со всею Божьею благодатью, обступаютъ меня: часто представляются мнѣ такія дивныя видѣнія, за которыя цари заплатили бы грудами золота. Вскорѣ Провидѣніе даровало мнѣ новое благо. Вольдемаръ нашелъ меня, гдѣ—ее знаю; онъ такъ же, какъ и чудныя видѣнія мои, не покидаетъ слѣпца. Я свободенъ, счастливъ. Чего мнѣ желать болѣе? Когда же Вѣчный воззоветъ меня къ Себѣ, послѣдняя молитва моя, — чтобы въ минуты смерти просіяло надо мною прежнее, знакомое небо моей юности, и рука единственнаго земного друга захватила на сердцѣ послѣднюю искру жизни, этотъ послѣдній

завѣтъ ему любви моей. Товарищъ, гдѣ ты? дай мнѣ руку свою.

Такъ кончилъ слѣпецъ повѣствованіе свое, и высохшая рука его крѣпко сжала руку вождя и друга.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВИДѢНІЕ

Что прежде сбылося, что будетъ впередъ,
О чемъ ты замыслилъ и что тебя ждетъ—
Все знаю!...

Чодолинскій.

Дѣвица Рабе слушала Конрада изъ Торнео съ видимымъ участіемъ; неоднократно, въ продолженіе разсказа, слезы навертывались на глазахъ ея. Она выразила свою благодарность съ такимъ добросердечіемъ, къ тому-жъ въ звукахъ ея голоса было для слѣпца столько могущественнаго, что онъ не раскаивался въ откровенности своей. Цейгмейстеръ думалъ: «не даромъ этого чудака на родинѣ его называли безумнымъ: въ жизни его не вижу ничего разсудительнаго, основательнаго».

Прекрасная спутница изъявила желаніе посмотрѣть на гусли, никогда ею невиданныя, и Вольдемаръ спѣшилъ удовлетворить любопытство ея, не только раскрывъ ихъ, но и объяснивъ ихъ устройство. Вниманіе разсматривавшихъ этотъ инструментъ привлекла также раскрашенная картинка, приклеенная ко внутренней сторонѣ крышки. На ней грубо изображены были нѣсколько густыхъ деревъ, посреди которыхъ сидѣлъ въ

гнѣздѣ уродъ необыкновенной величины: онъ надувался и выпускалъ изъ огромнаго рта воздухъ наподобіе снопа лучей. Противъ него гордо выѣзжалъ на борзомъ конѣ рыцарь, устремивъ на противника стрѣлу по натянутому луку. Подъ картинкою начертано было строкъ до двадцати на неизвѣстномъ для нашихъ наблюдателей языкѣ.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ Вульфъ.—Еслибъ не борода, я принялъ бы молодца на деревѣ за маіора трабантскаго его королевскаго величества полка, Фейергрока, когда онъ изъ-за батареи стакановъ и бутылокъ пускаетъ въ подступающихъ къ нему фузеи табачнаго дыма. Смерть на пуховикѣ, если я лгу! Разскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинкѣ и что за тарабарщина написана подъ нею?

— Картина взята изъ русской сказки: *Илья Муромецъ*,—отвѣчалъ Вольдемаръ.—Храбрый великодушный рыцарь, защитникъ родной земли, стариковъ, дѣтей, женщинъ, всего, что имѣетъ нужду въ опорѣ храбраго, ѣдетъ сразиться съ разбойникомъ, котораго называютъ *соловьемъ;* этотъ соловей, сидя въ дремучемъ лѣсу на девяти дубахъ, однимъ посвистомъ убиваетъ всякаго, на кого только устремляетъ свое потѣшное орудіе. Подъ картинкою русскіе стихи.

— Откуда-жъ шведу могло достаться это малеванье?—спросилъ цейгмейстеръ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я самъ былъ въ Россіи.

— Въ Московіи, хочешь ты сказать? — Ахъ, это очень любопытно,—подхватила съ живостью собесѣдница.

— Я пошатался и по Россіи — чего не дѣлаетъ нужда!—прожилъ нѣсколько лѣтъ въ резиденціи Царя, въ Москвѣ, научился тамъ играть на гусляхъ и языку русскому у одного школьника изъ духовнаго званія, по

нашему студента теологіи, который любилъ меня, какъ брата, и, когда я собрался въ Швецію, подарилъ мнѣ на память этотъ ящикъ вмѣстѣ съ картиною, какъ теперь видите. Съ того времени я берегу драгоцѣнный даръ московскаго пріятеля. О! чего не напоминаетъ онъ мнѣ!

— Поэтому Московія не совсѣмъ варварская страна, какъ ее описываютъ, вѣроятно, непріятели ея?—спросила дѣвица Рабе.—Поэтому и тамъ любятъ искусства?

— Начинаютъ любить,—отвѣчалъ гусляръ. — Царь Алексѣй Михайловичъ и его сынъ Ѳеодоръ ужь много сдѣлали для просвѣщенія Россіи. Другой сынъ его.... но онъ врагъ Швеціи: я не смѣю говорить объ немъ.

— Почему-жъ, мнѣ кажется, не хвалить хорошаго и въ непріятелѣ? Батюшка разсказывалъ мнѣ, что Петръ — великій государь, достойный поровняться съ нашимъ Карломъ. Имѣлъ ли ты когда-нибудь счастіе, добрый странникъ, видѣть его?

При этомъ вопросѣ Вульфъ насупилъ густыя брови. Вольдемаръ, примѣтно смутившись, отвѣчалъ:—Да.... я его видалъ. Наружность героя и царя въ полномъ смыслѣ! Взглядъ его,... ахъ, этого взгляда никогда не забуду!

— Странникъ,—возразилъ цейгмейстеръ съ обыкновеннымъ жаромъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ,— ты говоришь о геройствѣ и величіи царей по чувству страха къ нимъ, а не благороднаго удивленія. Всякій говорилъ бы такъ на твоемъ мѣстѣ, встрѣтивъ въ первый разъ грознаго владыку народа. Простительно тебѣ такъ судить въ твоему быту. (Вольдемаръ съ усмѣшкой негодованія взглянулъ на оратора, какъ бы хотѣлъ сказать: «не уступлю тебѣ въ высокости чувствъ и сужденій!» и молчалъ). — Вульфъ продолжалъ свою рѣчь: «Ты не смотрѣлъ въ очи сѣверному льву; ты не видѣлъ Карла въ ту минуту, когда онъ, по колѣна

въ водѣ, вступалъ на берега Даніи, встрѣченный тучею пуль непріятельскихъ и съ жадностью прислушиваясь къ свисту ихъ». «Отнынѣ шумъ этотъ будетъ моею любимою музыкой!»—сказалъ двадцатилѣтній герой — и голубые глаза его воспламенились въ первый разъ огнемъ мужества, которое съ того времени не потухало; лицо его вспыхнуло первымъ желаніемъ побѣды и осѣнилось первою думою о способахъ побѣждать. Я слышалъ эти слова, я видѣлъ этотъ взглядъ, поймалъ на лицѣ его выраженіе души великой и, признаюсь, доннерветтеръ! за эти минуты готовъ бы цѣлую жизнь мою держать стремя у Карла. Съ воспоминаніемъ о нихъ умру сладко. Да! пока мысль можетъ ловить эти минуты, русскій не возьметъ ни одной батареи, на которой я буду! Клянусь въ томъ концемъ шпаги Карла XII! Вульфъ не отдастся живымъ въ плѣнъ, и остатковъ мертвеца съ этимъ именемъ не соберутъ на поруганіе его»!

Всѣ слушали цейгмейстера съ особеннымъ вниманіемъ. За рѣчью его послѣдовала минута молчанія, какъ послѣ жаркой перестрѣлки настаетъ въ утомленныхъ рядахъ мгновенная тишина. Каждый изъ собесѣдниковъ имѣлъ особенную причину молчать или потому, что краснорѣчіе высокихъ чувствъ, какого бы роду ни были они, налагаетъ дань и на самую непріязнь, или потому, что никто изъ противниковъ военнаго оратора не могъ откровенно изъяснить свои чувства. Вульфу, послѣ краткаго отдыха, предоставлена была честь перваго выстрѣла.

— Виватъ!—воскликнулъ онъ торжественнымъ голосомъ,—моя канонада оглушила васъ до того, что вы стали втупикъ и забыли спросить, о чемъ проповѣдуетъ мой Фейергрокъ съ высоты своей лиственной каѳедры. Прочитай-ка намъ, любезный камрадъ, русскіе стихи, написанные подъ картиною!

— Съ удовольствіемъ, храбрый и любезный капитанъ!—отвѣчалъ Вольдемаръ и началъ читать стихи:

Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ соловья того,
И заслышалъ тутъ разбойникъ сей
Того ли топу конинова,
И тоя ли поѣздки богатырскія:
Засвисталъ онъ по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ по-змѣиному,
А въ третій зрявкалъ по-звѣриному —
Подъ Ильею конь окорачился...
Вынимаетъ онъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ соловья-разбойника...

— Какъ мнѣ нравится этотъ языкъ! — сказала дѣвица Рабе, попрошу господина пастора, чтобы онъ выучилъ меня ему.

— Можетъ быть, придетъ время, что вы станете учиться русскому языку; можетъ быть, лифляндцы....

— Лифляндцы? никогда! — прервалъ съ досадою Вульфъ.

— Ты забылъ, шведъ, что страна здѣшняя находится подъ владычествомъ непобѣдимаго Карла. Скорѣй повѣситъ онъ свои шпоры къ большому колоколу московскому и заставитъ его говорить на своемъ языкѣ, чѣмъ лифляндцы будутъ вынуждены когда-либо знать по-русски. Предоставимъ одной сестрицѣ моей Рабе учиться варварскому нарѣчію у всезнающаго нашего Глика, именно для того, что я не люблю русскихъ дикарей, или потому, что она съ нѣкотораго времени имѣетъ особенное пристрастіе къ Алексѣевичу.

— Шутите, сколько угодно, братецъ Вульфъ, а я въ своемъ пристрастіи тверда, — возразила Катерина Рабе.—Уважаю, боюсь даже Карла, героя, побѣдителя, съ его голубыми глазами, блистающими умомъ военнымъ, котораго у него никто не отнимаетъ; но люблю

Алексѣевича, зардамскаго плотника, солдата въ своей потѣшной ротѣ, путешественника, собирающаго отвсюду познанія, чтобы обогатить ими свое государство; люблю его, несмотря, что онъ непріятель моего короля.... Можетъ быть, я это говорю потому, что мнѣ это натвердилъ и крѣпко внушилъ мой благодѣтель. Впрочемъ, что можетъ сужденіе бѣдной, неизвѣстной сироты на вѣсахъ, гдѣ лежатъ окровавленныя шпаги?

Дѣвица Рабе произнесла эти слова съ особеннымъ сердечнымъ волненіемъ: взоры ея блистали необыкновеннымъ огнемъ, щеки ея горѣли.

— Вотъ какими бреднями опуталъ голову моей сестрицы велемудрый господинъ пасторъ!—воскликнулъ цейгмейстеръ, пожимая плечами.—Безмолствую передъ ней... но ты, шведъ?—продолжалъ онъ, обратившись къ младшему страннику съ видомъ упрека.

— Не принимайте словъ моихъ въ худомъ смыслѣ, господинъ офицеръ. Вѣрьте, что никто болѣе меня не желаетъ долгоденственной славы моему отечеству. Я хотѣлъ сказать, что два великіе народа...

— Два великіе народа? Хмъ! Видно, свои и чужіе согласились бѣсить меня...—возразилъ цейгмейстеръ,—однакожъ, продолжай, продолжай. Хочу выпить горькую чашу до дна.

— Шведы съ русскими могутъ помириться; тогда произойдутъ большія перемѣны въ здѣшнемъ краю: торговыя, дружескія сношенія скрѣпятъ союзъ лифляндцевъ съ сосѣдями ихъ; тогда, можетъ быть, эта прекрасная госпожа захочетъ съѣздить во Псковъ, въ Москву.

— Что ей тамъ? чего ей смотрѣть: не Соловья-ль разбойника?... Скорѣе она поѣдетъ въ Стокгольмъ.

— Неисповѣдимы пути Господни!—произнесъ слѣпецъ.—Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ Судебъ!

— Ей, Катеринѣ Рабе, написано быть за шведскимъ офицеромъ. Катеринѣ Рабе, пріемышу пастора Глика, кажется, не безчестно идти за королевско-шведскаго цейгмейстера! Понимаете ли вы, странники? — вскричалъ Вульфъ раздраженнымъ голосомъ, который испугалъ даже невѣсту его.

Слѣпецъ, казалось, не слыхалъ этихъ восклицаній. Схвативъ дрожащую руку дѣвушки, онъ забылся въ какомъ-то внутреннемъ созерцаніи; незрящія очи его горѣли; наконецъ, возвысивъ вдохновенный голосъ, какъ бы прозирая въ небѣ:—Вижу,—сказалъ онъ, — вижу, изъ сумрака выступаетъ дѣва, любимица небесъ; голова ея поникнута, взоры опущены долу, волосы падаютъ небрежно по открытымъ плечамъ; румянецъ стыдливости, играя по щекамъ ея, споритъ съ румянцемъ зари утренней, засвѣтившей востокъ. Встаетъ алмазная гора, дивною рукою изсѣченная. Оступилась дѣва на первой ступени, еще ночною тѣнью одѣтой; смиренно преклоняетъ колѣно, — и вздохъ, тяжелый вздохъ вылетаетъ изъ груди ея! Вскорѣ, обновленная жизнью неземной, встаетъ и шествуетъ далѣе, не поднимая очей своихъ. Еще четыре ступени, и готовъ алтарь... и розовый вѣнецъ обвиваетъ ея прекрасное чело. Старецъ совершаетъ надъ нею дивное таинство. Взоры ея уже не опущены долу, волосы искусно подобраны назадъ. Изумленная, она озирается кругомъ, она не вѣритъ своему счастію, но уже его ощущаетъ. Еще четыре ступени, и розовый вѣнецъ смѣненъ алмазною короною..

— Сумасшедшій! Ха, ха, ха!

— Смѣйся!... я тебѣ говорю: *на дѣвѣ*, которую я видѣлъ, *лежитъ корона!* Эта рука мнѣ знакомая. Я смотрѣлъ на нее нѣкогда у десятилѣтней дѣвочки въ Роопѣ, въ пятый день апрѣля.

— Въ Роопѣ?.. Я тамъ живала... — сказала испу-

ганная и вмѣстѣ изумленная дѣвица Рабе, потирая себѣ пальцами по лбу, какъ бы развивая въ памяти прошедшее.—Пятое апрѣля день моего рожденія...

Между тѣмъ и Вольдемаръ обратилъ на нее свои проницательные взоры; онъ, оказалось, узнавалъ въ ней давнишнюю знакомую.—Не припомните ли,—спросилъ онъ ее,—двухъ странниковъ, похожихъ на насъ? Одинъ былъ помоложе меня, другой такой же слѣпецъ, какъ и товарищъ мой. Можетъ статься, что вы ихъ видѣли лѣтъ восемь назадъ?

— Да, точно припоминаю какъ будто сквозь туманъ,—отвѣчала дѣвушка, немного ободрясь, — странники были похожи на васъ; они тогда зашли на дворъ къ господину пастору Дауту, у котораго я жила въ услуженіи.

— Смиряяй себя вознесется!—воскликнулъ слѣпецъ.

— Подлѣ меня стояла большая датская собака, которая напугала прохожихъ.

— Я вздрогнулъ отъ ужаснаго лая собаки; такого я еще никогда не слыхивалъ: мнѣ показалась, что буря заревѣла, сорвавшись съ цѣпи своей. Невольно прижался я къ рукѣ своего молодого товарища.

— Тогда,—промолвилъ Вольдемаръ, — прекрасная малютка,—какъ теперь вижу — принявъ гнѣвный видъ и грозя пальчиками своими, повелительнымъ голосомъ закричала на собаку: «Смотри, Плутонъ, берегись, Плутонъ!»

— Точно! у насъ была собака этого имени, — сказала дѣвица Рабе, покраснѣвъ.

— И лай собаки затихъ, какъ замираетъ буря на голосъ повелителя стихій!

— Грозное животное,—прибавилъ путникъ,—легло съ покорностью у ногъ своей маленькой госпожи, махая униженно хвостомъ. Тогда-то слѣпой другъ мой захотѣлъ увидѣть поближе дитя; онъ взялъ ее за руку

и осязалъ долго эту руку. Тутъ закричала на нее хозяйка дома, грозясь... даже побить ее за то, что впустила бродягъ. Товарищъ мой, самъ прикрикнувъ на пасторшу, сказалъ то же, что онъ теперь говорилъ вамъ, держа вашу руку.

— Бѣдные, васъ тогда выгнали за меня со двора и не дали вамъ даже напиться.

Вульфъ, молча, съ коварною усмѣшкой слушалъ этотъ разговоръ обоихъ странниковъ съ дѣвицею Рабе и вдругъ разразился какимъ-то дикимъ, принужденнымъ смѣхомъ; но вскорѣ, одумавшись, просилъ у ней прощенія, просилъ даже прощенія у Конрада изъ Торнео. «Въ самомъ дѣлѣ, надъ кѣмъ смѣяться мнѣ? на кого мнѣ сердиться?» — говорилъ онъ про себя, — «одна — женщина, другой—убогій, сумасшедшій старикъ»! Катерина замѣтила ему только, что громкимъ смѣхомъ своимъ онъ могъ разбудить пастора. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтно было по движенію колебавшагося зеленаго намета, что Гликъ просыпался. Гусляръ, предупрежденный догадливою собесѣдницей о сосѣдствѣ его, посмотрѣвъ сначала на Фрица, тихо условился о чемъ-то съ товарищемъ, подалъ слѣпцу скрипицу, поставилъ свой музыкальный ящикъ на складной стулъ, и пальцы его запрыгали по струнамъ. Звуки, возвышенные, трогательные звуки раздались по рощѣ! Слѣпецъ, вторя ему на скрипкѣ дрожащимъ теноромъ, съ особеннымъ чувствомъ запѣлъ подъ музыку своего товарища псаломъ: *Господь пастырь мой, я не буду въ скудости.* Невольно присоединила къ нимъ голосъ свой дѣвица Рабе, сначала изумленная и обрадованная нечаяннымъ подаркомъ музыкантовъ. (Надобно замѣтить, что въ Маріенбургской киркѣ пріятный и возвышенный голосъ ея господствовалъ надъ многочисленнымъ хоромъ прихожанъ). Вульфъ поникнулъ головой; самъ Фрицъ забылся на время и, казалось, молился. Пасторъ, какъ

бы обвороженный, остался неподвиженъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ засталъ его первый стихъ божественнаго пѣснопѣнія. Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ звуки умолкли, онъ началъ протирать себѣ глаза и не зналъ, вѣрить ли ушамъ своимъ: ему казалось, что все это слышалъ онъ во снѣ.

— Папахенъ! тебѣ нездорово такъ долго спать, — сказалъ ему знакомый голосъ и вывелъ его изъ этого обвороженія. Воспитанница объяснила ему всю тайну концерта, составленнаго такъ неожиданно; разсказала ему о старинномъ знакомствѣ своемъ, нынѣ подновленномъ, о занимательной повѣсти слѣпца, объ участіи, которое оба странника такъ сильно возбуждали къ себѣ, хотя одинъ изъ нихъ казался нѣсколько помѣшаннымъ въ умѣ; и, предупредивъ такимъ образомъ своего воспитателя въ ихъ пользу, она спѣшила свести ихъ вмѣстѣ.

Пасторъ полюбилъ поэтическаго старца и таинственнаго его спутника. Онъ терялся въ различныхъ догадкахъ насчетъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что странническому состоянію его измѣняла благородная наружность вмѣстѣ съ возвышенностію мыслей и чувствъ, повременамъ блиставшихъ въ краткихъ отвѣтахъ его, какъ золотая монета въ сумѣ нищаго. Вольдемаръ былъ неразговорчивъ, и, когда примѣчалъ, что съ нимъ хотятъ сблизиться откровенностью и ласками, что любопытство искало слабой стороны, куда могло-бы проникнуть до тайны его жизни, онъ облекалъ себя двойною броней угрюмости и лаконизма. Догадливый товарищъ его, въ затруднительныхъ случаяхъ, приходилъ къ нему на помощь реченіями изъ св. Писанія и поэтическими видѣніями.

Гусли были снова открыты и разсмотрѣны. Картина возбудила въ пасторѣ смѣхъ; однакожъ, онъ находилъ въ ней нравственный смыслъ, добирался до

источниковъ ея въ сѣверномъ миѳѣ и доказывалъ, что Московія имѣла свой вѣкъ рыцарства; но чего онъ не открылъ, такъ это внутреннее убѣжденіе, что странное изображеніе Ильи Муромца и Соловья-разбойника имѣло отношеніе къ единоборству двухъ современныхъ высшихъ особъ. Музыкальный инструментъ сравнивалъ онъ съ арфой или съ *коклей* [1]), положенной въ ящикъ; полагалъ, что можно бы употребить его въ церквахъ вмѣсто органовъ, и что играющій на одномъ изъ этихъ инструментовъ можетъ скоро выучиться и на другомъ. Тотчасъ блеснула въ сердцѣ его счастливая мысль: «Органистъ маріенбургскій старъ и давно просится на покой — вотъ удобный случай замѣстить его молодымъ музыкантомъ! Сверхъ того, Вольдемаръ будетъ ему хорошимъ помощникомъ для усовершенствованія его въ русскомъ языкѣ. Слѣпца можно пристроить въ богадѣльню». Все это было скоро придумано, и предложеніе сдѣлано. Конрадъ ничего не отвѣчалъ, онъ предоставлялъ товарищу говорить за себя и за него самого. Вольдемаръ и не ожидалъ его отвѣта: отъ имени обоихъ благодарилъ онъ пастора, обѣщалъ воспользоваться великодушными его предложеніями только для того, чтобы посѣтить его и побывать въ Маріенбургѣ на короткій срокъ; присовокупилъ, что странническая жизнь, можетъ быть, унизительная въ глазахъ свѣта, не менѣе того сдѣлалась ихъ потребностью, что осѣдлость, вѣроятно, покажется имъ ограниченіемъ ихъ свободы, всегда для человѣка тягостнымъ, и что поэтическій, причудливый характеръ друга его, которому было тѣсно и душно въ домѣ родительскомъ, не потерпитъ на себѣ и легкихъ цѣпей однообразной жизни богадѣльни. Эти причины, и осо-

---

[1]) *Коклея* — музыкальный инструментъ, бывшій въ употребленіи у лифляндцевъ въ древнія времена.

бенно привязанность его къ старцу, не позволяютъ ему ни за какія блага разстаться съ нимъ и оставить его снова одного въ пустынѣ міра. Вольдемаръ повторилъ еще, что непремѣнно скоро постараются они быть въ Маріенбургѣ и посѣтить домъ благословенія Божія (такъ называлъ онъ жилище Глика). Молчалъ слѣпецъ, но примѣтно было, что улыбка душевнаго удовольствія перебѣгала по устамъ его. Онъ другого отвѣта и не ожидалъ отъ своего товарища. Глику никогда не нравилась странническая жизнь, подъ какимъ-бы видомъ она ни была; несмотря на это и на отказъ новыхъ знакомцевъ, не охладѣла въ немъ надежда пристроить ихъ современемъ около себя, продливъ ихъ пребываніе въ Маріенбургѣ всѣмъ, что могло принести имъ утѣшеніе и спокойствіе, заставить ихъ полюбить семейную жизнь и такимъ образомъ сдѣлать ручными этихъ гордыхъ звѣрей сѣверныхъ лѣсовъ.

Полдникъ давно ожидалъ путешественниковъ; онъ состоялъ изъ домашняго сыра, лоснящейся отъ копоти рыбы и пирога съ курицею и яйцами, румянаго, хорошо начиненнаго. Пасторъ прочиталъ вслухъ приличную случаю молитву, каждый про себя повторилъ ее въ глубокомъ благоговѣніи. Послѣ того расположились всѣ въ кружокъ около походной трапезы. Дѣвица Рабе сѣла возлѣ слѣпца, которому взялась сама прислуживать. Отвѣдавши блѣднаго сыра, принялись за пирогъ, болѣе приманчивый; сдѣлать въ немъ брешь предоставлено было артиллеристу, вооруженному столь же храбрымъ аппетитомъ, какъ и духомъ; другіе, уже по слѣдамъ его, побрели смѣлѣе въ проломъ и докончили разрушеніе пирога. Такъ въ маломъ и большомъ все ведется на свѣтѣ!

Когда дѣло дошло до копченыхъ язей, пасторъ принялся разсказывать, что рыба эта ловится только въ Эмбахѣ, близъ Дерпта. «Нѣкогда,—сказалъ онъ,—

смиренные братья аббатства Фалкенаускаго, основаннаго близъ береговъ Эмбаха первымъ епископомъ дерптскимъ, Германомъ, накормили язями итальянскаго прелата, присланнаго отъ папы для изслѣдованія нуждъ монастырскихъ, напоили monsignore пивомъ въ которомъ вмѣсто хмѣля былъ положенъ *багульникъ* [1]). Вдобавокъ они свели его въ жарко натопленную комнату, въ которой—о ужасъ!—поддавали безпрестанно водою на горячіе камни, сѣкли себя немилосердно пуками лозъ и, наконецъ, окачивались холодною, изъ прорубей, водою. Вслѣдствіе несваренія желудка своего отъ язей и пива съ багульникомъ, прелатъ заключилъ, что монастырь крайне бѣденъ, а вслѣдствіе банныхъ эволюцій, напугавшихъ его, приписалъ въ донесеніи своемъ святѣйшему отцу слѣдующее восклицаніе: «Великій Боже! ужъ сіе-то монастырское правило слишкомъ жестоко и неслыханно между людьми!» Изъ этой исторической драгоцѣнности нашъ пасторъ выводилъ свое заключеніе, что лифляндскіе природные жители переняли обыкновеніе париться въ баняхъ отъ русскихъ, во времена владычества великихъ князей надъ Ливоніею. Отъ слова *владычество* быть бы опять раздору между археологомъ и Вульфомъ, когда-бъ на этотъ разъ не случилось необыкновеннаго происшествія, опрокинувшаго все вверхъ дномъ въ умѣ нашихъ путешественниковъ.

Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, въ сторонѣ, гдѣ стояли карета и лошади, послышался выстрѣлъ. «Чтобы это значило?» говорили, смотря другъ на другъ, встревоженные собесѣдники, кромѣ Вульфа, котораго первое дѣло было взяться за карабинъ, а второе — бѣжать въ ту сторону, откуда раздался вы-

---

[1]) Очень горькое и вредное растеніе: ludum palustre. См. Etat de la Livonie, par le C. de Bray.

стрѣлъ. За нимъ послѣдовалъ Вольдемаръ, также осмѣлился вздуть полегоньку свои паруса Фрицъ, доселѣ внимательный слушатель всего, что говорено было, и усерднѣйшій прислужникъ хозяевамъ и гостямъ. Пасторъ съ своей воспитанницей остался на твердой землѣ. Ему вспало на умъ, что небольшой отрядъ русскихъ фуражировъ перебрался въ долину мертвецовъ и напалъ на лошадей баронессы. Онъ спѣшилъ самъ вторгнуться въ арсеналъ своей памяти и началъ опрометью рыться въ немъ, чтобы найти приличное оружіе, если не для отраженія непріятеля, то, по крайней мѣрѣ, для убѣжденія и смягченія его сердца, то есть онъ собиралъ разбросанныя въ памяти своей русскія сильнѣйшія выраженія, какія только зналъ. Изъ нихъ составилъ бы онъ рѣчь ex abrupto, которая могла-бы въ несчастномъ случаѣ такъ сильно подѣйствовать на ожесточенныхъ непріятелей, что они должны бы признать себя побѣжденными и преклонить грозныя оружія къ ногамъ оратора, какъ трофеи его краснорѣчія.

Выстрѣлы не повторялись: все было тихо. Конечно, Марсъ не вынималъ еще грознаго меча изъ ноженъ. Не скрылся ли онъ въ засадѣ, чтобы лучше напасть на важную добычу свою? Не хочетъ ли, вмѣсто желѣза или огня, употребить силки татарскіе? Впрочемъ, пора бы ужь чему нибудь оказаться! — и оказалось. Послышались голоса; но это были голоса пріятельскіе, именно цейгмейстера и Фрица. Первый сердился, кричалъ и даже грозился выколотить душу изъ тѣла бѣднаго возничаго: второй оправдывался, просилъ помилованія и звалъ на помощь.—«Несчастный погибаетъ! Чего добраго ожидать отъ этого бѣшенаго пушкаря?»— сказалъ Гликъ. Для вѣрнѣйшей диверсіи, позвавъ свою воспитанницу съ собою и оставивъ слѣпца одного на мѣстѣ отдыха, поспѣшилъ онъ съ нею въ долину,

чтобы въ случаѣ нужды не допустить завязавшагося, повидимому, дѣла до настоящаго побоища. Спустившись съ холма, увидѣли они слѣдующее.

Цейгмейстеръ, съ глазами, налитыми кровью, съ посинѣлыми губами, кипя гнѣвомъ, вцѣпился въ камзолъ кучера, который, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, трясся какъ въ лихорадкѣ. Между тѣмъ, Арлекинъ и Зефирка, вытянувшись, мчались по лугу изъ стороны въ другую: уши ихъ прилегли назадъ, грива ихъ поднялась, какъ взмахнутое крыло. Тощаго Вульфова коня не было видно.—«Куда дѣвалась моя лошадь?»—вопилъ въ бѣшенствѣ цейгмейстеръ, немилосердно тормоша своего плѣнника, — почему не смотрѣлъ ты за нею? Говори, или ты отжилъ свой вѣкъ: ложись живой въ землю». — По...пому...лосердуйте, господинъ баронъ фонъ... господинъ полковникъ... господинъ цейгмейстеръ! — произносилъ жалобно Фрицъ. — Уфъ! я задыхаюсь... отнимите немного вашу ручку... я ничѣмъ не виноватъ: вы видѣли сами, я прислуживалъ вамъ же. Отпустите душу на покаяніе! — «Стыдно, Вульфъ! гдѣ у васъ Минерва?» — сказалъ пасторъ съ неудовольствіемъ, качая головою.—«Чѣмъ терзать бѣднаго служителя баронессы Зегевольдъ, который не обязанъ сторожить вашего буцефала, не лучше-ли поискать его? Пожалуй, вы и меня возьмете скоро въ свою команду и заставите караулить цѣлую шведскую кавалерію? Я требую, чтобы вы сію минуту отпустили Фрица, или мы на вѣки разстаемся!»—Сюда, сюда!—закричалъ Вольдемаръ, стоя на *высотѣ креста* и махая рукой, которою вмѣстѣ указывалъ, чтобы перебрались черезъ рѣчку и подошли къ боку горы, какъ будто обрѣзанной заступомъ. Этотъ зовъ остановилъ роковое слово, которое готово было вылетѣть изъ устъ взбѣшеннаго цейгмейстера и, можетъ быть, навсегда бы разрушило дружескія связи его съ пасторомъ и его

воспитанницей. Шведскій медвѣдь выпустилъ изъ лапъ бѣдную жертву свою и гиганскими стопами поспѣшилъ туда, куда указывалъ музыкантъ. Здѣсь увидѣлъ онъ свою лошадь, но въ какомъ жалкомъ положеніи! Едва поддерживали ее на краю утеса нѣсколько кустовъ различныхъ деревьевъ, въ которыхъ она запуталась, и при малѣйшемъ движеніи своемъ качалась на воздухѣ, какъ въ люлькѣ; подъ нею, на площадкѣ, оставшейся между рѣчкою и утесомъ, лежало нѣсколько отломковъ глинистой земли, упавшихъ съ высоты, съ которой, повидимому, и бѣдное животное катилось, столкнутое какою-нибудь нечистою силой. Конь дрожалъ и повременамъ взвизгивалъ. Пробравшись къ нему, съ опасностью упасть самому, Вульфъ, при ловкой и безстрашной помощи сошедшаго къ нему Вольдемара, выпуталъ лошадь изъ когтей сатанинскихъ. «Одинъ лукавый могъ ее такъ угораздить», говорилъ послѣдній. Когда сѣдло съ приборомъ и вьюкомъ, перевернутые и спутанные на ней, были сняты, увидѣли они, что чушка была прожжена и курокъ у одного пистолета спущенъ: — свидѣтельство, что слышанный выстрѣлъ произошелъ изъ этого оружія, вѣроятно, разряженнаго сильнымъ треніемъ лошади о что-нибудь твердое, и былъ причиною испуга ея, занесшаго ее такъ далеко и въ такія сѣти. Первымъ дѣломъ цейгмейстера было разстегнуть вьюкъ и осмотрѣть кувертъ: печать была сломлена, но самый кувертъ былъ невредимъ — и послѣднее успокоило его. Пакетъ былъ уже положенъ въ камзолъ съ величайшею осмотрительностью. На лошади слѣдами этого происшествія остались только небольшія царапины, а въ ней самой страхъ къ *высотѣ креста*, ибо не было возможности заставить ее пройти въ долину этимъ путемъ; и потому принуждены были провести ее сосновымъ лѣсомъ, по отлогости горы. Дорогой Вульфъ

и музыкантъ сдѣлались откровеннѣе другъ къ другу до того, что послѣдній, объяснивъ ему причины его суроваго молчанія при людяхъ постороннихъ и, можетъ быть, ненадежныхъ, показалъ ему какую-то бумагу за подписаніемъ генерала Шлиппенбаха. Въ ней, между прочимъ, заключалась важная тайна, касающаяся до лица самого Вольдемара. Вульфъ былъ въ восторгѣ, обнималъ шведа, честью своею клялся хранить эту тайну на днѣ сердечнаго колодезя и дѣйствовать съ нимъ единодушно. Возвратясь въ долину, новые пріятели остались въ прежнемъ холодномъ отношеніи другъ къ другу.

— Бѣда еще не велика!—сказалъ Вульфъ, подавая руку пастору въ знакъ примиренія.—Но вашъ гнѣвъ почитаю истиннымъ для себя несчастіемъ, тѣмъ большимъ, что я его заслуживаю. Мнѣ представилась только важность бумаги, положенной мною во вьюкъ,—примолвилъ онъ вполголоса, отведя Глика въ сторону.—Еслибъ вы знали, какія послѣдствія можетъ повлечь за собою открытіе тайны, въ ней похороненной! Честь моя, обезпеченіе Маріенбурга, слава шведскаго имени, заключаются въ ней. Послѣ этого судите, мой добрый господинъ пасторъ...

— То-то и есть, Вульфъ,—отвѣчалъ пасторъ, склонившись уже на миръ, предлагаемый ему съ такою честью для него.—Почему еще въ Маріенбургѣ не положить пакета въ боковой карманъ вашего мундира? Своя голова болитъ, чужую не лѣчатъ. Признайтесь, что вы нынѣшній день поклялись вести войну съ Минервой.

— Не упрекайте меня такъ много. Я вамъ скажу причину,—шепнулъ ему на ухо цегмейстеръ, нѣсколько покраснѣвъ.—Вотъ видите... худо быть безъ хозяйки!.. Въ боковомъ карманѣ затаились, вѣроятно, какія-нибудь крошки... давнишнихъ солдатскихъ сухарей, и

проклятыя мыши прогрызли его... Я хватился нынѣ, хотѣлъ зашить хоть самъ, но стыдился Фрица, который, какъ вы знаете, ночевалъ у меня по тѣснотѣ вашего дома, и который, на бѣду, безпрестанно около меня вертѣлся съ своими услугами. Вы спѣшили, и потому, не ожидая такихъ послѣдствій, вынужденъ я былъ положить кувертъ во вьюкъ. Впрочемъ, скажу опять, бѣда не велика! Бумага писана моей рукой и только подписана комендантомъ; генералъ меня хорошо знаетъ, и подозрѣній никакихъ быть не можетъ.

— Все хорошо; да посовѣтоваться съ Минервой не худо! Вотъ я, напримѣръ, на такія дѣла крайне остороженъ. Со мною теперь тетрадка... О, она стоитъ вашего куверта: въ ней заключается благо цѣлой Лифляндіи, именно это адресъ королю. Берегу его, какъ зеницу ока. Вы не можете повѣрить, сколько я долженъ былъ рыться въ старыхъ фоліантахъ, сколько законовъ вызвалъ я изъ мрака древности и заставилъ пройти мимо себя одинъ за однимъ, какъ вы солдатъ своихъ на спеціальномъ смотру! Здѣсь ничего не пропущено; каждая петелька и крючечекъ на своемъ мѣстѣ. Здѣсь изложены привиллегіи архіепископа Ѳомы, короля Сигизмунда-Августа, Радзивила, резолюція, королевы Христины и прочія постановленія объ утвержденіи правъ лифляндскаго рыцарства и земства; все такъ выведено, сведено и прилажено, что если его величество, король шведскій и *иныхъ*, Карлъ XII, прочитавъ этотъ адресъ, не соблаговолитъ снизойти на усерднѣйшія моленія вѣрноподданныхъ своихъ и *сего* адреса, то...

Произнеся слово *сего*, пасторъ засунулъ правую руку въ лѣвый боковой карманъ своего кафтана и, не найдя въ немъ бумаги, которую туда положилъ, вдругъ остановился среди своей рѣчи и среди дороги, какъ будто языкъ его прильнулъ къ нёбу, а ноги приросли къ землѣ.

— Что съ вами сдѣлалось, господинъ пасторъ? Вы поблѣднѣли? Вамъ дурно?

— Такъ, ничего, совершенно ничего!... Маленькій ударъ въ голову!... Вотъ уже и прошелъ.

Гликъ, въ самомъ дѣлѣ, старался придти въ себя и, боясь быть пристыженнымъ цейгмейстеромъ въ томъ самомъ проступкѣ, въ которомъ его жь самъ обвинялъ, скрылъ причину своего замѣшательства.

«Вѣроятно,—думалъ онъ,—когда я дремалъ дорогой, адресъ выпалъ изъ бокового кармана. Тотъ, кто его найдетъ, ничего не сдѣлаетъ безъ согласія лифляндскаго дворянства. Тетрадь вложена исправно въ пакетъ, на которомъ ясно означено, кто поссесоръ этой бумаги. Но если нашедшій воспользуется моими трудами, сыщетъ случай?... Я его предупрежу непремѣнно, во что бы то ни стало! Къ счастью, у меня остался другой экземпляръ».

Этотъ разговоръ былъ прерванъ докладомъ кучера, что все готово къ отъѣзду съ проклятаго перепутья.

— Правда, Фрицъ, несчастнаго перепутья! — отвѣчалъ со вздохомъ пасторъ, увидѣвъ, что цейгмейстеръ отъ него ускользнулъ.

— Развѣ и съ вами что-нибудь случилось, какъ съ моимъ крестнымъ отцомъ?—сказалъ Фрицъ съ видомъ изумленія.

— Нѣтъ, Фрицъ, ничего; такъ, совершенно ничего! Не поднималъ-ли ты, однакожъ, бумаги, такъ, пустячной ничего не стоющей бумаженки?

— Не подымалъ и не видалъ, господинъ пасторъ! Вы знаете, я читать не умѣю.

— Ни слова никому объ этомъ, Фрицъ! Бросимъ въ сторону этотъ вздоръ, и съ Богомъ въ путь! Аминь!

— Знаешь ли, папахенъ?—прервала его заботливую рѣчь дѣвица Рабе, потихоньку подступивъ къ нему.— Я хочу пригласить музыкантовъ ко дню рожденія моей

доброй Луизы и обрадовать ее нечаяннымъ концертомъ. Лучшимъ подарить мнѣ ее нечѣмъ. О! какъ изумитъ ее моя музыка! Ты увидишь, какъ я все устрою.

Гликъ легко согласился сдѣлать удовольствіе своей воспитанницѣ, предоставивъ ей самой трудъ уговорить музыкантовъ къ путешествію въ Гельметъ. Легко склонились слѣпецъ и молодой товарищъ его на просьбу доброй дѣвушки, тѣмъ скорѣе, что они давно желали, какъ говорили они, побывать въ помѣстьѣ баронессы Зегевольдъ, и что имъ пріятно будетъ показать свое искусство на большомъ пиру разыграніемъ какой-нибудь важной штуки.

Солнце удалялось къ западу; лучи его уже косвеннѣе падали на землю; тѣнь деревъ расла примѣтно и жаръ ослабѣвалъ. Всѣ разстались друзьями. Карета, запряженная рыжими лошадками, тронулась, и опять, по правую сторону ея, на высокомъ, тощемъ конѣ, медленно двигался высокій офицеръ, будто вылитый вмѣстѣ съ нимъ.

— Добрая, прекрасная дѣвица!—сказалъ Вольдемаръ, проводивъ глазами экипажъ и коннаго спутника. —Не знаю, съ кѣмъ ее сравнить! Софія, правда, была нѣкогда прекраснѣе ее.

— Неужели Софія была такъ хороша, какъ ты объ ней разсказываешь?— спросилъ слѣпецъ. — Съ этими словами музыканты поплелись по тропѣ, извивающейся въ рощѣ, изъ которой они пришли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАМОКЪ ГЕЛЬМЕТЪ

Чванкина.
Такъ знаютъ во дворцѣ объ насъ?

Полистъ.
Не только знаютъ,
Но и по комнатѣ о васъ лишь разсуждаютъ.
Ком. „Хвастунъ". — *Княжнинъ.*

На замки Лифляндіи смотришь еще, какъ на представителей феодальнаго ея быта, дикаго и романическаго. Это ветераны нѣкогда знаменитаго и болѣе несуществующаго войска, ветераны, изувѣченные, отдающіе уже дань времени и засыпающіе сномъ вѣчнымъ на изломанныхъ трофеяхъ своихъ. Они имѣли также *свое* великое время. Разбудите ихъ, вопросите съ терпѣніемъ и уваженіемъ, должнымъ имъ сѣдинамъ и заслугамъ,—и они, въ краснорѣчивомъ лепетѣ младенческой старости разскажутъ вамъ чудеса о давно *быломъ;* и гигантскія тѣни ихъ полководцевъ, прислушившись изъ праха къ словамъ *чести* и *красоты*, встанутъ передъ вами, грозные, залитые съ ногъ до головы желѣзомъ, готовые, при малѣйшемъ сомнѣніи о величіи ихъ, бросить вамъ гремящую перчатку, на коей видны еще брызги запекшейся крови ихъ враговъ.

Чего не разскажетъ одинъ замокъ Гельметъ? Видны только развалины, но какъ онѣ доселѣ краснорѣчивы!

Забываешь даже, что небо служитъ имъ крышею, а украшеніями—растущія по нимъ пихта, рябина и береза. Кажется, и нынѣ раздаются по заламъ тяжелыя стопы грознаго основателя его, Юргена фонъ Айхштедта [1]); сквозь желѣзную рѣшетку косящатаго окна мелькаетъ бѣлоатласная ручка и передаетъ девизъ побѣды или смерти молодому рыцарю, стоящему въ оврагѣ подъ смиренною одеждой пилигрима. Кажется, слышишь изъ отверстія подземной тюрьмы вздохъ орденмейстера Іоганна фонъ-Ферзена, засаженнаго въ ней по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими [2]); видишь подъ стѣнами замка храбраго воеводу, князя Александра Оболенскаго, рѣшающагося лучше умереть, чѣмъ отступить отъ нихъ [3]), и въ окружныхъ холмахъ доискиваешься его праха; видишь, какъ герцогъ Іоганнъ Финляндскій, среди многочисленныхъ своихъ вассаловъ, отсчитавъ полякамъ лежащіе на столѣ 125,000 талеровъ, запираетъ въ серебряномъ бокалѣ пріобрѣтеніе Гельмета и другихъ окружныхъ помѣстій [4]). Передо мною проходятъ, какъ фантасмагорическія явленія, рыцари, епископы, русскіе, поляки, шведы, то осаждающіе замокъ, то обладатели его, то геройскіе мученики своихъ побѣдитей. Сколько приключеній ужасныхъ, чудныхъ, романическихъ, разбросано на обломкахъ Гельмета, на этихъ лоскутахъ давно прерванной лѣтописи!

Мѣстоположеніе Гельмета [5]) одно изъ пріятнѣйшихъ въ Лифляндіи: имъ одушевлялись кисть, рѣзецъ,

---

1) Въ 1265 году.
2) Въ 1472 году.
3) Въ 1502 году.
4) Въ 1562 году.
5) Гельметъ находится отъ Дерпта къ юго-западу, въ 65-ти верстахъ; поворотъ на него—съ Рижской дороги отъ Рингена, или проѣхавъ отъ станціи Куйкацъ нѣсколько верстъ вправо. Послѣдняя

перо и лира; сотни путешественниковъ, оставивъ на песчаниковыхъ (de grès) сводахъ его гротовъ имена свои, хотѣли высказать, что *и они были въ Аркадіи*. Дѣйствительно, бывшая обладательница Гельмета, г-жа Герсдорфъ, умѣвшая, со вкусомъ и любовью къ изящному, сочетать искусство и природу сдѣлала его маленькимъ эдемомъ. Нынѣ это помѣстье на *арендѣ:* довольно этого слова, чтобы выразить его невыгодное во всемъ измѣненіе. Несмотря на то, и нынѣ любуешься по нѣскольку разъ красотами этихъ мѣстъ; прощаясь съ ними, хочется еще разъ на нихъ взглянуть.

Не ищите здѣсь обширныхъ видовъ, на которыхъ бы отдыхали взоры и сердце: прекрасное все здѣсь вмѣстѣ; кажется, изъ-за Гельмета вся страна кругомъ обижена природою. Развѣ иногда мелькомъ, сквозь уголокъ, сбереженный догадливымъ искусствомъ, представляется вамъ возвышенная даль. Лучшій видъ, безъ сомнѣнія, отъ господскаго дома, съ краю оврага изрытаго кругомъ замка. Живописныя развалины послѣдняго стоятъ на бугристомъ, высокомъ холмѣ. Правая сторона замка болѣе другихъ уцѣлѣла: длинную стѣну, неровно зазубренную временемъ, поддерживаютъ двѣ четвероугольныя башни, еще бодро выступающія впередъ на грудистыхъ насыпяхъ. Остатокъ свода отъ одной изъ этихъ башенъ, такъ сказать, на волоскѣ держится. Съ другой стороны, время было наиболѣе неумолимо, какъ бы нарочно для того, чтобы поразнообразить красоты развалинъ; здѣсь вездѣ слѣды, оставленные борьбой времени съ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Въ одномъ мѣстѣ лежитъ обломокъ, будто брошенный на бѣгу огромный щитъ; въ другомъ—воз-

---

дорога тѣмъ пріятнѣе, что на перепутьѣ находится Пекгофъ, гдѣ, среди мрачнаго лѣса, сооруженъ великолѣпный памятникъ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли.

вышается неровною пирамидой; далѣе цѣлая стѣна, понемногу клонясь, оперлась на другую, болѣе твердую, какъ дряхлѣющая старость облокачивается на родственнаго мужа; кой-гдѣ обломокъ, упавъ съ высоты, покатился по холму, и вдругъ, отряхнувшись, твердо выпрямился въ серединѣ его и утвердился на мѣстѣ. Кругомъ оврага разбросаны холмы, выступаютъ мысы и расходятся въ разныхъ направленіяхъ хребты небольшихъ горъ. Влѣво, на двухъ холмахъ, на которыхъ зелень такъ ровна, какъ будто они обляты ею, стоятъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи красивыя березовыя рощицы, образующія между собою раму для одного изъ прелестнѣйшихъ видовъ. На площади обширнаго поля представляются деревенька, развалины старой гельметской кирки; немного вправо—новая кирка, и въ небольшомъ отдаленіи—дикіе и неровные берега рѣки, съ могилами русскихъ, павшихъ въ войну за обладаніе Лифляндіей. Ближе, рѣчка эта разлилась озеромъ, потомъ, сдержанная скатертью фелинской дороги и плотиною, суживается въ ручей, пробирается подъ мостикомъ, падаетъ, съ безпрерывнымъ ропотомъ на свою неволю, будто изъ урны, серебряною струей, разсыпается о камни, наконецъ, заигравъ на свободѣ, въ извилинахъ теряется между дикими кустарниками и спѣшитъ соединиться въ саду съ ручьемъ Тарвастомъ. Вправо, между холмами, видъ болѣе стѣсненъ и болѣе протянутъ; разнотѣнныя возвышенія одно за другимъ полосятся, будто неровныя борозды вспаханной нивы. Обойдите развалины замка: какія очаровательныя мѣста и виды представятся вамъ! Съ восточной стороны взгляните съ высоты внизъ, и передъ вами—глубокій, мрачный оврагъ, заросшій деревьями, которыя, будучи лишены солнечнаго свѣта, растутъ почти безъ листьевъ. Тутъ же поднимите взоры ваши, и васъ привѣтствуютъ изъ-за десятковъ

верстъ сизыя горы Оденпе. Обойдите садъ, и на каждомъ шагу готовъ прелестный ландшафтъ, достойный кисти Клода-Лорреня, и убѣжище, въ которомъ Руссо захотѣлъ бы жить и умереть. Пригорки, холмы, долины, открытыя или затаенныя подъ сѣнью рощъ; ручей Тарвастъ то сердито прорывается пѣнистыми нитями между огромными камнями, то падаетъ стекловиднымъ потокомъ, то скачетъ съ шумомъ по мелкимъ камешкамъ. Мостики образованы изъ повалившихся черезъ ручей деревьевъ или накинуты искусствомъ. Цвѣтники, разбросанныя купы деревъ, гроты, утесы, подземный ходъ; за садомъ озеро съ прекраснымъ островкомъ и приманчивою для дикихъ птицъ осокою, заставляющею даже ихъ забывать, что ихъ обманываетъ искусство; мельница съ своимъ шумнымъ водопадомъ; поля, испещренныя рощицами, жнивами и деревеньками,—все это, повторяю, дѣлаетъ изъ Гельмета настоящій рай земной.

Господскій домъ стоялъ въ началѣ XVIII столѣтія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ нынѣ, именно противъ развалинъ замка, раздѣленный съ ними обширнымъ дворомъ и обращенный главнымъ фасомъ въ поле, и вообще построенъ былъ безъ всякаго уваженія къ архитектурѣ, по вѣчно однообразному плану нѣмецкихъ сельскихъ и городскихъ домовъ. Перемѣна, которую въ немъ сдѣлали успѣхи зодчества въ Лифляндіи или своенравіе его обладателей, только та, что готическія окошки превращены въ обыкновенныя четвероугольныя, и богатая терраса—въ лѣстницу. Должны мы также присовокупить, что тамъ, гдѣ стоитъ нынѣ на феллинской дорогѣ простой мостикъ, былъ подъемный.

Въ то время, когда происходитъ дѣйствіе нашего романа, замокъ Гельметъ (такъ будемъ называть вообще мызу и помѣстье подъ этимъ именемъ) *принадлежалъ* баронессѣ Амаліи Зегевольдъ по правамъ *аллодіаль-*

нымъ [1]), утвержденнымъ редукціонною комиссіей съ грѣхомъ пополамъ, въ уваженіе къ ея родственнымъ связямъ съ предсѣдателемъ комиссіи, деспотическимъ графомъ Гастферомъ.

Баронесса Зегевольдъ — отъ колыбели ненаглядное дитя фортуны—была избалована слѣпою любовью отца и матери. Единственная наслѣдница богатаго имѣнія, котораго, по смерти ихъ, сдѣлалась и полною обладательницей на двадцатомъ году веселой прогулки по пути жизни, она испытала во все продолженіе ея только одно горе, не несчастіе—потерю мужа кроткаго, терпѣливаго, смотрѣвшаго въ глаза своей повелительницѣ и любившаге ее, какъ идолопоклонникъ любитъ свой кумиръ. Въ баронессѣ, всегда окруженной роемъ постороннихъ и домашнихъ почитателей ея ума, красоты и богатства, преобладали въ высшей степени самолюбіе, тщеславіе и любовь къ господству. Въ душѣ ея засѣли эти страсти, такъ что все, имѣвшее честь принадлежать ей и находиться въ зависимомъ къ ней отношеніи, кряхтѣло подъ бременемъ ихъ. Въ цвѣтѣ ея молодости ей неизвѣстно было, что такое любовь. Если послѣдняя находила иногда путь къ ея сердцу, то это было подъ личиною лести; узнавъ обманъ, Амалія такъ сердито выпроваживала отъ себя Амура, что онъ въ другой разъ не смѣлъ къ ней показаться. Теперь же, когда ей стукнуло за сорокъ лѣтъ, его самого обольщеніями нельзя было приманить къ ея ногамъ. Властолюбіе сдѣлалось единственною потребностью ея души. Но дѣйствовать волею своею на тѣсный кругъ семейства, приближенныхъ и крестьянъ своихъ казалось ей недостаточно, дышать въ воздухѣ этой ограниченной сферы было для нея тяжело. Ей мнилось, что она имѣетъ столько глубокомыслія и

---

1) Родонаслѣдственнымъ.

проницательности, столько знанія людей и обстоятельствъ, такое сильное вліяніе на соотечественниковъ, что можетъ управлять ходомъ политическихъ дѣлъ Лифляндіи.—«Кто не умѣетъ поставить себя выше своего званія и состоянія, тотъ недостоинъ пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ»,—повторяла она за королевою Христиной, которую во многомъ взяла себѣ въ образецъ, какъ увидимъ послѣ. Слѣдуя этому правилу, она рѣшилась показать чудесное явленіе, именно женщину-дипломатку, и занять, во что бы то ни стало, порядочную страницу въ исторіи XVIII столѣтія. Хитрому Паткулю взялась она противопоставить себя, перехитрить его, и какъ онъ дѣйствовалъ въ пользу Россіи, также дѣйствовать для блага Швеціи. Съ этого времени домъ баронессы сдѣлался очагомъ политическихъ мнѣній Лифляндіи и телеграфомъ всѣхъ новостей, имѣвшихъ вліяніе на страну.

Добровольно возложивъ на себя обязанности дипломата, Амалія Зегевольдъ старалась привесть въ движеніе всѣ тонкости, съ этимъ званіемъ сопряженныя. Не только въ отечествѣ своемъ имѣла она лазутчиковъ, но хвалилась, что имѣетъ ихъ даже при дворахъ Августа и Петра. Были люди, которые вѣрили ей на слово, что въ перепискѣ ея съ г-жею Монсъ, соотечественницею ея и временною любимицей Петра I, заключались извѣстія обо всѣхъ движеніяхъ русской политики. Между тѣмъ, знавшіе хорошо русскаго государя, знали также вѣрно, что хотя онъ всякой прекрасной женщинѣ старался быть пріятнымъ, но еще ни одна изъ нихъ не могла прибрать ключа къ его кабинету. Не совсѣмъ довѣряли также, чтобы тайная корреспонденція баронессы съ графиней Кенигсмаркъ, извѣстной своею красотой и властью надъ королемъ польскимъ Августомъ, могла быть полезною для Лифляндіи. Кажется, всѣ эти члены женскаго

кабинета платили другъ другу фальшивою монетою. Но одна изъ надежнѣйшихъ и сильнѣйшихъ пружинъ, которыя баронесса заставляла играть для достиженія своей цѣли, были раскольники, убѣжавшіе изъ Россіи будто бы отъ гоненій правительства и нашедшіе себѣ новое отечество около Чудскаго озера, большею частію на земляхъ фамиліи Зегевольдъ или по сосѣдству съ нею во владѣніи ея близкихъ знакомыхъ. Она обратила виды свои на Андрея Денисова, одного изъ коварнѣйшихъ людей того времени въ Россіи, главу и учителя поморскихъ раскольниковъ. Въ Лифляндіи находился ересіархъ этотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Пришедши изъ Выгорѣцкаго *скита* [1]) для соглашенія споровъ, возникшихъ въ разныхъ зарубежныхъ *согласіяхъ* [2]), и для обращенія на путь истинный *суетныхъ* [3]) или отпавшихъ членовъ своихъ, онъ умѣлъ вызвать господствующія въ баронессѣ страсти и, несмотря на различіе вѣры и народности, заключить съ нею противъ русскаго государя оборонительный и наступательный союзъ. Вѣсти, получаемыя отъ Андрея Денисова о внутреннихъ дѣлахъ Россіи и даже тамошняго двора, могли быть вѣрны, во-первыхъ потому, что хитрые миссіонеры-старообрядцы, шатаясь безпрестанно изъ края въ край, изъ одного скита въ другой, не упускали на мѣстахъ развѣдывать обо всемъ, что имъ нужно было знать, и во-вторыхъ потому, что ересіархъ ихъ, давно извѣстный честолюбивой царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, велъ съ нею тайную переписку [4]). Переводчикомъ въ чудныхъ сношеніяхъ Денисова съ лиф-

---

1) Монастырь старообрядческій

2) Общества раскольничьи.

3) Неисполняющіе въ точности правилъ старовѣрческихъ.

4) Смотри *Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ,* изданное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ, 1799 г., стр. 115.

ляндской баронессой служилъ *жидовинъ*, находившійся въ числѣ его учениковъ. По тщеславію *патріотки*, (такъ прозвали ее наконецъ), можно судить, сколько она старалась различными услугами поддержать эту связь.

Дружескія ея сношенія съ генералъ-вахтмейстеромъ Шлиппенбахомъ, основанныя на разныхъ пожертвованіяхъ въ пользу шведскаго войска, были также скрѣплены политикой. Въ минуту сердечнаго изліянія (надобно знать, что и дипломаты проговариваются) открылъ и онъ баронессѣ, что имѣетъ въ Лифляндіи повѣреннаго умнаго, тонкаго, всезнающаго, который, подъ видомъ доброжелательства Паткулю, ведетъ съ нимъ переписку, даетъ ему ложныя извѣстія о состояніи шведскаго войска и между тѣмъ увѣдомляетъ своего настоящаго довѣрителя о дѣйствіяхъ русскихъ. «Вотъ какъ — прибавлялъ Шлиппенбахъ — проводимъ мы хитреца, играющаго роль министра россійскаго! Прихлопнемъ, ужь прихлопнемъ мы его въ ловушку!» Довѣренную свою особу называлъ генералъ-вахтмейстеръ шведомъ, знающимъ совершенно языки: природный (само собой разумѣется), нѣмецкій, латышскій и русскій. Шведъ былъ всячески укрытъ отъ поисковъ баронессы, которая могла бы имъ овладѣть въ свою пользу. Она успѣла, однакожъ, вывѣдать, что этотъ таинственный человѣкъ былъ музыкантъ, играющій на какомъ-то русскомъ инструментѣ, и странствуетъ съ слѣпцомъ. Намъ легко узнать въ этихъ лицахъ Вольдемара изъ Выборга и Конрада изъ Торнео. Такимъ образомъ разставлялись сѣти русской политикѣ. Бѣдная Россія!

Какая была награда женщинѣ-дипломату за всѣ труды и пожертвованія ея? — Слава въ будущемъ, страничка въ исторіи, а покуда благодарность министра Карла XII. Пиперъ очищалъ увѣдомленія ея въ

горнилѣ опытности и благоразумія и умѣлъ извлекать граны чистаго золота изъ пудовъ нечистой примѣси. Не менѣе того оставался онъ признателенъ богатой и знатной лифляндкѣ, жертвующей своимъ достояніемъ и трудами пользѣ Швеціи и направлявшей умы своихъ соотечественниковъ къ преданности шведскому престолу. Съ этой стороны подвиги *патріотки* не были тщетными, и потому люди, судящіе по наружности, почитали ее довольно сильною у двора шведскаго,—двора несуществующаго, безъ политики или, лучше сказать, находившагося тамъ, гдѣ раскидывалась ставка Карла XII, и дѣйствовавшаго по направленію его шпаги. Вѣроятно, и самъ король не имѣлъ понятія о баронессѣ Зегевольдъ, ибо онъ никогда ни объ одной женщинѣ не хотѣлъ слышать.

Любопытство, праздность, лукавство, желаніе сдѣлать угодное баронессѣ, искательство, связи дружбы и родства собирали въ Гельметъ многочисленное, иногда блестящее общество, которое она почитала за дворъ свой. Къ удовольствію посѣтителей, несмотря на различіе партій, она принимала всѣхъ съ равнымъ гостепріимствомъ, хотя съ нѣкоторымъ условленнымъ этикетомъ, и допускала въ свой кругъ свободу мнѣній, лишь бы эта свобода не посягала на тщеславныя, личныя права самой владѣтельницы замка. Особенно старалась она завлечь въ Гельметъ путешественниковъ, художниковъ, ученыхъ, чтобы уронить въ сердца ихъ сѣмена благорасположенія къ себѣ и выманить отъ нихъ занимательныя новости о тѣхъ странахъ, которыя они проѣзжали. Нерѣдко выслушивала она терпѣливо изъ устъ ихъ нѣкоторыя горькія истины на счетъ неблагоразумія, съ какимъ продолжалась настоящая война, и заносчивости молодого вѣнценоснаго побѣдителя,—слушала, и продолжала дѣлать свое.

Мы сказали, что она во многихъ взяла себѣ въ

образецъ Христину. Въ самомъ дѣлѣ, многіе характеристическіе пріемы королевы шведской перешли въ наслѣдство къ баронессѣ. И та и другая не любили женскаго общества; обѣ занимались литературою, покровительствовали ученымъ, ласкали предпочтительно иностранцевъ, были щедры безъ разсудительности и, между нами сказать, не думали о благѣ своихъ подданныхъ; обѣ не только въ своихъ поступкахъ, но и въ одеждѣ выказывали странности характера своего и, на зло природѣ, старались показывать себя болѣ мужчинами, нежели женщинами. «Какъ пристали къ баронессѣ темный галстучекъ, амазонское платье à la reine de Suède, отважная верховая ѣзда по слѣдамъ гончихъ, ученыя словопренія съ профессорами и даже чернильныя пятна на пальчикахъ ея и манжетахъ! Настоящая Христина!» Такъ говорили поклонники баронессы; а послѣднихъ было у ней довольно, потому что желаніе владычествовать и *обязывать* заставляли ее быть великодушною, очень часто къ собственному вреду. Просьба ученаго, особенно иностранца, намеки знатнаго родственника, человѣка значительнаго, о нуждахъ своихъ, искушеніе казаться тѣмъ, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ не была, прославиться высокими свойствами души, которыхъ она не имѣла, — развязывали ея кошелекъ, закрывая ей глаза на счетъ домашнихъ обстоятельствъ. У себя, съ своими, она была деспотъ настоящій; *я* покрывало и собственныя ея пользы и благо ввѣренныхъ ей Провидѣніемъ крестьянъ. О состояніи послѣднихъ *патріотка* не хотѣла знать. «Они должны въ точности выполнять возложенное на нихъ, — говорила властолюбивая помѣщица, — я даю имъ раза два, три въ годъ праздники, шью невѣстамъ нарядныя платья, женихамъ — цвѣтные кафтаны; страхъ какъ бы хотѣла преобразить моихъ латышей и чухонъ въ швейцарцевъ, но упрямцы останутся вѣчно латышами

и чухонцами. Не мнѣ чета, Стефанъ Баторій хотѣлъ улучшить ихъ состояніе, но принужденъ же былъ согласиться оставить ихъ, какъ они есть, чтобъ не было имъ хуже!.. Чтожъ болѣе и мнѣ для нихъ дѣлать? Все прочее поручаю моимъ управителямъ, которымъ плачу хорошія деньги, именно за то, чтобы они избавляли меня отъ скучныхъ обязанностей экономки и сношеній съ этимъ необразованнымъ, грубымъ народомъ». Взвѣсивъ эти разсужденія, можно судить, каково было состояніе ея крестьянъ. Доходы не умножались, хозяйство не спорилось; и хотя амтманъ Шнурбаухъ увѣрялъ, что финансы ея приходятъ день ото дня въ лучшее состояніе, что все подвластное ей благословляетъ ее; но худо покрытыя избы, хлѣбъ пополамъ съ мякиною и бѣдная, нечистая одежда поселянъ ея вѣрнѣе сказывали истину. Надо замѣтить, что лифляндскіе помѣщики тогдашняго времени не одушевлялись еще тѣмъ благороднымъ, высокимъ ко благу человѣчества стремленіемъ, какое видимъ мы, къ чести ихъ, въ современную намъ эпоху.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДОМОЧАДЦЫ

Всѣхъ, всѣхъ давайте намъ на сцену!
Анонимъ.

Баронесса имѣла единственную дочь. Луиза душевными качествами нимало не походила на свою мать. Казалось, природа хотѣла недостатки первой вознаградить достоинствами другой. Несмотря на странности даннаго Луизѣ воспитанія, которымъ желали удивить современниковъ (въ нашъ вѣкъ нѣтъ уже ничего удивительнаго), ибо съ преподаваніемъ языковъ шведскаго, французскаго и даже латинскаго, учили ее не только стряпать, но и жать рожь; несмотря на то, что съ малолѣтства заставляли ее твердить роль богатой наслѣдницы, она оттолкнула отъ себя всѣ обольщенія самолюбія. Кротостью и ангельскимъ смиреніемъ, всегдашнею готовностью помогать несчастнымъ, привѣтливымъ обхожденіемъ съ нисшими, она часто заставляла подвластныхъ баронессѣ забывать всю тяжесть ея господства. Какъ гостепріимная пальма въ степи, она заслоняла собою жгучіе лучи гордаго свѣтила. Любовью ко всему доброму и высокому напитана была душа ея. Характеръ ея былъ созданъ, чтобы составлять счастіе

другихъ; но въ немъ же замѣтна была степень чувствительности, опасная для нея самой. Доселѣ трогали ее одни бѣдствія ближнихъ, которымъ она поспѣшала на помощь безъ всякихъ вычисленій ума. Надо было ожидать, что Луиза съ сердцемъ, приготовленнымъ для нѣжныхъ впечатлѣній, узнавъ другую любовь, кромѣ состраданія къ ближнимъ, предастся этому чувству, какъ простодушное дитя, и увлечется имъ съ тѣмъ постоянствомъ и силою страсти, которыя отличаютъ ея полъ и выбираютъ изъ него своихъ несчастныхъ жертвъ чаще, нежели изъ другой половины рода человѣческаго.

Мать Луизы, бывъ счастлива супружествомъ, по разсчету своихъ родителей, одолженная также спокойствіемъ и удовольствіями жизни богатому состоянію, хотѣла доставить и дочери тѣ же блага. По одинаковому-жъ разсчету, Луизѣ, съ девятилѣтняго возраста, назначенъ въ супруги баронъ Адольфъ фонъ Траутфеттеръ, мальчикъ, старѣе ея тремя годами. Дядя по матери его, баронъ Балдуинъ Фюренгофъ, одинъ изъ богатѣйшихъ лифляндскихъ помѣщиковъ, былъ человѣкъ удивительный: онъ умѣлъ выбивать изъ копѣйки рубль комическою скупостью, необыкновенными ростовыми оборотами и вѣчными процессами, и успѣлъ еще, при владѣніи небольшимъ имѣньемъ, доставшимся ему отъ матери, составить себѣ значительный капиталъ. Сверхъ того, чтобы переполнить его казнохранилище, случилось, къ изумленію всей Лифляндіи, что отецъ, отрѣшившій было его отъ наслѣдства за безпутство и жадность къ деньгамъ, вдругъ неожиданно передъ смертію уничтожилъ свое прежнее завѣщаніе, сдѣланное въ пользу двухъ дочерей, и оставилъ Балдуину, по новому уже завѣщанію, родовое и благопріобрѣтенное имѣніе, за нѣкоторымъ малымъ исключеніемъ въ пользу сестеръ его. Балдуинъ Фюренгофъ обязанъ былъ баронессѣ

утвержденіемъ за нимъ редукціонною комиссіей имѣнія. Съ нимъ-то тщеславная дипломатка и пасторъ Гликъ, всегда подававшій свой голосъ тамъ, гдѣ шло дѣло объ устроеніи чьей-либо будущности, составили нѣкогда совѣтъ. Въ немъ положили, для общаго благосостоянія, соединить законными узами Луизу и Адольфа, какъ скоро первой наступитъ семнадцать лѣтъ, а второму—двадцать. Чтобы ни одна сторона не могла нарушить это положеніе, оно утверждено было законнымъ актомъ; только смерть невѣсты или жениха освобождала ту или другую сторону отъ обязательства. Съ выполненіемъ его Адольфъ долженъ былъ вступить во владѣніе половиной дядина имѣнія, а по смерти Фюренгофа пользоваться всѣмъ, чѣмъ этотъ владѣлъ правдой и неправдой. Надо объяснить, что изъ фамиліи Траутфеттеровъ оставались въ Лифляндіи только Адольфъ и двоюродный братъ его, Густавъ, двумя годами его старшій. Матери ихъ были родныя сестры, и какъ онѣ, такъ и отцы ихъ, умерли еще до 1690 г. Ближайшими родственниками ихъ оставались Фюренгофъ и Рейнгольдъ Паткуль. Послѣдній, до приговора его къ казни, имѣлъ объ оставшихся сиротахъ истинно отеческое попеченіе. Бѣжавъ изъ Швеціи и лишившись всего имѣнія, взятаго въ казну, онъ поручилъ ихъ покровительству Фюренгофа, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ и опекуномъ того незначительнаго участка, который достался сиротамъ послѣ смерти ихъ родителей. Доходами съ этого участка, ощипаннаго усердіемъ скупого дяди, Адольфъ и Густавъ начали пользоваться, какъ скоро приняты были въ военную службу.

Адольфъ, до вступленія своего въ университетъ, нерѣдко гостилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ замкѣ баронессы Зегевольдъ, желавшей укрѣпить привычкою будущій союзъ его съ Луизой. Дѣти любили другъ друга, какъ дѣти, долго жившія подъ одной кровлей

и сближенныя привлекательною наружностью, играми, извѣстностью ихъ будущности, для нихъ непонятной, но представляемой имъ въ пріятномъ видѣ родства. «Милая Луиза!» «Милый Адольфъ!» были имена, которыя они давали другъ другу и вырѣзали ихъ даже въ одномъ изъ гельметскихъ гротовъ. Не зная, что такое любовь, они уже ощущали ее въ какомъ-то удовольствіи быть чаще вмѣстѣ. Случалось даже, что маленькій женихъ ревновалъ къ двоюродному брату Густаву, пріѣзжавшему иногда, хотя гораздо рѣже его, гостить въ Гельметъ. Адольфъ и Луиза были вездѣ вмѣстѣ: въ танцахъ, въ играхъ, въ прогулкахъ, трудно было разлучить эту пару голубковъ. Была ли больна одна, нездоровилось другому; видя одного грустнымъ, можно было догадаться, что и другой въ такомъ же состояніи. Маменька не могла налюбоваться на эту маленькую чету. Баронессѣ особенно нравилось, что будущій мужъ былъ уступчивъ и покоренъ волѣ будущей супруги. Нѣкоторые сосѣди, неослѣпленные пристрастіемъ, потихоньку осуждали это слишкомъ раннее въ лѣтахъ развитіе чувства, которое никогда не поздно узнать. Но баронесса, обольщенная мыслью, что дочка будетъ обладательницей огромнаго имѣнія, предвидѣла одно ея величіе и благополучіе. Фюренгофъ, который душевно желалъ бы зарыть свои сокровища въ землю, чтобы они никому не доставались, объявлялъ между тѣмъ, что онъ утѣшается мыслью передать свое имѣніе, нажитое многолѣтними трудами, сыну сестры, которую онъ особенно любилъ, и молодому человѣку съ хорошими надеждами. Дѣйствительно извѣстно было, что онъ терпѣть не могъ мать Густава за горькія истины, нѣкогда ею высказанныя, и процессъ, затѣянный ею по случаю оспариванія послѣдняго отцовскаго завѣщанія.

Когда Адольфъ принужденъ былъ отправиться въ упсальскій университетъ доканчивать ученіе и начинать

новую жизнь: убивать первыя, чистыя впечатлѣнія природы и знакомиться съ тяжелыми опытами; когда нашимъ друзьямъ надо было разстаться, — одиннадцатилѣтняя невѣста и четырнадцатилѣтній женихъ обливались горькими слезами, какъ настоящіе влюбленные. Долго не могла она забыть своего дорогого Адольфа; долго не могли истребиться изъ памяти и сердца студента глазки Луизы, томные, черненькіе, какъ жучки; каштановые, шелковые локоны, которыми онъ такъ часто игралъ пальцами своими; бѣлыя ручки ея, обвившія такъ крѣпко его шею при тяжкомъ разставаніи, и слезы, горячія слезы его, лившіяся въ то время по его щекамъ. Иногда профессоръ исторіи, среди краснорѣчиваго повѣствованія о побѣдахъ Александра Великаго, отъ которыхъ передвигался съ мѣста на мѣсто парикъ ученаго, густыя брови его колебались, подобно юпитеровымъ бровямъ въ страхъ земнороднымъ, и каѳедра трещала подъ молотомъ его могучей длани, — иногда, говорю я, великій педагогъ умильно обращался къ Адольфу съ слѣдующимъ возгласомъ:

— Вижу, вижу по блестящимъ глазамъ господина Граутфеттера, что онъ далеко пойдетъ за великимъ полководцемъ.

Адольфъ краснѣлъ отъ этой похвалы, потому что огонь, горѣвшій тогда въ его глазахъ, зажигали не побѣды Александра, но воспоминаніе о прогулкахъ по гельметскому саду. Онъ встрѣчалъ ее въ путешествіяхъ по всѣмъ странамъ свѣта, проходимымъ съ учителемъ географіи: свѣтъ его былъ тамъ, гдѣ была милая Луиза. Она преслѣдовала его и на бастіонахъ, планы которыхъ чертилъ Адольфъ для математическаго класса. Съ студенческой скамьи перевели его въ трабантскій полкъ и отправили прямо въ побѣдоносную королевскую армію, не давъ ему повидаться съ предметомъ его нѣжныхъ воспоминаній. На первыхъ квартирахъ и даже въ первыхъ

лагеряхъ разбиралъ онъ еще *залоги дружбы*, цѣловалъ съ жаромъ ленточку, которою нѣкогда *милая* подпоясывалась, клочекъ бумажки съ магическимъ именемъ: *Луиза*, засохнувшій цвѣтокъ, ею подаренный. Но чего не дѣлаетъ всемогущее время и не въ такія лѣта? Прошло два, три года, и Адольфъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ шведской арміи, молодой любимецъ молодого короля и героя, причисленный къ свитѣ его, кипящій отвагою и преданностью къ нему,—Адольфъ хотя любилъ изрѣдка припоминать себѣ милыя черты невѣсты, какъ бы видѣнныя во снѣ, но ревнивая слава уже сдѣлалась полною хозяйкой въ его сердцѣ, оставивши въ немъ маленькій уголокъ для другихъ чувствъ. Вѣтренникъ растерялъ даже залоги дружбы, для него прежде безцѣнные. Къ тому жъ онъ зналъ Луизу, какъ дитя, а образъ дѣтскій не сильный проводникъ къ сердцу 20-ти-лѣтняго пригожаго воина, которому каждый побѣжденный городокъ даритъ вмѣстѣ съ лаврами и свѣжія мирты. Съ другой стороны, Луиза, вспоминая свое прежнее обращеніе съ женихомъ, начинала стыдиться дѣтскихъ своихъ нѣжностей. При имени Траутфеттера она краснѣла и показывала неудовольствіе, если уже слишкомъ краснорѣчиво описывали ея бывшую къ нему привязанность. Впрочемъ, они изрѣдка вели другъ съ другомъ переписку, которую диктовала невѣстѣ мать, а жениху обязанность. Слова: *милый Адольфъ*, *милая Луиза*, замѣнились въ письмахъ болѣе холодными именами: *любезный*, *любезная*. Наконецъ, они стали помнить только *обязательство*, которое, можетъ быть, потому не забывали, что баронесса напоминала о долгѣ каждому изъ нихъ, подъ разными видами. Немудрено, что мигъ свиданія могъ расшевелить огонь, тлѣющій подъ пепломъ времени, и произвесть пожаръ, который трудно было бы затушить.

Срокъ, положенный для брака по разсчету, насту-

пилъ; но война свирѣпствовала во всей ея силѣ, и Адольфъ, страстно приверженный къ особѣ и славѣ короля, почиталъ неблагодарностью, преступленьемъ, безчестіемъ удалиться отъ милостиваго лица своего монарха и побѣдоносныхъ его знаменъ. Онъ могъ получить дозволеніе служить въ лифляндскомъ корпусѣ, но даже и этотъ предлогъ отбыть изъ главной шведской арміи представлялся ему какимъ-то постыднымъ бѣгствомъ. Вслѣдствіе сего, онъ писалъ рѣшительно къ дядѣ, что прежде года не можетъ быть на своей родинѣ. Это извѣщеніе ничего не перемѣнило въ обязательствѣ баронессы Зегевольдъ и Фюренгофа: рѣшились ожидать терпѣливо еще годъ и, если нужно, болѣе. Какъ благоразумные кормчіе, они не теряли между тѣмъ надежды, что попутный вѣтеръ скорѣй вздуетъ паруса управляемаго ими судна и принесетъ его благополучно къ острову Гименея и Плутуса; проще сказать, они ожидали, что благопріятный случай доставитъ Адольфу возможность скорѣе удивить ихъ нечаяннымъ пріѣздомъ.

Снявъ портретъ съ матери и дочери, и описавъ обстоятельства, въ какихъ они находились, обрисуемъ и другихъ членовъ придворнаго гельметскаго штата, играющихъ болѣе или менѣе важную роль въ нашемъ романѣ. Во-первыхъ, выступаетъ передъ нами дѣвица Аделаида фонъ-Горнгаузенъ. Она считала 7-го гермейстера Бургарда своимъ родоначальникомъ и, повидимому, упала очень низко съ этого дерева; ибо отъ всей давнопрошедшей знатности предковъ удержала за собою только имя ихъ и старый пергаментъ, на которомъ ничего разобрать нельзя было, и который, будто-бы, потому-то и доказывалъ высокій родъ ея. Отъ всего же богатства гермейстерскаго достались ей въ удѣлъ нѣсколько гаковъ земли, частію подъ пескомъ, частію подъ болотами, принятыхъ вмѣстѣ съ ея осо-

бою подъ покровительство баронессы. Аделаида считалась demoiselle d'honneur при гельметскомъ дворѣ. Не только зрѣлая, но ужь и увядающая дѣва, она казалась всегда сердитою, потому что нѣкогда, а не теперь, слыла прекрасною, потому что нѣкогда мотыльки обжигали себѣ крылья около ея прелестей, а нынѣ удалялись ихъ, какъ погорѣлой жнивы. Она вела подробно, съ математическою точностію, реэстръ годамъ своихъ подругъ, а о своихъ лѣтахъ умалчивала съ приличною скромностью. Панегирики безбрачной жизни не мѣшали самой ей ожидать себѣ суженаго съ *вѣчною* любовью, котораго ожидала она съ *вѣчной* надеждой. Старое золотое время было всегдашнимъ предметомъ ея разговоровъ. Тутъ являлись кстати и некстати роды знаменитыхъ гермейстеровъ, кровныя связи ея съ магистрами и коадъюторами, высокіе замки, гдѣ каждый баронъ былъ независимый государь, окруженный знатными вассалами, пригожими пажами, волшебниками-карлами, богатырями-оруженосцами и толпою благородной дворни (Hofleute). Тутъ выступали турниры, гдѣ красота играла первенствующую роль, на которыхъ брошенная перчатка любимой женщины возбуждала къ подвигамъ скорѣе, нежели въ началѣ XVIII столѣтія всевозможныя жертвы, неоправленныя въ золото. Она такъ страсно любила рыцарскіе романы, что за чтеніемъ ихъ забывала общество, пищу и сонъ. Воображеніе ея настроено было этимъ чтеніемъ до того, что ей во снѣ и на яву безпрестанно мерещились карлы, волшебники, великаны и разнаго образа привидѣнія. Она была чувствительна, какъ цвѣтокъ *недотрога*; не могла безъ ужаса видѣть паука, кричала, когда птичка вылетѣла изъ клѣтки, плакала отъ малѣйшей непріятности и смѣялась всякой бездѣлицѣ, какъ ребенокъ. Уваженіе связей ея съ родственницею предсѣдателя редукціонной комиссіи и желаніе

протежировать высокую отрасль седьмого лифляндскаго гермейстера, побудили баронессу Зегевольдъ принять ее подъ свое крыло и смотрѣть на ея недостатки снисходительнымъ окомъ. Ее берегли, какъ старый жетонъ, для рѣдкости, а не потому, чтобы онъ имѣлъ цѣнное достоинство.

Второе лицо гельметскаго придворнаго штата былъ библіотекарь, Адамъ Биръ. Отецъ его, Томасъ, математикъ и антикварій, столько же славился ученостью своею, сколько и кабалистикой, разстроившею его разсудокъ до того, что онъ предсказывалъ конецъ міра и держалъ закладъ съ однимъ упсальскимъ аптекаремъ, который не соглашался съ нимъ только въ годѣ и мѣсяцѣ исполненія пророчества. Чудакъ, увѣренный въ своихъ кабалистическихъ выкладкахъ, роздалъ свое имущество бѣднымъ и съ двумя дѣтьми умеръ-бы, конечно, съ голоду, еслибъ его не отыскали благодѣянія королевы Христины. Сынъ его наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ ученностью и умомъ отца, нѣкоторыя его странности,—нѣкоторыя, говорю я, потому что, идя по ступенямъ своего вѣка, онъ умѣлъ оставить позади себя всѣ схоластическія бредни и предразсудки, принадлежавшіе XVII столѣтію. Любя науки и природу, какъ страстный юноша, съ чувствами свѣжими, какъ жизнь, развернувшаяся въ первый день творенія, онъ чуждался большого свѣта, въ которомъ не находилъ наукъ, природы и себя, и потому создалъ для себя свой особенный міръ и окружилъ себя своимъ обществомъ грековъ и римлянъ, которыхъ былъ страстный поклонникъ. Онъ любилъ людей, какъ братьевъ, желалъ служить обществу своими трудами и дарованіями, но общества бѣгалъ, какъ заразы. Воображеніемъ и сердцемъ Адамъ былъ въ такомъ же состояніи, какъ одноименный ему первый человѣкъ, когда не гремѣли еще надъ нимъ слова: «*въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой.*» Онъ не зналъ, что

и насущный хлѣбъ надобно *пріискивать*. Не говоримъ уже о милостяхъ фортуны, которая давнымъ давно спустила повязку съ одного глаза и жалуетъ только усердныхъ своихъ почитателей. Достигнувъ возмужалости, онъ былъ все еще молодъ и неопытенъ сердцемъ, какъ въ лѣта своего младенчества. Характеръ его можно было уподобить горному вѣтру, который спускается иногда въ долину, но въ ней никогда не удерживается. Ничего нельзя было заставить его сдѣлать поневолѣ, все можно — ласкою, словами чести, уваженіемъ законовъ, любви къ ближнему и къ отечеству. Кроткій, услужливый и почтительный, пока требовали отъ него должнаго и не угнетали его, онъ умѣлъ даже сносить нѣкоторыя легкія оскорбленія; но когда чувствовалъ удары, прямо направляемые на доброе его имя, тогда онъ и самъ размахивался и возвращалъ ихъ безъ околичностей, со вторицей. Бѣлое никогда не называлъ онъ чернымъ и черное бѣлымъ, хотя-бы требовали того собственныя его выгоды и угожденія людямъ сильнымъ. Надо-ли было молчать объ угнетеніи — онъ говорилъ вслухъ и именно при тѣхъ, которые на теплыхъ крылышкахъ готовы были перенести его слова, какъ обыкновенно случается, съ прибавками; надо-ли было говорить о громкихъ подвигахъ великихъ злодѣевъ — онъ молчалъ. Къ довершенію его портрета, скажемъ, что онъ, проведя большую часть жизни въ уединеніи, сдѣлался застѣнчивъ, стыдливъ, подобно красной дѣвицѣ, неловокъ, чуждъ утонченныхъ приличій большого свѣта и разсѣянъ до смѣшного.

Этотъ чудакъ воспитывался въ упсальскомъ университетѣ и получилъ въ немъ каѳедру по смерти отца. Но за несоблюденіе будто *формы* по одному дѣлу, а болѣе за то, что онъ, въ избыткѣ откровенности, сказалъ, что университетомъ управляетъ не

ректоръ, а ректорша, его изгнали съ аттестаціей человѣка безпокойнаго и ненадежнаго. Нужды напали на него со всѣхъ сторонъ, люди, не знавшіе его и не принимавшіе никогда на себя труда изслѣдовать его поступки, повторяли за его *доброжелателями*, что онъ человѣкъ негодный. Больно было Адаму терпѣть несправедливыя гоненія; но онъ не преклонилъ головы ни передъ людьми, ни передъ рокомъ своимъ. Онъ терпѣлъ нужды, оскорбленія и вражду съ твердостью, истинно стоическою, находя въ объятіяхъ природы и наукъ вознагражденія и утѣшенія, ни съ чѣмъ несравненныя. Судьбѣ угодно было исторгнуть его изъ бѣднаго его положенія: сестра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ своего времени, нашла случай помѣстить своего брата въ домъ баронессы Зегевольдъ, въ должность учителя къ ея дочери. Эту священную обязанность исполнилъ онъ наилучшимъ образомъ. Тщеславная обладательница Гельмета, умѣвшая постигнуть его познанія и понять слабости, умѣла и сберечь его. Окончивъ воспитаніе богатой наслѣдницы, Адамъ перешелъ въ должность секретаря при баронессѣ. Но здѣсь онъ не годился. Частныя поѣздки его съ дипломаткой, посѣщенія знатныхъ домовъ, гдѣ онъ часто, отъ застѣнчивости, горѣлъ какъ Монтезума на угольяхъ, обѣды, казавшіеся ему тягостнѣе дежурствъ, иногда несогласія съ баронессой въ мнѣніяхъ по разнымъ предметамъ, произвели въ немъ отвращеніе отъ новой должности. Сама дипломатка искала благопріятнаго случая отказать ему отъ нея. Случай этотъ вскорѣ представился. Пріятельница баронессы увѣдомляла ее, какъ водится, съ прискорбіемъ, о кончинѣ 60-лѣтняго мужа своего, бывъ увѣрена, что она, по дружескимъ связямъ съ нею, приметъ участіе въ ея горестной потерѣ. Какъ нарочно, въ то же время сосѣдка Амаліи Зегевольдъ извѣщала ее о смерти щенка знаменитой

породы, котораго она, по просьбѣ ея, достала съ необыкновенными трудами и готовилась отправить къ *патріоткѣ*, для отсылки извѣстному министру шведскому, страстному охотнику до собакъ. Отвѣты, исполненные, почти сходно одинъ съ другимъ, сожалѣнія о смерти рѣдкаго мужа и щенка съ необыкновенными достоинствами, погибнувшими для свѣта, были подписаны баронессой; но Адамъ, въ разсѣянности, улетѣвъ воображеніемъ своимъ за тридевять земель въ тридесятое царство, перемѣшалъ конверты писемъ. Можно вообразить, какую суматоху надѣлали посланія. «Называть щенка моимъ мужемъ!» говорила одна, задыхаясь отъ гнѣва. «Называть щенкомъ моего мужа! Слыхана-ли такая дерзость? Этого безцѣннаго друга, ангела земного!...» говорила другая (хотя она того ангела при жизни терпѣть не могла). Много стоило труда баронессѣ помириться съ пріятельницами своими. Между тѣмъ секретарь уволенъ былъ отъ настоящей должности и опредѣленъ въ библіотекари гельметскаго замка. Здѣсь онъ былъ совершенно въ своей сферѣ: могъ безъ важныхъ послѣдствій ставить фоліанты вверхъ ногами, сближать Эпикура съ Зенономъ, сочетать *Квинта-Курція* съ *амазонками изъ монастыря*, помѣщать *награжденную пробу любви вѣрнаго Белламира* между *проповѣдями*, и такъ далѣе въ забывчивости перемѣщать всю библіотеку, на приведеніе которой въ порядокъ потребовалось бы цѣлое общество библіомановъ. Вмѣстѣ съ новою должностью, Адаму дана полная свобода быть, гдѣ пожелаетъ, и дѣлать, что хочетъ. Съ этой эпохи почиталъ онъ себя счастливѣйшимъ изъ людей.

На мѣсто его поступилъ секретаремъ къ баронессѣ Эліасъ Никласзонъ. Не знали именно, откуда онъ родомъ, хотя выдавалъ онъ себя за нѣмца. Иные почитали его итальянцемъ, другіе увѣряли, что онъ изъ

рода, считающаго своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ находитъ для себя болѣе денегъ. Въ самомъ дѣлѣ все что особенно свойственно еврею: неутомимое терпѣніе, пронырство, двуличность, низость и, наконецъ, сребролюбіе, означались въ Эліасѣ рѣзкими чертами. Когда онъ имѣлъ въ комъ нужду, готовъ былъ въ первый день своего искательства вытерпѣть даже побои. На другой день онъ стоялъ уже на ступени, ближе къ своей цѣли; если здѣсь онъ былъ обруганъ, то молчалъ и кланялся. На третій день онъ являлся въ передней и дежурилъ въ ней, не пивши и не ѣвши съ утренней зари до полуночи, несмотря на оскорбленія слугъ. Можно быть увѣрену, что къ концу недѣли встрѣчался онъ въ кабинетѣ того, въ комъ искалъ милостей, и выходилъ отъ него, получивъ желаемое, съ гордостью набоба. Въ Никласзонѣ было два человѣка: внѣшній и внутренній. Лицо его всегда улыбалось, хотя въ груди его таились адскія страсти; судя по взгляду его сѣро-голубыхъ глазъ, привѣтливому, ласковому, казалось, что онъ воды не замутитъ, между тѣмъ, какъ готовилъ злодѣйскіе замыслы. Черты его лица вообще были правильны, но обезображены шрамомъ на лбу, этимъ неизгладимымъ знакомъ буйной жизни. Говорили, что онъ получилъ нѣкогда почетный рубецъ осколкомъ бутылки, пущенной въ него товарищемъ въ спорѣ за предметъ, ихъ достойный. При людяхъ значительныхъ онъ боялся прикоснуться къ рюмкѣ, не могъ принимать лекарства, въ которомъ было хоть нѣсколько капель вина; за то въ кругу задушевныхъ, ему подобныхъ, онъ исправно осушалъ стаканы. Разговоръ его былъ самый уступчивый и сладкій; казалось, онъ не находилъ словъ для противорѣчія; взамѣнъ этого, краснорѣчіе лести было въ немъ неистощимо. На языкѣ носилъ онъ медъ, а подъ языкомъ ядъ. Въ Гельметскомъ замкѣ онъ умѣлъ угодить всѣмъ, отъ госпожи

до дворовой собаченки; одинъ Адамъ Биръ не терпѣлъ его и не скрывалъ своего отвращенія. Баронесса особенно любила его за точное и усердное исполненіе секретарскихъ обязанностей, за щегольской подчеркъ его письма и сладкій слогъ, угождавшій всѣмъ, кому онъ писалъ, за умѣнье питать ея самолюбіе и особенно за обѣщаніе привесть къ ней плѣнникомъ Паткуля. Безграмотному Шнурбауху составлялъ онъ аптекарскіе счеты, въ которыхъ приходъ съ расходомъ всегда былъ вѣренъ, и такіе исправные, что иголки нельзя было подъ нихъ подпустить; жену амтмана никогда не забывалъ величать госпожею фонъ-Шнурбаухъ, и даже дворецкому пожималъ онъ дружески руку. Но высшія въ немъ достоинства, которыми покрывались всѣ другія и съ которыми можно далеко пойти въ свѣтѣ, были: умѣнье *выдерживать* и *пользоваться*.—Мы должны прибавить, что онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Фюренгофомъ, и по его ходатайству попалъ въ домъ баронессы.

Остается намъ взглянуть еще на парочку двуногихъ животныхъ, и потомъ запереть свой звѣринецъ. Первый изъ нихъ, амтманъ Шнурбаухъ, потому только не назывался ни возовымъ, ни вьючнымъ, что ходилъ на двухъ ногахъ и имѣлъ образъ человѣческій. Онъ былъ простенекъ; но этотъ умственный недостатокъ вознаграждался въ немъ также двумя высокими качествами: *исполнительностью* и *строгостью*, которыя, въ нѣкоторомъ кругу и особенно у большихъ баръ, выигрываютъ иногда болѣе достоинствъ ума и сердца. Если бы приказали ему дать сто ударовъ, то онъ почелъ бы за преступленіе дать ихъ только девяносто девять. Тотъ, кто платилъ ему деньги, могъ навьючить его всякою нечистотою, неучтиво погонять его и даже заставить караулить мухъ, будучи увѣренъ, что онъ исполнитъ и снесетъ съ подобострастіемъ, лишь

бы платили ему деньги и приговаривали притомъ частицу *фонъ*. Въ доказательство преданности его особѣ баронессы, она приводила, что онъ два года служилъ при ней изъ одного усердія, безъ всякаго жалованья. Кто, однакожъ, вывѣдалъ его хорошо, зналъ, что для обмана въ свою пользу онъ провелъ бы мудреца. Лишенный одного глаза взрывомъ пороха при учрежденіи фейерверка, Шнурбаухъ видѣлъ остальнымъ, гдѣ было мягко упасть и сладко поѣсть, не хуже зрячаго обоими глазами. Супруга его была столько же толста глупостью, какъ и *корпусомъ*, любила разсказывать о своихъ давно прошедшихъ побѣдахъ надъ военными не ниже оберстъ-вахтмейстера, почитала себя еще въ пышномъ цвѣтѣ лѣтъ, хотя ей было гораздо за сорокъ, умѣла изготавливать годовые припасы, управлять мужемъ, управителемъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, и падать въ обморокъ, когда онъ не давался ей вцѣпиться хорошенько въ послѣдніе остатки его волосъ.—Таковы были главные домочадцы гельметскаго двора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОШИБКА

Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи!
Она сказала: это онъ!

Пушкинъ.

Въ одинъ майскій вечеръ того же года, съ котораго начался нашъ разсказъ, садились въ карету, поданную къ террасѣ гельметскаго господскаго дома, женщина зрѣлыхъ лѣтъ, въ амазонскомъ платьѣ, и за нею мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ улыбающимся лицомъ, отмѣченнымъ шрамомъ на лбу. Это были баронесса Зегевольдъ и секретарь ея Никласзонъ. Они отправлялись по дипломатическимъ дѣламъ въ Дерптъ, откуда хотѣли возвратиться черезъ двое сутокъ. Баронесса объявила, однакожъ, что если къ этому сроку не явится, такъ это будетъ знакомъ, что она поѣхала въ Перновъ, куда ее давно приглашаетъ университетъ. Бичъ хлопнулъ, карета покатилась съ двора; скоро облако пыли окутало ее вдали, и все въ домѣ оживилось, лица у всѣхъ просвѣтлѣли. Толпа слугъ походила на людей, выпущенныхъ изъ тюрьмы: такую перемѣну сдѣлало въ Гельметѣ отсутствіе властолюбивой его госпожи.

Луиза, проводивъ мать свою, отправилась въ рощицу, на ближайшій къ дому холмъ, мимо котораго

пролегала феллинская дорога. Здѣсь предупредила ее дѣвица Горнгаузенъ. Сентиментальная дѣва дочитывала, для большого *эффекта*, вблизи развалинъ замка, презанимательный рыцарскій романъ, въ которомъ описывались приключенія двухъ любовниковъ, заброшенныхъ—одинъ въ Палестину, другой въ Лапландію и, наконецъ, съ помощью карлы, астролога и волшебницы, соединенныхъ вѣчными узами на островѣ С. Доминго. Глаза Аделаиды сверкали огнемъ вдохновенія, щеки ея горѣли; временемъ катились по нимъ слезы, которыя она спѣшила перехватить платкомъ, чтобы скрыть ихъ отъ коварныхъ свидѣтелей. Другая спутница Луизы, домоправительница фонъ-Шнурбаухъ, занявъ одна цѣлую скамейку, посреди жирныхъ мопсовъ, никогда съ нею неразлучныхъ, хотѣла-было расплодиться въ повѣствованіи о какомъ-то драгунскомъ полковникѣ временъ Христины, вышедшемъ за нее на дуэль; но увидѣвъ, что ее не слушаютъ со вниманіемъ, должнымъ предмету, о которомъ говорила, она задремала и захрапѣла вмѣстѣ со своими моськами. Для Луизы эти подруги были совершенно посторонни чувствами и образомъ мыслей. Умѣвшая ее понимать была далеко. Съ особеннымъ удовольствіемъ засмотрѣлась она на прелести вечера, на которыя природа во всю весну не была еще такъ щедра. Разгорѣвшійся ликъ солнца началъ склоняться къ землѣ; около него небо подернулось розовою чешуей, а вдали, по свѣтлоголубому полю, бѣжали въ разныя стороны бѣлоснѣжныя облачка, какъ стадо агнцевъ, разсыпавшихся около своего пастыря. Рдѣлся гребень возвышеній, между тѣмъ какъ тѣнь одѣвала уже скатъ ихъ и разрѣзала озеро пополамъ Фасъ дома былъ облитъ заревомъ небеснаго пожара, стекла въ окнахъ горѣли. Деревья переливались оттѣнками зелени, желтизны и румянца. Соловьи въ разныхъ мѣстахъ сада распѣвали пламенные гимны любви.

Съ кудрей черемухи теплый вѣтерокъ далеко разносилъ благоуханье. Вечерніе мотыльки во множествѣ перепархивали съ мѣста на мѣсто, и рои мошекъ толпились въ умирающихъ лучахъ солнца, спѣша насладиться, можетъ быть, остальными минутами своей дневной жизни. Все въ природѣ, пользуясь послѣдними его благодѣяніями, радовалось и нѣжилось.

Облокотясь на ручку скамейки, Луиза предалась различнымъ мечтаніямъ: то думала о милой Кете, то вспоминала о своемъ дѣтствѣ, вспоминала объ Адольфѣ, можетъ быть упрекала его въ забвеніи, и—таково вліяніе весны! — вздохнула о своемъ одиночествѣ. Въ это время послышался конскій топотъ. Вслѣдъ затѣмъ съ горы, по феллинской дорогѣ, мелькнулъ кавалеристъ. Онъ ближе, можно ужь замѣтить, что это офицеръ гвардейскаго трабантскаго полка, того самого, въ которомъ служитъ Адольфъ.—Кто бы это такой былъ? въ такое время?—Онъ даетъ знакъ сторожу у подъемнаго моста, чтобы его опустили. Цѣпи звучатъ; мостъ опущенъ. Статный вороной конь, испуганный шумнымъ паденіемъ его, храпитъ и встаетъ на дыбы. Луиза боится за незнакомца; но конь, покорный искусному всаднику, быстро переноситъ его черезъ мостъ, гремящій подъ нимъ въ перекатахъ. Офицеръ проѣзжаетъ мимо холма. Проницательные взоры восемнадцатилѣтней дѣвушки могутъ ужь различить, что онъ очень недуренъ собой. Замѣтивъ ее, онъ учтиво ей кланяется, въѣзжаетъ на гору, на господскій дворъ, останавливается у террасы и слѣзаетъ съ лошади. Фрицъ принимаетъ у незнакомца лошадь и, всмотрѣвшись пристально въ его лицо, говоритъ ему: «Добро пожаловать, гость желанный!»—Кто бы это такой былъ?—спрашиваетъ себя Луиза. Сердце ея необыкновенно бьется.—Маменьки нѣтъ дома: какъ принять безъ нея незнакомаго мужчину?—Слуга выходитъ на встрѣчу.

— Дома-ли баронесса?—спрашиваетъ послѣдній.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ слуга, — она уѣхала съ часъ тому назадъ въ Дерптъ.

— Кто-жъ дома?

— Фрейлинъ.

— Доложи ей, что баронъ Траутфеттеръ пріѣхавшій изъ арміи, проситъ позволенія ей представиться.

Слуга, не дѣлая дальнѣйшихъ разспросовъ, опрометью побѣжалъ въ домъ искать кастеляна для доклада, и дорогою, толкая встрѣчныхъ и поперечныхъ, кричалъ какъ сумасшедшій, что женихъ барышнинъ пріѣхалъ. Тотчасъ по всему дому разнеслось одно эхо: «Женихъ, женихъ, барышнихъ пріѣхалъ!» Отъ передней до дѣвичьей повторялись эти слова. Вѣроятно, ихъ слышалъ и гость. Наконецъ, явился передъ молодою госпожей своей старикъ дворецкій и провозгласилъ какъ герольдъ, что баронъ Адольфъ фонъ-Траутфеттеръ пріѣхалъ изъ арміи и желаетъ имѣть честь ей представиться. Луиза въ ужасномъ волненіи. Какъ съ неба упалъ передъ нею тотъ, кто съ малолѣтства назначенъ ей въ супруги, отъ котораго зависѣло счастіе или несчастіе ея будущности, и тогда явился онъ, когда полагали его за тысячу верстъ. Домоправительница, исторгнутая необыкновеннымъ движеніемъ изъ моря покоя, въ которое была погружена, вскочила со стула, за нею бросились моськи съ лаемъ. Первый предметъ, ей представившійся, была Луиза, блѣдная какъ полотно.

— Что сдѣлалось съ вами, фрейлинъ Зегевольдъ, любезная, драгоцѣнная фрейлинъ Зегевольдъ? Воды, муравейнаго спирту!—кричала Шнурбаухъ, переваливая свою дородную фигуру съ мѣста на мѣсто. Но Луиза и безъ посторонней помощи пришла въ себя. Она отвѣчала дворецкому, что проситъ гостя пожаловать.

— Грубый, желѣзный вѣкъ!—произнесла Аделаида Горнгаузенъ съ томнымъ жеманствомъ. — Любовники являются въ собственномъ видѣ, и еще подъ своимъ собственнымъ именемъ! Фи! кастеляны о нихъ докладываютъ! Въ былой золотой вѣкъ рыцарства ужь, конечно, явился бы онъ въ одеждѣ странствующаго монаха и нѣсколько мѣсяцевъ сталъ бы испытывать любовь милой ему особы.—Здѣсь она тяжело вздохнула, хотѣла продолжать и вдругъ остановилась, смутившись приходомъ гостя, награжденнаго отъ природы необыкновенною привлекательною наружностью.

«Боже! какъ *она* прелестна!» подумалъ Траутфеттеръ, встрѣтясь съ глазами Луизы. «Какъ онъ выгодно перемѣнился!» думала, въ свою очередь, молодая хозяйка, у которой кровь отъ сердца быстро поднялась въ щеки при первомъ взглядѣ на нее милаго знакомца-жениха. Гельметскія жительницы говорили про себя: «Хорошенькій мальчикъ сдѣлался пріятнѣйшимъ мужчиною. Въ немъ сейчасъ узнать можно Адольфа, хотя нѣкоторыя черты измѣнились. Удивительно-ли? его не видали семь лѣтъ, съ того времени, какъ онъ уѣхалъ изъ Гельмета четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ» Домоправительница не совсѣмъ, однакожъ, вѣрила глазамъ, чтобы это былъ любимецъ ея Адольфъ. Казалось, у того носъ былъ нѣсколько болѣе вздернутъ, и глаза не такъ черны, хотя также живы и плутоваты, какъ у этого, и волосы у того были посвѣтлѣе! Она хотѣла бы, но стыдится, надѣть очки: ей только подъ-пятьдесятъ, а ее почтутъ старушкою! Но, опять Адольфъ могъ перемѣниться съ того времени, какъ его не видали.

Милый гость говорилъ пріятно и умно, разсказывалъ, что онъ опредѣленъ въ корпусъ Шлиппенбаха; шутя прибавлялъ, что назначенъ съ своимъ эскадрономъ быть защитникомъ гельметскаго замка, и что пер-

вою обязанностью почелъ явиться въ домъ, въ которомъ съ дѣтства былъ обласканъ и провелъ нѣсколько часовъ, пріятнѣйшихъ въ его жизни.

«И я помню эти часы!»—думала съ удовольствіемъ Луиза.

— Вотъ каковы влюбленные трабанты его величества!—говорила Шнурбаухъ, вполголоса и вздыхая дѣвицѣ Горнаузенъ,—мѣсяцы кажутся имъ часами. Ахъ! и я знала нѣкогда времячко, летѣвшее для меня стрѣлою.

— Чего не могу простить этому пригожему офицеру,—произнесла шепотомъ сентиментальная дѣва,—такъ это холодность, съ которою онъ явился къ своей невѣстѣ! Ни колѣнопреклоненій, ни страстныхъ вздоховъ! Отъ него такъ и несетъ его холоднымъ XVIII столѣтіемъ. Предчувствую, что *ихъ* любовь не будетъ *вѣчная*.

Замѣтно было, что Луизѣ не непріятенъ ея женихъ. Привлекательная его наружность, особенно глаза, которые высказывали такъ много и такъ убѣдительно; благородство, умъ, чувство въ каждомъ словѣ, — все было въ его пользу при сравненіи его съ другими мужчинами, которыхъ она знавала. Все, что выходило изъ краснорѣчивыхъ устъ его, падало на сердце Луизы, оплодотворялось и развивалось въ немъ. Первое впечатлѣніе надъ обоими сдѣлано, и невозвратно. То, что она чувствовала къ нему, не считала опаснымъ: сердце ея повиновалось матери, слушалось обязанностей, натверженныхъ ей съ девяти лѣтъ. Любовь манила ее въ храмъ, куда она шла съ душею непорочною. Какъ сладостно предаваться мечтамъ, согласнымъ съ долгомъ и разсудкомъ! Чтожъ чувствовалъ *онъ?*..

Мы должны открыть читателю ошибку Луизы и обитателей замка, встрѣтившихъ гостя. *Онъ* не Адольфъ, а баронъ Густавъ Траутфеттеръ, старшій его двумя годами, но схожій съ нимъ до того, что знавшіе ихъ

некоротко и видавшіе ихъ порознь, принимали одного за другого. Лукавые люди не находили ничего замѣтить противъ этого рѣдкаго сходства, потому что матери ихъ были родныя сестры, также чрезвычайно похожія другъ на дружку. Густавъ пріѣхалъ изъ арміи короля шведскаго въ Лифляндію служить подъ начальствомъ Шлиппенбаха, и получилъ назначеніе командовать эскадрономъ драгунъ, расположеннымъ близъ Гельмета, въ Оверлакѣ. Имѣя съ собою письмо отъ Адольфа къ баронессѣ Амаліи Зегевольдъ и помня, что въ малолѣтствѣ принятъ былъ въ ея домѣ, какъ родной, онъ воспользовался первыми свободными часами, хотя уже и вечерними, чтобы скорѣе выполнить порученіе своего двоюроднаго брата. Надо было, чтобъ судьба, издѣваясь надъ человѣческими разсчетами и планами, слишкомъ рано затѣянными, вызвала баронессу въ тотъ же самый день изъ Гельмета и, какъ нарочно, передъ пріѣздомъ Густава. Неизвѣстно, безъ умысла ли онъ не сказалъ своего имени служителю, встрѣтившему его на террасѣ, или съ умысломъ, по случаю бывшаго у него съ Адольфомъ шуточнаго спора, что невѣста приметъ за жениха посторонняго человѣка, слѣдственно забыла Адольфа и перестала его любить. Густавъ легко замѣтилъ, за кого его принимали и, въ торжествѣ побѣды своей или, вѣрнѣе, по сильному впечатлѣнію, сдѣланному надъ нимъ прелестями Луизы, вмѣсто того чтобы скорѣе обнаружить истину, старался всячески продлить ошибку, для него пріятную и ни для кого не опасную—по крайней мѣрѣ, такъ ему казалось.

Начало смеркаться. Густавъ, упоенный успѣхами первой встрѣчи, хотѣлъ бы продлить долѣе свое пребываніе въ Гельметѣ; надо было, однакожъ, отправляться домой.

— Маменька непремѣнно черезъ два дня будетъ

назадъ, — сказала Луиза, прощаясь съ нимъ, какъ съ давнишнимъ знакомцемъ своего сердца.

— Черезъ два дня, — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ, — буду здѣсь непремѣнно.

Возвращаясь въ Оверлакъ, Густавъ сбился съ дороги, о которой распросилъ не хуже колонновожатаго, и проплуталъ до разсвѣта, какъ человѣкъ, одержимый куриною слѣпотой. Также и въ замкѣ было что-то не попрежнему. Домоправительница, смѣтливая въ дѣлахъ сердечныхъ, смекнула, по какой причинѣ Луиза необыкновенно нѣжно поцѣловала ее, отходя въ свою спальню. Въ минуту истинной любви всѣхъ любишь. Даже горничная замѣтила, что барышня до зари не могла заснуть и провозилась въ постели.

На другой день въ замкѣ только и было разговоровъ что о пригожемъ женихѣ; не упустили изъ виду, что онъ и съ низшими былъ привѣтливъ; Фрица особенно ласково благодарилъ за то, что подержалъ его лошадь, а сторожу у моста далъ серебряную монету: знаки добраго, щердаго сердца! Всѣ обитатели замка молили отъ души Бога, чтобъ Онъ даровалъ будущей четѣ долгія лѣта. — Видно, говорили они, за доброе сердце наш барышни посѣщаетъ ее Господь своими милостями.—Шнурбаухъ не могла наговориться о достоинствахъ мнимаго Адольфа, и признавалась, перебирая трехпоколѣнную роспись своихъ поклонниковъ, что ни одного равнаго ему не находила. Въ этомъ случаѣ Луиза не сердилась на нее. И самъ Биръ изъявилъ свое желаніе видѣть Адольфа, въ дѣтствѣ либившаго натуральную исторію, грековъ и римлянъ, и потому обѣщавшаго много добраго.

Въ назначенный день въ замкѣ ждали съ нетерпѣніемъ не баронессу, а жениха молодой госпожи. Домоправительница особенно желала ему понравиться, чтобы заслужить богатый подарокъ въ день свадьбы,

и потому, распушенная какъ пава въ гродетуровый, радужнаго цвѣта, роброндъ, стянутая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, едва двигаясь въ обручахъ своихъ фижмъ, она поспѣшила предстать въ этомъ нарядѣ на террасу замка, откуда можно было скорѣе увидѣть прибытіе ожидаемаго гостя. Казалось, что она стряхнула съ себя десятка два лѣтъ; даже рѣшились она, по просьбѣ Луизы, сдѣлать важную жертву и вытерпѣть гнѣвъ баронессы, прогнавъ своихъ мосекъ въ департаментъ супруга и пристроивъ по дальнимъ отдѣленіямъ замка сибирскихъ и ангорскихъ кошекъ, собачекъ постельныхъ и охотничьихъ, курляндскихъ, датскихъ, многихъ различныхъ достоинствъ, породъ и краевъ,—весь этотъ звѣринецъ баронессиныхъ любимцевъ. Луиза, боясь насмѣшекъ домоправительницы, убѣдила ее не поминать даже словечка о дѣтской привязанности ея къ Адольфу и избавить тѣмъ ее отъ необходимости краснѣть.

Мнимый Адольфъ не заставилъ долго ожидать себя. Онъ явился вскорѣ послѣ обѣда. Ему казалось, взглянувъ на Луизу, что въ два дня, которые онъ ее не видалъ, развились въ ней новыя прелести. Глаза ея блистали привѣтнымъ огнемъ, который третьяго дня едва тлѣлся изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; лицо ея, прежде нѣсколько блѣдное, нынѣ оживилось румянцемъ здоровья и удовольствія; уста ея какъ будто улыбались встрѣчѣ счастія и манили насладиться имъ. Она еще любезнѣе, еще довѣрчивѣе въ обращеніи съ своимъ женихомъ; въ простосердечіи невинной любви, она только-что не говорила: «видишь, Адольфъ, несмотря на долгую разлуку, я люблю тебя по прежнему!» Густавъ, безразсудный Густавъ, предавался также болѣе и болѣе обольщеніямъ сердца. Къ несчастію ихъ, баронесса въ этотъ день не пріѣзжала, и въ этотъ день ничто не подало повода къ разочарова-

нію обмана, въ которой введены были всѣ обитатели замка на счетъ мнимаго Адольфа. Самъ Биръ, близорукій и разсѣянный, призналъ его за того неутомимаго мальчика, спутника своего по горамъ и лѣсамъ, который разъ нашелъ ему рѣдкое растеніе изъ рода Selinum, а въ другой разъ безстрашно убилъ палкой змѣю изъ семейства Coluber berus. Густавъ увѣрялъ, что онъ забылъ эти услуги и подвиги; но Адамъ, въ доказательство ихъ, непремѣнно обѣщалъ ему къ завтрашнему дню отыскать растеніе въ травникѣ своемъ и показать въ банкѣ змѣю. Бывшій учитель Луизы очень полюбилъ мнимаго Адольфа, увѣряя, что сердце не обманываетъ его на счетъ нравственныхъ достоинствъ жениха. Казалось, малѣйшая бездѣлица, одно наименованіе кѣмъ-либо Густава Адольфомъ, могло разрушить усилившуюся къ нему любовь Луизы, какъ малѣйшій вѣтерокъ разрушаетъ карточныя палаты. Но судьба сама сторожила очарованье.

Когда Густавъ возвращался домой, совѣсть пробудилась было въ его сердцѣ; но онъ старался заглушить ее слѣдующими разсужденіями: «Вѣтренникъ Адольфъ мало думаетъ о своей невѣстѣ. Еще передъ моимъ отъѣздомъ наказывалъ онъ мнѣ помолчать о своихъ проказахъ, и божился, что еслибъ не милліоны дядюшкины и не походъ на слѣдующій день, то онъ навсегда бы простился съ гельметской Луизой, которая одиннадцати лѣтъ была для него мила, какъ амуръ, но которая теперь годится только къ наперстницы какой-то Линхенъ, прелестной въ восемнадцать лѣтъ, какъ мать амуровъ. Вѣтрогонъ! не знаетъ всей цѣны сокровища, его здѣсь ожидающаго; онъ не знаетъ, что для Луизы можно забыть и дядюшкины милліоны и всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Право, когда бы не благосостояніе моего двоюроднаго братца и его потомства, я попытался бы отнять у него нареченную. Она такъ

мила, что, ей Богу, не достанетъ силъ человѣческихъ отказаться отъ удовольствія быть ей пріятнымъ. Впрочемъ, не велика бѣда нѣсколько минутъ попользоваться невинными правами жениха. Завтра легко будетъ поправить ошибку и привесть все въ прежнее состояніе; завтра, торжественно, при маменькѣ этого ангела, произнесу магическое имя *Адольфъ*, подамъ его письмо —и опять превращусь въ бѣднаго, ничтожнаго Густава. А теперь пусть не взыщетъ вѣтренникъ, если обстоятельства, не отъ меня зависящія, не мною нарочно устроенныя, даютъ мнѣ пріятный случай поторжествовать надъ нимъ и пошутить на его счетъ. Можетъ быть, это плата тою же монетою за какіе-нибудь старые долги. Въ первомъ письмѣ къ нему опишу свои проказы и рѣшительно объявлю ему, чтобы онъ спѣшилъ насладиться счастіемъ, столько лѣтъ его ожидающимъ. А то немудрено, что сыщется другой избранникъ, который не шутя и не подъ именемъ Адольфа понравится его невѣстѣ». Такъ разсуждалъ Густавъ, утѣшая себя мыслью, что эта игра случая кончится завтра.

На другой день Густавъ опять былъ въ замкѣ, для свиданія съ баронессой; и опять баронесса не пріѣзжала. Говорили о любви. Надобно знать, что дѣвушка, потерявшая право внушать это чувство, имѣетъ право разбирать его, сколько угодно, и потому дѣвица Горнгаузенъ утверждала, что истинная любовь не можетъ существовать безъ препятствій. На сторонѣ ея былъ Густавъ, увлеченный голосомъ сердца, которое въ настоящемъ своемъ положеніи помирилось бы на большія пожертвованія, лишь бы увѣрену быть во взаимности любимаго предмета и не лишиться надежды, когда-либо обладать имъ. Луиза молчала; она казалась оскорбленною. «Страшныя желанія»! думала она, «счастіе, приготовленное благоразумными распоряженіями на

шихъ родителей, намъ, улыбаясь, идетъ на встрѣчу. Мы можемъ пользоваться имъ спокойно. Нѣтъ, это намъ не нравится. Надобны несчастія, препятствія, страданія!... Но... можетъ быть... Адольфъ не любитъ меня? Недаромъ онъ задумывается такъ часто! Не груститъ-ли, что пріѣхалъ исполнить свои обязанности?... Съ радостью освобождаю его отъ этихъ обязанностей, если сердце въ нихъ не участвуетъ. Съ радостью?... Полно, такъ-ли?... Правда, мнѣ будетъ тяжело это сдѣлать. Я люблю... да! я должна себѣ въ этомъ признаться; но желала бы, чтобъ и онъ любилъ меня, свободно, безъ разсчетовъ и принужденія. Въ противномъ случаѣ, союзъ нашъ будетъ пренесчастный». Луиза рѣшилась немного пококетничать, сама не зная того, и начала явно показывать свое равнодушіе къ мнимому Адольфу. Недолго дѣлала она этотъ опытъ: Густавъ сдѣлался еще грустнѣе; между тѣмъ глаза его, нѣжное его обхожденіе только и говорили ей о страсти робкой, но истинной. Въ одинъ мигъ всѣ непріятности забыты, онѣ были легки, подобно дыханію, которое темнитъ на мигъ свѣтлую сталь и вдругъ съ нея сбѣгаетъ. Въ замкѣ Густавъ выказывалъ любовь, безразсудную, ослѣпленную; но когда онъ терялъ изъ виду Гельметъ, раскаяніе вступало въ права свои. «Нѣтъ», разсуждалъ онъ съ самимъ собою, «нѣтъ, не буду продолжать далѣе обмана, опаснаго для насъ обоихъ! Она не можетъ быть *моею*. Дружба, родство, честь, долгъ,—сто преградъ противъ меня. Хорошо, что *еще время!* Завтра не поѣду въ замокъ, послѣ завтра буду тамъ: къ этому сроку подъѣдетъ мать, и все откроется. Можетъ быть, я ошибаюсь, видя къ себѣ нѣкоторые знаки особеннаго вниманія; тѣмъ лучше, если ошибаюсь. Впрочемъ, если бъ *она* въ самомъ дѣлѣ могла чувствовать ко мнѣ *что-нибудь*, то это *что нибудь* происходитъ въ ея сердце единственно отъ увѣрен-

ности, что я женихъ ея. Въ противномъ случаѣ, она обходилась бы со мною иначе. Потеряю имя Адольфа, и потеряю все, что оно въ себѣ заключаетъ: всѣ блага, которыя оно съ собою приноситъ. Мнѣ ужь 22 года, я знаю женщинъ! На бѣднаго Густава не будутъ смотрѣть тѣми глазами, какими смотрѣли на Адольфа, наслѣдника милліонера. Поспѣшу отбросить отъ себя этотъ пагубный талисманъ. Слава Богу, *еще время!*» Нѣсколько дней Густавъ не являлся въ замокъ; эти дни были для него вѣкомъ пытки! Онъ хотѣлъ быть твердымъ и переломить себя: такъ онъ говорилъ. Въ замкѣ пустота была ощутительна: скука налегла на всѣхъ; прекрасные дни казались душными; если не было грозы, такъ несносный жаръ предвѣщалъ ее; мошки кусали нестерпимо; разсказы дѣвицы Горнгаузенъ о рыцарскихъ временахъ были приторны; бесѣда домоправительницы—несносна. Всѣ эти обстоятельства не выходили изъ обыкновеннаго круга природы и жизни обитателей замка, но для Луизы они казались необыкновенными. Только по временамъ, когда упоминали объ Адольфѣ, удовольствіе проглядывало на ея лицѣ, какъ улыбка, вынужденная на уста больного утѣшеніемъ лѣкаря. Къ скукѣ привилось и безпокойство, что баронесса такъ долго не возвращалась. Рѣшились писать къ ней въ Перновъ, узнать объ ея здоровьѣ и увѣдомить, что Адольфъ пріѣхалъ изъ арміи. Отвѣтомъ медлили; однакожъ, его получили и, будто нарочно, передъ самымъ прибытіемъ Густава въ замокъ. Онъ не могъ выдержать болѣе трехъ дней, не видавшись съ тою, съ которою долженъ былъ скоро разлучиться, можетъ статься, навсегда. Это предчувствовалъ онъ, и между тѣмъ шелъ на зовъ собственнаго сердца, какъ на обманчивый голосъ крокодила. Баронесса Амалія писала къ своей дочери, чтобы не безпокоились на счетъ ея здоровья, которое въ наилуч-

шемъ положеніи; что она радуется нечаянному пріѣзду Адольфа, и наказывала дочери, сколько можно ласковѣе принимать дорогого гостя, чаще приглашать его въ Гельметъ и *помнить*, что онъ женихъ ея. Изъ этого письма опытный наблюдатель нравовъ могъ видѣть, что и въ началѣ XVIII столѣтія маменьки умѣли давать дочкамъ искусныя наставленія, какъ завлекать въ сѣти богатыхъ женишковъ, хотя въ тогдашнее время наука эта не была еще доведена до такой утонченности, въ какой видимъ ее нынѣ. Баронесса не могла предвидѣть, что самыя эти наставленія соберутъ новыя грозныя тучи надъ ея домомъ. Между прочимъ тщеславная патріотка описывала торжество, съ какимъ приняли ее въ Перновѣ ученые дерптскаго университета и оканчивала свое описаніе изрѣченіемъ королевы Христины: «C'est ainsi qu'on entre incognito à Rome!» [1]). Баронесса присовокупляла, что важныя дѣла задерживаютъ ее въ Перновѣ еще на нѣсколько дней.

— Маменька здорова, — сказала Луиза, встрѣтивъ Густава съ лицомъ, сіявшимъ отъ радости и вмѣстѣ выражавшимъ упрекъ за долгое отсутствіе.—Она приказала вамъ сказать, что помнитъ и любитъ васъ по прежнему.

— Развѣ вы ужъ писали къ ней, *кто* пріѣхалъ? Кажется, такой незначущій человѣкъ, какъ я, недостоинъ былъ занять столько строкъ въ вашемъ и ея письмѣ, —отвѣчалъ смущенный Густавъ.

— Напрасно вы такъ думаете. Напротивъ, я поспѣшила ее обрадовать: она такъ много любитъ васъ.

— Обрадовать?... Богъ знаетъ!—возразилъ онъ, тяжело вздохнувъ.

— Въ старые годы вы были къ намъ довѣрчивѣе.

---

[1]) Такъ-то вступаютъ инкогнито въ Римъ.

— Простите, я всегда былъ увѣренъ въ милостяхъ вашей маменьки.

— Ага!—сказала сама себѣ Луиза, въ простодушіи истинной любви, думавшая быть чрезвычайно догадливою,—онъ сомнѣвается въ *моихъ* чувствахъ. Еслибъ я могла открыть ихъ! Но, можетъ быть, онъ старается выдумать препятствія? Неужели онъ находитъ удовольствіе мучить другихъ? Если таковъ его нравъ, я буду съ нимъ несчастна. Я хотѣла бы открытую душу мою соединить съ такой же душой.

— Я имѣю порученіе къ вашей маменькѣ отъ человѣка, мнѣ близкаго,—продолжалъ Густавъ дрожащимъ голосомъ,—порученіе весьма важное, отъ котораго зависитъ участь нѣсколькихъ людей.

Лицо Луизы вспыхнуло отъ мысли, что онъ имѣетъ письмо отъ дяди съ напоминаніемъ объ утвержденіи ихъ союза.

— Будьте моею судьбою, скажите, объяснить-ли теперь все, что я имѣю на сердцѣ?

Она подумала немного, потомъ спросила въ свою очередь:

— Исполненіе вашего порученія сдѣлаетъ-ли счастливыми всѣхъ людей, которыхъ вы разумѣете?

— Думаю, только одинъ будетъ несчастливъ. Дай Богъ, чтобы гроза надъ нимъ не обрушилась! Онъ одинъ виноватъ.

— Это для меня загадка: я не понимаю васъ, господинъ Траутфеттеръ! Если и одинъ будетъ несчастливъ, такъ лучше отложить навсегда сдѣланное вамъ порученіе,—отвѣчала Луиза съ гордостію и болѣе съ досадой оскорбленной любви, нежели самолюбія, и показывая необыкновенное равнодушіе обратила разговоръ на другой предметъ.

— Виноватъ-ли я?—сказалъ мысленно Густавъ,—сама судьба не позволила мнѣ открыться нынѣ. Впро-

чемъ, тѣмъ лучше: приготовлю ее понемногу къ этому открытію.

И между тѣмъ онъ употребилъ, въ остальные часы дня, всѣ хитрости сердечнаго краснорѣчія, чтобы скрыть роковую тайну, помириться съ Луизой и пріобрѣсть у нея снова то, что онъ единственно по наружности потерялъ было. Истинная любовь насколько довѣрчива, настолько же и незлопамятна; легко заслушивается обольщеній, легко прощаетъ оскорбленія, лишь бы увѣрена была, что они происходятъ отъ истинной же любви. Луиза старалась забыть непонятныя слова жениха своего, приписывая ихъ своенравію сердца, любящаго строить препятствія, чтобы усилить въ ней привязанность къ нему. Такъ соображала она, основываясь на одномъ мѣстѣ романа, который читала недавно, и на словахъ дѣвицы Горнгаузенъ. Гуляя по саду, Луиза нечаянно уронила розу, которая приколота была у ея груди. Густавъ поднялъ цвѣтокъ, страстно прижалъ къ губамъ и спряталъ въ боковой карманъ, ближе къ сердцу. Луиза, казалось, не примѣтила его движенія. По нѣкоторымъ высотамъ, въ саду разсыпаннымъ, трудно было одному, безъ посторонней помощи, взойти и сойти. Въ такомъ случаѣ Густавъ подавалъ Луизѣ руку, на которую она съ удовольствіемъ опиралась и которую нѣсколько минутъ не оставляла изъ боязни увлечься внизъ тяжестью свего тѣла. Иногда, въ упоеніи любви, будто окаменѣлые въ блаженнѣйшую минуту ихъ жизни, они останавливались нѣсколько мгновеній посреди горы на тѣсной площадкѣ, на которой едва можно было двумъ человѣкамъ умѣститься. Шелковые локоны волосъ Луизы навѣвались вѣтеркомъ на его уста; рука ея млѣла въ его рукѣ, щеки ея горѣли, глаза останавливались на немъ съ нѣжностью и потуплялись отъ стыда... Это все дѣлала невѣста съ своимъ женихомъ:

можно-ли ее обвинять?.. По лабиринту песчаниковой пещеры, изрытой въ одной изъ садовыхъ горъ, она была путеводительницей.—«Сюда, сюда, Адольфъ!» — закричала она въ одномъ мѣстѣ. Роковое имя, произнесенное при немъ еще въ первый разъ съ того времени, какъ онъ началъ посѣщать Гельметъ, заставило его затрепетать. Онъ забылъ все на свѣтѣ, помнилъ только ужасное для него имя и запутался еще болѣе въ темныхъ извилинахъ пещеры.—«Сюда!»—повторила Луиза ангельскимъ голосомъ своимъ, воротилась назадъ и, схвативъ его за рукавъ мундира, спѣшила вывести на свѣтъ. Густавъ казался смущеннымъ, нездоровымъ; но одинъ взоръ нѣжнаго участія, брошенный на него, оживилъ его на то короткое время, которое онъ оставался въ Гельметѣ.

Послѣ этого посѣщенія, Густаву представился весь ужасъ ихъ состоянія. Страсть его казалась ему злодѣяніемъ. Онъ видѣлъ въ себѣ величайшаго преступника, издѣвающагося надъ довѣрчивымъ чувствомъ малаго, невиннаго творенія; зналъ, что истребить въ себѣ этой страсти было невозможно, но, по крайней мѣрѣ, твердо рѣшился при первомъ свиданіи открыть все Луизѣ и принести себя въ жертву для ея спасенія

30-го мая — это было въ послѣднее посѣщеніе духа-искусителя — сидѣлъ онъ вмѣстѣ съ Луизой въ садовомъ гротѣ. Протекавшій мимо нихъ ручей Тарвастъ нашептывалъ будто бы пѣсни любви. Съ ними никого не было... Въ удаленіи Адамъ Биръ разбиралъ занимательное растеніе до послѣдней нити его, какъ пчела пьетъ сладость изъ любимаго цвѣтка до послѣдняго его истощенія. Въ восторгѣ, что обогатитъ свой травникъ новымъ сокровищемъ, и въ удивленіи къ премудрости Божіей, помѣстившей себя въ такомъ маленькомъ твореніи, онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ около себя, и еслибъ сокрушилось надъ нимъ ветхое

дерево, подъ которымъ онъ сидѣлъ, то не выпустилъ бы изъ рукъ драгоцѣннаго найденыша. Домоправительница не показывалась. Она заперлась въ своей спальнѣ, утопая въ горькихъ слезахъ: кто могъ быть несчастнѣе ея, жертвы мужнина своенравія и властолюбія? Вообразите ея горестное положеніе: въ возраженіе на словцо, неловко сказанное ея Вулканомъ, она замахнулась на правую его ланиту башмакомъ, а онъ — *ахъ! Боже мой! онъ карбонарій!* сказали бы въ наше время — не подставилъ ей лѣвой ланиты и вырвалъ изъ рукъ ея башмакъ! Можно-ли снести такую обиду, какой не бывало съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась его нѣжною половиной и полною обладательницей?... На дѣвицу Горнгаузенъ нашелъ тоже недобрый часъ: она еще не могла оправиться отъ чувства ужаса, произведеннаго въ ней поутру видомъ бабочки, трепетавшей подъ смертнымъ орудіемъ *безчеловѣчнаго* Бира (такъ она его называла), который готовилъ ее для своего энтомологическаго *кладбища*. По стеченію этихъ несчастныхъ обстоятельствъ, Луиза и Густавъ находились одни, сидя въ гротѣ на дерновой скамьѣ. Никогда еще не была она такъ прелестна, никогда не казалась такою счастливою. Коварная любовь сама, будто бы нарочно, постаралась убрать ее въ лучшіе свои наряды какъ въ древніе времена убирали дѣвъ, которыхъ вели на жертву къ алтарю разгнѣваннаго божества. Густавъ былъ скученъ; она искала разсѣять безпокойство его души, для нея непонятное. Глаза ея остановились на одномъ мѣстѣ грота и пробѣгали съ удовольствіемъ какую-то надпись, вырѣзанную на песчаникѣ; потомъ она спросила его съ нѣжною откровенностью.

— Кто это писалъ?

Жадными взорами пробѣжалъ онъ надпись, нѣсколько стертую временемъ, разобралъ въ ней слова:

милая Луиза! имѣлъ еще силу прочесть ихъ вслухъ, и потомъ, не отвѣчая прямо на вопросъ ея, примолвилъ:—Счастливъ смертный который безъ страха можетъ выговорить эти слова, еще счастливѣе, кто могъ слышать отвѣтъ!

Луиза ничего не сказала, но взорами исполненными привѣтомъ любви, остановилась на другой надписи. Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ· холодный потъ выступилъ на чело, когда онъ взглянулъ на роковыя слова: *милый Адольфъ!*

— Счастливъ Адольфъ! — произнесъ онъ замирающимъ въ груди голосомъ, — несчастливъ тотъ, кого принимали за Адольфа!

— Я васъ не понимаю!—сказала испуганно Луиза,— что это значитъ? Вы блѣдны, вы нездоровы? Боже мой, что съ вами дѣлается?

Густавъ упалъ предъ нею на колѣна.

— Я—обманщикъ!—произнесъ онъ съ выраженіемъ страсти и отчаянія, — сначала ошибкою служителя и вашихъ домашнихъ, потомъ безразсудствомъ, наконецъ, любовью я невольно вовлеченъ въ обманъ, — любовью истинною, безкорыстною, которая можетъ только съ жизнью моей кончиться. Нѣтъ достойной казни для наказанія подобнаго мнѣ изверга! Кляните! кляните меня: я этого достоинъ! Я не Адольфъ!

— Кто-же вы?—спросила Луиза замирающимъ голосомъ.

— Густавъ, двоюродный братъ Адольфа.

— Густавъ! что вы со мною сдѣлали?... — могла она только произнесть, покачавъ головой, закрыла глаза руками, и не въ состояніи будучи перенести удара, поразившаго ее такъ неожиданно, упала безъ чувствъ на дерновую скамейку. Въ изступленіи онъ схватилъ ея руку: рука была холодна, какъ ледъ; на лицѣ ея не видно было слѣда жизни. — Боже мой, я

убилъ ее!—кричалъ онъ какъ сумашедшій, бѣгая по саду и ломая себѣ руки. На крикъ этотъ оглянулся Биръ. Если бы мертвецы вставали, крикъ этотъ могъ бы ихъ поднять. Съ силою отчаянія Густавъ сжалъ его руки и увлекъ за собою къ мѣсту, гдѣ лежала его жертва.

— Потише, потише!—бормоталъ съ негодованіемъ Биръ, — вы изомнете мою находку. Съ тѣхъ поръ, какъ существую я вижу въ первый разъ насѣкомое изъ рода Coccinella exclamationis.

— Помогите, ради Бога помогите! Я убилъ ее! Она умретъ!—раздавались вопли несчастнаго.

Тутъ Адамъ очнулся, и догадавшись, по изступленному виду своего товарища, что дѣло шло не о пустякахъ, спѣшилъ освободиться изъ желѣзныхъ рукъ его и спрятать бережно своего найденыша въ камзолъ. Когда же онъ подошелъ къ Луизѣ, то, всплеснувъ жалостно руками и сказавъ только: «Гмъ, гмъ!» схватилъ шляпу Густава, почерпнулъ ею въ ручьѣ воды, которою и вспрыснулъ лицо Луизы; но замѣтивъ, что это средство не помогло, опрометью побѣжалъ въ домъ, какъ проворный мальчикъ, вмигъ возвратился, сопровождаемый горничною и снабженный разными спиртами, теръ Луизѣ виски, ладони, и успѣлъ привести ее въ чувство.

Она открыла глаза. Первый предметъ ей представившійся, былъ Густавъ блѣдный, какъ смерть, дрожащій какъ преступникъ.

— Попросите *его*, чтобъ онъ удалился! — сказала Луиза едва внятнымъ, умоляющимъ голосомъ, склонившись на плечо Бира; потомъ, увидѣвъ, что Густавъ не трогался съ мѣста, прибавила, обратившись ужь къ нему:—Густавъ, ради Бога, удалитесь.—Здѣсь она опять закрыла глаза руками, и рыданія заглушили ея слова. Онъ обратилъ на нее помутившіеся взоры, пожалъ руку Биру и удалился отъ нихъ.

Такъ бѣжалъ изъ рая первый преступникъ, гонимый пламеннымъ мечомъ ангела и гремящимъ надъ нимъ приговоромъ Вышняго Судіи. На поворотѣ дорожки въ кусты, Густавъ остановился, еще разъ взглянулъ на Луизу и исчезъ. — Въ замкѣ отдалъ онъ письмо отъ Адольфа къ баронессѣ первому попавшемуся ему на встрѣчу слугѣ.

— Что это все значитъ? — шепталъ про себя Адамъ, — странно! Адольфъ? Густавъ? Да, да, помню теперь; онъ поговаривалъ мнѣ однажды, что онъ не Адольфъ. Я пропустилъ мимо ушей: проклятое разсѣяніе! Впрочемъ, какъ знать, что перемѣна имени могла имѣть такія горестныя послѣдствія? Да, опять развѣ зять Адольфъ пріятнѣе для баронессы зятя Густава? Не лучше-ли отдать дочь свою за Густава, котораго дочь любитъ, нежели за Адольфа, котораго она забыла даже въ лицо? Гмъ, гмъ! не все равно для баронессы!... Проклятое торговое обязательство! Нужда въ деньгахъ... тщеславіе! — Такъ разсуждая самъ съ собою, Биръ велъ съ помощію горничной, или, лучше сказать, несъ домой несчастную свою воспитанницу. Дѣвица Горнгаузенъ, встрѣтивъ печальную процессію, сначала перепугалась; но, сообразивъ состояніе, въ которомъ находилась Луиза съ внезапнымъ отъѣздомъ Траутфеттера, успокоила себя мыслію, что между ними начинается истинная любовь, основанная на препятствіяхъ.

— Я это предвидѣла, — шепнула она на ухо Адаму, — истинная страсть не существуетъ безъ...

Биръ прервалъ ея рѣчь такимъ сердитымъ восклицаніемъ, что вмигъ разсѣялись всѣ романическіе выводы, скопившіеся въ головѣ ея и готовые осадить Адама. Такъ пробившееся изъ окна пламя вдругъ охвачено искуснымъ ударомъ воды изъ пожарной трубы. Только-что управился онъ съ огненнымъ явленіемъ

изъ теремка, другая вспышка пробилась изъ трехъэтажнаго корпуса домоправительницы, которая запѣла на всегдашній, постоянный тонъ свой:

— Что съ вами сдѣлалось, милая, драгоцѣнная фрейлинъ Зегевольдъ?

Адамъ молчалъ стиснувъ зубы отъ досады.

— Не спрашивайте меня, — отвѣчала едва внятно Луиза, поведя рукою по лбу,—я хочу думать, что это былъ сонъ, ужасный сонъ! Мнѣ очень тяжело... голова моя горитъ...

Луизу спѣшили положить въ постель—такъ сдѣлалась она слаба. Стыдъ, что она обращалась съ Густавомъ, какъ съ женихомъ, и что всѣ домашніе это видѣли; любовь къ нему, несмотря на перемѣну обстоятельствъ, и извѣстность, что она не можетъ ему принадлежать — все это сдѣлало вдругъ во всемъ ея существѣ сильное потрясеніе, котораго она не могла перенести. На слѣдующій день она слегла въ постель. Отправили нарочныхъ въ Перновъ за баронессою и къ медику Блументросту. Пріѣхала первая и, прочитавъ письмо отъ Адольфа, оставленное Густавомъ, тотчасъ объяснила себѣ причину болѣзни своей дочери. Еще болѣе разрѣшились догадки баронессы собственными словами Луизы, вырывавшимися у нея повременамъ въ бреду горячки. Тутъ вся тайна сердца ея обнаружилась.

— Густавъ!... Густавъ!... — говорила она, устремивъ на какой-то предметъ глаза, исполненные помѣшательства.—Зачѣмъ ты обманывалъ меня! Зачѣмъ въ первый день не открылъ своего имени?... Теперь ужъ поздно, поздно!... Я невольница! я продана!... Меня терзаютъ за то, что я тебя любила: почему жъ не любить мнѣ жениха?... Какъ я была счастлива!... Спросите его зачѣмъ, онъ стоитъ предо мною и манитъ меня сойти въ какую-то бездну?... Бѣдный! онъ думаетъ,

что мы сходимъ съ холма. . онъ взглянулъ еще на меня! Боже! этотъ взглядъ жжетъ меня... Прощай, мой... нѣтъ, не Адольфъ, Густавъ! ужь, конечно, Густавъ! Онъ хочетъ броситься въ пропасть!... Постой... и я за тобою. Вмѣстѣ... вѣчно вмѣстѣ!

Домашніе проливали слезы, слушая эту ужасную исповѣдь сердца доселѣ скромной, стыдливой дѣвушки, которая, въ состояніи здраваго разсудка, предпочла-бы смерть, чѣмъ сказать при столькихъ свидѣтеляхъ половину того, что она произнесла въ помѣшательствѣ ума. Казалось, мать ея сама поколебалась этимъ зрѣлищемъ и показала знаки сильнѣйшей горести; но это состояніе души ея было мгновенное. Она старалась придти въ себя и устыдилась своей слабости — такъ называла она дань, которую заплатила природѣ.

— Прежде чѣмъ я мать, я—Зегевольдъ! — сказала она, выказывая въ себѣ духъ спартанки.—Скорѣй соглашусь видѣть мою дочь мертвою, чѣмъ отдать ее когда-либо за человѣа, такъ жестоко меня оскорбившаго. Обязанности мои выше любви, которая пройдетъ съ бредомъ горячки. Явится Адольфъ, и все забудется Луиза,—дочь баронессы Зегевольдъ; прикажу, и она, узнавъ свое заблужденіе, отдастъ руку тому, кто одинъ можетъ составить ея счастіе. Не такъ-ли Никласзонъ?

Секретарь, къ которому обращалась эта рѣчь, съ ужимкою всепокорнѣйшаго слуги, не замедлилъ согласиться, что все это было и будетъ пустячками, что первый сердечный параксизмъ хотя и силенъ, но пройдетъ, лишь-бы фрейлинъ Зегевольдъ выздоровѣла, и что сама судьба, конечно, постарается исполнить благородные, высокіе планы баронессы. Досаду и гнѣвъ свой она поспѣшила излить на домашнихъ. Слуга, прибѣжавшій первый съ вѣстью о пріѣздѣ мнимаго Адольфа, и старый дворецкій, удостоиваемый

почетнаго имени кастелана, такъ громогласно возвѣстившій о женихѣ, были сосланы въ ближайшую деревню, въ должности пастуха и скотника; домопрательницѣ не позволено было нѣсколько недѣль показываться на глаза своей повелительницѣ, а дѣвицѣ Горнгаузенъ сдѣланъ такой выговоръ, что истерика и спазмы принимались мучить ее въ нѣсколько пріемовъ. На Бира, въ уваженіе его чуднаго, разсѣяннаго характера, только-что косились, какъ Наполеонъ на крѣпость Грауденцъ, оставшуюся невредимою среди всеобщаго завоеванія и разрушенія.

Пріѣхалъ докторъ Блументростъ. Отъ искусства его ожидали многаго, а онъ возлагалъ все свое упованіе на Бога и на силу природы, которой обѣщался помогать по возможности своей. Ожидали съ надеждою и страхомъ назначеннаго имъ перелома болѣзни. Въ эти-то часы ожиданія, въ замкѣ и въ хижинахъ поселянъ все было полно любви къ Луизѣ; мысль потерять ее усиливала еще эти чувства.

— *О Іуммаль, о Іуммаль!* [1]) — молились въ простотѣ сердца подданные баронессы, — смилуйся надъ нашею молодою госпожей! Если нужно тебѣ кого-нибудь, то возьми лучше дитя наше отъ сосца матери, любого сына отъ сохи его отца, но сохрани нашу общую мать!

---

[1]) О Боже!—Іуммаль, во времена идолопоклонства латышей, былъ верховнымъ ихъ божествомъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВѢСТИ

Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ:
Въ глубокой мглѣ таится онъ!

Пушкинъ.

Что дѣлалось въ это время съ Густавомъ?—Когда онъ выѣхалъ изъ Гельмета, совсѣмъ въ противную сторону, куда ему надлежало ѣхать, и когда опустился за нимъ подъемный мостъ, ему представилось, что съ неба упала между нимъ и Луизой вѣчная преграда. Сердце его раздиралось любовью, раскаяніемъ, чувствомъ униженія, мыслью, что та, которая была для него всего дороже на свѣтѣ, считаетъ его гнуснымъ обманщикомъ, что онъ оскорбилъ ее и возмутилъ ея жизнь, доселѣ беззаботную и счастливую. Дорого безразсудный платилъ за нѣсколько дней блаженства. Пріѣхавъ на мызу, гдѣ квартировалъ, съ ужасомъ вошелъ онъ въ свое жилище: ему представилось, что всѣ предметы, его окружавшіе, дико озирали его, что служители смотрѣли на него пасмурно, исполняли его приказанія неохотно.—Все отвращается отъ меня, какъ отъ убійцы!—думалъ онъ. Страшно было ему взглянуть въ себя, еще страшнѣе—обратиться къ прошедшему.

Чрезъ два дня слуга вручилъ ему письмо отъ баронессы Зегевольдъ. Не успѣлъ онъ еще распечатать его, какъ ужь сердце отгадало его содержаніе. Вотъ что писали къ нему:

«Милостивый государь!..

«Вы, конечно, почли домъ мой домомъ зрѣлищъ, гдѣ позволены всякаго рода превращенія и терпимы оборотни; долгомъ считаю вывести васъ изъ заблужденія, съ тѣмъ, чтобы просить васъ покорно въ него никогда не заглядывать, даже безъ личины и подъ настоящимъ именемъ. Остаюсь...» и проч.

Густавъ, скрѣпивъ сердце, отвѣчалъ со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ матери Луизы, что онъ хотя чувствуетъ себя виноватымъ, но не заслуживаетъ оскорбительныхъ выраженій, которыми его осыпали; что онъ обстоятельствами и любовью вовлеченъ былъ въ обманъ, и что если любить добродѣтель въ образѣ ея дочери есть преступленіе, то онъ почитаетъ себя величайшимъ преступникомъ. Онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, не полагать въ немъ тѣхъ низкихъ чувствъ, которыхъ онъ не имѣлъ, и присовокуплялъ, что молитъ Бога доставить ему случай доказать матери Луизы, хотя бы цѣною его жизни, всю безпредѣльность его уваженія и преданности къ ея фамиліи.

Чрезъ нѣсколько дней принесли къ нему письмо отъ Фюренгофа.—Отъ дяди,—подумалъ Густавъ, разрывая печать, — не даромъ начинаетъ со мною родственныя сношенія тотъ, который навсегда было прервалъ всѣ связи съ сыномъ ненавистной ему сестры.— Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Государь мой!..

«Мы давно другу другу чужіе: сынъ Эрнестины былъ мнѣ всегда таковъ. Въ противномъ случаѣ, я сказалъ бы, какъ племяннику, что вы гнуснымъ по-

ступкомъ своимъ ввергли благородное семейство въ горестное состояніе, отняли у матери дочь, у брата вашего—жену и у дяди—лучшія его надежды. Теперь не наше дѣло вамъ объ этомъ говорить. Оставимъ карать васъ Божьему суду и совѣсти вашей, если вы не совсѣмъ ее потеряли. Другое, важнѣйшее дѣло понуждаетъ меня писать къ вамъ. Мать ваша заграбила у меня, въ 1685 году, три гака земли, смежныхъ съ...»

При чтеніи этихъ строкъ глаза Густава встрѣтили ниже слова: *нищая... сумасбродная... процессъ... судъ*. Далѣе онъ не могъ читать.

— Скажи, — вскричалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, обратясь къ служителю своего дяди,—скажи пославшему тебя, что еслибъ онъ не былъ братомъ моей матери... Нѣтъ, лучше не говори ему этого, Отвѣтъ мой: пусть владѣетъ онъ тѣми гаками, которые почитаетъ своими; всѣ бумаги, присланныя имъ для утвержденія его правъ на этотъ клочекъ земли, будутъ скрѣплены мною. Спроси, не осталось ли чего изъ имѣнія Траутфеттера, чтобы я могъ уступить ему: все отдамъ безъ суда, которымъ онъ грозитъ мнѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ скажи ему, чтобы онъ берегся шевелить прахъ моей матери. Въ противномъ случаѣ сынъ оскорбленной Эрнестины можетъ забыть, что оскорбитель—дядя.—Выговаривая это, Густавъ изорвалъ въ клочки письмо и присовокупилъ посланному:

— Ступай!—другого отвѣта не будетъ.

Судьба, какъ бы нарочно, устроила летучую почту для нанесенія Густаву жестокихъ ударовъ, одного за другимъ. Не успѣлъ онъ еще образумиться отъ дядиной цыдулки, какъ вручили ему письмо изъ арміи, именно отъ Адольфа. «Получивъ твое посланіе [1]), лю-

[1]) Письма этого мы не могли отыскать въ фамильныхъ бумагахъ Траутфеттера.

безный братъ и другъ,—писалъ онъ къ нему,—я отъ всего сердца посмѣялся ошибкѣ, доставившей тебѣ особенно ласковый пріемъ отъ моей невѣсты и домочадцевъ гельметскихъ. Пробилъ я закладъ, но все-таки съ честью для себя. Каковъ же твой двоюродный братецъ! Не только собственною персоной, онъ даже именемъ своимъ оковываетъ сердца прелестныхъ и творитъ любовныя чудеса! Въ Польшѣ лично веду аттаки и побѣждаю, а въ Лифляндіи хлопочетъ за меня услужливый Созн мой. Виватъ, Адольфъ Траутфеттеръ! Жаль, что на время этихъ проказъ я не на твоемъ мѣстѣ, а ты не на моемъ: я провелъ бы тогда подкопъ, и — чортъ меня возьми! — еслибъ я не взорвалъ на воздухъ всѣ обязательства разсчетливыхъ маменекъ и дядюшекъ! Но ты... съ твоимъ холоднымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, ты разомъ струсишь и откроешься. Ты пишешь, что Луиза прелестна. Вѣрю, потому что она и одиннадцати лѣтъ была премиленькая дѣвочка. И теперь еще, какъ два фонарика, свѣтятся передо мною ея глазки, преумильно поглядываетъ на меня и дядюшкино чищенное золотце, которому надѣюсь, со временемъ, еще лучше протереть глаза. Но всѣ эти прелести ничто передъ милою, дивно милою полечкою. Имени ея не скажу: оно завѣтное. Ахъ, любезный Густавъ, ты видѣлъ ножку ея?.. Ну, право, три такихъ уляжутся въ одномъ башмакѣ нашихъ лифляндскихъ стряпухъ и экономокъ; отъ одной ножки можно съ ума сойти, суди же обо всемъ прочемъ! Ты смѣешься постоянству моей новой любви, Ѳома невѣрный? Божусь тебѣ, я страхъ перемѣнился въ два мѣсяца; ты меня не узнаешь теперь. Страсть моя такъ сильна, такъ искренна, что я почитаю ее предвѣстіемъ ужаснаго *кризиса* въ моей жизни: или я *долженъ* буду скоро ѣхать въ Лифляндію, куда меня выпишутъ, чтобы женихъ на твоей Луизѣ и дядюшкиномъ мил-

ліонѣ (здѣсь ужь объ этомъ хлопотала патріотка). или меня убьютъ въ первомъ сраженіи. Не передъ добромъ мое постоянство — разумѣю въ любви! Тебѣ хорошо извѣстно, что дружба и честь никогда не знавали меня вѣтренникомъ. Отпиши мнѣ поскорѣе объ успѣхѣ твоихъ дальнѣйшихъ посѣщеній и берегись слишкомъ скоро отступить отъ трофеевъ, дарованныхъ тебѣ волшебнымъ, все побѣждающимъ имячкомъ Адольфа; помни, что ты не Августъ и передъ тобой нѣтъ Карла XII. Вѣрь, что ты имѣешь во мнѣ самаго терпѣливаго соперника.—Кстати, обрадуй патріотку прилагаемымъ *у сего* письмомъ къ ней отъ Пипера, министра его величества, короля шведскаго. Посылая это письмо, чувствую, что у меня сердце не на мѣстѣ; не заключается-ли ужь въ немъ обѣщанія выслать меня въ бѣдный шлиппенбаховъ корпусъ? Предчувствую, что мнѣ теперь не удастся подмѣнить себя двоюроднымъ братцемъ, какъ я сдѣлалъ это при отправленіи тебя въ Лифляндію. Надо признаться тебѣ, во всемъ этомъ я виноватъ, а какъ я это смастерилъ, при случаѣ тебѣ разскажу. И безъ того мое письмо длинно, какъ носъ твоего нынѣшняго начальника послѣ новаго года.

«Твой братъ и другъ
Адольфъ Т.»

Немедленно послалъ Густавъ письмо Пипера по адресу, приказавъ своему слугѣ поосторожнѣе развѣдать, что дѣлалось въ замкѣ. Письмо приняли; но какъ всѣмъ жителямъ Гельмета приказано было молчать на счетъ семейныхъ дѣлъ баронессы, то посланный могъ узнать только, что *фрейлинъ нездорова*. Эта вѣсть еще болѣе растравила сердечную рану Густава. На слѣдующій день, только-что начало свѣтать, онъ вскочилъ съ постели, спѣшилъ одѣться и выдти изъ де-

ревни съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, приблизиться къ замку и узнать, отъ кого бы то ни было, о состояніи больной. Углубленный въ задумчивость, потупивъ глаза въ землю, шелъ онъ по дорогѣ въ Гельметъ. Сельскія дѣвки, гнавшія скотину въ поле, съ боязнію глядѣли на угрюмаго шведа и старались подалѣе обойти его. Крестьянинъ, ѣхавшій съ своею сохою на пашню, распѣвалъ въ добрый часъ — что очень рѣдко случается у латышей—веселую пѣсенку:

У кого такая милочка,
Какъ у братца моего?
Сука моетъ у него посуду,
Козы полютъ огородъ.

Но примѣтивъ синій мундиръ, сталъ втупикъ и, проворчавъ Густаву свое обычное: *терре омикустъ* [1])! спѣшилъ обогнать постояльца, который не только не кивнувъ ему, но, казалось, такъ ужасно на него посмотрѣлъ, какъ бы хотѣлъ его съѣсть. Густаву было не до привѣта людей, чуждыхъ ему: *одна* въ мірѣ занимала его мысли и сердце. Онъ прошелъ уже болѣе половины пути до Гельмета, какъ вдругъ кто-то назвалъ его по имени.

— Куда такъ рано, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ? — сказалъ ѣхавшій верхомъ на встрѣчу ему, снявъ униженно шляпу и пріостановивъ бойкаго рыжаго конька.

Густавъ приподнялъ голову и увидѣлъ передъ собою того самаго служителя баронессы, который въ первое его посѣщеніе замка вызвался держать его лошадь и котораго умѣлъ онъ отличить отъ другихъ дворовыхъ людей, замѣтивъ въ немъ необыкновенное къ себѣ

---

[1]) Доброе утро.

усердіе. Несчастный обрадовался неожиданной встрѣчѣ, какъ утопающій спасительному дереву, мимо его плывущему.

— Ахъ! это ты, Фрицъ?—сказалъ Густавъ,—прекрасное утро выманило меня прогуляться, и я нечаянно очутился на этой дорогѣ. Накройся, старикъ, на дворѣ еще свѣженько.

Фрицъ съ нѣкоторымъ принужденіемъ надѣлъ шляпу, лукаво посмотрѣлъ на молодого офицера, слѣзъ съ лошади и примолвилъ:

— Видно, я объѣзжалъ своего коня, а вы своего, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! Иной подумаетъ, что я къ вашей милости, а вы къ моей. (Тутъ конюхъ тяжело вздохнулъ). Куда-жъ прикажете мнѣ за вами слѣдовать? Между бездѣльемъ, я хотѣлъ сказать вамъ и дѣло.

— А какое-бы?—спросилъ Густавъ съ видомъ нетерпѣнія и, между тѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, невольно заставилъ Фрица слѣдовать за собой по дорогѣ къ замку.

— Вотъ изволите видѣть: во-первыхъ, вы командуете эскадрономъ драгунъ?

— Такъ.

— Во-вторыхъ, говорятъ, вашъ коновалъ отправился на тотъ свѣтъ лѣчить лошадей. Покуда сыщется другой (Фрицъ снялъ опять шляпу, почесалъ себѣ пальцемъ по шеѣ и униженно поклонился), кхе! кхе!.. вашъ преданнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга, великій конюшій двора ея свѣтлости, баронессы Зегевольдъ, осмѣливается предложить вамъ... кхе! кхе!..

— Свои услуги, не такъ-ли?

— Малую толику, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! За меня поручится вся округа, что я залѣчиваю менѣе четвероногихъ, нежели иной свою братью двуногую.

— Вѣрю, вѣрю, и охотно принимаю тебя въ свою команду врачемъ, и нынѣ же готовъ велѣть показать тебѣ всѣхъ четвероногихъ паціентовъ; но баронесса...

— Понимаю: будетъ гнѣваться, думаете вы, что я посѣщаю вашу квартиру и, можетъ быть, выношу соръ изъ ея палатъ.

— Справедливо.

— Не безпокойтесь! Я не дворовая собака, которую она вольна держать на привязи: служу свободно, пока меня кормятъ и ласкаютъ; не такъ, при первомъ толчкѣ ногой, могу показать и хвостъ, то есть хочу сказать, что я не крѣпостной слуга баронессы. Къ тому жъ, нанимаясь къ ней въ кучера и коновалы, я условился съ ея милостью, чтобы мнѣ позволено было заниматься практикою въ окружности Гельмета. Надѣюсь, вы мнѣ дадите хлѣбецъ и по другимъ эскадронамъ. Въ платѣ жъ за труды...

— Конечно, не будешь обиженъ. Съ этого часа ты нашъ.

— Вашъ и тѣломъ, и душой.

— И совѣстью коновальской, не правда-ли?

— Для васъ не помучу ее; но когда бы пришлось имѣть дѣло, напримѣръ, съ вашимъ дядюшкой, не счелъ бы за грѣхъ обмануть его.

— Почему жъ нравится тебѣ племянникъ болѣе дяди?

— Объ этомъ скажу вамъ послѣ, когда созрѣетъ яблочко, посаженное сѣмячкомъ въ доброй землѣ.

— Припѣвомъ этимъ не ты одинъ прельщаешь. Мнѣ кажется, что ты сказочникъ.

— Мои сказки, не такъ какъ у иныхъ, длятся тысячу и одну ночь—того и смотри, какъ сонъ въ руку. Нѣтъ, скорѣй отгадчикъ. Давно извѣстно, что мельникъ и коновалъ ученики нечистаго. Вотъ, напримѣръ, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ, я знаю, зачѣмъ вы идете по этой дорогѣ со мною.

— А зачѣмъ-бы?

— Вамъ хотѣлось бы узнать отъ вѣрнаго человѣчка, что дѣлается съ тою, кхе! кхе! которую вы любите.

— Кого я люблю? Кто далъ тебѣ право судить о моихъ чувствахъ?

— Желаніе вамъ добра. Коли вы обижаетесь слышать то, о чемъ вы хотѣли бы меня спросить и зачѣмъ вы шли по этой дорогѣ, такъ я буду молчать. А я было, спросту, думалъ подарить васъ еще въ прибавокъ тѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь—именно утѣшеньицемъ и надеждою. Извините меня, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! (Здѣсь Фрицъ поклонился).

— Утѣшеніемъ? Говори жъ скорѣе, духъ-искуситель, что дѣлаетъ Луиза?

— Потише, потише, господинъ! Такія вещи не получаются даромъ.

— Требуй все, что имѣю.

— Вы не заплатите мнѣ тѣмъ, чѣмъ разумѣете. Когда я дарю васъ вещами, которыхъ у васъ нѣтъ, слѣдственно я покуда богаче васъ. Конюхъ баронессы Зегевольдъ чудакъ, его не расшевелятъ даже милліоны вашего дяди; золото кажется ему щепками, когда оно не въ пользу ближняго. Фрицъ съ козелъ смотритъ иногда не только глазами, но и сердцемъ выше иныхъ господъ, которые сидятъ на первыхъ мѣстахъ въ колымагѣ:—будь не къ вашей чести сказано.

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?

— Бездѣлицы! помѣняться со мною обѣщаніями.

— Чтожъ долженъ я обѣщать?

— Во-первыхъ, молчать, о чемъ я буду сказывать вамъ за тайну нынѣ и впредь; во-вторыхъ, выполнить, при случаѣ, о чемъ я васъ попрошу, и, въ-третьихъ, все это утвердить честнымъ вашимъ словомъ.

Густавъ подумалъ: «О чемъ можетъ просить меня кучеръ баронессы, чтобъ не было согласно съ моими

обязанностями, съ моими собственными желаніями?» подумалъ, посовѣтовался съ сердцемъ и сказалъ:

— Честное слово Густава Траутфеттера, что я выполню требованія твои. Говори, ради Создателя, что дѣлаетъ Луиза?

— Что она дѣлаетъ? Съ тѣхъ поръ, какъ вы скрылись изъ замка, она слегла...

— Боже мой!

— Не пугайтесь и помните о томъ, что я вамъ обѣщалъ. Она слегла въ постель. Не скрою отъ васъ, она больна, очень больна.

— Несчастный! что я говорю: несчастный? извергъ, я убилъ ее!

— Вчера я видѣлъ лекаря Блументроста.

— Чтожъ онъ говоритъ?

— Когда я спросилъ его: каково нашей молодой госпожѣ? онъ шепнулъ мнѣ: *Богъ милостивъ!* Это слово великое, господинъ! Онъ не употребляетъ его даромъ. «Послѣ завтра,—прибавилъ онъ,—переломъ болѣзни, и тогда мы увидимъ, что можно будетъ вѣрнѣе сказать». —А теперь?—спросилъ я его. «Теперь, по мнѣнію моему, есть надежда», отвѣчалъ онъ.

Густавъ остановился, сталъ на колѣни, сложилъ руки и молился:

— Боже милосердый, спаси ее! Ни о чемъ другомъ не молю Тебя: спаси ее, Всемогущій Отецъ! сохрани Свое лучшее твореніе на землѣ и разбей сосудъ, изъ котораго подана ей отрава.

— Встаньте, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ его королевскаго величества; крестьяне, работающіе въ полѣ, сочтутъ васъ помѣшаннымъ—не во гнѣвъ буди вамъ сказано.

— Даю тебѣ право говорить, что хочешь, — сказалъ Густавъ, вставая,—точно, я обезумѣлъ.

— Легче-ли вамъ теперь?

— Фрицъ, другъ мой, ты воскрешаешь меня.

— Вотъ утѣшенье, которое я обѣщалъ вамъ. Теперь поговоримте о надеждѣ, которую я хотѣлъ вамъ наворожить. Во-первыхъ, скажу: отчаяніе—величайшій изъ грѣховъ. Я не пасторъ, а разумѣю кое-что. Худо вы сдѣлали; но кто поручится, чтобы не сдѣлалъ того жъ другой молодецъ на вашемъ мѣстѣ, съ огнемъ вмѣсто крови, какъ у васъ? Кто знаетъ, бароны и баронессы разсчитывали по-своему, а Тотъ, Кто выше не только ихъ, но и короля шведскаго, который щелкаетъ по носамъ другихъ королькoвъ (здѣсь Фрицъ скинулъ шляпу и поднялъ съ благоговѣніемъ глаза къ небу), Тотъ, можетъ быть, разсчиталъ *иначе*. Еще скажу: дѣло не о прошедшемъ—его воротить нельзя—а о будущемъ, которое можно предугадать и поправить.

— Особенно вамъ, коноваламъ-колдунамъ!

— Да, и наша милость будетъ тутъ стряпать. Завтра Богъ откроетъ намъ Свое опредѣленіе. Если Онъ окажетъ милости Свои, то...

— Молю Бога объ одной жизни ея.

— Для меня этого мало, я хочу устроить судьбу вашу.

— Ты? опомнись, Фрицъ!

— Съ помощью добрыхъ людей.

— Вѣроятно, дворецкаго, камердинера и прочей честной компаніи?

— А хотя бы и такъ? Развѣ вы отказались бы отъ сокровища, которому цѣны не знаете, если бы помогъ вамъ найти его бѣдный челядинецъ? Можетъ статься, на этотъ разъ усердный холопъ передалъ бы его господину маіору-бѣлоручкѣ, надѣвъ перчатки на свои запачканныя руки, чистившія коней.

— Ты не знаешь меня, Фрицъ! Я обнялъ бы этого челядинца какъ брата, хотя бы онъ былъ чернѣе трубочиста. Но къ чему твоя сказка?

— Къ дѣлу. Дочь баронессы Зегевольдъ будетъ женою того Траутфеттера, котораго она любитъ, а не того, за кого хотятъ ее выдать насильно мать и дряхлой старичишка.

— Вспомни, Фрицъ, что онъ дядя мой.

— Помню, что онъ обманщикъ, тать, разбойникъ! При этихъ словахъ глаза и лицо Фрица разгорѣлись; также и Густавъ вспыхнулъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ!—Я говорю въ полномъ умѣ. Когда бъ вы знали, что этотъ человѣкъ надѣлалъ моему семейству, когда бъ вы знали, что онъ похититель вашей собственности!

— Онъ владѣетъ тѣмъ, что слѣдовало ему по законамъ.

— По законамъ? по законамъ? (Фрицъ съ горькою усмѣшкою покачалъ головой). Развѣ адскимъ! Вы, племянникъ его, ничего не знаете; я, конюхъ баронессы Зегевольдъ, знаю все и все такъ вѣрно, какъ святъ Богъ! У васъ отнято имѣніе, у васъ отнимаютъ ту, которую вы любите, — то и другое будетъ ваше съ помощью Вышняго?...

— Ты призываешь Бога въ свидѣтели?...

— Не грѣшно призывать Его въ дѣлѣ правомъ. Давно есть у васъ стряпчій, и вы должникъ его. Безъ вѣдома вашего, не желая отъ васъ награды, трудится *онъ* для васъ.

— Кто такой?

— *Онъ!* Болѣе не скажу словечка; теперь нѣтъ *ему* имени. По приказу *его* поджидалъ я васъ на нашу сторонку съ нетерпѣніемъ. Вспомните слова мои, когда вы въ первый разъ къ намъ пожаловали и когда я дрожащею рукой бралъ вашу лошадь за повода.

— Какъ теперь помню, ты сказалъ мнѣ: «добро пожаловать, гость желанный!»

— Такъ точно. Слова эти выговаривали не губы мои, а сердце. Я зналъ тогда жъ, что вы не Адольфъ, а Густавъ, и молчалъ.

— Затѣмъ же не открылъ ты въ замкѣ моего имени?

— Такъ приказалъ мнѣ *онъ*.

— Странно, чудесно, невѣроятно!

— Скажу вамъ яснѣе: вы меня знавали; я держалъ васъ маленькаго на колѣняхъ; вы знавали *его*. Если вы разгадаете *его* имя, не сказывайте мнѣ: я объ этомъ васъ прошу вслѣдствіе нашего уговора. По тому жъ условію, требую отъ васъ, въ случаѣ, еслибъ *онъ*, благодѣтель вашъ, вашъ стряпчій, попалъ въ несчастье, и еслибъ вы, узнавъ, *его* могли спасти...

— Право, смѣшно; однакожъ, даю слово выручить при случаѣ изъ бѣды моего названнаго благодѣтеля.

— Чтобы въ дѣлахъ нашихъ было болѣе чудесностей, скажу вамъ еще, что вы не иначе получите отнятое у васъ имѣніе и вашу Луизу, какъ посредствомъ *чухонской дѣвки* и *русскихъ*, и то не прежде, какъ всѣ они побываютъ въ *Рингенѣ*.

— Что за вздоръ ты говоришь? Чухонскія дѣвки! Русскіе! Рингенъ! Далека пѣсня!... Только этой присказки не доставало въ твоей сказкѣ. А я, глупецъ, развѣсилъ уши и слушаю твои выдумки, будто дѣло! По крайней мѣрѣ благодаренъ тебѣ за утѣшеніе.

— Помяните мои слова... но вотъ, мы чуть не наткнулись на Гельметъ. Могутъ насъ замѣтить, пересказать баронессѣ,—и тогда поклонъ всѣмъ надеждамъ! Прощайте, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! Помните, что вамъ назначено сокровище, которое теперь скрывается за этой зеленой занавѣсью... Видите-ли открытое угольное окошко? на немъ стоитъ горшокъ съ розами... видите?—это спальня вашей Луизы.

— Моей... Боже мой? въ какомъ онъ теперь состояніи?... Я положилъ это прекрасное твореніе на

смертный одръ, сколотилъ ей усердно, своими руками, гробъ, и я же, безумный, могу говорить объ утѣшеніи, могу надѣяться, какъ человѣкъ правдивый, благородный, достойный чести, достойный любви ея? Чѣмъ могъ я купить эту надежду? Развѣ злодѣйскимъ обманомъ! Не новымъ-ли дополнить хочу прекрасное начало? Она умираетъ, а я, злодѣй, могу думать о счастіи!... Завтра, сказалъ ты, Фрицъ...

— Завтра переломъ ея болѣзни, говорилъ мнѣ лекарь.

— Фрицъ, другъ мой, объ одной услугѣ молю тебя.

— Приказывайте.

— Могу-ли завтра... назначить мѣсто, часъ, гдѣ бы съ тобою видѣться?

— Извольте; я ужь объ этомъ думалъ. Вечеркомъ, когда солнышко будетъ садиться, выйдите изъ своей квартиры. Отъ гельметской кирки поверните вправо, къ погосту: чай, вы покойниковъ не боитесь?—Пройдя мимо ихъ келій, ступайте цѣликомъ къ старому вязу, что стоитъ съ тремя соснами, на дорогѣ изъ Гуммельсгофа: тутъ есть камешекъ вмѣсто скамьи; можете на немъ отдохнуть и дожидаться меня. Да чуръ, быть осторожнѣе! Не погубите себя и меня. Слышите? Собаки на дворѣ почуяли васъ; люди начали вездѣ копошиться. Воротитесь скорѣе домой, и уповайте на Бога. Прощайте!

Фрицъ, выговоря это, вспрыгнулъ на своего рыжака и скоро исчезъ изъ глазъ Густава. Неугомонный лай собаки, все сильнѣе возвѣщавшій о приближеніи къ замку незнакомца, заставилъ Густава удалиться поспѣшнѣе, нежели онъ желалъ.

На слѣдующій день, передъ закатомъ солнца, выѣхалъ онъ на чухонской телѣжкѣ съ однимъ вѣрнымъ служителемъ изъ своей квартиры, переодѣлся въ крестьянское платье у гельметской кирки, гдѣ оставилъ своего провожатаго, нахлобучилъ круглую шляпу

на глаза и побрелъ къ назначенному мѣсту, какъ человѣкъ, идущій на воровство. Измученный скорою ходьбою и чувствами, раздиравшими его душу, онъ остановился у ограды кладбища, чтобы перевесть дыханіе. Послѣдніе лучи солнца одѣвали розовымъ отливомъ бѣлые, пирамидальные памятники. Ему чудилось, что усопшіе въ праздничныхъ саванахъ вышли изъ могилъ на встрѣчу новой своей гостьѣ. «Можетъ быть, въ самую эту минуту, она умираетъ»! подумалъ онъ, и сердце его стѣснилось въ груди. «Мечта разстроеннаго воображенія! — прибавилъ онъ потомъ, стараясь призвать на помощь все присутствіе разсудка,—докторъ сказалъ, что есть надежда».

Медленно, ходомъ черепахи шелъ онъ, желая чтобы тѣнь сумрака перегнала его до мѣста назначенія. Вскорѣ, къ досадѣ его, послышались ему голоса человѣческіе. Проклиная эту помѣху, онъ осторожно доползъ до можжевеловыхъ кустовъ, шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, откуда былъ слышенъ разговоръ, спрятался за кустами такъ, что не могъ быть примѣченъ съ этой стороны, но самъ имѣлъ возможность высмотрѣть все, что въ ней происходило. Подъ такою защитой, онъ увидѣлъ при свѣтѣ восходящаго мѣсяца, что подъ вязомъ, гдѣ назначено ему было дожидаться Фрица, сидѣли двѣ женщины, спинами къ нему, на большомъ дикомъ камнѣ, вросшемъ въ землю и огороженномъ тремя молодыми соснами. Родъ пестрыхъ мантій, сшитыхъ изъ лоскутковъ, покрывали ихъ плечи; головы ихъ были обвиты холстиною, отъ которой топорщились по сторонамъ концы, какъ растянутыя крылья летучей мыши; изъ-подъ этой повязки торчали въ безпорядкѣ клочки сѣдыхъ съ рыжиною волосъ, которые вѣтерокъ шевелилъ повременамъ. Одна изъ нихъ—можетъ быть, услышавъ шорохъ—оглянулась назадъ. Страшны были ея кошачьи глаза, пры-

гавшіе между двумя кровавыми полосами, означавшими мѣста, гдѣ были нѣкогда рѣсницы; желтое лицо ея было стянуто, какъ кулакъ; повременамъ страшно подергивало его. Густавъ спѣшилъ отвернуться отъ этого безобразнаго явленія. Грубый голосъ старухъ походилъ на сиповатое карканье стараго, больного ворона. Повидимому, онѣ кого-то поджидали изъ замка, потому что часто протягивали шеи въ ту сторону. Изъ разговора ихъ нѣкоторыя слова долетали до слуха Густава.

— Долго нейдетъ нашъ Мартышка,—говорила одна.

— Чай, заповѣсничался съ дворовыми ребятами,— примолвила другая.

— Сорванецъ! негодяй! да какого добра ждать отъ подкидыша? Пойдетъ, видно, по батюшкѣ: хорошіе кусочки себѣ, оглодышки другимъ.

— Повѣришь-ли, мать моя, сызмала на деньги не надышется: умѣетъ ужь хоронить ихъ не хуже сороки. Сухари то и дѣло тащитъ беззубой старухѣ, а шелегъ чтобы принесъ — этого грѣха съ нимъ не бывало.

— Запропастился, окаянный! Видно, лижетъ сковороды на кухнѣ. До съѣстного-ли теперь? Умретъ... такъ получше что достанется... (Здѣсь вѣтеръ перехватилъ слова разговаривавшихъ). Дура, дура! что тебѣ въ шелковомъ?... Развѣ грѣшнымъ костямъ на покрышу? Намъ съ тобой лоскутъ холста да четыре доски: ляжемъ въ нихъ не хуже королевы или баронессы. Статочно-ли дѣло беречь для себя?... (Вѣтеръ опять помѣшалъ Густаву слышать нѣкоторыя слова). Молвятъ, что барышня отъ него-то и слегла въ постель. Выдавалъ онъ себя, невѣсть какъ, за племянника, ну, того скупого хрыча — вѣдашь, Мартышкина отца — чтобъ ему ни пути, ни дороги, ни дна, ни мѣста!

— Знаю, знаю, Фиргофа — провалиться-бы ему въ преисподнюю! — Племянникъ этотъ сговоренъ за барышню. Ждали его; пріѣхалъ онъ, а былъ не онъ, шведскій офицеръ, чернокнижникъ, надѣлъ на себя харю жениха и давай отводить глаза у невѣсты и у всѣхъ холоповъ. Барышнѣ показался онъ такимъ пригожимъ, добрымъ, ласковымъ, ну, такъ, что она, сердечная, умирала по немъ. Разъ хотѣла она поцѣловать его, а у него и выставься изъ тупея два рожка. Съ того, дескать, часу бѣдняжкѣ попритчилось, не въ нашу мѣру буди сказано. Молодешенька была душа моя, пригожа, на подобіе цвѣтка макова, разумна, какъ скворушка. Подкосилъ цвѣтъ злой косецъ, запряталъ ловецъ пташку въ клѣтку вѣчную.

— Дай Богъ ей царство небесное, а намъ что-нибудь на поминъ ея души!

Можно судить, что чувствовалъ Густавъ во время этого разговора: кровь начинала останавливаться въ жилахъ, дыханіе захватывало въ груди. Онъ хотѣлъ встать и разогнать эту адскую бесѣду; но, послышавъ топотъ бѣгущаго мальчика, рѣшился еще остаться на прежнемъ мѣстѣ.

— Вотъ и Мартышка бѣжитъ!—сказала одна старуха, привставъ съ камня. — Какія-то вѣсти несетъ намъ пострѣлъ? Бѣжитъ что-то весело.

— Видно, отдала Богу душку! — отвѣчала другая со вздохомъ.

Посланникъ ихъ, мальчикъ, повидимому лѣтъ четырнадцати, не спѣшилъ удовлетворить желаніе ожидавшихъ его, и немедленно приблизясь къ нимъ, казалось, старался ихъ подразнить: то кривлялся, какъ фигляръ, то маршировалъ, какъ солдатъ, то скакалъ на одной ногѣ влѣво и вправо.

— Говори, бѣсенокъ! — закричала одна изъ старухъ, замахнувшись на него костылемъ, — не то,

пришибу тебя этою указкой. — Жива что-ли еще, аль умерла?

Мальчикъ, поровнявшись почти со старухами, началъ качать головою и припѣвать жалобнымъ голосомъ: «*Упокой душу рабы твоея! упокой душу...*»

Густавъ болѣе ничего не слыхалъ: все кругомъ его завертѣлось. Онъ силился закричать, но голосъ замеръ на холодныхъ его губахъ; онъ привсталъ, хотѣлъ идти—ноги подкосились; онъ упалъ—и поползъ на четвереньках, жадно цѣпляясь за траву и захватывая горстями землю. Старухи и мальчикъ, увидѣвъ въ сумракѣ что-то двигающееся, отъ страха почли его за привидѣніе или звѣря и, что было мочи, побѣжали въ противоположную отъ замка сторону. Отчаяніе придало Густаву силы: онъ привсталъ и, шатаясь, самъ не зная что дѣлаетъ, побрелъ прямо въ замокъ. На дворѣ все было тихо. Онъ прошелъ его, взошелъ на первую и вторую ступень террасы, съ трудомъ поставилъ ногу на третью — здѣсь силы совершенно оставили его, и онъ покатился внизъ.

Ни одного живого существа не было въ этой сторонѣ, да и въ домѣ все было тихо, какъ бы всѣ обитатели его спали мертвымъ сномъ. Вскорѣ началось тихое движеніе. Служители шепотомъ передавали одинъ другому вѣсть, повидимому пріятную; улыбка показалась на всѣхъ лицахъ, доселѣ мрачныхъ; иные плакали, но видно было, что слезы ихъ лились отъ радости. Наконецъ, Фрицъ потихоньку отворилъ дверь на террасу и началъ сходить съ нея. Свѣтъ изъ оконъ нижняго этажа освѣщалъ ему путь. Озираясь изъ предосторожности, онъ увидѣлъ человѣка, распростертаго на землѣ и головой поникнувшаго на послѣднюю ступень. Кровь струилась по его лицу. Добрый конюшій, спѣшившій съ радостною вѣстью къ мѣсту свиданія, пораженъ былъ, узнавъ въ несчастномъ Густава! Онъ

ощупалъ пульсъ его, пульсъ едва бился. Звать людей на помощь было невозможно; открыться медику — опасно. Наконецъ, блеснула въ головѣ его мысль о добротѣ души библіотекаря. Къ утѣшенію его, въ первой комнатѣ нижняго этажа встрѣтилъ онъ Адама, который прохаживался по ней мѣрными шагами, будучи углубленъ въ размышленія о суетахъ мірскихъ. Фрицъ схватилъ его за руку. Адамъ оглянулся.

— Человѣкъ погибаетъ! — быстро произнесъ конюхъ,—спасите его.

— Куда? что надобно?—воскликнулъ Биръ.

— Тише! Есть-ли съ вами ланцетъ и бинты?

— Ты знаешь, что они всегда при мнѣ.

— Идемъ!—сказалъ Фрицъ, досталъ гдѣ-то фонарь и увлекъ за собою Бира на то мѣсто, гдѣ лежалъ Густавъ.—Видите-ли этого человѣка? Помогите мнѣ поднять его на плечи ко мнѣ; хорошо, такъ; ступайте за мной; придерживайте его дорогою, чтобы онъ не свалился.

Такъ распоряжался Фрицъ, и покорный ему библіотекарь съ особеннымъ усердіемъ выполнялъ его волю. Въ полѣ, при свѣтѣ фонаря, послѣдній пустилъ страдальцу кровь. Биръ узналъ Густава, и какъ скоро этотъ началъ приходить въ себя, онъ удалился, потушивъ фонарь.

Густавъ открылъ глаза, остановилъ ихъ на Фрицѣ, посмотрѣлъ кругомъ себя, и не могъ придумать, гдѣ онъ находился.

— Не во время вздумали умирать!—сказалъ добрый конюхъ, стараясь понемногу ободрить больного, — я несъ вамъ пріятныя вѣсти, а вы хотѣли сами приступомъ взять ихъ.

— Пріятныя вѣсти? — спросилъ Густавъ, приподнимаясь на одну руку, не понимая, почему другая не повиновалась. — Ахъ! я слышалъ такія ужасныя;

не понимаю гдѣ, во снѣ или на яву? Ради Бога, говори!

— Потише, повторяю вамъ, потише. Видите-ли кровь? Я принужденъ былъ пустить вамъ ее. Теперь вы въ моей командѣ, волей или неволей, прошу не прогнѣваться. Спокойны-ли вы?

— Да, я спокоенъ.

— Теперь могу передать вамъ радостную вѣсть: фрейлинъ Зегевольдъ будетъ жива; переломъ болѣзни миновался и лѣкарь отвѣчаетъ за ея выздоровленіе...

— Правда-ли? Не стараешься-ли меня утѣшить обманомъ?

— Вѣрьте не мнѣ, Богу.

— Отецъ милосердный! — воскликнулъ Густавъ, поднявъ къ небу глаза, полные слезъ,—благость Твоя неизрѣченна. Ты хранишь невинность и милуешь преступленіе! — Онъ схватилъ руку благодѣтельнаго конюха, и, сколько силъ у него доставало, сжалъ ее въ своей рукѣ; потомъ съ отдыхами разсказалъ, что съ нимъ случилось въ этотъ ужасный для него вечеръ.

— Старыя колдуньи! — вскричалъ въ ужасной досадѣ Фрицъ, выслушавъ разсказъ своего паціента, — я отучу ихъ собираться на поминки къ живымъ людямъ! А этотъ бѣсенокъ изъ одного сатанинскаго съ ними гнѣзда напляшется до-сыта подъ мои цымбалы! Однакожъ, пока имъ достанется отъ меня, надобно подумать, какъ дотащить васъ до кирки.

— Видно радости не убиваютъ, — сказалъ Густавъ,—я чувствую себя лучше и готовъ слѣдовать за тобою.

Благополучно, хотя не безъ труда, добрели они до кирки, гдѣ дожидался слуга, начинавшій уже безпокоиться, что господинъ его замѣшкался. Здѣсь почерпнули изъ родника воды въ согнутое поле шляпы и дали выпить Густаву, ослабѣвшему отъ ходьбы. Про-

щаясь съ Фрицомъ, онъ обнялъ его и просилъ докончить свое благодѣяніе, давая ему знать о томъ, что дѣлается въ замкѣ. Фрицъ обѣщалъ и сдержалъ свое слово.

Послѣ этого происшествія, нерѣдко прилеталъ онъ на любимомъ рыжакѣ своемъ въ Оверлакъ, и каждый разъ привозилъ съ собою болѣе и болѣе утѣшительныя вѣсти: «Фрейлинъ Зегевольдъ лучше, фрейлинъ Зегевольдъ сидитъ въ креслѣ, ходитъ по комнатѣ, порядочно кушать начинаетъ», и такъ далѣе, согласно съ успѣхами ея здоровья. Наконецъ, вѣстникъ увѣдомилъ Густава, что, кромѣ блѣдности, замѣнившей на лицѣ ея прежній румянецъ, и грусти, въ ней прежде незамѣтной, никакихъ слѣдовъ болѣзни ея не оставалось. Мысль, что Луиза здорова, успокоивала Густава, и хотя она подавляема была нерѣдко другою горестною мыслью о безнадежности любви своей, но вскорѣ пріобрѣтала вновь свое прежнее утѣшительное вліяніе. «Она забудетъ меня, — думалъ Траутфеттеръ,—но по крайней мѣрѣ будетъ счастлива, сдѣлавъ счастіе Адольфа». Съ другой стороны, добрый, но не менѣе лукавый Фрицъ, привозя ему извѣстія изъ замка и прикрѣпляя каждый день новое звено въ цѣпи его надежды, сдѣлался необходимымъ его собсѣдникомъ и утѣшителемъ; пользуясь нерѣдкими посѣщеніями своими, узнавалъ о числѣ и состояніи шведскихъ войскъ, расположенныхъ по разнымъ окружнымъ деревнямъ и замкамъ; познакомившись со многими офицерами, забавлялъ ихъ своими проказами, разсказывалъ имъ были и небылицы, лѣчилъ лошадей, и между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло. Такъ прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ. Однажды — это было въ первыхъ числахъ іюля — Фрицъ увѣдомилъ Густава, что онъ отправляется въ Маріенбургъ за пасторомъ Гликомъ и воспитанницей его, дѣвицею Рабе, лучшею пріятельницей

Луизы. Онъ прибавилъ, что скоро наступитъ день рожденія послѣдней, что ко дню этому дѣлаются большія приготовленія въ замкѣ и что со всѣхъ концовъ Лифляндіи должны съѣхаться въ него сотни гостей, бароновъ, военныхъ, профессоровъ, судей, купцовъ и студентовъ; «а можетъ быть, и тысячи ихъ соберется», прибавлялъ онъ съ коварною усмѣшкой. «Я одинъ не буду тамъ,» — сказалъ вздохнувъ Густавъ, и между тѣмъ просилъ Фрица исполнить къ тому времени единственное, ничего незначущее порученіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАНЪ

Здѣсь Русью пахнетъ.
Пушкинъ.

Въ Нейгаузенской долинѣ, гдѣ пятами своими упираются горы Ливонскія и Псковскія, проведена, кажется, самою природою граница между этими странами. *Новый-Городокъ* (Нейгаузенъ) есть уже стражъ древней Россіи: такъ думали и князья русскіе, утверждаясь на этомъ мѣстѣ. Отважные наѣздники въ полѣ, они были нерѣдко политики дальновидные, сами не зная того.

Замокъ нейгаузенскій построенъ на крутомъ берегу рѣчки Леліи, передомъ къ Лифляндіи. Четыре башни по угламъ, соединяющая ихъ ограда, — все это грубо выведенное изъ дикаго, неотесаннаго камня, — довольно глубокій оврагъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой—обдѣланный берегъ,—вотъ вся искусственная сила этой твердыни. За то какъ далеко, какъ зорко огляды-

ваетъ она передъ собою вправо и влѣво, всю нѣмецкую сторону! Все, что идетъ и ѣдетъ отъ Маріенбурга, Риги и Дерпта, всѣ движенія, за нѣсколько десятковъ верстъ, не укроются отъ сторожкаго ея вниманія. Только сзади господствуетъ надъ нею отлогое возвышеніе, безпрестанно поднимающееся на двѣ слишкомъ версты до гребня горы Кувшиновой; но тамъ — сторона русская! Рѣчка Лелія течетъ передъ лицомъ замка, изгибаясь, въ недальнемъ разстояніи, съ лѣвой стороны назадъ, съ правой впередъ. На углу праваго изгиба насыпь (вѣроятно и на лѣвомъ была подобная же, но она застроена теперь корчмою); нѣсколько такихъ искусственныхъ высотъ, служившихъ русскимъ военными укрѣпленіями, идутъ лѣстницею по протяженію печорской дороги. Нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ, иныя обросли рощицами, другія изрыты дождями, а можетъ быть и жадностью человѣческою. Струи рѣчки мелки, но шумятъ, строптивыя, будучи преграждены множествомъ камней, временемъ брошенныхъ въ нее съ высоты башенъ.

Видъ изъ замка обнимаетъ Лифляндію на нѣсколько десятковъ верстъ; передъ глазами разостланъ по тремъ уѣздамъ край ея одежды. Прямо за рѣчкою, въ срединѣ разостлавшейся широко долины, всталъ продолговатый холмъ съ рощею, какъ островокъ; нѣсколько правѣе, за семь верстъ, показывается вполовину изъ-за горы нейгаузенская кирка, отдаленная отъ русскаго края и ужасовъ войны, посѣщавшихъ нѣкогда замокъ; далѣе видны сизыя, неровныя возвышенія къ Оденпе, мызы и кирки. Лѣвѣе струится изъ мрачной дали прямо на Нейгаузенъ дорога рижская; еще лѣвѣе чернѣетъ цѣпь горъ Гангофскихъ, между которыми поднимаетъ обнаженное чело свое царь этихъ мѣстъ—Муннамегги (Яйцо-гора), наблюдающій, на протяженіи слишкомъ ста верстъ, рубежъ Россіи отъ Маріенбурга черезъ

Печоры до Чудскаго озера, и на-крестъ *свою* область отъ Нейгаузена, черезъ возвышенія Оденпе и Сагница, до вершины Гуммельсгофской. Между горами видна и знакомая намъ оппекаленская кирка. Все какъ на блюдѣ! Русская, однакожъ, сторона закрыта отсюда скатомъ Кувшиновой горы, какъ полою великолѣпнаго шатра. Чѣмъ далѣе поднимаешься по этому скату, тѣмъ картина расширяется и углубляется. Глазъ безъ помощи орудія отказывается схватить все, что она предлагаетъ ему. На вершинѣ Кувшиновой горы сильнѣе бьется сердце русскаго: съ нея видишь сіяніе креста и темныя башни печерскаго монастыря, мѣсто истока Славянскихъ Ключей, родины Ольги, Изборскъ, и синюю площадь озера Псковскаго. Здѣсь уже настоящая Русь! Только *полувѣрцы*, обычаями, вѣрою, языкомъ—смѣсь лифляндцевъ съ русскими — означаютъ переходъ изъ одного края въ другой.

Во время, которое описываемъ, замокъ представлялъ, какъ и нынѣ, однѣ развалины. Взорванъ ли онъ и покинутъ безъ боя шведами, безсильными удержать его съ малымъ *стреженемъ*, который онъ могъ только въ себѣ вмѣщать, отъ нападеній русскихъ, господствовавшихъ надъ ними своими полевыми укрѣпленіями, давнимъ правомъ собственности и чувствомъ силы на родной землѣ; разрушенъ ли замокъ въ осадѣ русскими, — исторія нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Извѣстно только, что послѣдніе въ 1072 г. уже были властители Нейгаузена. Здѣсь и у стѣнъ печерскаго монастыря было сборное мѣсто русскихъ войскъ, главное становище, или, говоря языкомъ нашего вѣка, главная *квартира* военачальника Шереметева; отсюда, укрѣпленные силами, дѣлали они свои бѣглыя нападенія на Лифляндію; сюда, не смѣя еще въ ней утвердиться, возвращались съ побѣдами, хотя еще безъ славы, съ добычею безъ завоеваній, съ чувствомъ уже соб-

ственной силы, но не искусства. Здѣсь полководцы, обезопасенные упрямою безпечностью Карла, имѣли время обдумывать свои ошибки, готовить новыя предначертанія и учиться, такимъ образомъ, наукѣ войны у непобѣдимыхъ того времени.

Станъ русскихъ покрывалъ возвышенный берегъ Леліи и всю отлогость горы Кувшиновой до вершины ея. Изгибами своими казала эта отлогость, будто зыблется подъ многочисленнымъ воинствомъ. Онъ весь виденъ былъ съ ливонской стороны: бѣлые ряды палатокъ и между ними отличныя, начальническія; черныя нити регулярной конницы, пестрыя толпы восточныхъ всадниковъ, пирамиды оружія, значки, пикеты, — все какъ будто искусно разставлено было на шашечной доскѣ, немного наклоненной къ зрителю. Пушки выдвинули жерла свои изъ развалинъ замка и *раскатовъ*, воздвигнутыхъ по сторонамъ ея и уступами въ разныхъ мѣстахъ горы; бѣгущія изъ-за нихъ струйки дыма показывали, что онѣ всегда готовы изрыгнуть огонь и смерть на смѣлыхъ пришельцевъ изъ Ливоніи. Лучъ утренняго солнца, позолачивая развалины замка, скользя по орудіямъ и теплясь въ крестахъ походныхъ церквей, разсвѣчивалъ эту картину.

Замокъ и передовыя укрѣпленія по берегу Леліи сторожили, кромѣ полевой артиллеріи, драгунскіе полки Кропотова и Полуектова и пѣхотный — Лимы. Вездѣ видны были эти полководцы вмѣстѣ, и въ станѣ, и противъ огня непріятельскаго. Продолговатый холмъ въ срединѣ горы, гдѣ стояла богатая турецкая ставка съ блестящимъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ ея, охраняла почетная стража: преображенскій и семеновскій полки и сотня дворянъ московскихъ. Семеновцами командовалъ любимый начальникъ ихъ, подполковникъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, преображенцами—маіоръ Карповъ, одинъ болѣе другого встрѣчав-

шіеся на перепутьяхъ этой войны, гдѣ только говорилось о чести русскаго оружія. Въ рядахъ московской сотни находился сынъ военачальника, *волонтеръ* Михайла Борисовичъ, уже съ именемъ храбраго офицера и неизмѣннаго товарища. Старый, созданный родителемъ Петра I, бутырскій полкъ, прославившійся на приступахъ Азова, имѣвшій счастіе избѣгнуть неудачи при Нарвѣ, но въ первой сшибкѣ со шведами при Эррастферѣ, извѣдавшій сладость побѣды, стоялъ неподалеку отборной стражи, готовый замѣнить ее. До 12 драгунскихъ полковъ разныхъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, основанія трехъ эскадроновъ московскихъ гусаръ, копейщиковъ и рейтаръ, нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, стройно расположены были по отлогости горы. Передъ лицомъ стана, за рѣчкою Леліей, отправлялъ должность передового стража знаменитый татарскій наѣздникъ Мурзенко: онъ занялъ съ пятисотнею своею продолговатый зеленый холмъ, одиноко возвышавшійся въ долинѣ. Печерскій монастырь, вновь укрѣпленный, охранялъ *ертаульный* воевода Иванъ Тихоновичъ Назимовъ.

Въ станѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, курился дымокъ, пріятный для обонянія солдатъ; уже вездѣ около котловъ суетились кашевары. Также калмыки и башкирцы готовили свой обѣдъ: вдоль и поперекъ долины скакали восточные витязи, запаривая подъ сѣдломъ нѣжное мясо жеребятъ. Затрубили къ водопою, и ряды конницы, какъ нагорные ключи, потекли изъ стана. Съ другой стороны свистомъ и гарканьемъ отвѣчали на звукъ трубъ, и послушные этому зову табуны поспѣшали къ рѣчкѣ. Оба берега ея обступили тысячи коней. Звонкое ржаніе, глухой топотъ, суетливый говоръ, крикъ,—все слилось въ какой-то тревожный гулъ, полный торжества жизни. Но скоро все пришло опять въ прежнее положеніе.

Посмотримъ ближе, что дѣлалось во внутренности лагеря. Подойдемъ къ ставкѣ фельдмаршала. Возлѣ нея ходилъ на часахъ преображенскій солдатъ, статный, бравый,—кровь съ молокомъ. Походка его была мѣрная, движенія изученныя. Одежда на немъ, будто онъ снарядился въ маскарадъ: не къ лицу ему треугольная шляпа и распущенные волосы; нѣмецкій широкій кафтанъ *не по немъ* сшитъ; исподнее платье стягивало его ноги. Но измѣнявшія ему повременамъ, хотя немедленно сдерживаемыя, ухватки, огонь, разыгрывавшійся въ глазахъ его, казалось, говорили: «Остригите мнѣ волосы, сбросьте этого жаворонка съ головы, скиньте съ меня этотъ халатъ, подпояшьте меня крѣпко кушакомъ, который я съ дѣтства привыкъ носить и которымъ станъ мой красовался, дайте волю моимъ ногамъ—и вы увидите, что я не только шведа, медвѣдя сломаю, догоню на бѣгу краснаго звѣря: вы увидите, что я русскій!» По правую сторону ставки, у входа ея, стояла *колясочка* съ литаврами; тутъ же бродило нѣсколько трубачей. Инструменты ихъ были разложены въ козлахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки трапезничали за длиннымъ столомъ, накрытымъ скатертью бранной, священники, офицеры и поселяне обоего пола, человѣкъ до 50-ти. Здѣсь гостепріимство русскаго барина угощало, безъ разбора званій, всякаго, кто не имѣлъ *своего* стола или насущнаго хлѣба. Если самого фельдмаршала не было съ ними, такъ это значило, что важное дѣло отозвало его отъ *хозяйничества*, которое не хвастливость, но добродѣтель наслѣдственная положила себѣ обѣтомъ. Мало, что всякій бѣдный могъ вкушать отъ его трапезы: онъ былъ еще одѣляемъ деньгами. Такъ жили дѣды нашихъ баръ! Кругомъ братскаго стола прислуживалъ рой *холоповъ:* дворецкихъ, мундшенковъ, егерей, сокольниковъ, ловчихъ, гайдуковъ, скороходовъ и камердинеровъ, составляв-

шихъ пеструю дворню вельможи того времени, дома и въ походѣ. Нѣсколько борзыхъ собакъ, вѣроятно любимицъ, шныряли подъ столомъ и около него, выжидая себѣ подачки. По лѣвую сторону ставки толпились, въ уважительномъ отдаленіи, адъютанты, ординарцы, курьеры. Далѣе въ углубленіи сцены, нами разсматриваемой, стояла палатка, у которой раскрытыя при входѣ полы дозволяли видѣть, что въ ней происходило.

Въ ней производился судъ. На переднемъ концѣ длиннаго стола сидѣлъ *президентъ*. По мѣсту, имъ занимаемому, и глубокомыслію, осѣнявшему его пріятную наружность, видно было, что въ немъ пожилого возраста не ждала мудрость, которой, вопреки своенравной природѣ, хотятъ назначить постоянный срокъ. Въ глазахъ его съ проницательностью ума, спорило, однакожъ, безпокойство сильныхъ страстей; рѣдко сходила съ губъ его усмѣшка осужденія. Одежда его показывала нѣкоторую небрежность: по камзолу, разстегнутому почти до нижней пуговицы, висѣли длинные концы шейнаго платка; обшлагъ у лѣваго рукава былъ отвороченъ. Это былъ Рейнгольдъ Паткуль. На этотъ разъ, по болѣзни генералъ-аудитора, исполнялъ онъ его должность. Каковымъ видѣли его теперь, таковымъ бывалъ онъ въ ставкѣ фельдмаршала и во дворцѣ. Онъ не старался скрыть себя; ни одежды, ни движеній, ни чувствъ не подчинялъ формамъ: онъ весь былъ наружѣ. Свободныя движенія его въ обществѣ высшихъ, хотя и не измѣняли правиламъ свѣтскаго образованія и знанію придворной жизни, должны были, однакожъ, пугать взоры и чувства людей, воспитанныхъ въ строжайшей почтительности къ старшимъ, если не въ страхѣ къ нимъ.

Передъ главнымъ судьею лежали на-крестъ *бѣлый посохъ* и *обнаженная шпага*, знаки чистоты суда и воз-

мездія пороку. Во всю длину стола, по обѣимъ сторонамъ его, сидѣли члены его, *ассесоры*, изъ высшихъ офицеровъ разныхъ полковъ, у нижняго конца стола—священникъ въ епитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, а другую положивъ на Евангеліе. Отъ него неподалеку стояли трое солдатъ, закованныхъ въ желѣзо: лица ихъ говорили, что они ожидали своего приговора. Засучивъ рукава своего засаленнаго зипуна, заткнувъ большой палецъ лѣвой руки за красный кушакъ, спереди потонувшій въ отвисломъ брюхѣ, прижался къ къ стѣнѣ мужичокъ отвратительнаго и звѣрскаго лица. Онъ то морщился, какъ бы недовольный медленнымъ судомъ, и огромнымъ перстомъ правой руки, на которомъ могли бы улечься три обыкновенныхъ, почесывалъ налитую кровью шею, исписанную свѣтлыми рубцами; то важно поглаживалъ цѣлою ручищею своею рыжую бороду, искоса посматривалъ на собраніе и улыбался, едва не выговаривая: «и я здѣсь что-нибудь да значу!»—Онъ ждалъ своихъ жертвъ. Это былъ палачъ Оська, по прозванію и отличительнымъ признакамъ его мастерства, *Томила*. Глубокое молчаніе царствовало въ засѣданіи: можно было слышать скрипъ работающаго пера. Вокругъ стола ходила по рукамъ бумага, которую всякій, прочитавъ про себя, подписывалъ. Она дошла до президента, который, также прочитавъ ее еще разъ, подписалъ и весь листъ кругомъ *очертилъ узлами*, чтобы невозможно было ничего приписать въ немъ. Наконецъ, президентъ всталъ, и за нимъ ассесоры. Онъ положилъ правую руку на посохъ и мечъ. Всѣ сотворили знаменіе креста, кромѣ нѣмцевъ, которые вмѣсто того благоговѣйно сложили руки на грудь. Потомъ онъ отдалъ бумагу секретарю для прочтенія и громко произнесъ: «*Богу единому слава!*»—Секретарь началъ читать дѣло о порубленіи Андреемъ Мертвымъ татарина саблею и приговоръ,

коимъ онъ, согласно 26-му артикулу Воинскаго Устава, долженъ бы быть *живота лишенъ* и отсѣченіемъ головы казненъ. Такому жъ наказанію, по 25-му артикулу, подвергался Иванъ Шмаковъ, дерзнувшій поколоть своего полковника Филиппа Кара. Но въ уваженіе, что раны порубленнаго татарина подавали надежды къ исцѣленію, и что у полковника пробиты были только мундиръ и фуфайка. Мертвый приговаривался къ наказанію батожьемъ, а Шмаковъ къ выведенію въ желѣзахъ передъ фрунтомъ и къ пробитію руки ножомъ.

Важнѣе этихъ преступниковъ былъ третій, казакъ Матвѣй Шайтановъ, *чернокнижецъ*, ружья *заговоритель* и *чародѣй*. А какъ по толкованію перваго артикула Воинскаго Устава «наказаніе сожженія есть обыкновенная казнь, чернокнижцу, ежели оный своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйствительно съ діаволомъ обязательство имѣетъ»; но поелику онъ чародѣйствомъ своимъ никому большого вреда не учинилъ, кромѣ заговора ружей, присаживанія шишки на носу и прочаго и прочаго, и отъ *обязательства съ сатаною отрекся* по увѣщанію священника, то приговаривался онъ къ прогнанію *шпицрутеномъ* и церковному публичному покаянію. Тутъ палачъ нахмурился, повидимому недовольный облегченіемъ наказанія. Казалось, на узкомъ его лбу выклеймены были слова: «Ахъ! кабы меня сдѣлали главнымъ судьею, я все бъ усиливалъ приговоръ, чтобъ нашей братьѣ была работа».

Паткуль, нечаянно взглянувъ на него, прочелъ его сожалѣніе: онъ смѣнилъ этотъ зоркій взглядъ другимъ, грознымъ, и далъ знакъ, чтобы преступниковъ удалили для немедленнаго исполненія надъ ними приговора.

Судейская мало-по-малу начала пустѣть. Остались Паткуль и три высшихъ офицера: ихъ заняло чтеніе какихъ-то приготовительныхъ бумагъ! Вскорѣ вниманіе

ихъ было прервано приходомъ *руморме́йстера*, блюстителя порядка на маршахъ и въ лагерѣ, за которымъ, между двумя солдатами съ мушкетами на плечѣ, слѣдовалъ русскій крестьянинъ. Въ глазахъ его горѣло дикое ожесточеніе; онъ не склонялся головою; уста искривлены были презрѣніемъ. Длинная борода у него дѣлилась на двое, представляя изъ себя два языка; широкій, сѣрый зипунъ, сзади весь въ сборахъ, спереди въ двухъ мѣстахъ застегнутый дутыми мѣдными пуговицами, едва покрывалъ колѣна. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ *лѣстовки*, въ правой посохъ. Румормейстеръ подалъ Паткулю бумагу и доложилъ ему, что этотъ крестьянинъ втерся между братьею за общій столъ, не крестился подобно другимъ, садясь за него, не ѣлъ, не пилъ, чуждался всякой бесѣды, безпрестанно плевалъ и творилъ, то шепотомъ, то вполголоса, молитвы; потомъ, вставши изъ-за стола, бродилъ около фельдмаршальской ставки, хотѣлъ взойти въ нее, но, бывъ удержанъ часовымъ, бросилъ въ палатку свернутую бумагу.

— Фельдмаршалъ,—продолжалъ офицеръ,—поднялъ ее, и успѣвъ прочесть только три первыя слова—такъ именно приказано мнѣ доложить вашему превосходительству — повелѣлъ мнѣ отвесть сюда подозрительнаго крестьянина за крѣпкимъ карауломъ, отдать вамъ подметную *цыдулу* и сказать, чтобы вы *поволили* изслѣдовать, кто такой этотъ мужичекъ и не лазутчикъ ли отъ шведовъ, или другой какой *шельмъ*, также и наказать его по усмотрѣнію вашему. Онъ полагаетъ, что подметъ сей до вашей особы касается.

— Что это за уродъ? — сказалъ Паткуль, принимая отъ румормейстера бумагу.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—произнесъ крестьянинъ,—Господи! спаси насъ отъ нечистыя силы.

Паткуль посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся, но развернувъ поданное ему письмо и взглянувъ на первыя слова, вспыхнулъ, вскочилъ со стула, подошелъ къ крестьянину и, тряся его за воротъ, задыхающимся голосомъ спросилъ его:

— Паткуль измѣнникъ? Кто это пишетъ?

— Христіанинъ зарубежный,—отвѣчалъ спокойно вопрошенный.

— Какой христіанинъ! Лжецъ, обманщикъ, сатана! —закричалъ Паткуль, не въ силахъ будучи владѣть самъ собою.

— Брешешь, басурманъ! Пославшій меня—учитель православныя, соборныя, апостольскія церкви, и мы, братья его по духу, исповѣдуемъ законъ правый. Въ вашемъ сборищѣ, въ крещеніи отщепенцевъ, бѣси дѣйствуютъ; ученіе ваше криво, преданіе отцовъ вашихъ лживо, законъ вашъ проклятъ. Ты щепотникъ, табачникъ, скобленное рыло, и съ тобой сидящіе никоніанцы слуги антихристовы. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Паткуль взглянулъ на него, пожалъ плечами, сѣлъ опять на стулъ и хладнокровно сказавъ:—«онъ сумасшедшій!» — сталъ читать продолженіе подметнаго письма. Между тѣмъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ палаткѣ, промолвилъ:

— Это злой раскольникъ!

— Онъ ослушникъ царскаго величества указа!— воскликнулъ другой, — осмѣливается показываться въ народѣ безъ желтаго раскольническаго лоскута на спинѣ!

— Имѣшь-ли ты *бородовую* квитанцію? — сказалъ третій,—ему надобно бороду обрить.

Раскольникъ молчалъ.

— Его надобно строжайше судить! — закричали двое офицеровъ вмѣстѣ.

Крестьянинъ, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Аще пойду подъ иновѣрный судъ, достоинъ есмь отлученія отъ церкви.

Здѣсь одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ убѣдить его словами Священнаго Писанія: «Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога».

— Не претися о вѣрѣ и мірскихъ междорѣчій пришелъ я къ вамъ, никоніанцамъ; досыта учители наши обличили новую вѣру и вбили въ грязь вашихъ фарисеевъ. Какъ видно, вы не разсмотрѣнія и не правды ищете, но побѣды и одолѣнія. Ваша правда, аки паутинное тканіе — прикосновеніемъ крыла бездушныя мухи разоряется. Како бо пѣти Господню пѣснь въ землѣ чуждой, въ землѣ бѣсова плѣненія? Нѣсть здѣсь воздвигающаго долу лежащихъ, нѣсть руководящаго. За рубежомъ тотъ, кто бы изобрѣлъ сокровище, четыредесятнимъ пепломъ загребенное, кто бы собралъ во едино стадо расточенное, кто бы процвѣлъ, яко сельный кринъ, обогатити связанныхъ нищетою, просвѣтите во тмѣ сѣдящія, укрѣпити изнемогающія, свободити бѣдствъ и скорбей исполненныя. Тамъ образованіе горняго Сіона, тамъ начертаніе горняго Іерусалима! Образумьтесь, суетные, откройте глаза, слѣподствующіе! Идите за мною и обрящете сокровища нетлѣнныя [1]).

— Благодарствуемъ, любезный — сказалъ офицеръ, понюхивая табакъ,—Не хочу ради вашей вѣры ни сгорѣть въ огнѣ, ни голодомъ умереть. Ты не морельщикъ-ли?

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

---

[1]) Весь этотъ разговоръ взятъ почти слово въ слово изъ старообрядческихъ актовъ, изданныхъ въ свѣтъ.

— Или изъ безпоповщины, гдѣ вмѣсто поповъ дѣвки служатъ?

Раскольникъ молчалъ.

— Нѣтовщикъ, что-ли? Ну, говори, вѣдь мы знаемъ всѣ ваши бредни. Вы не признаете православнаго священства и таинствъ въ мірѣ? — Адамантова согласія, что-ль? Ваша братья по каменной мостовой никогда не ходитъ, не такъ-ли? Титловщикъ? Ну, говори, борода! (Офицеръ потрясъ его порядочно за бороду, но онъ молчалъ). Можно заставить тебя говорить. У Оськи Томилы нѣмые пѣсни поютъ: знаешь-ли ты?

Раскольникъ горько усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Ѣшьте мое тѣло, собаки, коли оно вамъ по вкусу. Вѣдаемъ мы, православные, что вѣра правая и дѣла добрыя погибли на землѣ. Наступило время послѣднее. Антихристъ насталъ, и скоро будетъ скончаніе міра и страшный судъ. Охъ, кабы сподобился я святымъ страдальцемъ предстать ко Господу!

Во время допросовъ крестянина высшимъ офицеромъ, Паткуль продолжалъ читать подметное письмо. Въ этомъ письмѣ давалось за извѣстіе фельдмаршалу, что Паткуль, измѣнникъ и предатель, связался съ злодѣемъ, который, подъ видомъ доброжелательства русскому войску, старается заманить его въ сѣти, предать начальнику шведскому и погубить. Злодѣй этотъ кажется не тѣмъ, что онъ есть. Если бы фельдмаршалъ зналъ, кто онъ такой, то купилъ бы голову его цѣною золота. Самъ царь дорого заплатилъ бы за нее. Сочинитель письма обѣщается подвести обманщика съ тѣмъ, чтобы войско русское, особенно Мурзенко, не тревожили на жительствѣ зарубежныхъ христіанъ.

Прочтя это письмо, Паткуль задумался; какое-то подозрѣніе колебало его мысли и тяготило сердце.

— Неужели? — говорилъ онъ самъ себѣ, — нѣтъ,

этого не можетъ быть! Понимаю, откуда ударъ! Нѣтъ, Вольдемаръ мнѣ вѣренъ.

Окончивъ этотъ разговоръ съ самимъ собою, онъ поднялъ глаза къ небу, благодаря Бога за доставленіе въ его руки пасквиля, разодралъ его въ мелкіе клочки и спокойно сказалъ присутствовавшимъ офицерамъ:

— Оставимъ эту заблудшуюся овцу. Въ лагерѣ нѣтъ дома для сумасшедшихъ, такъ надобно отпустить его туда, гдѣ больные одинакою съ нимъ болѣзнію собрались ватагой. Что дѣлать? Заблужденіе ихъ есть одна изъ пестротъ рода человѣческаго. Предоставимъ времени сгладить ее. Умъ и сердце начинаютъ быть пытливы сообразно вѣку, въ которомъ мы живемъ; наступитъ, можетъ быть, и то время, когда они присядутся на возвышенныхъ истинахъ.

— Но подметное письмо?—спросилъ румормейстеръ.

— Пасквиль именно на меня!—сказалъ усмѣхаясь Паткуль.—А какъ мое доброе имя не можетъ пострадать отъ сумасбродныхъ людей, то я сочинителю письма и посланнику его охотно прощаю. Съ тѣмъ, однакожъ, —прибавилъ онъ, обратившись къ раскольнику,—чтобы подобныхъ бумагъ въ станъ русскихъ не пересылать! Смотри, перескажи это, закоснѣлый невѣжа, твоему учителю. Въ противномъ случаѣ, Мурзенко со своими татарами отыщетъ его въ преисподней. Тогда не пеняйте на измѣнника Паткуля! Вотъ мой отвѣтъ, слышишь-ли?

— Близокъ часъ страшнаго суда!—вздохнувъ отвѣчалъ раскольникъ.

— Теперь,—продолжалъ Паткуль, обращаясь къ румормейстеру,—передаю вамъ плѣнника. Прошу васъ поступить съ нимъ великодушно.

Румормейстеръ, обѣщавъ не дѣлать ему никакого тѣлеснаго истязанія, принялъ раскольника въ свое вѣдѣніе; но, желая согласить веселый нравъ съ своею

обязанностію, повелѣвающею ему ловить и наказывать, какъ нарушителей спокойствія въ станѣ, подметчиковъ писемъ, разсѣивающихъ ложные слухи, и ослушниковъ царскихъ указовъ, рѣшился подшутить надъ своимъ плѣнникомъ. Онъ отвелъ его за карауломъ къ высокому берегу Леліи, велѣлъ нѣсколькимъ солдатамъ окружить раскольника, поставить его на колѣни и положить голову его на барабанъ. Во всю эту операцію крестьянинъ произносилъ только: «О имени Господа Бога и Спаса нашего страдахомъ». Но какъ скоро увидѣлъ, что цырюльникъ собирался брить ему бороду, онъ началъ бороться съ солдатами, проклиналъ всѣхъ, ревѣлъ и, наконецъ, умолялъ лучше умертвить его. Стоны его раздавались по лагерю. Сильныя руки сжали ему ротъ, держали его за волоса, за два конца бороды, за ноги, затылокъ,—и сокровище, которое было для него жизни дороже, борода, упала къ ногамъ нечестивыхъ никоніанцевъ, которые съ хохотомъ затоптали ее. Смертная блѣдность выступила на его лицѣ, холодный потъ капалъ со лба; пѣна во рту клубилась; какъ вкопанный въ землю, стоялъ онъ. Вдругъ какое-то изступленіе оживило его черты, глаза его страшно запрыгали.

— Настала кончина вѣка и часъ страшнаго суда! Мучьтесь, окаянные нечестивцы! Я умираю страдальцемъ о Господѣ,—произнесъ онъ, пробился сквозь солдатъ и бросился стремглавъ съ берега въ Лелію.

Ударъ головы его объ огромный камень отразился въ сердцахъ изумленныхъ зрителей. Ужасъ въ нихъ замѣнилъ хохотъ. Подняли несчастнаго. Черепъ былъ разбитъ; нельзя было узнать на немъ образа человѣческаго.

— Собакѣ собачья смерть!—сказалъ румормейстеръ и велѣлъ писарю изготовить *рапортъ* высшему начальству объ этомъ происшествіи.

— На чью-то душу грѣхъ ляжетъ? — роптали въ уныніи солдаты.

Какъ водится, зарыли самоубійцу въ лѣсной глуши. Говорили впослѣдствіи, что на мѣстѣ томъ видѣли осьмиконечный деревянный крестъ и слышно бывало, разъ въ годъ, жалобное протяжное пѣніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОСЛАННИКЪ

Со взоромъ, полномъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: дивная Нанна!
Мнѣ дрогоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна.

Пушкинъ.

Судъ и происшествіе это отдалили насъ отъ фельдмаршальской ставки. Возвратимся къ ней и послушаемъ, что тамъ говорится. Въ ней слышны были два голоса; долго и тихо бесѣдовали они между собою на полурусскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ, какъ будто совѣщались о весьма важномъ дѣлѣ; повременамъ раздавался третій, пискливый голосокъ. Наконецъ, одинъ изъ совѣщателей произнесъ твердо и чисто по-русски:

— Смотри-же, Голіафъ Самсоновичъ, не ударьте лицомъ въ грязь, да выполните дѣльце чистенько.

На эту просьбу, въ которую вкрадывалось повелѣніе, отвѣчалъ тоненькій голосокъ.

— Потолкуй еще, Борисъ, да потолкуй; поворожи да еще накажи. Тебя бы Августомъ, а не Борисомъ звать. Эко диво одинъ блинъ не комомъ испечь! Нынѣ времена не тѣ: посланъ за однимъ дѣломъ, сдѣлай ихъ пять хорошенько! Это по *батюшкиному* да по моему.

О, охъ, вы полководцы! гадаютъ по днямъ и ночамъ на какихъ-то басурманскихъ картахъ, шевелятъ, переворачиваютъ, думаютъ думу великую, а съ мѣста ни шагу. Добро-бъ ломали голову, какъ цѣлый край забрать, а то сидятъ, бѣдняги, повѣся носъ надъ бѣдной деревушкой, которую муха покроетъ, съ позволенія сказать... Тьфу!... По моему, взялъ ее да и помаралъ на картѣ: въ глазахъ не рябитъ, и головѣ заботушкой меньше. Эхъ, Борисъ! кабы не пугнулъ тебя *батюшка* на легкій день да на новый годъ подъ Ересферъ, ты бы чай и теперь переминался, какъ дать шведу щелчокъ и отплатить ему за Нарвскую потасовку.

— Заврался, Голіафъ!—произнесъ прежній повелительный голосъ.

— То-то и есть, — продолжалъ тоненькій голосокъ, — теперь Голіафъ, а давича Самсоновичъ! Не даромъ говорятъ, что бояре правды не любятъ. Это, видно, не чужую рубашонку дерутъ. Приложу къ правдѣ другую, выйдутъ двѣ; локоть выше головы не будетъ... честь имѣю рапортовать высокоповелительному, высокомощному господину... Прощай, Боринька!—будь покоенъ, mein Herzens-Kind! все будетъ исполнено по твоему. Adie, mein Herr Patkul! Большой такой, гроссъ? чорна волосъ... шварцъ? не правда-ли? o ja! o ja! gut! gut! Ильза повезетъ меня къ нему?... Дѣвка славная, по мнѣ!—Да, скажи ему, Борисъ, что онъ будетъ отвѣчать мнѣ своею головой, если пріятель его набѣдокуритъ надо мною: вѣдь я не Карлуша!

Съ послѣднимъ словомъ выползла изъ палатки маленькая, живая фигурка, отъ земли съ небольшимъ аршинъ, довольно старообразная, но правильно сложенная. Этотъ человѣкъ былъ въ треугольной, обложенной мишурнымъ галуномъ шляпѣ, изъ которой торчало множество павлиныхъ перьевъ, въ алонжевомъ парикѣ, пышно всчесанномъ, въ гродетуровомъ,

сизомъ мундирѣ съ бархатнымъ, пунцовымъ воротникомъ и такими-же обшлагами, и съ разными знаками изъ золотой бумаги и стекляруса на груди, при деревянной выкрашенной шпагѣ. Это былъ карла Бориса Петровича Шереметева — необходимая потребность знатныхъ людей того времени. Для сокращенія походнаго штата онъ же исполнялъ и должность шута.

Самъ Государь бывалъ всегда окружаемъ этими важными чинами. Въ извиненіе слабости, вѣку принадлежавшей, надобно, однакожъ, сказать, что люди эти, большею частію дураки только по имени и наружности, бывали нерѣдко полезнѣйшими членами государства, говоря въ шуткахъ сильнымъ лицамъ, которымъ служили, истины смѣлыя, развеселяя ихъ въ минуты гнѣва, гибельныя для подвластныхъ имъ, намекая въ присказочкахъ и побасенкахъ о неправдахъ судей и неисправностяхъ чиновныхъ исполнителей, — о чемъ молчали высшіе бояре по сродству, хлѣбосольству, своекорыстію и боязни *безвременья*. Карла или шутъ искалъ только угодить своему господину, не имѣлъ что потерять, а за щелчкомъ не гонялся; неудовольствіе посторонней знати не только не пугало его, но еще льстило его самолюбію. По наружности обиженный природою, онъ утѣшался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ обществѣ людей не только не былъ лишній, но еще игралъ роль судьи и критика и имѣлъ вліяніе на сильныхъ земли. Нерѣдко уважали его и даже боялись. Однимъ словомъ, шуты были живые апологи, Езопы того времени. — Карлу Шереметева любили почти всѣ солдаты и офицеры арміи его, не терпѣли одни недобрые. Онъ зналъ многія изрѣченія Петра Великаго и умѣлъ кстати употреблять ихъ.

Нарядный человѣкъ отошелъ нѣсколько отъ палатки фельдмаршальской, сталъ на бугоръ, важно раскланялся шляпою на всѣ стороны, вытянулъ шею и,

приставивъ къ одному изъ сверкающихъ глазъ своихъ бумугу, сложенную въ трубку, долго и пристально смотрѣлъ на Муннамегги. Солдаты выглядывали сначала изъ палатокъ, какъ лягушки изъ воды, потомъ выползли изъ нихъ и составили около него кружокъ.

— Здравствуй, названная кума! здравствуй, душечка!—сказалъ карла, кивая горѣ головою и посылая ей по воздуху поцѣлуи.

— Кого-жъ ты, ваше благородіе, съ нею крестить-то собираешься? — спросили два молодыхъ солдата преображенскаго полка.

Карла началъ морщиться, пожимать плечами и, закрывъ глаза ручонками своими, запищалъ жалобнымъ голосомъ:

— Остыдили, осрамили отца-командера! да еще кто-жъ? Кажись, гвардейцы. Эки, недогадливые! Кого-жъ чухонкѣ съ русскимъ крестить, какъ не шведенка?

— Ха-ха-ха-и дѣльно такъ! — отвѣчали нѣсколько солдатъ.

— Да чтожъ названная кума не жалуетъ къ тебѣ?

— Спесива, ребятушки, хватики, молодцы! Позываетъ меня къ себѣ на крестины. Жду и нынѣ зова; какъ пѣтухъ на возморьѣ; да гдѣ-жъ мнѣ... одному?...

— Прикажи, отецъ-командеръ, выручимъ!—закричалъ бутырскаго полка солдатъ съ сѣдыми усами.

— Тебя выручимъ, а чухонку выучимъ, чтобы не спесивилась,—повторили нѣсколько голосовъ.

Карла. Ужь мы ее *взъересферимъ!* Добро, злодѣйка? *(Грозится на лифляндскую сторону)*.

Старый солдатъ. Кого-жъ изъ насъ выберешь для школы?

Карла *(задумавшись)*. Вотъ-те и задача! Преображенцы-молодцы, со крестомъ и молитвою готовы одинъ на двоихъ; будетъ время, что пойдутъ одинъ

на пятерыхъ. — Вѣрные слуги царскіе, съ ними не пропадешь. Семеновцы-удальцы потѣшали, вмѣстѣ съ преображенцами, батюшку, когда онъ еще былъ крохоткою. Теперь надежда-Государь выросъ: рукой не достанешь, потѣхи ему надобны другія, не дѣтскія! Вырвутъ изъ бѣды да изъ полымя; будутъ брать деревни, города, крѣпости, царства... Только жаль командеръ у нихъ... плохой.

Множество семеновцевъ (*выступая впередъ, съ досадою въ разные голоса*). Плохой?—Въ умѣ-ли ты, Самсонычъ?—У насъ командеръ не переметчикъ какой нѣмчура Якушка, Крой, Брусбардъ или Уморъ, а русскій бояринъ, князь Голицынъ.—Съ нимъ мы умереть готовы. — Голицыны всегда служили царямъ вѣрою и правдою, не извѣтами. — Дай Богъ нашему Михайлѣ Михайловичу многія лѣта здравствовать! — Дай Богъ роду его несчетные годы красоваться!

Карла. Простъ, ужасъ, простъ!

Нѣсколько голосовъ. Докажи, бѣсенокъ!

Старый солдатъ. Эки вороны! развѣ не видите, что Самсонычъ балясы точитъ, насъ морочитъ?

Карла. Солдатъ кормить жирно — страхъ нездорово животу! Кармана не набиваетъ, государевой казны не крадетъ.

Одинъ изъ толпы. То-то начальникъ: чистъ передъ Царемъ, какъ свѣча передъ образомъ Спасителя! Солдатская слеза на него не канетъ въ день судный

Карла. Чтожъ онъ сдѣлалъ еще добраго?

Одинъ за другимъ. Онъ первый показалъ намъ, что шведскія ружья не заколдованы. — Онъ первый шелъ въ огонь подъ Ересферомъ—и прорѣзывалъ намъ дорогу своею молодецкою грудью. — А гдѣ онъ шелъ, тамъ дѣлалась улица изъ шведскаго полка.

Карла. Экой умъ! лба не жалѣетъ за матушку

за церкву, За Царя-надежду. Какъ будто у него тройной черепъ! — А я разскажу вамъ про одного: то-то разумникъ, то-то бисерный! Сначала, какъ услышали тревогу, такъ и убрался подъ пушку, а потомъ—знать, бомбардиръ ударилъ его банникомъ...

Многіе. Поднесъ ему бомбардирскую закуску! Ха-ха-ха!

Карла. Потомъ ускользнулъ онъ ко мнѣ въ обозъ. Лишь кончилась бѣда, онъ первый разсказывалъ, какъ дѣло шло, гдѣ кто стоялъ, что дѣлалъ, какъ онъ пушки бралъ. Послушать его, такъ уши развѣсишь поетъ и распѣваетъ, какъ жаворонокъ надъ проталинкой.

Старый солдатъ. Видно, какой-нибудь матушкинъ сынокъ, выросъ во хлопкахъ, да на молокѣ: потелячьи и умретъ! Благодареніе Богу! въ нашемъ полку такимъ боярамъ не водъ.

Карла. А что вашъ князь Михаилъ? сдѣлаетъ дѣло на славу да и молчитъ Ну кто бы зналъ про его храбрость?

Старый солдатъ. Какъ, кто бы зналъ? Не все хорошей славѣ на сердцѣ лежать, а дурной бѣжать; и добрая молва по добру и разносится. Отъ всего святого русскаго воинства нашему князю похвала; Государь его жалуетъ; ему честь, а полку вдвое. Мы про него и пѣсенку сложимъ. Какъ придемъ съ похода по домамъ, наши ребята да бабы будутъ величать его, а внучки подслушаютъ пѣсенку, выучатъ ее, да своимъ внучатамъ затвердятъ.

Карла *(запрыгавъ и забивъ въ ладоши)*. То-то молодецъ, то-то удалецъ! Умретъ, да не умретъ! (*Скидаетъ шляпу*). Станетъ и въ царствѣ небесномъ по праву сторону. Эка слава! эка благодать! Простите, ребятушки! не помяните меня лихомъ за ошибку.

Старый солдатъ. Ничего, Самсонычъ! мы вѣ-

даемъ, что ты пошучивалъ, а шутка вѣдь не убиваетъ, хоть она у тебя попадаетъ иногда не въ бровь, а прямо въ глазъ. Иной думаетъ, ты спросту, а у тебя шутка да загвоздка.

Карла. За прощеніе покажу вамъ утѣшеніе. Ужь то-то шутка!

Нѣсколько голосовъ. Покажи, Самсонычъ, покажи. Ты вѣдь затѣйникъ большой.

Старый солдатъ. Да ты, чай, усталъ, Самсонычъ? Садись ко мнѣ на колѣна, а ребята въ кружокъ около тебя.

Нѣсколько голосовъ. Ко мнѣ, ко мнѣ, Самсонычъ!

Карла *(оглядываясь)*. У старика совѣстно сидѣть: вѣдь я тяжелъ, куда какъ тяжелъ! *(Выбираетъ дюжаго, молодого парня изъ драгунъ и располагается у него на колѣняхъ)*. Люби ѣздить, дружекъ, люби и повозить.— Слушайте же православные, да... *(Отстраняетъ нѣкоторыхъ рукою, чтобы ему не мѣшали видѣть Муннамеги)*.

Солдатъ. Что ни говори, а все кума на умѣ.

Карла. Зазнобила сердечушко; только вы, ребятушки, и заживите рану снадобьемъ пороховымъ, вырвете занозу штыкомъ молодецкимъ. (*Развертываетъ ландкарту Лифляндіи въ большомъ размѣрѣ, съ разными украшеніями)*. Посмотрите-ка сюда!

Солдаты пожимаются около него, смотрятъ на бумагу, иные черезъ плечо товарищей, и передаютъ, что они видѣли, тѣмъ, которые сзади ничего не могли видѣть.

Нѣсколько солдатъ одинъ за другимъ. Вотъ это на одномъ углу гвардейскій солдатъ, на другомъ бомбардиръ, на третьемъ драгунъ, а на четвертомъ калмыкъ—ахти, ребята! точь-въ точь полковникъ Мурзенко! Чтожъ это за грамотка размалеванная, и что они дѣлятъ межъ собой?

Два солдата, постарше и посмышленнѣе другихъ. Кружки со струйками, одинъ болѣе другого, словно озера! — Смотри-ка, братъ, будто жилки текутъ не ручейки ли ужь, а можетъ и рѣчки. — Здѣсь окрайницы, словно у Чудскаго — а тутъ перепутано нитей, нитей-то, подобно паутинѣ. Травки, бугорки, букашки, мурашки, крестики — и все съ подписями!

Карла. Это Лифлянды сведены на бумагу.

Нѣсколько голосовъ. Лифлянды? Статошно-ли дѣло?

Карла. А вы, небось, думали, что латышская земля и Богъ вѣсть какой огромный край. Вотъ этого листика для него довольно, а для Россіи надобно листовъ сто такихъ. Хотите-ли знать, гдѣ Юрьевъ?

Молодой солдатъ. Юрьевъ? Покажи, Самсонычъ!

Карла *(водя его палецъ)*. Не тутъ, вотъ здѣсь, поймалъ! Покрой же пальцемъ.

Молодой солдатъ. Не величекъ же; а коли ладонь разверну, такъ, чай, цѣлый край захвачу.

Карла. Вѣстимо.

Старый солдатъ. Пора бы и ладонь расправить.

Карла. А вотъ Ересферъ, гдѣ мы на новый годъ пощелкали шведовъ.

Солдатъ. Эка крохотка! а, кажись, вечеръ и утро дрались.

Карла. Кругъ-то большой со струйками—Чудское озеро; на берегу его Рапинъ, откуда Михайла Борисовичъ выгналъ шведовъ. *(Беретъ карандашъ и замарываетъ нѣкоторыя мѣста)*.

Солдатъ. Это ты для чего дѣлаешь, Самсонычъ?

Карла. Всѣ эти мѣста изъ счету вонъ—за нами.

Солдатъ. За нами? Вотъ какъ славно! авось, мы еще помараемъ.

Карла. А вотъ Медвѣжья голова, далѣе Ракоборъ, Колывань...

Солдатъ. Имена-то все русскія, а въ Лифляндахъ стоятъ.

Карла. Эка ты башка! вѣдь всѣ Лифлянды встарину были за Россіею, за домомъ пресвятыя Богородицы; города-то построены нашими благовѣрными русскими князьями и платили намъ дань. Въ смуты наши пришелъ шведъ изъ-за моря — вотъ, смотрите, изъ-за этого.

Солдатъ. Отколь его окаяннаго несло! Видно, братцы, изъ этого моря выскакиваютъ фараоновы люди и кричатъ проѣзжающимъ: «долго-ли намъ мучиться? скоро-ли, скоро-ли будетъ представленіе свѣта?»

Карла. Шведъ, какъ пришелъ изъ-за этого моря, засталъ врасплохъ нашихъ, да и завладѣлъ всѣмъ здѣшнимъ краемъ и святую церковь въ немъ разорилъ. За чтожъ дерется нынѣ нашъ православный батюшка *(снимаетъ шляпу)*, государь Петръ Алексѣевичъ, какъ не за свое добро, за отчину свою давнюю? Видите, какъ она примкнута къ Россіи, будто съ нею срослась. Россія-то вправо, рубежъ зеленою каемочкою означенъ.

Солдатъ. Чуть-чуть рубчикъ виденъ, да мы его сотремъ.

Другой. Стоять будемъ здѣсь, такъ сами скоро заплеснѣемъ. Подъ лежачій камень вода не подтечетъ.

Карла. А теперь куда бы хорошо повѣдаться со шведомъ! Скажу вамъ, ребятушки, вѣсточку горяченькую, только что съ пыла; я слышалъ ее самъ своими ушами въ ставкѣ фельдмаршальской — да не выдайте жъ меня, братцы.

Многіе солдаты вмѣстѣ. Статочное-ли дѣло, Самсонычъ? Вѣдь мы не некрести какіе!

Карла *(вполголоса)*. Фельдмаршалъ сидѣлъ вчера

вечеромъ съ княземъ Михаиломъ да съ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Вадбольскимъ, да съ Никитою Ивановичемъ Полуектовымъ. Взяла меня охота подслушать ихъ, я и притаился за полою ставки, какъ зайчикъ за кустомъ, и слышу, Борисъ Петровичъ говоритъ: «Поздравляю васъ, господа, скоро у насъ походъ будетъ. Я для этого къ вамъ изъ Пскова пріѣхалъ. Шлиппенбахъ задремалъ и думаетъ, что мы также заснули. Распустилъ онъ полки свои по хватерамъ и насъ, нежданныхъ гостей, къ себѣ не чаетъ; а мы въ добрый часъ да со святою молитвою нагрянемъ на него, какъ снѣгъ на голову.

Нѣсколько солдатъ, одинъ за другимъ. Разобьемъ его въ пухъ!—Растрясемъ его кармашки съ ефимками! — Возьмемъ Лифлянды, свое старое добро, отчину царскую.

Карла. Тогда ему и воевать не съ кѣмъ будетъ: вѣдь и офицеры-то у него лучшіе лифляндцы; ужь сказать правду-матку, служатъ грудью своему государю; а какъ нашему крестъ поцѣлуютъ, станутъ также служить, будутъ нашей каши прихлебатели. Поладимъ съ ними, забражничаемъ, заживемъ какъ братья, и завоюемъ подъ державу Бѣлаго царя всѣ земли отъ Ледяного до Чернаго моря, отъ Азова до...

Толстый нѣмецкій офицеръ, уча рекрутъ, находитъ на толпу солдатъ и, разгоняя ихъ палкой, кричитъ: «Фортъ! фортъ!»—Солдаты расходятся, толкуя про себя: «На бѣду окаяннаго басурмана тутъ наткнуло! Не спросили мы, ребята, Самсоныча, когда-то скажутъ походъ?»

Нѣмецкій офицеръ *(запыхавшись)*. Рязъ, двіа, уфъ! ногъ више, die Spitzen nieder, уфъ! *(Сердится, что рекруты его не понимаютъ, скидаетъ съ себя въ досадѣ шляпу и парикъ, которые трясетъ въ рукахъ, то, вытянувшись какъ аршинъ, ступаетъ по журавлиному,*

то, весь искобенившись, прыгаетъ едва не вприсядку, то бьетъ по носкамъ рекрутъ палкою). О шмерцъ!

Карла. Палочка здоровъ для русска. Еще, еще прибавь! Кажись, ваша братья на муштрѣ собаку съѣли, а еще не дошли до хвоста. Кабы я былъ нѣмецъ, подѣлалъ бы для ногъ станки, заставилъ бы ходить по натянутой стрункѣ да прыгать на одной ножкѣ.

Нѣмецкій офицеръ *(продолжая сердиться).* О шмерцъ! о безтолковъ русска народъ! *(Толкаетъ съ дороги Карлу).*

Карла. Эку тучу надвинуло! словно нареченная кума Муннамегги! Смотри, Каспаръ Адамовичъ, выучишь скалозуба русскаго на свою голову, на бѣду своей братьи, имячку шмерца. Передастъ онъ это прозваньеце, какъ пѣсенку про князя Михаила, въ роды родовъ. Вѣдь русскій проказникъ большой: зарубитъ присказочку языкомъ, не сгладишь торпугомъ; вставитъ разомъ въ рамочку и выставитъ на показъ на лобное мѣсто. *(Идетъ далѣе маршируя и приговаривая:)* Рязъ, двіа, ногъ више, спица ниже, брюко толсто, голіовко пусто! О шмерцъ, о шмерцъ!

Немного отойдя, мишурный генералъ посмотрѣлъ опять въ свернутую бумагу на гору Муннамегги и, какъ будто замѣтивъ на ней дымокъ, побѣжалъ опрометью въ разоренный Нейгаузенъ. При выходѣ изъ городка ожидала карлу женщина лѣтъ сорока, высокая, сухощавая. Она одѣта была, какъ обыкновенно снаряжаются чухонскія дѣвки въ праздничные дни; но, съ необыкновенною наружностію ея, одѣяніе это давало ей какой-то фантастическій видъ. На ней была повязка, подобная коронѣ, изъ стекляруса, золотымъ галуномъ обложенная; искусно сплетенный изъ васильковъ вѣнокъ обвивалъ ея голову, надвинувшись на черныя брови, изъ-подъ которыхъ сверкали каріе глаза, будто насквозь проницавшіе; черные, длинные волосы

падали космами по плечамъ; на груди блестѣло серебряное полушаріе, на шеѣ—ожерелье изъ *коральковъ;* она была небрежно обернута бѣлою мантіею. Сквозь правильныя черты пожелтѣвшаго лица ея мелькали повременамъ глубокая задумчивость или дикое, буйное веселіе. Голосъ ея то рѣзалъ воздухъ, подобно крику вѣщей птицы, то былъ глухъ, какъ отзывъ гробовой. Казалось бы, это необыкновенное существо должно бы въ станѣ русскомъ привлечь на себя жадное любопытство толпы; напротивъ, ни одинъ взоръ, ни одно движеніе не обличали этого любопытства. Чужеземка эта въ станѣ находилась будто въ своемъ селеніи, въ своемъ семействѣ. Всѣ, отъ высшаго до нижняго чина, знали ее по имени, разными знаками изъясняли ей свою пріязнь, называли ее родными именами тетушки, сестры. Кто-жъ она была такая? Чухонская дѣвка, Ильза, маркитантша при корпусѣ Шереметева, уже два года отправлявшая эту должность. Никто скорѣе и лучше ея не могъ достать сладкаго лагернаго кусочка; не было для нея ни запрещеннаго, ни далекаго, ни скрытаго. Для солдата она всегда имѣла искрометнаго шнапса и табаку попушника. Это зелье еще недавно вошло въ употребленіе, но уже нравилось солдату своимъ пріятнымъ головокруженіемъ. Высшимъ чинамъ умѣла она угодить хорошею анисовою водкою, животрепещущею рыбою, мастерскимъ вареніемъ кофе, употребленіе котораго начинали русскіе перенимать у нѣмцевъ, и мало ли чѣмъ еще! Къ тому жъ исправляла она въ станѣ и должность Сивиллы: генералъ и профосъ равно вѣровали въ этого оракула. Говорили даже, что самъ фельдмаршалъ не разъ призывалъ ее въ свою ставку гадать объ успѣхахъ русскаго оружія. Она предсказала ему побѣду подъ Ерастферомъ. Иные вѣрили этимъ слухамъ, другіе — и это была самая меньшая часть—отыскивали въ этихъ свиданіяхъ вое-

начальника съ ворожеею причину не столь сверхъестественную: именно, видѣли въ ней лазутчицу, передающую ему разныя вѣсти изъ Лифляндіи, которую она то и дѣло посѣщала. Мы не можемъ до времени подтверждать ни того, ни другого мнѣнія. Знаемъ только, что она въ два года умѣла приноровиться къ русскимъ обычаямъ и выучиться нѣсколько русскому языку, на которомъ говорила пополамъ съ чухонскимъ и нѣмецкимъ, приправляя эту смѣсь солью любимыхъ поговорокъ народа, между которымъ хотя она и не родилась, но нашла пропитаніе, ласки и, можетъ быть, утѣшенія.

Среди обгорѣлыхъ стѣнъ опустошеннаго городка Нейгаузена видна была Ильза, одна, какъ привидѣніе. Длинною, сухощавою рукою манила она къ себѣ наряднаго карлу; бѣлый хитонъ ея, удерживаемый другою рукой, парусилъ вѣтеръ. Подлѣ нея стояла телѣжка о двухъ колесахъ, въ которую запряжена была осѣдланная гнѣдая лошадка, съ косматою гривою, круглая, какъ шарикъ. Бойкое животное выглядывало повременамъ изъ-за маленькой, едва согнутой дуги, на свою повелительницу, и потомъ нетерпѣливо ударяло копытомъ въ землю, но съ мѣста тронуться не смѣло, хотя и не было на привязи. По телѣжкѣ разостлано было пышное ложе изъ свѣжей соломы. Пока бѣжалъ карла къ Ильзѣ, ее обступило нѣсколько солдатъ изъ караульни, помѣщенной въ развалинахъ одного дома.

— Скажи-ко намъ слово и дѣло!

— Поворожи-ка намъ на ручкѣ, тетушка!

— Будетъ-ли намъ таланъ? — кричали одинъ за другимъ, протягивая къ ней руки, полновѣсныя и широкія, какъ у мясника.

Сивилла, съ нетерпѣніемъ своей лошадки, поглядывала на ожидаемый ею предметъ, осматривала попеременно простертыя къ ней ладони и приговаривала:

— Линія карошъ, mein Kindchen! прямо въ Лифлянды! — Добре, очень добре! много денсхъ, богата замокъ; домъ такой большой! о! поживъ будетъ великъ! мой не забудь тогда, голубчикъ!

— Не забудемъ, не забудемъ!

— Прощай, ребятушка! (Здѣсь Ильза низко присѣла и послала рукою одному пригожему новобранцу поцѣлуй, заставившій его тряхнуть головой, какъ будто на немъ волосы были острижены въ кружокъ, и покраснѣть до бѣлка глазъ).

— Куда-жъ ты спѣшишь, тетушка?

— Все тетушка! Я молода дѣвочка.

— Ну скажи, сестрица-голубушка, куда?

— Съ моей любезный Самсонычъ на Муннамегги, поколдовать для большой, большой генералъ.

— Ага! смекаемъ! поспѣшеньеца вамъ желаемъ.

Солдаты воротились въ караульню и продолжали между собою говорить:

— Видно быть походу, братцы! Линіи-то выходятъ у всѣхъ на Лифлянды, и вѣтерокъ туда позываетъ.

У входа въ опустошенное мѣстечко стоялъ на часахъ солдатъ изъ рекрутъ, недавно прибывшій на службу, а такъ какъ фельдмаршалъ пріѣхалъ только наканунѣ изъ Пскова, то новобранецъ и не имѣлъ случая видѣть его карлу. Долго всматривался онъ издали въ маленькое ползущее животное, на которомъ развѣвались павлиныя перья; наконецъ, примѣтивъ галунъ на шляпѣ, украшенія на груди и шпагу, онъ закричалъ:

— Кто идетъ?

— Солдатъ! —бодро отвѣчалъ Голіафъ.

— Пароль?

— Троицынъ монастырь!

— Извольте идти, ваше благо... высоко... превос...

ходительство, какъ васъ звать? Да простите меня, виноватъ! я думалъ, что вы птица.

— Птица? птица? Только не тебѣ стрѣлять ее, молокососъ!—сердито проворчалъ мишурный генералъ и обратился съ важнымъ поклономъ къ Ильзѣ, которая, не говоря ни слова, сдѣлала ему глубокій *книксенъ*, длинными руками схватила его въ охапку, посадила бережно на телѣжку и мигомъ вспрыгнула на сѣдло. Борзая лошадка, заслышавъ на себѣ свою повелительницу, понеслась съ мѣста и засыпала ногами, какъ по току дружная молотьба. Скоро колесница, изъ которой едва торчалъ палашъ рыцаря *веселаго образа*, и надъ которой господствовала корона Сивиллы, начала исчезать изъ виду и, наконецъ, совсѣмъ потонула въ двойственномъ мракѣ отдаленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОФИЦЕРСКАЯ БЕСѢДА

Впередъ, впередъ, моя исторія!
Пушкинъ.

Между тѣмъ въ развалинахъ замка собралось нѣсколько офицеровъ, большею частью начальниковъ разныхъ полковъ. Вмѣсто стульевъ, каждый избралъ себя по удобности камень или отломокъ стѣны. Налѣво отъ входа изъ лагеря, въ тѣни, далеко ложившейся на землю отъ уцѣлѣвшей въ этой сторонѣ ограды, сидѣли другъ къ другу лицомъ, придерживая на колѣняхъ шахматную доску, преображенскаго полка маіоръ Карповъ и драгунскаго своего имени полковникъ князь Вадбольскій. Наружностью своею они составляли живописную противоположность, хотя оба были извѣстны равными душевными достоинствами. Въ одеждѣ, разговорахъ и обращеніи перваго замѣчалась если не совершенная европейская образованность того времени, то по крайней мѣрѣ близкое подражаніе ей. Кажется, онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ русскихъ дворянъ, которыхъ Петръ посылалъ путешествовать. Слѣдуя французской модѣ, онъ носилъ на головѣ русый, тщательно причесанный, парикъ, съ котораго пышные ло-

коны небрежно свивались и развивались по плечамъ; на пріятномъ, дышащемъ свѣжестью лицѣ его едва означались тонкіе усики. Онъ былъ въ темнозеленомъ мундирѣ съ узенькимъ, въ полувершокъ, отложнымъ воротникомъ, съ огромными, въ маленькій грецій орѣхъ, дутыми изъ мѣди и позолоченными пуговицами, прикрѣпленными ремешками на правой полѣ, на обшлагахъ рукавовъ, на клапанахъ и спинкѣ, въ двѣ четверти шириной, собранной множествомъ складокъ. Весь мундиръ по краямъ обложенъ былъ золотымъ позументомъ. На правомъ плечѣ вился золотой шнурокъ, цѣпляясь за такую же въ горошину пуговицу; на груди вздувался серебряный знакъ съ вызолоченною арматурою и съ цифрою 1700, означавшею годъ взятія Азова. Камзолъ и короткое исподнее платье, очень удобное для бальнаго представленія, были изъ темнозеленаго же сукна, ярко перерѣзывавшаго красный цвѣтъ чулокъ. Въ тогдашнее время не было еще мудрыхъ ваксо-изобрѣтателей, и потому на майорѣ преображенскаго полка блестѣли чернокожаные бушмаки, вѣроятно вычищенные просто постнымъ маслицемъ съ сажею. За то пушокъ не смѣлъ пасть на мундиръ его: въ такой онъ содержался чистотѣ! Князь Вадбольскій былъ безъ мундира, безъ камзола и галстука — въ пестрой, распашной рубашкѣ съ косымъ воротомъ, на которомъ горѣла богатая изумрудная запонка. На косматой, широкой груди его висѣлъ наперстный серебряный крестъ необыкновенной величины. Смуглое, рябоватое, неправильное лицо его было залито добротою и благородствомъ души. Слова его, не подслащенныя, безъ украшеній считались вѣрнѣе крѣпостныхъ актовъ: они замѣняли въ устахъ его: *ей-ей, да будетъ мнѣ стыдно*! За то и дружба его была не ходячая монета: ею дорожили, какъ безцѣннымъ оружіемъ, которое на важный случай берегутъ.—Игроки

углубились въ игру свою. На лбу и губахъ ихъ смѣнялись, какъ мимолетящія облака, глубокая дума, хитрость, улыбка самодовольствія и досада. Ходы противниковъ слѣдилъ большими, выпуклыми глазами и жаднымъ вниманіемъ своимъ полковникъ Лима, родомъ венеціанецъ, но обычаями и языкомъ совершенно обрусѣвшій. Онъ облокотился на колѣно, погрузивъ разложенные пальцы въ сѣдые волосы, выбивавшіеся между ними густыми потоками, и открылъ такимъ образомъ высокій лобъ свой. Круглый, большой обломокъ стѣны, упавшій на другой большій отрывокъ, образовалъ площадку и лѣстницу о двухъ ступеняхъ. Тутъ, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, лежалъ, обхвативъ правою рукою барабанъ, Семенъ Ивановичъ Кропотовъ. Голова его упала почти на грудь, такъ что за шляпой съ тремя острыми углами ея и густымъ чернымъ парикомъ едва замѣтенъ былъ римскій обликъ его. Можно было подумать, что онъ дремлетъ; но, когда приподнималъ голову, замѣтна была въ глазахъ скорбь, его преодолѣвавшая. Ниже его сидѣлъ на ступенькѣ Никита Ивановичъ Полуэктовъ; онъ изрѣдка подстерегалъ его движенія, стараясь проникнуть въ нихъ тайну, ему въ первый разъ не открытую. Довольно высоко отъ земли, на уступѣ ограды, небрежно расположился пригожій, молодой Дюмонъ. Живость, любезность и остроуміе его націи блестѣли въ его глазахъ; по разгорѣвшимся его щекамъ развѣвались полуденнымъ вѣтромъ бѣлокурые локоны. Онъ то игралъ на гитарѣ, припѣвая, то любовался въ задумчивости прекрасною окрестностью, передъ нимъ разостланною.

Дюмонъ родился въ Провансѣ. Бѣдный и предпріимчивый, онъ пріѣхалъ, въ 1695 году, искать приключеній въ Россіи, странѣ, еще именемъ варварской, попытать въ ней счастія, и надѣялся, можетъ быть, мимоходомъ наткнуться на славу. Съ первымъ ша-

гомъ его на землю русскую, ему предложено было вступить въ ряды осаждавшихъ Азовъ. Служа за честь, хотя и не за свое отечество, онъ былъ одинъ изъ первыхъ на всѣхъ приступахъ этого города, одинъ изъ первыхъ вошелъ въ него побѣдителемъ, за что при *случаѣ* былъ Царю представленъ Гордономъ, какъ отличнѣйшій офицеръ его отряда. Въ тогдашнее время завистливые и недостойные искатели фортуны, эти шмели государства, не смыкались еще въ грозныя фаланги, чтобы заслонить собою заслугу, не разсыпались по разнымъ путямъ, чтобы перехватить достоинство и втоптать въ грязь цвѣтъ, обѣщавшій плодъ, для нихъ опасный. Служившіе головой и грудью смѣло шли впередъ, не думая угодить единственно лицу начальника, не боясь за то названія людей безпокойныхъ. Петръ Великій видѣлъ все своими глазами, все зналъ и рукою вѣрною назначалъ каждому свое мѣсто по старшинству ума, труда, познаній и душевныхъ достоинствъ, а не по степени искательства и рода. «*Князь Никита*,—говорилъ онъ своему любимцу, который испрашивалъ одному знатному человѣку мѣсто не по его способностямъ,—*хотя и достоинъ той чести и сердца добраго, только не его дѣло*». Можно судить, что Государь съ такимъ сужденіемъ не замедлилъ наградить храбраго Дюмона. При образованіи регулярной конницы, ему данъ и названъ по имени его драгунскій полкъ. Съ добрымъ сердцемъ и живымъ умомъ онъ не могъ также не быть любимъ товарищами. Солдаты, одушевленные быстротою его движеній и рѣчи, преданные ему за отеческія о нихъ попеченія, за внятное и терпѣливое изъясненіе обязанностей службы, и особенно за то, что онъ одинъ изъ иностранцевъ ихъ корпуса носилъ на шеѣ мѣдный солдатскій крестъ, горѣли нетерпѣніемъ, въ честь начальника своего, окрещеннаго любовью ихъ къ нему въ Дымонова, ску-

сить не одинъ патронъ и порубиться на славу со шведомъ. Честно и молодецки выполнили они свою обязанность при Эррастферѣ.

Пониже Дюмона покачивался на барабанѣ, бокомъ положенномъ, капитанъ преображенскаго полка Глѣбовской, молодой и наружности привлекательной. Чистымъ, пріятнымъ голосомъ вторилъ онъ мастерски прованскому трубадуру. У ногъ его сидѣлъ, сложивъ свои ноги подъ себя крестообразно, бутырскаго полка солдатъ, небольшого роста, худощавый. Сѣдые волосы его были острижены въ кружокъ и кваскомъ приглажены; густыя брови нависли надъ сѣрыми глазами, прыгавшими будто на проволокѣ. Онъ держалъ двухструнную балалайку, на которой пальцы его перебѣгали, какъ молнія. Иногда вслушивался онъ пристально въ напѣвы Дюмоновыхъ пѣсней и разомъ переводилъ ихъ на свой бѣдный, но послушный ему инструментъ. Этотъ чудодѣй былъ Филя, ротный скоморохъ и сказочникъ. Несмотря на смѣлость его въ обращеніи и колкость языка его, зацѣплявшаго иногда за живое, офицеры любили его и, повидимому, ободряли вольное его съ ними обхожденіе.

Правѣй отъ шахматныхъ игроковъ сидѣли на двухъ скамейкахъ, на которыхъ постланы были *аккуратно* два клѣтчатыхъ носовыхъ платка, старые полковники фонъ-Верденъ и фонъ-Швединъ, первый въ пестромъ бумажномъ колпакѣ, кожаномъ колетѣ изъ толстой лосиной кожи, въ штиблетахъ съ огромными привязанными раструбами; другой съ обнаженною, какъ полный мѣсяцъ, лысиною, при всей формѣ пѣхотинца. Куря табакъ, они разсуждали о политикѣ. По дыму трубокъ ихъ, то усиливавшемуся, какъ вспышка Этны, то почти умиравшему, можно было судить о степени ихъ душевнаго волненія, производимаго важнымъ разборомъ правъ 60-го Генриха на наслѣдованіе престола

рейсъ-эберсдорфъ-лобенштейнскаго. Къ одному выходу изъ замка разложенъ былъ огонекъ, уже потухавшій. Обгорѣлый шестъ, котораго концы опирались на двухъ камняхъ, держалъ мѣдный котелокъ съ водою; одинъ изъ этихъ камней обставленъ былъ сковородою съ остатками изжаренной съ лукомъ жирной почки, облупленнымъ подносомъ съ изукрашеннымъ золотыми цвѣтами карафиномъ, съ двумя серебряными чарами, расписанными чернью, работы устюжской, и узорочною серебряною братиною *съ кровлею*, вѣроятно жалованною царями кому-нибудь изъ родителей собесѣдниковъ при *милостивомъ словѣ*. Широкоплечій драгунъ съ огромными усами и въ засаленной рубашкѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, обмывалъ въ деревянной чашѣ оловянную посуду. По этому уголку можно было судить, что собесѣдники недавно подкрѣпили силы свои доброю закускою. Близъ походнаго кухмистера стоялъ почтенный старецъ Айгустовъ, опиравшійся изсохшими жилистыми руками на палашъ. Улыбка дѣтской непорочности порхала на устахъ его: онъ любовался тихимъ пламенемъ, переливавшимся по угольямъ. Изрѣдка шевелилъ онъ ихъ концомъ палаша, стараясь разбудить дремлющій огонекъ. Прислонясь затылкомъ къ стѣнѣ и растянувшись на голой землѣ, спалъ, похрапывая, татарскій наѣздникъ Мурзенко. Въ угодность Царю-преобразователю, онъ сдѣлался по наружности казакомъ; но большая голова, вросшая въ широкія плеча, смуглое, плоское лицо, на которомъ едва означались мѣста для глазъ и поверхность носа, какъ на куклѣ, ребячески сдѣланной, маленькія толстыя руки и такія же ноги, приставленныя къ огромному туловищу,—все обличало въ немъ степного жителя Азіи. Хитрость писалась рѣзкими чертами на лицѣ его; казалось, она и во снѣ его не покидала. Мурзенко славился въ войскѣ Шереметева лихимъ наѣздничествомъ, личною храбростью,

умѣньемъ повелѣвать своими калмыцкими и башкирскими сотнями, которыя на грозное гиканье его летѣли съ быстротою стрѣлы, а нагайки его боялись пуще гнѣва пророка или самодѣльныхъ божковъ; онъ славился искусствомъ слѣдить горячіе слѣды враговъ, являться вездѣ, гдѣ они его не ожидали, давать фельдмаршалу вѣрныя извѣстія о положеніи и числѣ непріятеля, палить деревни, мызы, замки, наводить ужасъ на цѣлую страну Такими качествами успѣлъ онъ пріобрѣсти отличное вниманіе начальства и Государя до того, что удостоился чина полковничьяго, и умѣлъ сдѣлать себѣ такое грозное имя въ Лифляндіи, что дѣти переставали плакать, когда его поминали.

Общество это было въ гостяхъ у князя Вадбольскаго, и въ ожиданіи трубной повѣстки, по которой всѣ начальники полковъ должны были немедленно явиться къ фельдмаршалу, разговаривали о важныхъ и смѣшныхъ предметахъ, пѣли, играли и не забывали изрѣдка круговой чары.

— Что ты дѣлаешь съ рукою своею? — спросилъ Дюмонъ Никиту Ивановича Полуектова, который, поднявъ руку, держалъ ее нѣсколько времени въ такомъ положеніи.

— Пытаю, откуда вѣтеръ подуваетъ!—сказалъ Полуектовъ.—Не попутный-ли для моего желанія? Такъ точно! Съ полудня!—Помнишь-ли свое обѣщаніе, соловушко французскій?

Дюмонъ. Довольно, хотя чижъ прованскій. Какое-же обѣщаніе, полковникъ?

Полуектовъ Когда вѣтеръ твоей родины подуетъ, спѣть намъ пѣсенку...

Дюмонъ. О прекрасномъ пажѣ короля Рене? Помню, помню, и готовъ исполнить желаніе ваше, только боюсь, чтобы меня не сталъ передразнивать

Вадбольскій, какъ онъ дѣлалъ это нѣкогда въ Москвѣ, въ домѣ князя Черкасскаго.

Полуектовъ. Злодѣй! Да еще при миловидной дочкѣ княжеской, при цѣлой вереницѣ пригожихъ дѣвушекъ!

Дюмонъ. Вотъ это-то и лежитъ у меня на сердцѣ. Правду сказать, любя Россію, пригрѣвшую меня подъ крыломъ своимъ, любя вашъ сладкій, звучный языкъ, созданный, кажется, для поэзіи, я съ того времени старался исправиться Вы это знаете, господа!

Карповъ. Мы знаемъ, что любезный нашъ полковникъ Дюмонъ не пренебрегаетъ ни языкомъ, ни обычаями нашими. *Король беретъ пѣшку на 3-й клѣткѣ коня своего.*

Лима. Все кончено! Дожъ пропалъ.

Князь Вадбольскій. До времени молчокъ, любезный Юрій Степановичъ: *Ферзь на 4-й клѣткѣ ладьи: шахъ королю!*

Карповъ. *Король* ретируется.

Князь Вадбольскій Теперь и я скажу: даль зѣвка, братъ Карповъ! *Ферзь на 2-й клѣткѣ слона. Королю шахъ и мать!*

Карповъ. Поздравляю: побѣда за вами.

Князь Вадбольскій. Исполать! теперь поразвѣдаемся и съ пѣвуномъ. Кажется, рѣчь была о Вадбольскомъ, который несторожно когда-то, во время оно, посмѣялся надъ тѣмъ, что не русскій коверкалъ въ пѣснѣ русскій языкъ. Грѣхъ утаить: надрывался *азъ* грѣшный отъ смѣху, когда этотъ любезникъ пѣлъ: *Прости, зеленый лукъ! Гдѣ ты мыла, друкъ?* и многое множество тому подобнаго.

Дюмонъ смѣется.

Князь Вадбольскій. Самому теперь смѣшно! Тогда и мнѣ не было грустно, и я поджималъ животики. Виноватъ, буду и впередъ то же дѣлать, когда

случай придетъ. А то неужели, скорчивъ личину, подъѣхать было мнѣ къ вамъ, сударь, съ турусомъ на колесахъ и обратиться съ слѣдующей рѣчью: «Ахъ! мой милый, мой почтеннѣйшій, мой наибезцѣннѣйшій Осипъ Осиповичъ! какъ вы прекрасно изволите объясняться на русскомъ! Не можетъ статься, чтобъ вы прожили только четыре года въ Россіи! Не повѣрю этому, воля ваша. Вы настоящій уроженецъ здѣшній. По крайней мѣрѣ, *тятенька* или ваша мамаша не живали-ли въ Россіи? Ахъ! сколько вы чести дѣлаете нашему народу — ошибся—нашей грубой, варварской націи, вставляя въ такую низкую оправу такой драгоцѣнный алмазъ! Ахъ!...» Еще ахъ! Тутъ пошли бы іудины лобзанія, братскія пожиманія руки... а лишь за стѣнку, такъ не только расписалъ бы сажею нарѣчіе друга закадычнаго, а и всѣ кишочки-бъ его вымылъ. Дѣды и отцы не тому насъ учили. По нашему: смѣшно, такъ смѣйся—груди легче и сердцу веселѣе; дурно — поправь; а когда не слушаютъ, плюнь да отойди отъ зла; нездорово — такъ помоги; грустно, такъ погрусти немного, а хандрѣ воли не давай, какъ нашъ Семенъ Ивановичъ, буди не къ вечеру сказано...

Полуектовъ *(обращаясь къ Кропотову)*. Христосъ съ тобой! Здоровъ ли ты, другъ?

Кропотовъ. Тѣломъ здоровъ, только духомъ упалъ, какъ баба. Такая грусть, такая тоска на меня напала нынѣ, хоть бы бѣжать въ воду.

Князь Вадбольскій. Ге, ге! не бѣлены ли ты объѣлся, Семенъ, что собираешься нехристіанскою смертью умереть? Лучше положить животъ на полѣ бранномъ, сидя на конѣ вороном, съ палашомъ въ рукѣ, обмытымъ кровью враговъ отечества.

Кропотовъ. Смерти не боюсь; въ жизни бываютъ обстоятельства мучительнѣе ея.

Князь Вадбольскій. Развѣ совѣсть твоя не чи-

стенька? Не вѣрю этому. Неизмѣнный слуга царскій, православный христіанинъ словомъ и дѣломъ, хорошій мужъ, добрый отецъ...

Кропотовъ (*съ горькой усмѣшкой*). Добрый отецъ!.. Прекрасный... образецъ отцамъ!

Полуектовъ. Полно, князь Василій, его расшевеливать: видишь, ему не по-себѣ.

Князь Вадбольскій. Чтожъ? у него болитъ сердце, можетъ быть, къ радостной вѣсти о походѣ. (*Поетъ*). «*Тра, ра, ра. Въ литавры забьютъ и въ трубы затрубятъ*». Гаркнутъ: на коней! и съ нашего Сени хандра, какъ съ гуся вода.

Мурзенко (*протирая себѣ глаза*). На коня? Кто, что?

Князь Вадбольскій. Мимо проѣхали! Спи себѣ, мурза, покуда есть время спать; можетъ быть, ночью и некогда будетъ. Теперь мы сражаемся съ своими. Дай-ка перевѣдаться мнѣ съ Дюмономъ, а тамъ примемся за Семена: онъ свой братъ, подождетъ.

Дюмонъ. А меня развѣ не считаете своимъ? Вѣрьте, полковникъ, что вы хотя иногда жестконько побраниваете, но я за то не менѣе преданъ вамъ и готовъ...

Князь Вадбольскій. Доказать? Ты ужь доказалъ, другъ, лучше словъ. Помнишь, Никита Иванычъ, подъ Эррастферомъ?

Полуектовъ. Какъ не помнить! Мы не въ плѣну, въ станѣ русскомъ. Этимъ обязаны нашему храброму товарищу.

Дюмонъ. Стоитъ ли объ этомъ говорить? Кто въ войскѣ нашемъ не сдѣлалъ бы того-же? Но, господа, вы просили меня о пѣсенкѣ..

Князь Вадбольскій. Нѣтъ, братецъ, ты меня за живое задѣлъ. Теперь не взыщи, дай мнѣ спѣть свою пѣсенку; твоя будетъ впереди. Мы, русскіе,

простачки: сдѣлай-ка намъ добро, умѣемъ чувствовать его, хоть не умѣемъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ. Фонъ-Верденъ, ты еще не слыхалъ этой *гисторіи*?

Фонъ-Верденъ *(кашляя)*. Нѣтъ еще, высокоблагородный каспадинъ полковникъ!

Князь Вадбольскій. Въ этихъ высокоблагородіяхъ чортъ ногу переломитъ. Иной бы и сказалъ: высокій такой-то, а сердце наперекоръ твердитъ низкородный и даже уродный. Ой, ой, вы, нѣмцы! все любите чинами титуловаться. По нашему: *братецъ!* оно какъ-то и чище и короче. Послушайте же меня, господинъ полковникъ фонъ-Верденъ: для васъ эта *гисторія* будетъ любопытна. Вѣдь вы подъ Эррастферомъ не были?

Фонъ-Верденъ *(потирая себѣ руки)*. Не имѣлъ чести.

Князь Вадбольскій. Мы, благодаря Господа и небесныя силы, сподобились этой чести *(крестится)*. Да будетъ первый день нынѣшняго года благословенъ отъ внуковъ и правнуковъ нашихъ! Взыграло отъ него сердце и у батюшки нашего Петра Алексѣевича. И какъ не взыграть сердцу русскому? Въ первый еще разъ тогда наложили мы медвѣжью лапу на шведа, въ первый разъ почесали ему затылокъ такъ, что онъ до сей поры не опомнится. — Вотъ видишь, какъ дѣло происходило, сколько я его видѣлъ. Когда обрѣли мы непріятеля у деревушки въ боевомъ порядкѣ...

Фонъ-Верденъ *(обращаясь къ Карпову съ видомъ недоумѣнія и язвительной усмѣшкой)*. Баевой парятокъ? Кашится, этого терминъ нѣтъ...

Карповъ. По вашему это значитъ въ ордерѣ де баталіи.

Князь Вадбольскій. Охъ, батюшка, Петръ Алексѣевичъ, однимъ ты согрѣшилъ, что нашъ языкъ и наружность обасурманилъ: нарядилъ ты оба въ ка-

кіе-то алонжевые парики. Ну, да за то, что просвѣщаешь наши умы, за твои великія дѣла Богъ тебя проститъ! Буди же по твоему. фонъ-Верденъ! Слушай же мой *дискурсъ*. Когда обрѣли мы непріятеля въ *ордерѣ де баталіи* и увидѣли, что *регименты* его шли въ такой *алліенціи*, какъ на *муштрѣ*, правду сказать, сердце екнуло не разъ у меня въ груди; но, призвавъ на помощь святую Троицу и Божію Матерь Казанскую, вступили мы безъ дальнихъ *комплиментовъ* съ непріятелемъ въ рукопашный бой. Войско наше, яко не *практикованное*, къ тому жь и пушки наши не приспѣли, скоро въ *конфузію* пришло и *ретироваться* стало. *Викторія* шведамъ *формально фа-во-ри-зи-ро-ва-ла*. Желая съ Полуектовымъ *персонально* сдѣлать *диверсію* важной *консеквенціи* и надѣясь, что она будетъ имѣть добрый *сукцесъ*, рѣшились мы съ нимъ въ *конфиденціи: въ принципій* атаковать... Уфъ, родные, окатите меня водою! Мочи нѣтъ! не выдержу, воля ваша! Понимай меня или не понимай, фонъ-Верденъ, а я буду говорить на своемъ родномъ языкѣ. Вотъ видишь, насъ съ Полуектовымъ нелегкая понесла прямо на тычины, которыми окружена была мыза; мы хотѣли спѣшить своихъ и по-русски махнуть черезъ заборъ. Не тутъ-то было! Шведскія дуры изъ-за него плюнули въ насъ такъ, что мой воронокъ—славный конь былъ, покойникъ, честно и палъ! — свернулся на бокъ и меня порядочно придавилъ. Никитѣ не было легче, какъ онъ сказывалъ послѣ. Одинъ окаянный шведъ собирался уже потрошить меня, а другой сдиралъ съ шеи вотъ этотъ серебряный крестъ съ ладонкою, подаренный мнѣ бабушкой и крестною матерью Анѳисою Патрикѣевною,—дай Богъ ей царство небесное! «Вражья сила тебя никогда не одолѣетъ, пока будешь носить его!» — сказала она, благословляя меня этимъ крестомъ. Я вспомнилъ слова

ея, и только-что успѣлъ скусить палецъ разбойнику-шведу, такъ что и крестъ выпалъ у него изъ рукъ, вдругъ зазвенѣлъ надо мною знакомый голосъ: «Сюда, сюда, дѣтушки! спасайте князя Вадбольскаго, спасайте Полуектова!» Окаянные отскочили отъ меня... слышу фитъ! фитъ! чикъ! чикъ! хлопъ!... Вслѣдъ за этимъ назади изъ нашихъ пушекъ попукивать стали. Узналъ родныхъ по языку ихъ: вѣдь онѣ, братцы, вылиты изъ колоколовъ московскихъ! Вмѣсто шведовъ явились передо мною два дюжихъ драгуна Дюмонова полка, вытащили меня изъ-подъ мертвой лошади и посадили на шведскаго коня. Злодѣй, хоть и скотина, врѣзалъ меня въ бусурманскій полкъ, но тутъ осѣнили меня знамена русскія. Наши гнали, шведъ бѣжалъ. Палашъ мой на себя охулки не положилъ. Въ тотъ же день, подъ сѣнью этихъ святыхъ знаменъ, отслужили мы благодарственный молебенъ Спасу Милостивому и Пречистой Его Матери за первую славную побѣду, дарованную намъ надъ шведами, и опричь того, за избавленіе меня отъ позорнаго плѣна. Вотъ нашъ съ Полуектовымъ избавитель! *(Указываетъ на Дюмона).*

Дюмонъ. Не для васъ, господа, а для чести моей я спѣшилъ васъ выручить.

Князь Вадбольскій. Что у тебя было на душѣ, пріятель, мы не знаемъ и не хотимъ знать. Чужая душа потемки. Богъ одинъ Провидецъ и Судья ея. Человѣкъ же долженъ судить ближняго по дѣламъ его, а не по догадкамъ своего уразумѣнія, часто кривого, и сердца, нерѣдко ненавистнаго. Добро называю добромъ и не разбираю, почему и какъ оно сдѣлано. Такъ и мы съ Полуектовымъ вѣдаемъ, что мы, по милости твоей, остались живы да здоровы, и не охаемъ въ штокгольмской тюрьмѣ, гдѣ не нашему чета братья донынѣ томятся медленною смертію, гдѣ ржа цѣпей грызетъ ихъ кости.

Дюмонъ. За избавленіе ваше скажите спасибо еще вотъ этой живой куклѣ. *(Онъ показалъ на дремлющаго Мурзенко).*

Полуектовъ. Ему-жъ за что?

Дюмонъ. Не его-ли благодарилъ фельдмаршалъ за спасеніе нашего отряда артиллеріею, которую онъ вывелъ кратчайшею дорогой изъ снѣговъ? Не за этотъ ли подвигъ онъ пожалованъ въ полковники?

Карповъ. Правду сказать, если бы не приспѣла въ добрый часъ наша артиллерія, насъ всѣхъ положили бы лоскомъ на мѣстѣ.

Мурзенко *(зѣвая)*. Аги, ага! Твоя про меня говоритъ? Нѣтъ, полковникъ, моя не знала дорогъ, а у моя была проводникъ хорошъ. Спроси Юрій Степановичъ: его шла тогда съ пушкою.

Лима. Правда. Еслибъ не вожатый, о которомъ говоритъ мурза, то Богъ знаетъ, что съ нами бы случилось. Вотъ какъ было дѣло: чуть брезжилось передъ разсвѣтомъ. Господинъ фельдмаршалъ подвигался съ отрядомъ нашимъ къ Эррастферу; но, услышавъ, что въ авангардѣ начиналъ завязываться бой, поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ мурзою привести, какъ можно поспѣшнѣе, на мѣсто сраженія артиллерію, которая за снѣгомъ и нагорными дорогами отстала отъ головы войска; самъ же, отдѣливъ отъ насъ почти всю кавалерію, кромѣ полка моего и татаръ, поскакалъ съ нею впередъ. Фельдмаршалъ будто унесъ съ собою хорошую погоду. Едва потеряли мы его изъ виду, какъ небо застлала огромная туча, сначала запорошилъ снѣжокъ, но, вдругъ усилившись, посыпалъ рѣшетомъ. Съ этимъ поднялся вѣтерокъ и завертѣла метелица. Дорогу начало заметать и скоро совсѣмъ заткало. Кромѣ снѣговой сѣти, ничего не было видно. Лица солдатъ примѣтно измѣнились: они вспомнили о снѣгѣ, ослѣпившемъ ихъ подъ Нарвою. Къ несчастію нашему, проводникъ, ла-

тышъ, добытый мурзой, сбился съ дороги. Въ отчаяніи онъ сталъ метаться въ разныя стороны и, наконецъ, измученный, палъ на снѣгъ. Кровь хлынула у него изо рта и ушей. Я подъѣхалъ къ нему — онъ былъ уже мертвый, одна минута—и надъ нимъ возвышался только снѣжный бугоръ. Пораженные этимъ зрѣлищемъ, солдаты остановились: казалось, холодъ его смерти перешелъ въ нихъ. Что до меня, признаюсь, не помню, чтобы я когда-либо испыталъ подобную муку. Не за жизнь, а за честь свою я опасался. Отрядъ былъ порученъ мнѣ. Съ морозомъ, думалъ я, русскій солдатъ совладѣетъ; но я могъ не поспѣть въ цѣло: со мною была главная сила русскаго войска, артиллерія... судите о послѣдствіяхъ. Несчастіе мое причли бы къ измѣнѣ: я иностранецъ...

Карповъ и Кропотовъ. Мы давно это забыли, Юрій Степановичъ!

Полуектовъ. Давно уже ты братъ нашъ и службою и сердцемъ.

Князь Вадбольскій. Ты только по нашему не крестишься.

Лима. Благодарю за дружбу вашу; увѣренъ въ вашемъ хорошемъ мнѣніи обо мнѣ; но вы... не цѣлое войско русское. Была у меня тутъ мысль другая. Русскіе уже извѣдали силу свою; извѣдали, что побѣждать могутъ и должны, потому всякую неудачу, всякое несчастіе причтутъ измѣнѣ. Начальникъ русскаго войска изъ иностранцевъ, сверхъ качествъ, требуемыхъ отъ него, какъ отъ полководца, долженъ еще быть счастливъ. Одна неудача — и онъ пропалъ въ общемъ мнѣніи. Боже, не дай мнѣ дожить до подобнаго опыта. Мысль, что меня почтутъ предателемъ, мучила меня болѣе казни. Время было дорого, друзья мои! Я рѣшился идти прямо въ ту сторону, откуда слышна была пальба, все усиливавшаяся. Мы поворотили уже

влѣво цѣликомъ и радовались, что колеса шли легче по ледяному черепу, принятому нами за дорогу, какъ вдругъ, сквозь сѣющій снѣгъ, увидѣли быстро двигавшуюся фигуру. — Стой! — гаркнула она по-русски и стала передо мною и мурзой. Здѣсь могъ я разглядѣть, что это былъ мужчина высокаго роста, въ короткомъ плащѣ изъ оленьей кожи, въ высокой шапкѣ, на лыжахъ, съ шестомъ въ рукѣ.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ я его, не зная, чему приписать необыкновенное появленіе этого человѣка.

— Оврагъ — и смерть! — произнесъ онъ глухо, ухватилъ мою лошадь за узду, осадилъ ее, сдѣлалъ шага два впередъ, сталъ на одно колѣно, далъ знакъ казаку, чтобы онъ подержалъ его за конецъ плаща, и могучею рукою разворотилъ шестомъ бугорки, что стояли передъ нимъ. Боже мой! въ какой ужасъ я пришелъ, когда увидѣлъ, вмѣсто снѣжныхъ возвышеній, узенькій, но глубочайшій оврагъ, заросшій сверху рѣдкимъ кустарникомъ; густой снѣгъ застлалъ пропасть. Изъ глубины души благодарилъ я Бога за спасеніе наше; солдаты у окрайницы оврага крестились.

— Кто говоритъ у васъ по-нѣмецки? — спросилъ меня незнакомецъ на этомъ языкѣ.

— Я; но ты по-русски объясняешься, — отвѣчалъ я ему.

— Мало! Дѣло не въ томъ. Время не терпитъ. Ваши безъ артиллеріи пропали. За мною! Я проведу васъ, куда надобно,—сказалъ онъ по-нѣмецки и поворотилъ вправо.

Слова его, движенія возбуждали довѣріе. То, что онъ сдѣлалъ для насъ, не могъ сдѣлать недругъ. Я послѣдовалъ за своимъ избавителемъ и велѣлъ то же исполнять всему отряду. Вожатый не шелъ, а, казалось, летѣлъ на лыжахъ; шестомъ означалъ онъ намъ,

гдѣ снѣгъ былъ тверже, и оставлялъ по немъ рѣзкіе слѣды. Когда мы замедляли, онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ махалъ намъ рукою и указывалъ въ ту сторону, гдѣ слышна была пальба. Нѣжный сынъ съ не меньшимъ трогательнымъ участіемъ велъ бы врача къ одру болящаго родителя. Проѣхавъ саженъ двѣсти, мы почувствовали кое-гдѣ твердость битой дороги; здѣсь тронулись мы маленькою рысью. Между тѣмъ снѣгъ началъ рѣдѣть, скоро небо совсѣмъ очистилось, солнышко просіяло, просвѣтлѣли у всѣхъ и лица. Проѣхавъ еще съ версту, таинственный вожатый остановился и указалъ мнѣ рукою на чернѣющую толпу всадниковъ. Это были наши! *Наши!* закричалъ съ восторгомъ отрядъ. Я успѣлъ только, въ знакъ благодарности, кивнуть благодѣтелю и бросить ему кошелекъ съ деньгами. Мы понеслись на всѣхъ рысяхъ. Фельдмаршалъ ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ. Остальное вамъ извѣстно. Честь запрещала мнѣ принять на свой счетъ доставленіе ко времени артиллеріи: я указалъ на мурзу—и фельдмаршалъ благодарилъ его.

Мурзенко. Моя говорила фельдмаршалу: провожатая моя былъ хорошъ; его не слушала.

Карповъ. Съ того времени не видалъ-ли ты этого проводника?

Мурзенко. Просила моя Юрій Степановичъ отыскать его; не сыскала моя.

Лима. Да, я забылъ вамъ сказать, что спаситель нашъ остановилъ послѣдняго офицера въ арріергардѣ и, отдавая ему кошелекъ съ деньгами, брошенный мною, сказалъ худымъ русскимъ языкомъ: «полковникъ потерялъ деньги, отдай ихъ ему. Съ Богомъ!»— Съ этими словами онъ исчезъ.

Кропотовъ. Чудесный человѣкъ! По крайней мѣрѣ, узнаешь-ли ты его въ лицо, если съ нимъ встрѣтишься?

Лима. Врядъ; помню только, что онъ не старъ, черноволосъ, съ глазами пламенными, какъ нашъ югъ.

Мурзенко. Моя увидать его, тотчасъ узнать.

Князь Вадвольскій. Кабы отыскался онъ, не пожалѣлъ бы размѣняться съ нимъ побратски крестомъ, подареннымъ мнѣ бабушкою... те, те, те! я забылъ вѣдь, что онъ нѣмецъ и креста не носитъ. Ну просто назвалъ-бы я его другомъ и братомъ. Да куда-жъ онъ, чудакъ, дѣвался? И что за неволя была ему таскаться по снѣгу въ такую мятелицу? Что за охота пришла нѣмцу помогать русскимъ?... Тфу, пропасть! Чѣмъ болѣе ломаю себѣ голову надъ этимъ чудакомъ, тѣмъ болѣе въ головѣ путаницы (*творитъ крестное знаменіе*). Оставимъ его, но не забудемъ примолвить отъ благодарнаго сердца: *Дай Богъ ему того, чего онъ самъ себѣ желаетъ!* Теперь попросимъ пѣвца Дюмона разбить нашу дудмушку обѣщанною пѣснею.

Дюмонъ проигралъ на гитарѣ прелюдію и произнесъ съ чувствомъ, оброщаясь къ югу:—Вѣтеръ полуденный, вѣтеръ моей отчизны, Прованса, согрѣй грудь мою теплотою твоихъ долинъ и навѣй на уста мои запахъ твоихъ оливковыхъ рощъ!

Князь Вадвольскій (*поталкивая Карпова подъ бокъ*). Французъ безъ кудреватаго присловія не начнетъ дѣла.

Дюмонъ пропѣлъ очень искусно и пріятно романсъ, въ которомъ описывалась нѣжная любовь пажа короля Рене къ знатной, прекрасной дѣвицѣ,—пажа, милаго, умнаго стихотворца и музыканта, котораго въ часъ гибели его отечества возлюбленная его одушевила *словомъ любви* и послала сама на войну. Пажъ возвратился къ ней побѣдителемъ для того только, чтобы услышать отъ нея *другое слово любви* и—умереть.

Когда пѣвецъ кончилъ свой романсъ, иностранные офицеры въ восторгѣ захлопали въ ладоши. Русскіе

кричали: «славно! прекрасно!» И Кропотова языкъ машинально пролепеталъ одобреніе. Одинъ князь Вадбольскій примолвилъ:

— Прекрасно, братецъ, только жаль не на русскую стать. Для ушей-то пріятно, да не взыщи, сердца не шевелитъ. Это ужь не твоя вина: тутъ, знаешь, чего не достаетъ?—*родного!*

Дюмонъ. Очередь за вами, Глѣбовской; я заплатилъ дань моей Франціи...

Кропотовъ. Подай намъ голосъ, соловей моей родины, соловей московскій!

Карповъ. Слышишь-ли, любезный однополчанинъ?

Глѣбовской. Отговариваться не стану: я не красная дѣвица, которую ведутъ къ вѣнцу: сердцемъ полетѣла бы, какъ перышко, а глазами показываетъ, будто свинцовыя гири къ землѣ тянутъ. Извольте, буду пѣть, только съ тѣмъ, чтобъ Филя подладилъ мнѣ своею балалайкою.

Нѣсколько голосовъ. Что дѣло, то дѣло!

Филя. Какую же, ваше благородіе, прикажете? Надобно и намъ приготовиться. Вы видѣли, что Осипа Осиповича обдувалъ теплый, родной вѣтерокъ, обливало какое-то масло прованское *(Дюмонъ, смѣясь, погрозилъ ему пальцемъ)*. А намъ развѣ вспомнить свои снѣги бѣлые, мятели завивныя, или: какъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, подымалася погодушка, вѣтры вольные, разгульные, бушевали по степямъ, ковыль-трава, братцы, расколышилась; иль красавицу чернобровую, черноокую, какъ по сѣнницамъ павушкой, лебедушкой похаживаетъ, бѣлы рученьки ломаетъ, друга мила поминаетъ, а сердечный, милый другъ не отзовется, не откликнется: онъ сознался со иной подруженькой, съ пулей шведскою мушкетною, съ иной полюбовницей, съ смертью лютою; подъ частымъ ракитовымъ кустомъ на чужбинѣ онъ лежитъ,

вмѣсто савана пескомъ повитъ; не придутъ ни родна матушка, ни...

Кропотовъ. Полно, Филя, ты за душу тянешь, словно поминаешь меня.

Князь Вадбольскій. Эй, братъ Семенъ, не собирайся такъ скоро съ здѣшняго свѣта. Подожди немного: похоронимъ съ честью да со славою, только не здѣсь, не въ станѣ, а тамъ въ Лифляндахъ, на боевомъ полѣ. За царя и землю русскую сладко умереть и на чужбинѣ! Благодаря Вышняго, нашихъ убитыхъ въ сраженіи съ новаго года не топчетъ врагъ поганый, не клюетъ вранъ несытый; тѣла нашей братьи честно, по долгу христіанскому, предаются уже землѣ. Кто знаетъ, Семенъ Иванычъ? къ лифляндскимъ землянкамъ, гдѣ спятъ наши молодцы, гдѣ, можетъ статься, положатъ и наши грѣшныя кости, придутъ нѣкогда внуки: перекрестясь, помянутъ насъ не слезами!— нѣтъ, плакать бабье дѣло,—а словами радостными. «Здѣсь,—скажутъ они,—лежатъ такой-то и такой-то. Миръ праху ихъ! Память имъ вѣчная на землѣ! Они были неизмѣнные слуги государевы, вѣрные сыны очечества: въ царствованіе Петра Великаго положили здѣсь животъ свой. Русскіе—и мертвые, не хотѣли спать на землѣ чужой; они купили ее кровью своею для имени русскаго!» Повѣрь мнѣ, другъ, земля, въ которой мы ляжемъ съ тобою, будетъ наша и останется вѣчно *за нами*. Отдадимъ-ли мы иноплеменникамъ кладбище отцовъ нашихъ? Не отдадутъ и нашихъ могилъ на сторонѣ ливонской дѣти и внуки наши; положатъ и на нихъ камушки, и на нихъ поставятъ кресты русскіе.

Кропотовъ. Кто бы не захотѣлъ умереть подъ твое сладкое поминанье?

Лима. Грустно, можетъ быть, Семену Ивановичу смотрѣть на Лифлянды, сложивъ руки!

Полуектовъ. Дай-то Богъ намъ скорѣе походъ, да не прогульный.

Князь Вадбольскій. Скажутъ походъ, пойдемъ; не скажутъ, будемъ ждать. На смерть не просись, а отъ смерти не бѣги: это мой обычай! А что ни говори, братцы, хандра не русская, а заносная болѣзнь. Ты, бѣдокуръ, своимъ прованскимъ вѣтромъ не навелъ-ли ее къ намъ?

Дюмонъ *(смѣясь)*. Можетъ быть, виноватъ! Отдуй ее, Глѣбовской, русскою снѣговой непогодушкой.

Глѣбовской. Давно ждалъ я очереди своей, какъ солдатъ въ арріергардѣ. Ты, Осипъ Осиповичъ, спѣлъ намъ пѣсню о французскомъ пажѣ; теперь, соперникъ мой въ пѣсни и любви...

Дюмонъ. Соперникъ, всегда побѣждаемый въ томъ и другомъ.

Глѣбовской. Сказать противъ этого было бы что, да не время. Слушайте же, я спою вамъ пѣсню русскаго *Новика*.

Какъ электрическій ударъ, слово «Новикъ» поразило Кропотова: онъ вздрогнулъ и началъ озираться кругомъ, какъ бы спрашивая собесѣдниковъ: «Не читаете-ли чего преступнаго въ моихъ глазахъ?» Во весь слѣдующій разговоръ онъ безпрестанно измѣнялся въ лицѣ: то горѣлъ весь въ огнѣ, то былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Друзья его, приписывая его неспокойное состояніе болѣзни, изъ чувства состраданія, не обращали на перемѣну въ немъ большого вниманія.

Дюмонъ. Новикъ? Это слово я въ первый разъ слышу: оно звучитъ, однакожъ, хорошо. Чтожъ это за человѣкъ?

Глѣбовской. Вотъ это-то и хочу объяснить тебѣ и господамъ иностраннымъ офицерамъ. Донынѣ благополучно царствующаго великаго государя Петра Алексѣевича *дѣти боярскія* и изъ *недорослей дворянскихъ* на-

чинали службу при дворѣ или въ войскѣ въ званіи новика [1]).

Дюмонъ. По мнѣнію моему, имя это прекрасно означаетъ положеніе юноши, вступающаго въ придворную школу; онъ еще неопытенъ умомъ и сердцемъ, онъ въ полномъ невѣдѣніи искусства притворяться; обманывать и угождать,—новикъ равно въ свѣтѣ и во дворцѣ!

Глѣбовской. Когда новикъ поступалъ ко двору, должность его состояла въ томъ, чтобы прислуживать во внутреннихъ царскихъ палатахъ или присматриваться къ служенію высшихъ придворныхъ, *стряпчихъ* и *стольниковъ* [2]). Обыкновенно выбирали въ новики пригожихъ и смышленыхъ юношей. Еще при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ имя новика слышалось нерѣдко въ царскихъ чертогахъ и въ воинственныхъ рядахъ дворянъ московскихъ. Вы знаете, Софья Алексѣевна домогалась во что бы то ни стало вѣнца, и таки надѣла его, чтобы, однакожъ, вскорѣ сложить и вступить въ чинъ простой инокини. Вотъ она и хотѣла, когда удалось ей править государствомъ, имѣть при себѣ моловиднаго пажика, не въ счету стольниковъ чина царицы.

Дюмонъ. Un joli petit mignon? Не такъ-ли?

Глѣбовской. Точно! Любимецъ ея, князь Василій

---

[1]) См. «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ», Успенскаго, часть 2, стр. 34, 49 и 242; «Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго», т. III, стр. 240, 255, 276 и «*Древнюю Вивліоѳику*».

[2]) *Стряпчіе* такъ назывались потому, что они въ церемоніяхъ носили за государемъ *стряпню*; подъ этимъ именемъ разумѣли вообще государеву шапку, рукавицы, платокъ и посохъ; они же обували, одѣвали и чесали его. Достоинствомъ равнялись они съ нынѣшними камеръ-юнкерами.—Названіе *стольниковъ* произошло отъ стола государева, у котораго они имѣли достоинство нынѣшнихъ каммергеровъ, при царицахъ считались въ высшихъ чинахъ. Стольники не избавлялись отъ походныхъ службъ.

Васильевичъ Голицынъ, прозванный сначала народомъ *великимъ*, а нынѣ въ изгнаніи забытый и презрѣнный имъ—такъ скажу мимоходомъ, играетъ судьба баловнями своими!—любимецъ Софьи Алексѣевны отыскалъ ей въ должность пажа прекраснаго мальчика, сына умершаго бѣднаго боярина московскаго. Онъ былъ круглый сирота, не зналъ отца своего и матери, не помнилъ ни роду, ни племени. Говорили, что какая-то женщина, еще прелестная, несмотря что лѣта и грусть помрачали черты ея лица, приходила иногда тайкомъ въ домъ князя Василія Васильевича, гдѣ дитя прежде живало, а потомъ въ терема царскіе, цѣловала его въ глаза и въ уста, плакала надъ нимъ, но не называла его ни своимъ сыномъ, ни роднымъ. «О чемъ плачетъ эта пригожая, добрая женщина?» спрашивалъ Новикъ, и самъ послѣ такого свиданія становился грустенъ. Софія полюбила его и—какъ говорятъ русскіе въ избыткѣ простого краснорѣчія — души въ немъ не слышала; сначала назвала его милымъ пажомъ своимъ, но потомъ видя, что зоркіе попечители Петра смотрѣли съ неудовольствіемъ на эту новость, какъ на нѣкоторое хитрое похищеніе царской власти, съ прискорбіемъ вынуждена была переименовать своего маленькаго любимца въ новика. Желая, однакожъ, отличить его отъ другихъ дѣтей боярскихъ, носившихъ это званіе, изъ-подъ руки запретила имъ такъ называться.— «Онъ долженъ быть единственнымъ и *послѣднимъ* новикомъ въ русскомъ царствѣ. Я на этомъ настою», говорила она—и выполнила свое слово. За нею всѣ, отъ боярина до привратника, называли его *послѣднимъ новикомъ*. Имя это затвердили и за пригожимъ сиротою удержали; объ отеческомъ прозвищѣ его не смѣли спрашивать, или по обстоятельствамъ умалчивали. Дитя это не по лѣтамъ было умно, не по лѣтамъ гордо. Нерѣдко встрѣчаясь съ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, ко-

тораго годомъ или двумя былъ старше, измѣрялъ онъ его величаво черными, быстрыми глазами своими. Петръ Алексѣевичъ, рожденный повелѣвать, и въ дѣтствѣ былъ уже царь. Онъ не могъ стерпѣть дерзкаго осмотра любимца сестры, и разъ, заспоривъ съ нимъ, ударилъ его въ щеку сильною ручкой, а тотъ хотѣлъ отплатить тѣмъ же. Софья поспѣшила встать между ними и съ трудомъ вывела своего любимца изъ покоя. Но чтобы подобныя встрѣчи не могли имѣть худыхъ для него послѣдствій, она удалила его за тридцать верстъ отъ Москвы, въ село Софьино, гдѣ имѣла на высокомъ и пріятномъ берегу Москвы-рѣки теремъ и куда пріѣзжала иногда наслаждаться хорошими весенними и лѣтними днями. Тамъ поручила она его другу Милославскихъ и князей Хованскихъ, человѣку ученому, но злобному и лукавому, какъ самъ сатана—прости, Господи! — надѣлавшему отечеству нашему много бѣдъ. Имя его... не хочу его выговаривать: такъ оно гнусно! Всѣ жалѣли, что попалъ въ такія руки юноша, котораго пылкую душу, быстрый разумъ и чувствительное сердце можно было еще направить къ добру. И въ самомъ дѣлѣ, лучшія качества его отравлены этимъ василискомъ. Новикъ восемнадцати лѣтъ погибъ на плахѣ въ третьемъ стрѣлецкомъ бунтѣ; и сбылось слово Софьи Алексѣевны: онъ былъ *послѣдній!*..

Кропотовъ, доселѣ закрывавшій глаза рукою, которою облокачивался на колѣно, вдругъ зарыдалъ, всталъ поспѣшно и выбѣжалъ изъ замка.

Вадбольскій *(посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ)*. Что сдѣлалось съ нашимъ братомъ Семеномъ? Бѣдный! я боюсь за его головушку.

Полуектовъ. Ему неможется; на него нашелъ недобрый часъ; это не въ первой... я чаще съ нимъ... я это видывалъ. Пускай его размычетъ по стану кручину свою.

Филя, бренча на балалайкѣ, запѣлъ на печальный голосъ:

У залетнаго яснаго сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Право крылышко, правильно перышко...

Потомъ, вдругъ перемѣнивъ заунывный голосъ на веселый и живой, продолжалъ пѣть:

Еще что-же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повѣсили свои буйныя головы,
Что потупили ясны очи во сыру-землю?...

Дюмонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вы повѣсили головы свои, какъ будто на похороны друга собираетесь? Глѣбовской, волей-неволей доканчивай свой разсказъ.

Глѣбовской. Слова два-три, и я кончу его.— Говорили, что прекрасная женщина, прежде тайкомъ посѣщавшая Новика, собрала его растерзанные члены и похоронила ихъ ночью. Вотъ вамъ, Осипъ Осиповичъ, повѣсть вмѣсто предисловія къ моей пѣснѣ. Надобно еще прибавить, что Новикъ имѣлъ, сказать по вашему, необыкновенный даръ къ музыкѣ и поэзіи; по нашему, онъ былъ мастеръ складывалъ пѣсни и прибирать къ нимъ голоса. Пѣсни его скоро выучивались памятью и сердцемъ, пѣвались царскими сѣнными дѣвушками и въ сельскихъ хороводахъ. Еще и нынѣ въ Софьинѣ и Коломенскомъ слывутъ онѣ любимыми и, вѣроятно, долго еще будутъ нравиться. Ту, которую я вамъ буду пѣть, любила особенно Софья Алексѣевна. Говорятъ, она плакала, слушая ее, отъ предчувствія ли потери своего любимца, или отъ другой причины... — Филя! ну-ка заунывную: *Сладко пѣлъ душа...*

Филя. *Душа-соловушко?* Какъ не знать ее, ваше благородіе! Она въ старинные годы была въ большой чести. Красная дѣвка шла на нее вереницею, какъ рыба на окормку. Извольте начинать, а мы подладимъ вамъ.

Филя играетъ на балалайкѣ, Глѣбовской поетъ:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ:
Слаще не было одной.
Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разстался бы ввѣкъ съ ней.
Вдругъ...

Въ это время затрубили сборъ у фельдмаршальской ставки.

Фонъ-Верденъ. Тс! слышите, каспада? Трубушка поетъ намъ свою пѣсню.

Нѣсколько голосовъ *(съ неудовольствіемъ)*. Слышимъ, слышимъ! Смотри, Глѣбовской, за тобою долгъ намъ всѣмъ—всѣмъ! Долгъ платежемъ красенъ.

Всѣ бросились съ своихъ мѣстъ: кто за мундиръ, кто за парикъ, кто за палашъ и такъ далѣе. Минуты въ три замокъ опустѣлъ, и тамъ, гдѣ кипѣла живая бесѣда, пѣсни и музыка, стало только слышно шурканье оловянныхъ ложекъ, которыми, очищая сковороду отъ остатковъ жареной почки съ лукомъ, работали Филя и широкоплечій, въ засаленной рубашкѣ, драгунъ. Изрѣдка примѣшивалось къ этому шурканью робкое чоканье чаръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВѢТЪ

Тальботъ.

И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу!

Герцогъ.

Подумайте.

Ліонелъ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? минуты драгоцѣнны!
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь!

Герцогъ.

Такъ рѣшено! и завтра мы сразимся!

„Орлеанск. Дѣва". *Перев. Жуковскаго.*

Въ переднемъ отдѣленіи обширной ставки, съ полумѣсяцемъ наверху, раздѣленной поперекъ на двѣ половины, сидѣлъ въ деревянныхъ складныхъ креслахъ, какія видимъ еще нынѣ въ домахъ нашихъ зажиточныхъ крестьянъ, или въ такъ называемыхъ англійскихъ садахъ, мужчина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, сильно сложенный. Онъ былъ въ лосинномъ, поверхъ мундира, колетѣ, разстегнутомъ отъ жару нараспашку; на груди висѣлъ мальтійскій командорскій крестъ. Нижняя одежда его свидѣтельствовала о наблюденіи формы до того, что и широкіе раструбы прикрѣплены были къ штиблетамъ. Каштановые съ сѣдиною волосы,

причесанные назадъ, открывали, такимъ образомъ, возвышенное чело, на которомъ сидѣла заботливая дума; изъ-подъ густого подбородка едва выказывался тончайшаго батиста галстухъ, искусно сложенный; пышныя манжеты выглядывали изъ рукава мундира, покрывая кисть руки почти до половины пальцевъ. Величавыя черты лица, орлиный, хотя нѣсколько поникшій взглядъ, важная наружность и движенія,— все показывало въ немъ человѣка, привыкшаго повелѣвать. Облокотясь на столъ, подлѣ него стоявшій, онъ былъ углубленъ въ разсматриваніе большого листа бумаги, разложеннаго по столу. Въ почтительномъ отдаленіи стоялъ молодой офицеръ въ полномъ мундирѣ со шляпою въ рукѣ. Сходство лицъ заставляло догадываться о ближайшемъ ихъ родствѣ. Взгляды и всѣ движенія молодого человѣка показывали, что сынъ, воспитанный въ патріархальныхъ русскихъ нравахъ, стоитъ передъ отцомъ и начальникомъ.

Русское великолѣпіе, вмѣстѣ съ азіатскимъ, окружало ихъ. Снаружи надъ ставкою господствовалъ блестящій полумѣсяцъ. Внутри верхъ и полотно ея были изукрашены разноцвѣтными узорами, звѣздами, драконами и птицами въ какомъ-то безвкусномъ смѣшеніи. Съ правой стороны, въ углубленіи передняго отдѣленія, подняты были края двухъ персидскихъ ковровъ для входа въ маленькій покой, обтянутый кругомъ такими же коврами, въ которомъ свѣтъ со мракомъ спорилъ. Это была *опочивальня*. Черезъ отверстіе виденъ былъ въ углу огонекъ, теплившійся въ серебряной лампадѣ передъ иконою Сергія Чудотворца [1]).

---

[1]) Образъ этотъ, писанный на гробовой доскѣ преподобнаго, взятъ былъ изъ Троицкаго монастыря и обносимъ во всѣхъ походахъ шведской войны. — См. «*Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры*».

Къ этой иконѣ прислоненъ былъ образъ Спасителя, какъ жаръ горѣвшій отъ драгоцѣнныхъ камней, его осыпавшихъ. Это первое и святое богатство русскихъ, залогъ ихъ здравія и счастія, стояло на столикѣ, накрытомъ бѣлой камчатной салфеткой. Невѣрный, едва мерцающій свѣтъ отъ лампады, падая на темный ликъ святого, исполнялъ невольнымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ всякаго, кто проникалъ взорами въ это упокойце. На краю стола лежала книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, довольно истертомъ и закапанномъ по мѣстамъ воскомъ: это была псалтирь. Въ лѣвомъ углу, на кровати, грубо сколоченной изъ простого дерева, лежало штофное зеленое одѣяло, углами стеганное, изъ-подъ котораго выбивался клочекъ сѣна, какъ бы для того, чтобъ показать богатство и простоту этого ложа. Отъ входа въ ставку, по лѣвой сторонѣ главнаго передняго отдѣленія, развѣшаны были на стальныхъ крючкахъ драгоцѣнные кинжалы, мушкеты, карабины, пистолеты и сабли; по правую сторону висѣли: богато убранное турецкое сѣдло съ тяжелыми стременами, такой же конскій приборъ, барсовый чепракъ съ двумя половинками медвѣжьей головы и золотыми лапами и серебряный рогъ. Передъ сѣдломъ, отступя отъ полотна ставки, на стальномъ *кляпышкѣ*, обвитомъ золотой проволокой и прикрѣпленномъ къ невысокому шесту, сидѣлъ соколъ, накрытый пунцовымъ бархатнымъ клобукомъ; онъ безпрестанно гремѣлъ привѣшеннымъ къ шеѣ бубенчикомъ, щипля серебряную цѣпочку, за которую былъ привязанъ. Кругомъ его разсыпаны были перья, остатки отъ бѣдной жертвы, еще недавно имъ растерзанной. Подъ столомъ, на богатомъ персидскомъ коврѣ, лежала огромная, буропѣгая датская собака, положивъ голову къ ногамъ своего господина.

Сидѣвшій въ креслахъ, услышавъ стукъ хвоста ея

по землѣ, сказалъ улыбаясь: «А! вѣрно кто-нибудь изъ домашнихъ?» Едва онъ это выговорилъ, послышался шорохъ у входа въ ставку, и знакомый нашъ крошка-генералъ, со всею дипломатическою важностію и точностію военной дисциплины, держа щипкомъ лѣвой руки шляпу, а въ правой—большой свертокъ бумагъ, который, подобно свинцу, тянулъ ее, мѣрными шагами приблизился къ нему, наклонилъ почтительно голову и, подавая свертокъ, произнесъ:

— Высокоповелительному, высокомощному господину генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, боярину Борису Петровичу Шереметеву, честь имѣетъ рапортовать всенижайшій рабъ его Якушка, по прозванію Голіафъ, что онъ имѣлъ счастіе выполнить его приказъ, вслѣдствіе чего имѣетъ благополучіе повергнуть къ стопамъ высоко... вы... высоконожнымъ всепокорнѣйше представляемыя при семъ бумаги, которыя вышереченному господину фельдмаршалу, и прочее и прочее (имя и званіе персоны рекъ), объяснятъ лучше...

— Лучше и короче! — прервалъ карлу фельдмаршалъ, взялъ у него свертокъ, не показывая большого нетерпѣнія, и прочтя адресъ, закричалъ стоявшему въ отдаленіи молодому офицеру.

— Михайла! попроси ко мнѣ господина генералъ-кригскоммисара.

— Слушаю, сударь-батюшка! — отвѣчалъ молодой человѣкъ и поспѣшилъ выполнить данное ему приказаніе.

По выходѣ его, фельдмаршалъ всталъ съ креселъ, медленно пошелъ въ опочивальню свою, пробылъ тамъ недолго и, возвратившись, сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

— Самсонычъ!—сказалъ онъ ласково, вынувъ два червонца изъ небольшого свертка, который онъ съ собою принесъ, и бросивъ ихъ въ шляпу маленькому

посланнику,—ты привезъ намъ что-то тяжелое, можетъ быть, и доброе: спасибо!

— Экъ ты мнѣ плюнулъ въ шляпу, Боринька!—вскричалъ карла, разсматривая подарокъ,—годится на подметки! Но смотри, уговоръ лучше денегъ: когда ничего добраго не найдешь въ этихъ грамоткахъ, такъ возьми свое золото назадъ. Самъ батюшка нашъ, свѣтлыя очи, Петръ Алексѣевичъ, *по приказу Божію къ прадѣду Адаму, въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой*, да и намъ велѣлъ кушать его не даромъ. Помнишь — вѣдь это было при тебѣ — когда онъ выковалъ на заводѣ подъ Калугой 18 пудовъ желѣза своими царскими руками, а заводчикъ-то Миллеръ хотѣлъ подслужиться ему — дескать онъ такой царь, какихъ видывалъ я много!—и отсчиталъ ему за работу 18 желтопузиковъ, что ты пожаловалъ теперь: чтожъ нашъ государь-батюшка!—грозно посмотрѣлъ на него и взялъ только, что ему слѣдовало наравнѣ съ другими рабочими—18 алтынъ, да и то на башмаки, которые, видѣлъ ты, были у него тогда худеньки, какъ у меня теперь.

— Правда, но я плачу тебѣ по цѣнѣ твоихъ заслугъ; ты свое дѣло сдѣлалъ: зачѣмъ посланъ, то привезъ, а за то, что въ бумагахъ, не отвѣчаешь.

— Заслужилъ-то я не одинъ.

— Что дѣло, то дѣло! Я было забылъ объ Ильзѣ: отдай ей это на новую повязку и скажи отъ меня *спасибо!*—Борисъ Петровичъ, произнеся это, бросилъ карлу въ шляпу нѣсколько червонныхъ и, послышавъ опять стукъ отъ хвоста и легкое ворчанье собаки, спѣшилъ надѣть на себя пышный парикъ. Карла-дипломатъ догадался, что онъ будетъ лишній при новомъ гостѣ и, не дожидаясь приказа своего повелителя, непримѣтно скрылся изъ ставки.

— Добро пожаловать, господинъ оберъ-кригскоммисаръ! — произнесъ важно и ласково фельдмаршалъ,

обратившись къ вошедшему съ сыномъ его, махнулъ рукою послѣднему, чтобъ онъ удалился, а гостю показалъ другое мѣсто на складныхъ креслахъ, неподалеку отъ себя и подлѣ стола.

— Вѣсти отъ вашего пріятеля! Адресъ на ваше имя, — продолжалъ онъ, подавая Паткулю свертокъ бумагъ, полученный чрезъ маленькаго вѣстника.

— Тайны я отъ васъ не имѣю, господинъ фельдмаршалъ!—возразилъ Паткуль, садясь въ кресла, развернулъ свертокъ и, не бросивъ даже взгляда на бумаги, подалъ ихъ Борису Петровичу, — извольте читать сами.

— За *аттенцію* благодарю!—Посмотримъ, что такое,—говорилъ съ важностью русскій военачальникъ, во всемъ чрезвычайно осторожный, хладнокровный и разборчивый, прочитывая бумаги про себя по нѣскольку разъ, съ остановкою, во время которой онъ задумывался, и потомъ отдавая ихъ одну за другою своему собесѣднику. Между тѣмъ въ глазахъ послѣдняго видимо разыгрывалось нетерпѣніе пылкой души. — Посмотримъ, что такое! — Списокъ полкамъ, расположеннымъ на квартирахъ и на *заставахъ*... Вотъ это я люблю! Какая *аккуратность!* какая *пунктуальность!*— Число людей въ *регментахъ*... имена ихъ *командировъ* и даже *компаніонсъ-офицеровъ*... даже свойства нѣкоторыхъ! Право, das ist ein Schätzchen! А кто это составлялъ, господинъ генералъ-кригскоммисаръ?

— Шведъ, о которомъ я имѣлъ уже честь вамъ говорить, и который, вѣроятно, передалъ эти бумаги вашему посланному.

Фельдмаршалъ задумался; потомъ, перемѣнивъ шутливый тонъ на важный сказалъ,—шведъ?.. Извѣдали-ль вы его хорошенько?

— Какъ самого себя. Настало время и вамъ его узнать: испытаніе передъ вами.

— Помните, любезнѣйшій мой господинъ Паткуль, что мы должны дѣлать этотъ *экзаменъ* арміею, мнѣ ввѣренною, арміею, которой вы также со мною хранитель.

— Никогда этого не забываю.

— Извините, спрошу опять: изслѣдовали-ли вы, не кроется-ли тутъ обмана, предательства?

— Послѣ сказаннаго мною, другому-бъ я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, но, зная васъ, присовокуплю, что честь моя порукой за справедливость и вѣрность этихъ бумагъ.

— И все это составилъ *онъ* одинъ? Какъ могъ одинъ человѣкъ получить такія полныя, огромныя свѣдѣнія?

— Онъ имѣлъ вѣрнаго, смышленаго помощника.

— Кто это такой?

— Конюхъ баронессы Зегевольдъ и временный коновалъ въ шведскомъ рейтарскомъ полку.

— Ein Kutscher? Вы шутите.

— Я никогда еще не смѣлъ этого дѣлать съ вами, господинъ фельдмаршалъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависитъ ваше и мое доброе имя, благосостояніе и слава государя, которому мы оба служимъ. Кому лучше знать, какъ не главнокомандующему арміею, какими мелкими средствами можно во время и въ пору произвести великія дѣла?

— Правда! Но можно-ли положиться на вѣрность свѣдѣній, доставляемыхъ конюхомъ вашему пріятелю?

— Опять скажу, какъ на меня!

— Диковинное дѣло! Wahrhaftig wunderbar! Вы имѣете особенный даръ употреблять людей по ихъ способностямъ. У васъ конюхъ, еще и не вашъ, дѣлаетъ то, что я не смѣлъ бы поручить иному командиру...

— Этотъ человѣкъ, низкій званіемъ, но высокій душевными качествами, старый служитель отца моего,

дядька мой, мнѣ преданный, готовый жертвовать для меня своею жизнью, благороденъ, какъ лезвее шпаги, лукавъ, какъ сатана.

— И онъ рѣшился изъ преданности къ *персонѣ* вашей идти въ услуженіе къ женщинѣ *амбиціонной*, сумасбродной—какъ слышно, врагу вашему. Bei Gott, *неординарныя* высокія чувства! Сердце и способности ума *безприкладныя!* И въ такомъ званіи!

— Въ нашъ вѣкъ великія способности ума и въ низкомъ званіи не диковина. Вы имѣете много ближайшихъ тому примѣровъ: вы знаете, кто былъ тотъ, кого называетъ государь *своимъ* Алексашею, *дитею своего сердца*, чьи заслуги вы сами признали; другой любимецъ государевъ, Шафировъ — сидѣлецъ; отличный офицеръ въ вашей арміи, Боуръ —лифляндскій крестьянинъ.

— Um Erlaubniss, люди, о которыхъ вы говорите, каждый изъ нихъ достойный, болѣе или менѣе, *аттенціи* и любви царскаго величества, съ юныхъ лѣтъ выведены прозорливостію его на степень, ими заслуженную. Они успѣли уже напитаться его духомъ и перевоспитать себя; дѣйствуютъ теперь изъ *амбиціи*, изъ награды, изъ славы! По вашъ... какъ вы его называете?

— Фрицъ Трейманъ.

— Фрицъ, заслуживающій свое прозваніе, изъ какихъ наградъ дѣйствуетъ?

— Изъ одной преданности ко мнѣ.

— Вотъ это-то и заслуживаетъ удивленія въ *нашъ вѣкъ!* Но... посмотримъ, что скажетъ намъ этотъ лоскутокъ бумаги. (Читаетъ вполголоса на нѣмецкомъ языкѣ, дѣлая повременамъ свои замѣчанія на русскомъ). «Генералъ Шлиппенбахъ, видя, что русское войско, хотя и многочисленное и безпрестанно обучаемое, не оказываетъ съ 1-го января никакого движенія на Лиф-

ляндію, и почитая это знакомъ робости, перешедшей въ него отъ главнаго полководца...»—Главнаго полководца! Посмотримъ, увидимъ! Духъ начальника переходитъ, конечно, въ подчиненныхъ: по немъ выстраиваются они. Далѣе что? — «...рѣшился этимъ состояніемъ русскаго войска воспользоваться: распускаетъ слухи, что изнеможеніе и нарвскій страхъ господствуютъ въ немъ...» Страхъ? Это ужъ слишкомъ много, любезный мой противникъ, да еще крестничекъ Эррастферскій! Правда, мы тамъ только-что отшлифовали свои шпаги; теперь не взыщите, сами напросились, господинъ скандинавскій рыцарь: мы помѣняемся перчатками на славу или стыдъ. Чтобы стрѣла, которую вы мнѣ посылаете, не отскочила назадъ!... (Краткое молчаніе). Страхъ!... Я вчера собиралъ господъ начальниковъ полковъ, и они засвидѣтельствовали, что въ войскѣ, мнѣ ввѣренномъ, господствуетъ только духъ нетерпѣнія, что всѣ, отъ командира до солдата, горятъ сразиться съ непріятелемъ. Вы сами можете засвидѣтельствовать...

— Скажите походъ, господинъ фельдмаршалъ, и все, что носитъ званіе воина въ станѣ русскомъ, почтетъ этотъ приказъ наградою царскою, милостью Бога. Имъ наскучило стоять въ бездѣйствіи: они извѣдали уже сладость побѣды.

— Осторожность мою они называютъ...

— Тѣмъ, чѣмъ ее почтетъ всякій, кто васъ не знаетъ—страхомъ!

— Господинъ генералъ-кригскомиссаръ!...

— Я говорилъ правду царямъ, и не побоюсь вамъ ее сказать.

— Слушаю.

— Судя по пылкому, нетерпѣливому характеру моему, другой на вашемъ мѣстѣ имѣлъ бы право думать, что свѣдѣнія, вамъ нынѣ доставленныя, мною

сочинены; но прозорливости полководца, избраннаго самимъ Петромъ Великимъ послѣ неудачныхъ чужихъ выборовъ, открыта и прямота этого-жъ характера. Вы знаете, что, для представленія вамъ истины, я такихъ далекихъ средствъ не употребилъ бы, что мнѣніе, которое объ васъ имѣю, не старался никогда таить отъ васъ же. То, что я думаю, не боюсь никогда сказать, и теперь подтверждаю передъ вами. Ваша осторожность, плодъ холоднаго и разсчетливаго ума, уже слишкомъ далеко простерла виды свои и готова превратиться въ слабость.

— Слушаю.

— Вы думаете дождаться конца года, чтобы дѣйствовать, какъ начали его зимою, подъ Эррастферомъ. Вспомните, что шведы такъ-же сѣверные жители, какъ и русскіе, что они не боятся морозовъ, ближе къ своимъ магазинамъ, ко всѣмъ способамъ продовольствія съѣстного и боевого; къ тому-жъ зима не всегда вѣрная помощница войны: она скорѣе врагъ ея, особенно въ чужомъ краю. Вспомните, что мы обязаны только усердію незнакомца спасеніемъ нашей артиллеріи и приводомъ ея на мѣсто сраженія подъ Эррастферомъ.

— Вы называете уже храбраго, вѣрнаго Мурзенку незнакомцемъ!

— Нѣтъ, не ему принадлежитъ этотъ подвигъ: объясню это вамъ въ другое время.

— Теперь позвольте послушать вашъ урокъ.

— Не урокъ, господинъ фельдмаршалъ, а совѣтъ человѣка вамъ преданнаго, человѣка, котораго вы удостоивали иногда именемъ друга. Показывая, изъ политическихъ видовъ, боязнь, вы думаете усыпить Карла насчетъ Лифляндіи: вы уже имѣли время это выполнить. Самонадѣянность полководца-головорѣза сильно помогала вашимъ планамъ; но время этого испытанія, этого обмана уже прошло! Вы видите сами, непрія-

тель почитаетъ этотъ обманъ дѣйствительностью и подозрѣваетъ уже въ васъ трусость. Это подозрѣніе окрыляетъ духъ шведовъ.

— Далѣе что будетъ, господинъ генералъ-кригскомиссаръ?

— Все правда и правда, которую изволите принять за что вамъ угодно, господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Карлъ успѣетъ перевѣдаться съ поляками и саксонцами, только именемъ союзниками, но дѣломъ враждующими одни противъ другихъ, раздѣлаться по-солдатски и съ Августомъ, королемъ только по названію, уже вполовину побѣжденнымъ самимъ собою. Карлъ можетъ съ торжествующимъ войскомъ прибѣжать въ помощь Шлиппенбаху, и вы тогда имѣете противъ себя вдвое—что я говорю?—въ десять разъ болѣе непріятелей, нежели сколько ихъ теперь числомъ и духомъ. Шлиппенбахъ не любимъ своими, а гдѣ начальникъ не любимъ, тамъ уже существуютъ раздоры, партіи, тамъ войско раздѣлено и слабо, тамъ нѣтъ побѣды. Одно появленіе короля въ этомъ войскѣ, одно имя Карла, побѣдителя русскихъ, датчанъ, нѣмцевъ и поляковъ, есть уже важное приращеніе силъ лифляндской арміи, есть залогъ въ ней драгоцѣнный, который будутъ защищать вѣрные подданные съ любовью и восторгомъ, чувствами, теперь въ ней уснувшими. Можетъ быть, и появленіе въ Лифляндіи побѣдителя при Нарвѣ будетъ непріятнымъ знаменіемъ для русскаго войска! Вы думаете воспользоваться временемъ отдыха, чтобы образовать русскаго солдата. Благодаря стараніямъ усердныхъ собратовъ моихъ, онъ обученъ столько, сколько требуютъ обстоятельства. Не все сидѣть ему за указкою въ школѣ. Пора узнать, для чего его муштровали; онъ ждетъ опытовъ, службы настоящей; онъ ждетъ развязки рукамъ и духу своему; глазу и сердцу его нужна живая ми-

шень. Въ станѣ готовится солдатъ, въ полѣ, въ жару битвъ, онъ образуется. Вы это лучше меня знаете. Но что можетъ быть скрыто отъ васъ и что я долженъ вамъ сказать: духъ солдатъ соскучился жить по деревнямъ и въ станахъ; онъ утомился покоемъ. Что за война безъ боя? Слово безъ дѣла! Что за война, въ которой непріятели другъ друга не видятъ? «Дайте намъ со врагомъ перевѣдаться или возвратите насъ въ отчизну!» думаютъ, едва не говорятъ солдаты, но лица ихъ это изъясняютъ. Господинъ фельдмаршалъ! (Здѣсь Паткуль всталъ съ креселъ). Отъ лица всего войска обращаюсь къ вамъ. Исполните общее наше желаніе, поведите насъ въ дѣло, къ побѣдѣ, уже намъ извѣстной, и къ славѣ, которой мы не успѣли еще утвердить за собою. Не дайте шведамъ забавляться на нашъ счетъ даже подозрѣніемъ, котораго не заслужили ни вы, ни войско ваше. Время года, обстоятельства, духъ русскихъ, — все за насъ, все ручается за успѣхъ. Идите навстрѣчу этимъ обстоятельствамъ, вождь нашъ, избранный Петромъ и Провидѣніемъ! Не говорю, что шагъ назадъ будетъ гибелью для чести русскаго народа — мы пристыжены, если даже остановимся.

— Вотъ это-то нетерпѣніе, которое въ васъ вижу, хотѣлъ я произвесть въ русскомъ войскѣ! Пріятно любоваться имъ въ такомъ благородномъ представителѣ, какъ вы, любезнѣйшій господинъ Паткуль! Можетъ быть... признаюсь, я простеръ свою осторожность слишкомъ далеко, свои виды слишкомъ утончилъ. Кто безъ ошибокъ?... Не могу найти пристойнаго вамъ благодаренія; вы совѣтникъ смѣлый, горячій, но не менѣе того — полезный. Ваша голова — огнедышащая Этна; но моя—она снѣгами лѣтъ уже покрывается— имѣетъ нужду въ сближеніи съ вашею. Вы истинный слуга царскій! (Съ чувствомъ.) Дайте мнѣ руку вашу!

Мы подумаемъ, мы сообразимъ, прочтя драгоцѣнныя свѣдѣнія, посредствомъ вашимъ доставленныя. Что еще скажетъ намъ пріятель Шлиппенбахъ? (Читаетъ) «...рѣшился ударить на русское войско, — когда оно менѣе нежели когда-либо ожидаетъ его, для чего и отдалъ уже приказъ полкамъ своего корпуса $\frac{17}{29}$ іюля стягиваться къ Сагницу, а небольшому отряду идти изъ Дерпта къ устью Эмбаха, сѣсть тамъ на приготовленныя шкуны, переправиться черезъ озеро Пейпусъ и сдѣлать отчаянное вторженіе въ Псковскую и Новгородскую провинціи, не отдаляясь отъ Нейгаузена, который отряду и главному корпусу считать точкою соединенія». (Съ нѣкоторымъ волненіемъ чувствъ). Станъ русскій точкою соединенія шведскихъ войскъ? Тамъ, гдѣ мы теперь обрѣтаемся? Прекрасно, господинъ Шлиппенбахъ! Переправиться черезъ Пейпусъ? Замыслы хитрые и, прибавимъ слова его превосходительства, отчаянные! Хорошо сказано, такъ-ли сдѣлается? Мы будемъ учтивѣе, мы избавимъ его отъ трудовъ дальняго похода. (Встаетъ съ креселъ; въ размышленіи прохаживается нѣсколько времени взадъ и впередъ, заложивъ руки назадъ; потомъ садится опять на свое мѣсто и продолжаетъ разбирать бумаги). «Копія съ рапорта маріенбургскаго коменданта, подполковника Брандта». (Читаетъ про себя, потомъ говоритъ вслухъ). Часъ отъ часу лучше! Вообразите, любезнѣйшій господинъ Паткуль, и въ Маріенбургѣ, въ этомъ муравейникѣ, закопошилось шведское самолюбіе. Брандтъ почитаетъ гарнизонъ свой по мѣсту, обстоятельствамъ и духу непріятелей — они, кажется, сговорились забавляться на нашъ счетъ! (смѣется)—не въ мѣру усиленнымъ, а заставу близъ Розенгофа слишкомъ ослабленною, почему и предлагаетъ главному начальнику шведскихъ войскъ вывести большую часть гарнизона, подъ предводительствомъ своимъ, къ

упомянутой заставѣ, а въ Маріенбургѣ оставить до 400 человѣкъ подъ начальствомъ какого-то оберстъ-вахтмейстера Флоріана Тило-фонъ-Тилавъ.

— Котораго, вѣрно, для вида, въ уваженіе его лѣтъ и старшинства, оставляютъ комендантомъ. Но при этомъ тупомъ, заржавленномъ эфесѣ, долженъ быть блестящій, трехгранный клинокъ съ вытравленными на немъ словами чести и долга, которыя уничтожишь развѣ тогда, когда эту благородную сталь изломаютъ въ мелкіе куски.

— Вы говорите, конечно, о цейгмейстерѣ Вульфѣ, который, какъ объясняется здѣсь, стоитъ цѣлаго гарнизона. Вотъ маленькій планъ маріенбургской крѣпости. Я хочу самъ быть при осадѣ ея и лично ознакомиться съ ея храбрымъ защитникомъ. — Теперь въ *принципіи*,—сказалъ фельдмаршалъ, вступая опять въ прежнее хладнокровное состояніе,—постараемся развѣдаться съ *преціознымъ* разумникомъ и храбрецомъ Шлиппенбахомъ и воспользоваться собственными умыслами. Мы предупредимъ его. Съ главными силами *авансируемъ* нынѣ-жъ *форсированными маршами*. Если потребно, посадимъ лейбъ-пѣхоту царскаго величества на коней черкасскихъ, разобьемъ форпостъ при Розенгофѣ, приведемъ въ *конфузію* голову его превосходительства въ Сагницѣ и помѣряемся съ нимъ на равнинахъ гуммельсгофскихъ. Переправы черезъ Эмбахъ будутъ трудны, но русскій, съ преданностью къ царю, съ крѣпкимъ упованіемъ на Бога и святыхъ Его, чего не преодолѣетъ? Мы посадимъ сильную партію охотниковъ на лодки, подъ командою генерала Гулица, толкнемъ ихъ на воды, и увидимъ, какъ осмѣлится нога шведа, этой заморской погани, осквернить землю русскую, святую, великую отчизну нашихъ царей, опочивальню угодниковъ Божіихъ! Я хочу, чтобы въ то же время, когда знамена русскія водрузятся съ честію на горахъ Ли-

вонскихъ, развѣялся флагъ моего государя на водахъ Пейпуса, и побѣда нашего маленькаго флота порадовала его создателя. Или я не бояринъ русскій, не главнокомандующій арміею царскаго величества! Но чѣмъ наградимъ мы... того?... Не хочу называть его шведомъ: это названіе помрачаетъ его достоинство.

— Господинъ фельдмаршалъ! Онъ золота не беретъ.

— Чтожъ ему надобно?

— *Нѣчто* драгоцѣннѣе золота; но этому *нѣчто* не пришла еще пора. Теперь же проситъ онъ, когда совершится съ успѣхомъ настоящій походъ, свидѣтельства руки вашей о пользѣ, оказанной имъ русской арміи. Онъ желаетъ современемъ быть извѣстнымъ государю.

— Столь важной *консеквенціи* свѣдѣнія, намъ доставленныя, сами собою уже заслуги великія; онѣ достойны *аттенціи* царскаго величества; чтожъ до меня надлежитъ, то я всегда готовъ дать ему требуемую *аттестацію*. Но... скажите мнѣ, пожалуйста, для какого *резону* онъ отъ насъ скрывается?

— Это тайна, которая не мнѣ принадлежитъ: она лично до него касается и не относится къ пользѣ, равно какъ и вреду ввѣреннаго вамъ войска.

— Въ такомъ случаѣ, я не имѣю права и не желаю изслѣдывать эту тайну. А! вотъ еще бумажка! (Читаетъ про себя и смѣется). Ха, ха, ха! Это видно въ придачу, чтобы смѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Здѣсь описаны *маневры*, которыми вашъ плутище Фрицъ досталъ въ какой-то *Долинѣ мертвецовъ* репортъ Брандта. Бѣдный *дефаниоръ* Маріенбурга! въ какую попалъ ты ловушку! Вотъ какими средствами пріобрѣтаются *секреты*, отъ которыхъ зависитъ участь нѣсколькихъ тысячъ! Полюбуйтесь этимъ описаніемъ, какъ штуками изъ итальянской комедіи или чудесами тысячи и одной ночи. (Передаетъ Паткулю бумагу.) Это будетъ

вамъ очень къ сердцу. (Свищетъ въ серебряный свистокъ. По этому знаку являются въ одно время карла и необыкновенной величины гайдукъ).

— Оба молодцы! — запищалъ карла, вытягиваясь подлѣ исполина,—а я чѣмъ не гвардеецъ?

— Только на разную стать, — прервалъ смѣясь фельдмаршалъ.

— Понимаю: велика Ѳедора, да дура; малъ золотникъ, да дорогъ; а я по глазамъ твоимъ вижу, Боренька, кого ты выберешь: меня!

— Отгадалъ; принеси-ка фитиль,—сказалъ Борисъ Петровичъ, и карла спѣшилъ исполнить его требованіе. Восковая свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, на козьихъ ногахъ, величиною почти съ маленькаго исполнителя, была подана, и всѣ прочтенныя бумаги, кромѣ маріенбургскаго плана, сожжены.

— Голова есть лучшій ларецъ для храненія подобныхъ бумагъ, — произнесъ Паткуль, всталъ съ своего мѣста, невольно обернулся въ опочивальню фельдмаршала, гдѣ стоялъ образъ Сергія Чудотворца, и какъ будто вспомнивъ что-то важное, имѣвшее къ этому образу отношеніе, присовокупилъ: — Я имѣю до васъ просьбу. Такого она рода, что должна казаться вамъ странною, необыкновенною. Не имѣю нужды увѣрять васъ, что исполненіе ея не противорѣчитъ ни чести вашей, ни вашимъ обязанностямъ.

— Потому что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Готовъ выслушать ваше желаніе и исполнить его.

— На нынѣшній день паролемъ — Троицкій монастырь, лозунгомъ—Сергій Чудотворецъ?

— Точно.

— Прикажите отмѣнить ихъ и назначить другіе, пока мы будемъ имѣть проводникомъ шведа нашего, который берется быть нашимъ путеводителемъ до форпоста розенгофскаго, а тамъ замѣнитъ себя столь ж

вѣрнымъ человѣкомъ. Сверхъ того, на цѣлую недѣлю, если можно на двѣ, надобно снабдить его паролями. Въ противномъ случаѣ, мы потеряемъ этого безцѣннаго человѣка. Для чего это дѣлается, скажу опять: это не моя тайна!

— Опять тайна! (Фельдмаршалъ задумывается; немного погодя произноситъ съ важностью): Господинъ генералъ-кригскомиссаръ, въ арміи, мнѣ царскимъ величествомъ ввѣренной, я далъ мое слово, и не перемѣню его. Надѣюсь, что моя довѣренность не будетъ употреблена во зло кѣмъ бы то ни было.

— Паткуль, дворянинъ лифляндскій и нынѣ русскій подданный, Паткуль—человѣкъ просто, безъ всякихъ другихъ титловъ, чести своей не отдастъ за корону. Вамъ извѣстно, что онъ никогда не полагалъ этой чести на одни вѣсы съ жизнью, что онъ потерею первой могъ купить не только вторую, но и въ придачу богатства, чины, благосклонность монарха властолюбиваго, и ни одной минуты не былъ въ нерѣшимости выбора. И когда-бъ я сдѣлался не я, когда бы я имѣлъ несчастіе потерять это сокровище, когда-бъ я былъ въ состояніи забыть милости Петра Великаго, государя моего и благодѣтеля, не должныли-бъ и тогда соединять меня крѣпчайшими узами съ выгодами Россіи польза моего отечества, моя собственная, личная польза? Вспомните, что голова моя, которую слишкомъ дорого цѣнили два короля шведскихъ, не умѣлъ цѣнить польскій, и которой только одинъ русскій монархъ положилъ настоящую цѣну, ни выше, ни ниже того, чего она стоитъ; что голова эта была подъ плахою шведскаго палача и ей опять обречена местью Карла Месть, для меня сладостная, возвышающая меня въ глазахъ цѣлой Европы! Король, бичъ сѣвера, ужасъ народовъ, мститъ бѣдному лифляндскому дворянину! Ему не столько сладостны побѣды надъ царями, какъ видѣть

Паткуля у себя въ плѣну! Какое удовольствіе, какое наслажденіе думать объ этомъ! Вы не знаете этого чувства, — я, я его знаю, и не промѣняю на лучшія блага жизни! Послѣ того помыслю-ли я?... Нѣтъ, господинъ фельдмаршалъ, даже намекъ подозрѣнія есть уже несправедливость.

— Можетъ быть; но вы сообразите сами, сколь странны требованія ваши при стеченіи обстоятельствъ.

— Я предупреждалъ васъ объ этомъ; повторяю еще, тайна эта принадлежитъ не мнѣ—лицу, которое составляетъ часть вашего войска однѣми заслугами ему, безъ всякихъ еще за нихъ вознагражденій.

— Слово дано, и мы будемъ только помнить объ исполненіи его — сказалъ военачальникъ, подавая дружески руку Паткулю.

Послѣ того поспѣшилъ онъ сдѣлать нужныя распоряженія къ немедленному походу и приказалъ протрубить сборъ, о которомъ заранѣе извѣщены были полковые командиры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ ПРОВОДНИКЪ

Прекрасное свободно!
Жуковскій.

Какъ Божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана.
Пушкинъ.

И то была не битва, но убійство!
Ж.

Гангофскія горы покрывались уже вечернею тѣнью; между ними Муннамегги одна поднимала свѣтлую голову свою, на которой любятъ останавливаться послѣдніе лучи солнца. Къ темени одной изъ этихъ горъ, ближайшей къ Нейгаузену, на сѣромъ мшистомъ камнѣ, сидѣлъ Вольдемаръ, грустный, безпокойный, какъ преступный ангелъ, рукою Всемогущаго низверженный съ неба. Онъ былъ одинъ. Даже съ нимъ не было и слѣпца, неразлучнаго его товарища. Кругомъ его страна дикая, безотвѣтная, и чѣмъ обзоръ ея безпредѣльнѣе, тѣмъ болѣе пустота ея расширялась для него, тѣмъ сильнѣе тѣснило его сиротство. Не гукнетъ нигдѣ звукъ человѣческаго голоса, не даетъ около него отзыва жизни хоть дикаго звѣря; только стая лебедей, спѣша застать солнце на волнахъ Чудскаго озера, можетъ быть, родного, прошумѣла крыльями своими надъ его головою и гордымъ, дружнымъ крикомъ свободы напоминала

ему тяжелое одиночество и его неволю. Мрачныя думы обступали Вольдемара; взоры его, полные душевной тревоги, прикованы были къ сторонѣ Новгородка-Ливонскаго.

Потухъ золотой крестъ на печерскомъ монастырѣ, повидимому утѣшавшій его своимъ сіяніемъ; стерлись и свѣтлыя точки, едва мелькавшія въ русскомъ станѣ. Тѣни обхватили уже и вѣнецъ Муннамегги. Туманами подернулись долины и, обманывая взоръ, разлились обширными озерами, изъ которыхъ, подобно островамъ, выглядывали одни верхи горъ. Вскорѣ изъ мнимыхъ водъ вышелъ полный мѣсяцъ: будто качаясь надъ ними, приподнимался онъ и освѣтилъ эти верхи. Прекрасная, величественная картина! Но она не трогала, не занимала Вольдемара. Въ станѣ русскомъ были его взоры, мысли и сердце: тамъ онъ былъ весь. Онъ видѣлъ съ сердечнымъ трепетомъ, какъ зажигались тамъ огни, все такіе же безчисленные, какъ и вчера. «Почему ихъ не меньше?» спрашивалъ онъ самъ себя съ горестнымъ чувствомъ. — «Можетъ быть», думалъ онъ опять, себя утѣшая, «это военная хитрость».

Окрестность молчала, какъ обширное кладбище; верхи горъ, разсыпанныхъ посреди туманныхъ водъ, казались ему огромными могилами, гдѣ покоятся обитатели этого края, уже опустѣвшаго. Но... вскорѣ почудился ему шумъ, подобный стону дальняго водопада. Онъ ловитъ его жаднымъ слухомъ, прилегши головою къ землѣ, и слышитъ какъ бы подземный громъ. Яснѣе и яснѣе становится шумъ этотъ до того, что Вольдемаръ можетъ уже различить конскій топотъ. Дѣйствительно, топотъ приближался, еще, еще, и — умолкъ разомъ. Вмѣсто его послышался ему какой-то неясный шелестъ, будто шептались другъ съ другомъ, будто шуршала одежда на движущемся человѣкѣ. Сердце у Вольдемара затрепетало въ груди, какъ голубь. «Боже!

это они!» произнесъ онъ, становясь на колѣна и поднимая слезныя очи къ свѣтлоголубому небу. «Господи! подай мнѣ силы совершить начатое». Вдругъ изъ мертвой тишины раздался женскій голосъ; онъ пѣлъ латышскую пѣсню:

О, мой Генсхенъ, Божье дитятко,
Что везешь ты на возу?
Лиго! лиго!

Вольдемаръ отвѣчалъ дрожащимъ, вынужденнымъ голосомъ:

Золоты вѣнцы дѣвицамъ,
Парнямъ куньи шапочки.
Лиго! лиго? [1])

— Вольдемаръ!—кликнула женщина, поднимая голову изъ тумана, какъ наяда изъ водной области своей.

— Ильза!—перекликнулся онъ, нахлобучилъ шляпу съ длинными полями на глаза, окутался плащомъ, спустился съ горы и, протянувъ руку маркитанткѣ, потонулъ съ нею въ туманѣ.

— Я привела къ тебѣ отрядъ русскихъ, — сказала она ему на томъ языкѣ, на которомъ пѣла. — Но ты дрожишь, Вольдемаръ?

— Ничего, это отъ холода. Вы заставили меня слишкомъ долго дожидаться. Гдѣ-жъ?...

— Здѣсь, близко. Вотъ тебѣ записка отъ начальника русскаго, другая отъ Паткуля. Будь остороженъ: тебя ищутъ. Бѣги при первомъ случаѣ?

— Бѣжать? .. Нѣтъ, лучше умереть. Пускай казнятъ меня, только на родной землѣ!—произнесъ глухо Воль-

---

[1]) Это буквальный переводъ латышской пѣсни. *Лиго*—все равно, что наша Ладо. Слово это часто употребляется латышами въ пѣсняхъ ихъ, особенно въ тѣхъ, которыя они поютъ на Ивановъ день.

демаръ и увлекъ свою спутницу къ толпѣ, рябѣвшей въ густомъ слоѣ паровъ.

— Гдѣ проводникъ?—закричалъ одинъ изъ толпы, казавшійся татарскимъ начальникомъ.

Ильза указала на своего товарища. Подвели бойкую черкесскую лошадь, и два калмыка собирались уже силою втащить Вольдемара на нее и привязать его къ сѣдлу, какъ они обыкновенно дѣлывали это съ другими проводниками своими; но Вольдемаръ, не привыкшій къ подобному обращенію, гордо взглянулъ на малорослыхъ азіатцевъ, оттолкнулъ обоихъ такъ, что они полетѣли въ разныя стороны вверхъ ногами, вспрыгнулъ на коня и, гаркнувъ молодецкимъ голосомъ по-русски:—За мной! съ Богомъ!—прорѣзалъ себѣ дорогу сквозь толпу татаръ и поскакалъ впередъ. За нимъ послѣдовали Ильза на двухколесной своей телѣжкѣ и татарскій всадникъ (это былъ Мурзенко), отпотчивавшій сначала нагайкой тѣхъ двухъ негодяевъ, которые оскорбили проводника, и наказавшій своей командѣ строгое къ нему уваженіе. По слѣдамъ ихъ понеслись гусемъ казацкая пятисотня, башкирская и калмыцкая, преображенскій полкъ на лошадяхъ, девять полковъ драгунъ, московскіе гусары, копейщики и рейтары (Въ это же время генералъ Гулицъ съ нѣсколькими сотнями охотниковъ пустился на лодкахъ по водамъ Чудскаго озера. Семеновскій полкъ былъ потребованъ государемъ къ Нотебургу).

Съ судорожнымъ ропотомъ проснулся край, доселѣ спавшій мертвымъ сномъ. Глухо стонала земля отъ топота конницы; но всадники молчали, будто окаменѣлые на коняхъ своихъ. Казалось, эскадроны мертвецовъ неслись въ полуночные часы на крыльяхъ бури. Кое-гдѣ раздавалось ржаніе коней, и то немедленно было удерживаемо рукою, управлявшею ими; рѣдко гдѣ стучало оружіе объ оружіе, и тотчасъ стукъ этотъ

замиралъ, какъ будто и металлъ согласовался въ эти часы съ подчиненностью человѣка. Въ отрядѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ все было—память даннаго приказа, все было — жажда побѣды! Тѣмъ лучше выполнялась воля начальства, что она согласовалась и съ чувствомъ всего войска. Солдатъ, такъ же какъ и любовникъ, охотникъ до ночныхъ приключеній, сулящихъ ему условленную побѣду; вообще русскій любитъ удалыя затѣи, отвагу. Вырвать да подать; въ одно ухо влѣзть, въ другое вылѣзть—его любимыя поговорки, означающія народный духъ. Ночь съ ея голубымъ небомъ, съ ея зоркимъ сторожемъ, мѣсяцемъ, бросавшимъ свѣтъ утѣшительный, но не предательскій, съ ея туманами, разлившимися въ широкія озера, въ которыя погружались и въ которыхъ исчезали цѣлыя колонны; усыпанныя войскомъ горы, выступавшія посреди этихъ волшебныхъ водъ, будто плывущія по нимъ транспортныя, огромныя суда; тайна, проводникъ, — не робкій латышъ, слѣдующій подъ нагайкой татарина,—проводникъ смѣлый, вольный, окликающій по временамъ пустыню эту и очищающій дорогу возгласомъ: *съ Богомъ!*—все въ этомъ ночномъ походѣ наполняло сердце русскаго воина удовольствіемъ чудесности и жаромъ самонадѣянности.

Такъ несся болѣе двухъ часовъ конный отрядъ, ввѣренный таинственному вожатому. Густой туманъ все еще лежалъ по землѣ; свѣтъ мѣсяца не ослабѣвалъ. Вольдемаръ оглянулся кругомъ. Впереди было нѣсколько рощицъ и пригорковъ; кое-гдѣ, сквозь густые пары, окутавшіе землю, мельками огненныя пятна, которыя загораживали иногда маленькія тѣни. Онъ остановился, за нимъ весь отрядъ по свисту Мурзенко. Съ помощью переводчицы Ильзы, Вольдемаръ объяснилъ татарскому начальнику, а этотъ передалъ кому нужно было, что они сдѣлали отъ Нейгаузена около шести миль, что

они находятся въ трехъ верстахъ отъ заставы шведской, состоящей изъ эскадрона рейтаръ и расположенной за рѣчкою Шварцбахъ, что при переправѣ будетъ работа конямъ и что для часового отдыха не найти лучшаго мѣста, какъ то, гдѣ они находились. Онъ же, проводникъ, брался съ нѣсколькими казаками содержать впереди пикетъ. Огоньки же, видимые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорилъ онъ, не должны никого тревожить, потому что они разложены крестьянскими дѣтьми, стерегущими въ *ночномъ* свои стада; а хотя бъ между ними были и старшіе, то извѣстно, прибавляетъ Вольдемаръ, что латышъ не тронется съ мѣста, пока не подойдешь къ нему подъ носъ и не расшевелишь его силою; безъ того цѣлое войско можетъ пройти мимо его, не обративъ на себя его вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, маленькіе пастухи обоего пола, топорщась въ кружокъ около разложенныхъ огней, едва свѣтящихся въ туманѣ, беззаботно перекликались по рощамъ своими пѣснями, какъ ночные соловьи: въ одномъ мѣстѣ пѣли стихъ, въ другомъ продолжали другой, такъ далѣе, и вдругъ въ разныхъ мѣстахъ соединяли голоса свои въ одинъ дружный, хорный припѣвъ: *Лиго! Лиго!* Разнообразные звуки колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ шеѣ, пасущихся стадъ, покрывали эти пѣсни какимъ-то чуднымъ строемъ.

Лукавый татарскій наѣздникъ, Мурзенко, сквозь щели своихъ глазъ успѣлъ разглядѣть проводника въ лицо, и съ того времени имѣлъ къ нему полное довѣріе. «Моя знаитъ, его не обманетъ», — говорилъ онъ начальнику отряда. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всадники облегчили лошадей. Возможная тишина продолжалась между ними.

На пикетѣ было совѣщаніе, какъ напасть на заставу непріятельскую. Совѣтъ составляли Мурзенко, Паткуль и какой-то высокій воинъ, которому всѣ ока-

зывали особенное уваженіе. Вольдемаръ передалъ имъ черезъ своего толмача, Ильзу, предложеніе, чтобы, какъ скоро отрядъ подъѣдетъ къ рѣкѣ, небольшой его части отчаянно перенестись прямо вплавь черезъ рѣку, зажечь форпостъ, испугать и занять непріятеля, а другой части, которой онъ, проводникъ, укажетъ бродъ, переправясь черезъ него, завернуть непріятелю въ бокъ и въ тылъ, и докончить его пораженіе. Предложеніе это принято высокимъ воиномъ, который, повидимому, соединялъ въ себѣ верховную власть надъ отрядомъ. Хотя любопытство, сродное всякому, въ настоящихъ обстоятельствахъ согласовалось съ обязанностью полководца, онъ не показывалъ вида, что старается проникнуть таинственнаго совѣтника. Дѣйствіями своими соображаясь съ главнымъ начальникомъ, каждый изъ офицеровъ, чувствовавшій сильное желаніе узнать, кто былъ таинственный проводникъ, не смѣлъ этого домогаться.

Прошелъ добрый часъ. Туманы зашевелились, свѣтъ мѣсяца начиналъ ослабѣвать; латышскія пѣсни затихали. Данъ знакъ свисткомъ. Всадники сѣли опять на коней и въ прежнемъ порядкѣ тронулись впередъ. Какъ скоро отрядъ началъ подъѣзжать къ Шварцбаху, означенному полосою сгущеннаго дыма, Мурзенко махнулъ своей пятисотнѣ и бросился съ нею вплавь черезъ рѣку. Шведскіе караульные, стоявшіе за Шварцбахомъ, не понимали, что за шумъ они слышатъ вдали. Въ безпечности, утвержденной шестимѣсячнымъ спокойствіемъ, они думали, что плотина у ближайшей мельницы прорвалась; потомъ, увидя что-то движущееся по рѣкѣ и услышавъ пыхтѣніе лошадей, почли ихъ заблудившимся стадомъ изъ Розенгофа. Они еще не успѣли одуматься, какъ нѣсколько татаръ и казаковъ были уже на берегу. Закричалъ одинъ и другой караульный; но крикъ ихъ заглушенный мѣткимъ уда-

ромъ сабли, уже принадлежалъ жизни и смерти вмѣстѣ. Прибѣжавшіе въ безпорядкѣ на послышавшійся шумъ были окружены, смяты и переколоты. Рогатки были раздвинуты; огонь брошенъ на крыши сараевъ и избъ форпоста, и Мурзенко, посреди своихъ, съ ужаснымъ воплемъ: «руби! коли! жги!» ворвался въ шведскій станъ, какъ голодный волкъ въ овчарню, и не только въ непріятелѣ, но и въ лошадяхъ успѣлъ произвести ужасъ. Наконецъ, затрубили тревогу въ форпостѣ. Устрашенные шведы хватались, кто за одежду, кто за оружіе, закладывали рогатки, тушили огонь, бросались на коней, еще не осѣдланныхъ и худо имъ повинующихся. Испуганныя животныя отрывались отъ своихъ коновязей и умножали суматоху. Однакожъ, начальникъ форпоста, полуодѣтый, прибывъ на мѣсто сраженія, собралъ около себя нѣсколько сотъ рейтаръ верхами, возстановилъ между ними возможный порядокъ и съ возгласомъ: «Богъ и король! Умремъ, смертью сотремъ наше безчестіе! Умремъ! Богъ и король!» ринулся на Мурзенкову команду, сшибся съ нею и завязалъ бой вмѣсто драки. Сначала бой этотъ поддерживаемъ былъ съ остервененіемъ, равнымъ съ обѣихъ сторонъ; гиканье татаръ еще заглушало командныя слова шведскаго начальника. Вскорѣ твердый возгласъ: «Богъ и король! Друзья, побѣдимъ или умремъ!» пересилилъ безпорядокъ этихъ криковъ. Азіатцы, не привыкшіе долго выдерживать вѣрной сѣчки палаша и правильно поддерживаемаго огня, стали показывать тылъ. Вдругъ застонала земля, какъ двинутое бурею море, и два русскихъ драгунскихъ полка врѣзались въ сѣчу. Нѣсколькихъ минутъ было довольно, чтобы склонить и утвердить легкую побѣду за русскими. Шведы, не побѣжденные, но задавленные, пали почти всѣ мертвые. Изъ 300 слишкомъ человѣкъ 2 офицера и нѣсколько рейтаръ взято въ плѣнъ, и тѣ сильно израненные. Заря

начинала заниматься и озарила полусвѣтомъ своимъ кровавое зрѣлище.

Когда Вольдемаръ привелъ драгунскіе полки къ мѣсту битвы, онъ сталъ по близости ея на холму, откуда можно ему было все видѣть, что въ ней происходило. Кровь его кипѣла; огонь зажигался въ глазахъ; не разъ поднималась рука, чтобы ухватиться за оружіе, котораго съ нимъ не было. Съ какою радостью полетѣлъ бы онъ въ пылъ этой битвы! Но мысль, что онъ чужой тѣмъ, для которыхъ трудится съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, исторгала тяжелые вздохи изъ груди его. Какой-то рядовой замѣтилъ, будто онъ перекрестился, когда побѣда утвердилась за русскими; но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы басурману пришла охота творить по-русски крестное знаменіе, и всѣ смѣялись подъ носъ вѣстовщику этой чудной новости. По окончаніи сраженія не видали куда дѣвался проводникъ.

Русскій военачальникъ съ остальною конницею, не бывшею въ дѣлѣ, переправясь въ бродъ черезъ Шварцбахъ, поблагодаря участниковъ побѣды за добрый начатокъ и приказавъ похоронить съ подобающею честью своихъ и чужихъ, рѣшился отдохнуть близъ мѣста сраженія. Здѣсь же предположено дождаться пѣхоту и артиллерію, для которыхъ и начали устраивать мостъ. Не успѣли еще обдѣлать фельдмаршалу ставку изъ деревьевъ, сучьевъ и ковровъ посреди березовой рощи, на скатѣ пригорка, съ котораго можно было видѣть за нѣсколько верстъ кругомъ, какъ явился къ нему калмыкъ съ запискою отъ генералъ-кригскоммисара. Она была слѣдующаго содержанія: «Высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Съ дозволенія вашего отправился я далѣе для исполненія моихъ обязанностей. Полковникъ Мурзенко со мною, и черезъ часъ доставитъ все нужное въ станъ. Возможныя мѣры приняты, чтобы пресѣчь вѣсти о сня-

тіи шведскаго форпоста; а на случай, еслибъ земля и воздухъ проговорились, пущенъ мною искусно слухъ, что господа шведы на форпостѣ изволили тѣшиться учебною пальбою и что въ сосѣдней деревушкѣ случился пожаръ. Послѣ завтра буду имѣть честь ожидать васъ въ Гуммельсгофѣ, гдѣ предполагать надо, стянетъ свое испуганное войско самонадѣянный Шлиппенбахъ, и гдѣ удобнѣйшаго ему мѣста для главнаго сраженія не предвидится. Русскимъ нужна только встрѣча съ нимъ: послѣ нея имя шведское не будетъ имѣть постояннаго мѣста въ Лифляндіи, кромѣ крѣпостей. Въ Сагницѣ вы изволите найти магазинъ шведскій, обильно всѣмъ снабженный. Въ Гуммельсгофѣ войско не затруднится снабженіемъ провіанта: пятьсотъ возовъ выставитъ непремѣнно 17-го числа къ двумъ часамъ пополудни родственникъ мой Фюренгофъ. *Языкъ*[1]) и вмѣстѣ нынѣшній проводникъ, шведъ, имѣетъ нужду въ отдыхѣ: онъ свое дѣло сдѣлалъ. Нынѣ въ полдень явится къ вамъ *латышъ*, высокаго роста, бѣлокурый, молодой и, для соглашенія пользы вашего войска съ любовью моею къ чудесности, этотъ *языкъ* и проводникъ будетъ *нѣмой*. Онъ представитъ вамъ записку съ словами: *Илья Муромецъ*. На вопросы по-нѣмецки будетъ онъ отвѣчать письменно. До Сагница проведетъ онъ отрядъ ближайшими и сколь можно

---

1) *Языкъ* означалъ въ тогдашнее время человѣка, который могъ доставить свѣдѣнія о состояніи непріятельскаго войска, о мѣстахъ, имъ занимаемыхъ, и тому подобномъ: это былъ родъ шпіона. Извѣстно по преданію, что впослѣдствіи времени, именно въ царствованіе Анны Іоанновны, преступники были называемы *языками*, когда имъ слѣдовало указать на участниковъ ихъ преступленія или *оговаривать* кого въ этомъ участіи. Для такой цѣли *языкъ* былъ водимъ по городу, и на кого онъ указывалъ, тотъ забираемъ былъ подъ стражу. Обыкновенно при вѣсти, что *онъ* идетъ, запирались лавки, и народъ, стараясь укрыться отъ встрѣчи съ ужаснымъ оговорителемъ и крича: «*Языка, Языка* ведутъ!» бѣжалъ опрометью, кто куда попало.

скрытыми дорогами. Ручаюсь за познанія и вѣрность его. Надѣюсь, что отъ Сагница ужасъ шведовъ покажетъ вамъ точнѣе другихъ мѣсто свиданія съ ихъ начальникомъ».

Прочитавъ это письмо, фельдмаршалъ сказалъ:— «Не будемъ неблагодарны; тайнамъ господина Паткуля обязаны мы за драгоцѣнныя извѣстія, нынѣшнюю побѣду, бодрость войска и добрую надежду». Между тѣмъ приказалъ онъ, кому слѣдовало, принять *честнымъ* образомъ новаго проводника, а стараго не тревожить, если онъ и покажется.

Все ликовало въ войскѣ. Сама природа будто радовалась. Утро было прекрасное; солнце, выступивъ на небосклонъ, заиграло, какъ говорятъ у насъ въ простонародіи, и сдернуло съ долинъ туманное покрывало, носившееся доселѣ надъ ними. Затрубили *побудокъ* у ставки фельдмаршалской, и тотъ же сигналъ повторился во всѣхъ полкахъ. Офицеры и солдаты спѣшили принести Господу силъ дань благодарности за побѣду, имъ нынѣ ниспосланную. Всѣ молились отъ теплоты радостнаго сердца.

За небольшимъ оврагомъ, который граничилъ съ русскимъ станомъ и опушенъ былъ съ обѣихъ сторонъ густымъ, довольно высокимъ кустарникомъ, стоялъ Вольдемаръ, никѣмъ не видимый, какъ ему казалось, но видя, что дѣлалось въ войскѣ по близости оврага. Скомандовали къ *молитвѣ*. Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его. Съ словами: *Отче нашъ*, палъ онъ на колѣна, въ трогательномъ благоговѣніи повторялъ молитву за солдатомъ, читавшимъ ее въ ближайшемъ отъ него полку, и съ словами: *остави намъ долги наша*, горько зарыдалъ. Несчастный! онъ не смѣлъ молиться съ другими; отчужденный отъ общества какимъ-нибудь преступленіемъ, онъ не смѣлъ присоединиться къ людямъ, свято исполнявшимъ обязанности христіанина

и подданнаго. Одна строка изъ его жизни могла бы вооружить противъ него тѣхъ, кого велъ онъ нынѣ къ побѣдѣ. И *ближнимъ* своимъ служить можетъ онъ только ночью, потаенно! Мысль эта испугала его, какъ будто въ первый разъ приходила ему въ голову. Онъ поспѣшилъ удалиться: но, лишь отошелъ нѣсколько шаговъ, чувство, сильнѣйшее этой мысли, заставило его воротиться на прежнее мѣсто и приковало его къ нему. Онъ сѣлъ. Какъ сладостно было прислушиваться ему къ звукамъ языка, давно не потрясавшаго его слуха! Съ какою жадностью перехватывалъ онъ сердцемъ эти звуки! «Чтобы ни было, — думалъ онъ,—пробуду еще съ *ними* нѣсколько времени».

Послѣдній полкъ, расположенный у оврага, былъ князя Вадбольскаго. Хлѣбосольство и радушіе хозяина собирали къ нему пріятельскія бесѣды чаще, нежели къ другимъ полковымъ начальникамъ. Товарищи его, составлявшіе вчерашнее общество въ развалинахъ Нейгаузенскаго замка, кромѣ нѣкоторыхъ и, въ числѣ ихъ, Кропотова, говорившаго, что онъ не принадлежитъ уже этому міру, что онъ приготовился по долгу христіанскому къ переходу въ вѣчность, — товарищи эти пировали и нынѣ у Вадбольскаго, расположившись въ кустахъ у оврага. И нынѣ, такъ же какъ и вчера, оживлялся разговоръ, пѣніемъ и музыкою. Скоморохъ Филя исполнялъ должность мундшенка вмѣсто драгуна въ засаленной рубашкѣ, который, постряпавъ на форпостѣ палашомъ, прилегъ тамъ же отдохнуть сномъ вѣчнымъ. Чара круговая обошла пріятельскій кругъ уже три раза, сперва за здоровье живыхъ, потомъ за упокой убіенныхъ и, наконецъ, за *викторію*. А какъ походный кравчій и вмѣстѣ музыкантъ жаловался, что отъ проклятаго тумана струны отсырѣли на балалайкѣ, да пальцы у него свело, то и ему поднесли *жизненной водицы*. Онъ взялъ чару въ руки и произнесъ

громко, поклонившись на всѣ стороны:—«Во здравіе, во славу честной компаніи!»

Князь Вадбольскій. Замѣтьте, братцы, ужь нашъ проклятый скоморохъ, изъ какой-нибудь деревушки Подосиновики, изволитъ щеголять чужестранными словами. Вотъ какая чума—примѣръ высшихъ! Чай, у насъ лѣтъ черезъ сто чумаки въ деревняхъ заговорятъ на басурманскомъ языкѣ.

Филя *(продолжаетъ не смѣшавшись)*. Во здравіе, во славу честной бесѣды! Долгія лѣта имъ жить и заздравную чашу пить! Сколько капель проглочу я въ этой чарѣ, столько-бъ шведовъ каждому отпустить на тотъ свѣтъ! Какъ я люблю винцо, такъ любили-бы насъ вѣрно и нелицемѣрно пріятели и жены... Гмъ! *(Смотритъ на Дюмона)*. Вижу, вижу по глазамъ, чего хочется — и такъ полюбили-бы насъ московскія красныя, чернобровыя дѣвушки! *(Выпиваетъ чару разомъ и выливаетъ оставшіяся въ ней капли на маковку головы своей, которую и приглаживаетъ рукой; потомъ беретъ балалайку и оборачивается съ поклономъ къ Глѣбовскому)*. Ваше благородіе! не доконченная борозда хуже, чѣмъ нетронутое поле.

Полуектовъ. Правда, за тобою долгъ: ты началъ намъ пѣсню новика, и тебѣ помѣшали докончить ее.

Послышался шорохъ съ другой стороны оврага въ кустахъ. Филя сталъ прислушиваться и сказалъ:

— Господа командеры! кто-то вздохнулъ за оврагомъ, да такъ вздохнулъ, что по сердцу подрало.

Князь Вадбольскій. Полно врать.

Филя. Ей-ей, право велико слово! Вы знаете, какое у меня ухо: чуть кто на волосъ невѣрно споетъ, такъ и завизжитъ въ немъ, какъ поросенокъ или тупая пила. Не сбѣдокурилъ бы надъ нами проводникъ? Молодецъ хоть куда! Пожалуй, на обѣ руки! Да еще не жидъ-ли: и *нашимъ*, и *вашимъ?* Насъ подвелъ ночью

шведовъ побить, а днемъ подведетъ ихъ, чтобы насъ поколотить.

Князь Вадбольскій. Врешь, Филька! Съ холма, гдѣ раскинутъ фельдмаршальскій шалашъ, видно все за десятокъ верстъ; форпосты наши стоятъ далеко. А если удалой проводникъ — дай Богъ ему здоровья, да поболѣе охоты помогать намъ!—подвелъ противъ насъ одинъ вздохъ, такъ еще бѣда не велика. Нутка, лебединую!

Филя заигралъ корча повременамъ плаксивое лицо; Глѣбовской запѣлъ слѣдующую пѣсню; Дюмонъ изрѣдка вторилъ ему голосомъ:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подула со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Съ того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать.

—Слышите-ль, мои подруженьки?
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ-ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

— «Гдѣ ужь помнить перелетному,—
Мнѣ подружки говорятъ,—
Пѣсню, можетъ быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?»

—Нѣтъ!—запѣлъ душа-соловушка,—
Въ чужедальной сторонѣ
Онъ все горькій сиротинушка,
Онъ все тотъ же, что и былъ.

Въ то самое время, когда Глѣбовской доканчивалъ куплетъ, за оврагомъ повторили послѣдній стихъ. Онъ замолчалъ: Филя пересталъ играть; всѣ собесѣдники смотрѣли другъ на друга въ изумленіи. Кто-то дрожащимъ, исполненнымъ грусти голосомъ продолжалъ пѣть:

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую,
Съ этой пѣснью и умретъ.

Здѣсь голосъ умолкъ.

— Что это значитъ?—говорили другъ другу собесѣдники. — Ужь это не вздохъ — цѣлая вѣсточка отъ родины!

— Не подшучиваетъ-ли кто надъ нами?

Глѣбовской готовъ былъ побожиться, что онъ одинъ въ отрядѣ знаетъ эту пѣсню. Требовали отъ Фили, чтобы признался, не выучилъ-ли онъ ей кого?

— Чтобъ языкъ отсохъ! По маковому зернышку меня-бъ разорвало!—возразилъ Филя. — У меня самого пѣсня эта была завѣтная; я берегъ ее за теплою пазушкой для свѣта-радости, красной дѣвицы въ тоскѣ, въ разлученьицѣ, по добромъ молодцѣ, по офицерчикѣ. Гм! (кашляетъ) за нее подарила-бы она меня словомъ ласковымъ, привѣтливымъ и рублевикомъ серебрянымъ.

Господа командеры! дайте мнѣ ордеръ развѣдать, какой окаянный пѣвчій передразниваетъ насъ?

— Развѣдаемъ, развѣдаемъ. И мы съ тобой! — закричали въ одинъ голосъ Дюмонъ и Глѣбовской. Но лишь встали они со своихъ мѣстъ и собирались идти, какъ на другой сторонѣ оврага мелькнулъ между кустами высокій мужчина, въ круглой шляпѣ съ широкими полями, закутанный въ плащѣ. Утренняя тѣнь ложилась отъ него длинной полосой тамъ, гдѣ не пересѣкали ее деревья. Онъ махнулъ собесѣдникамъ рукою, давая имъ знать, чтобы они не трудились его преслѣдовать, скрылся въ кустахъ, и пока наши стрѣлки успѣли—двое обѣжать оврагъ, а третій спуститься въ него кубаремъ и вскарабкаться по другому краю его, цѣпляясь за кусты—таинственный незнакомецъ былъ уже очень далеко на холму, скинулъ шляпу и исчезъ. Преслѣдовать его было невозможно. Досадуя на свою неудачу, Дюмонъ, Глѣбовской и передовой ихъ, Филя, возвратились въ кругъ товарищей. Всѣ опять принялись вертѣть пандоринъ ящикъ и пріискивать къ нему ключъ.

Лима. Ростъ, черные волосы напоминаютъ мнѣ моего проводника при Эррастферѣ. Да тотъ худо говорилъ по-русски, какъ мнѣ докладывалъ арріергардный офицеръ, которому онъ отдалъ кошелекъ съ деньгами. Правда, мнѣ, сколько припомнить могу, онъ довольно рѣчисто произнесъ: «Стой! оврагъ—и смерть!» И теперь эти слова отдаются въ моихъ ушахъ.

Дюмонъ. Напѣвъ не дѣлаетъ музыки.

Князь Вадбольскій. Не проводникъ-ли это нынѣшній?... Говорятъ, что онъ шведъ; какъ же заморской птицѣ этой распѣвать такъ хорошо по-нашему?... По какой причинѣ шведъ помогаетъ непріятелямъ своего отечества?... Развѣ изъ мести?... Не преступникъ-ли какой?... Можетъ быть, изгнанникъ?...

Слышали-ль вы, братцы, какъ онъ ночью покрикивалъ: *съ Богомъ!*—и въ голосѣ его что-то было не бусурманское!... Жаль, что мурзы нѣтъ съ нами. Своими мышиными глазами онъ видитъ ночью, какъ днемъ, и навѣрно успѣлъ его разглядѣть. Безъ того не ручался-бы онъ за него такъ, какъ за свою калмыцкую лошадь.

Полуектовъ. Да вотъ и онъ на поминѣ легокъ: несется съ холма, за которымъ скрылся таинственный пѣвецъ, и ведетъ за собою цѣлый обозъ провіанта.

Дюмонъ. Можетъ быть, и чудеснаго плѣнника приведетъ къ намъ.

Князь Вадбольскій *(махая рукою Мурзенкѣ, кричитъ ему):* Сюда, сюда, окаянный татаринъ!

Настоящая дорога, по которой тянулся черною нитью на двухколесныхъ телѣжкахъ обозъ, какъ встревоженный муравейникъ, перебирающійся на новоселье, обгибала далеко оврагъ, раздѣлявшій Мурзенко съ нашими собесѣдниками. Для нетерпѣливаго азіатскаго наѣздника кратчайшій путь есть лучшій: онъ не думалъ, который ему избрать. Взамѣну шпоръ, подобравъ немного поводья у своего черкесскаго коня, горбоносаго, поджараго и невиднаго, онъ полетѣлъ прямо на оврагъ. Подъѣхавъ къ нему, онъ привсталъ немного на сѣдлѣ, поотдалъ поводовъ, гикнулъ—и конь, соединивъ подъ себя свои ноги, какъ бы собравъ воедино всю свою силу, вдругъ раскинулъ ихъ, развернулъ упругость своихъ мускуловъ, мелькнулъ одно мгновенье ока на воздухѣ, фыркнулъ и, осаженный на заднія ноги ловкимъ всадникомъ, сталъ, будто вкопанный, передъ собесѣдниками. Только брызги земляныя полетѣли изъ-подъ него въ глаза ихъ.

— Зачѣмъ моя нужна?—спросилъ съ нетерпѣніемъ татарскій наѣздникъ.

Князь Вадбольскій *(протирая себѣ глаза)*. А забылъ, полковникъ-молодецъ, свою порцію водки?

Мурзенко *(усмѣхаясь)*. Добра, добра! *(Выпиваетъ, не слѣзая съ лошади, поднесенную ему чару)*. На этомъ спасибо! За то я ваша хлѣбца привезла, моя нынѣ выручили.

Князь Вадбольскій. Бьемъ челомъ тебѣ за хлѣбецъ; рады стараться впередъ, любезный товарищъ, лишь бы ты начиналъ. Да что у тебя на щекѣ, полковникъ?

Мурзенко *(хватаясь въ забывчивости за щеку, разрѣзанную ударомъ палаша)*. Эй, ей, раздразнила моя щека: моя было заговорила. Прощай! нѣтъ время.

Полуектовъ. Подожди немного, полковникъ! *(Хочетъ ухватить за узду лошадь, которая бросается на него, чтобъ укусить, такъ проворно, что онъ едва увертывается)*.

Мурзенко Лошадка моя любитъ только своя господина, да вольная луга. Говори твоя скорѣй, зачѣмъ моя надобна?

Полуектовъ. Не взялъ-ли ты кого въ плѣнъ на форпостѣ?

Мурзенко *(качая головой въ знакъ отрицанія)*. Нѣтъ.

Дюмонъ. Не видалъ-ли хоть проводника ночного?

Мурзенко. Нѣтъ.

Князь Вадбольскій. Тьфу, пропасть! не видалъ-ли кого тамъ чужого?

Мурзенко. Моя никого не видала, ничего не знаетъ. Прощай!

Съ этимъ словомъ онъ тронулъ повода лошади и поскакалъ къ фельдмаршальской ставкѣ.

Князь Вадбольскій. Замѣтили-ли, вы братцы, какъ онъ корчилъ свою плутоватую татарскую рожу? И чествованье ваше ему не въ честь. Злодѣй! не въ заговорѣ-ли ужь онъ съ пѣвцомъ?

Дюмонъ. Чего бы я не далъ, чтобъ узнать, кто этотъ чудесный человѣкъ?

Глѣбовской. Послать на форпостъ провѣдать объ немъ все равно, что не посылать: тамъ стоитъ Мурзенкова команда. Если онъ молчитъ, такъ и она не заговоритъ, хоть жги горячимъ желѣзомъ. Сотни его—члены этого животнаго.

Дюмонъ. Ужь не пропустили-ли кого татары безъ дежурнаго офицера?

Князь Вадбольскій. Офицеръ съ отрядомъ драгунъ только теперь отправился смѣнять калмыковъ да башкирцевъ. Впрочемъ, грѣхъ сказать и объ Мурзенковой командѣ, чтобы она не исполняла свято обязанности караульщиковъ.

Дюмонъ. Такъ же хорошо, какъ и обязанности зажигателей и грабителей; а между тѣмъ слава падаетъ на регулярное войско!

Лима. Что дѣлать, господа? Они незнакомы съ честолюбіемъ, не знаютъ, что такое преданность къ государю, любовь къ отечеству, что такое слава; ихъ честь—надежный конь, владыка — Мурзенко, почитаемый ими болѣе царя, потому что нагайка того нерѣдко напоминаетъ имъ о своемъ владычествѣ, а царская дубинка еще на нихъ не гуляла, удовольствіе ихъ — лихое наѣздничество, добыча грабежомъ — ихъ награда. За то летучимъ конямъ ихъ рѣки, какъ намъ гладкая дорога; по скаламъ они какъ козы прядаютъ. Какой драгунъ осмѣлился бы пуститься на двѣ трети разстоянія, которое Мурзенко перемахнулъ сейчасъ, будто ни въ чемъ не бывало? Вездѣ татаринъ составляетъ наше передовое войско; вездѣ очищаетъ намъ путь къ непріятелю ужасомъ своего имени. Подчините ихъ дисциплинѣ, и войско это будетъ для насъ безполезно.

Дюмонъ. Не задаривайте ихъ также...

Полуектовъ. А развѣ забылъ ты, братецъ, слово нашего великаго государя, да не мимо идетъ: *А сіи пистоли и въ Европѣ много пользуютъ, не только что у варваровъ.*

Дюмонъ. Такъ, да я сердитъ нынѣ на нихъ.

Лима. Это дѣло другое.

Глѣбовской. Особенно на Мурзенку, чтобъ...

Князь Вадбольскій. Чтобъ конь его хоть разъ въ жизнь свою споткнулся — на ровномъ мѣстѣ! Пропустить изъ-подъ ногъ зайца, а можетъ быть, краснаго звѣря—въ самомъ дѣлѣ досадно. Только что хвостикомъ мигнулъ! Да не вѣкъ же горевать, друзья! Если чудакъ любитъ русскія пѣсни, такъ мы его опять заловимъ на эту приманку; если онъ любитъ насъ, такъ самъ пожалуетъ, а недругъ — хоть вѣчно сиди въ своей берлогѣ!

Такъ кончилась занимательная бесѣда, прерванная шумомъ прибывшей пѣхоты и артиллеріи. Весь день прошелъ въ отдыхѣ. Къ полдню явился нѣмой *вожъ* [1]), представивъ, кому слѣдовало, свой пропускъ съ словами: *Илья Муромецъ.* Никто не былъ довольнѣе Ильзы его приходомъ: она обнимала, цѣловала его, называла милымъ братцемъ, а онъ, своей стороны, показывалъ краснорѣчивыми движеніями, что былъ очень радъ свиданію съ нею. Не наговорились они, Ильза на своемъ языкѣ, нѣмой — на своемъ. Мы узнали въ немъ того самаго дѣтину, котораго видѣли на мызѣ Блументроста въ слезахъ отъ того, что другіе плакали.

Вечеръ наволокъ густыя тучи, въ которыхъ, безъ грозы, разыгрывалась молнія. Подъ мракомъ ихъ отправился русскій отрядъ черезъ горы и лѣса къ Сагницу,

---

[1]) Такъ звали проводниковъ.

до котораго надо было сдѣлать около сорока верстъ. Уже сѣверные орлы, узнавъ свои силы, расправили крылья и начинали летать по орлиному. Оставимъ ихъ на время, чтобы познакомить читателя съ лицомъ, еще мало ему извѣстнымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НОЧНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ

Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ,
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.

Крыловъ.

А этотъ точно плутъ, и плутъ первостатейный!

Хмѣльницкій.

Была ночь. Окрестность Рингенской мызы слилась во мракъ, сгущенный черною тучей, задвинувшею небо. Подойдя къ самому пригорку, на которомъ стояли развалины замка и господскій домъ, ничего нельзя было различить, кромѣ нѣсколькихъ черныхъ, безобразныхъ громадъ. Только повременамъ, когда въ черной тучѣ загоралась длинная, красноватая молнія, освѣщавшая окружность, видны были на возвышеніи влѣво, подъ сѣнью сосноваго лѣса, бѣдные остатки замка, и правѣй его двухъэтажный домъ. О прежнемъ великолѣпіи дома свидѣтельствовали еще множество статуй Нептуновъ, Діанъ, Флоръ и прочихъ сочленовъ Олимпа съ разбитыми головами или обломанными руками, остатки на фронтонѣ искусной лѣпной работы и два безхвостыхъ Сфинкса, еще, впрочемъ, въ добромъ здоровьѣ, охранявшихъ входъ въ это жилище. Въ то же время и настоящее жалкое положеніе его выказывали пе-

страя штукатурка, выпавшіе изъ угловъ кирпичи, поросшіе изъ-подъ кровли кусты и разбитыя стекла, залѣпленныя бумагою или обтянутыя пузырями. За домомъ видна была купа деревъ, огражденная двойнымъ валомъ, сходившимъ съ возвышенія до самой рѣчки Метты, которая, извиваясь подъ пригоркомъ, разыгрывалась въ проблески молніи, какъ полосы дружно размахнутыхъ косъ. Кругомъ, кое-гдѣ по холмамъ, стояли рощи.

Около дома Рингенскаго барона все было тихо, будто около дома опальнаго. Лишь къ полуночи въ развалинахъ замка расхохоталась сова, какъ нѣкогда въ блистательную эпоху его нечистый смѣялся, когда знаменитый портной-художникъ, выписанный изъ чужихъ краевъ, снарядилъ дочь хвастливой Тедвенъ въ такое платье, которому не было подобнаго во всей Ливоніи, — той самой Тедвенъ, мимоходомъ скажемъ, которая умерла потомъ въ Гапсалѣ въ такой нищетѣ, что не на что было купить ей савана и гроба. Нѣсколько сторожкихъ псовъ лаемъ и воемъ своимъ отвѣчали изрѣдка крикливой совѣ, и летучія мыши, ныряя въ воздухѣ туда и сюда, пискомъ своимъ показывали, какое веселое раздолье приготовили имъ мракъ ночи и безлюдство этой пустыни. Въ верхнемъ этажѣ нарушалъ тишину одинъ вѣтеръ, жужжавшій въ лоскутахъ бумаги, которыми нѣкоторыя окна были худо замазаны. Когда эта музыка соединялась въ адскій хоръ, и статуи, при сверканіи красноватой молніи, выступали изъ мрака впередъ, какъ мертвецы въ своихъ саванахъ, и опять съ нею убѣгали во мракъ,—тогда и молодецъ съ крѣпкими мышцами и безтрепетнымъ сердцемъ, проѣзжая этими мѣстами, невольно долженъ былъ прочитать молитву. У подъемнаго моста, гдѣ были и ворота въ замокъ, на берегу Метты, кто-то легонько кряхтѣлъ и покашливалъ повременамъ, отъ страха ли,

или—можетъ, то былъ сторожъ — желая дать знать своему господину, что онъ неусыпно исполняетъ свои обязанности.

Внутри дома, въ задней угольной комнатѣ трепеталъ въ мѣдномъ, заржавленномъ ночникѣ огонь, скупо питаемый конопляным масломъ, и бросалъ тусклый свѣтъ на предметы, въ ней находившіеся. За столомъ, накрытымъ черною восчанкой, сидѣлъ старичокъ. На лысой головѣ его торчало нѣсколько хлопковъ сѣдыхъ съ рыжиною волосъ. Онъ не былъ безобразенъ, но черты лица его, нѣкогда правильныя, нынѣ искривленныя злобою и подозрѣніемъ, возбуждали отвращеніе во всякомъ, кто только въ него всматривался. Блѣдное лицо его свидѣтельствовало, что въ немъ безпрестанно работали гнусныя страсти; подъ навѣсомъ рыжихъ бровей, налитые кровью глаза доказывали также, что онъ проводилъ ночи въ тревожной безсонницѣ. На немъ былъ кофейнаго цвѣта объяринный шлафрокъ со множествомъ свѣжихъ заплатъ, подобныхъ клѣткамъ на шашечной доскѣ. Изъ-подъ распахнувшагося шлафрока видны были опущенные по икры чулки синяго цвѣта, довольно заштопанные, и туфли, до того отказывавшіяся служить, что изъ одного лукаво выглядывалъ большой палецъ ноги. Высокій и узкій задокъ стула, на которомъ сидѣлъ отвратительный старикъ, былъ переплетенъ проволокою. Комната, довольно длинная, но чрезвычайно узкая, имѣла только одну дверь и одно окно, изнутри запертое желѣзными ставнями и такимъ же огромнымъ болтомъ. По всѣмъ стѣнамъ, кромѣ той, въ которой была дверь, стояли сплошные шкапы простой, однакожъ, крѣпкой работы. Шкапы эти были, иные съ дверками, другіе съ одними полками, уставленными штофами, банками и пузырьками, и третьи съ выдвижными ящиками, изъ которыхъ на каждомъ были слѣдующія надписи: гвозди 1-го, 2-го,

3-го и 4-го сортовъ, петли, замки, крючки, подковы новыя и старыя, ножницы стальныя и мѣдныя, ломъ мѣдный, желѣзный, оловянный, и такъ далѣе, все, что принадлежитъ къ мелочному, домашнему хозяйству. По стѣнѣ, не занятой шкапами, висѣли лоскуты разныхъ матерій, пуками по цвѣтамъ прибранныхъ, тутъ же гусиное крыло, чтобы сметать съ нихъ пыль, мотки нитокъ, подметки и стельки новыя и поношенныя, содранные кожаные переплеты съ книгъ и деревяшки для пуговицъ, — все это съ надписями, іероглифами, замѣтками и вычисленіями, и все въ такомъ порядкѣ, что неусыпный хранитель этихъ сокровищъ могъ въ одну минуту взять вещи, ему нужныя, и знать, когда онѣ поступили къ нему въ приходъ, сколько изъ нихъ въ расходѣ и затѣмъ въ остаткѣ. Похищеніе одной деревяшки сейчасъ могло быть открыто. Таковъ былъ кабинетъ Рингенскаго помѣщика и перваго богача въ Лифляндіи, барона Балдуина Фюренгофа, дяди Адольфа и Густава Траутфеттеровъ, уже намъ извѣстныхъ.

Онъ всталъ со стула, взялъ ночникъ, заперъ дверь кабинета ключомъ, вышелъ въ ближнюю комнату, въ которой стояла кровать со штофными, зеленаго, порыжѣлаго цвѣта, занавѣсами, висѣвшими на мѣдныхъ кольцахъ и желѣзныхъ прутьяхъ; отдернулъ занавѣсы, снялъ со стѣны въ альковѣ кровати пистолетъ, подошелъ къ двери на цыпочкахъ, приставилъ ухо къ щели замка, и воротился въ кабинетъ успокоенный, что все въ домѣ благополучно. Храпѣли мальчики и дѣвочки у дверей разныхъ комнатъ. Только тотъ, кто захотѣлъ бы пройти до скупого и злого барона, долженъ былъ наступить на нихъ и произвесть тревогу въ домѣ.

Запершись въ кабинетѣ и положивъ ночникъ и пистолетъ на столъ, Фюренгофъ подошелъ къ одному шкапу, вынулъ изъ него деревянный ящикъ съ гвоздиками № 4-й, засунулъ руку дальше, и вынулъ

укладку, на которой тоже была надпись: гвозди № 4-го. Безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь, онъ поставилъ дрожащими руками укладку на столъ. Долго пыталъ онъ цѣлость ея, долго разглядывалъ, не оказывается ли въ ней щели; наконецъ, выдвинулъ изъ нея дощечку, и пожалъ подъ нею пружину, отъ чего изъ укладки отскочила крыша. Вынувъ изъ этого, повидимому, денежнаго гроба нѣсколько свертковъ въ бумагѣ, положилъ ихъ на столъ; потомъ попеременно клалъ на ладонь и съ улыбкою взвѣшивалъ ихъ тяжесть. Потѣшившись такимъ образомъ, онъ развернулъ свертки—и золото одинакой величины монетъ заиграло въ его глазахъ. Примѣтно было, что блескомъ нѣкоторыхъ онъ особенно любовался; другія, находя нѣсколько тусклыми, осторожно чистилъ щеточкой съ бѣлымъ порошкомъ до того, что онѣ загорѣли, какъ жаръ. Отъ радости онъ захохоталъ, и вдругъ, самъ испугавшись этого судорожнаго хохота, съ ужасомъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и старался затаить свое удовольствіе въ глубинѣ сердца. Успокоившись, нарѣзалъ онъ изъ бумаги, въ мѣру монетъ, нѣсколько кружковъ, переложилъ ими вычищенныя монеты, потомъ вздохнулъ, какъ будто разлучаясь съ другомъ, свернулъ золото въ старыя обвертки, съ другимъ вздохомъ уложилъ милое дитя въ гробъ его до новаго, радостнаго свиданія, и готовился вдвинуть ящикъ на прежнее мѣсто, какъ вдругъ собаки залились лаемъ и, немного погодя, сторожъ затрубилъ въ трубу. Скупецъ затрепеталъ, какъ осиновый листъ; руки у него съ ящикомъ остались въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застала тревога въ домѣ; блѣднѣть уже болѣе обыкновеннаго онъ не могъ, но лицо его отъ страха подергивало, какъ отъ судорогъ. «Что это значитъ? Въ полуночь?»—сказалъ онъ самъ себѣ, старался ободриться и, дрожа, спѣшилъ привести ящики, шкапъ и кабинетъ

въ прежнее укрѣпленное состояніе. Послѣ того надѣлъ на себя засаленный колпакъ, взялъ ночникъ, положилъ пистолетъ за пазуху, попыталъ крѣпость замка у кабинета, вывелъ у двери пескомъ разныя фигуры, чтобы слѣды по немъ были сейчасъ видны, и обошелъ рундомъ всѣ комнаты въ домѣ. Всѣ посты, кромѣ одного, были заняты проснувшимися ребятишками и дѣвочками, испитыми, растрепанными, босыми въ лохмотьяхъ. «Марта! Марта!» — грозно закричалъ баронъ, и на крикъ этотъ выбѣжала женщина не старая, но съ наружностію мегеры, въ канифасной кофтѣ и темной, стаметной юпкѣ, въ засаленномъ чепцѣ, съ пукомъ ключей у пояса на одной сторонѣ и лозою на другой, въ башмакахъ съ высокими каблуками, которые своимъ стукомъ еще издали докладывали о приближеніи ея. Это была достойная экономка барона Балдуина и домашній его палачъ.

— «А, а! дружище!»—сказалъ Фюренгофъ и указалъ ей на дѣвочку лѣтъ десяти, лежавшую, согнувшись въ клубокъ, у одной изъ дверей. Мегера немилосердно толкнула несчастную жертву въ спину и, не давъ ей времени одуматься отъ страха, принялась хлестать ее лозою до того, что она упала безъ чувствъ на полъ. Здѣсь послышался на мосту нетерпѣливый крикъ и стукъ. — «Видно, пожаловалъ неугомонный гость?» — проворчалъ съ сердцемъ старикъ.—«Марта! спроси въ окно, кто осмѣливается такъ безпокоить меня по ночамъ?»

Экономка спѣшила въ точности выполнить приказъ своего повелителя. Сторожъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ Гельмета господинъ Никласзонъ, и грозится стрѣлять по окнамъ дома *милостиваго* барона, если не скоро пропустятъ его черезъ мостъ.

— Вели пустить! — сказалъ Фюренгофъ, спустившись на тонъ, болѣе мягкій, когда услышалъ магиче-

ское для него слово, и приготовился встрѣтить гостя, бормоча сквозь зубы: — Охъ! этотъ вѣщунъ полуночный! Зачѣмъ нелегкая несетъ его такъ поздно?

Комната, гдѣ второпяхъ остановился баронъ, походила также на кабинетъ, только другого рода, нежели тотъ, въ которомъ мы его прежде застали. Кромѣ старыхъ фоліантовъ, книгъ, большею частію безъ переплетовъ, плановъ и бумагъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, да двухъ, трехъ фамильныхъ портретовъ, шевелившихся при малѣйшемъ стукѣ дверей, въ немъ ничего не было. Какъ повислое крыло ушибленной птицы, свѣсилась надъ портретомъ оторванная съ одного конца панель, а съ другой едва придерживаемая гвоздемъ. Здѣсь стоялъ сальный огарокъ, который баронъ поспѣшилъ зажечь. Въ этомъ кабинетѣ ожидалъ онъ своего гостя. Явился Никласзонъ въ плащѣ, опоясанномъ широкимъ ремнемъ, за которымъ было два пистолета, въ шляпѣ съ длинными полями и съ арапникомъ въ рукѣ. Грубая досада и коварство перемѣшивались на его лицѣ. Мартѣ данъ знакъ удалиться.

— А, а, дружище! Откуда? Зачѣмъ Богъ несетъ такъ поздно?—сказалъ Фюренгофъ, обнимая Никласзона.

— Богъ? не произноси этого имени! — возразилъ гость, принимая холодно объятія хозяина и бросивъ шляпу на столъ,—въ нашихъ дѣлахъ нѣтъ Его.

— Дружище, что съ тобою? Здоровъ-ли ты? Садись-ка, отдохни, любезный! (придвигаетъ ему стулъ).

— Вели подать мнѣ прежде вина, да смотри, для *меня!*

— Отвесть душку? хорошо! Венгерскаго что-ли? Чистаго венгерскаго, которое берегу только для такихъ пріятелей, какъ ты. Масло, настоящее масло, дружище!

— Хорошо!

— А можетъ, позволишь капрскаго? Остаточекъ

отъ пира, который дѣлалъ король польскій при переименованіи Динаминда въ Аугустенбургъ. Сладокъ, пріятенъ, щиплетъ немного языкъ...

— Какъ твоя Марта. Что-нибудь хорошаго, да поскорѣе!

Старикъ вышелъ въ другую комнату и хлопнулъ раза два въ ладони. На этотъ знакъ явилась растрепанная экономка съ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ. Онъ сердито посмотрѣлъ на нее и примолвилъ:—Вотъ что значитъ гость по сердцу! Гмъ! Наряды другіе!

— Прежній чепчикъ...—отвѣчала, запинаясь, Мегера,—былъ въ... крови...

— Сатанинскія отговорки! Знаемъ! Слышь, принеси намъ венгерскаго перваго сорта. *Понимаешь?* а?

— Слушаю и понимаю, — проворчала экономка и вышла изъ комнаты, хлопнувъ сердито дверью.

— Вотъ каковы нынѣ служители, дружище! — вздыхая сказалъ баронъ, садясь близъ своего гостя.— А сколько попеченій объ нихъ? Пой, корми, одѣвай, заботься объ ихъ здоровьѣ, благодѣтельствуй имъ и, наконецъ, въ награду тебѣ, хлопнутъ подъ носъ дверью!

— Зачѣмъ ты сослалъ на пашню служителей отца своего?

— Они служили отцу, не мнѣ; къ тому-жъ избалованы, страхъ избалованы; захотѣли-бы и меня впречь въ соху, да стали-бы еще погонять; пустили бы и меня по міру. Я хочу воспитать своихъ служителей для себя собственно, по своему обычаю, своему нраву. Надобно держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, чтобы они не очнулись; надобно гремѣть надъ ними; тогда только они на что-нибудь годятся.

— Между ними были старики испытанной вѣрности.

— Вѣрность? Гдѣ нынѣ найти ее? Все тунеядцы, трутни, вольницы. Только и заботъ, что о себѣ, объ

новой редукціи, о какихъ-то правахъ человѣческихъ, а объ господинѣ давно забыли. Вообрази, любезный, я вздумалъ одного изъ этихъ служителей испытанной вѣрности легонько наказать—и то, дружище, съ отдыхомъ—чтожъ онъ, бунтовщикъ?... Я, кричитъ на весь дворъ, старый камердинеръ вашего батюшки, ходилъ съ нимъ въ походъ; да что это будетъ? нынѣ времена не тѣ: есть въ Лифляндіи и судъ и ландратъ. Повѣришь-ли? Едва не сбунтовалась вся дворня.

— Хорошо! Зачѣмъ же ты согналъ прежнюю любимицу свою Елисавету?

— Елисавету?

— Да, обольщенную тобою, обманутую, твою благодѣтельницу, по милости которой такъ же, какъ и по моей, получилъ ты все, что имѣешь?

— Она была свидѣтельницею... она избаловала всю дворню, брала надо мною верхъ, хотѣла быть госпожею всего... меня ужъ не ставила и въ пфеннигъ. Впрочемъ, господинъ Никласзонъ, къ чему такіе вопросы въ такое время?

— Къ чему? (Никласзонъ коварно посмотрѣлъ на своего собесѣдника).

— Да, зачѣмъ тревожить прахъ мертвыхъ? Развѣ ты хочешь забыть, что она умерла, схоронена и покоится на кладбищѣ до будущаго воскресенія мертвыхъ?

— Умерла такъ же, какъ я умеръ, схоронена какъ я.

— Развѣ... ты... другъ?

— Видно, ошибся одною унціею: чтожъ дѣлать? И не на насъ бываетъ такая бѣда, что одною лишнею унціей или недостаткомъ унціи, убиваютъ и оживляютъ.

— Чтожъ?... развѣ есть вѣсти?... — дрожащимъ голосомъ спросилъ ужасный баронъ, едва держась на стулѣ.

— Есть. Знай, старикъ неразумный: бывшая служительница Паткуля, питомка отца твоего, твоя любимица, моя съ тобою сообщница въ злодѣяніи... (взглянувъ на шевелившійся портретъ). Что ты не велишь снять этого блѣднаго старика, который на насъ такъ жалко смотритъ, будто упрашиваетъ? Также свидѣтель!...

— Тише, тише, другъ, я слышу шаги Марты. (Онъ утеръ рукою холодный потъ съ лица и старался принять веселый видъ). Славное винцо, божусь тебѣ, славное! (Вошла экономка, у которой онъ вырвалъ изъ рукъ бутылку, рюмку, и потомъ налилъ вина дрожащими руками). — Выпей-ка, дружище! послѣ дороги не худо подкрѣпить силы.

— Прошу начать,—сказалъ твердо Никласзонъ.

— Между друзьями? Это ужъ осторожность слишкомъ утонченная.

— Безъ обиняковъ. Мы другъ друга знаемъ: я пріѣхалъ не знакомиться съ тобою.

— Будь по твоему! За здоровье моего добраго, вѣрнаго пріятеля! (Выпиваетъ рюмку вина).

Никласзонъ взялъ рюмку и бутылку, самъ налилъ и, произнеся:—Да погибнутъ враги наши!—приложилъ губы къ стеклу, наморщился и выплеснулъ вино на полъ.—Твоя экономка ошиблась? Это уксусъ!

— Марта, что это значитъ?

— Вы приказали перваго сорта, — отвѣчала экономка,—не въ первый разъ *понимать* васъ.

— Бездѣльница! — вскричалъ старикъ, топая ногами,—принеси перваго нумера. *Знаешь?*

— Теперь *знаю*,—сказала Марта и вышла изъ комнаты.

Баронъ придвинулъ стулъ ближе къ своему сообщнику и жалкимъ, униженнымъ голосомъ, потирая себѣ ладони, началъ такъ говорить:

— Какъ же вы, любезный другъ, знаете, что... она... но вы надо мною шутите? Можетъ быть, старые долги?

— Я не пріѣхалъ-бы шутить въ ужасную полночь, къ тебѣ, на твою мызу, гдѣ одни черти за волосы дерутся. Извѣстно мнѣ такъ вѣрно, какъ сижу теперь на стулѣ, въ домѣ твоемъ, какъ тебя вижу въ трясучкѣ отъ страха; извѣстно мнѣ — говорю тебѣ, Балдуину Фюренгофу — что Елизавета, тобою изгнанная, мною не доморенная, живетъ, подъ латышскимъ именемъ Ильзы, въ русскомъ станѣ, въ должности маркитантки.—При этихъ словахъ разстегнулъ онъ верхъ плаща, вынулъ изъ бокового кармана двѣ бумаги и, подавая Фюренгофу одну, произнесъ съ злобною усмѣшкой:—Читайте, господинъ баронъ! полюбуйтесь господинъ баронъ!

Балдуинъ придвинулъ къ себѣ свѣчу, взялъ бумагу и, разглядѣвъ заглавіе и почеркъ, едва не выронилъ ее изъ рукъ. «Что-то рябитъ въ глазахъ... — сказалъ онъ, запинаясь. — Почеркъ знакомый! Точно, это ея злодѣйская рука!» Онъ началъ читать про себя. Примѣтно было, какъ во время чтенія ужасъ вытискивался на лицѣ его; губы и глаза его подергивало. Пробѣжимъ и мы за нимъ содержаніе письма:

«Елизавета Трейманъ Эліасу Никласзону».

«Какъ посторонняя тебѣ женщина, не желаю мира душѣ твоей: это было бы напрасное желаніе! Ни ты ни твой сообщникъ, ни я, подлое орудіе вашихъ преступленій, не можемъ уже вкушать мира ни въ здѣшнемъ свѣтѣ, ни въ другомъ. Могу-ли желать тебѣ мира по чувству ненависти къ вамъ, которое развѣ гробовой камень во мнѣ придавитъ? Если вамъ дано пользоваться хотя наружнымъ спокойствіемъ, — пишу къ вамъ для того, чтобы его нарушить. Знайте, злодѣи, я жива ни однимъ тѣломъ; жива духомъ мщенія,

ужаснымъ, неумолимымъ, какъ было ужасно, неумолимо обращеніе со мною твоего собрата по злодѣяніямъ. Трепещите! день этого мщенія приближается; онъ будетъ днемъ страшнаго суда для васъ, не ожидающихъ его и не вѣрующихъ въ Судію Вышняго. Слушайте! Подлинное завѣщаніе никогда не было уничтожено; столько-же преступная, какъ и вы, я была умнѣе и осторожнѣе васъ: я сохранила это завѣщаніе и обманула двухъ опытныхъ плутовъ. Прибавлю еще къ мученію вашему: оно лежитъ на землѣ Рингенской. Стерегите его день и ночь, или взройте всю область князя ада, барона сатаны, чтобы отыскать его. Ожидайте меня. Часъ мщенія, часъ вашего суда наступаетъ. Иду... скоро сподоблюсь увидѣть васъ лицомъ къ лицу въ адскихъ терзаніяхъ. О! какъ наслажусь я ими! — Скоро увидите передъ собою съ ужасною бумагой, вмѣсто бича, Елизавету Трейманъ».

— Ну, баронъ, какъ *вамъ* нравится это цыдулка? — хладнокровно сказалъ Никласзонъ. (Фюренгофъ не отвѣчалъ ничего и впалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой могъ только исторгнуть его адскій смѣхъ товарища). — Ха, ха, ха! лукавъ, какъ лисица, и трусливъ, какъ заяцъ! Полно предаваться отчаянію: развѣ нѣтъ у тебя друзей?

— Друзей? Правда, я забылъ объ одномъ. Другъ, помоги мнѣ нынѣ; выручи меня и требуй...

— Кислаго вина, не такъ-ли? Знаемъ цѣну вашихъ обѣщаній, знаемъ также, какъ вы ихъ держите. Впрочемъ, я берусь помогать тебѣ съ условіемъ слушаться моихъ совѣтовъ, какъ твои маленькіе мученики лозы Марты.

— Готовъ все сдѣлать.

— Видишь, попавши въ когти къ дьяволу, не легко изъ нихъ выпутаться: надо имѣть умъ самого Вельзевула, умъ мой, чтобы высвободить тебя изъ

этихъ тенетъ. Чу! слышны каблучки прелестной Гебы.

Вошла экономка съ бутылкою вина, хорошо засмоленною, поросшею отъ старости мхомъ, и съ ярлыкомъ изъ бересты, на которомъ была надпись: *старожинскій*.—Вотъ это, видно, доброе венгржино, — сказалъ Никласзонъ. — Подайте-ка прежде своему Юпитеру; Меркурій знаетъ свой чередъ. (Старикъ, не отговариваясь, налилъ себѣ полрюмки, выпилъ ее безъ предисловій и тостовъ, потомъ передалъ бутылку и рюмку гостю).—Вотъ это винцо! — вскричалъ Никласзонъ, выпивая рюмку за рюмкою. — Помянуть можно покойниковъ, что оставили намъ это добро, не вкусивши его Нѣтъ, въ замкѣ Гельметъ люди жили поумнѣе и теперь живутъ также: наслаждались и наслаждаются не только своимъ, даже и чужимъ; а дѣткамъ велятъ добывать добро трудами своими.—Онъ наставилъ себѣ горлышко бутылки въ ротъ. Старикъ, трясясь отъ жадности, предлагалъ ему нѣсколько разъ рюмку, которую Никласзонъ, наконецъ, въ досадѣ оттолкнулъ отъ себя такъ, что она, упавъ на полъ, расшиблась вдребезги. «Что ты мнѣ рюмочку подставляешь? Мы умѣемъ пить изо всей. Торговаться сталъ, дрянной старичишка? Хочешь?...»

— Кушай, любезный, на здоровье. Я думалъ, что венгерское пьютъ рюмочками.

— То-то и есть! Марта, подойди сюда. Старый хрычъ! вели ей подойти ко мнѣ: она боится тебя.

— Марта, подойди къ господину Никласзону, онъ тебя не укуситъ.

Экономка подошла къ гостю; тотъ хотѣлъ ее поцѣловать; она съ притворнымъ жеманствомъ отворотилась.

— Баронъ, что это значитъ?

— Марта поцѣлуй господина Никласзона, когда онъ дѣлаетъ тебѣ эту честь.

Властолюбивый гость наклонилъ голову на одну сторону и назначилъ указательнымъ пальцемъ мѣсто на щекѣ, которое она должна была поцѣловать. Экономка съ видомъ отвращенія исполнила повелѣніе своего господина.

— Поцѣлуи Елизаветы были горячѣе твоихъ. Славная была дѣвка Ильза! Что ты стоишь передъ нами, старая вѣдьма? Вонъ!

Марта покачала головой и, поглядѣвъ изъ подлобья на своего повелителя, превратившагося изъ ужаснаго волка въ смирную овечку, спѣшила оставить собесѣдниковъ однихъ. Никласзонъ ударилъ рукою по бумагѣ, которую бросилъ на столъ передъ напуганнымъ барономъ, перекачнулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, такъ что длинный задокъ его опирался краемъ объ стѣну, и положа ноги на столъ, произнесъ грозно:—Первое письмо было къ свѣдѣнію, а это къ исполненію. Читай-ка, доброжелатель мой, да потише, а то нынѣ и двери слышатъ.

Фюренгофъ взялъ бумагу, ему подложенную, и началъ читать про себя, выговаривая по временамъ нѣкоторыя слова строки вслухъ: «Зная... ваши... съ моимъ родственникомъ...» (взглянувъ на подпись, съ изумленіемъ): Паткуль родственникъ? Висѣльникъ! измѣнникъ! право забавно! «Русскому войску... $\frac{17}{29}$ нынѣшняго мѣсяца... въ Гуммельсгофѣ». — Что это за сказки? Объ русскихъ въ Лифляндіи перестали и поминать. Едва ли не ушли они въ Россію. Чего ему хочется?

— Кошкѣ хочется игрушекъ, а мышкамъ будутъ слезки.

— Это не прежнія времена пошучивать надъ роденькою: кажется, было чему отбить любовь къ чудесностямъ!—«Пятьсотъ возовъ провіанта непремѣнно... къ назначенному числу».—Пятьсотъ возовъ? Бездѣлица!

Въ умѣ-ли онъ? — «И сверхъ того...» — Что еще?— «$\frac{16}{28}$ числа явиться ему, Балдуину... Фюренгофу... самому... въ покойной колымагѣ, лучшей, какую только... къ Сооргофскому лѣсу. Онъ долженъ...»—Что за долгъ? Что за обязанность? Дѣло другое вы, любезный другъ!

— Моя судьба зависитъ отъ него: я *ему* служу.

— Ему? Возможно-ли? Кажется, вы преданнѣйшій человѣкъ баронессѣ Зегевольдъ.

— По наружности! Что мнѣ отъ нея? какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока. Довольно, что я храню твои тайны; уже, конечно, не обязанъ я тебѣ открывать своихъ. Но теперь, повторяю тебѣ, моя судьба ему принадлежитъ; съ моею связана твоя участь: вотъ предисловіе къ нашему условію. Читай далѣе и выбирай.

— «...подъ именемъ Діонисія Зибенбюргера, иностраннаго путешественника, механика, физика, оптика и астролога; примѣты: необыкновенно-красный носъ... горбъ назади... извѣстенъ... по рекомендательнымъ письмамъ изъ Германіи... съ условіемъ хранить... тайну... до двухъ часовъ пополудни того-жъ дня. Невыполненіе... открытіе фальш... завѣ... разореніе имѣнія... тюрьма и мучительная смерть».—Открытіе! разореніе! тюрьма! смерть! (Задумывается, потомъ опять принимается за чтеніе письма).—«За вѣрныя же услуги... удовольствіе посмѣяться... сохраненіе имущества... жизни... тайны. Сверхъ того уполномочиваю васъ, господинъ Никласзонъ, облегчить налогъ хлѣбомъ, сколько вы заблагоразсудите. Остается ему выбирать любое».—По прочтеніи этой записки и, повидимому, деспотическаго условія, выраженнаго въ ней, баронъ впалъ опять въ глубокую задумчивость, по временамъ качалъ головой, разсчитывалъ что-то по пальцамъ, то улыбался, то приходилъ опять въ уныніе и разсѣянность.

— И я думалъ, и я разсчитывалъ, какъ ты—кажется, эта башка не глупѣе твоей (здѣсь Никласзонъ покачнулся впередъ, поставивъ стулъ на полъ, и ударилъ себя пальцемъ по головѣ) — а пришлось свести всѣ думы и разсчеты на одно: согласиться выполнить требованіе Паткуля. На губахъ твоихъ вижу возраженіе. Тсъ! подожди говорить, сѣдая, остылая голова! Я за тебя буду разсуждать и за тебя рѣшу. Слушай же. Казалось бы съ перваго взгляда, что Паткуль кладетъ голову свою прямо въ пасть сѣверному льву; что этотъ сладкій кусочекъ, переходя черезъ наши руки, долженъ бы и намъ доставить высокія награды. Но вникнувъ хорошенько въ существо дѣла, назовешь себя дуракомъ за то, что даже одну минуту могъ остановиться на возможности этого предположенія. Можетъ ли статься, чтобы тотъ, кто избранъ былъ на двадцать пятомъ году жизни отъ лифляндскаго дворянства депутатомъ къ хитрому Карлу XI и умѣлъ ускользнуть отъ сѣкиры палача, на него занесенной; чтобы вельможа Августа, обманувшій его своими мечтательными обѣщаніями; возможно ли, спрашиваю тебя самого, чтобы генералъ-кригскоммисаръ войска московитскаго и любимецъ Петра добровольно отдался, въ простотѣ сердца и ума, въ руки жесточайшихъ своихъ враговъ, когда ничто его къ тому не понуждаетъ? Это невозможно! Это несбыточно! Вспомни, что баронесса Зегевольдъ врагъ его, что генералъ Карла XII, Шлиппенбахъ, врагъ еще болѣе заклятый. Потѣха надъ ними отзовется въ сердцѣ Карла. Вотъ чего хочется мстительной, властолюбивой душѣ Паткуля! Но если намѣреніе его игрушка, прихоть, то она прихоть, основанная на вѣрныхъ разсчетахъ ума, на тонкомъ знаніи человѣческаго сердца, особенно твоего,—понимаешь ли?—а не на смѣломъ, безразсудномъ желаніи удовлетворить одной любви къ чудесно-

сти. Теперь примемся за другіе политическіе виды. Кто, спрашиваю тебя, изъ лифляндцевъ, если онъ только не слѣпъ, не видитъ, что горсть шведовъ, безпрестанно умаляющаяся, не въ состояніи противостать многочисленному русскому войску, безпрестанно возрастающему? Что сдѣлаетъ эта горсть, раздѣленная несогласіемъ начальниковъ, противъ стотысячной арміи? Я не астрологъ, также и ты не хватаешь звѣздъ съ политическаго небосклона, но угадать можемъ скорую участь здѣшней страны. Давно ли отсюда, изъ твоего дома, слышали мы громъ русскихъ пушекъ, отдаваемый покорными имъ вершинами Эррастфера? Давно ли видѣли мы тысячи крестьянскихъ семействъ и бароновъ, не хуже тебя, въ рубищахъ, съ плачемъ бѣжавшихъ изъ опустошенныхъ татарами селъ и мызъ искать въ окрестностяхъ Рингена куска насущнаго хлѣба и крова отъ зимней непогоды? Не въ подвалѣ ли твоемъ жило благородное семейство, нѣкогда богатое, потомъ обнищавшее? Напрасно тѣшитъ себя Шлиппенбахъ съ *своимъ* преданнымъ и всезнающимъ *шведомъ*, мечтою нечаяннаго нападенія на русскихъ! Я имѣю вѣрное извѣстіе, что онъ предупрежденъ и что безчисленное русское войско зальетъ эту страну завтра или послѣ-завтра. Объявить Шлиппенбаху, не желающему *нашихъ* услугъ, то, что я знаю, то, что ты теперь знаешь, было бы только остановить на нѣсколько часовъ судьбу, которая должна скоро совершиться надъ нашимъ краемъ. Можетъ статься, уже и поздно! Наше усердіе придастъ ли силы его корпусу, ослабитъ ли бурный потокъ, къ намъ вторгающійся? Какую пользу извлечемъ мы отъ того для себя? *Для себя* — замѣть это, мой пріятель: замѣть, я и ты должны думать о себѣ, а прочими пустыми именами долга, чести, отечества, пусть здравствуетъ и питается кто хочетъ. Не правда ли?

— А, а, дружище! вы приводите разстроенныя мысли мои, мои чувства въ порядокъ. (Здѣсь Фюренгофъ придвинулся еще ко гостю и пожалъ ему дружески руку).

— Выдача клевретамъ Карла XII личности врага есть, конечно, пріобрѣтеніе его величества и громкаго имени. Благодарность, громкое имя... опять скажу пустыя имена, кимвальный звонъ! Намъ съ тобою надобны деньги, деньги и деньги, мнѣ чрезъ нихъ наслажденія вещественныя. Чѣмъ долѣе наслаждаться, тѣмъ лучше; а тамъ міръ хоть травой зарости. Чтожъ пасторы говорятъ о душѣ... ха, ха, ха! (Въ это время послышался крикъ совы въ замкѣ). Что это захохотало въ другой комнатѣ?

— Не безпокойся, любезный, это сова поетъ въ развалинахъ.

— Охота барону держать у себя этихъ пѣвчихъ. Я давно бъ имъ шею свернулъ и отправилъ смѣяться на тотъ свѣтъ.

— Вотъ видишь, она кричитъ, какъ домовой: слышишь?

— Хороши пѣсни!

— За то пугаетъ воровъ. Но продолжайте, любезный, вашу утѣшительную, сладкую бесѣду, отогрѣвающую мое оледенѣвшее сердце.

— Намъ съ тобою надобны деньги; не правда ли?

— А, а, дружище!

— Бѣднякъ Шлиппенбахъ дастъ ли намъ ихъ? Сколько шиллинговъ отсыплетъ намъ Карлъ, которому содержатъ нечѣмъ было бы войско безъ контрибуціи съ Польши,—Карлъ, который, лишь только напомнимъ ему о наградѣ—забудетъ наши услуги и помнить будетъ только нашу докучливость? Къ тому-жъ богатому барону не подумаютъ дать денегъ. «Онъ обязанъ былъ это сдѣлать!» скажутъ тогда. «Тебя-жъ наградитъ

щедрая баронесса», возразишь ты. Чѣмъ? будущими твоими же милліонами? Вотъ ужъ болѣе года, какъ я не получаю своего жалованья! Заслуги скоро забываются. Долго ли платилъ ты мнѣ положенное за мои смертныя услуги? да, долго ли?

— Кажется, я всегда... акуратно...

— Полно объ этомъ. Слово у насъ о настоящемъ. Куда укроемся тогда отъ мщенія русскаго полководца, отъ гнѣва царя, который сыщетъ насъ въ преисподней? Скажу про себя: въ Швеціи я, по обстоятельствамъ, не могу быть, въ Польшѣ—подавно. Спрашиваю, что мы тогда для себя сдѣлаемъ? А теперь, будучи вѣрны извѣстнымъ требованіямъ до двухъ часовъ по полудни 28-го числа, то есть до двухъ часовъ завтрашняго дня—хотя бы и долѣе—повеселя Зибенбюргера бездѣлкою, что мы теряемъ? Ничего! Мы всегда въ сторонѣ: ты, да я про себя не выболтаемъ. Если ты получилъ ложныя рекомендательныя письма, то не твоя вина: тебя обманули, и только! Разочти, что мы теперь выиграемъ. О! я вижу лѣстницу блаженства. Оставляю даже свои выгоды, чтобы думать только *о вашихъ. Вы*, среди развалинъ Лифляндіи, сохраняете свои земли, мызы, сокровища...

— Сохраняю! Точно ли, родной мой? Ручаешься ли ты?

— Ручаюсь головою моей. Подумайте, когда по сосѣдству вашему вездѣ раздаваться будутъ стонъ и плачъ, тогда вы, знатный господинъ, неограниченный властитель надъ вашими рабами, обладатель огромнаго, нетронутаго непріятелемъ имѣнія, улыбаясь, станете погремыхивать вашими золотыми монетами. Этотъ случай даетъ вамъ также способъ расторгнуть ваше условіе съ баронессою Зегевольдъ.

— Ахъ! и это, признаться, лежало у меня на сердцѣ, какъ тяжелый камень.

— Съ своей стороны обѣщаюсь вамъ, сверхъ того, за исполненіе требованій, намъ предписанныхъ, обходиться съ вами, не какъ равный вамъ злодѣй, но какъ слуга вашъ, преданный вамъ совѣтами, рукою и медицинскими познаніями своими, когда вамъ угодно... понимаете меня? Еще скажу вамъ въ утѣшеніе, господинъ баронъ: съ способами, нынѣ намъ предлагаемыми, я уже предугадываю, какъ достать Ильзу и стереть этого свидѣтеля.

— Стереть? — вскричалъ баронъ, облегчивъ грудь радостнымъ вздохомъ, и пожалъ Никласзону руку.

— Да, стереть этого безпокойнаго свидѣтеля съ лица земли.

— А средства, дружище?

— Они вертятся въ головѣ моей и утвердятся въ ней, когда я буду увѣренъ въ помощи человѣка, которому мы нынѣ должны угодить. Не сослужа, можно ли требовать и наградъ? Покуда будьте довольны теперешнимъ обѣщаніемъ, спокойный обладатель богатства несмѣтнаго!

— Несмѣтнаго? Ужь вы, дружище, безбѣдное состояніе, насущный кусокъ хлѣба богатствомъ называете!

— Опять за старую пѣсню! Рыбакъ рыбака далеко видитъ: намъ нечего другъ передъ другомъ притворяться. Ну, чтожъ отвѣтъ на письмо?

— На прежде сказанномъ и вами, безцѣннѣйшій другъ, потвержденномъ условіи, берусь доставить завтра, въ доброй колымагѣ, въ Гельметъ, господина...

— Зибенбюргера.

— Да, господина Зибенбюргера. Сверхъ того, по дальнѣйшимъ моимъ соображеніямъ и надеждѣ, что при чести, которую я... со временемъ... буду имѣть лично ознакомиться съ моимъ дорогимъ родственникомъ, генераломъ... министромъ... я буду удостовѣренъ въ сильномъ покровительствѣ его охраннымъ листомъ и

другими вѣрнѣйшими способами, даю слово содержать тайну до трехъ часовъ завтрашняго дня. Ну вотъ какъ я щедръ и великодушенъ! даже до четырехъ часовъ. Уфъ! это много мнѣ стоитъ.

— Важнѣе всего, что ни одного шиллинга! Статья конченная! Измѣна ея на волосъ есть знакъ къ измѣнѣ съ моей стороны. Я ничего не боюсь, не связанъ богатствомъ и лифляндскимъ баронствомъ; имѣю сильнаго покровителя; нынѣ здѣсь, а завтра въ станѣ русскомъ, насмѣхаюсь надъ всѣми лифляндскими законами. Но ты... ты... раздавленъ тогда, какъ поганый червь! Соблюденіе условія есть мое и твое счастіе. Дай мнѣ руку въ знакъ согласія. (Собесѣдники пожали другъ другу руки). Теперь примемся за другую статью, т. е. доставленіе послѣзавтра пятисотъ возовъ провіанта къ Гуммельсгофу.

— Пятисотъ возовъ? Возможно-ли? Я пропалъ, я разоренъ до тла! мнѣ придется надѣть суму! Сочтите сами, безцѣннѣйшій мой, чего это будетъ стоить. Вы посредникъ въ этомъ дѣлѣ, посредникъ, предлагаемый великодушіемъ самого нашего любезнаго родственника.

— Я не дарю ни одного воза.

— Не доведи меня до петли, спаситель мой, благодѣтель мой! (Хочетъ становиться на колѣна).

Никласзонъ, поднимая его:—Меня не умилостивишь этими колѣнопреклоненіями. Садись, и выслушай мой совѣтъ, которымъ еще разъ спасаю тебя отъ маленькаго убытка и большого отчаянія. Пожалуй, чего добраго? ты изъ одного воза навяжешь себѣ пеньковый галстухъ. Слушай же. Купи пятьсотъ возовъ хлѣба и крупъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ у своихъ сосѣдей.

— Купить? Гдѣ я возьму теперь столько наличныхъ денегъ?

— Хорошо, будь по твоему. Купи на слово, что

отдашь ихъ черезъ нѣсколько дней. Тебѣ повѣрятъ хоть 3000 возовъ.

— Мнѣ? При теперешнихъ худыхъ обстоятельствахъ, при ограниченіи роста?

— Тсъ! Сторговавъ эти пятьсотъ возовъ, отправь ихъ къ назначенному времени по дорогѣ въ Гуммельсгофъ. Поручи это сдѣлать своей Мартѣ. Русскіе придутъ, нападутъ на провіантъ, скушаютъ его, и тогда ты имѣешь право не платить денегъ. Не такъ-ли? Скорѣй: да или нѣтъ?

— Да, только...

— Ни одной крупинки не убавлю. Будетъ-ли выполнено?

— Будетъ, только не забудь о средствахъ, какъ избавиться нашего общаго врага—Ильзы.

— Вотъ моя рука, что черезъ недѣлю, поздно двѣ, я найду способъ притиснуть ей языкъ. Но заря занимается; кажется, и проклятая твоя сова перестала насмѣхаться, чтобъ ее побрали... (оглядывается кругомъ). Позови теперь Марту выпустить меня изъ этой западни.

— Только, пожалуйста, не стыди эту дѣвицу поцѣлуями своими: она у меня такая застѣнчивая.

— Условія наши кончены; листъ оборочень

По зову своего повелителя, экономка вошла въ комнату. Никласзонъ всталъ при ней со стула и произнесъ униженнымъ голосомъ, наклонивъ передъ барономъ голову:—Господинъ баронъ Фюренгофъ! простите меня съ свойственнымъ вамъ великодушіемъ, если я, человѣкъ маленькій, ничего незначущій, осмѣлился, разгоряченный винными парами, оскорбить васъ или кого изъ вашихъ приближенныхъ, словомъ или дѣломъ. Изъ глубины кающейся души прошу всепокорнѣйше прощенія.

— А, а, дружище! кто старое помянетъ, тому

глазъ вонъ. Забудемъ это. Ты всегда былъ человѣкъ мнѣ преданный, нужный.

— Вѣрьте, что вы по гробъ мой найдете во мнѣ усерднаго и вѣрнѣйшаго слугу. Позвольте имѣть честь распрощаться съ вами.

Здѣсь хозяинъ и гость обняли другъ друга. Фюренгофъ далъ знать экономкѣ, чтобы она отперла двери и проводила гостя. Удивленная Марта, думая, что она все это видитъ во снѣ, протерла себѣ глаза, и, наконецъ, увѣренная, что обстоятельства приняли счастливый для ея господина оборотъ, съ грубостью указала дорогу оскорбившему ее гостю. Когда баронъ услышалъ изъ окна топотъ лошади за Меттою и удостовѣрился, что Никласзонъ далеко, обратился съ усмѣшкою къ домоправительницѣ и ласково сказалъ ей:—Подумай хорошенько; принесло окаяннаго въ пьяномъ видѣ, ночью и, чортъ знаетъ, зачѣмъ! А, а, дружище! Кажется, еще человѣкъ одолженный! И мѣсто получилъ черезъ меня, и освобожденъ отъ петли.

— Что дѣлать, сударь?—отвѣчала Марта, поправляя чепчикъ на головѣ и подбирая подъ него растрепанные волосы:—нынѣ такія наступили времена тяжелыя, что никто не помнитъ заслугъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАКАНУНѢ ПРАЗДНИКА

Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Пушкинъ.

Еще наканунѣ дня рожденія богатой наслѣдницы все было въ движеніи на Гельметской мызѣ. Суетились, бѣгали, толкали другъ друга, требовали, отпускали, и старались еще заранѣе праздновать день этотъ искусными урывками того, сего, изъ достоянія помѣщицы-нехозяйки, чтобы сдѣлать себѣ елико возможный запасецъ на будущее время. Начиная съ амтмана фонъ-Шнурбауха, въ нѣкоторыхъ случаяхъ необыкновенно награжденнаго даромъ предвидѣнія, до поваренка, замыкавшаго фалангу двороваго штата, у всѣхъ, болѣе или менѣе, было рыльце въ пушку. Разумѣется, что чѣмъ важнѣе считалось должностное лицо, чѣмъ кругъ надзора его былъ обширнѣе, тѣмъ шире былъ карманъ, въ которомъ сосредоточивались подати за пропускъ разныхъ грѣховъ противъ восьмой заповѣди. Амтманъ, съ важною частицею *фонъ*, подъ видомъ сбереженія господскаго интереса, откладывалъ въ свою экономію разные плоды тонкой математической промышленности; ключница прятала недовѣски и при-

вѣски; поваренки, облизывая преисправно сладкіе остатки, отдѣляли отъ души лучшіе кусочки пригожей дворовой дѣвченкѣ. Самыя моськи супруги фонъ-Шнурбауха слаще поѣли въ этотъ день, нежели въ обыкновенные, хотя она въ простые дни кормила ихъ изъ собственныхъ рукъ, иногда изъ одного съ нею блюда, едва ли не лучше своей высокой половины. Между тѣмъ съ верхней до низшей ступени двора баронессы читали другъ другу строжайшія наставленія о честности и, въ примѣръ ужасныхъ злоупотребленій, которыхъ избѣгать надо, выставляли (ужь, конечно, не себя! кто себѣ лиходѣй?) сосѣднія мызы; кричали много, грозили наказаніями (тогда, когда забывалось правило дѣлежа) и преисправно обезпечивали себя на будущее время. Что дѣлать? такъ водится не въ однихъ баронскихъ домахъ. Въ кухняхъ и приспѣшенныхъ варились, жарились и пеклись всякаго рода огромные припасы, какъ будто готовились угощать цѣлый полкъ, и пріятный запахъ отъ явствъ доносился до окна бѣднаго селянина, доѣдавшаго ломоть хлѣба пополамъ съ мякиной. Правда, и крестьянамъ баронессы готовились угощенья и веселости: жарились для нихъ цѣлые быки, катились на господскій дворъ бочки съ виномъ, шились наряды для новобрачной четы, и сыгрывались гудочники и волыночники. Чухонцы, послышавъ объ этихъ приготовленіяхъ, заранѣе разѣвали ротъ отъ удивленія и съ нетерпѣніемъ поджидали у своего окна, когда *староста* или *кубіасъ* [1]), которая столько разъ и

Той палкой въ замокъ ихъ погонитъ веселиться.

такъ немилосердно гоняла ихъ на барщину и напоминала о податяхъ. Таковъ грубый сынъ природы! Сыт-

---

[1]) Старшина въ деревнѣ у латышей называется по нашему *старостою,* у чухонцевъ — или эстовъ — *кубіасомъ.*

ное угощеніе, шумный праздникъ, заставляютъ его забыть все бремя его состоянія и то, что веселости эти дѣлаются на его счетъ. Надо прибавить: таковы иногда бывали и помѣщики, что рѣшались скорѣе истратить тысячи на сельскій праздникъ, нежели простить нѣсколько десятковъ рублей оброчной недоимки или рабочихъ дней немощнымъ крестьянамъ!

Со временъ Христины, королевы шведской, собранія въ духѣ патріархальной простоты, называемыя Wirthschaft, давали мѣсто въ богатыхъ лифляндскихъ домахъ болѣе утонченнымъ веселостямъ. Дерптскіе студенты играли комедіи, въ которыхъ роли женщинъ они сами же выполняли; балы, маскарады и разныя затѣйливыя игры стали также въ большомъ употребленіи. Греція и Римъ кружили тогда всѣмъ головы, и потому члены Олимпа наполняли всякаго рода зрѣлища. Соображаясь съ нововведеніями, тщеславная баронесса назначила дню рожденія своей дочери быть цѣпью необыкновенныхъ удовольствій. Для расположенія этого праздника, по рекомендаціи Глика, выписанъ былъ ужь съ недѣлю изъ Маріенбурга тамошній школьный мастеръ Дихтерлихтъ, которому—говорилъ пасторъ — не найти подобнаго отъ Эвста до Бельта по геніальной изобрѣтательности угождать Граціямъ и Минервѣ, Адамъ Биръ взялся выучить двухъ благородныхъ дѣвушекъ, гельметскихъ сосѣдокъ (избранныхъ не по уму и образованію, а по хорошенькимъ личикамъ) ролямъ Флоры и Помоны, которыя должны были привѣтствовать новорожденную приличными стихами, сочиненными маріенбургскимъ стихотворцемъ. Между тѣмъ самъ Дихтерлихтъ занялся стряпаньемъ похвальнаго слова, которое хотѣлъ поднесть въ тетрадѣ, съ золотою обложкою и узорами, Луизѣ Зегевольдъ. Такъ какъ намъ достался русскій переводъ этого великаго

творенія, сдѣланный Гликомъ, то мы предлагаемъ здѣсь образчикъ изъ него, взятый на выдержку [1]).

«Я-бъ желалъ—говорилъ панегиристъ, описывая наружность Луизы—я-бъ желалъ здѣсь персону сея прекрасныя дщери знаменитаго баронскаго дома нѣсколько начертить, коли бъ черныя чернила способнаго цвѣта были ея небесную красоту представить:—будешь ты, читатель, доволенъ, коли своему уму представишь одно такое лицо и тѣло, которыхъ точнѣйшее изображеніе имѣется безъ порока, бѣлый цвѣтъ въ самомъ высочествѣ, пріятность же преизящную всего свѣта. Предложи себѣ токмо одну удивленія достойную живость, пріятную во всѣхъ компаніяхъ, разсудную умѣренность, похвальную завсегда во всякихъ уступкахъ и дѣлахъ, и учтивое пріятельство, которое зело потребно къ покоренію сердецъ. И сгда ты въ умѣ своемъ всѣ помянутыя преизящныя свойства совокупишь и сочинишь имъ экстрактъ? то, конечно, можешь себѣ сказать: такова виду была сущая баронская дщерь, и проч.»

Праздникъ былъ расположенъ на отдѣленія, росписанныя въ порядкѣ по нумерамъ; нарушитель этого порядка подвергался строжайшей отвѣтственности.

Въ то самое время, когда приготовленія къ этому тезоименитому дню превратили Гельметъ въ настоящее вавилонское столпотвореніе,—вскорѣ послѣ полудня, приближались къ замку по гуммельсгофской дорогѣ двѣ латышскія двухколесныя телѣжки. Прыть лошадокъ возбуждалась то и дѣло плетью верховыхъ проводниковъ, не жалѣвшихъ ни головы и боковъ ихъ, ни своей руки. Близъ ограды остановились телѣжки, изъ коихъ вышли трое чужеземцевъ. Двое изъ нихъ были въ длинныхъ русскихъ кафтанахъ, подпоясаны

---

[1]) Дѣйствительно, я имѣю подобный переводъ. Въ спискѣ съ него не убавилъ и не прибавилъ я іоты.

кушаками, на которыхъ висѣли *лѣстовки* [1]) и, несмотря на жаркое время года, накрыты небольшими круглыми шапками [2]). Одинъ былъ въ котахъ, другой босъ и имѣлъ за плечами котомку и два четвероугольныхъ войлочныхъ лоскута [3]). Третій походилъ на русскаго монаха; онъ былъ окутанъ въ длинную, черную рясу и накрытъ каптыремъ, спускавшимся съ головы по самый кушакъ, а поверхъ каптыря круглой шапочкой съ красной оторочкой. Тотъ изъ нихъ, который несъ за плечами котомку, переговоря съ товарищами, отошелъ немного отъ замка и присѣлъ подъ большимъ вязомъ на камнѣ. Двое же продолжали поспѣшно путь свой прямо въ ворота, на дворъ и на террасу, не осматриваясь, не останавливаясь и не спрашивая никого ни о чемъ. Служители съ уваженіемъ давали имъ дорогу, почтительно кланялись, не будучи сами удостоены поклономъ, и между тѣмъ, не смѣли ихъ предупредить, чтобы доложить о нихъ. Такъ было заранѣе приказано, въ случаѣ прихода этихъ чужеземныхъ гостей. Старшій изъ нихъ шелъ впереди. Несмотря на простоту его одежды, небольшой ростъ, сгорбленный лѣтами станъ и маленькое худощавое лицо, наружность его вселяла нѣкоторый страхъ: рѣзкія черты его лица были суровы; умъ, проницательность и коварство, исходя изъ его маленькихъ глазъ, осѣненныхъ густыми сѣдыми бровями, впивались въ душу того, на кого только устремлялись; казалось, онъ безпрерывно что-то жевалъ, отчего сѣдая и рѣдкая борода его ходила то и дѣло изъ стороны въ сторону; въ

---

[1]) Раскольничьи четки.

[2]) Въ правилахъ раскольниковъ сказано: «Растящихъ власы и носящихъ малахаи (на четверо разрѣзанныя шапки) и шляпы запрещать, и въ моленіе не допущать».

[3]) Подручники — родъ подушекъ, которыя кладутъ раскольники во время земныхъ поклоновъ на полъ, подъ руки.

движеніяхъ его не прокрадывалось даже игры смиренія, но все было въ нихъ явный приказъ, требованіе или урокъ. Слѣдовавшій за нимъ чернецъ былъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и сухощавъ; изъ-подъ каптыря выпадали темные волосы, въ которыхъ сквозилъ красный цвѣтъ; на лицѣ его постъ и умиленіе разыгрывали очень искусно чужую роль; бѣгающими туда и сюда глазами онъ успѣвалъ изподлобья все выглядѣть кругомъ себя; даже по двору шелъ онъ на цыпочкахъ.

— Что за Содомъ! — вскричалъ старикъ съ коварной усмѣшкой.

— Воистину земля бѣсова плѣненія, отце Андрей! — отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ чернецъ, положивъ сухощавую руку на грудь, — вѣдаю сколь прискорбно сердцу твоему взирать на сіе растоценное стадо! Но потрудись, ради спасенія православныхъ цадъ твоихъ, да помолятся о тебѣ въ царствѣ небесномъ.

Путники вошли въ переднюю, а изъ нея въ залъ, не скидая шапокъ. Здѣсь старикъ, сурово осмотрѣвшись кругомъ, присѣлъ въ первое попавшееся ему кресло, бросилъ взглядъ на фамильные портреты, висѣвшіе по стѣнамъ, плюнулъ, прошепталъ молитву, и потомъ съ сердцемъ постучалъ своимъ костылемъ по столу, подлѣ него стоявшему; но видя, что тотъ, къ кому относилось это повелительное извѣщеніе о его прибытіи, не являлся, толкнулъ жезломъ своимъ чернеца, стоявшаго въ задумчивости у порога, и указалъ ему на внутренность дома. Чернецъ будто вздрогнулъ, поклонился и пошелъ, куда ему указано было, тихо, осторожно, какъ будто ступалъ по овсянымъ зернышкамъ, легонько притворяя за собою дверь. Черезъ комнату встрѣтилъ его Никласзонъ, примѣтно смущенный.

— Зачѣмъ вы къ намъ? — торопливо спросилъ онъ,

отворивъ и прихлопнувъ опять слѣдующую дверь, чтобы показать, будто монахъ въ нее прошелъ.

— О вей, о вей!—отвѣчалъ шепотомъ монахъ, качая головой и озираясь.—Не знаю, какъ и помоць [1]).

— Пустяки! для брата Авраама нѣтъ ничего невозможнаго,—сказалъ секретарь баронессы, втирая ему осторожно въ руку до десятка червонныхъ. — Мы съ тобой одного великаго племени; обманывать, а не обманутыми быть должны; ты созданъ не служить этой христіанской собакѣ, которая, того и гляди, что издохнетъ: можно тебѣ самому скоро быть главою раскола въ Россіи и учителемъ *нашей* вѣры. Мы дѣлали уже дѣла не маленькія, были награждены; не измѣнимъ теперь другъ другу, и насъ не забудутъ.

Пока Никласзонъ читалъ это краснорѣчивое убѣжденіе, монахъ, однимъ жаднымъ взглядомъ, успѣлъ пересчитать золото и спѣшилъ съ удовольствіемъ уложить его въ лѣстовку, въ которой сзади искусно сдѣлана была сумка.

— Мнѣ этого не хочется, добрый Никласзонъ, — отвѣчалъ шепотомъ монахъ,—но теперь не время объ этомъ разсуждать. Скажу тебѣ только, сто мы присли сюда повѣдать баронессѣ, сто русскіе высли изъ своего лагеря, разбили зе въ пухъ и въ пухъ форпостъ близко Розенгофа и нынѣ въ ноци, или, конечно, заутро будутъ въ Сагницѣ или въ Валкахъ. Хось и трудненько обмануть стараго плута, но Богъ Якова и Авраама тебѣ поруцатся, сто я цестный еврей, заставлю этого христіанскаго пса брешить по моему, какъ мнѣ хоцется. Теперь, поди скорѣй и скази своей принцессѣ, стобъ она позаловала къ намъ.

---

[1]) Хотя монахъ говорилъ съ Никласзономъ по-нѣмецки, но я старался въ переводѣ Авраамовой рѣчи удержать нѣсколько жидовскій выговоръ русскаго языка. — Авраамъ также лицо историческое.

Никласзонъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери, вышелъ черезъ нее и прихлопнулъ ее слегка за собой; между тѣмъ Авраамъ кашлянулъ и пошелъ обратнымъ путемъ къ своему начальнику.

— Преподобный отце Андрей! — сказалъ монахъ, представъ предъ него, низко поклонившись и ставъ опять униженно у порога: боярыня сейцасъ будетъ.

— Сейцасъ, сейцасъ! — вскричалъ старикъ, въ шутку передразнивая вошедшаго, — долго-ли тебѣ, Авраамъ, говорить по-жидовски?

— Виноватъ передъ тобою, отче преподобный! — промолвилъ вздрогнувъ монахъ, опять низко кланяясь,— положилъ бы 300 поклоновъ до земли, лишь бы мнѣ исправиться».

— Поклоны пускай остаются въ скитѣ да въ согласіяхъ, Авраамъ: ты меня разумѣешь. По милости моей, тамъ знаютъ тебя косноязычнымъ малороссомъ, а не евреемъ и не венгерскимъ монахомъ. Все будетъ шито да крыто, лишь бы служили намъ вѣрою и правдою, — сказалъ старикъ, смотря на своего послушника испытующимъ взоромъ, котораго всю силу умѣлъ послѣдній неколебимо выдержать и отразить правдоподобіемъ совершенной невинности и преданности.

Въ этомъ случаѣ еврей обманулъ русскаго раскольника, и при томъ начальника и учителя ихъ. (Старикъ былъ Андрей Денисовъ). Надо-ли удивляться? Родонаслѣдственная хитрость текла въ крови Авраама; къ тому жъ онъ искусился въ лицемѣріи, поживъ нѣсколько лѣтъ монахомъ въ одномъ католическомъ монастырѣ, который успѣлъ обокрасть и, наконецъ, пришлось доканчивать курсъ сатанинскаго лукавства въ званіи чернеца поморскаго выгорѣцкаго скита и переводчика при Андреѣ Денисовѣ. Лѣта измѣняли уже нѣсколько послѣднему, между тѣмъ какъ Авраамъ скинулъ съ себя

еще немного змѣиныхъ кожъ, и слѣдственно былъ въ полномъ развитіи адскихъ силъ.

— Да что запропастилась эта сучья дочь? — успѣлъ промолвить только съ нетерпѣніемъ Андрей Денисовъ, какъ распахнулась дверь и вошла баронесса.

Убавивъ своей спѣси, она учтиво поклонилась ему; а онъ, не привставъ даже съ кресла, едва кивнулъ ей, указалъ своимъ костылемъ кресло черезъ столъ, у котораго сидѣлъ, и махнулъ чернецу рукою, чтобы онъ подошелъ ближе. Кто посмотрѣлъ бы на нихъ въ это время, не зная предыдущихъ обстоятельствъ, могъ бы подумать, что худенькій, суровый старичокъ—хозяинъ у себя дома, обязывающій, и что она пришелица, одолженная и ожидающая милостей.

— Вотъ въ чемъ дѣло, боярыня!—говорилъ ересіархъ повелительно, отрывисто и упирая голосъ на нѣкоторыхъ словахъ, — ты затѣваешь здѣсь бѣсовскія пляски, а того не знаешь, что послѣ завтра, можетъ статься, тебѣ негдѣ будетъ приклонить головушку, что послѣ завтра рада радешенька будешь отвесть душу ломтемъ черстваго хлѣба. (Старикъ икнулъ тутъ, пустилъ густую струю воздуха прямо на высокомѣрную обладательницу Гельмета, перекрестилъ три раза ротъ, промолвивъ:—«помяни, Господи царя Давида и всю кротость его»—и продолжалъ свою бесѣду):—Кабы послушалась меня прежде да отрѣзала моимъ православнымъ подъ своею клѣтью добрый кусокъ земли, такъ бы они оградили тебя отъ сѣтей діавольскихъ. Авось либо и теперь еще время исправить погашенное! За твою хлѣбъ-соль я хочу тебѣ помочь. Только слышь, боярыня, исполняй разомъ, не мѣшкая, что я тебѣ прикажу. Во-первыхъ, всѣ затѣи бѣсовскія къ нему и отошли назадъ! — Здѣсь старикъ постучалъ костылемъ такъ крѣпко по столу, что баронесса вздрог-

нула; потомъ кивнулъ монаху, чтобы онъ перевелъ это вступленіе.

Авраамъ, сгорбившись, смиренно выступилъ на сцену: приказъ ересіарха былъ выполненъ имъ искусною рѣчью и ловкою мимикой (послѣдняя нужна была для убѣжденія въ вѣрности перевода); только, когда надо было перевесть слово: *послѣ-завтра*, онъ показалъ на солнышко, начертилъ посохомъ кругъ, выставилъ перстъ и согнулъ въ половину другой палецъ Изъ этого изъясненія старикъ понималъ полтора дня, между тѣмъ какъ хитрый чернецъ, не перемѣняясь нимало въ лицѣ, присовокупилъ къ своимъ гіероглифамъ,—что исполненіе сказаннаго должно быть черезъ десять круговъ солнечныхъ, то есть черезъ полторы недѣли. Вмѣсто «авось-либо», и теперь еще время», онъ сказалъ только: «еще время!» Баронесса отвѣчала, что праздникъ, ею затѣянный, есть долгъ, который она платитъ своимъ друзьямъ и ближнимъ, и которымъ хочетъ утѣшить больную, единственную дочь; что, кончивъ его, немедленно примется за исполненіе приказаній своего наставника и друга. Монахъ перевелъ, что баронесса сейчасъ послѣ ихъ отбытія велитъ оставить приготовленія къ празднеству, хотя ей это очень жалко, и немедленно займется исполненіемъ даваемыхъ ей совѣтовъ, которые она чтитъ за приказанія.

— Слушай же, боярыня!—вскричалъ опять Андрей Денисовъ, — русскіе, видно, вывѣдали затѣи вашего заморскаго болвана Шлиппенбаха: кто-нибудь у васъ да лукавитъ язычкомъ. За ваше дурачество стыдъ такъ-те и бросился мнѣ въ глаза. Разбирать вину теперь не время: спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ. Русскіе, говорю тебѣ, вышли вчера изъ Новагородка и разбили нынѣ вашу басурманскую засаду при Красной мызѣ. А какъ я это узналъ, повѣдаю тебѣ:

неподалеку отъ Черной мызы у меня свой караулъ, двое православныхъ моихъ — стоютъ вашихъ сотенъ нѣмцевъ, табачниковъ—узнали эту вѣсточку, да и давай уплетать гдѣ ползкомъ, гдѣ кувыркомъ, отняли у перваго латыша коня и прилетѣли ко мнѣ. Еще ни одна птица здѣсь въ округѣ не пропѣла этой пѣсенки; и по вѣтру-то не слыхать вони пороховой: вотъ каковы наши! А куда пойдутъ никоніанцы завтра, на Сагны ли или на Валки, того мои не знаютъ. Сейчасъ, при мнѣ же, напиши грамотку къ своему ротозѣю Шлиппенбаху, чтобы онъ очнулся, собиралъ крѣпкую силу, выслалъ, нимало не медля, конныхъ потаенными дорогами, куда придумаетъ лучше, перехватилъ бы ими хвостъ у никоніанцевъ и бодро готовился ударить имъ въ голову.

Это наставленіе было перетолковано хитрымъ и ловкимъ Авраамомъ такъ мастерски, что вся польза, изъ него извлеченная, осталась на сторонѣ агента Паткуля, которому нужно было выиграть нѣсколько часовъ времени. Позванъ Никласзонъ, и продиктовано ему, согласно съ заданною монахомъ темою, письмо къ генералъ-вахтмейстеру. (Можно впередъ угадать, что гонецъ нигдѣ не отыскалъ Шлиппенбаха; да это и не могло огорчить баронессу, потому что *еще было время*, какъ сказалъ Денисовъ черезъ монаха, а генералъ обѣщался быть у ней завтра на праздникѣ). Андрею Денисову дарованы новыя привиллегіи для раскольничьихъ поселеній въ Лифляндіи; оставалось наградить переводчика за труды. Искали по всему дому денегъ, бросались то къ амтману, то къ Биру, но вездѣ была или мнимая, или настоящая денежная засуха, наконецъ Никласзонъ сжалился надъ баронессой и отъ имени ея вручилъ потихоньку Аврааму талеръ, обрѣзанный его же соотечественниками. Окончивъ все дѣло, ересіархъ всталъ съ кресла, кивнулъ баронессѣ и, принятый подъ

руку усерднымъ монахомъ, сопровождаемый дипломаткою до террасы, опять встрѣченный на дворѣ уваженіемъ многочисленныхъ челядинцевъ, вышелъ изъ воротъ Гельмета. У большого вяза присоединился къ нимъ дожидавшійся ихъ раскольникъ, мужичище высокій и здоровый и, вѣроятно, охранитель Денисова отъ чаянныхъ и нечаянныхъ враговъ. Составивъ втроемъ совѣтъ, по какимъ слѣдамъ отыскивать одного изъ важнѣйшихъ своихъ членовъ, отпадшаго отъ поморскаго согласія, они рѣшились ѣхать въ обратный путь, какъ вѣрнѣйшій, по ихъ мнѣнію, для встрѣчи съ бѣглецомъ и для избѣжанія непріятнаго свиданія съ русскимъ ойскомъ, особенно съ заклятымъ губителемъ ихъ, Мурзенкою. Пріѣхавши въ Валки, они могли, смотря по обстоятельствамъ, или выждать тамъ развязки неожиданнаго нашествія русскихъ на Лифляндію, или, въ случаѣ прихода никоніанцевъ въ избранное ими нынѣ убѣжище, отступить къ своимъ въ Польшу. — Мы должны намекнуть, что гоненія Денисовымъ доселѣ неизвѣстнаго лица получили силу въ вѣсти о несчастной кончинѣ раскольника, подметчика письма въ Нейгаузенскомъ станѣ.

Между тѣмъ, какъ всѣ въ замкѣ ходили будто угорѣлые, отъ желанія угодить доброй молодой госпожѣ и отъ страха не выполнить въ точности воли старой владычицы, предметъ этихъ заботъ, Луиза, мыслями и чувствами была далеко отъ всего, что ее окружало. Она существовала въ мірѣ прошедшаго, для нея столько бѣдственнаго, но все еще ей драгоцѣннаго. Густавъ, на зло обстоятельствамъ, нерѣдко представлялся ея уму и сердцу. Такъ несчастная приходитъ, украдкою отъ злыхъ людей, бросить цвѣтокъ на могилу, гдѣ лежитъ милый ей мертвецъ, котораго некому, кромѣ ея, помянуть, и съ которымъ жаль разстаться, какъ съ живымъ. Посреди этихъ горестныхъ мыслей, блес-

нула одна о бѣдномъ старикѣ кастелянѣ и молодомъ служителѣ, увлеченныхъ ея судьбою въ тягостное и униженное свое положеніе. Ей извѣстно было, что они жили въ ближайшей деревнѣ Пебо: одинъ въ должности скотника, другой — пастуха; и она рѣшилась посѣтить ихъ. «Ничѣмъ лучше—думала она—не могу встрѣтить день своего рожденія, какъ облегченіемъ участи этихъ несчастныхъ». Ей стоило только намекнуть Биру о своемъ намѣреніи, чтобы вызвать его въ спутники. Баронесса была занята съ раскольниками, слѣдственно лучшаго времени для этой прогулки нельзя было выбрать.

Когда Луиза съ своимъ воспитателемъ проходила полемъ, крестьяне еще издали скидали шляпу, оставляли свои работы и долго слѣдили за нею глазами и благословеніями. Въ деревнѣ привѣтствіямъ ихъ не было конца.

— Смотри сюда, сюда!—говорила мать, высовывая изъ окна голову своей малютки,—это идетъ наша добрая, молодая госпожа. За ея-то здоровье учу васъ молиться Богу.

Дѣти оставляли свои игры и, почтительно ей кланяясь, кричали:

— Здравствуй, добрая госпожа!

Дряхлые старцы дрожащими руками силились привстать со скамейки, на которой грѣлись у воротъ своей хижины противъ солнышка, и шепотомъ приговаривали:

— Слава Богу! пришлось намъ еще разъ увидѣть ее. Да пошлетъ ей мать *Лайма* [1]) несчетные годы, чтобы правнуки наши могли ею радоваться.

---

[1]) Богиня счастія, которую латыши нерѣдко и теперь поминаютъ при желаніи кому добра.

Всѣ возрасты встрѣчали ее данью уваженія, признательности и любви простыхъ сердецъ, которыхъ краснорѣчіе ни съ какимъ другимъ сравниться не можетъ. Видно было, что Луиза вполнѣ утѣшалась этою сердечною данью. Почти каждаго успѣла она обласкать: стариковъ заставляла садиться передъ собой, говорила имъ привѣтливыя слова, согрѣвавшія ихъ болѣе солнечной теплоты; дѣтей одарила гостинцами; пригожихъ малютокъ, которыхъ матери, не боясь *ея глаза*, сами спѣшили къ ней подносить, цѣловала, какъ будто налагала на нихъ дары небесные. Казалось, теперь праздновала она день своего рожденія, а завтра *должна* была его праздновать.

Скотный дворъ былъ на концѣ деревни и окнами въ поле: слѣдственно изъ него не было видно, что дѣлалось на улицѣ. Луиза съ своимъ воспитателемъ вошла въ жилище скотника, никѣмъ изъ домашнихъ его не примѣченная. Какимъ же чувствомъ поражены они были, отворивъ потихоньку дверь! Чтожъ представилось имъ тогда? — Густавъ сидѣлъ въ углубленіи комнаты, держа на колѣнѣ румяное, какъ спѣлое яблочко, дитя, двухлѣтнюю дочь бывшаго кастеляна, которая, стиснувъ въ своихъ ручонкахъ кусокъ бѣлаго хлѣба, то лукаво манила имъ собаку, прыгавшую около нея на заднихъ ногахъ, то съ хохотомъ прятала его подъ мышку, когда эта готовилась схватить приманку. Другая дочь, шестнадцатилѣтняя пригожая дѣвушка, занималась у открытаго окна рукодѣльемъ, изрѣдка отрывала отъ него свои большіе голубые глаза, чтобы посмотрѣть на проказы сестры, или украдкой взглянуть на молодого крестьянскаго парня, стоявшаго снаружи дома у окна, облокотясь въ уныніи на нижнюю часть рамы. Мать, задумавшись, чистила овощь и клала ее въ горшокъ, выдвинутый изъ устья печи. Отецъ, безъ верхняго платья, обратившись къ нимъ спиною, а къ

стѣнѣ лицомъ, снималъ съ нашести кафтанъ, который, вѣроятно, собирался надѣть, чтобы идти въ поле. Голубь, нахохлившись, сердито ворковалъ и кружился по земляному полу, часто посматривая на окно, черезъ которое свободный вылетъ былъ ему загражденъ молодымъ крестьяниномъ. Густавъ казался однимъ изъ членовъ этого семейства; никто, повидимому, не заботился объ его присутствіи.

Первое чувство Луизы, переступя порогъ двери, былъ испугъ; второе... она взглянула на Густава, на пригожую дѣвушку, и покраснѣла. Не зная отчего, она была внутренно довольна, увидѣвъ молодого парня, занимавшагося такъ пристально сельскою красавицей; тѣмъ болѣе ей было это пріятно, что она узнала въ немъ служителя, который, вмѣстѣ съ кастеляномъ, понесъ за нее такую горькую участь.

— Фрейлинъ Зегевольдъ!—вскричала Лотхенъ (такъ звали дѣвушку), бросивши въ сторону свое рукодѣлье,—Фрейлинъ Зегевольдъ! — повторила она, побѣжала опрометью навстрѣчу Луизѣ и силилась взять у нея то одну, то другую руку, чтобы цѣловать ихъ попеременно.

— Фрейл...—могла только выговорить мать. Руки ея опустились, луковица покатилась изъ нихъ на полъ, ножикъ выпалъ на скамейку. Хозяинъ, сдѣлавъ полъоборота головой, будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи. Густавъ поблѣднѣлъ, спустилъ дитя съ колѣна и сталъ на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости, что ему дѣлать; увидѣвъ же, что Луиза колебалась идти въ комнату и сдѣлала уже нѣсколько шаговъ назадъ, онъ схватилъ свою шляпу, бросился къ двери и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Не удивляюсь, что мое присутствіе пугаетъ васъ, фрейлинъ Зегевольдъ! Какое другое чувство можетъ возбудить виновникъ бѣдствій этого семейства,

еще большій преступникъ передъ вами? Я долженъ убѣгать васъ, я, изгнанникъ отовсюду, гдѣ вы только являетесь и приносите съ собою счастіе. Но прежде нежели навсегда отъ васъ удалюсь, умоляю васъ объ одной милости: простите меня... Одно слово ваше будетъ моимъ услажденіемъ въ часъ смертныхъ мукъ, или умножитъ ихъ.

— Я никогда не обвиняла васъ, Густавъ!...—произнесла Луиза смущеннымъ голосомъ, обнаружившимъ все, что происходило въ ея душѣ, закрыла платкомъ полные слезъ глаза и, дружески протянувъ ему руку, присовокупила:—простите *навсегда!*

Это движеніе было послѣднею жертвою долга любви: имъ хотѣла она доказать, что любила въ Густавѣ не Адольфа, наслѣдника милліонера, королевскаго любимца, а самого Густава, бѣднаго, ничтожнаго въ глазахъ другихъ, но достойнаго ея привязанности.— «Я никогда не увижу его, — думала она, — пусть это будетъ послѣднее доказательство того, что я къ нему чувствовала; пусть не презираетъ онъ меня! Послѣ этой минуты я вся принадлежать буду моимъ обязанностямъ».

Густавъ съ жаромъ поцѣловалъ ея руку, на которую канули его горячія слезы, повторилъ роковое: «*простите!*»—сказалъ то же Биру, хотѣлъ еще что-то присовокупить, но видъ мѣста, гдѣ онъ находился, свидѣтели, ихъ окружавшіе, сомкнули его уста—и онъ поспѣшилъ изъ жилища скотника. На дворѣ остановился онъ противъ раскрытой двери. Луиза все еще стояла на одномъ мѣстѣ: она невольно обернулась; прощальный взглядъ ея палъ еще разъ на Густава. Казалось, онъ только и ожидалъ этого взгляда, чтобы съ новымъ приращеніемъ счастія удалиться. Можно вообразить себѣ различныя чувства, попеременно волновавшія душу Луизы! Съ особеннымъ удовольствіемъ выслушала она

отъ семейства бывшаго кастеляна, какимъ образомъ Густавъ началъ посѣщать ихъ, какъ онъ благотворилъ имъ сначала тайно и, наконецъ, продолжалъ дѣлать имъ добро съ такимъ великодушіемъ, что отказываться отъ этого добра значило оскорбить его. «Онъ не далъ намъ узнать нищету; скоро заставилъ насъ забыть и горестное наше состояніе. Все, что вы видите на насъ и въ нашемъ домишкѣ, ему принадлежитъ. Да пошлетъ ему Богъ то, чего онъ самъ желаетъ! да наградитъ его супругою, которая душой была бы на него похожа!» Такъ говорила жена бывшаго кастеляна, и взоры ея пристально остановились на Луизѣ, въ смущеніи потупившей глаза. Невольный вздохъ дѣвицы Зегевольдъ доказывалъ, что не ей суждено быть наградой, о которой молила добрая женщина для своего благодѣтеля. По крайней мѣрѣ, она внутренно гордилась и утѣшалась тѣмъ, что если сердце ея ошиблось въ предметѣ любви, который осуждалъ долгъ, то не ошиблось оно въ нравственныхъ его достоинствахъ, имѣющихъ право на лучшую участь и вознагражденіе. Разставшись съ семействомъ скотника, Луиза оставила въ его хижинѣ благодѣтельные слѣды своего посѣщенія. Не видавъ Густава, она сдѣлала бы то же изъ великодушія, изъ сожалѣнія къ несчастнымъ; теперь благотворила, можетъ быть, по влеченію другого чувства; можетъ быть, присоединилась къ этому и мысль, что дары ея смѣшаются вмѣстѣ съ дарами Густава, какъ сливались въ эти минуты ихъ сердца. Спутникъ ея, смотря на радость добрыхъ людей и слушая разсказы о благородныхъ поступкахъ Густава, былъ восхищенъ до седьмого неба. «Есть, есть счастіе на землѣ и для добрыхъ!» — говорилъ онъ вполголоса, выходя отъ скотника съ твердымъ намѣреніемъ, какъ-бы испросить у баронессы прощеніе изгнанникамъ и потомъ женить молодого служителя на Лотхенъ. — Безъ на-

дежды, но съ утѣшеніемъ заснула Луиза въ ночь, наканунѣ дня своего рожденія.

Для связи происшествій въ памяти нашихъ читателей, скажемъ, что свиданіе Никласзона съ Фюренгофомъ случилось въ эту же ночь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОСПИТАТЕЛЬ И ВОСПИТАННИКЪ

Мнѣ-ль вызывать на судъ свое дитя?
Жуковскій.

О! дайте, дайте мнѣ близь нихъ окончить вѣкъ!
Нечаевъ.

16-го іюля, часамъ къ шести утра, въ недальнемъ разстояніи отъ Гельмета, близъ знакомаго намъ вяза съ тремя соснами, остановились Конрадъ изъ Торнео и Вольдемаръ изъ Выборга, оба снаряженные такъ, какъ мы видѣли ихъ въ *долинѣ мертвецовъ*. У корня маститаго вяза, сбереженнаго отъ топора священнымъ уваженіемъ всей округи, сидѣлъ мальчикъ, повидимому, лѣтъ четырнадцати, въ одеждѣ изъ лохмотьевъ, рыжеволосый, курчавый, съ лицомъ безобразнымъ, испещреннымъ веснушками, съ глазами, въ которыхъ свѣтило коварство. Лѣвая рука была у него сведена къ плечу; ноги подогнулъ онъ подъ себя неестественнымъ образомъ. Какъ скоро гусляръ усадилъ слѣпца на камнѣ и подошелъ къ мальчику, этотъ началъ униженно кланяться, скорчилъ жалостную рожу и запищалъ: — «Господинъ милостивый! дайте что-нибудь безрукому, безногому, на пропитаніе. У матери груди высохли отъ голода, нечѣмъ кормить меньшого брата, который

плачетъ, хоть вонъ бѣги изъ избы; двѣ маленькія сестры цѣлыя сутки не видали во рту макова зерна. Будьте жалостливы и милостивы, добрый господинъ! Богъ наградитъ васъ на семъ свѣтѣ и въ другомъ».

Вольдемаръ, вглядѣвшись пристально въ краснобая, погрозился на него пальцемъ и сказалъ:—Не шали со мною, бѣсенокъ, изъ молодыхъ да ранній! Меня не проведешь, я колдунъ: знаю, что у тебя нѣтъ ни сестеръ, ни брата; ты одинъ у матери, которая боится назвать тебя своимъ сыномъ: Ильза ея имя; у тебя; одинъ дядя конюхъ, другой—нѣмой, отецъ—знатный баронъ; ты живешь у старой вѣдьмы, такой же побродяги, какъ и самъ. Видишь, я тебя насквозь разбираю. Протяни же сейчасъ ноги, расправь руку и выполни, что я тебѣ скажу. Да смотри!

— Если вы знаете все...—запинаясь произнесъ мальчикъ, опуская руку и вставая на ноги,—какъ васъ, господинъ, назвать?.. съ здѣшняго-ли вы свѣта, или съ другого?

— Называй меня впередъ просто шведскимъ музыкантомъ. Вижу, что ты молодецъ хоть куда, а мнѣ такіе огненные ребята нужны. Вотъ тебѣ для перваго знакомства добрая серебряная монета.—У мальчика отъ жадности заискрились глаза; но онъ, казалось, боялся взять деньги отъ колдуна.—Не бойся; протяни, братъ, руку смѣло, — продолжалъ Вольдемаръ, всунувъ ему деньги, — монета не жжется, сдѣлана человѣческими руками и такая, какихъ накопленъ у тебя мѣшочекъ... знаешь, что лежитъ...—Здѣсь Вольдемаръ показалъ на западъ; мальчикъ поблѣднѣлъ отъ страха. — Сослужи мнѣ, Мартынъ, и о твоемъ мѣшочкѣ никто не будетъ знать.

— Господинъ хорошій, господинъ пригожій!—завопилъ рыжеволосый Мартынъ (именно это былъ тотъ самый, который въ извѣстный вечеръ напугалъ такъ

много Густава своимъ похороннымъ напѣвомъ),—приказывайте, посылайте, дѣлайте изъ меня, что хотите, помыкайте мною, какъ помеломъ.

— Бѣги жъ въ замокъ, найди тамъ Адама Бира. Чай, ты его знаешь?

— Кого я не знаю! Знакомъ мнѣ и этотъ чудакъ, у котораго ротъ почти всегда на замкѣ, а рука всегда настежь для бѣдняковъ. Вотъ вы, господинъ шведскій музыкантъ или что-нибудь помудрѣе, Богъ васъ вѣсть: вы даете съ условіемъ; а тотъ простакъ, лишь кивнулъ ему головой, и шелегъ въ шапкѣ.

— Найди же Бира; разбуди его, если онъ спитъ, и шепни ему на ухо, что одинъ знакомый его отца ждетъ его здѣсь.

Вмѣсто отвѣта, *огненный* перекувырнулся и пустился въ замокъ, какъ посланная тетивою стрѣла. Недолго томилъ онъ ожиданіемъ: скоро принесено донесеніе, что Биръ явится какъ красное солнышко изъ-за горъ. Гусляръ, поблагодаря его еще мелкой монетой, просилъ посидѣть у вяза, близъ слѣпца, и дать ему, Вольдемару, немедленно знать, какъ скоро будетъ подъѣзжать красная карета; самъ же побрелъ навстрѣчу Биру. Запыхавшись бѣжалъ Адамъ, поспѣшая увидѣть знакомца отца своего. Подойдя къ гусляру, онъ остановился противъ него, изумленно всматривался въ его лицо, и вдругъ бросился его обнимать.

— Ты-ли это, Вольдемаръ; воспитанникъ мой, другъ мой?—восклицалъ добрый Адамъ, и радость пресѣкла его голосъ. Въ свою очередь гусляръ могъ только сказать, крѣпко прижимая его къ сердцу: — благодѣтель, отецъ мой!

— Полно, полно, Вольдемаръ. Называй меня также своимъ другомъ. Не знаю до сихъ поръ, что я для тебя сдѣлалъ добраго; но знаю, что ты не оставлялъ

меня во время гоненія сильныхъ, что ты кормилъ меня трудами своихъ рукъ, когда я не имѣлъ насущнаго хлѣба.

— Ты сдѣлалъ для меня болѣе: научилъ меня истинамъ высокимъ, заставилъ меня гнушаться моихъ преступленій и полюбить добродѣтель, и указалъ изгнаннику отечество, какъ цѣль, къ которой я долженъ былъ стремиться.

— Пылкая душа твоя всегда способна была принимать добро; и если ты въ юности совратился съ пути истиннаго, то виноваты окружавшіе тебя. Но перестанемъ растравлять рану твоего сердца: ты въ Лифляндіи, слѣдственно рана эта не зажила еще. Не спрашиваю тебя, слѣдуешь-ли моимъ совѣтамъ, данному тобою обѣщанію? Вольдемаръ достоинъ всей любви моей. Разскажи мнѣ, какимъ образомъ ты въ нашей сторонѣ, въ страннической одеждѣ? Что здѣсь дѣлаешь? Жажду узнать повѣсть твоей жизни съ того времени, какъ мы разстались.—Произнеся это, Адамъ увлекъ гусляра въ кусты, неподалеку отъ дороги.

— Прискорбно имѣть для друга тайну, — сказалъ Вольдемаръ, когда они сѣли въ кустахъ,—отдалъ бы тебѣ душу мою; но, прости мнѣ, я не могу отвѣчать на твои вопросы. Скажу тебѣ только: помыслы высокіе, заброшенные въ душу твоими совѣтами, согрѣтые твоимъ ученіемъ, заставили меня надѣть эту страннической одежду, занесли сюда, сдѣлали еще болѣе— заставили меня быть... нѣтъ, нѣтъ! никогда не открою тебѣ этого имени. Развѣ съ порога моей родины скажу тебѣ все, на что я для нея рѣшился. Цѣль сладостная! но средства... ты, можетъ быть, оттолкнулъ бы меня, узнавъ ихъ.

— Какъ понимать тебя, Вольдемаръ? Какъ вѣрить тебѣ? Въ звукѣ твоего голоса уже слышу доброе дѣло. Одно слово—не бойся, чтобы я хотѣлъ проник-

нуть твою тайну: слишкомъ хорошо извѣстно мнѣ, что тайна не друзьямъ принадлежитъ, а тому единственно, кто ее вѣрилъ. Нѣтъ, не этого хочу отъ тебя; хочу только знать, таковъ ли ты, какимъ сердце мое тебя угадываетъ. Одно слово: ищешь-ли ты заслужить потерянное отечество?

— Я служу ему.

— Служишь? Въ страннической одеждѣ? — произнесъ тихо Адамъ приложивъ палецъ ко лбу; потомъ продолжалъ, возвысивъ голосъ:—Совѣсть твоя чиста-ли въ этомъ служеніи?

— Что сказать ему, Господи?—воскликнулъ Вольдемаръ, обративъ глаза къ небу.—Ты одинъ читаешь мои намѣренія; Ты видишь сокровенные пути мои: взвѣсь мои дѣла, и дай ему отвѣтъ! Другъ! могу ли успокоить тебя насчетъ чистоты моихъ дѣлъ, когда я самъ весь борьба, весь тревога и опасеніе? Выслушай мое униженіе и жертвы, мой страхъ и надежды, и пойми меня, если можешь. Мысль загладить преступленіе, заслужить прощеніе того, кого не смѣю наименовать, и съ этимъ вмѣстѣ открыть себѣ путь въ отечество, зажглась въ душѣ моей среди бесѣдъ съ тобою, еще въ Упсалѣ. Не ярче пылаетъ свѣча чистѣйшаго войска. Мысль эта овладѣла всѣмъ моимъ существомъ: источникъ ея былъ чистъ, видитъ Богъ! Впослѣдствіи времени, можетъ быть, примѣшалось къ нему чувство не столь безкорыстное—я человѣкъ, болѣе десяти лѣтъ живу въ землѣ чужой; можетъ быть, раскаяніе мое, любовь къ отечеству, превратились въ одну тоску по родинѣ. Спрашиваю себя часто: всѣ жертвы мои не происходятъ-ли отъ самоугожденія? Не хочу-ли я ихъ выкупить удовольствіемъ быть между своими, на землѣ родной? Подвиги мои добро или слабость? Какъ бы то ни было, не разрѣшая себѣ тихъ вопросовъ, стремлюсь къ ней, къ благословенной

отчизнѣ; хочу видѣть ее, во что бы ни стало, подышать ея воздухомъ и умереть... хотѣлъ бы быть ея сыномъ! Долго искалъ я средствъ, какъ утолить жажду моей души... Мнѣ встрѣтился *одинъ* человѣкъ... *онъ* предложилъ мнѣ средство... далъ моимъ устамъ коснуться милостивой руки, въ которой заключена судьба моя, поднялъ края завѣсы, скрывающей мое отечество— и я спѣшилъ ухватиться за то, что мнѣ было предложено. Суди о возвышенности моихъ средствъ!.. Полюбуйся должностью своего воспитанника, своего друга!.. Пресмыкаюсь, обманываю, продаю другихъ, себя; самое добро, которое дѣлаю, долженъ похищать какъ тать; пріобрѣтя, не могу назвать своимъ. Скажу еще болѣе: чтобы доставить истинную пользу тѣмъ, кому служу, я долженъ былъ сначала дѣлать имъ зло. Борюсь съ обстоятельствами, съ природою, съ самимъ собой; хожу въ черномъ тѣлѣ, влача за собою смрадную, презрѣнную одежду. Настоящаго имени моего всѣ гнушаются; самые тѣ, которые думаютъ имѣть во мнѣ нужду, смотрятъ на меня съ презрѣніемъ...

— Неужели ты?..

— Не выговаривай! ради общаго милосердаго Отца, не выговаривай. Ужасно слышать это имя отъ тебя! Отъ меня самого узнай всю повѣсть моего униженія и страданій: выслушай до конца, и тогда произнеси надо мною приговоръ. (Вольдемаръ остановился немного, посмотрѣлъ въ глаза своему другу и воспитателю, какъ онъ называлъ его, и прочтя въ нихъ одно сердечное участіе, продолжалъ): Многолѣтній труженникъ, начинаю только собирать плоды моихъ трудовъ. Я тебѣ сказалъ, что мнѣ до сихъ поръ наградой одна извѣстность презрѣннаго имени. Свои меня ищутъ, чтобы погубить, чужіе готовы предать при первомъ случаѣ на погубленіе. Можетъ быть, завтра ждетъ меня висѣлица въ непріятельскомъ станѣ, какъ измѣнника, или

позорная казнь назначена мнѣ среди моихъ соотечественниковъ, какъ убійцѣ, бѣглецу, переметчику. Умру—и самую могилу отчужденца палачъ назначитъ подалѣе отъ православныхъ! Кто посѣтитъ мѣсто пугалища?.. Какое семейство, какой край и народъ признаютъ меня своимъ?.. У меня и родныхъ нѣтъ въ мірѣ, кромѣ родины, да и та отступится отъ меня, даже мертваго; чужіе будутъ обходить жилище — не скажутъ: усопшаго, но висѣльника, удавленника—вотъ названія, которыя мнѣ по смерти дадутъ! Кто скажетъ, что сдѣлала, что хотѣла сдѣлать для искупленія преступленія и, можетъ статься, болѣе для свиданія съ отечествомъ, неограниченная, мученическая любовь моя къ нему? Кому извѣстна эта любовь? Кому смѣю даже нынѣ открыть мои дѣла, мои намѣренія? *Одному* только ввѣрена тайна моя, и этотъ *одинъ* чужеземецъ, сторонній мнѣ чувствами и помышленіями! Онъ весь—мщеніе, я весь—любовь! Онъ одинъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что я совершилъ, что хотѣлъ совершить; а кто знаетъ, что нынѣшній день, этотъ мигъ—его? Съ собою въ гробъ возьметъ онъ все, что я пріобрѣлъ такими трудами; земля пожретъ мое благороднѣйшее достояніе, лучшую часть меня, а на землѣ останется только злодѣй, бѣглецъ, отверженецъ, то, что я былъ еще тринадцать лѣтъ назадъ. Даже отъ ближайшихъ мнѣ долженъ я себя скрывать: не смѣютъ они обласкать меня привѣтомъ искренности, какъ родные боятся открыть крышу съ гроба смраднаго мертвеца, чтобы почтить его братскимъ цѣлованіемъ. Самый этотъ слѣпецъ, который, видишь, сидитъ подъ вязомъ, неразлучный мой спутникъ, исполняющій мои желанія, будто очами сердечными прозираетъ въ моемъ сердцѣ, готовый жертвовать для меня своею жизнію, почитающій меня своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ, заключающій во мнѣ все, что осталось ему до-

рогого на немногіе дни его жизни — повѣришь ли? — святой этотъ старецъ есть только темное орудіе моихъ дѣйствій. Онъ не знаетъ, кто я, откуда, кому работаю; онъ не знаетъ, что съ нимъ ходитъ столько лѣтъ, рука объ руку, преступникъ, изгнанникъ изъ своего отечества; что товарищъ, вожатый, которому онъ отдалъ душу, заперъ для него свою и торгуетъ съ нимъ лучшимъ даромъ Господа — любовію къ ближнему. Даже тебѣ, кому открыто мое злодѣйство, кому я всѣмъ обязанъ, тебѣ не смѣю повѣрить своихъ дѣлъ и намѣреній. Вотъ мои труды, мои жертвы: видишь, они человѣческія! Свыше я ничего не могу.

— Вижу, — сказалъ Адамъ съ глубокимъ вздохомъ, — и понимаю, что средства, тобою избранныя, могли быть вѣрными въ другомъ человѣкѣ, болѣе гибкомъ, болѣе умѣющемъ скрывать себя. Но для тебя, съ твоею пороховою душой—одной минуты довольно, чтобы погубить себя! Ты не можешь выдержать угнетенія; ты не способенъ унижаться, обманывать: а твоя должность этого требуетъ. Страшусь за тебя: не ты— благородный, пылкій нравъ твой измѣнитъ твоей тайнѣ.

— Не разъ уже навлекалъ я на себя подозрѣнія. Но дѣло сдѣлано, жребій брошенъ!

— Ты сказалъ, что другого выбора средствъ не было тебѣ предоставлено?

— Я искалъ благороднѣйшихъ по твоему совѣту, и рѣшительно не нашелъ. Мнѣ оставалось, или съ моими злодѣяніями возвратиться въ отечество подъ плаху, или принять то, что мнѣ предложено.

— Не возможно-ли теперь?..

— Перемѣнить? Нѣтъ, не думай! Этому не бывать!—вскричалъ Вольдемаръ, смотря на своего друга очами, разгорѣвшимися какъ у львицы, у которой хотятъ отнять дѣтей ея, — нѣтъ! я зашелъ уже далеко; я видѣлъ грань моего отечества, слышалъ родные го-

лоса — и не пойду назадъ. Приди отецъ и мать моя, еслибъ они отыскались! приди самъ Господь съ Его небесными силами... нѣтъ, этому не бывать, говорю тебѣ. Одна смерть можетъ сказать мнѣ: остановись! Господи! Господи! дозволь мнѣ положить хоть кости мои на родномъ кладбищѣ!.. (Вольдемаръ горько заплакалъ). Теперь, второй отецъ мой, оттолкни меня отъ себя!..

Адамъ былъ тронутъ. Онъ взялъ руку своего собесѣдника, крѣпко пожалъ ее и сказалъ съ восторгомъ, необыкновенно его одушевлявшимъ:

— Довольно, не хочу знать болѣе. Догадываюсь о твоей тайнѣ; понимаю, что, обнаживъ ее передо мною, ты думалъ бы вручить мнѣ оружіе противъ себя. Нѣтъ! не оттолкнуть тебя хочу, но открыть тебѣ душу свою, чтобы ты нашелъ въ ней новыя силы совершить начатое. Не мнѣ отговаривать тебя: ты меня знаешь!.. Когда бъ мои обязанности согласовались хоть нѣсколько съ твоими, я самъ пошелъ бы съ тобою рука объ руку, какъ этотъ слѣпецъ, и раздѣлилъ бы твое благородное униженіе и бремя. Люблю видѣть въ дѣлахъ моего воспитанника ту пламенную любовь къ великому, которую я старался возбудить и утвердить въ тебѣ. Не даромъ посѣщалъ я съ тобою такъ часто благословенныя земли Греціи и Рима, породившія столькихъ героевъ! Не болѣе тебя сдѣлалъ бы сынъ ихъ. Теперь, понимая тебя, не хочу смотрѣть на низость твоихъ средствъ: что мнѣ нужды до нихъ, лишь бы отечество и Богъ взирали на твои дѣла съ удовольствіемъ! Выключи меня изъ числа черни, которая судитъ по одной наружности. Пусть гонитъ это стадо бичъ предразсудковъ; пускай смотритъ оно очами тѣлесными въ уровень себѣ и питается однимъ подножнымъ кормомъ чувственности! Въ глазахъ его Брутъ есть только убійца дѣтей своихъ; Курцій, бросающійся

въ пропасть — самоубійца. Ты знаешь этихъ великихъ мужей: мы съ тобою умѣли понимать и цѣнить ихъ подвиги. — Тебѣ-ли послѣ этого скорбѣть о мнѣніи черни? Стань выше его! Мудрый не покоряется безразсудной волѣ толпы, а самъ даетъ ей направленіе. Не она—совѣсть тебѣ награда; голосъ избранныхъ — твой судъ! Государь и отечество оцѣнятъ нѣкогда твои заслуги, если ихъ узнаютъ. Великій — свыше мести: онъ позволитъ тебѣ обнять свои колѣна; онъ проститъ тебя. Ты увидишь родину. Сердце мое пророчествуетъ тебѣ эти блага. Не почитай же себя униженнымъ неодолимою тоской по отчизнѣ, дающей тебѣ столько силы совершить великое и благородное; не помышляй также, чтобы въ дѣлахъ человѣка, сколько бы они возвышены ни были, не примѣшивалось нѣчто отъ слабостей человѣка, чтобы онъ могъ любить что-нибудь, не любя себя хоть посредственно,—съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Пламенное воображеніе твое представляетъ тебѣ нѣкоторые предметы въ черномъ видѣ. Не вѣрю тебѣ, чтобы ты игралъ любовью къ своему товарищу: слѣпецъ почитаетъ тебя своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ; ты все это дѣйствительно для него. Десять лѣтъ водишь его, служишь ему глазами, посохомъ, питаешь его, переносишь его немощи, согрѣваешь своими ласками, однимъ словомъ,—ты замѣняешь ему семейство, отечество, природу. Какой сынъ сдѣлалъ бы болѣе для отца? Какой отецъ взамѣнъ этого не воздалъ бы сыну нѣкоторыми пожертвованіями? Онъ возвращаетъ тебѣ то, что получаетъ отъ тебя же. На что ему знать, кто ты, откуда? Онъ—ты, потому что онъ только тобою существуетъ. На что ему твоя тайна? Безъ нея онъ свободнѣе любить тебя можетъ. Не продавать же ее вмѣстѣ съ душою своею людямъ, чуждымъ для него! Если ты обманываешь его въ этомъ случаѣ, то обма-

ныва́ешь, какъ нѣжный сынъ, можетъ быть сберегая ему то сокровище, которымъ самъ дорожишь. Не вѣрю также, чтобы ты, Вольдемаръ, захотѣлъ когда либо жертвовать старцемъ для своихъ видовъ, какъ бы они ни были благородны и высоки. Ты говоришь мнѣ, что онъ темное орудіе твоихъ дѣйствій: не знаю его услугъ; но увѣренъ, что онъ ясное орудіе милости къ тебѣ Провидѣнія, пославшаго тебѣ слѣпца въ помощники, да не видятъ зрячіе, чего имъ не должно видѣть. Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ въ утѣшеніе, Вольдемаръ! Продолжай свое служеніе, презри униженность средствъ, если Провидѣніе не дозволило тебѣ другихъ; взирай только на цѣль. Богъ да благословитъ тебя на пути твоемъ и да подастъ тебѣ силы и возможность совершить благое во имя, драгоцѣнное всякому гражданину; да наградитъ тебя счастіемъ возвратиться въ свое отечество истиннымъ его сыномъ! Обними меня еще разъ, милый другъ, и скажи мнѣ, могу ли быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезенъ.

Гусляръ, почерпнувъ, казалось, на груди друга новыя силы и утѣшенія, просилъ его исполнить только двѣ вещи: пріискать, во-первыхъ, мѣстечко подъ окнами Луизы, гдѣ онъ и слѣпецъ могли бы, невидимые никѣмъ, поздравить новорожденную, какъ просила ихъ дѣвица Рабе и, во-вторыхъ, дать гостепріимный уголокъ старцу на два дня, на которые Вольдемаръ долженъ былъ съ нимъ разстаться. Адамъ все обѣщалъ. Какою неожиданною радостью изумленъ былъ послѣдній, узнавъ, что слѣпецъ есть тотъ самый Конрадъ изъ Торнео, на чьихъ рукахъ умеръ его отецъ! Съ другой стороны, какъ изумленъ былъ слѣпецъ, когда слухъ его, эти очи слѣпого, былъ потрясенъ голосомъ стариннаго знакомца, сына его покровителя! За первыми горячими изліяніями чувствъ послѣдовали съ той и другой стороны запросы о быломъ времени, про-

текшемъ уже болѣе восьми лѣтъ. Чего не вспомнили они, не пересказали другъ другу? Кого не вызвали изъ мрака прошедшаго? Кого не оплакали въ этой бесѣдѣ или, лучше сказать, въ той тризнѣ по милымъ друзьямъ, какой, можетъ быть, никто не совершалъ по нихъ? Не наговорились другъ съ другомъ, не наслушались одинъ другого, слѣпой старецъ и мужъ, первый уже на порогѣ гроба, второй немного отставшій отъ него, предчувствуя, можетъ быть, что одинъ изъ нихъ самъ долженъ будетъ скоро сдѣлаться *воспоминаніемъ*, а другому придется оплакивать въ немъ новую утрату.

Бесѣда нашихъ друзей была прервана вѣстью рыжаго мальчика, что карета, управляемая дядею его, уже показалась вдали. Адамъ и гусляръ, подхвативъ слѣпца подъ руки, направили поспѣшно путь къ замку. Въ цвѣтникѣ, за сиреневыми кустами, подъ самыми окнами Луизиной спальни, поставлены были музыканты такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, да и проведены они были туда, никѣмъ незамѣченные.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРАЗДНИКЪ

И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.
Пушкинъ!

Луиза просыпалась; но длинныя рѣсницы ея сливались еще, сжимаемыя удовольствіемъ сердечной нѣги. Богъ любви привѣтствовалъ ее со днемъ рожденія сладкимъ сновидѣніемъ, съ которымъ жаль было ей разстаться: давно не была она такъ счастлива. Она почувствовала что-то свѣжее на груди и открыла глаза: это была роза безъ шиповъ, едва развернувшаяся. Отъ кого даръ? думала она и, рѣшившись разспросить о немъ у своей горничной, спѣшила опустить цвѣтокъ въ стаканъ воды, какъ бы нарочно поставленный близъ ее на столъ. Въ этомъ занятіи застали ее чудесные звуки, прилетавшіе къ ней изъ цвѣтника. Она могла разобрать, что играли на двухъ инструментахъ и пѣли два мужскіе голоса, одинъ нѣжнѣе другого, пѣсню въ честь ея. Очарованная неожиданной музыкой, она раздумывала, кого благодарить за нее, какъ дверь отворилась, и Катерина Рабе въ объятіяхъ милой подруги заградила своими поцѣлуями крикъ радости на ея устахъ. Все было въ этомъ сви-

даніи: восторги смѣняли слезы, слезы перемѣшивались со смѣхомъ; вопросы бѣжали за вопросами, прошедшія горести, надежды, утѣшенія, — все слилось въ безпорядочномъ лепетѣ дружбы. Этотъ первый пароксизмъ дружбы прерванъ былъ на нѣсколько минутъ необыкновеннымъ крикомъ подъ окнами Луизиной спальни.

— Музыка въ четвертомъ нумерѣ! Боже мой! — кричалъ едва не съ плачемъ какой-то басистый голосъ, — что это будетъ? Въ четвертомъ нумерѣ, говорю вамъ! Кто смѣлъ привесть сюда этихъ побродягъ? Кто осмѣлился нарушить священную волю госпожи баронессы? Кажется, она не первый день госпожа въ своемъ замкѣ.

Дѣвица Рабе покраснѣла, со свойственной ей живостью бросилась къ окну и закричала изъ него:—Простите меня, господинъ Дихтерлихтъ, это я, я во всемъ виновата.

На это увѣщаніе, произнесенное ласковымъ, обворожительнымъ голосомъ, затихъ ропотъ школьнаго мастера. Въ то же время вошла къ Луизѣ въ спальню сама баронесса Зегевольдъ; съ нѣжностью поцѣловала дочь, поздравила ее со днемъ рожденія и, пожелавъ ей счастія, вручила корзину, въ которой лежали богатыя ожерелья, серьги, цѣпи и зарукавья, искусно отдѣланныя; потомъ, обратившись къ маріенбургской гостьѣ, величаво кивнула ей, и, въ знакъ милостиваго вниманія къ бѣдной, ничего незначущей воспитанницѣ пастора, которую дочь ея удостоивала своими ласками, дозволила Катеринѣ Рабе поцѣловать себя въ щеку. Несмотря на эту милость, въ глазахъ баронессы сквозило неудовольствіе, что ее предупредили у новорожденной съ поздравленіями. Луиза поспѣшила одѣться, благодарила мать за подарки, казалась довольной, а сама думала: на что мнѣ они?

Въ недобрый часъ былъ приходъ въ Гельметъ бѣдныхъ музыкантовъ. Только утихла надъ ними гроза маріенбургскаго школьнаго мастера и стихотворца Дихтерлихта, какъ уже собирались новыя тучи съ другой стороны. Никласзонъ, этотъ вѣрный агентъ Паткуля, какъ мы имѣли случай видѣть, вскорѣ замѣтилъ Вольдемара изъ Выборга и почелъ худымъ предвѣстіемъ эту комету, въ первый разъ являвшуюся надъ горизонтомъ Гельмета.—«Какъ! лазутчикъ Шлиппенбаха? Этотъ человѣкъ, ищущій съ такою неутомимостью гибели русскаго войска, и такъ усердно отыскиваемый патріоткою, онъ здѣсь? Это что-нибудь значитъ; это не къ добру, тѣмъ болѣе, что Шлиппенбахъ долженъ быть нынѣ въ Гельметъ, не подозрѣвая еще грозной тревоги! Если этотъ шпіонъ, нигдѣ не отыскавъ его, пожаловалъ сюда съ извѣстіемъ о приближеніи русскихъ, такъ бѣдняжка опоздалъ: время ушло! Думаю, что весь здѣшній край заблаговѣститъ это черезъ нѣсколько часовъ. Взявшись за ремесло лазутчика, онъ долженъ былъ твердо знать, что для ловли сельдей и китовъ бываетъ одна пора: но если этотъ лукавый музыкантъ провелъ насъ, искусниковъ— ибо часто въ нашемъ ремеслѣ случается, что тотъ, кто считаетъ себя близко цѣли своего обмана, бываетъ самъ обойденъ, вѣдь не всякаго мудреца довольно простоты — если этотъ лукавый музыкантъ, говорю я, провѣдалъ, *кто* пожалуетъ сюда на праздникъ съ Фюренгофомъ, и шепнетъ о томъ не въ урочный часъ на ушко своему доброжелателю?.. Тогда все это недоконченное и нетвердое зданіе прямо падетъ на меня!... Однакожъ, чрезъ кого провѣдать ему въ одну ночь? Сомнительно! мудрено! На всякій случай надобно держать проклятаго музыканта въ почтительномъ отдаленіи отъ баронессы и Шлиппенбаха. Какъ на бѣду, Адамъ, этотъ всеобщій покровитель нищихъ и побро-

дягъ, успѣлъ пріютить голубчиковъ подъ свое крыло. Вотъ ужь онъ ведетъ слѣпца и товарища къ баронессѣ. Буду дѣлать, что могу, и между тѣмъ, для безопасности собственной персоны, не худо имѣть въ готовности осѣдлланнаго коня и добрую пару пистолетовъ». Такъ разсуждалъ самъ съ собою лукавый Никласзонъ, рѣшившись даже на отчаянныя мѣры, еслибы какъ-нибудь проникла наружу тайна товарища Фюренгофа и гельметскаго гостя, Зибенбюргера, и обстоятельства, не побоявшись мастера, ихъ устроившаго, пошли ему на перекоръ. Во первыхъ, онъ исполнилъ все, придуманное имъ для собственной безопасности, потомъ отдалъ слугамъ строжайшій приказъ, безъ дозволенія его не пускать гусляра и слѣпца въ домъ.

Не съ такою жадностью обжора вкушаетъ перигорскій пирогъ, нѣсколько мѣсяцевъ ожиданный, съ какою баронесса пожирала бесѣду Вольдемара, этого таинственнаго агента Шлиппенбаха. Правда, вся бесѣда заключалась еще въ одномъ приступѣ къ дипломатическимъ сношеніямъ, который начался, какъ у иного автора при всякомъ сочиненіи, съ яицъ лединыхъ. Правда, и отвѣты гусляра не обѣщали уступчивой искренности; но, по крайней мѣрѣ, дипломатка старалась голосомъ сирены привлечь въ свою область этого новаго Язона, хранящаго золотое руно, то-есть тайну похищенія Паткуля. Лукавый Никласзонъ поспѣшилъ, однакожъ, разрушить эту бесѣду, отозвавъ баронессу въ ближнюю комнату и объяснивъ ей со всепокорнѣйшею преданностью, что она, дальнѣйшимъ сближеніемъ съ пришлецомъ и, можетъ быть, обманщикомъ, растеряетъ плоды вчерашняго посѣщенія раскольниковъ, которыхъ извѣданное усердіе нынѣ такъ легковѣрно мѣняетъ на сомнительные виды. Если же она желаетъ, продолжалъ Эліасъ, чтобы извѣстіе о сборахъ русскаго войска на Лифляндію было ею первою сообщено его

превосходительству, господину генералъ-вахтмейстеру, и чтобы неожиданность этого извѣщенія придала ему цѣну, слѣдственно болѣе таинственности и важности дипломатическимъ ея трудамъ, то всего лучше держать на нынѣшній день музыканта въ отдаленіи такъ, чтобы онъ никакъ не могъ добраться до генерала.

— Ахъ, любезнѣйшій мой Никласзонъ! — сказала дипломатка, — вы бросаете свѣтлый лучъ въ мои мысли, запутанныя и помраченныя нынѣшнимъ праздникомъ. Какъ я вамъ благодарна! Въ самомъ дѣлѣ, для мыльныхъ пузырей потерять плоды столькихъ трудовъ! Какъ будто бы насмѣяться надъ усердіемъ и преданностью ко мнѣ этихъ добрыхъ, русскихъ моихъ *подданныхъ*, пришедшихъ ко мнѣ съ таинственною вѣстью изъ-за нѣсколькихъ десятковъ миль! Упустить случай написать къ министру Пиперу о пользѣ, нами принесенной въ этомъ случаѣ Лифляндіи и, что еще важнѣе, войску его королевскаго величества! Благодарность Карла, наконецъ я тебя поймала... наконецъ этотъ ненавистникъ женщинъ долженъ будетъ признаться, что женщинѣ обязанъ побѣдою надъ Петромъ, спасеніемъ большого лоскута своего королевства и арміи. Каковы трофеи для насъ, мой любезный, вѣрный Никласзонъ! Нѣтъ, этотъ кусочекъ слишкомъ лакомый, чтобы въ простотѣ сердца отдать его агенту Шлиппенбаха. Распоряжайтесь, какъ вы найдете лучше, чтобы онъ не могъ схватить у насъ изъ-подъ носа такую богатую добычу; будьте полнымъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ вы думаете, не запереть-ли намъ куда-нибудь этихъ бродягъ? — Никласзонъ увѣрилъ, что онъ обойдется и безъ такихъ насильственныхъ средствъ, и спѣшилъ привесть свои увѣренія въ дѣйствіе, утѣшаясь, что умѣлъ такъ ловко обратить на гнѣвъ и гоненіе скорыя милости баронессы къ

Вольдемару. Вотъ какъ важныя головы одурачиваются мелкими хитрецами!...

Баронесса, возвратясь въ ту комнату, гдѣ былъ гусляръ и товарищъ его, сказала имъ съ оскорбительною гордостью:

— Ступайте въ кухню, друзья мои, васъ тамъ накормятъ.

Отвѣтомъ Вольдемара былъ гордый, презрительный взглядъ.

Слѣпецъ произнесъ съ негодованіемъ:—Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника и скрежещетъ на него зубами своими: но Господь смѣется ему, ибо видитъ, что приближается день его» [1]).

Съ этимъ вмѣстѣ музыканты вышли изъ комнаты и побрели въ садъ; баронесса проводила ихъ глазами, разгорѣвшимися отъ досады, что слѣпой колдунъ (такъ извѣстенъ онъ былъ въ краю) осмѣлился причислить ее къ сонму нечестивыхъ.

Между тѣмъ, среди жужжанія народа, собравшагося на дворъ, послышались шумъ колесъ, удары бича и ржаніе лошадей. Со всѣхъ сторонъ катились, неслись и ползли берлины, одноколки, колымаги, скакали верховые; всѣ дороги заклубились отъ пыли, а на перекресткѣ стояла цѣлая туча, какъ на баттареѣ во время сраженія. Все спѣшило, будто по пути жизни мчались ко двору фортуны ея искатели. Иные, заключая свое честолюбіе въ томъ, чтобъ быть впереди, кричали съ нетерпѣніемъ своимъ кучерамъ: «форвертсъ! форверстъ!» [2]) другіе, боясь излишнею ретивостью сломить себѣ въ суматохѣ шею, приказывали отставать; третьи, равняясь другъ съ другомъ, мѣнялись привѣтствіями, проклинали тѣсноту, пыль и жаръ, и, мо-

---

[1]) Псаломъ XXXVI.
[2]) Впередъ, впередъ!

жетъ быть, въ сердцѣ посылали другъ друга къ чорту; конные, объѣзжая стороной экипажныхъ, едва не выговаривали: «хлопочите, а мы все-таки будемъ впереди». У воротъ замка сдѣлалась настоящая суматоха; къ крикамъ, на разные напѣвы господъ и госпожъ разнаго возраста, присоединялась брань кучеровъ. На дворѣ все пришло въ чинный порядокъ: между толпой крестьянъ и столами, устроенными для угощенія ихъ, оставлена была Шнурбаухомъ дорога, и по ней-то экипажи тянулись къ террасѣ цѣпью, одинъ за другимъ. На случай, гдѣ надобно было распоряжаться кучерами и скотами, амтманъ былъ человѣкъ дорогой. Секретарь, на нынѣшній день маршалъ двора баронессы, съ треугольною шляпою подъ мышкою, съ шпагою у бока, съ улыбкою и привѣтствіями на устахъ встрѣчалъ гостей въ первыхъ комнатахъ. Сама баронесса принимала ихъ въ гостиной, въ которой сіяли, какъ зеркала, и замѣняли ихъ штучныя стѣны и колонны изъ разнаго дерева, исправно натертыя масломъ и воскомъ. Она сидѣла въ пышныхъ креслахъ, съ дивною рѣзьбою, обитыхъ малиновымъ бархатомъ; кому кивала, для иного едва привставала, для другого совсѣмъ становилась на ноги и дѣлала шагъ, два и болѣе впередъ, смотря по важности входившаго лица. И на пріемъ она имѣла свою дипломатію! Если бы кто изъ нашего вѣка перенесся въ это собраніе, то подумалъ бы, что находится въ маскарадѣ или въ старинной портретной галлереѣ. Большая часть мужчинъ были настоящіе маркизы Лудовика XIV, въ которыхъ преобразилась тогда едва ли не вся Европа! Среди щеголей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, были пріѣзжіе изъ Риги, не стыдившіеся явиться въ нарядѣ XVII столѣтія. Круглая шляпа съ перьями, распущенные по плечамъ волосы, тонкій усъ и оставленный на концѣ бороды клочекъ волосъ; воротникъ рубашки, отвороченный до груди,

и между нимъ двѣ золотыя кисточки, полукафтанье, на подобіе черкесскаго чекменя, изъ чернаго атласа, который тянули внизъ свинцовые шары, вдѣланные кругомъ полы въ шелковой бахромѣ; бѣлая, шитая перевязь, падающая съ праваго плеча по лѣвую сторону; сапоги съ черными бантами на головкахъ и съ раструбами изъ широкихъ кружевъ, туго накрахмаленныхъ, въ которыхъ икры казались вдѣланными въ огромныя чаши, — весь этотъ нарядъ и въ тогдашнее время заставлялъ на себя оглянуться съ невольною улыбкою. Такъ обычаи и даже нравы уступаютъ всемогущему вліянію времени! Отставшіе отъ него кажутся уродливыми.

Несмотря на то, что тогдашняя одежда женщинъ не красила ихъ, хорошенькія все оставались хорошенькими. Таково могущество красоты, что наряды ее хоть съ *рожками* и въ *рогожку*, а она все-таки будетъ прельщать. Лифляндія—цвѣтникъ пригожихъ женщинъ, и потому на праздникъ у баронессы собрались ихъ вереницы; но всѣхъ прекраснѣе была Катерина Рабе, всѣхъ милѣе Луиза Зегевольдъ.

Съ пренебреженіемъ смотрѣли на бѣдную воспитанницу пастора Глика пріѣзжія гостьи, твердо выучившія отъ маменекъ свою родословную; непригожія изъ нихъ отличались особенною къ ней непріязнью.

— Что за охота Луизѣ привязаться къ этой куклѣ?— говорила одна, золотовласая, какъ Церера, и съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, будто обрызганнымъ грязью. — Нельзя взять ее за руку, чтобы не появилась съ другой стороны ея Кете; ну, посуди, милая, прилично ли мнѣ служить pendant дѣвченкѣ, Богъ знаетъ, какого рода и званія.

— То-ли дѣло флейлинъ фонъ Голнгаузенъ!—говорила другая, пришептывая, — умѣетъ держать себя, какъ должно! Видѣла-ли ты, какимъ холоднымъ взгля-

домъ обдала она малліенбулгскую гостью, когда эта хотѣла къ ней приласкаться?

— Прекрасно отпотчивала!—прибавила третья, мигавшая безпрестанно однимъ глазомъ и немного кособокая.

— Замѣтила-ли ты, какія у нея дурныя манеры?

— Гдѣ-жъ было ей научиться порядочнымъ?—перебила золотовласая Церера.—Развѣ у пастора Даута, когда она няньчила его дѣтей

Тутъ расходившееся злословіе было остановлено на минуту неожиданнымъ восклицаніемъ подруги, вновь прибывшей въ кругъ собесѣдницъ.

— Ахъ, какъ хороша маріенбургская Кете!—сказала съ особеннымъ восторгомъ пришедшая,—я засмотрѣлась на нее какъ на прекрасную картинку, ну такъ, что не отошла бы отъ нея!

— Ужь вкусъ!—закричали всѣ съ хохотомъ.

— Не мудлено жь, милая, такъ судить по неопытности; она въ пелвый лазъ въ жизни вылетѣла изъ своего гнѣздышка Фогельсгаузенъ, — прервала шепетунья.

Осмѣлившаяся похвалить бѣдную воспитанницу пастора, покраснѣвъ, принуждена была сознаться, что она шутила. Катерина Рабе не оскорблялась гордымъ обращеніемъ съ нею знатныхъ пріѣзжихъ или не примѣчала его: дружба Луизы, явно дававшая ей предпочтеніе предъ всѣми гостями, вознаграждала ее за непріятности этого праздника. Когда бъ она знала болѣе свѣтъ или была самолюбивѣй, тогда бъ догадалась по глазамъ мужчинъ всякаго званія, по тонкой и предупредительной ихъ услужливости, что она избрана ими царицей праздника.

Чего и кого не было на этомъ праздникѣ! Сюда пріѣхали дворяне, духовные, профессоры, офицеры, студенты и купцы. На каждомъ былъ отпечатокъ

времени: большая часть гостей, особенно студенты, выступали съ марціальнымъ видомъ, какъ бы идя навстрѣчу военной грозѣ; нѣкоторые робко пожимались въ уголки комнатъ, какъ птицы, нахохлившись, прячутся въ густоту деревъ, почуявъ непогоду. Въ углу гостиной отыскали мы своего стараго знакомаго пастора Глика, жарконько разсуждавшаго съ какимъ-то архитекторомъ-философомъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе созидать храмъ просвѣщенія: снизу-ли начинать, съ середины, или сверху?

— Помилуйте, — говорилъ архитекторъ, — кто-жъ строитъ зданія на воздухѣ?

— Позвольте, я вамъ докажу,—прервалъ пасторъ,— я всѣ препятствія видѣлъ напередъ и устранилъ ихъ. Въ адресѣ, мною изготовленномъ для подачи королю, нынѣ благополучно царствующему, говорится ясно о способахъ преобразованія Лифляндіи.

— Но какъ вы могли?..

— Не спорьте, милостивый государь! Доказательства сейчасъ на лицо; ясны—какъ день!—И вы признаетесь, что...

Здѣсь въ жару полемики пасторъ засунулъ было руку въ боковой карманъ, но, хватившись, что онъ потерялъ знаменитый адресъ дорогою, смутился до пота на лицѣ и приведенъ былъ въ такое же прискорбное состояніе, въ какомъ, по тому же поводу, явился онъ намъ въ *долинѣ мертвецовъ*. Напрасно искали мы по всѣмъ комнатамъ цейгмейстера Вульфа, вѣчнаго пріятеля и антагониста пастора и жениха дѣвицы Рабе. Вотъ что мы узнали о неявкѣ его къ празднику въ Гельметъ. Лукавый духъ долины не переставалъ подшучивать надъ маріенбургскими жителями и за Менценомъ, затрудняя имъ путь то частою потерею подковъ у лошадей, то хромотой Зефирки, то починкою экипажа. Вульфъ, не награжденный отъ природы

большимъ терпѣніемъ, къ тому-жъ обязанный въ скорости доставить къ генералъ-вахтмейстеру Шлиппенбаху важное донесеніе (съ котораго, мы также видѣли, копія была искусно снята и доведена по принадлежности), рѣшился отдѣлиться отъ своихъ дорожныхъ товарищей и поспѣшить къ начальнику. Отыскавъ послѣдняго близъ Пернова, куда этотъ ѣздилъ для свидѣтельства военныхъ снарядовъ, и получивъ отъ него, по предмету своего путешествія, разрѣшеніе, цейгмейстеръ долженъ былъ немедленно отправиться въ обратный путь, и потому, вмѣсто посѣщенія Гельмета, принесъ ему только издали дань поклономъ и вздохомъ.

Долго искали мы также между гостями и Фюренгофа: его еще не было въ Гельметѣ. Наконецъ, подъѣхала къ террасѣ колымага, по виду пережившая уже полвѣка, и, по исправности своей, обѣщавшая еще столько же покататься по бѣлому свѣту. Живые лошадиные остовы, въ нее запряженные, были до того утомлены, что бока вздувались, какъ мѣха, и потъ падалъ съ нихъ крупными каплями. Первый встрѣтившій колымагу и отворившій у ней двери, былъ Фрицъ, на лицѣ котораго, при этомъ дѣйствіи, выражалась необыкновенная радость, смѣшанная съ какимъ-то страхомъ. Онъ быстро оглядывался вокругъ себя, хотѣлъ говорить, но губы его издавали непонятные звуки. Изъ экипажа вышли сначала Фюренгофъ и за нимъ мужчина странной наружности. Багровый носъ его бросался всякому въ глаза, какъ по своей уродливости, такъ и по двумъ зеленымъ, блестящимъ кругамъ, на него надѣтымъ или, просто, зеленымъ очкамъ, диковиннымъ въ тогдашнее время; большой горбъ безобразилъ незнакомца. На указательномъ пальцѣ правой руки богатѣйшій солитеръ измѣнялъ простотѣ его одежды, состоявшей въ парѣ платья на французскій покрой,

изъ гладкой шелковой матеріи коричневаго цвѣта. Выходя изъ колымаги, онъ пожалъ руку Фрицу и сказалъ ему шопотомъ:

— Лошадей верховыхъ къ восточной калиткѣ сада!

Когда онъ вошелъ въ гостиную, насмѣшливый шопотъ пробѣжалъ по ней; красный носъ такъ изумилъ всѣхъ, что должники Фюренгофа забыли изъявить ему свое глубочайшее почтеніе и преданность, и баронесса не могла выговорить полновѣснаго привѣтствія тому, отъ кого тяжеловѣсные дукаты должны были поступить въ ея родъ. Рингенскій помѣщикъ, немного запинаясь, представилъ своего спутника подъ именемъ господина фонъ-Зибенбюргера, какъ ученаго, путешествующаго по разнымъ странамъ свѣта и теперь возвращающагося изъ Россіи.

— Ко мнѣ же почтеннѣйшій господинъ адресованъ, — прибавилъ Фюренгофъ, — однимъ лейпцигскимъ моимъ корреспондентомъ.

На эту рекомендацію, баронесса разсыпалась въ учтивостяхъ путешественнику-ученому и, что важнѣе всего, ѣхавшему изъ Россіи. Красный носъ (будемъ такъ иногда звать Зибенбюргера) былъ уменъ, краснорѣчивъ и ловокъ въ обращеніи; богатѣйшій человѣкъ въ Лифляндіи придалъ ему эпитетъ *почтеннѣйшаго.* На вопросъ: какъ васъ титуловать? (замѣтимъ, первый и необходимый вопросъ каждаго нѣмца при первомъ знакомствѣ) — красный носъ отвѣчалъ, что онъ гофратъ, докторъ падуанскаго университета, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и корреспондентъ разныхъ принцевъ; къ тому-жъ игрѣ въ алмазѣ на рукѣ его сдѣлана уже примѣрная оцѣнка и караты въ немъ по виду взвѣшены: все это заставило скоро забыть объ уродливости носа и горбѣ неожиданнаго посѣтителя и находить въ немъ не только интересность, но даже привлекательность. Баронесса, поручивъ хозяйничать дочери, нашла

случай увлечь его въ свой кабинетъ и предаться тамъ съ нимъ политическимъ разсужденіямъ. Красный носъ хорошо зналъ ея слабую сторону и скоро успѣлъ овладѣть умомъ патріотки, которая отдала бы свой Гельметъ тому, кто шепнулъ бы въ это время, что съ нею сидитъ жесточайшій врагъ ея государя и предметъ ея дипломатическихъ заботъ.

Между тѣмъ все общество, собравшееся въ Гельметѣ, было приглашено на террасу. Здѣсь предоставилось пестрое зрѣлище. По сторонамъ двора уставлены были двумя длинными глаголями столы, нагруженные разными съѣстными припасами; оба края стола обнизали крестьяне, не смѣвшіе пошевелиться и не сводившіе глазъ съ лакомыхъ кусковъ, которые уже мысленно пожирали; въ серединѣ возвышался изжаренный быкъ съ золотыми рогами; на двухъ столбахъ, гладко отесанныхъ, развѣвались, одни выше другихъ, цвѣтные кушаки и платки, а на самой вершинѣ синій кафтанъ и круглая шляпа съ разноцвѣтными лентами; по разнымъ мѣстамъ, въ красивой симметріи, разставлены были кадки съ виномъ и пивомъ. Крестьянки, въ пестрыхъ праздничныхъ одѣяніяхъ, толпились позади своихъ супруговъ, отцовъ и братьевъ, и составляли резервную ихъ линію на случай осады столовъ; наконецъ, между ними волынщики и гудочники, налаживая свои инструменты, готовились по-своему торжествовать праздникъ и возбуждать общее веселіе пирующихъ. Какъ скоро Луиза, краснѣя и съ нѣкоторымъ принужденіемъ, явилась на террасу, народъ отъ души закричалъ: — «да здравствуетъ многія лѣта наша молодая госпожа!»

Амтманъ, вынувъ разложенные по квартирамъ своего кафтана пальцы правой руки и, толкнувъ порядочно локтемъ старосту, сказалъ ему на ухо:

— Кричи: и матушка баронесса, наша благодѣтельница!

— И матушка баронесса, наша благодѣтельница!— закричалъ староста, махая по воздуху шляпою (и палкой).

За нимъ то же повторила толпа, боясь, чтобы этотъ возгласъ позднѣе не былъ выколоченъ изъ боковъ. По окончаніи народнаго привѣтствія, явился передъ Луизою Аполлонъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ лицомъ, испещреннымъ багровыми шишками, въ рыжемъ парикѣ, увѣнчанномъ лаврами, въ шелковой епанчѣ, едва накинутой на плеча и въ башмакахъ съ розовыми бантами. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лиру изъ папки. Это былъ маріенбургскій школьный мастеръ Дихтерлихтъ, принявшій на себя каррикатурный видъ бога поэзіи. Чтобы не умереть со смѣху, глядя на него, надобно было запастись всею нѣмецкою флегмой и всѣмъ моднымъ современнымъ пристрастіемъ къ Олимпу на образецъ французскій. Нашъ Аполлонъ, широко размахнувшись рукою, потомъ, ударивъ себя въ грудь и, наконецъ, по струнамъ лиры, отъ чего она согнулась, не издавъ изъ себя звука, — съ глазами, горящими, какъ у бѣснующагося, произнесъ громогласно съ полсотни стиховъ. Въ нихъ изобразилъ, какъ онъ, бесѣдуя на Парнасѣ съ девятью сестрами, изумленъ былъ нечаянною суматохою на землѣ и, узнавъ, что причиною тому рожденіе прекрасной баронской дочери, спѣшилъ самъ принесть ей поздравленія отъ всего Геликона. Въ его стихахъ было то, чего-бъ *нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ.*

Тутъ были:

Въ борьбѣ міры съ мірами,
Съ звѣздами грозный сонмъ кометъ,
Пространства безднъ временъ съ вѣками,
Съ луною солнце — съ мракомъ свѣтъ...

Тутъ клокотали пропасти горящи, грохотали громы всезрящи, буревали гласы, клики, вой... и многое множество подобныхъ этимъ описаній, которыя нетрудно отыскать въ знаменитыхъ современныхъ поэмахъ. Рукоплесканія (и, прибавляетъ насмѣшливая хроника, шиканье студентовъ) заглушили послѣдній стихъ. Восхищенный этою наградою, Аполлонъ, съ слезами умиленія, поправилъ на себѣ парикъ и подалъ новорожденной тетрадку въ золотой обложкѣ. Луиза приняла усердную дань его, и, желая скрыть хоть нѣсколько свое замѣшательство отъ приторныхъ похвалъ, которыми ее осыпали, перевернула блестящую обложку и устремила на заглавіе тетради глаза; но, видя, что это твореніе не относилось къ ней, спѣшила съ усмѣшкою передать его вблизя стоявшему Глику, и сказала ему:

— Не къ вамъ ли ближе это идетъ, господинъ пасторъ?

При этомъ вопросѣ Аполлонъ выпучилъ глаза и открылъ ротъ. Пасторъ, будто по предчувствію, дрожащими руками ухватился за тетрадь и, лишь только взглянулъ на первыя слова заглавія, обратился съ гнѣвомъ къ Дихтерлихту:

— Господинъ Аполлонъ, похитивъ у царя Адмета его овецъ, не вздумали-ли вы прибрать къ своимъ рукамъ и мое достояніе?

— Ваше достояніе, господинъ пасторъ? Ваше...?— произнесъ, горько усмѣхаясь, каррикатурный богъ.— Не благоугодно ли вамъ шуткою произвесть смѣхотвореніе въ семъ почтеннѣйшемъ обществѣ? Аполлонъ всегда готовъ отвѣчать Минервѣ.

— Какое неслыханное нахальство! — воскликнулъ пасторъ, — говорю вамъ не шутя, что вы украли мое сочиненіе.

— О! когда такъ, то я объявляю всенародно, что

это моя собственность, родное дитя мое, я, я, сударь, его отецъ, и права на него не отдамъ никому! Право это готовъ защищать перомъ, лирою, закономъ и кровью моею, столь громко нынѣ вопіющею!

— Наглецъ неблагодарный! — кричалъ Гликъ, не помня себя отъ гнѣва, — дерзость неимовѣрная въ лѣтописяхъ міра! Какъ? Воспользоваться моимъ добродушіемъ, безстыдно похитить плоды многолѣтнихъ трудовъ моихъ? Къ суду вашему обращаюсь, именитое дворянство Лифляндіи: я соорудилъ это твореніе, готовился посвятить его вамъ, и вдругъ... Вступитесь за собственное свое дѣло, господа! Одно заглавіе скажетъ вамъ...

— Это проектъ адреса королю о возвращеніи правъ лифляндскому рыцарству и земству,—сказалъ кто-то, прочтя изъ-за плечъ пастора заглавіе спорнаго сочиненія.

— Адресъ! адресъ!—повторили въ толпѣ.

— О правахъ давно забытыхъ—произнесъ кто-то.

— Втоптанныхъ въ грязь до того, что нельзя ужь различить на нихъ ни одной буквы, — прибавилъ другой.

— Слѣдовательно вы признаете, милостивые государи, что адресъ, мною... — могъ только сказать пасторъ, какъ перебилъ его рѣчь стоявшій возлѣ него дворянинъ, у котораго редукціею отнята была большая часть имѣнія.

— Безъ голоса нѣтъ права, — сказалъ онъ иронически, — а нашъ голосъ давно заглушенъ воинскимъ боемъ, или, лучше сказать, мы служимъ только барабанною кожею для возвѣщенія маршей и торжествъ новаго Александра до тѣхъ поръ, пока станетъ ея.

— Теперь-то и время подать адресъ, — произнесъ умилительно Гликъ.

— Время? — воскликнулъ кто-то,—да развѣ вы не

знаете, господинъ пасторъ, что лучшее время говорить о правахъ наступитъ, когда они кровью и огнемъ напишутся на стѣнахъ нашихъ домовъ, и слезами женъ и дѣтей нашихъ вытравятся на желѣзѣ нашихъ цѣпей?

— Тише, тише, господа! — перебилъ насмѣшливо студентъ, закручивая усы и побрякивая шпагою, — здѣсь есть шведскіе офицеры.

— Благородный воинъ никогда не берется за ремесло доносчика, — возразилъ съ негодованіемъ одинъ шведскій драгунскій офицеръ, покачивая со стороны на сторону свою жесткую, лосинную перчатку, — но всегда готовъ укоротить языки, оскорбляющіе честь его государя.

— Аминь, аминь!—кричалъ пасторъ.

— Неприличное мѣсто выбрали, господа, для диспута,—говорили нѣсколько лифляндскихъ офицеровъ и дворянъ, благоразумнѣе другихъ.

— Не худо замѣтить, что мы, провозглашая о правахъ, нарушили священныя права гостепріимства и потеряли всякое уваженіе къ прекрасному полу; не худо также вспомнить, что мы одного государя подданные, одной матери дѣти.

— Развѣ одной злой мачихи!—кричали многіе.

Продолжали спорить и тихомолкомъ назначали поединки. Замѣтно было, что волненіе, произведенное между посѣтителями, было подготовлено. Для утишенія поднявшейся бури, принуждены были, наконецъ, послать депутатовъ къ баронессѣ, все еще занятой дипломатической бесѣдой съ ученымъ путешественникомъ Зибенбюргеромъ, очаровавшимъ ее совершенно. Многія женщины отъ страха разбѣжались по комнатамъ; другія, боясь попасть на встрѣчу баронессѣ, слѣдовательно изъ огня въ полымя, остались на своихъ мѣстахъ. Луиза, стоя какъ на иголкахъ, искала себѣ опоры въ милой Кете, но не могла найти ее кругомъ

себя; пригожія Флора и Помона дожидались съ сердечнымъ трепетомъ, когда Аполлонъ прикажетъ имъ начать свое привѣтствіе новорожденной; народъ, вдыхая въ себя ароматъ съѣстныхъ припасовъ и вина, ропталъ, что безтолковые господа такъ долго искушаютъ ихъ терпѣніе. Что происходило въ это время съ самимъ Аполлономъ? Подойдя къ пастору Глику и успѣвъ пробѣжать глазами первой листокъ чудесной тетради, онъ видимо обомлѣлъ, началъ оглядываться, пересмотрѣлъ еще разъ тетрадь, ощупалъ ее, ощупалъ себѣ голову и сказалъ съ сердцемъ:

— Если въ это дѣло самъ лукавый не вмѣшался, то я не знаю, что подумать о обмѣнѣ моего «Похвальнаго Слова» дщери баронской на адресъ его величеству и благодѣтелю нашему, королю шведскому.

Явилась на террасу баронесса Зегевольдъ, и съ ея появленіемъ раздоръ утихъ, какъ въ Энеидѣ взбунтовавшееся море съ прикрикомъ на него Нептуна. Не подавая вида, что знаетъ о бывшемъ неблагопристойномъ шумѣ, она шепнула Никласзону, чтобы онъ выдвинулъ впередъ богинь. Флора первая изъ нихъ подошла къ Луизѣ и, поднося ей цвѣты, сказала:

«Прими сіи плоды»...

— Плоды? Какіе плоды?—перебилъ сердито Аполлонъ.

— Меня такъ училъ господинъ Биръ, — отвѣчала смущенная и оробѣвшая Флора.

— Да вы кто такая? — спросилъ грознымъ образомъ богъ пѣснопѣнія.

— Каролинхенъ, къ вашимъ услугамъ, — отвѣчала опять простодушно дѣвушка, присѣдая.

При такой видимой неудачѣ, Аполлонъ шлепнулъ свою лиру о полъ, схватилъ себя обѣими руками за парикъ и, стиснувъ съ нимъ лавровый вѣнокъ, завопилъ:

— Чтобы всѣхъ Флоръ и Помонъ побралъ лукавый вмѣстѣ съ моимъ «Похвальнымъ Словомъ»! Чтобы земля разверзлась и поглотила меня и позоръ мой! О, зависть! О, злоба человѣческая! вы достигли своей цѣли. Иду, удаляюсь, спѣшу, бѣгу отъ этихъ ужасныхъ для меня мѣстъ. Гомеръ, темница была твой капитолій! Тассъ, о ты, слѣпецъ хіосскій, ты умеръ странникомъ: и я, и я—радуйтесь, зоилы!—униженный передъ цѣлымъ синклитомъ ученыхъ, направляю стопы мои въ изгнаніе. Но знайте, за меня потомство! Оно—мститель мой и грозный судія моихъ враговъ.

Выговоривъ это, Аполлонъ въ измятомъ лавровомъ вѣнкѣ, съ епанчой на плечахъ, продрался сквозь толпу зрителей и слушателей, устремился съ террасы, раздвинулъ съ жестокостью толпу, окружившую его на дворѣ, поколотилъ нѣкоторыхъ ротозѣевъ и насмѣшниковъ, и бѣжалъ изъ Гельмета. Ни увѣщанія, ни просьбы баронессы, ни усилія амтмана его удержать—не имѣли никакого успѣха. Разсказывали послѣ, что поселяне, встрѣтившіе его въ такомъ нарядѣ за нѣсколько миль отъ Гельмета, почли его за сумасшедшаго и представили въ судъ, и что онъ только приближенію русскихъ обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ изъ когтей судейскихъ. Флора и Помона, которыхъ роли Биръ изъ разсѣянія, дѣйствительно, перемѣшалъ, скрылись; и хотя сентиментальная Аделаида Горнгаузенъ, въ фижмахъ и на высокихъ каблукахъ, готовилась предстать въ видѣ пастушки, держа на голубыхъ лентахъ двухъ барашковъ, но и та, побоявшись участи, постигшей ея подругъ, рѣшилась не показываться. Такимъ образомъ былъ испорченъ праздникъ тщеславной владѣтельницы Гельмета Сильно досадовала она, но старалась скрыть это чувство.

Оставалось Луизѣ принять сельскую свадьбу. По данному амтманомъ знаку, показался издали свадебный

поѣздъ. Впереди трусилъ верхомъ волыночникъ, наигрывая на своемъ инструментѣ нестройныя пѣсни, подъ звуки которыхъ его лошадка дѣлала разныя варіаціи. Его сопровождали два дружка съ шпагами наголо, которыми должны были открыть входъ въ домъ новобрачнаго, нарубивъ крестъ на двери, послѣ чего слѣдовало имъ, по обряду, воткнуть орудія въ балку прямо надъ мѣстомъ, гдѣ онъ садился. За музыкантомъ и дружками, верхами-жъ на бойкой лошадкѣ, ѣхали разряженые: женихъ и, позади его, бокомъ, на той же лошади, невѣста, ухватившись за кушакъ его правой рукой. Двѣ мѣдныя монеты, вложенныя въ расчепъ палки, которую онъ держалъ въ рукѣ, должны были служить ему пропускомъ въ домъ брака. Невѣста бросала красныя ленты по дорогѣ, особенно на перекресткахъ, гдѣ хоронились некрещеныя дѣти. Многочисленный поѣздъ верхомъ изъ крестьянъ, женъ ихъ, сыновей, работниковъ и служанокъ, довершали процессію. На дворѣ толпы народныя, раздвинувшись, очистили для нихъ широкую улицу. Передъ террасою весь поѣздъ сошелъ съ лошадей и прокричалъ новорожденной многія лѣта. Въ то же время дружки изо всей силы стучали шпагой объ шпагу. Невѣста и женихъ подошли къ Луизѣ: первая была черноволосая красавица, второй пригожій, статный молодецъ. Лишь только крестьянская дѣвушка хотѣла поднести своей молодой госпожѣ пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и сказать по своему привѣтствіе, Луиза, всмотрѣвшись въ нее, бросилась ее обнимать. Невѣста была—Катерина Рабе. Женихъ подошелъ къ Луизѣ: взглянувъ на него, она поблѣднѣла. Черты слишкомъ знакомыя! Глаза ея въ первый мигъ признали было за Густава; но сердце тотчасъ отвергло это обольщеніе, и сказало ей, что это ни кто иной, какъ роковой Адольфъ. Дѣйствительно, женихъ-крестьянинъ былъ истинный женихъ

Луизы, баронъ Адольфъ Траутфеттеръ. Какъ все это случилось? Какимъ образомъ дѣвица Рабе, нѣжная, догадливая, знавшая всѣ задушевныя тайны своей подруги, могла согласиться быть орудіемъ для нанесенія ей такого нечаяннаго и жестокаго удара? Что заставило вдругъ пріѣхать изъ арміи Адольфа, доселѣ съ необыкновеннымъ упрямствомъ отдалявшаго отъ себя всякій случай къ посѣщенію Лифляндіи? Мы это сейчасъ узнаемъ, сдѣлавъ съ нимъ маленькое путешествіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЕЩЕ НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Непріятель кутитъ, гуляетъ.... а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ, налети на него, какъ снѣгъ на голову...

Слова *Суворова.*

Въ то самое время, какъ мечъ и огонь непріятелей поѣдали собственныя владѣнія Карла XII, чужія царства падали къ его стопамъ и подносили ему богатыя контрибуціи. Столица Польши 11-го мая приняла въ свои стѣны побѣдителя и ожидала себѣ отъ него новаго короля. Важныя головы занялись тогда политикой, военная молодежь — веселостями въ кругу обольстительныхъ полекъ. Можно догадаться, что Адольфъ не пропускалъ ни одного редута. Разъ вечеромъ, возвратившись очень рано домой, онъ сидѣлъ раздосадованный въ своей квартирѣ и записывалъ въ памятной книжкѣ слѣдующій приговоръ: «Польская нація непостоянна!» Такое опредѣленіе характера цѣлаго народа вылилось у него изъ души по случаю, что одна прелестная варшавянка, опутавшая его сѣтями своихъ черно-огненныхъ глазъ и наступившая на сердце его прекрасной ножкой (мелькавшей въ танцахъ, какъ проворная рыбка въ своей стихіи), сама впослѣдствіи оказалась къ нему

неравнодушной, сулила ему цѣлое небо и вдругъ предпочла бѣшенаго мазуриста. Едва докончилъ онъ свой приговоръ, ужасный для народа и особенно для извѣстной ему особы, какъ драбантъ загремѣлъ у его двери огромными шпорами и объявилъ приказъ короля немедленно явиться къ его величеству. Некогда ему было думать: зачѣмъ. Отъ самаго короля узналъ онъ, что отправляется курьеромъ къ Шлиппенбаху съ извѣстіемъ о новыхъ побѣдахъ и обѣщаніями скоро соединиться съ лифляндскимъ корпусомъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ этимъ порученіемъ велѣно Адольфу, до новаго приказа, остаться на родинѣ своей при генералъ-вахтмейстерѣ: такъ умѣла все мастерски уладить дипломатика баронессы Зегевольдъ. Отпуская Траутфеттера, король сказалъ, что они не надолго разстаются. Невѣрность польки все еще сверлила сердце Адольфа, какъ буравъ; образъ Луизы началъ представляться ему въ томъ обольстительномъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ее Густавъ; порученіе короля было исполнено милостей, и Адольфъ въ ту же ночь распрощался съ Варшавою.

Курьеръ сѣвернаго героя, котораго одно имя бичевало кровь владыкъ и народовъ, не ѣхалъ, а летѣлъ. Все шевелилось скорѣе тамъ, гдѣ онъ являлся — и люди, и лошади. «Помилуй, паноче!» говорили польскіе извозчики почтовымъ смотрителямъ, почесывая одною рукой голову, другою прикладываясь къ полѣ ихъ кафтана: «то и дѣло кричитъ: рушай, да рушай! коней хоть сейчасъ веди на живодерню». — «Цыпъ, бисова собака!» бывалъ отвѣтъ смотрителя, «развѣ ты не знаешь, что офицеръ великаго короля шведскаго, нашего пана и отца, дѣлаетъ намъ честь скакать на нашихъ лошадяхъ, какъ ему заблагоразсудится? Благодари его мосць, что онъ не впрягъ тебя самого и не влѣпилъ тебѣ сотни бизуновъ, собачій сынъ!» Крас-

норѣчивыя убѣжденія шведскаго палаша разогрѣвали и флегму нѣмецкаго почталіона: то печально посматривая на бездыханную трубку, у груди его покоившуюся, то умильно кивая шинкамъ, мимо его мелькавшимъ, посылалъ онъ мысленно къ чорту шведскихъ офицеровъ, не позволявшихъ ему курить, ни выпить шнапсу, и между тѣмъ чаще и сильнѣе похлопывалъ бичомъ надъ спинами своихъ тощихъ лошадей-дромадеровъ. «Не Траутфеттеръ, а Доннерветтеръ надобно было ему прозываться», говорили сквозь зубы нѣмецкіе станціонные смотрители, подавая рюмку водки бѣдному страдальцу-почталіону—и со всею придворною вѣжливостію спѣшили отправить гостя со двора. Провожамый такими привѣтствіями, Адольфъ прискакалъ на четвертыя сутки въ Ригу; узнавъ, что Шлиппенбахъ находится въ Перновѣ, отправился туда, передалъ ему отъ короля бумаги и, желая удивить своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ баронессу и невѣсту, которая, по мнѣнію его, должна была умирать отъ нетерпѣнія его видѣть, полетѣлъ въ Гельметъ. Здѣсь у корчмы остановился онъ, замѣтивъ свадебный поѣздъ. Пристальный взглядъ на лица крестьянъ, необыкновенно развязныхъ, и другой взглядъ на миловидныхъ крестьяночекъ, шушукавшихъ промежъ себя и луваво на него поглядывавшихъ, объяснили ему сейчасъ, что эта свадебная процессія была одна шутка гостей баронессы. Желая скрыть свое настоящее имя, онъ выдалъ себя за драбантскаго офицера Кикбуша, только-что вчера прибывшаго изъ королевской арміи, съ извѣстіями къ генералъ-вахтмейстеру о новыхъ побѣдахъ, и теперь, по исполненіи своего дѣла, возвращающагося въ армію; присовокупилъ, что между тѣмъ ему дано отъ генерала порученіе заѣхать по дорогѣ въ Гельметъ, и доложить баронессѣ о немедленномъ пріѣздѣ его превосходительства; что онъ остановленъ у корчмы видомъ

необыкновенной толпы, угадалъ тайну актеровъ, и проситъ позволенія участвовать въ ихъ шуткѣ. Офицеры и студенты, представлявшіе чухонцевъ, охотно согласились принять Адольфа въ свой поѣздъ; а какъ офицеръ, игравшій жениха, былъ чрезвычайно услужливъ, то, съ позволенія дѣвицы Рабе, уступилъ Адольфу свою роль, прибавивъ, что въ народномъ праздникѣ первое мѣсто принадлежитъ вѣстнику народнаго торжества.

Такимъ-то образомъ явился Адольфъ въ видѣ крестьянскаго жениха передъ своею невѣстою; такимъ-то образомъ подруга ея сама представила Луизѣ того, котораго эта, можетъ быть, никогда не желала бы видѣть. Каково же было изумленіе и ужасъ Катерины Рабе, когда Луиза, при взглядѣ на мнимаго Кикбуша, поблѣднѣла, когда драбантскій офицеръ, бывшій до того чрезвычайно смѣлый и ловкій, смутился, произнеся крестьянское привѣтствіе новорожденной и, наконецъ, когда онъ подошелъ къ баронессѣ Зегевольдъ и вручилъ ей письмо.

— Рука пріятеля моего Пипера!—вскричала баронесса, взглянувъ на адресъ; потомъ вглядѣлась пристально въ посланника и бросилась его обнимать, приговаривая задыхающимся отъ удовольствія голосомъ:— Адольфъ! милый Адольфъ! Этой радости я не ожидала.

— Адольфъ Траутфеттеръ! — раздалось въ толпѣ гостей.

Фюренгофъ, внутренно желавшій племяннику провалиться сквозь землю, спѣшилъ, однакожъ, прижать его къ своему сердцу. Послѣ первыхъ жаркихъ лобызаній и привѣтствій со всѣхъ сторонъ, Адольфъ просился переодѣться и явиться въ настоящемъ своемъ видѣ. Кто бы не сказалъ, смотря на него: «Антиной въ одеждѣ военной!» Но для Луизы онъ былъ все равно, что прекрасная статуя, хотя ей данъ исподъ-

тишка строжайшій приказъ обходиться съ нимъ, какъ съ милымъ женихомъ.

— Ты должна его любить, — прибавлено къ этому грозному наказу,—смотри, чего ему недостаетъ? Онъ все имѣетъ: умъ, прекрасную наружность и богатство. Ты была бы ворона, еслибъ и безъ моихъ наставленій уступила такой кладъ! Да чтожъ ты ничего не говоришь?

— Буду стараться исполнить волю вашу, — отвѣчала Луиза, опираясь ледяною рукою объ руку своей милой Кете.

Съ другой стороны, влюбчивый Адольфъ, сравнивая свою невѣсту съ тѣми женщинами, которыми онъ плѣнялся такъ часто въ каждомъ нѣмецкомъ и польскомъ городкѣ, на маршѣ карловыхъ побѣдъ, разомъ вычеркнулъ ихъ всѣхъ не только съ сердца, но даже изъ памяти своей, и поклялся жить отнынѣ для *единственной*, избранной ему въ подруги самою судьбою...— «Она сейчасъ узнала меня: это добрый знакъ!—думалъ онъ,—и меня испугалась: это что значитъ?...—Ничего худого. — Какъ не испугать это робкое, прелестное твореніе появленіемъ нежданнаго жениха, который, того и гляди, будетъ мужъ ея! Сердце мое и ласки матери говорятъ мнѣ, что мы въ дальный ящикъ откладывать свадьбы не станемъ». — Желая скорѣе описать свои новыя чувства двоюродному брату, онъ искалъ его между гостей, но, къ удивленію своему, не найдя его, спросилъ у одного изъ своихъ молодыхъ соотечественниковъ о причинѣ этого отсутствія. Вопрошаемый, бывшій дальній родственникъ баронессы; объяснилъ, что она отказала Густаву отъ дому за неловкое представленіе имъ роли жениха, даже до забвенія будто бы приличія.

— Это было въ отсутствіе маменьки,—продолжалъ вѣстовщикъ, — невѣста замѣтила ошибку и вольное

обхожденіе посѣтителя, разсердилась, разсказала все матери и...

— И загорѣлся сыръ-боръ! — сказалъ смѣясь Адольфъ,—ну, право, я не узнаю въ этомъ дѣлѣ моего двоюроднаго братца, скромнаго, стыдливаго, какъ дѣвушка!—Все я виноватъ,—продолжалъ уже про себя Адольфъ, — невольный мученикъ! навелъ я тебя на слѣдъ сердитаго звѣря моими наставленіями, и погубилъ тебя; но этому скоро пособить можно. Мой вѣрный Созн будетъ у меня шаферомъ на свадьбѣ, и мы тогда заключимъ мировую съ баронессою.

Разсужденія эти были прерваны необыкновеннымъ крикомъ на дворѣ. Адольфъ оглянулся и увидѣлъ, что народъ сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на съѣстные припасы. Въ одинъ мигъ столы были очищены и быкъ съ золотыми рогами исчезъ. Всѣхъ долѣе покрасовалась круглая шляпа съ цвѣтными лентами на маковкѣ столба, намазаннаго саломъ, и всѣхъ болѣе насмѣшили усилія чухонцевъ достигнуть ея; наконецъ и она сорвана при громкихъ восклицаніяхъ. Чернь веселилась потомъ, какъ обыкновенно веселится. Лишь только гости возвратились во внутренность дома, амтманъ возвѣстилъ о пріѣздѣ его превосходительства генералъ-вахтмейстера.—«Его превосходительство!»—перенеслось изъ одной комнаты въ другую. Кромѣ нѣсколькихъ собесѣдниковъ, въ томъ числѣ и Краснаго носа, все засуетилось въ гостиной, все встало съ мѣстъ своихъ, чтобы встрѣтить его превосходительство. Зюбенбюргеръ остался преспокойно въ креслѣ, какъ сидѣлъ: коварная усмѣшка пробѣжала по его губамъ; движенія его, доселѣ свободныя, сдѣлались напоказъ небрежными. Фюренгофъ, при вѣсти о прибытіи главнаго начальника шведскихъ войскъ, задрожалъ отъ страха, вынулъ свои золотые луковкою часы изъ кармана и сказалъ:

— До двухъ часовъ остался еще часъ?

— Да! — отвѣчалъ хладнокровно Красный носъ,— впрочемъ, если указательная стрѣлка и завретъся, есть средства ее остановить.

Отвѣтъ этотъ былъ такъ же хорошо понятъ, какъ и напоминаніе времени, и рингенскій баронъ, оправившись нѣсколько отъ испуга и пріосанившись, спѣшилъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе прибывшему генералу.

Вошелъ малорослый мужчина, погруженный въ огромный парикъ, въ лосинныя перчатки и сапоги съ раструбами до того, что изъ-подъ этихъ предметовъ едва замѣтенъ былъ человѣкъ.

— Здравствуйте, мои милые лифляндцы! Какъ можется? Каково поживаете? — произнесъ онъ, не сгибаясь и протягивая руку, или, лучше сказать, перчатку встрѣчавшимъ его низкими поклонами. — Все спокойно, все хорошо, небось, по милости нашего короля и насъ, а? Черезъ нашего вѣстника вы именно слышали уже о новыхъ побѣдахъ его величества?

— Честь и слава ему на тысячелѣтія! — воскликнули два или три голоса, между тѣмъ, какъ всѣ молчали.

— Можетъ быть, въ эту самую минуту, какъ я съ вами говорю, новый польскій король на колѣняхъ принимаетъ вѣнецъ изъ рукъ побѣдителя. Каково, meine Kindchen? Надобно ожидать еще великихъ происшествій. Кто знаетъ? Сегодня въ Варшавѣ, завтра въ Москвѣ; сегодня Августа долой; завтра, можетъ быть, ждетъ та же участь Алексѣевича.

— Послѣдній поупрямѣе и тяжелъ на подъемъ, — сказалъ кто-то изъ толпы.

Генералъ, казалось, не слыхалъ этихъ словъ: обратившись къ медику Блументросту, ударилъ большою перчаткою по руки его и произнесъ ласково:

— А, мой любезный медикусъ! Довольны-ли вы моею бумажкою? Ну, есть-ли заказы? Вы меня понимаете? Я говорилъ о васъ профессору анатоміи въ Перновѣ... да вотъ онъ самъ здѣсь.

Потомъ, не давъ Блументросту отвѣчать, продолжалъ, кивая Фюренгофу:

— А, господинъ рингенскій королекъ! Къ вамъ пріѣхалъ племянничекъ женишокъ, молодецъ хоть куда, любимецъ его величества; всѣ эти знанія требуютъ... понимаете-ли меня? (Здѣсь генералъ показалъ двумя пальцами одной руки по ладони другой, будто считалъ деньги). Мы люди военные; ржавчину счищаемъ мастерски со всякаго металла. Ха, ха, ха!

На всѣ эти привѣтствія Фюренгофъ униженно кланялся.

— А это что за уродъ? — спросилъ Шлиппенбахъ Фюренгофа на ухо, показывая огромнымъ перстомъ на Зибенбюргера, небрежно раскинувшагося въ креслѣ.

— А, а! ваше превосходительство... Гмъ!.. это... а, а... какъ бы вамъ доложить, ваше превосходительство... — проговорилъ, запинаясь, рингенскій баронъ, проклиная мысленно пріятеля своего Никласзона, поставившаго его въ такое затрудненіе особою Зюбенбюргера.

— Вы крѣпки на все,—сказалъ маленькій генералъ, махнувъ своею огромной лосинной рукавицей, которая раструбами едва не зацѣпила за носъ Фюренгофа, обратился къ баронессѣ и спросилъ у ней вполголоса: — Скажите мнѣ, маменька, откуда выкопали вы этого уродца?

— Ахъ, мой почтеннѣйшій генералъ - вахтмейстеръ!—отвѣчала баронесса,—ради Бога говорите потише, чтобы не оскорбить этого великаго человѣка. Баронъ Фюренгофъ сдѣлалъ мнѣ честь привезти его ко мнѣ.

— Гмъ! потомъ?

— Еслибъ знали, что это за сокровище! Онъ докторъ падуанскаго университета, корреспондентъ разныхъ принцевъ...

— Конечно и шпіонъ ихъ.

— Физикъ...

— Не сомнѣваюсь.

— Математикъ...

— Когда маршируетъ.

— Астрологъ...

— Можетъ быть, подагрикъ, и предугадываетъ погоду; навѣрно еще и алхимикъ; безъ того не терся бы около него нашъ баронъ. Вѣрнѣе всего, какой-нибудь шарлатанъ, который показываетъ истину не по-старинному, на днѣ кладезя, а на днѣ кошелька, ха, ха, ха! какъ вашъ стригунъ, русскій козелъ Андреасъ Діонисіусъ.

— Да, мой козелъ,—возразила баронесса съ сердцемъ, но все-таки вполголоса, — проблеялъ мнѣ вчера то, что вашему соловью шведскому никогда не удастся пропѣть. Знайте... однакожъ, я вамъ не скажу этой тайны до тѣхъ поръ, пока вы не дадите мнѣ честнаго слова довесть до его величества мое усердіе, мою неограниченную преданность, мои жертвы.

— Вы уже недовѣрчивы ко мнѣ, милая мамаша?— сказалъ Шлиппенбахъ, нѣжно грозясь на нее огромнымъ пальцемъ своей перчатки.

— Услуга такъ важна...

— Повинуюсь. Честное слово шведскаго офицера, что я исполню ваше желаніе.

— Теперь вы, ваша армія, Лифляндія, спасены!— сказала шепотомъ баронесса и пригласила было генерала въ другую комнату, чтобы передать ему важную тайну; но когда онъ рѣшительно объявилъ, что голова его ничего не варитъ при тощемъ желудкѣ, тогда она

присовокупила: — Будь по вашему, только не кайтесь послѣ. Между тѣмъ позвольте мнѣ представить вамъ ученаго путешественника.—Господинъ докторъ Зибенбюргеръ! господинъ-вахтмейстеръ и главный начальникъ въ Лифляндіи желаетъ имѣть честь съ вами ознакомиться.

Шлиппенбахъ, не вставая со стула, протянулъ было руку Красному носу; съ своей стороны этотъ едва покачнулся тѣломъ впередъ, кивнулъ и сказалъ равнодушно:—очень радъ!

— Очень радъ! — повторилъ Шлиппенбахъ голосомъ оскорбленнаго самолюбія, привыкшаго, чтобы все падало передъ нимъ, и неожиданно пораженнаго неуваженіемъ иностранца. Опустивъ руку, столь явно отвергнутую, онъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ и присовокупилъ насмѣшливо: — Ѣдете, конечно, другихъ посмотрѣть и себя показать?

— Вы не ошиблись,—отвѣчалъ хладнокровно Красный носъ,—составляя не послѣдній оригиналъ въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, я люблю занимать собою исполиновъ въ этомъ мірѣ, люблю и самъ наблюдать ихъ; но до мелкихъ уродцевъ мое вниманіе никогда не унижалось.

— Господинъ докторъ ѣдетъ изъ Московіи, — подхватила баронесса, желая облегчить путь пилюлѣ, стоявшей въ горлѣ генерала,—онъ былъ нѣсколько времени при дворѣ тамошнемъ и лагерѣ Шереметева; видѣлъ и нашего пріятеля Паткуля, котораго изобразилъ мнѣ такъ живо, какъ бы съ нимъ никогда не разставался.

— Слѣдственно *онъ* присоединился тамъ къ порядочному звѣринцу,—сказалъ съ горькой усмѣшкой маленькій генералъ.

— Не полному! — возразилъ спокойно Красный носъ, — дорогою имѣю случай пополнять недостающіе экземпляры.

Шлипенбахъ опять принялъ посылку по адресу, надулся какъ клещъ, думалъ отвѣчать по-военному, но, разсудивъ, что не найдетъ своего счета съ такимъ смѣлымъ слово-дуелистомъ, у котораго орудія не выбьешь изъ рукъ, и что неприлично было бы ему, генералу шведскому, унизиться до ссоры съ неизвѣстнымъ путешественникомъ, отложилъ свое мщеніе до отъѣзда изъ Гельмета, старался принять веселый видъ и спустилъ тонъ рѣчи пониже:

— Такъ вы удостоились лицезрѣнія Паткуля, господинъ докторъ? Что вы о немъ разумѣете?

— Что я о немъ разумѣю? На это отвѣчать трудно при шведскомъ генералѣ, подданномъ государя, котораго онъ врагъ, и среди общества лифляндскихъ дворянъ, которыхъ права онъ защищалъ — какъ слышно было—горячо и такъ безразсудно.

— Горячо, можетъ быть, — возразилъ кто-то изъ гостей твердымъ голосомъ, — но благородно и не безразсудно!

— Лифляндія должна гордиться такимъ патріотомъ, и кто думаетъ противное, недостоинъ имени благороднаго сына ея,—присовокупилъ графъ Л—дъ (тотъ самый, который въ царствованіе Екатерины I-й былъ ея любимымъ камергеромъ и впослѣдствіи времени, играя важную политическую роль въ Россіи, исходатайствовалъ своимъ соотечественникамъ права, за которыя пострадалъ Паткуль).

— Кто смѣетъ спорить съ патріотизмомъ нѣкоторыхъ лифляндцевъ? — сказалъ насмѣшливо Шлиппенбахъ. — Надобно плотину слишкомъ твердую, чтобы удержать разливъ его, который, мнѣ кажется, найдетъ скоро путь и въ Московію.

— Въ этомъ случаѣ, ваше превосходительство крѣпко ошибаетесь,— сказалъ графъ Л—дъ. — Между нами нѣтъ ни одного измѣнника своему государю; лиф-

ляндцы доказывали и доказываютъ ему преданность свою, проливая свою кровь, жертвуя имуществомъ и жизнью, даже и тогда, когда отечество не видитъ въ томъ для себя пользы. Не въ Россію, а развѣ изъ Россіи вторгнется къ намъ бурный потокъ, и, конечно, щепками вашего отряда не остановишь его и погибели нашей!

— Новое, неслыханное доселѣ краснорѣчіе! Щепки! великія жертвы! бурный потокъ! погибель Лифляндіи! Какія громкія имена, графъ! Мнѣ, право, смѣшно слышать ихъ, особенно отъ васъ, въ разговорѣ о такомъ ничтожномъ предметѣ, каковъ Паткуль. Скоро и очень скоро избавимъ мы Лифляндію, этого великодушнаго пеликана, отъ великихъ, тяжкихъ жертвъ ея, перенеся театръ войны подалѣе отъ растерзаннаго шведами отечества вашего.

— Ничтожный предметъ? Не думаю, — сказалъ графъ Л—дъ.

— Можетъ быть, я ошибаюсь въ названіи: ничтожный; это неприлично сказано объ измѣнникѣ, перемётчикѣ, бунтовщикѣ.—При этихъ словахъ Красный носъ сильно повернулся на креслѣ. Кажется, теперь настоящее имя ему пріискано.

— Ваше превосходительство, назвавъ его порядочнымъ именемъ, оскорбили бы вѣрноподданныхъ его величества,—сказалъ одинъ изъ гостей.

— Ни дать, ни взять, ваше превосходительство вылили его въ настоящую форму,—прибавилъ другой, низко сгибаясь.

— Приговоръ вашего превосходительства есть приговоръ потомства, — присовокупилъ третій потирая себѣ ладони.

— Вотъ истинные сыны отечества!—воскликнулъ генералъ.

— Гмъ! низкіе льстецы! — произнесъ громогласно

Биръ. Шлиппенбахъ оглянулся, искалъ, кто это произнесъ; но дерптскіе студенты загородили библіотекаря.

Графъ Л—дъ презрительно посмотрѣлъ на низкопоклонниковъ и сказалъ:

— Я давича наименовилъ уже этихъ господъ, и пусть одинъ изъ нихъ осмѣлится когда-либо назваться при мнѣ лифляндскимъ дворяниномъ. Еще могли-бъ они сохранить благородное приличіе хоть молчаніемъ!.. Кто вынуждалъ, кто выпытывалъ у нихъ собственный ихъ позоръ? Преданность государю, скажутъ они. Преданность!.. Пускай доказываютъ они ее, идучи на смерть за него, и не боятся также смѣло идти на смерть за истину! Клеветники и низкіе люди всегда дурные подданные, также какъ и худые сыны отечества. И кто-жъ, въ угодность мелкой власти, называетъ презрѣнными именами того, который пожертвовалъ собою для защиты ихъ собственныхъ правъ, выгодъ благосостоянія? Не тѣ ли самые, которые называли его нѣкогда своимъ благодѣтелемъ, вторымъ отцомъ? Едва не лобызали они тогда краевъ его одежды; едва не причли его божеству и не ставили ему алтарей! А теперь, когда онъ для нихъ не можетъ идти въ другой разъ на плаху, теперь... Нѣтъ, я не могу быть съ ними вмѣстѣ, мнѣ душно здѣсь!

Сказавъ это, графъ Л—дъ взялъ шляпу, извинился передъ баронессою и вышелъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько дворянъ.

— Что скажете вы объ этомъ маменька? — спросилъ Шлиппенбахъ баронессу.

— Я врагъ Паткулю не языкомъ, а дѣломъ, — отвѣчала дипломатка. — Впрочемъ, вы знаете, что я люблю политическіе споры. Не изъ возмущеннаго-ли моря выплываютъ самые драгоцѣнные перлы? Ловите ихъ, ловите, почтеннѣйшій генералъ, какъ я это дѣлаю, и простите благородной откровенности моихъ

соотечественниковъ, этихъ добрыхъ дѣтей природы, любящихъ своего государя, право, не хуже шведовъ.

— Прекрасно!—воскликнуло множество голосовъ,— благодаримъ нашу защитницу.

Примѣтно было, что баронесса отдыхала на лаврахъ, между тѣмъ какъ маленькому генералу, повелителю Лифляндіи, подсыпались со всѣхъ сторонъ терпія. Казалось, что при новомъ толчкѣ, данномъ его самолюбію, онъ долженъ былъ разразиться на собесѣдниковъ громовымъ ударомъ; напротивъ того, въ немъ оказался неожиданный переломъ, съ крошечнаго лба сбѣжали тучи, его обвивавшія; на лицѣ проглянуло насмѣшливое удовольствіе, и онъ, рукоплеская, примѣшалъ къ восклицаніямъ собесѣдниковъ и свое.

— Вотъ я это люблю, meine Kindchen! Спорьте всегда въ любви и преданности къ королю своему. Продолжайте, господа, анатомировать Паткуля, который намъ многимъ сдѣлалъ глубокія операціи; но между тѣмъ не забудьте, маменька, что для насъ, солдатъ, есть лагерные часы обѣдать, выпить рюмку и спать. За кѣмъ далѣе чередъ? Да, что скажетъ намъ почтеннѣйшій маріенбургскій патріархъ?

Проговоривъ это Шлиппенбахъ прислонился затылкомъ къ высокому задку стула, воткнулъ стоймя огромную перчатку въ широкія раструбы своего сапога, какъ бы дѣлалъ ее вмѣсто себя соглядатаемъ и судьею бесѣды, щурилъ глаза, будто собирался дремать, взглянулъ караульнымъ полуглазомъ на Фюренгофа и Краснаго носа, захохоталъ вдругъ, подозвалъ къ себѣ рукою Адольфа и шепнулъ ему на ухо:

— Дядя вашъ обманутъ: онъ привезъ къ намъ шпіона. Не правда-ли,—продолжалъ генералъ вслухъ,— дядя вашъ не догадался; что онъ потерялъ свою перчатку, именно правую?.

Фюренгофъ засуетился было искать свою перчатку, но повелитель Лифляндіи далъ ему знакъ, чтобы онъ остался на своемъ мѣстѣ, и, зѣвая, сказалъ Глику:

— Мы ждемъ вашего голоса.

Пасторъ, который по первому вызову успѣлъ только поправить на себѣ парикъ, выпрямиться и кашлянуть, по второму вызову произнесъ довольно протяжно:

— Хотя поздненько меня спрашиваютъ, можетъ быть, тогда, когда всѣ голоса собраны, когда кормчіе разговора довели его до геркулесовыхъ столповъ, да не посмѣетъ никто идти далѣе; однакожъ, дерзнемъ на челнокѣ нашихъ понятій пуститься хоть по водамъ, обозрѣннымъ моими высокопочтенными собесѣдниками. Igitur, скажу объ Іоганѣ-Рейнгольдѣ Паткулѣ, лифляндцѣ родомъ, сердцемъ и дѣлами, бывшемъ изгнанникѣ, нынѣ генералъ-кригскомисарѣ московитскаго монарха, генія-творца своего государства, вождя своего народа ко храму просвѣщенія,—вождя, прибавить надобно, шествующаго стопами Гомеровыхъ героевъ...

— Хватающагося за все и ничего не совершившаго,—сказала баронесса.

Катерина Рабе, услышавъ изъ другой комнаты тонкимъ своимъ слухомъ, что воспитатель ея говоритъ о московитскомъ Царѣ, привстала со стула, подошла на цыпочкахъ ближе къ разговаривавшимъ и низала на сердце каждое слово, сказанное о Петрѣ.

— Неправда! — возразилъ пасторъ, одушевленный необыкновеннымъ восторгомъ.—Онъ много, очень много сотворилъ. У Алексѣевича нѣтъ колеблющихся начинаній, нѣтъ попытокъ, мысль его есть уже исполненіе; она вѣрна, какъ взглядъ стрѣлка, не знавшаго никогда промаха. Стоитъ ему завидѣть цѣль, и какъ бы далека ни была — она достигнута. Другіе садятъ желудь, и ждутъ съ нетерпѣніемъ годы, чтобы дубъ выросъ: онъ изъ чужихъ предѣловъ могучею рукой исторгаетъ

вѣковые дубы, глубоко врываетъ на почвѣ благословенной, и дубы вѣковые быстро принимаются, и готовы осѣнить Московію.

— Придетъ молодой шведскій завоеватель,—перебила опять баронесса,—нѣсколькими ударами грознаго меча обсѣчетъ вѣтви великаго дерева московитскаго; и что отъ него тогда останется? Безобразный столбъ для смѣха проходящихъ!

— Я сказалъ, высокородная госпожа баронесса, я сказалъ, что древо просвѣщенія посажено не руками мальчишекъ верхоглядовъ, а врыто глубоко въ землю рукою могучею. Отсѣките вѣтви, срубите самый стволъ, появятся черезъ нѣсколько времени отпрыски, которые нѣкогда будутъ также дубы. Повѣрьте мнѣ, на исполинскомъ твердомъ пути Алексѣевича ничто его не остановитъ. Скорѣе не ручаюсь, чтобы пылкій, воинственный духъ молодого героя, всемилостивѣйшаго нашего государя и господина... но дѣло не въ томъ— не ручаюсь, говорю я, чтобы духъ этотъ не занесъ шведскаго Ахиллеса въ ошибки невозвратимыя, которыя послужатъ къ большему величію Петра. Впрочемъ, да не оскорбится вѣрноподданническій слухъ вашего превосходительства и вашъ, господа высокоименитые лифляндцы и шведы, если скажу вамъ по чувству истины: пылкость характера не есть добродѣтель въ царяхъ; она скорѣе въ нихъ погрѣшность. Обдуманная твердость, ничего не начинающая безъ цѣли, никогда не полагающаяся на счастіе; однимъ словомъ, Минерва въ полномъ вооруженіи—прошу замѣтить, въ полномъ... вотъ что составляетъ истинное достоинство государей и благоденствіе ввѣренныхъ имъ народовъ. А твердостію такою московитскій Государь обладаетъ въ высшей степени. Еще осмѣлюсь прибавить... присовокупить, кстати или некстати... въ послѣднемъ случаѣ, вы меня извините... нигдѣ не по-

кидаетъ Карла мысль о славѣ, для которой онъ, кажется... мнится мнѣ... такъ мнѣ сдается... готовъ все забыть; нигдѣ не покидаетъ Алексѣевича мысль о благѣ отечества. Алексѣевичъ въ Вѣнѣ, въ Стокгольмѣ, въ Парижѣ будетъ всегда близокъ къ своему народу. Отважный Карлъ, занеся ногу въ Московію...

— Дѣло не въ томъ, отецъ Плиній изъ Веттина!— перебилъ Шлиппенбахъ, потягиваясь и передразнивая пастора въ любимой его поговоркѣ,—дѣло не о вашемъ возлюбленномъ Алексѣевичѣ, котораго новый толчекъ шведскимъ прикладомъ, сакрементъ! подобный нарвскому, отобьетъ отъ кукольныхъ его затѣй. Мы спрашивали вашего мнѣнія на счетъ бѣглеца Паткуля.

— Виноватъ, господинъ генералъ-вахтмейстеръ! виноватъ, я нѣсколько отдалился отъ заданной темы. Что касается до высокоименитаго Іогана-Рейнгольда Паткуля, то я долженъ предупредить о слѣдующемъ. Знаменитые юристы галльскіе, въ томъ числѣ самъ Христіанъ Томазіусъ, это солнце правовѣдѣнія, и, наконецъ, лейпцигская судейская палата рѣшила до меня чудесный казусъ, постигшій именованную особу, то есть: имѣлъ-ли право вѣрноподданный его величества желать сохранить себѣ жизнь и честь, отнимаемыя у него высшимъ приговоромъ, и предложить свое служеніе другому государю и странѣ? былъ-ли приговоръ шведскаго суда справедливъ, и прочее? Галль, Лейпцигъ, Томазіусъ рѣшительно оправдали его на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ въ извѣстной дедукціи, изданной in quarto прошлаго 1701 года февраля 15-го дня. Послѣ того мы, сидящіе на послѣдней ступени храма Ѳемиды, какое посмѣемъ сдѣлать опредѣленіе? Развѣ примолвимъ: головы, подобныя Паткулю надо государямъ беречь, а не рубить. Правда, не лишнимъ будетъ еще упомянуть, что въ 5-мъ и 8-мъ пунктахъ извѣстнаго адреса онъ не имѣлъ атенціи къ юриспру-

денціи, и сожалѣть надо, что онъ не посовѣтовался съ людьми знающими. Вотъ, напримѣръ, если позволите, я докажу изъ конспекта моего...

Здѣсь пасторъ вынулъ изъ бокового кармана тетрадь въ золотой обложкѣ и хотѣлъ-было почерпнуть въ ней свидѣтельство доводамъ своимъ; но генералъ, махнувъ повелительно рукою, сказалъ:

— До другого времени, отецъ-юриспрудентъ и ораторъ изъ Веттина! Сакрементъ! маменька, лагерный часъ обѣда пробилъ!

— До обѣда я имѣю еще важное дѣло вамъ передать, — возразила баронесса, — оно касается, какъ я сказала давича...

— Прошу уволить, высокопочтенная баронесса! — перебилъ генералъ, — мы поѣдимъ, попьемъ, поспимъ, и тогда примемся за важныя дѣла. Но если для лучшаго аппетита необходимо привесть въ движеніе механизмъ языковъ, то попытаемся заставить говорить вашего почтеннаго свата. Гмъ! напримѣръ, господинъ баронъ Фюренгофъ, что бы вы, добрый лифляндецъ и вѣрноподданный его величества, чтобы вы сдѣлали, встрѣтивъ измѣнника Паткуля (генералъ посмотрѣлъ на Краснаго носа) въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ быть пойманъ и преданъ въ руки правосудія.

На вопросъ Шлиппенбаха, языкъ Фюренгофа прозвучалъ, подобно колокольчику, сжатому по сторонамъ тѣломъ?

— А, а, господа!.. что до меня... то я, конечно... вы знаете мою преданность его величеству... но я не знаю, извѣстно ли вашему превосходительству, что онъ... хотя... но онъ...

— Кто онъ? — спросилъ рѣзко Шлиппенбахъ.

— Какъ доложить вашему превосходительству, не смѣю...

- Вы, дядюшка, хотите сказать, что Паткуль

вашъ родственникъ, — подхватилъ Адольфъ, — и не имѣете духа выговорить это?

— А, а, Адольфъ, любезный другъ, такъ же какъ и тебѣ; но ты знаешь, что я плохой ораторъ, и ты помогъ бы мнѣ, когда бы объявилъ свое мнѣніе, свои чувства.

— Вы меня вызываете къ отвѣту и я дамъ его,— сказалъ съ твердостью Адольфъ. — Солдатскій отвѣтъ коротокъ. Если я какъ рядовой воинъ шведской арміи, встрѣчу Паткуля посреди непріятелей, то не пощажу объ него благородной стали. Уничтожить жесточайшаго врага моего законнаго государя почту тогда особенною для себя честью. Но,—прибавилъ Траутфеттеръ съ особеннымъ чувствомъ, — еслибъ я нашелъ его беззащитнымъ, укрывающимся въ отечествѣ, гдѣ бы ни было, то я палъ бы на грудь моего благодѣтеля и второго отца, оросилъ бы ее слезами благодарности, и горе тому, кто осмѣлился бы наложить на него руку свою!

— Зараза вездѣ проникла! — воскликнулъ со вздохомъ Шлиппенбахъ. — Тяжкія, горькія времена!

— Благородный, молодой человѣкъ! — сказалъ въ то же время Зибенбюргеръ съ слезами на глазахъ,— кто въ эти минуты не желалъ бы быть Паткулемъ, чтобы обнять васъ? Жаль, что возвращаюсь изъ Московіи, а не ѣду въ нее; а не то съ какимъ удовольствіемъ разсказалъ бы я ему, что онъ имѣетъ еще въ Лифляндіи соотечественниковъ, друзей и родного.

Всѣ съ какимъ-то недоумѣніемъ обратили взоры на путешественника, принимавшаго такое живое участіе въ родственныхъ и гражданскихъ связяхъ Паткуля.

— Чтожъ? можно, не ѣхавши въ Московію, видѣться съ генераломъ московитскимъ,—сказалъ значительнымъ голосомъ Шлиппенбахъ, коварно посматривая на Краснаго носа.—Говорятъ, что онъ здѣсь...

— Какъ здѣсь? — спросилъ Адольфъ, измѣнившись въ лицѣ.

Фюренгофъ, при этихъ словахъ, былъ ни живъ, ни мертвъ; колѣна его ходили туда сюда. Онъ колебался уже открыть генералу тайну своего спутника и представить его живьемъ; но Паткуля спасло новое восклицаніе Шлиппенбаха.

— Да, онъ скрывается въ Лифляндіи,—отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ генералъ, — однакожъ, несмотря, что ученые шпіоны его слѣдятъ за мною даже на праздникѣ моихъ знакомыхъ, надѣюсь скоро дойти до логовища этого краснаго звѣря.

Баронесса перемигнулась съ Зибенбюргеромъ и сказала таинственнымъ голосомъ: — У кого есть вѣрный маршрутъ, сдѣланный по нѣкоторому астрологическому наблюденію, до нѣкоторой резиденціи въ глуши лѣсной... не правда-ли, господинъ докторъ.. тотъ можетъ не надѣяться, а исполнить?

— Увидимъ, увидимъ, кому скорѣе удастся,—воскликнулъ Шлиппенбахъ,—а для приступа къ нашимъ поискамъ...

Красный носъ подошелъ къ открытому окну, и почти въ тотъ же мигъ раздалось на дворѣ, среди шума народнаго: — Генералъ, господинъ генералъ-вахтмейстеръ! ради Бога! дѣло важное имѣю до тебя.

На этотъ возгласъ Шлиппенбахъ бросился на террасу; гости высыпали за нимъ. Баронесса, примѣтно смѣшавшись, искала около себя Никласзона; но вѣрнаго ея секретаря давно не было не только въ домѣ, но даже въ Гельметѣ; онъ умѣлъ заранѣе убраться отъ опасности. Дипломатка догадывалась, что ни кто иной взываетъ къ генералу, какъ преданный ему шведъ, Вольдемаръ изъ Выборга. Свѣдѣнія о скоромъ выходѣ русскихъ изъ лагеря, благодарность Пипера,

милостивое вниманіе самого государя,—все похищено у ней въ одну минуту.

Пользуясь общею суматохою, произведенною любопытствомъ, Адольфъ бросился къ Зибенбюргеру, схватилъ его за руку, отозвалъ въ другую комнату и торопливо сказалъ ему вполголоса:

— Вы—Паткуль! Голосъ второго отца, при первомъ его звукѣ, отозвался въ моемъ сердцѣ. Бѣгите, за вами примѣчаютъ. Фюренгофу сдѣлаютъ допросъ, и вы пропали. Кто знаетъ? черезъ нѣсколько минутъ я только шведскій подданный!

Выговоря это, Адольфъ бросился назадъ и смѣшался съ толпою на террасѣ. Зибенбюргеръ или Паткуль (читатели, вѣроятно, давно догадались, что это одно и то же лицо) имѣлъ только время пожать руку Адольфу, пробрался черезъ внутреннія комнаты и заднимъ крыльцомъ въ садъ. Тутъ онъ услышалъ въ кустахъ тихій голосъ: «Ау, ау, Красный носъ!» Онъ пренебрегъ этимъ насмѣшливымъ зовомъ и углубился въ садъ; но, забывъ расположеніе его, ошибся дорогами, отбился къ сѣверной сторонѣ, воротился, и опять пришелъ къ дому. На дворѣ была необыкновенная тревога. Не думая долго, побѣжалъ онъ прямо на восточную сторону, но тутъ заградилъ ему путь крутой оврагъ.

— Боже! я пропалъ!—воскликнулъ онъ.

— Ау, ау, Красный носъ!—опять раздалось около него.

— Лѣшій ли ты, или человѣхъ, волею или неволею, ты проведешь меня къ восточной калиткѣ,—закричалъ Паткуль, вынулъ шпагу изъ ноженъ и устремился на кустъ, откуда слышался голосъ.

— За мною, я твой проводникъ! — сказалъ кто-то, выпрыгнувъ изъ куста, какъ заяцъ.—Это былъ рыжеволосый мальчикъ, Мартышка. Паткуль, по сдѣланному ему описанію, тотчасъ узналъ племянника Фрица,

вздохнулъ свободнѣе, и ухватился за аріаднину нить, ему такъ кстати предлагаемую. Мартышка, махая ему рукой, указывалъ путь между деревьями и кустами, по камнямъ черезъ ручей Тарвастъ, и мигомъ довелъ его до восточной калитки. У ней съ нетерпѣніемъ и страхомъ дожидался вѣрный служитель его, Фрицъ, держа двухъ осѣдланныхъ бойкихъ лошадей, лучшихъ, какія были когда-либо на конюшнѣ баронессы.

— Слава Богу, вы здѣсь и спасены! — сказалъ ѣрный служитель, помогая Паткулю садиться на вошадь.

— Я отмщенъ, добрый мой Фрицъ, и месть моя откликнется въ сердцѣ Карла. Съ меня довольно! — отвѣчалъ Рейнгольдъ, вынулъ изъ кармана лоскутъ бумаги и, написавъ что-то на ней, вручилъ ее рыжеволосому вмѣстѣ съ крупною серебряною монетою.

Забыть наградить ею было бы опасно: месть неминуемо послѣдовала бы за этимъ забвеніемъ. Маленькому проводнику поручено отдать эту бумагу генералу Шлиппенбаху; шпоры вонзены въ бока лошадей — и скоро перелѣски къ сторонѣ Пекгофа скрыли Паткуля и его конюшаго, кончившаго уже свою роль въ Гельметѣ. Черезъ минуты двѣ, три, всякая погоня за ними была бы напрасна

Обратимся къ террасѣ

— Вольдемаръ, Вольдемаръ, чего ты хочешь отъ меня?—кричалъ генералъ-вахтмейстеръ гусляру, который, продираясь сквозь толпу, выбивался вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рукъ двухъ дюжихъ служителей, его удерживавшихъ.

— Генералъ, меня не допускаютъ до тебя! — вопилъ умоляющимъ голосомъ Вольдемаръ.

— Мошенники! плуты! —продолжалъ кричать Шлиппенбахъ, — отпустите его, или я велю повѣсить васъ на первомъ гельметскомъ деревѣ!

Угрозы генерала немедленно подѣйствовали, какъ ударъ изъ ружья надъ ястребами, дѣлящими свою добычу; освобожденный плѣнникъ прорѣзалъ народныя волны и взбѣжалъ на террасу. Величаво, пламенными глазами посмотрѣлъ онъ вокругъ себя; тряся головой, закинулъ назадъ черныя кудри, иронически усмѣхнулся (въ этой усмѣшкѣ, во всей наружности его боролись благородныя чувства съ притворствомъ) и сказалъ Шлиппенбаху.

— Съ того времени, какъ ты пріѣхалъ, ищу къ тебѣ пробраться; но меня не допускали до тебя, по чьему-то приказанію. Ты ничего не знаешь. Русскіе въ Сагницѣ.

Слова эти разлились по толпѣ, окружавшей генералъ-вахтмейстера, подобно электричеству громового удара; многіе смотрѣли другъ на друга и, слыша бѣду, ужь оглушенные увѣдомленіемъ о ней, еще ей не вѣрили.

— Русскіе въ Сагницѣ? — вскричалъ Шлиппенбахъ.—Что ты говоришь, несчастный? Если ты сказалъ мнѣ неправду, то завтра жъ велю тебя повѣсить на первомъ деревѣ.

— Нѣтъ, не отдамъ я костей своихъ здѣшнимъ вороньямъ. Лежать имъ на сторонѣ другой! — возразилъ Вольдемаръ, одушевленный необыкновеннымъ чувствомъ. Грудь его сильно волновалась и глаза горѣли огнемъ. — Говорю тебѣ: русскіе въ Сагницѣ. Того и жди гонца съ этимъ извѣстіемъ; но помни, что я первый принесъ его тебѣ.

Генералъ, нахмурившись, позвалъ вѣстника за собой въ ближайшую комнату и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы никто за нимъ не слѣдовалъ. Недолго продолжалась потаенная бесѣда. Когда онъ показался вновь обществу, маленькое, сухощавое лицо его, казалось, вытянулось на цѣлую половину; однакожъ, стараясь

призвать на него спокойствіе, онъ сказалъ собравшимся около него и выжидавшимъ его словъ, какъ рѣшенія оракула:

— Мой добрый шведъ пересолилъ своимъ усердіемъ. При повѣркѣ выходитъ, что татары вздумали похрабриться и выползли изъ своего нейгаузенскаго разбойническаго притона. Шереметевъ только-что собирается надѣть львиную кожу! Впрочемъ удивляюсь, почему не допускали до меня вѣрнаго шведа.

Сказавъ это, Шлиппенбахъ повелъ мышачьими глазами своими вокругъ себя и, не найдя Краснаго носа, приказалъ нѣсколькимъ дюжимъ офицерамъ открыть его въ домѣ, во чтобы ни стало. Досада его была ужасная, когда ему доложили, что ученый путешественникъ скрылся внезапно невидимкою, вѣроятно помощію волшебства. Сдѣланъ былъ допросъ Фюренгофу. На этотъ разъ рингенскій баронъ, разсчитавъ такъ вѣрно, какъ свои проценты, что приближеніемъ русскихъ исполняются обѣщанія новаго его патрона, обладая уже драгоцѣннымъ охраннымъ листомъ и надѣясь впредь великихъ и богатыхъ милостей отъ родственника своего, генералъ-кригскомисара Московитскаго государя, укрѣпился духомъ противъ девятаго вала, на него хлынувшаго. Пріосанившись, онъ отвѣчалъ съ твердостію, что если, паче всякаго чаянія, былъ онъ обманутъ свѣдѣніями, доставленными ему изъ Лейпцига о г-нѣ Зибенбюргерѣ, то не считаетъ себя ни въ чемъ виноватымъ; но что впрочемъ его превосходительство самъ могъ ошибиться въ ученомъ путешественникѣ, принимая его за шпіона Паткуля; онъ же, съ своей стороны, видѣлъ въ немъ любезнаго и умнаго собесѣдника, непріятнаго только для тѣхъ, которые не любятъ истины и близоруки. Чтожъ касается до внезапнаго отъѣзда Зибенбюргера, то Фюренгофъ приписывалъ его разнымъ оскорбленіямъ, будто бы ему

сдѣланнымъ. Баронесса, обиженная требованіями отъ нея отчета въ ея поступкахъ, рѣшительно заступилась за рингенскаго барона. Такимъ образомъ, въ общей перебранкѣ отыгрался Фюренгофъ и поспѣшилъ было заранѣе уплестись изъ Гельмета, надъ которымъ стояла такая грозная туча; но, вспомнивъ, что онъ лишился на полѣ битвы перчатки, воротился искать ее. Адольфъ замѣтилъ это: далъ ему свою пару новыхъ перчатокъ и едва не вытолкалъ его изъ дому.

Черезъ нѣсколько минутъ, Мартышка, пользуясь приказомъ впускать къ генералу всѣхъ, кому нужно было съ нимъ переговорить, подалъ ему записку слѣдующаго содержанія:

«Господинъ генералъ-вахтмейстеръ шведскій! благодарю васъ: вы дали мнѣ случай поторжествовать именемъ покорнаго вашего слуги надъ вами и королемъ шведскимъ. Поблагодарите отъ меня и хозяйку Гельмета, почтеннѣйшую дипломатку шведскаго двора за лестный пріемъ, мнѣ оказанный и мною неожиданный. Ласки ея такъ обольстили меня, что я назначаю у ней мою главную квартиру на 29-е и 30-е нынѣшняго мѣсяца. Чтожъ касается до вашихъ мнѣ личныхъ оскорбленій, то мы сочтемся въ нихъ завтра на чистомъ полѣ»

«Генералъ - кригскомисаръ Его Царскаго Величества I. Рейнгольдъ Паткуль»

Писано въ Гельметѣ $\frac{16}{28}$ іюля 1702.

Шлиппенбахъ, прочтя эту записку, едва не заскрежеталъ зубами, подалъ ее неучтиво баронессѣ, и примолвилъ иронически:

— Плоды вашей дипломатики!

Баронесса, въ свою очередь, читая сладкое посланіе, измѣнялась безпрестанно въ лицѣ: то бѣлѣла, какъ полотно, то краснѣла, какъ алое сукно. Но скоро опра-

вившись отъ перваго впечатлѣнія, она разорвала записку въ мелкіе лоскутки и произнесла съ гордостію и твердо:

— Плоды вашей безпечности, вашей лѣни, господинъ генералъ-вахтмейстеръ! Вы проспали мои заботы и надежды и ваше доброе имя. Дѣло важное, которое я хотѣла вамъ втайнѣ передать, есть извѣстіе, сообщенное вамъ вѣрнымъ вашимъ шведомъ: можетъ быть, слаще было вамъ услышать это извѣстіе при свидѣтеляхъ. Впрочемъ, величіе души познается въ трудныхъ обстоятельствахъ. Кто не умѣетъ поставить себя выше своего состоянія, тотъ недостоинъ быть даже — женщиною! Амтманъ! — продолжала она, обратившись къ своему управителю, — поставь передъ въѣздомъ въ Гельметъ висѣлицу и прибей къ ней вывѣску съ надписью крупными буквами: *Главная квартира Іогана-Рейнгольда Паткуля.* Черезъ часъ приди получить отъ меня новыя приказанія. Если достанется когда Гельметъ московитамъ, то онъ достанется имъ дорого: пусть помнятъ они, что госпожа его — лифляндка Зегевольдъ. Народу позволь веселиться, сколько хочетъ: завтра мы употребимъ его въ дѣло.

Съ послѣднимъ словомъ она важно поклонилась обществу и тихими, твердыми шагами выступила въ другія комнаты.

— Кто далъ тебѣ эту бумажку? — спросилъ генералъ рыжаго мальчика, трясясь отъ гнѣва.

Огненный низко поклонился, почесалъ себѣ голову, утеръ носъ рукавомъ кафтана и сказалъ, протяжно выговаривая слова:

— Какой-то господинъ, съ большимъ носомъ, будто клевалъ все черешню. Онъ садился у воротъ на лошадку—ну вотъ, вѣдашь, на вороненькую, бѣлоножку, съ господской конюшни, что грива такая большая, какъ у тебя на головѣ.

— Говори дѣло, дуракъ.

— Вотъ ужь и дуракъ! Хе, хе, хе!... тлли!.. Красный носъ сидѣлъ браво на лошадкѣ, какъ деревянный солдатъ, далъ мнѣ грамотку и сказалъ: отнеси, умница, эту грамотку маленькому дурному офицеру, котораго хуже нѣтъ, въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, и попроси съ него за работу.

— Подожди, я дамъ!... потомъ?

— Потомъ я все искалъ маленькаго дурного офицера въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, нашелъ тебя... тлли!... Господинъ пригожій, пожалуй за работу.

— Изъ ада что-ли ты, бѣсенокъ, вынырнулъ нынѣ съ другими бѣсами? — закричалъ генералъ, топая маленькими ногами въ большихъ сапогахъ.—Въ которую сторону поѣхалъ Красный носъ?

— Я... не виноватъ, господинъ хорошій... я вотъ сейчасъ тебѣ скажу. Кажется, какъ бы тебѣ не солгать... да, онъ поскакалъ прямо на Оверлакъ, ну, туда, гдѣ живетъ офицеръ, что уморилъ было барышню... тлли!...

Тутъ мальчикъ, играя шпагою стоявшаго возлѣ него офицера, запѣлъ жалобно:

Горько, горько пѣла пташечка,
Сизобокая синичка....

Шлиппенбахъ отдалъ приказанія пуститься въ погоню за Краснымъ носомъ (настоящаго имени его онъ не открывалъ), и собралъ около себя военный совѣтъ; между тѣмъ Мартышка продолжалъ распѣвать:

Ты сходи, послышь, сестрица.
Что за пѣсенку поетъ
Сизобокая синица.
Ахъ! поетъ синичка пѣсню:
Братецъ, тебѣ на войну!

— Братецъ — тебѣ — на войну! — повторилъ онъ, прихлипывая и кивая генералу; какъ вьюнъ проскользнулъ между слушателями своими и скрылся; только на дворѣ слышно было еще, какъ онъ распѣвалъ:

Курляндцы вялые ребята,
Все крадутся ползкомъ въ кустахъ
Лифляндцы молодцы стрѣлять:
«Подстрѣлили разъ курляндца,
За ворону принимая.
Ха, ха, ха! ха, ха, ха!»

Въ военномъ совѣтѣ, послѣ многихъ разногласій, едва было рѣшено собрать шведскія войска при Гуммельсгофѣ и дать тамъ отпоръ набѣгу русскихъ, когда къ гельметскому двору прискакалъ шведскій офицеръ, такъ сказать, на шпорахъ и шпагѣ; ибо измученное животное, въ которомъ онъ еще возбуждалъ ими жизнь, пало, лишь только онъ успѣлъ слѣзть съ него. Случай этотъ принятъ былъ за худое предвѣстіе для шведовъ. Гонецъ подтвердилъ слова Вольдемара.

Надо было видѣть суматоху, произведенную между гостями, слугами ихъ и жителями Гельмета извѣстіемъ о приближеніи русскихъ.

— Лошадь такого-то! —Карету такого-то! одноколу! колымагу!—кричали всѣ въ разные голоса.

Кучера толкали другъ друга, второпяхъ брались за чужихъ лошадей; лошади были разсѣдланы, подпруги и уздечки порваны у иныхъ, у другихъ постромки экипажей подрѣзаны, сбруя разбросана и перемѣшана. Госпожи ахали, метались въ разныя стороны; плакали, ломали себѣ руки (падать въ обморокъ было некогда); господа сами бѣгали въ конюшни и по заднимъ дворамъ, чтобы помочь служителямъ осѣдлать лошадей, выгородить экипажи и сдѣлать разныя низкія работы, за которыя, въ другое время, не взяли бы

тысячей. Медикъ Блументростъ, до этого времени тщательно отдалявшійся отъ знакомства съ маріенбургскимъ пасторомъ, предложилъ ему теперь свой экипажъ, который, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, стоялъ у самой террасы во всей готовности. За неимѣніемъ лучшаго способа перенестись въ Маріенбургъ, предложеніе медика, этого сосѣда *долины мертвецовъ*, было принято съ удовольствіемъ; Луиза и Катерина Рабе, прощаясь, плакали, какъ дѣти.

— Кто знаетъ, — говорили онѣ, — когда мы увидимся?...

Пасторъ поставилъ уже ногу на подножку экипажа, чтобы сѣсть въ него; но, подумавъ, что баронесса чертитъ, можетъ быть, планъ защищенія Гельмета, приложилъ палецъ ко лбу, спустилъ ногу и воротился назадъ, чтобы подать дипломаткѣ свои совѣты. Но такъ какъ она не приняла его и приказала ему сказать, что умѣетъ обойтись безъ совѣтниковъ, то Гликъ рѣшился отмстить ей немедленнымъ отъѣздомъ. Наконецъ Гельметъ опустѣлъ, и представителями великаго праздника, которымъ хотѣли удивить всю Лифляндію, остались одни пьяные латыши.

— Госпожа позволила намъ веселиться, — кричали они, — послѣ того не боимся не только московитовъ, самого чорта!

Куда дѣвался Вольдемаръ и слѣпецъ? Преданный генералъ-вахтмейстеру шведъ поскакалъ вслѣдъ за нимъ, а товарищъ его нашелъ пріютъ, какъ обѣщано было въ комнатѣ Адама Бира.

До свиданія, въ будущей части, друзья мои! Праздникъ баронессы меня такъ замучилъ, что я — насилу досказалъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА

СТР.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

Часть первая и вторая 1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМЪ
1911

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСПОВѢДЬ ДРУЖБЫ

И страшенъ день, и ночь страшна,
И тѣни гробовыя...
Онъ всюду слышитъ грозный вой:
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи...

Жуковскій.

Мы оставили русскихъ на маршѣ отъ пепелища розенгофскаго форпоста къ Сагницу. Нѣмой, какъ мы сказали, служилъ имъ вожатымъ. Горы, по которымъ они шли, были такъ высоки, что лошади, съ тяжестями, взбираясь на нихъ (употреблю простонародное сравненія), вытягивались, какъ прутъ, а спалзывая съ нихъ, едва не свертывались въ клубокъ. Вѣковые Анценскіе лѣса пробудились тысячами отголосковъ; обитавшіе въ нихъ звѣрки, испуганные необыкновенною тревогой, бѣжали, сами не зная куда, и попадали прямо въ толпы солдатъ.

Нѣмой, ведя русскихъ,—потому что приказано ему было вести ихъ,—горевалъ при мысли, затѣмъ такое множество людей идетъ на убой себѣ подобныхъ. Но когда передовой отрядъ, при которомъ онъ находился, ворвался въ корчмы, одиноко стоявшія въ Анценскомъ лѣсу и служившія шведамъ отводными караульнями; когда раздались въ нихъ вопли умиравшихъ или просившихъ пощады, онъ плакалъ, стоналъ, бросался въ ноги къ русскимъ начальникамъ, обнималъ ихъ колѣна и разными краснорѣчивыми движеніями молилъ о жизни для несчастныхъ, или грозилъ, въ противномъ случаѣ, бѣжать и оставить войско безъ проводника. Ему возражали, что его самого убьютъ за побѣгъ, а онъ—обнажалъ грудь свою. Такимъ трогательнымъ и смѣлымъ посредничествомъ спасена жизнь нѣсколькимъ шведскимъ солдатамъ, застигнутымъ ночью въ корчмахъ. Немногіе изъ нихъ успѣли выпрыгнуть изъ оконъ и разбѣжаться по лѣсамъ. Страхъ придалъ легкость ногамъ ихъ и предупредилъ русскихъ въ Сагницѣ.

Надо сказать, что эта мыза упирается къ западу въ гору, довольно далеко протягивающуюся, къ сѣверо-востоку смотритъ на ровныя поля, а на югѣ обогнута болотомъ, на которомъ ржавѣла еще въ недавнее время осадка потопныхъ водъ. Нынѣ, когда человѣкъ неутомимо заставляетъ всѣ стихіи служить себѣ, онъ выжалъ эти воды, отвелъ имъ пути, да выйдутъ изъ нихъ, и въ первобытномъ, холодномъ ихъ ложѣ добываетъ огонь для своихъ очаговъ и новые источники богатства. Пирамиды и квадраты земляного угля веселятъ взоры тамъ, гдѣ, бывало, самое легкое животное не смѣло поставить ноги своей. Въ то время, которое описываю, была устроена по болоту узкая, бревенчатая гать, такая удобная и покойная, что ѣзду по ней можно было сравнить развѣ съ рѣчью заики. По этой-то дорогѣ утромъ, 16-го іюля, въ безпорядкѣ

тянулся къ Платору шведскій отрядъ, испуганный вѣстію о приближеніи нечаянныхъ гостей. Отважиться на неравный бой нельзя было и думать. Начальникъ отряда рѣшился, въ ожиданіи извѣстій отъ Шлиппенбаха, перебраться въ добромъ здоровьѣ за Платоръ, разрушить тамъ переправу, потомъ разрубить мостъ на Эмбахѣ и тѣмъ задержать, хотя на нѣсколько часовъ, ужасную лаву, втекающую съ такою быстротой въ Лифляндію. Но едва успѣлъ онъ вывесть на гать огромнѣйшій обозъ съ тяжестями, какъ показались у Сагницкой кирки татарскія шапки. Чтобы спасти отрядъ отъ пораженія, оставалось бросить обозъ и тѣмъ заградить непріятелю единственную за собою дорогу. Такъ и сдѣлано.

Русскій военачальникъ, не видя возможности немедленно начать боевой переговоръ съ непріятелемъ и желая дать отдыхъ войску, утомленному труднымъ переходомъ и приготовить его къ рѣшительному сраженію, развернулъ многочисленныя свои силы по пространству поля, какъ искусный игрокъ колоду картъ по зеленому столу. Между тѣмъ выслалъ значительные отряды, чтобы занять мызу, осмотрѣть около нея всѣ мышьи норки, очистить дорогу черезъ болото и тѣмъ установить сообщеніе съ непріятелемъ.

Крики торжества раздавались при расхищеніи обоза и мызы. Они отдались въ станѣ, и тогда ничто не могло удержать войска, въ немъ оставшагося. Какъ при видѣ жертвы срываются гончіе псы со своихъ своръ, такъ понеслись на добычу разнородныя тысячи, еще худо знакомыя съ дисциплиною. Въ нѣсколько минутъ весь обозъ разбитъ; а тамъ, гдѣ стояла богатая мыза, возвышались однѣ безобразныя трубы, какъ на пожарищѣ, хотя она и не горѣла. За то многіе, перебивая другъ у друга лучшіе кусочки, иные изъ-за ничтожной вещи, сталкивали и увлекали другъ друга

съ тѣсной гати въ трясину, гдѣ усилія вырваться изъ нея еще болѣе въ нее погружали. Добычникъ и добыча, нападавшій и защищавшійся, равно погибали. Видъ торчащихъ изъ болота рукъ, ногъ и головъ, ужасъ и безобразіе смерти на лицахъ утопленниковъ, самая жизнь, бѣснующаяся въ иступленіи страстей, вопли радости, ругательства борющихся, хохотъ побѣды, — все соединилось, чтобы составить изъ этого грабежа адскій пиръ. Съ трудомъ могли высшіе начальники унять его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры сами подали примѣръ безпорядка. Изъ числа попавшихся въ трясину немногіе вытащены изъ нея христіанскимъ состраданіемъ товарищей.

День прошелъ въ отдохновеніи. Въ станѣ молились, пировали, пѣли пѣсни, мѣняли и продавали добычу. Офицеры разбирали по рукамъ плѣнниковъ и плѣнницъ, назначали ихъ въ подарокъ родственникамъ и друзьямъ, въ Россіи находившимся, или тутъ же передавали, подобно ходячей монетѣ, однокорытникамъ, для которыхъ не было ничего завѣтнаго.

Къ вечеру прибылъ въ станъ и Паткуль, безъ носа,—разумѣю, — краснаго, и безъ горба, разбросанныхъ имъ по дорогѣ; но, взамѣнъ, съ планомъ гуммельсгофскихъ окрестностей и съ новыми средствами для мщенія. Съ нимъ прибыло лицо, новое для русскихъ—вѣрный служитель, Фрицъ, а вслѣдъ за тѣмъ прикатила на своей телѣжкѣ маркитантша Ильза. Она отлучалась на цѣлыя сутки изъ войска Шереметева для развоза вѣстей, которыя нужно было Паткулю распустить по Лифляндіи. Многихъ въ это время заставила она горевать по себѣ.

Нынѣшній день она не въ обыкновенномъ своемъ духѣ; она грустна и не можетъ скрыть своей грусти. Ее не утѣшаютъ подарки, отдѣленные для нея изъ военныхъ трофеевъ. Рингенъ и месть—одни въ сердцѣ

ея. Она льетъ вино черезъ край мѣрки, забываетъ брать деньги, ей слѣдующія, или требуетъ ужь заплаченныхъ, отвѣчаетъ несвязно на вопросы, часто вздрагиваетъ, говоритъ сама съ собою вслухъ непонятныя рѣчи и безъ причины хохочетъ. Только Мурзенкѣ старается она особенно угодить: ухаживаетъ за нимъ, какъ нѣжная дочь; готова отдать ему даромъ все, что имѣетъ на своей походной телѣжкѣ. И не мудрено: Мурзенко навѣрно будетъ первый въ Рингенѣ.

Ночь на 17-е—послѣдняя для многихъ въ русскомъ и шведскомъ войскахъ. Какъ тяжелый свинецъ, пали на грудь иныхъ смутныя видѣнія; другіе спали крѣпко и сладко за нѣсколько часовъ до борьбы съ вѣчнымъ сномъ. Умъ, страсти, честь, страхъ царскаго гнѣва, надежда на Государевы милости, повременамъ, любовь къ отечеству работали въ душѣ вождей.

Было гораздо за полночь. Пѣтухи, уцѣлѣвшіе на развалинахъ Сагница, уже въ третій разъ перекликались съ ночными стражами въ русскомъ станѣ. Въ шатрѣ полковника Семена Ивановича Кропотова свѣтился огонекъ. Грустный, измученный душевными страданіями и безсонницею, онъ сидѣлъ, согнувшись, на соломенномъ ложѣ. Черный, пышный парикъ былъ снятъ съ головы, и на обнаженной головѣ вѣтеръ, врывавшійся повременамъ въ палатку, шевелилъ два серебряные локона, какъ изсохшія былія на могильномъ черепѣ. Передъ нимъ на колѣняхъ лежала доска съ листомъ бумаги (недавнимъ указомъ запрещено было употреблять столпцы): это было духовное завѣщаніе. На краю его дописывалъ онъ послѣднія строки. Крупныя капли слезъ падали изъ помутившихся глазъ его. Нерѣдко прерываемый въ своемъ занятіи вѣтеркомъ, силившимся потушить огарокъ, освѣщавшій его трудъ, онъ охранялъ дрожащею рукою огонекъ. Кончивъ свой трудъ, долго, очень долго смотрѣлъ онъ съ какою-то заботли-

востію на Полуектова, спавшаго крѣпкимъ сномъ въ одной съ нимъ палаткѣ. Вдругъ, послѣдній, вздрогнувъ, приподнялся съ своего ложа, осмотрѣлся кругомъ и спросилъ товарища: «онъ-ли его спрашивалъ и что ему надобно?»

— Сердце мое спрашивало тебя, — отвѣчалъ Кропотовъ, творя крестное знаменіе,—но голоса я не давалъ.

— Странно!—сказалъ Полуектовъ, тоже крестясь,— меня кто-то во снѣ толкнулъ подъ бокъ тихонько, въ другой разъ шибче, въ третій еще сильнѣе, у самаго сердца, и проговорилъ довольно внятно: «Встань... друга рѣжутъ шведы... поспѣши къ нему на помощь. Слышишь? Онъ зоветъ тебя». Но какой ты блѣдный, Семенъ Ивановичъ! Опять-таки всю ночь не спалъ и опять что-то писалъ!

— Навѣрно голосъ, тебя звавшій, былъ голосъ моего ангела-хранителя. Да, сонъ твой не лживъ: рѣжутъ меня только не шведы,—собственные мои грѣхи. Помоги. Время для меня дорого. Скоро забѣлѣетъ утро, можетъ статься, послѣднее въ жизни моей... и нашей бесѣдѣ могутъ помѣшать.

— Что затѣялъ ты новаго, безразсудный? Мученикъ своихъ черныхъ думъ, ты вездѣ видишь смерть или бѣды. Чего добраго, накличешь ихъ.

— И та и другія идутъ безъ зова, Никита Ивановичъ! Дни наши въ руцѣ Божіей: ни одной іоты не прибавимъ къ нимъ, когда они сочтены. Вѣрь, и моему земному житію предѣлъ близокъ: сердце вѣщунъ, не обманщикъ. Лучше умереть, чѣмъ замирать всечасно. Вчера я исповѣдался отцу духовному и сподобился причаститься Святыхъ Таинъ; нынѣ, если благословитъ Господь, исполню еще этотъ долгъ христіанскій. Теперь хочу открыть тебѣ душу свою. Ты меня давно знаешь, другъ, но знаешь-ли, какой тяжкій грѣхъ лежитъ на ней?

Полуектовъ молчалъ.

— Нѣтъ, никакими страданіями, никакими молитвами не искуплю своего преступленія! Какъ тяжелый камень, лежитъ оно на сердцѣ моемъ, давитъ мнѣ грудь, не даетъ на мигъ вздохнуть свободно.

— Искупитель простилъ и разбойника, а ты...

— Хуже его! Вѣдай, я погубилъ свое родное дѣтище.

— Не можетъ статься, Семенъ Ивановичъ! Ты не въ своемъ умѣ; ты клеплешь на себя напраслину.

— Нѣтъ, другъ, воистину говорю тебѣ, какъ духовнику своему: я погубилъ свое дѣтище, и за это наказалъ меня Богъ. Изъ многочисленнаго семейства не осталось у меня никого на утѣшеніе въ старости и по смерти на поминъ души.

Онъ вынулъ письмо изъ кожаной сумочки, висѣвшей у него на груди вмѣстѣ съ крестомъ, дрожащими руками подалъ письмо Полуектову и произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Этотъ подарокъ пришелъ ко мнѣ третьяго дня вечеромъ отъ старушки жены изъ Москвы; прочти и суди, могъ-ли я вчера утромъ быть половинщикомъ въ вашемъ веселіи?

Полуектовъ читалъ посланіе съ какимъ-то внутреннимъ, судорожнымъ чувствомъ; видно было, что онъ снѣдалъ грусть свою.

— Послѣдняго! — произнесъ Кропотовъ голосомъ отчаянной скорби,—хоть бы одного Господь оставилъ,— не мнѣ,—престарѣлой матери опорою и кормильцемъ. Но... прости мнѣ, Боже мой! Мнѣ-ль роптать на Тебя, неизрѣченное Милосердіе? Ты наказываешь меня.

— Послѣдняго!—повторилъ Полуектовъ, качая головой. Слезы заструились по щекамъ его.—И мой пригожій, разумный крестничекъ, Сеня!.. А мы ждали уже его на смѣну отцу!

— Онъ служитъ теперь Царю небесному.

— Велико Твое испытаніе, Господи! Наслалъ Ты тяжкія раны на сердце моего добраго Кропотова.

— Вѣдомо тебѣ, что двухъ еще прежде взялъ Онъ самъ, Тотъ, кому владыки земные противиться не могутъ. Но ты не знаешь: у меня былъ четвертый — и того я самъ погубилъ. Я... продалъ его! Ты смотришь на меня съ удивленіемъ и ужасомъ, ты не вѣришь, чтобы христіанинъ могъ продавать свое родное дѣтище? Но это было такъ!.. Передъ тобой торгашъ своими кровными — этотъ вашъ, вчерашній вѣрный слуга царскій, добрый, нѣжный отецъ, православный христіанинъ! Ты все глядишь на меня и сомнѣваешься какъ могла земля до сего времени носить такое чудовище? Да, меня носила она, какъ мать мертваго, гнилого младенца во чревѣ, пока ей не пришло время разрѣшиться отъ мерзостнаго бремени. — За сколько, думаешь, продалъ я его?.. Нѣтъ, не скажу, не смѣю сказать; ты на бумагѣ (онъ указалъ на листъ) лучше все увидишь. О! эти таланты достались мнѣ дорого, какъ Іудѣ предателю! А вѣдаешь-ли, кому я продалъ свое дѣтище? — Коварной Софіи Алексѣевнѣ! Отъ нея перешелъ онъ къ отступнику православной вѣры, князю Мышитскому, а отъ него прямо — къ палачу. Какъ они всѣ пѣстовали его, какъ лелѣяли!

— Успокойся, другъ! Ты съ горя мѣшаешься въ умѣ.

— Нѣтъ, я въ полномъ умѣ, я говорю тебѣ правду. Знавалъ-ли ты послѣдняго Новика?

— Мало, но знавалъ.

— Кто онъ такой былъ?

Полуектовъ молчалъ.

— А! и этого ты не знаешь? Послѣдній Новикъ, воспитанный царевною Софіею, умершій на плахѣ — сынъ мой.

— Я это слыхалъ, но не вѣрилъ...

— Знаю, не ты одинъ слышалъ и не вѣрилъ! Такого чудовища на Руси, какъ я, не было и не будетъ. Диво-ли, что вѣру не имѣли къ этимъ слухамъ? Такъ знай же: послѣдній Новикъ былъ сынъ, законный сынъ, русскаго боярина, Семена, Иванова по отцѣ, Кропотова.

Вдругъ мутные глаза Кропотова неподвижно уставились противъ входа въ палатку.

— Видишь? — вскрикнулъ онъ, — голова моего несчастнаго сына и теперь виситъ на перекладинѣ; видишь, какъ съ нея каплетъ кровь преступника!..

Трясясь, закрылъ онъ глаза руками и упалъ на солому.

Ординанцъ [1]) вошелъ въ это время въ палатку и доложилъ Полуектову, что его требуетъ къ себѣ фельдмаршалъ. Получивъ отвѣтъ, онъ вышелъ.

— Горе помутило твой разумъ,—сказалъ Полуектовъ, поднимая своего товарища, — голова *ординанца* показалась тебѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ. Успокойся; отчаніе—величайшій изъ грѣховъ. Кто вѣдаетъ? Можетъ статься, обманъ... тайна...

— Обманъ! тайна!.. Какая тутъ тайна? Не воры же ночью ихъ унесли. Господь, самъ Господь двухъ положилъ передъ глазами матери ихъ: мать не могла же ошибиться съ своихъ дѣтищахъ. Обманъ!.. Ге! что ты мнѣ говоришь, Никита Ивановичъ? Она сама обмывала ихъ тѣла, укладывала въ гробы, опускала въ землю. Правда, четвертый былъ тайна для многихъ; но и того обезглавленный трупъ мать узнала и сама похоронила.

— Успокойся... хоть ради Христа Спасителя, пострадавшаго за наши грѣхи.

---

[1]) Ординарецъ, вѣстовой.

Полуектовъ одѣлся.

— Я совсѣмъ одѣтъ и иду,—сказалъ онъ,—фельдмаршалъ требуетъ меня къ себѣ. Можетъ статься, пошлютъ меня въ передовые. Ты просилъ меня о чемъ-то?

При этихъ словахъ Кропотовъ очнулся: онъ посмотрѣлъ на друга съ сожалѣніемъ, будто хотѣлъ сказать: «зачѣмъ шлютъ тебя?» Потомъ взялъ бумагу, которую писалъ, сложилъ ее бережно, перекрестился и, отдавая ее Полуектову, примолвилъ:

— Возьми это духовное завѣщаніе, и если меня не станетъ, будь хоть ты моей старушкѣ кормильцемъ и сыномъ, будь поминьщикъ по душамъ нашимъ.

Полуектовъ взялъ бумагу, спряталъ ее осторожно въ боковой карманъ мундира, помолился передъ мѣдною иконою, висѣвшею въ углу палатки, прижалъ друга къ сердцу, еще крѣпко прижалъ его, и—оба заплакали. Семенъ Ивановичъ надѣлъ епанчу и проводилъ друга за шатеръ.

Заря уже разыгрывалась по небосклону.

— Посмотри,—сказалъ Полуектовъ,—какъ хорошъ Божій міръ!

— Хорошъ таковъ, какимъ Господь его создалъ, а не таковъ, какимъ сдѣлали его грѣхи наши,—отвѣчалъ Кропотовъ, вздыхая.

Друзья обнялись еще разъ и молча простились. Полуектовъ отправился къ фельдмаршалу, и не возвращался болѣе въ шатеръ свой. Дѣйствительно, онъ былъ назначенъ въ авангардъ. Семенъ Ивановичъ съ какимъ-то предчувствіамъ проводилъ его глазами по дорогѣ въ Платоръ, и послалъ за своимъ духовникомъ.

Черезъ полчаса по всей арміи затрубили побудокъ; барабанный бой прекратился по всѣмъ линіямъ, — и 50-тысячное русское войско, помолясь Отцу всеобщему

и вкусивъ насущнаго хлѣба, тронулось и загремѣло по гати. Знамена развѣялись; гобой, трубы, литавры и фаготы зазычали, и пѣсни, съ которыми русскій идетъ на веселье и на горе, на торжество и на смерть, раздались по полкамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БИТВА ПОДЪ ГУММЕЛЬСГОФОМЪ

Кому-то пасть?...
Пушкинъ.

Какъ прекрасно встало солнце 17-го іюля! Будто послѣ сна расправился этотъ небесный великанъ: первый лучъ его, какъ блестящій клинокъ меча, устлался по ровной, широкой лощинѣ, простирающейся на нѣсколько верстъ отъ Эмбаха до Гуммельсгофа, и освѣтилъ поставленные уступами шведскіе полки. Едва насчитывается въ нихъ до 14 тысячъ. Переправу у Эмбаха охраняетъ небольшой отрядъ. Всѣ они съ безстрашною душою готовы встрѣтить непріятеля, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго числомъ. Духъ ихъ окрыляютъ имя воиновъ Карла, вездѣ побѣдителя, народная и личная честь, чувство преимущества выгодной позиціи и воинскаго искусства, мщеніе за смерть братьевъ, зарѣзанныхъ на розенгофскомъ форпостѣ, и видъ родныхъ жилищъ, откуда дѣти, отцы, жены просятъ не выдавать ихъ мечу или плѣну татарскому.

Лощина къ Гуммельсгофу кажется высохшимъ русломъ широкой рѣки: по обѣимъ ея сторонамъ, въ прямомъ направленіи отъ Эмбаха, тянутся возвышенія, какъ берега. Правое возвышеніе круто, ощетинилось

мрачнымъ лѣсомъ и оканчивается холмами, на которыхъ ель рѣдко и нехотя растетъ; лѣвое отлого, усѣяно небольшими, пріятными рощами, оканчивается боромъ и примыкаетъ къ горѣ, довольно высокой и, какъ ладонь, обнаженной. На ней стоитъ полуразрушенная мельница. Природа и искусство сильно укрѣпили ее: орудія обглядываютъ съ нея лощину и выжидаютъ оттуда своихъ жертвъ. О нее должны опираться всѣ шведскія силы: это палладіумъ ихъ чести и благоденствія. Потеря ея есть потеря всего войска, гибель цѣлой Лифляндіи.

Къ подошвѣ горы прислонилась мыза Гуммельсгофъ. Все на ней спокойно: экономка выдаетъ по прежнему кормъ для куръ, чухонецъ въ углу двора безпечно долбитъ горбушку хлѣба, начиненную масломъ; по прежнему дымокъ, вѣстникъ человѣческихъ заботъ о жизни, вьется изъ трубъ. Ни одного солдата не видно на мызѣ.

Глубокая, тяжелая тишина царствуетъ въ рядахъ, какъ будто самъ Богъ налегъ на нихъ своимъ таинственнымъ всемогуществомъ. Войско въ томительномъ ожиданіи перваго выстрѣла; и вотъ... онъ раздался за Эмбахомъ! Офицеры и рядовые невольно содрогнулись и сняли шляпы. Въ это время подъѣхалъ къ нимъ Шлиппенбахъ. Онъ кажется, переродился и выросъ: въ немъ нельзя узнать маленькаго, крикливаго хлопотуна и полухитреца праздника баронессы. Духъ геройства говоритъ въ его глазахъ, въ рѣчи и каждомъ движеніи.

— Дѣти!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ войску,— ваши товарищи начали побѣду; мы докончимъ ее. Съ кѣмъ имѣемъ нынѣ дѣло? Съ татарами, калмыками и, пожалуй, съ московитами, которые мало чѣмъ посмышленѣе ихъ. Много ихъ, говорятъ. Эка бѣда! тѣмъ больше выроемъ яму для нихъ въ память будущимъ

вѣкамъ, чтобы незванные гости не совались въ Лифляндію. Вспомните, какъ мы ощипали эту сволочь подъ Нарвою: тогда еще не было намъ гдѣ развернуться, а теперь лихое раздолье штыку и палашу. Не забывать: по лощинѣ каре и каре—стоять плотно, дружно, какъ ефесъ при клинкѣ, какъ голова при тѣлѣ. Въ рощахъ засѣли наши стрѣлки: по затылку выскочекъ пощелкаютъ орѣшки. Драгуны-молодцы! хе, хе, хе! прошу васъ, битаго мяса изъ московитскихъ быковъ!... Знайте, на васъ смотритъ его величество Карлъ въ слуховое окошко изъ Варшавы, и проситъ васъ потѣшить его геройское сердце. Да здравствуетъ король!

Всѣ отвѣчаютъ генералъ-вахтмейстеру радостнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ король!

— Не худо бы,—сказалъ одинъ полковникъ, — поставить отрядъ на пекгофской дорогѣ для наблюденія за нею.

— Пустяки! Московиты ломятъ всегда прямо и не умѣютъ пользоваться извилинами: я знаю ихъ хорошо!—вскричалъ Шлиппенбахъ, и видя, что другой полковникъ хотѣлъ что-то представить ему, махнулъ съ нетерпѣніемъ рукой и поскакалъ впередъ.

Въ свитѣ генералъ-вахтмейстера находится Вольдемаръ изъ Выборга. Нынѣшній день онъ въ шведскомъ мундирѣ, на конѣ и съ оружіемъ. Генералъ, шутя, называетъ его своимъ *лейбшицомъ* [1]). Вольдемаръ усмѣхается на это привѣтствіе, и въ черныхъ глазахъ его горитъ дикій пламень, какъ у волка на добычу въ темную ночь.

Калмыки, башкирцы и казаки первые прискакали съ ужаснымъ крикомъ на правый берегъ Эмбаха,

---

[1]) Тѣлохранитель, оберегательный стрѣлокъ или деньщикъ (см. *Воинскій Уставъ*).

обсѣяли его и первые закусили смертную закуску, посланную имъ съ лѣваго берега. Толпы валятся, какъ муравьи, облитые кипяткомъ. Несмотря на эту встрѣчу, азіятскіе наѣздники бросаются съ конями въ рѣку, десятками гибнутъ въ ней, румяня ея воды, и сотнями переплываютъ ее въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь шведскіе стрѣлки встрѣчаютъ ихъ и ссаживаютъ съ коней мѣткимъ свинцомъ и удалымъ штыкомъ. Но бой, каковъ ни есть, уже завязался на лѣвомъ берегу и этого довольно, чтобы русскимъ укрѣпиться на правомъ. Пушки ихъ на немъ разставлены; драгуны спѣшились и посылаютъ шведамъ свои посылки на разрѣшеніе; знамена вѣютъ по воздуху; литаврщикъ въ своей колясочкѣ бьетъ переправу; плотники съ топорами и кирками стоятъ на зубьяхъ разрушеннаго моста; работа кипитъ подъ тучею пуль и картечи; перекладины утверждены; драгуны перебираются по этому смертному переходу, и — *пассъ* Эмбаха завоеванъ. Честь этого подвига принадлежитъ Мурзенкѣ и Полуектову. Нѣсколько сотенъ казаковъ гарцуютъ уже позади шведскаго полка, оставленнаго на защиту пасса. Шведы, не въ состояніи будучи противиться силамъ непріятеля, безпрестанно возрастающимъ, какъ головы гидры, и сдѣлавъ уже свое дѣло, образуютъ каре и, среди непріятеля, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающаго, отступаютъ медленно, какъ бы на ученьѣ. Это — движущаяся твердыня: усилія тысячей конныхъ татаръ не могутъ поколебать ее. Полуектовъ остается на лѣвомъ берегу, пока не наведенъ мостъ и не переправлены черезъ него регулярная конница, артиллерія и тяжести его отряда. Но башкирскія, татарскія и казацкія толпы, ободренныя отступленіемъ непріятеля, преслѣдуютъ его, вьются и жужжатъ около него своими стрѣлами и пулями, какъ рои оводовъ. Уже Гуммельсгофъ въ виду. Баталіонъ останавливается, укрѣпляется

на одномъ мѣстѣ и на смертномъ разстояніи обдаетъ огнемъ нестройныя толпы. Вмѣстѣ съ этимъ выстрѣломъ текутъ съ обоихъ возвышеній эскадроны шведскіе и опутываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Куда ни обернутся азіатскіе всадники, вездѣ грозитъ имъ погибель. Одно мужество казаковъ поддерживаетъ еще сѣчу; но искусство шведовъ одолѣваетъ. Пораженіе ужасно. Все что можетъ избѣгнуть огня и меча шведскаго, спасается бѣгствомъ. Полуектовъ съ своимъ полкомъ и нѣсколькими орудіями спѣшитъ на помощь; за нимъ вслѣдъ и Кропотовъ; имъ навстрѣчу толпы бѣгущихъ; свои сшиблись со своими, смяли ихъ и внесли между нихъ на плечахъ ужасъ и торжествующаго непріятеля. Всѣ связи между русскими порваны: голоса начальниковъ не слушаются, начальники сражаются, какъ рядовые; пушкари бросаютъ свои пушки, знамена отданы, и тамъ, гдѣ еще вѣютъ по воздуху два изъ нихъ, защищаютъ ихъ лично съ своими лейбшицами Кропотовъ и Полуектовъ. Ни одинъ изъ нихъ не бѣжитъ отъ вѣрной смерти. Первый, кажется, ищетъ ее. Наконецъ, весь израненный, онъ обхватываетъ древко знамени и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ на землю, произнося имя друга, Новика и Бога. Шведы даютъ знакъ Полуектову, чтобы онъ сдался въ плѣнъ.

— Не отдамся живой; не разстанусь съ тобою, Семенъ Ивановичъ! — восклицаетъ онъ, отправляя на тотъ свѣтъ нѣсколькихъ переговорщиковъ о плѣнѣ. Утомленный, истекая кровью, онъ споритъ еще съ двумя палашами, и, наконецъ, разрубленный ими, отдаетъ жизнь Богу.

Фельдмаршалъ устроивалъ тогда переправу въ трехъ мѣстахъ и, по вызову Паткуля, отряжалъ его въ обходъ черезъ мрачныя лѣса Пекгофа (гдѣ черезъ столѣтіе долженъ былъ покоиться прахъ одного изъ великихъ соотечественниковъ его и полководцевъ Рос-

сіи [1]). Узнавъ о пораженіи своихъ, Шереметевъ посылаетъ имъ въ помощь конные полки фонъ-Вердена и Боура. Они силятся нѣсколько времени посчитаться съ непріятелемъ; но, видя, что мѣна невыгодна для нихъ, со стыдомъ *ретируются*. «Тутъ надобно бы горячаго князя Вадбольскаго», говоритъ фонъ-Верденъ своему товарищу, завернувшись въ епанчу и навастривая лыжи. Вадбольскій легокъ на поминѣ, гдѣ спрашиваютъ его долгъ и честь. Онъ летитъ съ полкомъ на встрѣчу торжествующему непріятелю. Мундиръ и камзолъ его на распашку: по мохнатой груди его мотается серебряный крестъ. Онъ пышетъ отъ досады; слезы готовы брызнуть изъ глазъ. «Стой!» кричитъ онъ львинымъ голосомъ, поровнявшись съ отступающими полками: «кто носитъ крестъ, стой, говорю вамъ! Или я велю душить васъ, какъ басурмановъ». Полки фонъ-Вердена и Боура, безъ команды своихъ начальниковъ, останавливаются и оборачиваютъ коней. «Съ крестомъ и молитвою за мною, друзья» прибавляетъ Вадбольскій. Всѣ творятъ крестное знаменіе, и какъ будто оживленные благодатію, несутся за вождемъ, которому никто не имѣетъ силы противиться. Вѣра сильна въ душахъ простыхъ. Непріятель сдержанъ и вскорѣ бой возстановленъ. Вадбольскій творитъ чудеса и, какъ богатыри нашихъ сказокъ, «*гдѣ махнетъ рукой, тамъ вырубаетъ улицу, гдѣ повернется съ лошадью, тамъ площадь*». Конница непріятельская опозорена имъ: но то, что онъ выигрываетъ надъ нею, похищаетъ у него славная пѣхота шведская. И ему не устоять, если не приспѣетъ помощь!...

Въ это самое время пронесся голосъ въ рядахъ ихъ: «Назадъ! назадъ! главная армія московитская идетъ въ обходъ отъ Пекгофа». Какое-то привидѣніе,

---

[1]) Барклая-де-Толли.

высокое, страшное, окровавленное до ногъ, съ распущенными по плечамъ черными космами, на которыхъ запеклась кровь, пронеслось тогда-жъ по рядамъ на вороной лошади и вдругъ исчезло. Ужасное видѣніе! Слова его передаются отъ одного къ другому, вспоминаютъ, что говорилъ полковникъ генералъ-вахтмейстеру объ охраненіи пекгофской дороги — и страхъ, будто съ неба насланный, ростя ходитъ по полкамъ. Конница шведская колеблется. «Назадъ!» раздаются въ ней сотни голосовъ. — «Впередъ, братцы!» кричитъ Вадбольскій,—«за насъ Господь съ Его небесными силами». Дюмонъ, очутившись подлѣ него, мѣняется съ нимъ дружескимъ взглядомъ. Удары палаша русскаго учащены. Конница шведская показываетъ тылъ и обращена въ совершенное бѣгство. Тщетно стараются оба Траутфеттера [1]) ободрить ихъ: слова не дѣйствуютъ. Нѣсколькимъ солдатамъ, оставшимся около нихъ и сохранившимъ еще присутстіе духа, приказываютъ они стрѣлять по бѣгущимъ: ни что не можетъ остановить бѣгства. Окровавленное привидѣніе будто все еще гонитъ крикомъ: «назадъ!» Сами офицеры собственными лошадьми увлечены за общимъ, постыднымъ стремленіемъ. Между тѣмъ завязался бой у шведской пѣхоты съ тремя русскими пѣхотными полками, приспѣвшими на мѣсто сраженія. Ими предводительствуютъ Лима, Айгустовъ и фонъ-Швединъ. Лима указываетъ солдатамъ на Кропотова и, Полуектова, истоптанныхъ лошадиными копытами. «Врагамъ не ругаться долѣе тѣлами нашихъ полковниковъ!» кричитъ русская пѣхота и творитъ чудеса храбрости. Пѣхота шведская беретъ надъ ней верхъ искусствомъ. Лима убитъ; Айгустовъ тяжело раненъ. Но русская сила растетъ и растетъ, какъ морскія воды, идущія

---

[1]) По исторіи, это сдѣлалъ храбрый лейтенантъ Цеге.

въ приливъ. Дѣйствіями ея управляетъ уже самъ фельдмаршалъ.

Вадбольскій близко Гуммельсгофской горы. Преслѣдованіе непріятеля поручаетъ онъ Дюмону; самъ съ остатками своего полка спѣшивается. Жерла 20 пушекъ уставлены на его отрядъ и сыплютъ на него смерть. Вадбольскій невредимъ.

— Дѣти! — восклицаетъ онъ своимъ, — видите знамена на этой Содомской горѣ? Они наши родныя; на нихъ лики святыхъ заступниковъ нашихъ у престола Божія; имъ молились наши старики, дѣти, жены, отпуская насъ въ походъ. Попустимъ-ли псамъ ругаться надъ ними? Умремъ подъ святыми хоругвями или вырвемъ ихъ изъ поганыхъ рукъ, вынесемъ на святую Русь и поставимъ вмѣсто свѣчи во храмѣ Божіемъ.

Солдаты отвѣчаютъ ему:

— Не владѣть басурманамъ нашими угодниками. Укажи намъ только, батюшка, князь Василій Алексѣевичъ, куда идти.

— За мной, дѣти, со крестомъ и молитвою! — кричитъ Вадбольскій, и вноситъ остатки своего полка на середину горы.

На ней, у разрушенной мельницы, стоитъ Шлиппенбахъ, мрачный и грустный: онъ самъ управляетъ артиллеріею, этою послѣднею нитью, на которой еще держится судьба сраженія. Въ защиту горы осталась рота, не бывшая въ дѣлѣ; вся масса шведскаго войска въ бою или въ бѣгствѣ. Близъ него Вольдемаръ. Перемѣна успѣховъ сражающихся отливается на лицѣ послѣдняго: то губы его мертвѣютъ, холодный потъ выступаетъ на лбу его, и онъ, кажется, коченѣетъ; то щеки его пышутъ огнемъ, радость блеститъ въ глазахъ и жизнь говоритъ въ каждомъ членѣ. Градъ пуль и картечи, и вслѣдъ за тѣмъ холодное оружіе встрѣчаютъ Вадбольскаго: ряды его рѣдѣютъ; онъ не-

вредимъ. Голосъ его все еще раздается, какъ труба звончатая.

— Я поклялся Кропотову похоронить его здѣсь, на этомъ мѣстѣ, будетъ его могила и моя, если меня убьютъ. Такъ-ли друзья?

— Пускай всѣхъ насъ положатъ съ тобою, батюшка! а что наше, того не отдадимъ живые! — кричатъ солдаты.

Въ жару рукопашной схватки онъ одинъ отшатнулся отъ своихъ; лейбшицы его убиты или переранены. Трое шведовъ, одинъ за другимъ, нападаютъ на него. Могучимъ ударомъ валитъ онъ одного, какъ снопъ, другому зарубаетъ вѣчную память на челѣ; но отъ третьяго едва-ли можетъ оборониться. Потъ падаетъ съ лица его градомъ; мохнатая грудь орошена имъ такъ, что тяжелый крестъ липнетъ къ ней.

— Дѣти!—восклицаетъ онъ съ усиліемъ,—кто любитъ свою родную землю, тотъ подастъ мнѣ святое знамя; хоть умереть при немъ.

Слова его долетаютъ до Вольдемара: онъ оглядывается на знамена русскія, дрожитъ отъ изступленія, съ жадностью выхватываетъ изъ ноженъ свой палашъ, и смотритъ на него, какъ бы хочетъ увѣриться, что онъ въ его рукахъ. Глаза его накипѣли кровью! Шлиппенбахъ, пораженный дикими, изступленными взорами, отодвигается назадъ; но Вольдемару не до него. Онъ спрыгиваетъ съ лошади, бросаетъ ее, исторгаетъ изъ земли первое русское знамя, не охраняемое никѣмъ (даже шведскіе артиллеристы съ банниками принимаютъ участіе въ рукопашномъ боѣ), и въ нѣсколько мгновеній ока переносится къ сражающимся. Въ то самое время Вадбольскій падаетъ отъ изнеможенія силъ. Могучая рука шведа уже на него занесена. Рука Вольдемара предупредила ее: шведъ падаетъ

мертвый. Русское знамя водружено въ землю и развѣвается надъ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ.

— Друзья, братья мои! — восклицаетъ Вольдемаръ,—со мною! Еще одинъ ударъ, и все *наше!*

Въ голосѣ его, во взорѣ, въ движеніяхъ нельзя ошибиться: во всемъ отзывается его родина.

— Онъ рускій! онъ нашъ! — говоритъ Вадбольскій ослабѣвшимъ голосомъ, силясь приподняться съ земли; смотритъ на знамя со слезами радости, становится на колѣна и молится.

Въ этотъ самый мигъ прибѣгаетъ нѣсколько русскихъ солдатъ. Еще не успѣлъ Вадбольскій ихъ остеречь, какъ одинъ изъ нихъ, видя шведа съ русскимъ знаменемъ и не видя ничего болѣе, на отмахъ ударяетъ Вольдемара прикладомъ въ затылокъ. Вольдемаръ падаетъ; солдатъ хочетъ довершить штыкомъ. Вадбольскій заслоняетъ собою своего спасителя.

— Дѣти мои! нашъ онъ, нашъ, говорю вамъ! Что вы сдѣлали?—кричитъ князь и, замѣтивъ, что въ несчастномъ остались признаки жизни, ищетъ, чѣмъ возбудить ее.

Мигъ этотъ,—мигъ рѣшительной побѣды русскаго войска. На гору входитъ Карповъ съ преображенцами; — бѣгутъ главныя шведскія силы, поражаемыя Шереметевымъ. Съ холмовъ противнаго возвышенія, отъ стороны Пекгофа, Паткуль встрѣчаетъ ихъ, сѣчетъ, загоняетъ въ лѣса, втаптываетъ въ болота и преслѣдуетъ до самаго Гельмета. Шлиппенбахъ, видя уничтоженіе своего корпуса, повѣряетъ свое личное спасеніе своей лошади и первой попавшейся ему тропинкѣ. Распоряжаться уже нечѣмъ: пушки, знамена, обозы,— все покинуто въ добычу непріятеля. Крики торжества русскихъ раздаются на высотѣ у разрушенной мельницы и въ долинѣ.

Грустный Вадбольскій стоялъ надъ безчувствен-

нымъ Вольдемаромъ, въ кругу офицеровъ и солдатъ; съ нѣжностію отца старался онъ оказать ему возможную помощь, развязалъ галстухъ, разстегнулъ его камзолъ. При этомъ движеніи открылась у Вольдемара грудь и литый изъ червоннаго золота складень ярко блеснулъ предъ глазами изумленныхъ зрителей. На главной доскѣ складня изображены были Великомученица Софія съ дочерьми своими, а на другой сторонѣ Св. Благовѣрный князь Владиміръ. Вадбольскій спѣшилъ задернуть воротъ рубашки, застегнуть камзолъ на таинственномъ незнакомцѣ, и тѣмъ закрыть богатый залогъ любви и вѣры отъ любопытныхъ глазъ толпы. Вольдемаръ, наконецъ, пришелъ въ себя. Ударомъ приклада отшиблена у него была память. Когда онъ оправился и сталъ различать предметы, не мало встревожился, увидѣвъ себя въ кругу русскихъ! Какимъ образомъ попался къ нимъ, не могъ себѣ растолковать. Наконецъ, мало-по-малу началъ припоминать себѣ происшествія настоящаго дня. Привставъ съ земли, робко осязалъ онъ руку то у того то у другого изъ окружавшихъ его, и потупивъ взоры въ землю, дрожалъ, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія Его ободряли, ласкали, спрашивали съ нѣжнымъ участіемъ, кто онъ такой, откуда родомъ, зачѣмъ въ войскѣ шведскомъ. Отъ этихъ вопросовъ, отъ привѣта и ласки простыхъ сердецъ, хотѣлъ бы онъ бѣжать, хотѣлъ бы уйти въ землю.

— Братцы! я русскій... — Едва могъ онъ произнести, скидая съ себя шведскій мундиръ и бросая его подъ ноги,—ради Бога не спрашивайте меня болѣе.

Вадбольскій спѣшитъ его обнять.

— Ты спасъ меня отъ смерти: чѣмъ тебя возблагодарить?—говоритъ онъ ему.

— Вспомнить объ этомъ при случаѣ, — отвѣчаетъ Вольдемаръ

Его хотятъ вести въ торжествѣ къ фельдмаршалу. Онъ отговаривается, проситъ именемъ Господа отпустить его и, наконецъ, объявляетъ имъ, что не можетъ явиться къ Шереметеву.

— Онъ злодѣй!

— Это мой братецъ, ребятушки! — закричалъ кто-то въ толпѣ, и вдругъ передъ изумленными русскими воинами явилась высокая женщина, окровавленная, съ распущенными на плечахъ черными волосами.

— Съ нами крестная сила!—переговаривались солдаты, крестясь.

— Не бойтесь! это сестра Ильза, — прибавляли другіе,—да тебя узнать нельзя!

— Моя также нынѣ дралась за русской. Не забудь Ильзы, когда ея не будетъ, — сказала она печально.

— Мы помолимся за тебя, добрая сестрица! — раздалось нѣсколько голосовъ дружно и съ чувствомъ.

— Молиться! да, много молиться!—прибавила она со вздохомъ, качая головой; но вдругъ взглянувъ на Вольдемара, грозно вскричала:

— Отдай мнѣ братца! — и не дожидаясь отвѣта, раздвинула толпу и увлекла его за собою въ ближайшую рощу.

Долго, задумавшись, слѣдовалъ за ними Вадбольскій глазами; припоминалъ себѣ таинственнаго пѣвца, спасителя Лимы и русскаго войска подъ Эррастферомъ; соображалъ все это въ умѣ своемъ, хотѣлъ думать, что это одинъ и тотъ же человѣкъ, и что этотъ необыкновенный человѣкъ, хотя злодѣй, какъ называлъ себя, достоинъ лучшаго сотоварищества, нежели Ильзы.

— Злодѣй, злодѣй! — твердилъ про себя добрый Вадбольскій, — а не любить его не могу. Кабы онъ былъ въ такой передрягѣ, какъ я нынѣ, ей-ей вырвалъ бы его изъ бѣды, хотя бы мнѣ стоило жизни.

Солдаты переговаривались также промежъ себя:

— Хорошо, братцы, что мы его скоро отпустили. Пожалуй, разомъ налетѣлъ бы какой мастеръ: цапъ-царапъ подъ военный артикулъ, да и къ ручкѣ Томилы. Не посмотрятъ, что отнялъ русское знамя у шведа и спасъ нашего князя. Ау, братцы!

Ударили сборъ; полки построились въ лощинѣ у самой мызы. Фельдмаршалъ, проѣзжая ихъ, изъявлялъ офицерамъ и рядовымъ благодарность за ихъ усердіе и храбрость, обнадеживалъ всѣхъ милостію и наградою царскаго величества; тѣла же храбрыхъ полковниковъ, убитыхъ въ сраженіи: Никиты Ивановича Полуектова, Семена Ивановича Кропотова и Юрья Степановича Лимы, также офицеровъ и рядовыхъ, велѣлъ въ присутствіи своемъ предать съ достойною честью погребенію[1]).

Въ боковомъ карманѣ мундира у Полуектова нашли завѣщаніе; оно было отнесено къ фельдмаршалу, а этотъ передалъ его князю Вадбольскому, какъ человѣку, ближайшему къ покойному завѣщателю. Когда тайна Кропотова была прочтена, князь сильно упрекалъ себя, что наканунѣ такъ безчеловѣчно смѣялся надъ его предчувствіями. Трудно было исторгнуть слезы у Вадбольскаго; но теперь, прощаясь съ товарищемъ послѣднимъ цѣлованіемъ, горько зарыдалъ.

Тѣла трехъ храбрыхъ полковниковъ, убитыхъ въ гуммельсгофскомъ сраженіи, преданы землѣ на томъ самомъ мѣстѣ, которое завоевалъ для нихъ герой этого

---

[1]) Подлинныя слова изъ *Дополн. къ Дѣян. Петра I.* Кн. 6, стр. 13.

дня. Оно тогда-жъ обдѣлано дерномъ; на немъ поставлены камень и крестъ. И донынѣ, посреди гуммельсгофской горы зеленѣетъ холмъ, скрывающій благородный прахъ; но камня и креста давно уже нѣтъ на немъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОТЪ-ЖЕ ПОЛДЕНЬ ВЪ ДРУГОМЪ ВИДѢ

....И слабостьми людскими
Не надобно пренебрегать:
Во время, въ пору нужно знать
Лишь пользоваться ими.

Анонимъ

Неподалеку отъ Гельмета, за изгибомъ ручья Терваста, въ уклонѣ берега его, лицомъ къ полдню, врыта была закопченая хижина. Будто кротъ изъ норы своей, выглядывала она изъ-подъ дерна, служившаго ей крышею. Вѣтки деревъ, вкравшись корнями въ ея щели, уконопатили ее со всѣхъ сторонъ. Трубы въ ней не было; выходомъ же дыму служили дверь и узкое окно. Большой камень лежалъ у хижины вмѣсто скамейки. Вблизи ея сочился родникъ и спалзывалъ между камешковъ въ ручей Тервастъ.

Съ незапамятныхъ временъ хижина эта была родовымъ имѣніемъ нищеты, передававшей ее въ наслѣдство нищетѣ, безъ судовъ, безъ актовъ и пошлинъ. Нынѣ принадлежала она бабкѣ Ганне, какъ звали ее въ округѣ по ремеслу ея; не одна сотня людей вошла въ міръ черезъ ея руки. Но какъ въ мірѣ этомъ все подлежитъ забвенію, еще болѣе человѣкъ, въ которомъ перестали имѣть нужду, то и Ганне, прежде жившая

въ достаткѣ и всѣми уважаемая, нынѣ, хилая, была забыта и кое-какъ перебивалась подаяніемъ. Въ обладаніи ея дворцомъ былъ половинщикомъ мальчикъ, внукъ ея. Чтобы скорѣе ознакомить читателя съ этими лицами, скажемъ, что Ганне была одна изъ старухъ, которыя въ роковой для Густава вечеръ поджидали своего посланнаго у вяза съ тремя соснами, — внукъ былъ рыжеволосый Мартышка.

На дворѣ чуть брезжилось, а въ хижинѣ слышался уже говоръ. Дверь, растворенная настежь отъ духоты, пропускала въ нее слабый свѣтъ занимавшагося утра. Въ углу, на кровати изъ нѣсколькихъ досокъ, положенныхъ на четырехъ камняхъ и пересыпанныхъ излежавшеюся соломой, сидѣла хозяйка. Безобразіе старости выказывалось на ней теперь сильнѣе, потому что шея, сморщенная, какъ подбородокъ индѣйскаго пѣтуха, была открыта. Въ другомъ углу, на соломѣ, постланной просто на землѣ, возился Мартышка: то ложился онъ, то, сидя, дремалъ. Глаза его были мутны отъ безсонницы; на лицѣ изображалось безпокойство. Старуха, заправляя подъ платокъ хлопки сѣдыхъ волосъ, бормотала сквозь зубы утреннюю молитву и между тѣмъ бросала сердитые взгляды на товарища.

— Аль ты меня съѣсть хочешь? — сказалъ злой мальчикъ, передразнивая ее.

— *Avita Jummel!* (Господи, помилуй!)—проворчала старуха,—нелегкое держало тебя нынѣ въ замкѣ; цѣлую ночь на пролетъ шатался.

— Чтобы тебѣ самой нелегкимъ поперхнуться! Развѣ ты не знаешь, что московиты и татары будутъ нынѣ сюда?

— Татары! Московиты!.. А намъ какая до нихъ забота? Чай, и имъ до насъ дѣла не будетъ. Придутъ, да уйдутъ, какъ льдины въ полую воду. Въ избушкѣ нашей не поживятся и выѣденнымъ яйцомъ...

Злая насмѣшка выползла изъ сердца Мартына и блеснула въ глазахъ его.

— Сказываютъ,—перебилъ онъ съ коварною улыбкою,—что московиты, лакомые до красотокъ, увозятъ ихъ съ собою на свою сторону; берегись и ты, любушка! хе, хе, хе!

— Эхъ, Мартынъ! грѣхъ тебѣ ругаться надъ старостью: Господь не дастъ тебѣ долгаго вѣка. Пришибетъ, ужь пришибетъ тебя и за то, что моришь меня съ голоду по цѣлымъ суткамъ. — (Старуха постучала сухимъ кулакомъ по доскѣ своей кровати).

— Смотри, чтобы твоихъ голубушекъ въ кубышкѣ не отыскали! Перекладывай съ мѣста на мѣсто, а врагу достанутся. (Мальчикъ задумался). Самъ не возьму, не притронусь; а укажу, укажу... чтобъ убилъ меня дѣдушка Перкунъ[1]), коли я лгу!..

У мальчика глаза разгорѣлись и запрыгали. Онъ вскочилъ съ земли, схватилъ лежавшій подлѣ него булыжникъ и, поднявъ руку на старуху, закричалъ.

— Попытайся, попытайся-ка; тутъ тебѣ и духъ вонъ!

— Что ты дѣлаешь, проклятое сѣмя? — вскричала женщина, вошедшая въ избу такъ тихо, какъ тѣнь вечерняя.

Взглянувъ на пришедшую, мальчикъ обомлѣлъ и выпустилъ камень изъ рукъ.

— Ты это, Елисавета Трейманъ? — спросила старушка съ радостнымъ лицомъ. — Голосъ-атъ твой слышу, а глазами плохо тебя смѣкаю.

— Я, бабка Ганне! — отвѣчала Ильза, поцѣловавъ старушку въ лобъ, сѣла возлѣ нея на кровать, развя-

---

[1]) Перкунъ, славянскій богъ — Перунъ, котораго и теперь латыши нерѣдко поминаютъ. «Дѣдушка Перкунъ сердится, Перкунъ стучитъ», говорятъ они, слыша громъ.

зала котомку, бывшую у ней за плечами, и вынула кадушечку съ масломъ, мягкій ржаной хлѣбъ и бутылку съ водой. — Вотъ тебѣ и гостинецъ, отвесть душку.

Старушка дрожащими, изсохшими руками схватилась за подарки, не зная, за который прежде приняться; потомъ бросилась было цѣловать руку у маркитантши.

— Ну, что новаго, бабка Ганне? — продолжала Ильза, отнявъ у ней руку.

— Новаго, новаго, мать моя? Дай Господи мнѣ память! — сказала голодная старуха, вынувъ съ трудомъ изъ стѣны заржавленный ножъ и подавъ его маркитантшѣ, чтобы она отрѣзала ей хлѣба.—Да, у скотника въ Пебо отелилась корова бычкомъ о двухъ головахъ.

— Э, бабка, это случилось въ запрошломъ лѣтѣ.

— А мнѣ кажись, въ прошломъ мѣсяцѣ. Ахти, мать моя, времячко-то летитъ! Постой же, вотъ тебѣ новинка горяченькая. Знаешь дѣвку Лельку, что на краю деревни живетъ?

— Знаю; ну чтожъ?

Прислонившись къ уху гостьи, старушка шопотомъ проговорила.

— Къ ней летаетъ по ночамъ огненный змѣй...

Ильза махнула рукой въ знакъ нетерпѣнія и обратилась къ мальчику, все еще неподвижно стоявшему на одномъ мѣстѣ, какъ будто онъ пригвожденъ къ нему былъ суровымъ взоромъ матери.

— Къ тебѣ, сынокъ баронскій, чай, вѣсти ползутъ свыше? Что слышно въ вашихъ краяхъ?

Пріосанясь, Мартынъ отвѣчалъ:

— По крѣпкому наказу твоему подбирать все, что простачки роняютъ, я наполнилъ тебѣ со вчерашняго дня мѣшочекъ вѣстей. Придумай сама на что онѣ тебѣ годятся.

— Развязывай, малый, да смотри, ни одной нечистой порошинки!

— Вотъ видишь: вчера, когда бароны съ кучерами высвободили своихъ лошадей изъ путовъ, въ которые мы, съ дядею Фрицомъ, ихъ загнали; когда двуногіе гости баронессы ускакали на четвероногихъ, поднялась въ замкѣ пыль столбомъ. Выкопали изъ кладовыхъ заржавленныя пушки, вычистили ихъ песочкомъ, разставили въ развалинахъ, противъ господскаго дома, противъ дороги въ Гуммель, роздали дворовымъ и крестьянамъ ружья, пистолеты, кинжалы, большія, большія шпаги, которыя только двумъ съ трудомъ поднять. Баронесса говорила имъ, Богъ вѣсть что, о королѣ, о любви къ отечеству, о преданности къ господскому дому, а новобранные, вмѣсто всего этого, требовали вина. Правду сказать, многіе сдѣлали побоище прежде настоящаго сраженія, такъ что вынуждены были отобрать у нихъ оружіе и съ трудомъ могли унять ихъ воинскій жаръ. Воротились въ Гельметъ многіе студенты и дворяне, какъ будто для того, чтобы опорожнить недопитую бутылку, и вызвались защищать его, пока голова будетъ держаться на плечахъ. Съ вечера разставили часовыхъ по всѣмъ дорогамъ; теперь и мышенку не пробѣжать въ замокъ. Слышишь, какъ мяучатъ они, словно чортъ ихъ давитъ? Давай-ка, думалъ я, обманемъ этихъ драбантовъ, какъ обманулъ Красный-носъ маленькаго шведскаго генерала, которому и отъ меня досталась порядочная закуска; посмотримъ, что дѣлается въ крѣпости. Было близко къ часу духовъ: крики становились рѣже. Поползъ я на брюхѣ оврагомъ, кустами, черезъ лазейку подъ ограду, и очутился въ синели, у амтманова окошка. Ни одна бѣшенная собака меня не примѣтила. Вижу, окно раскрыто и огонекъ свѣтитъ. Слышу голосъ амтмана.—«Благодарю,—сказалъ онъ,—за гости-

нецъ: только напрасно, право напрасно убытчились. Впередъ, смотрите, этого не дѣлайте». А я себѣ на усъ: гдѣ заказываютъ да принимаютъ, тамъ примутъ и въ другой разъ.

— Полно орѣхи щелкать; разсказывай дѣло,—сказала сердито Ильза.

Мартынъ, замѣтя, что шуточками не угодитъ матери, продолжалъ просто:

«—Вотъ видите—говорилъ амтманъ,—такихъ добрыхъ госпожъ, какъ наша баронесса, подъ землею искать надо. Она прощаетъ вамъ вашу глупость, принимаетъ васъ къ себѣ въ верховые, по прежнему, и позволяетъ малому жениться на твоей дочери, лишь бы вы ей сослужили теперь службу». Потомъ сталъ онъ говорить что-то шопотомъ, такъ что мнѣ разслушать нельзя было.—«Рады за нее голову положить!»—отвѣчали два голоса. Голоса были знакомые, а чьи—вдругъ разобрать я не могъ. Немного погодя, застучали ключами и вышли изъ дому съ фонаремъ амтманъ, да — кто еще? Какъ бы ты смѣкала? — Сотникъ, бывшій кастеланъ Готлибъ и товарищъ его, пастухъ Арнольдъ.

— Можетъ-ли статься? ихъ-ли ты видѣлъ?

— Ихъ, или людей во плоти и образѣ Готлиба и Арнольда. Я самъ диву дался. Пошли они по дорожкѣ, прямо къ кладовой, что въ саду. Прыгъ, прыгъ и я за ними между кустами. Отперли кладовую и выкатили оттуда нѣсколько боченковъ.—«Поосторожнѣе съ огнемъ!»—говорилъ амтманъ.

— Съ огнемъ? — вскричала Ильза, вдохновенная догадкой. — Это были навѣрно боченки съ порохомъ. Злодѣйка! Она хочетъ подорвать Паткуля, Шереметева, русскихъ! Нѣтъ, этому не бывать, не бывать, говорю... пока въ Елисаветѣ Трейманъ есть капля крови для мщенія, пока блаженствуетъ рингенскій асмодей.

— Что съ малымъ сдѣлалось—сказала старуха, — не дурману-ли онъ объѣлся, что выпучилъ такъ бѣлки свои?

Въ самомъ дѣлѣ Мартынъ повелъ вокругъ себя дикими глазами и, повторивъ раза два: «подорвать!» бросился вонъ изъ двери.

Съ бѣшенствомъ посмотрѣла маркитантша вслѣдъ сыну; но слѣдъ его уже простылъ. «Негодяй!—думала она,—вѣрно, боится, чтобы вмѣстѣ съ замкомъ не взлетѣли на воздухъ любезныя денежки его. Иначе не можетъ быть! или онъ не сынъ отца своего». Догадываясь также, что Паткулю предстоитъ въ Гельметѣ опасность, если побѣда окажется на сторонѣ русскихъ, и онъ явится къ баронессѣ вслѣдствіе обѣщанія своего, Ильза ощупью хваталась за разные способы помочь этой бѣдѣ. Большая часть средствъ по обстоятельствамъ, не годилась. Думать да гадать,—и, наконецъ, она придумала: не теряя времени, отправляться съ бабкою Ганною въ замокъ, откуда ей кстати надо было выпроводить слѣпца и доставить его къ Вольдемару, и гдѣ она надѣялась подробнѣе развѣдать о замыслахъ баронессы черезъ Аделаиду Горнгаузенъ, которой она нѣкогда предсказывала суженаго. Какъ разсчитано, такъ и сдѣлано.

Гельметскій гарнизонъ былъ врасплохъ застигнутъ нашими посѣтительницами. Начальники и солдаты, вѣроятно, послѣ сильнаго сопротивленія Морфею, заключили съ нимъ перемиріе: пушкари исправно храпѣли у своихъ орудій; стражи въ отводныхъ пикетахъ около замка, зѣвая, перекликались. Караульный у подъемнаго моста, черезъ который надобно было проходить двумъ подругамъ, чухонецъ лѣтъ двадцати, обнявъ крѣпко мушкетъ и испустивъ глубокій вздохъ, вмѣсто оклика, только что хотѣлъ, сидя, прислониться къ периламъ, чтобы въ объятіяхъ сна забыть все мірское, какъ по-

чувствовалъ ударъ по рукѣ. Это былъ камешекъ, искусно брошенный Ильзою съ противнаго берега. Чухонецъ встрепенулся, изловилъ падавшій изъ рукъ мушкетъ, привсталъ и готовился взбудоражить весь странный гельметскій гарнизонъ; но Ганне успѣла отвесть тревогу вопросомъ, нѣжно произнесеннымъ:

Іюрри, Іюрри! іоксъ ма мулленъ? [1]).

Названный по имени и слыша родныя слова, караульный ободрился, протеръ себѣ глаза и, выглядѣвъ, отъ кого шло воззваніе, протяжно отвѣчалъ, усмѣхаясь:

— *Арри тулле, эллакенне!* (нѣтъ, милочка, не приходи). *Мы* сердиты: голова болитъ съ похмѣлья; еще жъ на караулѣ и за себя не ручаемся, чтобы не прожгли васъ обѣихъ однимъ поцѣлуемъ этого дурачка — онъ показалъ на мушкетъ.—Бултыхъ, бабка, въ воду козьими ногами вверхъ; ступай принимать дѣтокъ у водяныхъ роженицъ.

— Что ты, Юргенъ, душечка, въ умѣ-ли?—сказала старуха нѣжнымъ голосомъ, вынувъ изъ-за пазухи бутылку съ водкою и показавъ ее чухонцу. — Голова болитъ? Полѣчимъ.

— Оно такъ бы; чего лучше?—пробормоталъ караульный, почесывая себѣ голову,—да кто съ тобой?

— Я иду принимать . смѣкаешь? А эта у меня школьница.

Убѣжденный чухонецъ опустилъ мостъ. Разумѣется, что Харону за пропускъ заплачено нѣсколькими добрыми глотками водки и столько жъ обѣщано на возвратномъ пути. Подруги очутились за угломъ господскаго двора, у перваго окошка въ садъ. Оно отворено. Все тихо. Только неугомонный сверчокъ, на зло властолюбивой баронессѣ, тѣшился, распѣвая барски въ

---

[1]) Начало чухонской пѣсни: «Юргенъ, Юргенъ, не пора ли мнѣ къ тебѣ?»

ея палатахъ. Старушка легонько постучалась въ раму разъ, два и три: на стукъ этотъ выглянула изъ окна горничная Аделаиды. Переговорщицы были въ связяхъ, и переговоры не длились. Помѣшанная на гаданьяхъ и волшебствѣ, дѣва была внѣ себя, услышавъ, что Ганне привела къ ней ту самую ворожею, которая за годъ тому назадъ обѣщала ей суженаго богатаго, знатнаго, пригожаго, только что не съ крылышками, и теперь, отправляясь за тридевять земель, мимоходомъ принесла ей вѣсти, по приказанію благодѣтельной волшебницы, объ ея суженомъ оберстѣ. Пудрамантъ кое-какъ накинутъ на плеча, и посланница феи съ своею подругою осторожно впущены заднимъ крыльцомъ въ спальню Аделаиды.

Ильза, вошедши въ комнату, подняла сухощавую руку надъ головой Аделаиды, наклонившейся въ глубокомъ смиреніи, и, не зная, какое приличное варварское имя дать волшебницѣ, нашлась, однакожъ, слѣдующимъ образомъ.

— Илья Муромецъ,—сказала она,—моя повелительница, живущая въ Кареліи, прислала меня сюда изъ особенной любви къ тебѣ. Слушай. Русскіе будутъ нынѣ или завтра въ Гельметѣ. Но не бойся и не огорчайся: судьба замка совершается, но вмѣстѣ съ этимъ должно совершиться твоему счастію. Такъ положено въ совѣтѣ высшемъ. Въ русскомъ войскѣ при фельдмаршалѣ Шереметевѣ находится братъ моей повелительницы, столѣтній карла. Какъ скоро онъ явится въ замокъ, улови его, хватай, не выпуская изъ рукъ, щекочи и не давай ему покоя. Знай, онъ во злобѣ своей заперъ твое благополучіе. Измученный тобою, онъ долженъ будетъ привесть сюда твоего суженаго, оберста Балтазара фонъ-Вердена, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣлъ тебя во снѣ, умираетъ отъ любви по тебѣ, странствуетъ вездѣ, чтобы тебя оты-

скать; сражается, проливаетъ кровь и бѣдствуетъ, лишь бы получить руку и сердце твое. Полюби его: вы оба созданы другъ для друга. Да будетъ союзъ вашъ счастливъ! Этого желаетъ моя высокая повелительница.

Въ удостовѣреніе своихъ словъ, Ильза взяла изъ рукъ старухи бѣлый посохъ, вынула уголь изъ кармана, положила его къ себѣ на голову и, очертя посохомъ кругъ по воздуху, произнесла таинственнымъ, гробовымъ голосомъ:

— Клянусь въ истинѣ словъ вами, духи невидимые! Если не сбудется, пусть клятва моя поразитъ мое тѣло и душу и родъ мой по девятое колѣно; пускай почернѣетъ и истлѣетъ, какъ уголь, этотъ посохъ, я и утроба моя.

Аделаида знала, что въ простонародіи нѣтъ ужаснѣе этой клятвы, внимала ей дрожа, какъ въ лихорадкѣ, вѣрила обѣщанію, но еще болѣе вѣрила своему сердцу.

Въ награду за добрую вѣсть требовала Ильза: вопервыхъ, послать горничную немедленно отыскать путь въ спальню Бира, откуда вызвать слѣпца именемъ волшебницы Ильи Муромца и сказать ему, что сестра Ильза ждетъ его у вяза съ тремя соснами; во вторыхъ, дать ей перо, чернильницу и бумагу, и въ третьихъ, прежде свиданія съ карлою вручить по принадлежности письмо, которое напишетъ она генералу Паткулю, начальнику фонъ-Вердена. Легковѣрная дѣвушка должна была клясться хранить тайну.

Въ исполненіи этого требованія всего труднѣе было выучить имя, конечно халдейское или арабское, Ильи Муромца. Затрудненіе, наконецъ, преодолѣно, и немедленно приступлено къ вызову слѣпца. Между тѣмъ Ильза употребила всю хитрость свою, чтобы вывѣдать, какія были намѣренія баронессы въ случаѣ, если русскіе придутъ въ Гельметъ.

— Она хочетъ защищать Гельметъ,—сказала Аделаида, — но въ случаѣ неудачи остается дома, чтобы принять и угостить побѣдителя.

— Но зачѣмъ-же, — спросила Ильза, — рѣшась на послѣднее, назначить ему заранѣе квартиру на висѣлицѣ? Хорошее угощеніе послѣ такого пріема не поможетъ.

— Я ей сдѣлала тоже этотъ вопросъ, и по намекамъ ея догадалась, что висѣлица — дипломатическая ловушка; что по ней увидятъ только глупую месть женщины, и по защитѣ Гельмета духъ геройскій въ тѣлѣ женскомъ; но что всю ее, лифляндку Зегевольдъ, узнаютъ по слѣдствіямъ. «Хитрость за хитрость. Время покажетъ, кто кого побѣдитъ».—Вотъ слова г-жи баронессы, какъ я ихъ слышала; а что они значатъ...

— Все, мнѣ извѣстно до подноготной, — перебила хитрая маркитантша,—я хотѣла только испытать тебя, дочь моя. Еще одинъ вопросъ. За нѣсколько десятковъ миль отсюда слышала я вчера вечеромъ, что дочь кастелана Лота выходитъ замужъ?

— И послѣ того,—вскричала Аделаида, смотря на свою гостью съ особеннымъ уваженіемъ,—послѣ этого придутъ мнѣ сказать, что нѣтъ людей, награжденныхъ чудеснымъ даромъ предвидѣнія? Только вчера вечеромъ объявлена намъ эта неожиданная новость, и ты въ то жъ время провѣдала о ней?

— О! мы знаемъ многое, что еще впереди,—таинственно произнесла Ильза, и принялась писать на лоскуткѣ бумаги нѣмецкими буквами по-русски посланіе такого рода:

«Любезнѣйшій мой каспадинъ Фишерлингъ! здѣсь недобре твой, бочонокъ порохъ, домъ, и ты умереть. Велѣть твой поймать молодой, нынче женилъ, и отецъ дѣвки. Смотрѣть, о! смотрѣть все, боярыня недобре твой. Здѣсь въ замокъ дѣвка Аделаида письмо это

отдать: очень хочется замужъ. Послать твой карла Борисъ Петровичъ: Мой сказалъ: сто лѣтъ карла, сыскать ей женихъ богатъ, полковникъ фонъ-Верденъ. Пожалуй, хорошенько женить. — Вѣрная Ильза».

— Отдай эту записку, чтобы никто не видѣлъ,— примолвила она,—и помни, что твое благополучіе зависитъ отъ вѣрнаго и благоразумнаго исполненія моего порученія. Будь счастлива.

Съ послѣднимъ словомъ Ильза важно простерла длинную, сухощавую руку надъ головою правнучки 7-го лифляндскаго гермейстера, махнула Ганне, чтобы она за нею слѣдовала и обернувшись въ хитонъ свой, спѣшила къ мѣсту свиданія, назначенному для слѣпца. Самъ Биръ проводилъ Конрада изъ Торнео, и сдалъ его маркитантшѣ съ рукъ на руки.

Какъ покорное дитя, старецъ шелъ всегда, куда его только звали именемъ друга. Нынѣ путеводимый своею Антигоною, онъ ускорялъ шаги, потому что каждый шагъ приближалъ его къ единственному любимцу его сердца. Сначала все было тихо вокругъ ихъ. Вдругъ шумъ, подобный тому, когда огромная стая птицъ летитъ на ночлегъ, прорѣзалъ воздухъ

— Что такое?—спросилъ слѣпецъ.

— Вдали къ Гуммелю мчится эскадронъ шведскій,— отвѣчала Ильза.

Опять все утихло, и опять черезъ нѣсколько времени послышался какъ бы подземный громъ, глухо прокатившійся.

— Это что такое?—спросилъ слѣпецъ.

— Туда жъ несутся пушки шведскія, — отвѣчала Ильза.

Снова нашла тишина, какъ въ храмѣ, гдѣ давно кончилось богослуженіе — и вдругъ раздался въ отдаленіи первый ударъ пушки.

— Война! битва!—произнесъ Конрадъ съ глубокимъ вздохомъ, торопясь впередъ.

— Война! битва!—повторила его спутница съ дикимъ удовольствіемъ,—пусть дерутся, рѣжутся; пусть сосутъ другъ у друга кровь! И я потѣшусь на этомъ пиру.

Старецъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ; безпокойство надвинуло тѣнь на лицо его.

— Гдѣ-то теперь мой Вольдемаръ?—сказалъ онъ, покачавъ головой. — Дни его начинаютъ быть бурны. Онъ чаще покидаетъ меня.

— Онъ у своего мѣста; мы къ нему идемъ,—отвѣчала Ильза.—Работай, другъ! И я для тебя довольно поработала! Пора и награду!.. Мнѣ Рингепъ, погибель злодѣя, его страданія; Вольдемару...

— Не отравляй устами порочными святой награды моего друга,—перебилъ Конрадъ, — не прикасайся къ чистому вѣнку его рукою, оскверненною злодѣяніями. Ильза, ты не имѣла никогда родины.

Хохотъ былъ отвѣтомъ ея; будто отголоски нечистаго духа, онъ раздробился въ рощѣ, по которой они шли. Сильная стрѣльба покрыла адскій хохотъ.

Вскорѣ поравнялись они съ гуммельсгофскою горою, надъ которой качалось облако порохового дыму. Обойдя ее, путники остановились въ одной изъ ближайшихъ къ ней рощей, откуда можно было видѣть все, что происходило въ лощинѣ.

— Боже! — вскрикнула Ильза голосомъ отчаянія, протянувъ шею,—они бѣгутъ!

— Кто?—спросилъ съ тревожнымъ духомъ слѣпецъ.

— Русскіе бѣгутъ! Нѣтъ спасенія! — продолжала Ильза, ломая себѣ руки. — Злодѣй будетъ торжествовать! Злодѣй заочно насмѣется надо мной!.. Оставайся ты, слѣпецъ, одинъ: меня оставило же Провидѣніе! Что мнѣ до бѣдствій чужихъ? Я въ няньки не нани-

малась къ тебѣ. Иду—буду сама дѣйствовать! На что мнѣ помощь русскихъ, Паткуля; на что мнѣ умолять безжалостную судьбу? Она потакаетъ злодѣямъ. Да, ей весело, любо!..

Глаза Ильзы ужасно прыгали; отчаяніе перехватывало ея слова. Не слушая моленій старца, она бросилась къ гуммельсгофской горѣ, цѣликомъ, сквозь терновые кусты, по острымъ камнямъ.

— Ильза, Ильза, гдѣ ты? — спрашивалъ жалобно слѣпецъ, ловя въ воздухѣ предметъ, на который могъ бы опереться.—Никто не слышитъ меня: я одинъ въ пустынѣ. Одинъ?. А Господь Богъ мой?.. Онъ со мной и меня не покинетъ! — продолжалъ Конрадъ, и, преклонивъ голову на грудь, погрузился въ моленіе.

Ильза явилась на горѣ, въ изодранной одеждѣ, вся исцарапанная и израненная шиповникомъ, безъ повязки, съ растрепанными по плечамъ волосами, — прямо у боку Вольдемара. Дорогою бѣшенство ея нѣсколько поутихло.

— Вольдемаръ! — сказала она голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ могилы,—мы погибаемъ!

Вольдемаръ и безъ того былъ блѣденъ, какъ смерть; слова, подлѣ него произнесенныя, заставили его затрепетать. Съ ужасомъ оглянулся онъ, и окаменѣлъ, увидѣвъ маркитантшу.

— Что это за женщина?—спросилъ Шлиппенбахъ, замѣтивъ ее.

— Сумасшедшая чухонская дѣвка. Я съ нею скоро справлюсь, — отвѣчалъ Вольдемаръ, поворотилъ свою лошадь и махнулъ Ильзѣ, чтобъ она за нимъ слѣдовала. Долго думалъ онъ, что предпринять, отведя ее за мельницу, откуда не могли они быть видимы генералъ-вахтмейстеромъ. Счастливая мысль блеснула, наконецъ, въ его головѣ.

— Не спрашиваю, откуда ты, въ такомъ видѣ,— сказалъ онъ маркитантшѣ, — довольно; мы погибаемъ; но ты можешь спасти русскихъ, меня и себя.

— Спасти?.. Говори, что нужно сдѣлать. Вели идти прямо въ огонь, и ты меня тамъ увидишь. Мнѣ все равно умирать. Буду убита, ты отмстишь за меня Клянись всѣмъ, что для тебя дорого, ты отмстишь тогда.

— Клянусь.

— Приказывай.

— Видишь, конь не имѣетъ сѣдока: излови его и лети на немъ прямо въ ряды шведскіе, промчись только мимо ихъ, какъ духъ, и принеси вѣсть, что главная армія русскихъ идетъ въ обходъ отъ Пекгофа.

Ильза на конѣ; она мчится, какъ вихрь, въ пылъ самой битвы; она сѣетъ ужасную вѣсть по рядамъ шведскимъ. Мы видѣли, какое дѣйствіе произвела между ними эта вѣсть. Вдали, на противоположномъ возвышеніи Ильза, свидѣтельница пораженія шведовъ. Рингенъ и месть опять въ сердцѣ ея; опять зажглись ея черныя очи адскою радостію. Въ торжествѣ она забываетъ свои раны, но вспоминаетъ о слѣпцѣ, котораго оставила одного. «Лошади бѣгущихъ и поражающихъ могутъ истоптать его!»—думаетъ она; скачетъ обратно на гуммельсгофскую гору, бросаетъ свою лошадь и, какъ мы также видѣли, вырываетъ Вольдемара изъ толпы русскихъ, его обступившей.

Свиданіе послѣдняго со слѣпцомъ было самое радостное. Міръ, опустѣвшій для Конрада, снова наполнился и оживился. Всѣ трое принесли благодареніе Вышнему, каждый отъ души, болѣе или менѣе чистой. Вольдемаръ, то погружался въ сладкія думы, положивъ голову на колѣна слѣпца, который въ это время изсохшими руками перебиралъ его кудри, то вставалъ, съ восторгомъ прислушиваясь къ отголоскамъ торже-

ственныхъ звуковъ русскихъ; то изъяснялъ свою благодарность Ильзѣ. Казалось, онъ въ эти минуты блаженства хотѣлъ бы весь міръ прижать къ своему сердцу, какъ друга.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, музыканты поплелись по направленію къ Менцену; Ильза провожала ихъ до сооргофскаго лѣса, гдѣ она оставила свою походную телѣжку у тамошняго угольника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОМЕДІЯ И ТРАГЕДІЯ

Сворнина.

Ахъ! я охотница большая до комедій.

Свахина.

А я до жалкихъ драмъ.

Чванова.

А я такъ до трагедій.

Ком. „Гов." — *Хмельницкаго.*

Не стану описаніемъ осады Гельмета утомлять читателя. Скажу только, что крестьяне-воины, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, разбѣжались, но баронесса Зегевольдъ и оба Траутфеттера съ нѣсколькими десятками лифляндскихъ офицеровъ, помѣщиковъ и студентовъ и едва-ли съ тысячью солдатъ, привлеченныхъ къ послѣднему оставшемуся знамени, все сдѣлали, что могли сдѣлать только честь, мужество, искусство и, прибавить надо, любовь двухъ братьевъ соперниковъ. Между тѣмъ какъ женщины, собравшись въ одну комнату, наполняли ее стенаніями, или въ нѣмомъ отчаяніи молились, ожидая ежеминутно конца жизни; между тѣмъ какъ Биръ подъ свистомъ пуль переносилъ въ пещеру свой кабинетъ натуральной исторіи, своихъ грековъ и римлянъ, и амтманъ Шнурбаухъ вывозилъ

экипажи за садъ къ водяной мельницѣ, баронесса въ амазонскомъ платьѣ старалась всѣмъ распоряжаться, вездѣ присутствовала и всѣхъ ободряла. Наконецъ, видя невозможность сопротивляться отряду Паткуля и страшась не за себя, а за честь и жизнь своей дочери, она рѣшилась отправить Луизу подъ защитою ея жениха. Русскіе съ ужаснымъ крикомъ перелѣзали черезъ палисады, окружавшіе замокъ. Одинъ изъ студентовъ, преданныхъ дому Зегевольдовъ, посланъ былъ въ ряды сражавшихся для вызова Адольфа и вмѣстѣ для переговоровъ съ начальникомъ русскихъ о сдачѣ замка на такихъ условіяхъ, чтобы позволено было дочери баронессы выѣхать изъ него безопасно, сама же владѣтельница замка предавалась великодушно побѣдителю.

Предводитель осаждающихъ на этихъ условіяхъ приказалъ остановить наступательныя дѣйствія и не занимать дороги къ Пернову.

— Иди, спасай Луизу, пока еще время,—кричалъ Густавъ своему брату, сплочивая у главнаго входа въ замокъ крѣпкую ограду изъ оставшихся при немъ солдатъ,—спасай свою невѣсту.

— Пускай бѣгутъ женщины!—возразилъ съ твердостію Адольфъ.

— Мое мѣсто здѣсь, возлѣ тебя, пока смерть не выбила оружія изъ рукъ нашихъ

— Видишь, что все потеряно.

— Все, милый Густавъ! Что скажетъ объ насъ король?

— Король скажетъ, что лифляндцы сражались за него честно до послѣдней возможности. Но Луиза?... но... твоя невѣста? Дай ей, по крайней мѣрѣ, знать, чтобы она бѣжала.

— Сдѣлай это ты.

— Когда бы могъ! Тебя требуютъ. Слышишь?

Крикъ женщины!... Это она. Ради Бога, бѣги, спаса ее. Развѣ ты хочешь, чтобы татары наложили на не руки?

Въ самомъ дѣлѣ послышался крикъ женщины: нѣ сколько русскихъ солдатъ всунули уже головы в окошки дома и вглядывались, какою добычею выгод нѣе воспользоваться. Адольфъ, забывъ все на свѣтѣ поспѣшилъ, куда его призывали. Баронессу застал онъ на террасѣ, Луизу полумертвую несли на руках служители.

— Спаси дочь мою!—закричала баронесса Адольф умоляющимъ голосомъ, — поручаю ее тебѣ, сдаю н твои руки, какъ будущую твою супругу. Не остав ее; можетъ быть, завтра у ней не станетъ матери.

Луиза открыла глаза.

— Вотъ тебѣ мужъ,—продолжала Зегевольдъ, по цѣловавъ съ нѣжностію дочь.—Люби его, и будь сча стлива. Благословляю васъ теперь на этомъ мѣстѣ какъ бы я благословила васъ въ храмѣ Бога живого.

Луиза, пришедъ въ себя, хотѣла говорить, но н могла... Казалась, искала кого-то глазами, рыдая бро силась на грудь матери, потомъ на руки Бира, и увлеченная имъ и Адольфомъ, отнесена черезъ сад къ мельничной плотинѣ, гдѣ ожидала ихъ карета, за пряженная четырьмя бойкими лошадьми. Кое-какъ по садили въ нее Луизу; Адольфъ и Биръ сѣли по бокам ея. Экипажъ помчался по дорогѣ къ Пернову: онъ дол женъ былъ, гдѣ окажется возможность, поворотит въ Рингенъ, гдѣ по близости баронесса имѣла мызу.

Между тѣмъ у главнаго входа въ замокъ началос вновь сраженіе. Несмотря на то, что баронесса ма хала изъ окна платкомъ, давала знать, чтобы прекра тили неровный бой, и приказала выставить надъ до момъ флагъ въ знакъ покорности, Густавъ не хотѣл никого слушаться, не сдавался въ плѣнъ съ ничтож

імъ отрядомъ своимъ и, казалось, искалъ смерти. аненый въ плечо и ногу, онъ не чувствовалъ боли. очти всѣ товарищи его пали или сдались. Наконецъ, ъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими, которые, къ замѣтно было, старались взять его въ плѣнъ, ерегая его жизнь. Командовавшій ими офицеръ проался къ нему съ словами любви и мира. Густавъ чему не внималъ: отчаяннымъ ударомъ палаша выілъ онъ шпагу изъ рукъ его, худо приготовившагося.

— Густавъ! — закричалъ русскій офицеръ, — имемъ Луизы остановись. (Будто околдованный этими овами, Густавъ опустилъ руку). Видишь, храбрые ои товарищи сдаются въ плѣнъ.

— Именемъ ея бери и меня,—вскричалъ Густавъ, осивъ свой палашъ. — Не спрашиваю, кто ты: что ѣ нужды до того! Ты долженъ быть Паткуль; но не Паткулю сдаюсь! Теперь влеки меня за собою Московію, на край свѣта, куда хочешь: я твой ѣнникъ!

Паткуль спѣшилъ его успокоить, сколько позволяли стоятельства, и, зная, какъ тяжело было бы неастному Густаву оставаться въ Гельметѣ, велѣлъ править его подъ вѣрнымъ прикрытіемъ на мызу на Блументроста, гдѣ онъ могъ найти утѣшеніе добыхъ людей и попеченіе хорошаго медика. Самъ же правился къ баронессѣ, чтобы по формѣ принять ъ собственныхъ рукъ ея ключи Гельмета.

— Вы приготовили мнѣ квартиру слишкомъ высо и слишкомъ воздушную; признаюсь вамъ, боюсь ловокруженія, — сказалъ Паткуль дипломаткѣ, вступивъ съ многочисленною свитою въ комнату, гдѣ она кидала его.—Но я не пришелъ мстить вамъ за вашу смѣшку; я пришелъ только выполнить слово русаго генерала, назначившаго въ вашемъ домѣ свою артиру на нынѣшній и завтрашній день, и еще, —

прибавилъ онъ съ усмѣшкою, — выполнить обѣщаніе доктора Зибенбюргера, доставить къ вамъ Паткуля живьемъ. Кажется, я точенъ. Слишкомъ постыдно мнѣ было бы мстить женщинѣ; я веду войну съ королемъ вашимъ и съ нимъ только хочу имѣть дѣло.

Баронесса, преклонивъ голову, отвѣчала съ притворнымъ смиреніемъ:

— Ввѣряю свою участь и участь Гельмета великодушію побѣдителя.

— Будьте спокойны, — сказалъ Паткуль; потомъ присовокупилъ по-французски, обратившись къ офицеру, стоявшему въ уважительномъ положеніи недалеко отъ него, и указавъ ему на солдатъ, вломившихся было въ домъ,—г. полковникъ Дюмонъ! разсѣйте эту сволочь, и поставьте у всѣхъ входовъ стражу съ крѣпкимъ наказомъ, что за малѣйшую обиду, кому бы то ни было изъ обитателей Гельмета, мнѣ будутъ отвѣчать головою. Помнить, что почтеннѣйшая баронесса не переставала быть хозяйкою дома и что здѣсь моя квартира! Я увѣренъ, что вы успокоите дамъ съ тѣмъ благородствомъ, которое вашей націи и особенно вамъ такъ сродно.

Дюмонъ поспѣшилъ было исполнить волю своего начальника; но Паткуль, остановивъ его, сказалъ ему по-русски:

— Не забудьте, полковникъ, что мы имѣемъ дѣло не съ женщиною, а съ бѣсомъ. Хозяйка въ необыкновенномъ духѣ смиренія: это худой знакъ! Прикажите, какъ можно, быть осторожнѣе и не дремать!

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, великодушіе Паткуля побѣдило, и вражда забыта. Вскорѣ завязался между ними разговоръ живой и остроумный; слушая ихъ, можно было думать, что они продолжаютъ вчерашнюю бесѣду, такъ нечаянно прерванную. Давъ пищу уму, не заставили и желудокъ голодать; кстати и

ѣдъ вчерашній пригодился. Сытно ѣли, хорошо за-
ивали, обѣщались также отдохнуть и пожалѣли, что
здный генералъ-вахтмейстеръ, любившій лакомый ку-
окъ и доброе вино, началъ и кончилъ свои дѣла на
ощакъ. Этому замѣчанію всѣхъ болѣе смѣялась ба-
онесса.

— За то вы, генералъ,—говорила она Паткулю,—
сполнили обѣтъ нашего пилигрима, захромавшаго на
ути къ хорошему столу и къ храму славы: вамъ, ко-
ечно, сладко будетъ и уснуть на миртахъ и лаврахъ.

За столомъ, подлѣ Паткуля, сидѣли съ одной сто-
оны хозяйка, съ другой—Аделаида Горнгаузенъ. По-
лѣдняя видимо искала этого почетнаго мѣста. Побѣ-
ивъ свою сентиментальную робость, она рѣшилась,
о что бы ни стало, вручить своему сосѣду роковое
осланіе, потому что начинало смеркаться и день
скользалъ, можетъ быть, съ ея счастіемъ. Паткуль
амѣтилъ ея особенное къ нему вниманіе, слышалъ
аже, что его легонько толкало женское колѣно, что
а ногу его наступила ножка.

«Чѣмъ не шутитъ чортъ, превратясь въ амура!—
умалъ онъ. — Сосѣдка ведетъ на меня аттаку по
ормѣ. А, га! да вотъ и цидулка пала ко мнѣ въ руку.
онечно, назначеніе мѣста свиданія!»

— Будетъ прекрасный вечеръ!—сказала баронесса.

— Да,—отвѣчалъ Паткуль, обернувшись къ окну,
удто разсматривая небесныя свѣтила, — звѣзда любви
осходитъ, отогнавъ отъ себя всѣ облака. Она сулитъ
амъ удовольствіе; но признаюсь вамъ, пріятнѣе на-
аждаться ея свѣтомъ изъ своей комнаты, нежели
одъ открытымъ небомъ, въ нынѣшнія росистыя ночи.

Аделаида покраснѣла. Паткуль началъ особенно
обезничать съ ней; но, къ удивленію его, сосѣдка
ругъ обернула листъ.

— Знаете-ли вы Илью Муромца?—спросила она.

Это роковое имя, этотъ пароль, извѣстный только преданнѣйшимъ его агентамъ, обдалъ его холодомъ. Куда дѣвалось его остроуміе? До окончаніи стола онъ сидѣлъ, какъ на иглахъ. Загадка разрѣшилась послѣ обѣда, когда онъ, удалясь въ другую комнату, развернулъ врученную ему такъ осторожно записку и прочелъ въ ней предостереженіе Ильзы. Какъ обязательно умѣлъ онъ отблагодарить Аделаиду! При ней же тотчасъ послано было за карломъ Шереметева.

— Еще разъ спасенъ я отъ погибели! — говорилъ онъ наединѣ Дюмону.—Этому нельзя иначе быть: часъ мой не приспѣлъ! — Знаете-ли, полковникъ, — продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ, показывая ему ладонь правой руки своей,—знаете-ли, что судьба моя здѣсь давно прочитана мнѣ однимъ астрологомъ такъ ясно, какъ мы читаемъ дороги на ландкартахъ? Вы смѣетесь! Вѣрьте, что я не шутя говорю. Надо только быть посвящену въ астрологическія тайны, чтобъ умѣть различать бредни отъ истины. Вотъ, напримѣръ, какъ не смѣяться было мнѣ предсказанію прусскаго тайнаго совѣтника Ильгена, который по моей ладони пророчилъ мнѣ насильственную смерть!... Знаю, звѣзда моя должна пасть, но не здѣсь, въ Лифляндіи. Видите черточки: одна, двѣ, три, четыре, пять... потомъ сближеніе двухъ вѣнцовъ, и наконецъ... Но что будетъ, то будетъ! По крайней мѣрѣ, я поживу довольно, чтобы отмстить Карлу и не умереть въ исторіи.

Съ трудомъ могъ Дюмонъ повѣрить, чтобы Паткуль, хитрый, благоразумный дипломатъ, храбрый полководецъ, и человѣкъ просвѣщенный, могъ до такой степени запутать свой разсудокъ въ астрологическихъ бредняхъ; но, какъ вѣжливый французъ, согласился съ нимъ, наконецъ, что астрологія есть наука, напрасно пренебрегаемая людьми новаго вѣка.

Допросили молодого служителя, который за будущія заслуги успѣлъ только сдѣлаться мужемъ пригожей Лотхенъ; грозили увезть его подругу въ Московію, если онъ не откроетъ заговора. Чего не выпытали бы тѣлесныя муки, то высказала любовь. Въ самую полночь, когда всѣ улеглись бы спать, баронесса должна была по веревочной лѣстницѣ спуститься изъ окна, бѣжать черезъ садъ, тамъ переодѣться крестьяниномъ и подъ этимъ видомъ достигнуть ближайшей рощи, гдѣ долженъ былъ ожидать ее проводникъ съ надежнымъ конемъ; между тѣмъ огонь, по проведенной непримѣтно пороховой дорожкѣ, пробѣжавъ сквозь разбитое въ подвалѣ окно, коснулся бы нѣсколькихъ боченковъ съ порохомъ. Изъ рощи баронесса видѣла бы взрывъ дома и свое торжество. Хороши расчеты, но не человѣческіе!

Разумѣется, что счастливымъ соперникомъ ея приняты были всѣ мѣры къ уничтоженію этого замысла; но дипломаткѣ не показывали, что тайна открыта. Русскіе офицеры, собравшіеся въ замкѣ, и хозяйка его, какъ давно знакомые, какъ пріятели, бесѣдовали и шутили по прежнему. Къ умноженію общаго веселія, прибылъ карла Шереметева. Съ приходомъ его, въ глазахъ Аделаиды все закружилось и запрыгало: она сама дрожала отъ страха и чувства близкаго счастія.

— Туда ли я попалъ, братцы? — сказалъ карла, кланяясь умильно и важно на всѣ стороны, — меня звали въ главную квартиру генерала русскаго, а здѣсь, эге! вижу я, одинъ иностранецъ между вами. Не мигай мнѣ, Иванъ Ринальдовичъ, на молодицъ: дескать, забылъ ты нѣмецкое учтивство. Понабрались и мы его, около нѣмцевъ-русскихъ и русскихъ-нѣмцевъ съ утра до ночи! О! мы знаемъ политику: умѣемъ не хуже каспадина обриста фонъ-Верденъ улизнуть на-

задъ, когда жарконько бываетъ въ иной часъ; за то на прикладъ въ такихъ хоромцахъ, гдѣ есть фрау фонъ и фрейлейнъ фонъ, постоимъ за себя.

Здѣсь карла охорошился, поправилъ свой парикъ, расшаркался, и, какъ вѣжливый кавалеръ, подошелъ къ рукѣ баронессы и потомъ Аделаиды. Первая отъ души смѣялась, смотря на эту чудную и, какъ видно было по глазамъ его, умную фигуру, и охотно сама его поцѣловала въ лобъ; вторая, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, задержала его и, краснѣя отъ стыда, который, однакожъ, побѣждало въ ней желаніе счастія, полегоньку начала увлекать его въ другую комнату; онъ — выпутываться изъ рукъ ея; она — еще болѣе его удерживать.

— Что ты дѣлаешь?—спросила съ сердцемъ баронесса.

— Мнѣ нужно сказать ему слово, — отвѣчала рѣшительно Аделаида, боявшаяся упустить въ карлѣ свою судьбу.

— Барышня желаетъ поговорить съ тобою въ другой комнатѣ.—сказалъ Паткуль по-русски,—невѣжливо не исполнить ея желанія.

Со страхомъ пополамъ рѣшился Голіаѳъ отдаться въ плѣнъ своей Цирцеѣ, которая, осторожно притворивъ за собою дверь и не выпуская его изъ рукъ, сѣла на кресла и посадила его къ себѣ на колѣна.

— Покуда не худо!—говорилъ карла, покачиваясь на колѣнахъ Аделаиды,—что-то будетъ далѣе? Жаль, что коню не по зубамъ кормъ.

Сначала все шло хорошо. Аделаида упрашивала, умоляла его жалобнымъ голосомъ, чтобы онъ отпустилъ къ ней ея суженаго, цѣловала его съ нѣжностію, цѣловала даже его руки; но когда увидѣла, что лукавый карла не хотѣлъ понимать этихъ краснорѣчивыхъ выраженій и не думалъ выполнить волю благодѣтель-

ной волшебницы, тогда, озлобясь, она рѣшительно стала требовать у него жениха фонъ-Вердена, щекотала, щипала малютку немилосердно. Бѣдный мученикъ защищался, сколько могъ, но потомъ, выбившись изъ силъ, началъ кричить не на шутку, и когда на крикъ его отворили дверь, возопилъ жалобнымъ голосомъ.

— Помогите, родные мои, помогите! Спросите эту русалку, чего она хочетъ? Уфъ! она меня замучила, защекотала, защипала. Батюшки мои! да, видно, въ здѣшнемъ краю нѣтъ вовсе мужчинъ. Пошлите хоть за Верденомъ, котораго она то и дѣло поминаетъ: малый дюжій, ражій, не мнѣ чета!

Всѣ, не выключая баронессы, хохотали до слезъ, смотря на эту сцену. (За тайну было объявлено многимъ изъ присутствовавшихъ, что воспитанница ея, помѣшана на карлахъ, рыцаряхъ и волшебницахъ).

Комедія была искусно приготовлена. Доложили о прибытіи фонъ-Вердена, и сцена перемѣнилась. При этомъ магическомъ словѣ карла былъ выпущенъ изъ плѣна, и Аделаида поспѣшила исправить свой туалетъ, нѣсколько поизмятый упорствомъ Голіаѳа. Между тѣмъ Паткуль вытвердилъ фонъ-Вердену его роль. Но кто бы ожидать могъ? При появленіи отрасли 7-го лифляндскаго гермейстера, у нашего Марса разгорѣлись глаза, какъ у кота на лакомый кусокъ. Онъ признался, что никто не *приходилъ* ему такъ *по нраву* и что онъ непремѣнно завтра же возьметъ ее къ себѣ въ обозъ.

— Помните, господинъ полковникъ!—сказалъ Паткуль,—она хотя и дальняя мнѣ родственница, но все-таки родственница, и вы не иначе получите ее, какъ въ церкви.

— А почему-жъ и не такъ, ваше превосходительство?—говорилъ фонъ-Верденъ, лорнируя глазомъ свою

красавицу,—почему-жъ и не такъ? Когда-нибудь мнѣ жениться надо; случай предстоитъ удобный: лучше теперь, чѣмъ позже, и тѣмъ лучше, что я вступаю въ родство вашего превосходительства.

Представили суженаго невѣстѣ. Жениху считали подъ 50; но онъ былъ свѣжъ, румянъ и статенъ, къ тому-жь оберстеръ, ждалъ съ часу на часъ генеральства, которое едва ли не равнялось съ контурствомъ; страдалъ, рѣзался за нее нѣсколько лѣтъ и, вѣроятно, отъ того и состарѣлся, что слишкомъ подвязался въ трудахъ за нее; вдобавокъ, оставленный съ Аделаидой наединѣ, объяснился ей въ любви съ колѣнопреклоненіемъ, какъ слѣдуетъ благородному рыцарю. Достоинства эти оцѣнены. Рыцарь осчастливленъ вздохомъ и признаніемъ по взаимной любви. Оставалось веселымъ пиркомъ, да и за свадебку; но Аделаида хотѣла еще испытать своего жениха, и не иначе рѣшилась идти съ нимъ въ храмъ Гименея, какъ тогда, когда Марсъ вложитъ мечъ въ ножны свои. Такая отсрочка, несносная, особенно для военнаго, который любитъ все дѣлать на маршѣ, пахнула зимнимъ холодомъ на счастливаго любовника, и съ этого рокового объявленія онъ уже только изъ угожденія своему начальнику игралъ роль страстнаго рыцаря.

— Теперь, — сказалъ Паткуль иронически, — мы отпразднуемъ сговоръ достойнымъ образомъ. Почтеннѣйшая хозяйка была такъ любезна, что приготовила намъ чудесный фейерверкъ. Мы не будемъ дожидаться полуночи, не допустимъ какого-нибудь слугу зажечь его; но, какъ военные, сами исполнимъ эту обязанность. — (Баронесса поблѣднѣла). — О! стоитъ его посмотрѣть; только издали эффектъ будетъ сильнѣе. Программа этой потѣхи: здѣшній замокъ и съ нимъ вашъ покорнѣйшій слуга на воздухъ.

— Господинъ генералъ-кригскомисаръ! я только те-

перь признаю васъ такимъ,—произнесла баронесса съ видимымъ смиреніемъ, — вы побѣдили меня. Горжусь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что, имѣвъ дѣло съ могучимъ Царемъ Алексѣевичемъ и умнѣйшимъ министромъ нашего вѣка, едва не разрушила побѣдъ одного и смѣлой политики другого. Надѣюсь, что для изображенія этой борьбы исторія удѣлитъ одну страничку лифляндкѣ Зегевольдъ.

— Покуда скажу вамъ, госпожа баронесса, что сорокѣ не идетъ мѣшаться тамъ, гдѣ дерутся коршуны. Впрочемъ будьте спокойны. Паткулю постыдно мстить женщинѣ. Это самое избавляетъ васъ отъ качель, которыя мнѣ приготовили. Какъ бы то ни было, дѣло кончено. Въ доказательство же искренняго къ вамъ расположенія, предлагаю вамъ немедленно выѣхать изъ Гельмета и взять съ собою кого и что почтете нужнымъ. Охранная стража проводитъ васъ до черты, нами незанятой. Предупреждаю васъ, что завтра утромъ замокъ вашъ будетъ разграбленъ: добыча эта принадлежитъ солдату по праву побѣды.

Можно догадаться, что баронесса воспользовалась такимъ великодушнымъ предложеніемъ, давъ себѣ слово не мѣшаться впредь ни въ какія политическія дѣла.

Черезъ часъ послѣ ея отъѣзда все уже спало въ замкѣ; только одни усталые русскіе стражи перекликались по временамъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя вчера еще охраняли нѣмцы и латыши. Такъ все на свѣтѣ смѣняется: великіе и малые входятъ въ него только на часовой караулъ. Все спало, сказалъ я; свѣтъ мѣсяца, пригвожденнаго къ голубому небу, какъ серебряный Оссіановъ щитъ, переливался на волнующейся жатвѣ и зелени луговъ, охрусталенной густою росой; но вскорѣ и мѣсяцъ, казалось, утратилъ свой блескъ. Новый, красноватый свѣтъ разлился по землѣ и кругомъ небосклона встали огненные столбы: это были

зарева пожаровъ. Изъ тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленныхъ, лишенныхъ крова и тысячами забираемыхъ въ плѣнъ. Таковъ былъ еще способъ русскихъ воевать, или, лучше сказать, такова была политика ихъ, дѣлавшая изъ завоеваннаго края степь, чтобы лишить въ немъ непріятеля средствъ содержать себя— жестокая политика, извиняемая только временемъ!

— Подожди еще горѣть ты, Рингенъ! подожди, пока месть Елисаветы Трейманъ не погуляла въ тебѣ!— говорила Ильза, приближаясь вторично въ одинъ и тотъ же день къ Гельмету.

По утру она была пѣшая, теперь катила на своей походной телѣжкѣ, далеко упреждавшей о себѣ стукомъ по битой дорогѣ. Стражи окликнули маркитантшу; но, узнавъ любимицу свою, тотчасъ ее пропустили и доложили ей именемъ Мурзенки, что онъ, взявъ проводника, поскакалъ опустошать окрестные замки и что къ утру ждетъ ее въ Рингенѣ.

Въ виду стояла хижина бабки Ганны. Отправляясь въ походъ противъ злѣйшаго своего врага, не проститься съ нею, можетъ быть, прощаніемъ вѣчнымъ, почитала она за грѣхъ. Вздумано, сдѣлано. Конь привязанъ къ кусту, маркитантша на порогѣ хижины. Дверь была отворена настежъ; зарево пожаровъ вмѣстѣ съ свѣтомъ мѣсяца освѣщало вполнѣ всѣ предметы. Ильза переступила порогъ. Все было тихо гробовою тишиной; хоть бы вздохъ или дыханіе соннаго отозвались жизнію! На кровати лежала Ганне; она смотрѣла въ оба глаза съ кровавыми полосами вмѣсто рѣсницъ, и улыбаясь, какъ будто хотѣла говорить: «Юргенъ, Юргенъ! не пора ли мнѣ къ тебѣ!» На лѣвомъ ея вискѣ было большое, темное пятно. Ильза подумала сначала, что это тѣнь, отбрасываемая съ потолка круглымъ предметомъ. Она подходитъ ближе, будитъ Ганну... но Ганне спитъ сномъ непробуднымъ. Она

беретъ ее за руку: рука—ледъ.—«Умереть ей когда-нибудь надо было,—говоритъ сама съ собою Ильза,—но черное пятно на вискѣ не тѣчь. Злодѣйская рука ее убила!...» Она смотритъ на полъ—роковой голышъ у кровати; оглядывается — вдоль стѣны виситъ Мартынъ... Посинѣлое лицо, подкатившіеся подъ лобъ глаза, рыжіе волосы, дыбомъ вставшіе,—все говоритъ о насильственной смерти. Крѣпкій сукъ воткнутъ въ стѣну, и къ нему привязана веревка. Нельзя сомнѣваться: онъ убилъ Ганну по какому-нибудь подозрѣнію и послѣ самъ удавился. Русскимъ не за-что губить старушку и мальчика, жившихъ въ нищенской хижинѣ.—«Сынъ разврата!» восклицаетъ ожесточенная Ильза, не проронивъ ни одной слезинки, потому что слезы подавлены были камнемъ, стоявшимъ у сердца ея: «ты умеръ настоящею своею смертью: тебѣ иначе и умереть не должно! Но зачѣмъ погубилъ ты эту несчастную?»

Она бѣжитъ на ближайшій пикетъ, беретъ изъ костра пылающую головню, упрашиваетъ трехъ солдатъ идти за нею. Солдаты ей повинуются; одинъ изъ нихъ беретъ головню въ руки.

— Видите-ли этого злодѣя?—сказала она, приведя ихъ въ хижину,—онъ убилъ свою бабку, и самъ удавился.

Солдаты, привыкшіе къ ужасамъ смерти, съ робостію отступили назадъ при видѣ мертвецовъ; но, вскорѣ ознакомившись съ этимъ зрѣлищемъ, подошли къ нимъ ближе.

— Чорту баранъ! — закричалъ одинъ, вглядываясь въ мальчика.

— А, да это знакомецъ! — прибавилъ второй со смѣхомъ, свѣтя головнею въ лицо удавленника и опаливая у него волосы, — вѣдашь, рыжій, бойкій мальчикъ, у котораго Удалый изъ 3-й роты отнялъ подлѣ

разломанной башни кувшинъ съ мѣшечкомъ, набитымъ серебряными копѣечками.

— Онъ и есть, — продолжалъ третій. — Диву дались, гдѣ онъ, окаянный, эку пропасть денегъ набралъ. Хоть бы у боярина нѣмецкаго столько поживиться. Этакой добычи Удалому спать было не выспать.

— И то правду сказать, перебилъ второй, — кабы мы съ тобой не пришли на помощь, изъѣлъ бы его мальчишка зубами; вишь и теперь скалитъ ихъ, будто хочетъ укусить. На, ѣшь собака!

Тутъ солдатъ ткнулъ головнею въ зубы мальчику.

Въ какомъ-то безумномъ молчаніи Ильза смотрѣла на старушку; но когда услышала, что солдаты ругаются надъ ея сыномъ, природное чувство не любви, нѣтъ! но крови пробудилось въ ней—и она оттолкнула рукой солдата, вооруженнаго головнею.

— Прочь!—онъ сынъ мой!—вскричала изступленная, вытащила клинъ, на которомъ висѣлъ удавленникъ, положила Мартына на землю, сбѣгала за своей телѣжкой и уложила его на нее.

— Куда-жъ везешь дитятку? — спросили солдаты.

— Къ отцу-сатанѣ въ гости!—отвѣчала она.—Теперь помогите мнѣ похоронить старушку. Пускай же домъ, въ которомъ она жила, будетъ и по смерти ея домомъ. Не доставайся жъ онъ никому въ наслѣдство.

Тутъ она просила солдатъ отнять два столбика, подпиравшіе крышу; желаніе ея было выполнено, и въ одинъ мигъ, вмѣсто хижины, остался только земляной безобразный холмъ, надъ которымъ кружился пыльный столбъ. Солдатамъ послышался запахъ сѣры; имъ чудилось, что кто-то закричалъ и застоналъ подъ землей—и они, творя молитву, спѣшили безъ оглядки на пикетъ.

Ильза, сѣвъ на свою лошадку и погнавъ ее по дорогѣ въ Рингенъ, запѣла протяжнымъ похороннымъ

напѣвомъ слѣдующую старинную пѣсню. Къ ней, по временамъ, примѣшивались вопли, разносимые вѣтромъ.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ.
Высылай на встрѣчу ты намъ
Кастеляна съ ключемъ,
Меченосца въ латахъ златыхъ,
Пажа, несъ чтобъ привѣтъ.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ вь гости къ тебѣ.
Ты задай на славу намъ пиръ!
Вотъ какъ, скажутъ, баронъ
Угощаетъ сына, жену,
Столько лѣтъ не видавъ!

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ,
Ты поставь на столъ, у тебя
Что ни лучшаго есть:
Свое сердца въ жолчи, въ крови,
Очи милой своей.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ.

Двухколесная телѣжка шумѣла по битой дорогѣ; долго горѣло зарево пожаровъ; мѣсяцъ глядѣлъ въ открытыя очи мертвеца, и раздавался въ отдаленіи похоронный напѣвъ Ильзы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИГОВОРЪ

То было привидѣнье,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ адъ,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру!
Но мнѣ, съ мечомъ владыки моего,
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду, зоветъ побѣда!
Пусть на меня весь адъ вооружится:
Живъ Богъ—моя надежда не смутится!

„Орлеанск. Дѣва"—Перев. *Жуковскаго.*

Черезъ нѣсколько дней послѣ гуммельсгофской битвы, въ глухое ночное время, пробирались къ сторонѣ Менцена (русскими названнаго *Черною Мызою*) слѣпецъ и его товарищъ. Съ самой роковой побѣды русскихъ, избѣгая мести Шлиппенбаха, Вольдемаръ избиралъ это время для своего путешествія. Ночь была темная; но онъ зналъ хорошо мѣстность и не боялся заплутаться. Весело и легко шелъ онъ, ведя одною рукою своего спутника, другою помахивая узловатымъ, дубовымъ кистенемъ. Оставалось имъ до Менцена около полумили; но путь ихъ не туда былъ: за оврагомъ отдѣлялась отъ большой дороги тропинка въ лѣса. Тамъ, подъ густою сѣнью ихъ, въ бѣдной хижинѣ лѣсника, ожидало нашихъ странниковъ спокойное перепутье. Слѣдующій день долженъ былъ ихъ увидѣть на мызѣ г. Блументроста, близъ «долины мертвецовъ».

Слѣпецъ началъ пріостанавливаться.

— Что съ тобою?—заботливо спросилъ его младшій путникъ.

— Чудныя видѣнія обступили меня теперь,—отвѣчалъ Конрадъ. — Я видѣлъ край, доселѣ невѣдомый мнѣ. Каменная, зубчатая стѣна бѣлѣлась на берегу рѣки; за стѣною на горѣ разсыпаны были бѣлокаменныя палаты, съ большими крыльцами, съ теремами, съ башеньками, и множество храмовъ Божіихъ съ золотыми верхами въ видѣ пылающихъ сердецъ; на крестахъ ихъ теплился лучъ восходящаго солнца, а крыши горѣли, подобно латамъ рыцаря; въ храмахъ было зажжено множество свѣчей. Я слышалъ: въ нихъ пѣли что-то радостное; но то были пѣсни неземныя...

— Другъ!—сказалъ Вольдемаръ, пожимая товарищу руку,—ты видѣлъ мою родину.

При этомъ словѣ оба путника поникнули душою, какъ передъ святынею. Молчалъ благоговѣйно слѣпецъ; молчалъ младшій странникъ; слезы омочили его лицо, и сладостныя видѣнія друга перешли въ его сердце вмѣстѣ съ надеждой, залетною гостьею, еще никогда такъ крѣпко не ластившеюся къ нему.

Не замѣтилъ Вольдемаръ, какъ поднялась черная туча, какъ насунулась на нихъ. Сдѣлалась темь, хоть глазъ выколи. И слѣпой и зрячій видѣли почти равно: оба вели другъ друга, ощупывая дорогу ногами и посохомъ. Они подошли къ оврагу и почти сползли въ него. Вправо были кусты, въ нихъ мелькнулъ огонекъ, еще разъ мелькнулъ и скрылся; черныя тѣни ходили, поднимались и упадали.

«Что бы это значило?» — думалъ Вольдемаръ. — «Волкъ не сверкаетъ такъ глазами, ища добычи. Разбойниковъ не слыхалъ въ Лифляндіи. Можетъ быть, нечистые бродятъ въ полуночные часы?...»

Кровь у него потекла быстрѣе. Три раза перекре-

стился онъ, три раза прочелъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!..* и успокоился. Выбравшись изъ оврага, онъ невольно оглянулся. Чтожъ? Таинственный огонекъ показался опять, вышелъ изъ кустовъ въ оврагъ и слѣдилъ его. Вольдемаръ отъ него по тропѣ въ лѣсъ: онъ повернулъ за нимъ, но вдругъ на новомъ поворотѣ исчезъ. Безстрашный въ самыхъ трудныхъ и грозныхъ случаяхъ, когда имѣлъ дѣло съ живыми людьми, гусляръ оробѣлъ передъ духами, которые его преслѣдовали. Ему казалось, что его хватаютъ сзади за плеча, что его кличутъ; увлекая старца, онъ торопилъ свои шаги, нерѣдко спотыкался и читалъ про себя молитву.

Туча сдвинулась съ полнеба, звѣзды заискрились, предметы нѣсколько выступили изъ земли и входъ въ лѣсъ означился. Вольдемаръ съ трудомъ поворотилъ шею, сжатую страхомъ: нигдѣ ужь не видать было огонька. Члены его развязались, грудь освободилась отъ тяжести, на ней лежавшей; вѣтерокъ повѣялъ ему въ лицо прямо съ востока, и сердце его освѣжилось. Смѣло вошелъ онъ въ лѣсъ, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ хижинѣ лѣсничаго.

Дверь въ нее, по обыкновенію латышей, была отворена; лучина горѣла въ свѣтцѣ и тускло освѣщала внутренность дымной избы, зажигая по временамъ на воздухѣ сажу, падавшую съ закоптѣлаго потолка. Сквозь дымъ, разстилавшійся по избѣ, можно было еще различить доску на двухъ пняхъ, замѣнявшую столъ, на ней чашу съ какой-то похлебкою, тутъ же валяную бѣлую шапку и топоръ, по землѣ посуду, корыто для корма свиней, въ углу развалившуюся свинью съ семьей новорожденныхъ, а около стола самого хозяина латыша, вѣроятно только что пришедшаго съ ночного дозора, и жену его. Оба подпарились древностью лѣтъ, распущенными по плечамъ волосами,

свѣтлыми, на подобіе льна, и одеждою, столь нечистою, что можно было высѣчь изъ нея огонь, какъ изъ трута. Они прихлебывали изъ чаши и при отдыхахъ вели нехитрую рѣчь. Услышавъ, что вошли въ избу, старуха велѣла мужу *нишкнуть*, сняла лучину со свѣтца, обломала нагаръ, выставила ее впередъ и приложила лѣвую руку надъ глазами, чтобъ лучше видѣть.

— А! это *старшина!* [1]) — сказала она, вложивъ опять лучину въ свѣтецъ, и по прежнему стала вкушать отъ скромной трапезы и приправлять ее бесѣдою.

Хозяинъ едва кивнулъ вошедшимъ и, не заботясь о нихъ, продолжалъ хлопотать около чаши съ похлебкой.

Вольдемаръ усадилъ слѣпца на одной изъ скамей, прислоненной къ углу избы и самъ сѣлъ подлѣ него.

— Не слыхать-ли въ вашемъ краю солдатъ?—спросилъ онъ послѣ краткаго молчанія.

— *Avita Jumal, avita!* (Помилуй Господи, помилуй!)—отвѣчалъ латышъ, не поворачиваясь.—Давича, только-што солнышко пало, налетѣло *синихъ* на мызу и не вѣсть што словно весною рой жуковъ на сосну.

— Не видалъ-ли, откуда шли *синіе?*—съ безпокойствомъ спросилъ опять Вольдемаръ.

— Отколь? да, кажись, изъ *Аллуксне* [2]).

Вольдемаръ задумался. Онъ догадывался, что пришедшіе въ Менценъ шведы принадлежали отряду, вышедшему изъ Маріенбурга вслѣдствіе путешествія цейгмейстера Вульфа; онъ зналъ также, что русскій отрядъ долженъ былъ въ скорости явиться подъ Менценъ, чтобы не допустить крота возвратиться въ свою нору, и спросилъ крестьянина: «не слыхать-ли объ *зеленыхъ?*»

---

[1]) Такъ называютъ латыши тѣхъ, кого они уважаютъ.
[2]) Латышское названіе Маріенбурга.

Долго ждалъ онъ отвѣта. Латышу и разговоръ былъ въ тяжелый трудъ. Выручить его рѣшилась наконецъ, его нѣжная половина и вѣрная помощница.

— Чуть было намнясь,—сказала она, зѣвая и потягиваясь,—катали они съ синими чортовы шары. Съ того денечка ни гугу о нихъ, *братецъ*, будто мухи померли въ бабье лѣто.

— Не заходили-ль къ вамъ еще нечаянные гости?

— Въ потаенность тебѣ сказать,—продолжала хозяйка,—толкнулись къ намъ позавчера...

— Старуха, а старуха!—закричалъ латышъ,—повѣсь языкъ на палку.

— Бѣда не вѣсть какая!—продолжала супруга его, качая головой.—Чай мы отъ старшины не съ эсту-стадрянь видали. Не потачь, *братецъ*, вотъ видишь позавчера...

Въ стѣну застучали палкой и раздался со двора жалобный голосъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Будто кипяткомъ обдало сердце Вольдемара. Голосъ этотъ объяснилъ ему тотчасъ, кто былъ злой духъ, его недавно преслѣдовавшій; въ этомъ голосѣ прочелъ онъ цѣлую старинную повѣсть, которую несчастный хотѣлъ бы забыть навѣки.

— Ну, завывали, окаянные!—закричала старушка съ неудовольствіемъ; потомъ наклонившись назадъ къ младшему страннику, присовокупила шопотомъ:—Они-то и есть, мой родной, все о тебѣ поспрошали; видно, така луна нашла!

Не было зова новымъ гостямъ, не было и отказа; но безъ того и другого вошли они въ избу. Это были русскіе раскольники. Впереди брелъ сутуловатый старичекъ; въ глазахъ его изъ-подъ густыхъ, сѣдыхъ бровей просвѣчивала радость. За нимъ слѣдовалъ чер-

нецъ съ ужимками смиренія. Трое суровыхъ мужиковъ, при топорахъ и фонарѣ за поясомъ, остановились у двери.

Старичокъ, кряхтя, сѣлъ на пустую скамейку, прочиталъ шопотомъ молитву, потомъ, обшаривъ сверкающими, кровавыми глазами во всѣхъ углахъ, остановилъ ихъ съ ужасомъ на Вольдемарѣ, медленно, три раза перекрестился двуперстнымъ знаменіемъ и воскликнулъ:

— Съ нами крестная сила! Владиміръ! тебя-ли очи мои видятъ?

— Да, князь Андрей Мышитскій! — отвѣчалъ съ твердостію Владиміръ (такъ будемъ звать его съ этого времени),—наконецъ ты нашелъ свою жертву.

Андрей Денисовъ (ибо это онъ былъ) обратился къ своимъ спутникамъ. Въ одномъ изъ нихъ, чернецѣ, легко намъ узнать Авраама. Старикъ приказалъ имъ отойти нѣсколько отъ хижины, одному стать на стражѣ, другимъ отдохнуть, что немедленно и съ подобострастіемъ выполнили они, исключая Авраама, который возвратился прислушивать сквозь стѣну. Самъ хозяинъ, не заботясь о гостяхъ, ушелъ спать на житницу.

Опираясь на посохъ обѣими руками и на нихъ подбородкомъ, осѣненнымъ пушистою бородой, сидѣлъ слѣпецъ. Не зная, кто говорилъ съ его товарищемъ и не понимая языка ихъ, онъ, при звукахъ ихъ разговора, которому степени страстей давали различную силу, ловилъ для себя близкій смыслъ и вѣрные образы. Въ собесѣдникѣ своего друга видѣлъ онъ уродливаго, лукаваго старичишку съ рогами; постигалъ, что этотъ бѣсъ, хранитель тайны, располагавшей судьбою Владиміра, и потому страхъ, грусть и негодованіе попеременно отзывались на лицѣ святого старца, какъ на клавишахъ разнообразные звуки равно

печальной пѣсни. Товарищъ его хотѣлъ казаться твердымъ, однакожъ, замѣтно было, что въ прямой дубъ ударилъ громъ; онъ стоялъ еще прямо, но сожженный огнемъ небеснымъ, представлялъ только остовъ прежняго своего величія. Губы несчастнаго помертвѣли; багровыя пятна, подобныя тѣмъ, какія видимъ у чахоточныхъ, выступили на его щекахъ; глаза его горѣли тусклымъ пламенемъ: все въ немъ сказывало, что появленіе нечаяннаго гостя убило его надежды. Прямо противъ него сидѣлъ ересіархъ. По удовольствію, проницавшему въ глазахъ его сквозь оболочку сожалѣнія, видно было, что онъ поймалъ жертву, долгое время отъ него ускользавшую. Она въ сѣтяхъ его; трудно, можетъ быть, невозможно ей вырваться изъ нихъ: но лукавый показывалъ, чта она свободна и что отъ нея самой зависитъ быть зарѣзанной, или бѣлымъ свѣтомъ наслаждаться. Не о благѣ Владиміра хлопоталъ онъ, но о томъ, чтобы угодить своимъ страстямъ и отчасти своей покровительницѣ. Между тѣмъ онъ показывалъ, что счастію другихъ жертвуетъ собою. Андрей Денисовъ не простой раскольникъ. Изъ роду князей Мышитскихъ, наученный искусству краснорѣчія въ кіевской академіи и всѣмъ пріемамъ ухищренной политики при дворѣ коварной Софіи, которой былъ онъ достойнымъ любимцемъ, умѣвшій поставить себя на степень патріарха поморскихъ раскольниковъ, онъ зналъ очень хорошо, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому оправлялъ свое лицемѣріе, властолюбіе и вражду къ роду Нарышкиныхъ въ сладкую, витіеватую рѣчь, въ чувства любви, признательности и святости. Присоедините къ этой группѣ лицо хозяйки, на которомъ свѣтъ отъ горящей лучины озарялъ вполнѣ глупость, неудовлетворенное любопытство и по временамъ сожалѣніе о молодомъ странникѣ, повидимому обижаемомъ.

Нѣсколько времени съ сожалѣніемъ смотрѣлъ Андрей Денисовъ на Владиміра, наконецъ, покачавъ головой, произнесъ:

— Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ, гадать бы, не разгадать, чтобы моего питомца, того, который былъ нѣкогда золотою маковкою царевнина терема, зѣницу ока ея, отъ кого надрывались завистію боярскія дѣти, стольники, самъ Петръ, кому готовилъ я передать ключи выговскаго вертограда... чтобы его найти мнѣ въ курной латышской избѣ, въ сонмѣ нечестивыхъ, на одной веревочкѣ с слѣпымъ бродягою.

Андрей Денисовъ остановился, опять съ сожалѣніемъ долго осматривалъ Владиміра и продолжалъ;

— Помню еще, какъ ты, статный, гордый, красивый, бѣгалъ по теремамъ Софіи Алексѣевны. Словно теперь вижу, какъ ты стоялъ передъ ней на колѣнахъ, какъ она своей ручкой расчесывала кудри твои. О! какъ вилось тогда около нея вверхъ твое счастіе, будто молодой хмѣль около кіевской тополи! А теперь... худъ, состарѣлся, не доживъ вѣка... въ бусурманской одеждѣ, босъ... Господи! легче было-бъ мнѣ ослѣпнуть до дня сего. (Тутъ Денисовъ утеръ слезы, показавшіяся на его глазахъ).

Владиміръ молчалъ.

— Ты ничего не говоришь, сынъ мой?

— Пожалуй,—сказалъ Владиміръ съ усмѣшкою,— давай перекидываться вопросами. Такъ, въ свою очередь, скажи мнѣ, по какому случаю въ этой самой курной избѣ, въ нищенскомъ видѣ, въ образѣ отступника своего отечества и вѣры, съ какими-то разбойниками, встрѣчаю князя Мышитскаго, украшеніе кіевской академіи, сподвижника князей Хованскихъ и Милославскихъ, задушевнаго друга той же царевны, наконецъ, преподобнаго отца Андрея, свѣтильника поморской церкви и главу ея?

— Отступника? Съ разбойниками? Вотъ чѣмъ платятъ нынѣ тому, который на рукахъ своихъ принималъ тебя въ Божій міръ, отказался отъ степеней и чести, чтобы ухаживать за тобою! И я самъ не хуже твоего Бориса Шереметева умѣлъ бы ѣздить съ вершниками, не хуже его управлялъ бы ратнымъ дѣломъ, какъ нынѣ правлю словомъ Божіимъ; но предпочелъ быть пестуномъ сына...

— Что еще? Прибавь.

— Да, сына грѣха, говорю тебѣ, неблагодарный! Хороша за все награда!... Вотъ чему обучили тебя супостаты наши! Оголивъ, изуродовавъ твое обличіе, данное тебѣ по образу и подобію Іисуса Христа и Спасителя нашего, они въ то же время содрали съ души твоей все благолѣпіе, ее украшавшее. Оскорбляй меня, именуй меня чаще княземъ; ибо ты вѣдаешь, что мнѣ давно ненавистны лжеименныя почести міра сего, что я промѣнялъ ихъ на смиренное отшельничество и служеніе моему Господу и единому Владыкѣ. Пожалуй, назови меня княземъ ада! Называй разбойниками братьевъ о Господѣ, за то, что они носятъ орудія, которыя земному отцу Бога и Спаса нашего, Іосифу древодѣлателю, не были въ стыдъ. Ругайся надо мною; мечись, какъ василискъ, на грудь, согрѣвшую тебя отъ смерти тѣлесной и душевной: я открою тебѣ эту грудь. Все тебѣ прощаю. Чтожъ ты видишь меня здѣсь странникомъ, между латышскими псами и погаными нѣмцами, то знай, неблагодарный, для тебя покинулъ я паству, Христомъ мнѣ ввѣренную, этихъ агнцевъ Божіихъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ кровожаднаго волка, этотъ народъ православный, отдѣлившійся отъ народа развращеннаго. Я, владыка и братъ ихъ, старецъ глядящій въ гробъ, вмѣсто того, чтобы послѣдніе дни моей жизни провести въ молитвѣ и изготовиться ко дню предстоящаго намъ всѣмъ страш-

наго суда, — я таскаюсь по чужимъ землямъ, гдѣ на каждомъ шагу или встрѣчаютъ меня соблазны, укоризны и оскорбленія, или готовится мнѣ насильственная смерть. Чего бъ въ смиренной обители не видѣли очи мои въ полвѣка, на то долженъ я нынѣ взирать безпрестанно. Съ бусурманами, съ содомитянами, новщиками долженъ я нерѣдко вести бесѣду, служить имъ, угождать... и все это для того, чтобы возвратить на путь истины заблудшуюся овцу! Все это для тебя, неблагодарный!

— Неблагодарнымъ я и буду. Напрасны твои труды, твои подвиги и жертвы; я останусь, я хочу остаться при моемъ заблужденіи: оно для меня сладко, составляетъ мое счастіе, и я не промѣняю его ни какія блага, которыя ты мнѣ готовъ посулить и можешь дать. Узналъ я довольно хорошо твою истину. Она вооружила руку мою на злодѣяніе, привела меня подъ плаху, перебросила въ скитъ твой, гнѣздо заблужденія и невѣжества, и заставила двѣнадцать лѣтъ шататься изъ края въ край безроднымъ сиротою. Кто жъ, какъ не твоя истина довела меня до того состоянія, которымъ меня упрекаешь?... Не пришелъ-ли вложить снова въ руку мою ножъ, изъ нея выпавшій? Теперь, думаешь, эта рука, не отроческая, отвердѣла въ несчастіяхъ, искусилась въ дѣлахъ крови — не сдѣлаетъ промаха. На кого направляешь ее теперь? Гдѣ укажешь мнѣ жертву? Не опять-ли у алтаря Бога живого освятить ее? Посули опять плаху! Авось, не увернусь.

Андрей Денисовъ покачалъ головой, всталъ, посмотрѣлъ у двери, не видать-ли кого; но такъ какъ лукавый Авраамъ остереженный его походкою, успѣлъ завернуть за уголъ избы, то ересіархъ, успокоившись, что никто не услышитъ его бесѣды съ Владиміромъ, сѣлъ опять на свое мѣсто и продолжалъ:

— Не вмѣни ему, Господи, словесъ его въ прегрѣшеніе,—сказалъ онъ, возведя очи къ небу и перекрестясь, — *суетный* не вѣдаетъ, что говоритъ и что творитъ. До того еретики отуманили его разумъ и опутали душу его, что онъ забылъ все святое на землѣ. Отщепенецъ православной церкви, сообщникъ слугъ антихристовыхъ, онъ и благодарность и кровь топчетъ въ грязи. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» То, что онъ сдѣлалъ, что обязанъ былъ сдѣлать изъ любви и преданности къ своей законной царицѣ, благодѣтельницѣ, однимъ словомъ... второй матери своей, называетъ онъ злодѣйствомъ?

— Да, злодѣйствомъ и все-таки злодѣйствомъ, для кого бы я его ни сдѣлалъ. Неужели ты, князь Андрей Мышитскій, или просто, Андрей Денисовъ, думаешь говорить нынѣ съ отрокомъ и по прежнему медоточивыми устами отравлять его неопытную душу? Вспомни, что прошло много лѣтъ съ того времени, когда ты игралъ моими помыслами и сердцемъ, какъ мячикомъ, когда я слушалъ тебя, какъ безразсудное дитя. Вглядись-ка въ меня хорошенько: ты говоришь съ мужемъ, на головѣ моей проглядываютъ ужь сѣдины, я былъ въ школѣ несчастія, научился узнавать людей, и потому тебѣ просто скажу: я тебя знаю, ты обмануть меня не можешь. Оставь для другихъ свою хитросплетенную рѣчь. Говори просто: чего хочешь отъ меня?

— Спасти тебя, несмысленный, на зло тебѣ же, спасти твое тѣло отъ казни земной, а душу отъ вѣчнаго мученія.

Владиміръ съ горькою усмѣшкою перебилъ рѣчь Денисова:

— Благое же начало ты этому спасенію сдѣлалъ, пославъ своего *старца* въ станъ русскій подъ Новый-городокъ, съ подметнымъ письмомъ! Чего лучше? Въ

немъ обѣщалъ предать меня, обманщика, злодѣя, бѣглеца, прямо въ руки палача Томилы. Я копаю русскимъ яму; голову мою Шереметевъ купилъ бы цѣною золота; самъ царь дорого бы заплатилъ за нее! И за эту кровную услугу ты же требовалъ награды: не тревожить твоихъ домочадцевъ зарубежныхъ. То-ли самое писалъ ты тогда?

— То самое, — отвѣчалъ съ наружнымъ спокойствіемъ Андрей Денисовъ.

— Чтожъ ты говоришь теперь?

— То же самое хотѣлъ и сказать и теперь. Но прежде нежели я рѣшился погубить тебя, я послалъ къ тебѣ старца Аѳиногена, этого мученика, положившаго за Христа животъ свой.

— Скажи лучше: за свою бороду

— Что предлагалъ онъ тебѣ?

— То, чего не исполню никогда: возвратиться въ скитъ твой.

— Я и нынѣ пришелъ тебѣ то же предложить: вотъ путь къ твоему спасенію. А буде не послушаешь, я долженъ тебя извести: да, я долженъ тогда самъ, своими руками, предать ослѣпленнаго, *засуетившагося*, достойной казни. Одна строка твоему же Шереметеву—и ты пропалъ.

— А Богъ?...

Это слово, съ твердымъ упованіемъ выговоренное, смутило и пустосвята. Онъ старался освободиться отъ узъ, въ которыя сковало его это великое слово, сотворивъ обычную свою молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!»—молитву, разрѣшающую, по мнѣнію раскольниковъ, всѣ ихъ напасти. Потомъ, оправившись нѣсколько отъ своего смущенія, онъ присовокупилъ: — Прежде нежели вымолвлю твой приговоръ, спрошу тебя: кому ты служишь?

— Лукавый долженъ бы тебѣ это сказать.

— Неправда. Духъ, вразумляяй и старца и младенца, побораяй по вѣрнымъ своимъ, сказалъ мнѣ, кому ты служишь: вѣстимо, русскому воинству!

— Кому жъ иному можетъ служить русскій? «Изсуши Матерь Божія руку того, кто подниметъ ее на помощь врагамъ отечества! И ты, если любишь святую Русь, долженъ не губить меня, а помогать мнѣ.

Глаза ересіарха примѣтно разгорѣлись; возвысил голосъ, онъ перервалъ рѣчь Владиміра.

— Постой, дитятко мое, не такъ прытко. Служа русскому войску, не Петру-ли Нарышкину ты работаешь?... И мнѣ пособлять тебѣ? Мнѣ, цѣловавшему крестъ законной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; мнѣ, взысканному ея милостями и дружбою, православному христіанину, пойти въ работники къ погубителю царевны, къ матросу, табашнику, еретику?... Легче отсохни и моя правая рука, чтобъ я не могъ ею сотворить крестное знаменіе! Разорви лютымъ зеліемъ утробу мою! Чтобы меня въ смертный часъ, вмѣсто страшныхъ Христовыхъ Таинъ, напутствовалъ хохотъ сатаны!

— Только теперь узнаю въ тебѣ прежняго князя Мышитскаго, врага рода Нарышкиныхъ, друга Милославскихъ. Вотъ рѣчь, которая тебѣ пристала! Она твоя, не заемная. Давно бы такъ!

— Умирая, буду ее говорить. (Андрей отъ гнѣва трясся съ судорожнымъ движеніемъ). Изъ могилы подамъ голосъ, что я былъ врагъ Нарышкинымъ и другъ Милославскимъ не словомъ, а дѣломъ; что я въ царствѣ Петра основалъ свое царство, враждебное ему болѣе свейскаго; что эта вражда къ нему и роду его не умерла со мною и съ моимъ народомъ; что я засѣялъ ее глубоко отъ моря Ледовитаго до Хвалынскаго, отъ Сибири до Литвы, не на одно, на нѣсколько

десятковъ поколѣній. Знай и ты, радушный человѣкъ, жертвующій собою величію Петра Нарышкина, знай... (Денисовъ лукаво шепнулъ Владиміру какое-то слово).

— Нѣтъ, нѣтъ, ты смущаешь меня! — повторилъ Владиміръ, въ недоумѣніи связывая въ умѣ своемъ разныя догадки.—Какимъ образомъ Кропотовъ въ родствѣ съ нимъ?... Я этого никогда не слыхалъ.

— Въ тебѣ Кропотова нѣтъ ни капли крови.

— Для чегожъ мнѣ въ дѣтствѣ сказывали за тайну, что я сынъ какого-то боярина Кропотова? На чтожъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и ты самъ мнѣ объ этомъ нерѣдко напоминали?

— Такъ надо было. Открою тебѣ болѣе: ты родился почти въ одинъ часъ съ сыномъ Кропотова; ловкая бабка подмѣнила его тобою; онъ отвезенъ въ выговскій скитъ, тамъ воспитанъ, и, если хочешь знать, это тотъ самый молодой чернецъ, Владиміръ, по прозванію Дѣвственникъ.

— Этотъ агнецъ, эта непорочная душа, которая ничего не знаетъ, никого не любитъ, кромѣ Бога? Можетъ-ли статься?.. Потомъ что?

— Ты слылъ года два сыномъ Кропотова; потомъ мнимый отецъ уступилъ тебя князю Василію съ тѣмъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ; ты росъ богатырски: тебѣ придали слишкомъ 2 года. Человѣка два тайно провѣдали все это и подъ клятвою разсказали за тайну Нарышкинымъ; ложь пошла за истину. Сами Нарышкины, по любви къ Кропотову, выдавали тебя за сироту, издалека вывезеннаго; а всего этого мы и домогались.

— Для чегожъ вся эта кутерьма?

— Нужно было вывесть тебя въ люди и скрыть грѣхъ...

— Поэтому я сынъ?...

— Беззаконія.

— Сынъ беззаконія?... Какъ это любо!... Порадодовалъ ты меня! Сынъ преступленія?... Эка честь! эка благодать!... Ну, пестунъ мой, скажи же ты мнѣ, какъ я попалъ къ царевнѣ?

— Царевна Софія Алексѣевна, съ малолѣтства подруга твоей матери, взяла тебя на свои руки, когда тебѣ минуло десятокъ лѣтъ. Какъ она тебя любила, ты самъ знаешь.

— Да, стоило царевнѣ заботиться о такомъ поганомъ сѣмени; лучше бы втоптать его въ грязь, откуда оно вышло! И тебѣ пришла же охота повивать грѣхъ, ухаживать за нимъ, чтобы онъ выросъ на погубу чужую, свою, твою собственную! Ты бы...

— Я другъ Милославскихъ, преданный моей благодѣтельницѣ, моей царевнѣ... я болѣе...—присовокупилъ съ притворнымъ участіемъ и любовію Андрей Денисовъ.

— Не говори, не говори мнѣ ничего, старикъ, — вскричалъ Владиміръ, дрожа отъ изступленія. — Не искушай меня!... Или — нѣтъ, благодѣтель мой, утѣшитель, порадуй меня еще отвѣтомъ на одинъ вопросъ, — только одинъ вопросъ: кто родившая меня?

— На этомъ свѣтѣ ты этого не узнаешь.

— По крайней мѣрѣ, жива-ли она еще?

— Жива, и бѣдствуетъ.

— Видно такъ, какъ и я. Несчастная мать несчастнаго сына!... Впрочемъ, такъ и быть должно: грѣхомъ порожденъ грѣхъ, чтожъ можетъ произойти кромѣ зла?—Кто жъ виною ея бѣдствій?

— Петръ Нарышкинъ.

— Царь Петръ?... (Послѣ минуты задумчивости). Такъ онъ погубилъ ее?

— Онъ.

— Правду-ли говоришь?

— Покарай меня Всемогущій Богъ и Его небесныя силы, коли я говорю тебѣ ложь!

— Отъ сего часа бросаю все. Иду, слѣдую за тобою. Скажи, что мнѣ надобно дѣлать? Клянусь, что пойду за тобою, какъ ребенокъ за кормилицею своею, какъ струя за потокомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я не клянусь; я не клялся еще... Ты сказалъ мнѣ, что я на этомъ свѣтѣ не узнаю имени матери и никогда ее не увижу?

— Никогда.

— Какъ блестятъ маковицы церквей твоей родины,—произнесъ слѣпецъ по-шведски вдохновеннымъ голосомъ, — въ храмѣ пылаютъ тысячи огней; двери растворяются, и пастырь выходитъ съ крестомъ на встрѣчу молодому страннику.

Владиміръ затрепеталъ.

— Что говоритъ этотъ сумасшедшій? — спросилъ ересіархъ, боявшійся, чтобы жертва, которую онъ загналъ въ свои сѣти, не вырвалась изъ нихъ; ибо онъ догадывался, что слѣпецъ въ чемъ-то остерегалъ Владиміра.

— Что онъ говоритъ?... отвѣчалъ гордо и съ чувствомъ Владиміръ, — тебѣ этого не понять, черствый старикъ! Я не иду за тобою, искуситель; я не слушаю тебя. Что мнѣ въ матери, которая отрекается отъ сына, не хочетъ знать его, не хочетъ его видѣть? Волчица не покидаетъ дѣтей своихъ, а моя?... Нѣтъ у меня матери нынѣ, какъ и вчера; забытый родомъ и племенемъ, я самъ забуду ихъ. И что мнѣ помнить, что мнѣ любить?... Развѣ слова матери, отца — звуки языка непонятнаго, тѣни невиданныхъ вещей? Отступись отъ меня; оставь меня моей судьбѣ, отецъ Андрей! Сжалься надо мною! не загораживай мнѣ пути къ моему счастію; не отнимай у меня того, чего ты мнѣ не далъ, чего не можешь дать — что уже мое! Прошу тебя, умоляю тебя Пречистою Божьею Матерью, Хри-

стомъ, распятымъ на крестѣ — скажи мнѣ, какъ просить тебя — ты знаешь, я ни передъ кѣмъ въ жизнь мою не падалъ въ ноги — пожалуй, я упаду передъ тобою!...

— Я не допущу до того тебя. Чѣмъ могу тебѣ помочь?

— Не препятствуй мнѣ быть на родинѣ

— На родинѣ? Тебѣ?... Тебѣ не видать родины!

— Не видать!... Кто это сказалъ?—вскричалъ Владиміръ голосомъ, отъ котораго задрожали стѣны, и вскочилъ со скамейки, будто готовился вступить въ бой съ враждебными ему силами.—Кто это говоритъ: не видать? А?... Господь Богъ мой, стань за меня и посрами моихъ враговъ.

— Не призывай имени Господа твоего всуе, не бѣснуйся и прочти лучше вотъ эту грамату: ты увидишь изъ нея, что я долженъ съ тобою сдѣлать.

Андрей Денисовъ вынулъ изъ пазухи кожаную сумочку и изъ нея сложенную бумагу, которую подалъ Владиміру. Дрожащими руками послѣдній схватилъ листокъ и, взглянувъ на подпись его, произнесъ съ восторгомъ и горестію:

— Рука царевны Софіи Алексѣевны!

— Да,—примолвилъ вздохнувъ лукавый старикъ:— бывшей царевны, нынѣ инокини Сусанны!

Глаза Владиміра остановились на подписи. Равнодушный къ имени Софіи въ устахъ коварнаге старца, онъ теперь приложился устами къ этому имени, начертанному ея собственной рукой. Какъ часто эта рука ласкала его!... Тысячи сладкихъ воспоминаній втѣснились въ его душу; долго, очень долго вилась цвѣточная цѣпь ихъ, пока, наконецъ, не оборвалась на памяти ужаснаго злодѣянія?... Здѣсь онъ, какъ бы опомнившись, повелъ ладонью по горѣвшему лбу и произнесъ съ ужасомъ!

— Чего она хочетъ отъ меня?

— Твоего спасенія, непокорное, но все еще дорогое ей дитя! — отвѣчалъ ересіархъ, — и меня избрала она твоимъ спасителемъ. Увидишь самъ изъ граматы.

Листокъ бумаги, который держалъ Владиміръ, былъ слѣдующаго содержанія:

«Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивому господину, киновіарху Выговской пустыни, пречестному и возлюбленному отцу Андрею кланяюсь: временно и вѣчно ему радоваться и долгоденственно свѣтить міру, съ вѣрными всякаго возраста и званія, не токмо въ Поморіи, но и во всей Россіи пребывающими.

«А про насъ изволите о Христѣ любовно вѣдать, и мы, далъ Богъ, въ добромъ здравіи въ обители пребываемъ.

«Писаніе ваше чрезъ старца Митрофана, Большой носъ, получили вѣрно. И мы, прочитавъ то ваше писаніе, не мало слезъ пролили. О коль печаль внезапная и скорбь великая, что мой возлюбленный, мой Яковъ, появился въ Лифляндахъ, связался съ злодѣями и, подслуживаясь имъ, ищетъ пути въ отечество! Въ какой глубины преисполненный неводъ рыба сія мечется! Мой злобствующій братъ и врагъ можетъ-ли вѣдать прощеніе? Сердце его поворотится-ли на милость къ тому, кого я любила и все люблю такъ много?... Скорѣе обратится солнце вспять. Казнь, отъ коей я его спасла, ожидаетъ его неминуемо. О! кабы я могла сказать Владиміру изустно, что для него нѣту родины, какъ для меня нѣту вѣнца и царства! Злодѣй насъ всего лишилъ. Во что ни стало, молимъ тебя, преподобный отецъ и другъ нашъ, отыщи его, изжени изъ него всякъ лукавый и нечистый духъ, явный и гнѣздящійся въ сердцѣ; повѣдай ему, что для него нѣтъ родины; убѣди его идти въ Выговскую пустынь, сіе

спасительное и крѣпкое пристанище, гдѣ онъ можетъ, по смерти равноапостольнаго житіями чина пастыря, пасти на евангельскихъ и отеческихъ пажитяхъ избраннѣйшее Христово стадо. Отъ имени моего накажи ему сіе по любви и по власти; а буде онъ явится противенъ, проклятіе мое надъ его главою. Сами вы тогда судъ пріимите и сотворите съ нимъ, что разсудишь, не жалѣя... (Здѣсь нѣсколько строкъ было зачеркнено).

«Ежели бы сердечнаго сокровища ключи, кромѣ Бога, въ человѣческихъ рукахъ обрѣтались, тогда бы тебѣ, о священная глава, и братіи твоей и совокупно всѣмъ вѣрнымъ, въ отверстыхъ для васъ персяхъ моихъ возможно было прочитать, какую къ вамъ любовь денно и нощно питаю. Во свидѣтельство же сей любви... (здѣсь опять нѣсколько словъ было помарано) понеже благочестіе церковное любить благолѣпіе.

«За симъ будете вы покровенни десницею вышняго Бога отъ всякаго искушенія вражія до конца житія своего. Спасайтеся всѣ о Христе въ любви; бодрствуйте, укрѣпляйтеся, подвизайтеся, и тако тецыте, да постигнете. Сіе оканчивая, пребываю грѣшная о васъ молитвенница, недостойная сестра Сусанна».

Долго, въ угрюмомъ молчаніи, держалъ Владиміръ прочитанное имъ письмо Софіи Алексѣевны. То представлялись ему счастливые дни его отрочества и материнская любовь Софіи; то чудилось ему его преступленіе; то волновало его душу сожалѣніе о слѣпцѣ, или манила къ себѣ родина, къ которой, ему казалось, онъ былъ такъ близокъ. Еслибъ говорила въ письмѣ одна любовь, то онъ, можетъ быть, склонился бы на убѣжденіе ея. Но онъ читалъ въ немъ угрозы, проклятія, — и для нетерпѣливой гордой души его, необычной носить ярмо, довольно было этого, чтобы ее раздражить.

— Чтожъ ты намѣренъ дѣлать? — спросилъ Дени-

совъ.—Рѣшайся: или теперь же за мною, или ступай съ проклятіями своей второй матери подъ плаху палача.

— Я давно рѣшился, — отвѣчалъ съ твердостію Владиміръ.—Прежде чѣмъ проклятія царевны гремѣли надо мною, я поклялся умереть на родной землѣ. Пиши объ этомъ инокинѣ Сусаннѣ. Скажи ей, что милости Софіи Алексѣевны къ сиротѣ для меня незабвенны и дороги; что я лобызаю ея руки, обливаю ихъ горячими слезами; что я ей преданъ по гробъ, но... ее не послушаюсь! Твои жъ угрозы меня не устрашатъ. Ты долженъ бы знать меня лучше. Я самъ явлюсь въ станъ русскій, явлюсь къ Шереметеву, и тогда увидишь, кому Богъ поможетъ. Онъ станетъ за меня, Богъ сильный!

— Такъ ни прошеніе, ни убѣжденія ничего не могли надъ тобою, непреклонная душа?

— Ничего.

— Знай же, я могу тебѣ приказать.

Владиміръ съ презрительною усмѣшкою посмотрѣлъ на Денисова и произнесъ:

— Ты?... Когда не могла ничего просьба самой царевны?... ты, дрянной старичишка?...

Эта усмѣшка, эти слова взорвали все бренное существо властолюбиваго старика; досада завозилась въ груди его, какъ раздраженная змѣя; скулы его подергивало, рѣдкая бородка его ходила изъ стороны въ сторону, злоба захватывала ему дыханіе. Онъ весь разразился въ отвѣтѣ:

— Такъ... знай, бездѣльникъ!... я... твой отецъ.

— Отецъ, отецъ! — вскрикнулъ Владиміръ голосомъ, отъ котораго приподняло Конрада; вскочилъ со скамьи и дико озирался, хватая себя за горящую голову.—Скажи еще что-нибудь, старикъ, и я задушу тебя!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Владиміръ долго смотрѣлъ съ ужасомъ и робостью на Денисова взоромъ, который, казалось, обворожилъ его своею неподвижностью и, наконецъ, дрожащими губами вполголоса выговорилъ;

— Нѣтъ... не можетъ быть!... ты не отецъ мнѣ.— Потомъ, въ судорожномъ движеніи схвативъ Конрада за руку и прибавилъ тихо: — Не выдержу! пойдемъ отсюда, Конрадъ!... я продрогъ до костей.

Еще съ ужасомъ и робостію посмотрѣлъ онъ на Денисова и безпрестанно озираясь, вывелъ слѣпца изъ хижины

Проклятія бѣсновавшагося Денисова долго гремѣли вслѣдъ Владиміру.

— Не пощажу, не пощажу крови ея! — кричалъ онъ.

На крикъ этотъ прибѣжали его служители. — Составлено наскоро совѣщаніе, и постановлено: догнать слѣпца и его товарища, разлучить ихъ силою, и, связавъ, увезти послѣдняго съ собою; но адскій совѣтъ былъ разстроенъ послышавшимися издали двумя голосами, разговаривавшими по-русски. Они довольно внятно раздавались по зарѣ, уже занимавшейся. Раскольники стали прислушиваться къ нимъ, завернувъ за избу.

— Эй, братъ, Удалой!—говорилъ голосъ, — послушай меня: брось добычу. Право слово, этотъ рыжій мальчишка былъ самъ сатана. Видѣлъ-ли, какъ онъ всю ночь щерилъ на насъ зубы? То забѣжитъ въ одну сторону, то въ другую. Подшутилъ лихо надъ нами! Легко-ли? Потеряли изъ-подъ носу авангардію и навѣрнякъ попадемъ не на *Черную*, а на чортову мызу.

— Добытое кровью не отдамъ, хоть бы самъ лѣшій вступился за него! — послышался другой голосъ. — Отложу долю на мѣстную свѣчу Спасу Милостивому,

другую раздамъ нищей братіи, а остальными и Богъ велитъ владѣть. Да, вотъ и жилье: смотри въ оба, трусъ! Вижу-ста избушку на курьихъ ножкахъ. Избушка, избушка, встань къ намъ передомъ, а къ лѣсу задомъ! Чуръ, да не баба-ли яга, костяная нога, ворочается тамъ на помелѣ? А что-то возится, съ нами крестная сила!

Авраамъ схватилъ осторожно Денисова за рукавъ кафтана и сказалъ ему вполголоса:

— Отойдемъ отъ зла, отце Андрей, и сотворимъ благо.

Ересіархъ успѣлъ разглядѣть, что приближавшіеся къ избѣ были два русскіе солдата и что одинъ изъ нихъ прихрамывалъ, а у другого перевязана была голова. Не говоря ни слова, онъ пошелъ имъ на встрѣчу.

— Кажись, не латыши и не шведы, — говорили между собою солдаты,—однакожъ, на всякой часъ настроимъ свои балалайки.

Тутъ солдаты остановились, изготовили свои мушкеты къ бою, тронулись опять тихимъ шагомъ и, поровнявшись съ раскольниками, оба разомъ крикнули молодецки:

— Что за люди?

— Пустынножители!—отвѣчалъ Денисовъ.—Миръ вамъ отъ Бога, православные!

— Ай, да это наши, русскіе! — вскричалъ одинъ солдатъ.—Шли на волковъ, а попали на барановъ. Да вотъ и чернецъ. Благослови, отче!

Солдатъ подошелъ подъ благословеніе Авраама, товарищъ послѣдовалъ его примѣру. Авраамъ съ важностію благословилъ ихъ.

— Куда-же вы путь держите, добрые люди? — спросилъ Денисовъ.

— А вотъ изволишь видѣть,—отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ, — въ славной баталіи подъ Гуммелемъ, гдѣ

любимый шведскій генералъ Шлиппенбахъ унесъ отъ насъ только свои косточки — вы, чай, слыхали объ этой баталіи? — вотъ въ ней-то получили мы съ товарищемъ по доброй орѣшинѣ, я въ голову, онъ въ ногу, и выбыли изъ строя. Теперь пробираемся на родимую сторонку заживить раны боевыя.

— Вѣдомо-ли вамъ,—сказалъ ересіархъ,—что за нѣсколько поприщъ отсель, на Черной мызѣ стоитъ отрядъ шведскій?

— Не нее-то мы и маршируемъ, прямо таки на шведскій караулъ; да, хвастать нечего, идемъ-то не одни, за отрядомъ князя Василія Алексѣевича Вадбольскаго.

— Кой лукавый завелъ васъ сюда! Вѣдь, вы съ дороги сбились.

— Вотъ-те на! Удалой, говорилъ я тебѣ, что рыжій сыграетъ штуку...

— Коли хотите, — продолжалъ ересіархъ, — я укажу вамъ путь на мызу, только попрошу за труды.

— Ну, распоясывайся, камрадъ!

— Господи упаси, за услугу своимъ братьямъ православнымъ брать деньги! Нѣтъ, не объ этомъ хочу васъ просить.

— А что-же надо тебѣ, ваше благородіе?

— Экой болванъ!—прервалъ своего товарища солдатъ, дергая его за мундиръ,—говори, преподобный отче!

— Вотъ видите, добрые люди и я былъ нѣкогда князь.

Солдаты сняли съ почтеніемъ шляпы и стали во фрунтъ.

— Надѣвайте-ка своихъ жаворонковъ на голову и выслушайте меня. Мнѣ есть до фельдмаршала Бориса Петровича слово и дѣло; царю оно очень угодно будетъ; узнаетъ о немъ, такъ сердце его взыграетъ, аки солнышко на Свѣтлое Христово Воскресенье.

— Говори, бояринъ, что за дѣло, — сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Рады царю нашему батюшкѣ службу сослужить—прибавилъ другой.

Здѣсь Денисовъ отвелъ солдатъ въ сторону и сказалъ имъ вполголоса:

— Въ Лифляндахъ бѣгаетъ одинъ стрѣлецъ, злодѣй, какого міръ не родилъ другого; подкупленъ онъ сестрою царя Софіею Алексѣевною, избыть, во что ни стало, его царское величество. Петра Алексѣевича богатырское сердце не утерпитъ не побывать у своей вѣрной арміи. Тутъ-то бездѣльникъ уловитъ часъ добраться до всепресвѣтлѣйшаго нашего, державнѣйшаго государя. Я посланъ царскою думою съ наказомъ, какъ можно, дать знать о злодѣйскомъ умыслѣ фельдмаршалу; но боюсь съ нимъ разойтиться. Къ тому жъ силы меня покидаютъ: долго-ли смертному часу застигнуть на дорогѣ? И тогда немудрено, что всекраснѣйшее, всероссійское солнце скроется отъ очей нашихъ и покинетъ государство въ сиротствѣ и скорбѣхъ. Коли вы вѣрные слуги царскіе и хотите получить награду, то доставьте грамотку въ собственныя руки Бориса Петровича. Можетъ статься, и я встрѣчу его, все-таки и тогда ваше усердіе не пропадетъ.

— Беремся за это дѣло,—закричали оба солдата.

— Награди ихъ Господи своими милостями! — сказалъ Денисовъ, возведя очи къ небу.

Съ нимъ была чернильница и всѣ принадлежности для письма. Изъ хижины вынесена доска и поставлена на два пня: она служила письменнымъ столомъ. Посланіе было наскоро изготовлено, отдано одному изъ солдатъ, который казался болѣе надежнымъ, и привязано ему на крестъ. Служивые выпровожены съ благословеніемъ на дорогу къ Менцену, давъ клятву

исполнить сдѣланное имъ порученіе. Съ другой стороны, начальникъ раскольниковъ, довольный своими замыслами, отправился съ братьею, куда счелъ надежнѣе.

Хозяева хижины проснулись, когда и слѣды гостей ихъ простыли. Пальба къ сторонѣ Менцена дала имъ знать, что синіе съ зелеными опять катаютъ чортовы шары.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАЖЕТСЯ, МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ

Ужель загадку разрѣшили?
Ужели слово найдено?
Пушкинъ.

На мызѣ Блументроста, повидимому, не было никакой перемѣны съ того времени, какъ мы ее оставили. Также, какъ и въ началѣ повѣсти нашей, сидѣла въ задумчивости на балконѣ пригожая швейцарка; одинаково расположились въ саду, на скамьѣ, слѣпецъ, товарищъ его, и швейцарецъ; а нѣмой, раскинувшись на травѣ, слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и по временамъ утиралъ слезы. Будто и рѣчь вели собесѣдники все ту же, что и тогда. За то окрестности мызы во многомъ измѣнились. На огромномъ крестѣ, который господствовалъ надъ «*долиной мертвецовъ*» и загораживалъ собою пол-неба, сіялъ мѣдный складень. Вѣроятно, набожные русскіе повѣсили эту святыню, чтобы охранить ею отъ навѣтовъ нечистаго могилу товарища. Къ сторонѣ Менцена курился дымный столбъ надъ развалинами этой мызы, и бѣлѣлся станъ русскій. По окольной дорогѣ, прежде столь уединенной, вмѣсто баронской кареты, едва двигавшейся изъ Маріенбурга по пескамъ и заключав-

шей въ себѣ прекрасную дѣвушку и старика, лютеранскаго пастора; вмѣсто высокаго шведскаго рыцаря, на тощей, высокой лошади ѣхавшаго подлѣ экипажа, какъ тѣнь его, пробирались къ Маріенбургу то азіатскіе всадники на летучихъ коняхъ своихъ, то увалистая артиллерія, то пѣхота русская. По временамъ слышна была пѣсня:

Изъ славнаго изъ города изъ Пскова
Подымался царевъ большой бояринъ,
.... Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ.
Онъ со конницею и со драгуны,
Съ пѣхотными солдатскими полками.
Не дошедши *„Красной мызы“*, становился....

Еще надо прибавить, что у воротъ мызы, въ рамѣ за проволочной рѣшеткой, прибитъ былъ охранный листъ уже не съ подписью генералъ-вахтмейстера Шлиппенбаха, но съ подписью фельдмаршала Шереметева. Всѣ эти обстоятельства показывали, чья сторона взяла верхъ; такъ побѣдитель все оборачиваетъ на свою сторону и влечетъ за собою.

Едва я не забылъ сказать, что въ окошко нижняго этажа мелькали два новыя лица. Одно изъ нихъ былъ шведскій офицеръ, молодой, привлекательной наружности, но такой блѣдный, что походилъ болѣе на восковое изображеніе, нежели на живое существо. Казалось, онъ смотрѣлъ, ничего не видя, слушалъ, не внимая. Изрѣдка глаза его оживлялись; онъ вздыхалъ и улыбался, какъ умирающій продолжительною болѣзнію, когда ему говорятъ, что онъ скоро выздоровѣетъ. Эти признаки жизни возбуждали въ немъ магическія слова, произносимыя человѣкомъ, сидѣвшимъ противъ него. У этого человѣка сквозь сладость сѣроголубыхъ глазъ и рѣчей проницало лукавство бѣса—не того, который съ шумомъ вооружался, какъ титанъ, противъ своего Твор-

ца, но того, который вкрадчиво соблазнилъ первую женщину. Одинъ былъ Густавъ Траутфеттеръ, потерявшій все, чѣмъ красятся дни человѣка: свободу и надежду, все, кромѣ любви, не покидавшей его на зло обстоятельствамъ. Утѣшитель былъ Никласзонъ, съ осторожностію врача разсказывавшій то, что зналъ о чувствахъ къ нему Луизы. По-временамъ продажный секретарь баронессы Зегевольдъ и подкупленный агентъ Паткуля съ изумленіемъ посматривалъ сквозь стекло окошка на Владиміра, этого мнимаго шпіона генералъ-вахтмейстера. Мирно съ нимъ сойтись подъ кровомъ, равно для нихъ гостепріимнымъ, казалось ему чѣмъ-то чудеснымъ. Одинъ человѣкъ могъ только объяснить эту странность, и его-то поджидалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Перемежавшаяся по дорогѣ изъ Менцена пыль, которую установили было на ней шедшіе мимо русскіе полки, снова поднялась, и сердце Розы сказало глазамъ ея, что ѣдетъ тотъ, кому предалось оно съ простодушеніемъ, свойственнымъ альпійской пастушки, и страстію, рѣдкою въ ея лѣта. Какъ она любила *его!* Для него швейцарка могла забыть свои горы, отца и свой долгъ.

Роза была уже у воротъ мызы, потому что къ воротамъ подъѣхалъ господинъ Фишерлингъ (имя, которое давалъ себѣ Паткуль въ Швейцаріи, во время своего бѣгства, и удерживалъ на мызѣ друга своего Блументроста, гдѣ укрывался отъ преслѣдованій власти и своихъ враговъ, и откуда дѣйствовалъ противъ нихъ съ своими друзьми и лазутчиками). Блѣднѣя, вспыхивая и дрожа, швейцарка схватила за узду бойкаго коня пріѣзжаго. Животное безъ сопротивленія отдалось.

— Здорова-ли ты, милая Роза, — спросилъ Паткуль, съ нѣжностью остановя на ней взоры.

— Теперь здорова!—отвѣчала она, и спѣшила проводить лошадь, чтобы скрыть радость свою отъ проницательныхъ глазъ Фрица, слѣдовавшаго за своимъ господиномъ.

Никласзонъ, чутьемъ узнавшій о пріѣздѣ своего высокаго довѣрителя, и бѣжавшій сломя голову, чтобы его встрѣтить, вдругъ остановился; но видя опять, что онъ не помѣха, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, превратился весь душою и тѣломъ въ поклонъ, и спѣшилъ поздравить его превосходительство съ благополучнымъ прибытіемъ въ свою резиденцію послѣ такихъ трудовъ и одержанія столь знаменитой побѣды надъ Карломъ XII. Генералъ-кригскомисаръ, съ своей стороны, поздравилъ его тѣмъ, что велѣлъ составить счетъ, сколько затрачено имъ собственныхъ денегъ изъ усердія къ пользѣ общаго дѣла, назначилъ ему богатую награду, обезпечивавшую его на всю жизнь, но совѣтовалъ ему скорѣе удалиться въ Саксонію, куда обѣщалъ дать ему рекомендательныя письма.

— Такіе люди, какъ ты, — сказалъ Паткуль, положивъ ему руку на плечо, — нужны мнѣ при тамошнемъ дворѣ. Тамъ можешь продолжать служить мнѣ и Россіи. Здѣсь, въ арміи постъ мой кончился, и съ этимъ измѣняется твоя должность. Доволенъ-ли ты?

Никласзонъ кланялся и показывалъ, что отъ радости не въ состояніи говорить. Дѣйствительно, распоряженіе его патрона не могло быть для него лучше, ибо избавляло его отъ висѣлицы и давало ему способъ начать жизнь *честнаго* и значущаго человѣка. Видно, однакожъ, было, что во все время разговора, исполненнаго милостей, Паткуль избѣгалъ съ нимъ сближеній: червя, на которомъ ловятъ рыбу, брать въ руки гадко. На вопросъ Эліаса, какимъ образомъ главный агентъ Шлиппенбаха находится въ одномъ съ нимъ обществѣ, ему сдѣлали также вопросъ, какимъ обра-

зомъ вѣрный секретарь дипломатки очутился въ обществѣ ея врага.

— Нынѣ люди такъ хитры, — сказалъ Паткуль,— что трудно узнать, кто какой стороны держится....

Закусивъ языкъ и внутренно негодуя, что имѣли для него тайну, Никласзонъ поспѣшилъ, между тѣмъ, согнать морщины со своего лба, и, униженно согнувшись въ дугу, послѣдовалъ за Паткулемъ къ скамейкѣ, гдѣ сидѣли собесѣдники, о которыхъ мы упомянули.

Владиміръ въ глубокой задумчивости чертилъ палкой по песку слова: *Софьино*, *Коломенское*, *Москва*, — слова, непонятныя окружавшимъ его, но милыя ему, какъ узнику привѣтъ родного голоса сквозь тюремную рѣшетку. Никто изъ нихъ не слыхалъ пріѣзда высокаго гостя.

— Богъ помочь! — закричалъ Паткуль, подкравшись сзади и ударивъ Владиміра по плечу. — Такъ-то встрѣчаютъ друзей?

На это привѣтствіе, выговоренное роднымъ языкомъ Владиміра, онъ слегка привсталъ, поклонился и радостно произнесъ:

— Милости просимъ, гость желанный!

Дружеское пожатіе руки было ему отвѣтомъ. Товарищей его привѣтствовалъ также Паткуль ласковыми словами; но замѣтивъ, что швейцарецъ холодно и угрюмо кивнулъ, спросилъ его о причинѣ суровой задумчивости.

— Э! господинъ, чему веселиться? — отозвался этотъ сухо. — Пора старымъ костямъ на покой, а здѣсь некому будетъ и похоронить меня, какъ швейцарца.

— А дочь? — перебилъ Паткуль.

Не было отвѣта; но спрашивающій прочелъ его въ тревожной своей душѣ. Дипломатъ смѣшался, хотѣлъ сказать что-то слѣпцу, все еще сидѣвшему на

одномъ мѣстѣ, но, встрѣтивъ также на лицѣ его укоръ своей совѣсти, спѣшилъ, схватя Влидиміра за руку, удалиться отъ доказчиковъ преступленія, которое, думалъ онъ, только Богу извѣстно было.

Горестно пожалъ Фрицъ руку благородному сыну Гельвеціи, и этотъ привѣтствовалъ его тѣмъ же.

Когда Паткуль остался въ саду одинъ съ Владиміромъ, онъ вынулъ изъ бокового кармана мундира двѣ бумаги и, отдавая одну своему агенту, сказалъ ему:

— Не думай, другъ, чтобы я не понималъ тебя и не умѣлъ цѣнить. Чувствую, что ты сдѣлалъ для меня, для Россіи, и стараюсь отблагодарить тебя. Не предлагаю тебѣ денегъ: это цѣна заслугъ Никласзона. Вотъ свидѣтельство за подписью Шереметева. Въ этой бумагѣ означено, чѣмъ обязанъ тебѣ царь русскій. Поздравляю тебя съ паспортомъ въ твою родину.

Владиміръ дрожащими руками схватилъ бумагу и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Я оставляю армію и мое отечество, — продолжалъ Паткуль, — и потому спѣшилъ съ тобою расчесться. (Это извѣстіе, казалось, встревожило Владиміра). — Судьбѣ моей нуженъ я въ другомъ мѣстѣ: она сближаетъ меня съ Карломъ къ его или моей погибели. Что дѣлать? Я долженъ съ тобой разстаться. Холодная, математическая политика Шереметева дѣлаетъ изъ моего отечества степь, чтобы шведамъ негдѣ было въ немъ содержать войско и снова дать сраженіе, какъ будто полководецъ русскій не надѣется болѣе на силы русскаго воинства, — воинства, котораго духъ растетъ съ каждой новой битвой. Я не могъ смотрѣть на это обдуманное, цыфирное потворство грабежу и зажигательству. Душу мою взорвало, она передала фельдмаршалу все, что ей противно было. Можетъ статься, я сказалъ слишкомъ много; можетъ статься, я долженъ былъ болѣе уважить въ немъ за-

слуги, благоразуміе и духъ истинно геройскій, когда онъ лицомъ къ непріятелю, а не въ палаткѣ своей, но я видѣлъ пожаръ моего родного края — и не видалъ ничего болѣе! Мы поссорились. Давно государь предлагалъ мнѣ командованіе корпусомъ въ Польшѣ, или значительный постъ при дворѣ Августа, извѣстномъ мнѣ болѣе русскаго стана. Тамъ буду представителемъ русскаго царя, а здѣсь я только докладчикъ его генерала; тамъ мы сблизимся съ моимъ пріятелемъ Карломъ! Вотъ тебѣ еще письмо къ самому Царю. Не ищи къ нему доступа черезъ вельможъ его; старайся найдти случай встрѣтить самого Петра. Прямо къ нему — безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и сердца его! Это не Карлъ. Вѣрь мнѣ, царь грозенъ для одного зла; великій умѣетъ цѣнить все великое; онъ забываетъ себя, когда дѣло идетъ о благѣ отечества. Но не думай, чтобы, исполняя твое желаніе и свой долгъ, я хотѣлъ оторвать тебя отъ русскаго войска. Прошу тебя, Вольдемаръ, другъ мой, не покидай его своею помощью. Всѣ, кто ни служилъ общему нашему дѣлу, потеряли свое назначеніе. Фрицъ болѣе не кучеръ у баронессы и не коновалъ въ шведскомъ полку; Никласзонъ кончилъ свою роль при дипломаткѣ; Блументросту некого лѣчить въ землѣ опустошенной; любовь моего племянника не поможетъ намъ болѣе, а развѣ сама потребуетъ нашей помощи; несчастная Ильза все для насъ сдѣлала, что могла, и, вѣроятно, исполняетъ теперь свое предопредѣленіе. Ты одинъ у меня здѣсь остаешься, ты долженъ замѣнить меня въ Лифляндіи. Хотя кора снята съ глазъ Шлиппенбаха и связи съ нимъ расторгнуты твоимъ нетерпѣніемъ, но ты держишься еще волшебною нитью за Маріенбургъ. На дняхъ начнется его осада. Объ измѣнѣ твоей шведскому дѣлу тамъ не узнаютъ: всѣ сношенія съ этою крѣпостью уже пресѣчены. Ретивый

выходецъ Брандтъ захваченъ со всѣмъ отрядомъ по милости твоей и бывшаго кучера баронессы. Свидѣтельство, данное тебѣ Шлиппенбахомъ и предъявленное цейгмейстеру въ «долинѣ мертвецовъ», служитъ ключомъ, которымъ можно еще отпереть Маріенбургъ Пользуйся этими обстоятельствами; пользуйся всѣми тонкостями политики, мною преподанной тебѣ, ученикъ, не всегда покорный ей! Старайся войдти въ милость къ пастору Глику, къ воспитанницѣ его, которыхъ Вульфъ, послѣ короля, болѣе всѣхъ любитъ, хотя чувства его не пробиваются наружу сквозь тройную броню солдатчины. Все прочее довершитъ любовь твоя къ родинѣ.

Владиміръ весь горѣлъ благодарностію. Изъясненіемъ ея доставилъ онъ Паткулю чистѣйшее удовольствіе, какого впослѣдствіи этотъ не испытывалъ уже болѣе. Драгоцѣнныя бумаги положилъ Владиміръ за свои штиблеты.

— Какъ легко буду теперь ступать на эту ногу! — сказалъ онъ съ восхищеніемъ, пожимая руку того, кто наградилъ его такимъ сокровищемъ.

— Кстати, — продолжалъ Паткуль, — я долженъ поздравить тебя съ новымъ опекуномъ.

— Я доволенъ и тѣмъ, котораго теперь имѣю, — отвѣчалъ Владиміръ, — не о добромъ-ли Бирѣ говорите вы?

— Нѣтъ, совсѣмъ не объ этомъ благородномъ чудакѣ. Твой новый опекунъ русскій, полковникъ, чудо-богатырь.

— Не отгадаю.

— Это князь Вадбольскій.

— Понимаю, тотъ самый князь, который первый изъ русскихъ взошелъ на гуммельсгофскую гору?

— Онъ въ этотъ день сталъ выше всѣхъ. Только ты, вѣрно, не понимаешь его отношеній къ тебѣ. Я

не намѣренъ тебя далѣе томить. Слушай же: тайна твоей жизни разоблачается. Въ сраженіи убитъ полковникъ Полуектовъ. Когда стали хоронить, нашли въ мундирѣ его завѣщаніе, писанное его другомъ Кропотовымъ.

— Кропотовымъ? — произнесъ робко Владиміръ, поблѣднѣвъ.

— Да, и этотъ Кропотовъ, герой, падшій вмѣстѣ съ своимъ другомъ на той полосѣ земли, гдѣ навсегда похороненъ ужасъ шведскаго имени,—наконецъ, этотъ рыцарь христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей... твой отецъ.

— Господи! о, когда бы это такъ было!.. Но нѣтъ, не вѣрю; не можетъ быть; есть важныя доказательства противъ этого. Я не сынъ благороднѣйшаго воина, а беззаконное отродье какого-нибудь преступника, мнѣ подобнаго.

— Какихъ лучше доказательствъ нужно тебѣ, невѣрующій, какъ не признаніе самого отца? Князь Вадбольскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, давалъ мнѣ читать завѣщаніе. Видя, что оно имѣло къ тебѣ несомнѣнныя отношенія, я сдѣлалъ изъ него выписку. Вотъ она,— присовокупилъ Паткуль, вынувъ изъ камзола бумагу и подалъ ее Владиміру,—прочти ее и удостовѣрься, что судьба, лишивъ тебя отечества и отца, возвращаетъ тебѣ первое, благородное имя и мать, которой ты можешь быть еще подпорою и утѣшителемъ.

Выписка изъ завѣщанія Кропотова была читана и перечитана Владиміромъ съ нетерпѣніемъ и вниманіемъ, свойственными его положенію. Вотъ она, почти слово въ слово. Надо помнить, что Паткуль передѣлалъ, большею частью, слогъ завѣщателя на свой ладъ.

«Въ 16.. году..... дня (писалъ Кропотовъ), во время кратковременной отлучки моей изъ дому, жена, послѣ трудныхъ родовъ, произвела на свѣтъ сына, наречен-

наго Владиміромъ, по обычаю нашихъ предковъ, именемъ святого, приходящагося въ восьмой день. Жена говорила, что онъ, увидѣвъ свѣтъ въ первый разъ, закричалъ страннымъ голосомъ, какъ будто два ребенка кричали разомъ. Ему было два года, когда пріѣхалъ ко мнѣ Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышитскихъ. Нечаянно увидѣлъ онъ дитя на рукахъ у мамки, долго любовался имъ и сталъ находить въ немъ сходство съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ. Мы этому смѣялись; однакожъ, съ того времени въ самомъ дѣлѣ пріискивали это сходство и не дивились тому, ибо князь Василій былъ мнѣ близкій родственникъ по женѣ. Въ скоромъ времени онъ самъ посѣтилъ насъ изъ любопытства увидѣть дитя, которое было на него такъ похоже. Маленькій Владиміръ за ласки его платилъ тѣмъ же по своему; онъ пошелъ къ нему охотно на руки и неохотно сошелъ съ нихъ. Долго утѣшался имъ князь Василій. Чаще и чаще началъ онъ посѣщать насъ, что не мало удивляло всѣхъ и возбудило во многихъ зависть; не мудрено, онъ былъ тогда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ во времени. Наконецъ, онъ такъ полюбилъ нашего Владиміра, что сталъ просить его къ себѣ вмѣсто сына, обѣщаясь вывесть его въ люди, отказать ему по записи свою Красную отчину близъ Рязани и мнѣ на покупку крестьянскихъ дворовъ дать тысячу рублей. Съ своей стороны я долженъ былъ таить нашу сдѣлку не только отъ его жены, которую онъ не любилъ, но и отъ всѣхъ вообще, совершенно разстаться съ сыномъ, и никогда не смѣть называть его своимъ, что обязывался я подтвердить клятвою. Я и жена сначала испугались было такого предложенія, но подумавъ, что у насъ еще два сына, все погодки, одинъ краше другого, надѣясь что наше семейство пріумножится и впередъ, и посовѣтовавшись съ Андреемъ Денисовымъ, рѣшились не мѣшать бла-

гополучію нашего Владиміра. Въ это время нужды окружили насъ со всѣхъ сторонъ, и къ мысли о счастіи сына присоединилось проклятое желаніе себѣ добра. Жена моя,—таковъ былъ уговоръ,—поѣхала въ Коломну къ своей родственницѣ; на дорогѣ, именно въ Софьинѣ, оплакавъ Владиміра, котораго въ послѣдній разъ назвала своимъ, сдала его новому отцу его; возвратясь же домой, распустила слухи, что сынъ ея на дорогѣ померъ. Казалось мнѣ, только два человѣка, князь Василій и Денисовъ, знали нашу тайну, но, видно, гдѣ два человѣка замѣшаются, тамъ вмѣшается навѣрно и лукавый. Вскорѣ, къ удивленію нашему, дошли до насъ вѣсти, что слухамъ, нами распущеннымъ, не имѣютъ большой вѣры. Не смѣли говорить, что я уступилъ или продалъ своего сына, ибо временщикъ по власти своей могъ тогда зажать ротъ желѣзною рукой; однакожъ, самые приближенные Нарышкиныхъ намекали мнѣ глазами и усмѣшкою о томъ, что я желалъ скрыть. Къ стыду отъ людей примѣшались угрызенія совѣсти. Вездѣ началъ преслѣдовать меня голосъ: «ты продалъ своего сына!» Утраты послѣдовали за утратами: жена моя хотя и родила еще сына, но въ теченіе пяти лѣтъ померли у насъ два старшіе; дворы, купленные на кровныя деньги, полученныя отъ князя Василія за наше дѣтище, сгорѣли; въ двѣ жатвы собрали мы одну солому; скотъ падалъ; начались стрѣлецкіе мятежи, и я едва не лишился тогда головы за преданность мою дому Нарышкиныхъ; воспитатель и второй отецъ моего сына палъ въ безвременье, и село Красное, назначенное воспитаннику, отдано Гордону. Нѣсколько лѣтъ не видали мы Владиміра; однакожъ, вѣсти о немъ не урѣжали. Пригожъ, не по лѣтамъ, силенъ и разуменъ, онъ одолѣвалъ въ борьбѣ мальчиковъ, старшихъ его нѣсколькими годами, за что прозвали его Ильею Муромцемъ, и въ разсуж-

деніяхъ съ стариками заставлялъ ихъ умолкать своими убѣжденіями. Но онъ же былъ вспыльчивъ, не любилъ никому уступать, поднималъ голову выше дѣтей княжескихъ, и говорилъ, что будетъ первымъ русскимъ бояриномъ. Гордостью не въ родъ нашъ, говорили мы съ женою. Наконецъ, мы увидѣли Владиміра: жена въ домѣ княжескомъ, я въ храмѣ Божіемъ. О! никогда не забуду я дня этого! Черныя, живыя очи его устремились разъ на меня и врѣзались въ моей памяти и сердцѣ. Женѣ позволено было видать его потаенно; она цѣловала его, обливала своими слезами, но, клятвы не смѣя нарушить, не называла его сыномъ. Мы мѣшали вмѣстѣ наши слезы и казались счастливѣе. Разъ пришли намъ сказать, что воспитанникъ князя Василія взятъ въ теремъ царевны Софіи Алексѣевны и что онъ сдѣлался ея любимцемъ. Это насъ огорчило тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ былъ нравъ ея, избалованный отцомъ и матерью, и раннія страсти, не знавшія препятствій уже съ 14-лѣтняго возраста. Можно сказать, что душа и тѣло ея и брата ея Петра Алексѣевича рано возмужали, одной на гибель, другому на славу и благо Россіи. Женѣ моей, на прежнихъ условіяхъ, дозволено было изрѣдка видѣть Владиміра. Она подарила ему маленькія гусли, на которыхъ приклеена была картинка съ изображеніемъ Ильи Муромца. Этотъ подарокъ привелъ его въ восторгъ. Съ того времени въ немъ оказался необыкновенный даръ музыки: со слуху разыгрывалъ онъ духовныя пѣсни и пѣсни хороводныя такъ, что его заслушивались. Царевна была отъ него безъ ума; но вскорѣ привязанность ея къ нашему сыну сдѣлалась ревнива. Въ 1683 году вовсе запрещенъ былъ входъ женѣ моей въ теремъ Софіи Алексѣевны».

Здѣсь кончилась выписка изъ завѣщанія Кропотова.

— Остальное я не почелъ нужнымъ пріобрѣсть,—

сказалъ Паткуль, увидѣвъ, что Владиміръ кончилъ чтеніе бумаги, — повѣствованіе дальнѣйшаго пребыванія твоего у царевны и твоихъ несчастій не сходно съ описаніемъ, которое ты мнѣ сдѣлалъ. Отецъ твой, какъ и многіе другіе, получилъ о смерти твоей вымышленныя извѣстія. Въ концѣ завѣщанія описываетъ онъ потерю единственнаго, оставшагося у него сына, служившаго въ семеновскомъ полку и посланнаго за рекрутами въ Новгородское воеводство. Этого удара не могъ онъ выдержать и, повидимому, искалъ смерти въ битвѣ. Онъ умолялъ друга своего Полуектова принять на себя попеченія о матери твоей, поставить придѣлъ во имя святого, твоего патрона, въ церкви Троицкаго посада, гдѣ совершилась твоя мнимая казнь, учредить поминовеніе по душѣ твоей и взять на воспитаніе бѣднѣйшаго сироту вмѣсто сына. Что скажешь на это, другъ? Ты и теперь будто сомнѣваешься?

— Справедливо многое, что здѣсь описано,—сказалъ Владиміръ, читавшій доселѣ выписку изъ завѣщанія Кропотова съ жаднымъ и грустнымъ вниманіемъ.— Пригожая, добрая женщина, подарившая мнѣ гусли, и теперь представляется мнѣ, какъ въ сновидѣніи, но и теперь сомнѣваюсь, была ли это моя мать. Выслушайте, что открылъ мнѣ самъ Андрей Денисовъ, встрѣтившійся со мною на дняхъ въ хижинѣ здѣшняго лѣсника.

Тутъ Владиміръ пересказалъ Паткулю разговоръ свой съ коварнымъ старикомъ. Выслушавъ повѣсть, Рейнгольдъ углубился въ размышленія. Не отвѣчая ничего, повелъ онъ Владиміра въ домъ Блументроста.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСТОРІЯ ЗАВѢЩАНІЯ

Не въ первый разъ мертвецъ дѣла творитъ,
Какія вживъ ему на мысль не приходили

Анонимъ.

Готово все: женихъ приходитъ:
Идутъ во храмъ....
Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.

Жуковскій.

Свиданіе Густава съ Паткулемъ было трогательно. Племянникъ видѣлъ теперь въ немъ только своего ближайшаго родственника, благодѣтеля, второго отца, единственную надежду, и въ объятіяхъ его спѣшилъ скрыть свои слезы.

— Густавъ! — сказалъ Паткуль, когда они могли бесѣдовать спокойнѣе,—представляю тебѣ моего друга. Не смотри на бѣдную его одежду: подъ нею скрывается возвышенная душа, съ которою я не смѣю своей поравняться; она не знаетъ мести. Еще прибавлю: онъ русскій!

И Владиміръ и Густавъ измѣрили другъ друга взглядомъ; связи русскаго съ Паткулемъ поняты Траутфеттеромъ, и мысль о нихъ возмутила было душу послѣд-

няго; но другая мысль, что новый знакомецъ его сдѣлался шпіономъ изъ любви къ отечеству и благородный взглядъ Владиміра заставили его съ нимъ помириться. Оба поняли другъ друга и единодушно пожали другъ другу руки.

— Теперь, — сказалъ Рейнгольдъ, когда всѣ они сблизились искренностію разговора,—теперь, любезный Густавъ, могу исповѣдаться тебѣ въ своихъ поступкахъ. Тяжба моя съ шведскимъ королемъ оканчивается. Самъ Богъ брани за меня. Жребій моего отечества брошенъ, каковъ ни есть онъ: Лифляндія принадлежитъ уже Россіи. Крѣпости среди опустошеннаго ея края не сплотъ шведамъ. Суди Всевышній! Не я первый затѣялъ эту тяжбу. Соотечественники мои избрали меня своимъ представителемъ у престола неумолимаго Карла XI и ходатаемъ за права ихъ, освященныя временемъ, законами и клятвою государей. Я исполнилъ, что мнѣ поручено было, какъ благородный лифляндецъ: никто не упрекнетъ меня въ противномъ. За это осужденъ я потерять голову и честь. Бѣжавъ отъ жестокаго, незаслуженнаго наказанія, ужели я сдѣлался преступникомъ?.. Сколько разъ молилъ я двухъ вѣнчанныхъ судей моихъ простить мнѣ вину, которой не знаю, и обѣщалъ честнымъ словомъ Паткуля служить имъ вѣрноподданически, но не обѣщалъ измѣнять обѣту, данному отечеству моему, любить его выше всего—и я не былъ прощенъ. Мщеніе молодого короля за оскорбленіе будто бы отца не велитъ и теперь палачу опускать топора, занесеннаго на меня. Лишенный имѣнія, правъ гражданина, отечества, съ одною честію, которой не въ силахъ отнять у меня соединенные приговоры всѣхъ владыкъ земныхъ, я вынужденъ былъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанничества среди гостепріимныхъ, свободныхъ Альповъ, искать себѣ гражданской жизни. Отечества никто не могъ мнѣ замѣнить.

Августъ предложилъ мнѣ свое покровительство; я принялъ его. Изъ мирнаго круга пастуховъ Гельвеціи перенесенный въ кипучую, шумную жизнь двора, съ душой пламенной и нетерпѣливой, какова моя, я долженъ былъ дѣйствовать. На политической дорогѣ своей встрѣтилъ я самонадѣянность Карла и ненависть его ко мнѣ. Карлъ пересталъ быть моимъ государемъ; онъ сдѣлался только личнымъ моимъ врагомъ: я не пошелъ назадъ и сталъ ему поперекъ. На это чувствовалъ я въ себѣ довольно силы; успѣхи оправдали мою отвагу. Отечество мое предано было своей несчастной судьбѣ: я хотѣлъ спасти его отъ совершенной гибели. Мѣры спасенія были тяжелы, но вѣрны, я схватился за нихъ. Съ медленнымъ умомъ Августа и холодной, шаткой душой его я не сошелся. Я его называлъ застоемъ прошедшаго вѣка; онъ меня — горячкой вѣка новаго. Надо было намъ разстаться. На сѣверѣ вставалъ исполинъ. Подпирая подъ невѣжество Россіи сильный рычагъ, онъ захватилъ имъ основаніе Швеціи и готовъ уже былъ пытать надъ нею силы свои. Геній Петра плѣнилъ меня: онъ одинъ могъ примкнуть къ себѣ Лифляндію и сдѣлать ее счастливою. Положеніе ея, ея раны, подѣланныя властолюбіемъ Карла XI и растравленныя удальствомъ его сына; силы, средства, обширность Россіи, которая, рано или поздно, должна была поглотить мое отечество своимъ сосѣдствомъ и которая, — повѣрьте мнѣ, — не позже столѣтія будетъ могущественнѣйшею державою въ мірѣ; величіе Петра, ручающееся за благосостояніе странъ, ему ввѣренныхъ: все подвинуло меня оставить Августа и броситься въ объятія царя, для меня открытыя. Я сдѣлался его подданнымъ, его другомъ. Нѣтъ воли его, нѣтъ желанія, которыхъ бы я не почелъ для себя долгомъ. Если бы онъ заставилъ меня смолить корабли, я выполнилъ бы это, потому что этого желалъ бы Петръ. Помогая его

видамъ, я созидаю вмѣстѣ благосостояніе Лифляндіи. Вотъ мои вины передъ нею! Суди меня въ нихъ, Густавъ, какъ бы судила Европа, какъ будетъ судить потомство.

— Дядюшка!—отвѣчалъ Густавъ,—трудно рѣшать дѣло, на которое, по чувствамъ нашимъ, мы можемъ смотрѣть съ разныхъ точекъ. Скажу вамъ только: разумъ мой соглашается съ вами, но сердце васъ осуждаетъ. Первымъ будетъ для васъ потомство, вторымъ—современники наши. Не знаю впередъ судьбы своего отечества, можетъ статься, ваша политика доставитъ ему счастіе, котораго истинно ему желаю. Но теперь истоптанныя жатвы, сожженныя села, скитающіеся безъ пристанища жители, тысячами гонимые, какъ стада, въ Московію бичемъ татарина; города, опустошенные на нѣсколько вѣковъ,—неужели всѣ эти бѣдствія не вопіютъ противъ васъ? Какая истина, какія надежды зажмутъ вопли несчастныхъ?

— Противъ этихъ жестокостей я первый возсталъ въ русссомъ станѣ и старался облегчить участь несчастныхъ. Скажу болѣе: за эту безчеловѣчную политику поссорился я съ Шереметевымъ — и, чтобы не быть въ ней невольнымъ соучастникомъ, удаляюсь къ Петру. Вспомни также, Густавъ, что не я присовѣтовалъ войну, не я привелъ войска русскія въ Лифляндію.

— Но всѣ въ этомъ васъ упрекаютъ. Говорятъ вообще, что Рейнгольдъ Паткуль отмщаетъ королю на своихъ соотечественникахъ.

— Неправда! неправда! Война была начата до меня; она прежде меня созрѣла въ умѣ царя, желавшаго облокотить свою державу о берегъ Балтійскаго моря. Я поспѣшилъ управлять ходомъ этой войны не для отягощенія моего отечества, но для освобожденія его отъ ига шведскаго и безумнаго удальства новаго Донъ-

Кихота, предавшаго его собственной защитѣ. Не отъ меня всѣ эти пожары, эти переселенія, о которыхъ ты говоришь. Не было бъ нынѣ Паткуля въ Лифляндіи — развѣ она освободилась бы отъ этихъ бѣдствій? Они были бъ еще жесточе, длились бы долѣе. Пускай же упрекаютъ меня теперь, клянутъ тѣ, которые не хотятъ разобрать моихъ дѣйствій. Отечество мое заключается не въ одномъ настоящемъ поколѣніи; оно и въ потомствѣ, а потомство будетъ благословлять имя того, кто устроилъ его благосостояніе. Лифляндія, нынѣ отторженная противъ собственной воли ея, или, лучше сказать, противъ воли нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ бароновъ, связанныхъ узами родства и подкупомъ со Швеціею, будетъ счастлива подъ скипетромъ Россіи. Голова моя въ этомъ порукою.

— Голова! да, голова!.. — сказалъ, глубоко вздохнувъ, слѣпецъ, приведенный нѣмымъ въ комнату, гдѣ находились наши собесѣдники.

Конрада посадили на кресла, нѣмой удалился.

Слова, произнесенныя слѣпцомъ, видимо сдѣлали непріятное впечатлѣніе на духъ Паткуля, хотя онъ не могъ изъяснить себѣ причину этого неудовольствія. Вскорѣ, однакожъ, успокоился онъ и продолжалъ снова оправданіе своей политической жизни. Густавъ не могъ согласиться съ дядею; но, зная пылкій нравъ его и потому не желая ему противорѣчить, замолчалъ.

— Вижу, что ты не соглашаешься со мною, — сказалъ Паткуль съ нетерпѣніемъ.

— Я подданный Карла XII,—отвѣчалъ съ твердостію Густавъ,—а вы непріятель его.

— То же-ли ты скажешь, молодой, неопытный упрямецъ, напитанный героизмомъ скандинавскаго рыцаря, когда узнаешь, что съ судьбой твоего отечества я устроиваю твое собственное счастіе? Спрашиваю тебя, любишь-ли ты еще Луизу Зегевольдъ?

— Вы мой дядя, благодѣтель мой; я въ плѣну, я весь вашъ, и не думаю, чтобы вы насмѣхались надъ несчастіемъ и моими отношеніями къ вамъ.

— Дядя твой,—возразилъ Паткуль съ иронической усмѣшкой,—хотя жестокъ до того, что привелъ русскихъ въ свое отечество, чтобы его жечь, палить, грабить, опустошать; хотя забылъ права государственныя и законы Божіи до того, что не пожертвовалъ собой несправедливости и властолюбію двухъ королей, захотѣвшихъ выпотрошить его физически и нравственно, чтобы сдѣлать изъ него чучелу на позоръ Лифляндіи; хотя онъ таковъ...

— Дядюшка! ради Бога, не оскорбляйтесь моими мнѣніями, моими чувствами. Вы не требовали, чтобы я говорилъ противъ себя.

Паткуль не слушалъ его и продолжалъ:

— Хотя онъ таковъ, но не былъ никогда золъ, до того, чтобы смѣяться надъ несчастіемъ, особенно тѣхъ, кого любитъ больше всѣхъ послѣ своей чести. Что говоритъ Рейнгольдъ Паткуль, то онъ и сдѣлаетъ. Я обязанъ тебя въ этомъ удостовѣрить. Вольдемаръ не лишній въ нашей бесѣдѣ. Слушай же меня и отвѣчай на мои вопросы.

— Слушаю, дядюшка!

— Помнишь-ли утро, когда, одолѣваемый мученіями любви и жаждой узнать о состояніи Луизы, ты шелъ, какъ сумасшедшій, по дорогѣ изъ Оверлака въ Гельметъ?

Вопросъ этотъ поразилъ Густава неожиданностію его. Собравъ разсѣянныя мысли и стараясь успокоить чувства свои, встревоженныя разнообразными воспоминаніями, онъ отвѣчалъ:

— Дорого бы я заплатилъ, чтобы забыть день этотъ!

— Нѣтъ, помни его, запиши его въ своемъ сердцѣ:

онъ для тебя день счастія. Тише! не говори ничего и отвѣчай только на мои вопросы. Кто встрѣтилъ тебя тогда?

— Кучеръ баронессы, Фрицъ.

— Фрицъ!—закричалъ Паткуль изъ окна, и вѣрный служитель, который, казалось, дожидался призыва, и потому находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, явился предъ изумленнымъ Густавомъ.

Не зналъ послѣдній, что говорить; слезы заструились по лицу его, глаза старика были также мокры— и Густавъ, бросившись его обнимать, воскликнулъ:

— Онъ, онъ сулилъ мнѣ счастіе!..

— Чьимъ именемъ обѣщалъ онъ тебѣ это счастіе?

— У моего благодѣтеля не было тогда имени; но я узнаю его теперь. Безъименный были вы—мой второй отецъ!

— Теперь отвѣчай ты, Фрицъ! Посредствомъ кого назначилъ ты исполненіе моихъ обѣщаній?

— Черезъ *русскихъ* и *чухонскую дѣвку*, — отвѣчалъ Фрицъ.

— Когда, говорилъ ты, можно будетъ приступить къ этому исполненію?

— Когда русскіе и чухонка побываютъ вмѣстѣ въ Рингенѣ.

— Дней съ пять они должны быть уже тамъ. Съ часу на часъ ожидаю извѣстія, что переломъ твоей судьбы, Густавъ, совершился. За это теперь отвѣчаю; но пока не побывалъ въ Гельметѣ докторъ падуанскаго университета, пока я не увидалъ Адольфа, твой стряпчій могъ еще бояться за успѣхъ своихъ плановъ. Еще одинъ вопросъ: заключаешь-ли ты свое счастіе въ томъ чтобы Луиза не принадлежала никому другому, кромѣ тебя?

— Если она меня еще любитъ, чего мнѣ болѣе?

— Остальное предоставимъ Богу!

— Только изо всего этого я ничего не могу понять, дядюшка!

— А вотъ мы сейчасъ все дѣло объяснимъ. Выслушай мой разсказъ.

— Адольфу не было еще шести лѣтъ, — такъ началъ Паткуль свое повѣствованіе,—а тебѣ восьми, когда отцы ваши померли, одинъ вслѣдъ за другимъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Они оставили и дѣтямъ своимъ благородное имя, незапятнанное ни однимъ чернымъ дѣломъ, и довольно большое помѣстье. Первое наслѣдство, благодареніе Богу, вами сохранено въ цѣлости; второе вырвано изъ слабыхъ рукъ женскихъ ревнивою властію Карла XI и редукціонною комиссіею. Изобрѣтательное усердіе этой комиссіи не столько въ поправленіи государственныхъ финансовъ, сколько въ угожденіи власти, превзошло мѣру несправедливости, какую можно только вообразить себѣ. Чтобы обогащать казну, судьи опирались сначала на законы; далѣе, пренебрегая и этой благовидною опорой, стали отнимать только именемъ короля, даже комиссіи, и наконецъ, однимъ именемъ Гастфера. Такъ несправедливость, послабленная свыше, дѣлаетъ быстрые успѣхи! Это государственный антоновъ огонь; онъ заражаетъ все тѣло, если въ началѣ его не примутъ мѣръ сильныхъ и скорыхъ. Мать Адольфа пережила своего мужа двумя годами; послѣ нея сирота перешелъ на мои руки. Въ способахъ воспитанія его помогалъ мнѣ вашъ дѣдъ по матери, баронъ Фридрихъ Фюренгофъ. Я нарочно распространюсь объ этомъ достойномъ человѣкѣ, какъ для удовольствія говорить о немъ, такъ и для того, чтобы показать тебѣ прекрасный образецъ частной жизни. Дѣдъ вашъ былъ честный человѣкъ въ строжайшемъ смыслѣ этого слова. Не только дѣломъ, думаю, и мыслью онъ ни передъ кѣмъ не солгалъ. Рѣдко и неохотно, по принятымъ имъ правиламъ, ручался

онъ за кого; но когда ручался, тогда не требовали залоговъ. Сколько онъ былъ честенъ, столько и бережливъ: можно было бъ назвать его хозяйственность скупостью, еслибы въ домашнемъ быту не окружало его довольство. Во всю жизнь свою не былъ онъ никому долженъ; ссужалъ деньгами только людей точныхъ и никогда безъ процентовъ, хотя бралъ самые умѣренные; никому особенно не благотворилъ; считалъ своими непріятелями только тѣхъ, кто жилъ не по состоянію и безпорядочно. Для своего стола онъ не былъ скупъ, любилъ угостить хорошимъ кускомъ и старымъ виномъ добраго пріятеля, но званыхъ обѣдовъ не дѣлалъ. Дворовые люди его были хорошо обуты, одѣты, сыты; но каждый изъ нихъ вознаграждалъ эту часть хозяйственныхъ расходовъ своими трудами, потому что каждый былъ обученъ какому-нибудь ремеслу. Все, что для дома было потребно, находилось у него въ помѣстьяхъ и дѣлалось дома, все, отъ фундамента до черепицы, отъ гвоздя до щеголеватаго и прочнаго берлина, отъ берды ткача до затѣйливой шкатулки, въ которой онъ пряталъ свои деньги, и надъ которой незнающій попотѣлъ бы нѣсколько часовъ, чтобы открыть ее. Самъ онъ былъ всегда одѣтъ чисто, хотя нашивалъ свои платья по нѣскольку десятковъ лѣтъ; роскошь зналъ онъ только одну, именно бѣлье, которое во время, черезъ усердныхъ должниковъ своихъ, выписывалъ изъ Голландіи. Старость его была пріятная, потому что онъ опрятность считалъ одною изъ добродѣтелей человѣка. Имѣлъ онъ домъ помѣстительный, но чрезвычайно странный фасадомъ и внутреннимъ расположеніемъ, обдѣлывалъ его постепенно, смотря по надобностямъ своимъ, изъ маленькаго домика. Всѣ пристройки къ нему дѣлались такъ, что хозяинъ не имѣлъ никогда нужды изъ него выходить. Прибавленіе каждой комнаты было памятникомъ какой-либо эпохи въ

жизни Фридриха. Собирался ли жениться: выстраивали на дворѣ спальню и дѣвичью, первую только съ тремя стѣнами, придвигали ихъ къ одной сторонѣ дома, подводили подъ нихъ фундаментъ, нахлобучивали ихъ крышею, огромными, желѣзными связями скрѣпляли все съ главнымъ зданіемъ, которое можно было назвать родоначальнымъ; наконецъ вырубали, гдѣ нужно, двери и закладывали окна. Родился сынъ: такимъ же образомъ примыкали для него комнату. Та же исторія для двухъ дочерей, для дядекъ, для прислуги. Можно судить, каковъ былъ этотъ многоугольникъ. Говорятъ, что желѣзо, которое пошло въ него, стоило цѣлаго дома, и потому-то Балдуинъ, получа его въ наслѣдство, спѣшилъ сломать на продажу. Кромѣ плодовитаго сада, приносившаго хорошій доходъ, старикъ Фюренгофъ никакого не имѣлъ; не отягощалъ онъ барщиною крестьянъ для вычищенія дорожекъ, которыя самъ протаптывалъ, гуляя тамъ каждый день аккуратно два раза, поутру и послѣ обѣда, лѣтомъ и зимою, въ ясную погоду и дождь. Кедръ, посаженный имъ еще въ малолѣтствѣ, служилъ ему пріятнѣйшимъ павильономъ. Онъ имѣлъ избранную библіотеку, и все новое въ области литературы и наукъ дѣлалось собственностію его пытливаго ума. Сосѣдей, безъ разбора состоянія, принималъ онъ ласково и умѣлъ каждаго занять такъ, что умный и глупый отъѣзжали отъ него довольные имъ и собою. Самъ же ѣздилъ только по разу въ годъ къ двумъ, тремъ пріятелямъ, особенно имъ уважаемымъ, въ день ихъ рожденія: ни гроза, ни буря не могли помѣшать ему исполнять эту обязанность. Въ городѣ же, именно въ Дерптѣ, былъ онъ только разъ въ 20 лѣтъ, и то по случаю смерти своей сестры. Это путешествіе сдѣлалось эпохою по всему протяженію дороги его; теперь еще въ деревняхъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и въ самомъ Дерптѣ

вспоминаютъ о его раззолоченномъ берлинѣ и двухъ долгихъ егеряхъ на запяткахъ, какъ объ восьмомъ чудѣ. Окрестное дворянство, знавшее его умъ, твердость и благородство души, прибѣгало къ нему за совѣтами и помощью; гдѣ нужно было научить, защитить отъ притѣсненій сильнаго, вышколить судей за несправедливость, онъ вызывался охотно на услугу и выполнялъ ее съ пользою для обиженнаго, лишь бы не требовали отъ него никакихъ расходовъ. Но лучшимъ ему панегирикомъ служатъ слезы крестьянъ надъ могилою того, кого прозвали они отцомъ своимъ. Надо замѣтить, что его точность въ образѣ жизни измѣнилась видимо подъ конецъ ея, по причинѣ, которую не замедлю объяснить.

Изо всѣхъ дѣтей своихъ, Фридрихъ Фюренгофъ любилъ предпочтительно мать твою: это была его милая дочь, его утѣшеніе въ старости, его Ревекка. Никто, кромѣ ея, не могъ старику угодить, когда онъ бывалъ боленъ; никто не умѣлъ, какъ она, оживить его пустыню. Любовь къ ней старался онъ выказать во всѣхъ случаяхъ. Мать твоя не возгордилась этимъ предпочтеніемъ; мать Адольфа имъ не огорчалась. Послѣдняя скоро умерла. Фридрихъ, точный во всемъ, заранѣе составилъ завѣщаніе, которымъ отказывалъ порядочную часть недвижимаго имѣнія Адольфу, наслѣднику послѣ умершей матери его, а лучшую, главную часть и все движимое имѣніе своей Ревеккѣ. Сыну же своему, Балдуину, котораго онъ къ себѣ на глаза не пускалъ за его распутство, жестокосердое обращеніе съ своими людьми и покражу у него значительной суммы денегъ изъ комода, ничего не давалъ, кромѣ мызы Рингенъ, преданной безпутному на жертву еще при жизни старика. Надо сказать тебѣ, что, нѣсколько времени послѣ того, какъ мать твоя вышла замужъ и покинула родительскій домъ, старикъ, грустя по ней

и скучая своимъ одиночествомъ, выпросилъ у моего отца дворовую 10-лѣтнюю дѣвочку Елисавету, изъ семейства Трейманъ, которое такъ прозвано за наслѣдственную вѣрность и преданность къ нашему дому. Одинъ братъ этой Елисаветы—Фрицъ, имѣющій честь быть тебѣ извѣстнымъ; другой братъ — нѣмой, котораго ты, безъ сомнѣнія, здѣсь до меня видѣлъ.

— Онъ первый оказалъ мнѣ самыя краснорѣчивыя услуги,—прервалъ Густавъ.

— Имъ-то,—продолжалъ Паткуль,—обязанъ я много въ нынѣшнюю войну. Но объ этомъ послѣ; теперь слово объ Елисаветѣ. Дѣвочка эта за живую физіономію, умные отвѣты и особенную расторопность чрезвычайно полюбилась твоему дѣду. Взявъ ее, къ себѣ, онъ старался самъ образовать ее, и въ четыре года успѣлъ сдѣлать изъ нея маленькое чудо. Въ такое короткое время выучилась она читать стихотворцевъ бѣгло и съ чувствомъ, писала мастерски, какъ будто жемчугомъ унизывала бумагу, и вела счеты не хуже конторщика. Успѣхи ученицы радовали наставника. Сначала она служила дѣду твоему въ уединенной старости вмѣсто игрушки, потомъ привычка и польза сдѣлали ее для него необходимою. Другого чтеца, счетчика и секретаря не имѣлъ онъ. Наконецъ, по сродной преклоннымъ лѣтамъ слабости, онъ началъ и баловать ее. Между тѣмъ въ Елисаветѣ, упредившей возрастъ необыкновенными успѣхами въ умственномъ образованіи, развивались также скоро и страсти. Въ душу ея стоило только забросить искру, чтобы она воспламенилась. Маленькій деспотъ въ домѣ, дѣвченка понемногу подбирала къ себѣ владычество и надъ хозяиномъ его, замѣтивъ, что необходима для старика, Елисавета каждый день дѣлала новыя требованія, старикъ каждый день уступалъ что-нибудь изъ правъ своихъ. Впрочемъ, она пользовалась властью не для

отягощенія окружавшихъ ее служителей, а, напротивъ, для послабленія ихъ обязанностей. Въ послѣднемъ находила она свое торжество. Домашніе любили ее, потому что она всѣхъ ихъ баловала. Шестнадцати лѣтъ Елисавета узнала скуку, а куда заглянетъ эта гостья, туда навѣрно приходитъ съ нею подруга ея, желаніе. Балдуинъ воспользовался этимъ душевнымъ состояніемъ ея, и бросилъ на нее свои хитрые виды. Приступъ сдѣланъ со всѣми утонченностями любовной науки. Балдуинъ, хотя имѣлъ около 40 лѣтъ, былъ недуренъ собою, краснорѣчивъ на искушеніе, казался страстнымъ, и дѣвченка, склонная къ пороку, предалась обольстителю. Въ это время дѣдъ твой сдѣлался боленъ; онъ гасъ медленно и съ каждымъ днемъ приближался къ гробу, — обстоятельство, поторопившее Балдуина къ исполненію его замысловъ. Увѣренный, что обладаетъ совершенно любимицею отца, искуситель открылъ ей свое положеніе, свои муки; разсказалъ, что обязанъ несчастіемъ своими единственно проискамъ сестры, которая поссорила сына съ отцомъ и готовилась будто бы выгнать постыднымъ образомъ изъ Фюренгофа новую владычицу его; просилъ Елисавету помочь ему въ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ и обѣщалъ на ней жениться, какъ скоро только отецъ его умретъ. Чего-бъ не обѣщалъ онъ тогда, лишь бы получить желаемое! Елисавета любила обольстителя со всею силою первой и послѣдней страсти; она носила уже подъ сердцемъ залогъ этой преступной любви, и потому не было жертвы, которую бы не принесла ей. Все, что только могъ бы онъ придумать къ своему благополучію, обѣщано ею выполнить. Составленъ былъ адскій совѣтъ, въ которомъ главную роль игралъ Никласзонъ, водочный заводчикъ въ одномъ изъ помѣстьевъ Фюренгофа, молодой ловкій еврей, принявшій христіанство и готовый каждый день перемѣ-

нять вѣру, лишь бы эта перемѣна приносила ему деньги, тотъ самый Никласзонъ, котораго видѣлъ ты секретаремъ у дипломатки Зегевольдъ и нынѣ видишь моимъ агентомъ.

— И этотъ злодѣй, — прервалъ съ жаромъ Густавъ, — осмѣливается сквернить своими устами имя ангела земного!... И онъ хвалится вашей дружбой, дядюшка?

— Моей дружбой?... Негодяй! онъ только мой наемщикъ, мой слуга. Я могу плюнуть ему въ лицо, утереть ногой, бросить ему послѣ того кошелекъ съ деньгами — и онъ низехонько поклонится мнѣ! Моей дружбой?... Я проучу его!...

Никто изъ собесѣдниковъ не подозрѣвалъ, что Никласзонъ стоитъ въ сосѣдней комнатѣ и слышитъ все, что въ ней говорили.—«Теперь *выдержу!*—разсуждалъ самъ съ собой Эліасъ—но когда-нибудь и ты, гордецъ, попадешься на мой ноготокъ!»

— Какъ-же вы сами, дядюшка, — продолжалъ Густавъ,—могли избрать это гнусное орудіе для выполненія своихъ политическихъ видовъ?

— О! это дѣло иное, другъ мой! Политика неразборчива на средства, лишь-бы они вели къ предположенной цѣли. Часто ласкаетъ она существа, которыя и задавить гадко. Но мы не философствовать, а просто разсказывать намѣрены: возвратимся же къ нашему разсказу. Составленъ былъ адскій совѣтъ, говорилъ я, и въ немъ положено было, во-первыхъ, Балдуину явиться къ отцу своему, броситься къ нему въ ноги, умолять его о прощеніи и между тѣмъ подвинуть къ посредничеству духовника барона Фридриха. Этотъ приступъ удался. Старикъ, чувствуя приближеніе смерти и убѣжденный христіанскими доводами пастора, вымолвилъ прощеніе, но въ сердцѣ его, не только на устахъ, не было помину о перемѣнѣ духовнаго завѣ-

щанія. Съ того времени Балдуинъ, казалось, переродился: нѣжнѣйшія попеченія о больномъ отцѣ, милости окружавшимъ его служителямъ, заботы о бѣдныхъ въ округѣ, — все это могло ослѣпить чернь, но не обмануло умнаго старика на счетъ цѣли, съ какой это дѣлалось. Впрочемъ дѣдъ твой, желая перейти за порогъ жизни, не отягощенный ненавистью къ сыну, показывалъ при всѣхъ если не нѣжность къ нему, по крайней мѣрѣ, милостивое съ нимъ обращеніе. Это обстоятельство впослѣдствіи времени не мало служило къ оправданію злодѣя.—Старикъ ожидалъ со дня на день пріѣзда милой дочери своей, жившей съ твоимъ отцомъ подъ Ревелемъ. Она не ѣхала—и не мудрено: письма къ ней и отъ нея были перехватываемы. Мнимое равнодушіе ея подтачивало послѣдній корень, которымъ дѣдъ твой держался еще на землѣ. Какъ будто нарочно, для лучшаго успѣха злодѣйскаго плана, пришло отъ дочери письмо, которымъ увѣдомляли старика о безнадежности состоянія твоего отца. Убійственная посылка была на время задержана. Между тѣмъ завѣщаніе искусно украдено Елисаветой, знавшей всѣ мышьи норки въ домѣ, и какъ оно было писано ея рукой, то и составлено этой же рукой новое. Этимъ завѣщаніемъ баронъ Фридрихъ, будучи въ полномъ умѣ и памяти, совершенно уничтожалъ старое, и въ уваженіе раскаянія и исправленія сына, также чтобы благопріобрѣтенное имѣніе Фюренгофовъ не могло перейти въ другой родъ, дѣлалъ Балдуина главнымъ наслѣдникомъ всего своего богатства, движимаго и недвижимаго, за исключеніемъ небольшой части, назначаемой дочери, оставшейся въ живыхъ, и сына умершей дочери. А чтобы вновь составленный актъ имѣлъ болѣе благовидности, завѣщатель обязывалъ въ немъ Балдуина избрать себѣ въ наслѣдники, по своему благоусмотрѣнію, одного изъ своихъ племянниковъ, къ которому уже все имѣніе должно было

перейти съ фамиліей Фюренгофа. Эліасъ, умѣвшій мастерски подписывать подъ разныя руки, подмахнулъ подъ руку барона Фридриха такъ искусно, что лучшіе пріятели его не могли въ подписи усомниться. Когда же это было улажено, предъявили больному письмо твоей матери и новое, вслѣдъ за тѣмъ пришедшее, которымъ увѣдомляли о смерти отца твоего. Убійственная посылка имѣла дѣйствіе, предугаданное злодѣями, безъ всякихъ другихъ насильственныхъ средствъ, хотя Никласзонъ и увѣрялъ своего довѣрителя, что химія его въ этомъ случаѣ много помогла. Какъ извѣстно сдѣлалось мнѣ впослѣдствіи, это была выдумка, чрезъ которую хитрый повѣренный думалъ взять болѣе власти надъ душою злодѣя. Водяная, мучившая дѣда твоего, поднялась въ грудь, и онъ лишился языка. Призваны были въ комнату умирающаго духовникъ его, нѣсколько служителей, стариковъ, и одинъ изъ сосѣдей, только именемъ дворянинъ, должникъ Балдуина. Послано и за самимъ Балдуиномъ, нарочно уѣхавшимъ дня за два въ свой притонъ. Твой дѣдъ держалъ въ костенѣвшей рукѣ завѣщаніе; изъ другой только-что выпало перо. Будучи еще въ памяти, онъ съ горестнымъ видомъ кивнулъ на роковую бумагу. Пасторъ, простодушный и торопливый, вынулъ ее изъ руки и, увидѣвъ, что это было духовное завѣщаніе, прочелъ его при всѣхъ. Знаки нетерпѣнія, которое умирающій силился показать при этомъ чтеніи, перетолкованы духовнику за желаніе, что актъ былъ имъ скорѣе подписанъ, пока сохранялась въ завѣщателѣ жизнь. Дѣдъ твой навѣкѣ смыкалъ глаза, а духовникъ скрѣплялъ подложный актъ; за нимъ подписалъ и дворянинъ, о которомъ я говорилъ. Этотъ между тѣмъ предостерегъ пастора, что для избѣжанія всякаго сомнѣнія со стороны наслѣдницы, не худо бъ заставить старыхъ служителей присягнуть что они всѣ видѣли и *слышали* волю покойнаго на за-

свидѣтельствованіе духовной, и это выполнено въ точности простодушнымъ пасторомъ. Актъ, сдѣланный по формѣ, представленъ въ судъ. Судьи знали хорошо подпись барона Фридриха, и удостовѣрили законность акта. Вскорѣ родились, однакожъ, подозрѣнія: мать твоя протествовала противъ него; но деньги, сильное ходатайство баронессы Зегевольдъ, съ которой въ то время сдѣлано было извѣстное условіе и, наконецъ, присяга духовника и служителей выиграли спорное дѣло въ пользу преступленія, которое владѣетъ имѣніемъ твоимъ и донынѣ. Но Богъ рано или поздно, караетъ злодѣевъ. Часъ твоего дяди пробилъ.

«Мы бранили Эліаса Никласзона: теперь разскажу тебѣ объ одной чертѣ его дальновиднаго ума, за которую онъ годился бы въ дипломаты. Онъ утаилъ у себя, на всякій случай, истинное духовное завѣщаніе, а своему покровителю объявилъ, что сжегъ его и развѣялъ даже его прахъ. Это догадка была не лишняя. Балдуинъ въ первый годъ обладанія своими сокровищами былъ признателенъ къ тѣмъ, которые помогли ему достать ихъ: Никласзонъ возведенъ въ степень повѣреннаго по дѣламъ; жалованье, по условію, ему исправно выдано. Во второй годъ оказалась маленькая неустойка, въ третій большая, и такъ постепенно съ каждымъ годомъ, до того, что повѣренный, въ одинъ срокъ платежа, отпущенъ съ руками, полными однихъ извиненій и жалобъ на неурожай, худыя обстоятельства и тому подобное. Эліаса, однакожъ, боялись еще и, въ вознагражденіе за денежныя недоимки, удовольствовали его самолюбіе, опредѣливъ его секретаремъ къ баронессѣ Зегевольдъ. Онъ казался довольнымъ, но осадка мести лежала на днѣ его сердца, и стоило только дать ему сильный толчекъ, чтобы возмутить ядовитый настой. Съ Елизаветой обходились каждый годъ хуже. Причинъ много къ тому было: надлежало

отклонить подозрѣніе, что она участвовала въ подложномъ завѣщаніи; великодушіемъ своимъ къ дворовымъ людямъ, щедростію и желаніемъ владычествовать въ замкѣ безпрестанно сталкивалась она съ низкой душой, скупостію и тиранствомъ Балдуина; наконецъ, нужно было замѣнить старую любимицу новой. Мальчикъ, котораго Елизавета родила, давно сосланъ былъ на прокормленіе къ родственницѣ ея, бабкѣ Ганнѣ, живущей подъ Гельметомъ. Это пріятель твой, Мартышка, напугавшій тебя такъ много въ роковой вечеръ у *трехъ сосенъ*.

— Недалеко же упало сѣмя отъ злой крапивы, — сказалъ Густавъ.

— Никласзонъ, соболѣзнуя объ участницѣ его преступленія, открылъ ей, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ обладаетъ. Свобода не столько бы обрадовала заключеннаго, какъ Елизавету эта вѣсть. Въ душѣ ея, измученной раскаяніемъ, ревностію къ соперницѣ, неблагодарностію ея обольстителя, жестокимъ обхожденіемъ съ ней, встала месть во всемъ страшномъ своемъ вооруженіи, со всѣми орудіями казни. Бывшая любимица твоего дѣда, прежде столь гордая, пала къ ногамъ Никласзона, обнимала ихъ, умоляла осчастливить ее уступкой рокового завѣщанія, и давала клятву, самую ужасную, употребить его въ дѣло тогда только, когда онъ ей это дозволитъ и найдетъ удобнымъ, не жертвуя своею безопасностію. Никласзонъ сжалился надъ ней, или, лучше сказать, разсчелъ выгоды и невыгоды этой уступки, и — завѣщаніе было въ рукахъ Елизаветы. Этому прошло лѣтъ пять. Могу тебѣ сказать теперь, что къ этому времени двое изъ моихъ друзей, подавая мнѣ изъ Лифляндіи въ Лозань руку помощи, вербовали мнѣ приверженцевъ и лазутчиковъ въ моемъ отечествѣ. Они бросили виды свои на Эліаса. Потомокъ Іуды былъ скрытенъ, уменъ, лукавъ; золото

ослѣпило его, и онъ сдѣлался моимъ. Съ того времени, исправно получая условленныя деньги и поощряемый наградами не взачетъ, онъ вѣрно служилъ мнѣ. Въ этомъ долженъ я отдать ему справедливость. Перемѣна службы не мало побудила его въ уступкѣ завѣщанія Елизаветѣ, которой оно принадлежало по праву злополучія. Несчастная, угадывая злодѣйскіе надъ собою замыслы Фюренгофа, рѣшилась въ одну ночь бѣжать, но, успѣвъ только сползти изъ окна по стѣнѣ, услышала за собой погоню. Увернуться отъ нея было невозможно. Она спряталась въ саду. Уже мелькали исполнители злодѣя. Что дѣлать? Оставалось только спасти орудіе своей мести. Роковая бумага завернута въ платокъ, въ другой, потомъ въ башмакъ, и сунута въ глубокое дупло дерева, растущаго подъ окномъ кабинета рингенскаго властелина.

— Можетъ быть,—произнесъ Густавъ съ какимъ-то страхомъ,—дерево это давно срублено или сгнило?

— Провидѣніе хранитъ его для наказанія злодѣйства. По крайней мѣрѣ, мы не теряемъ въ этомъ надежды. Пойманная Елизавета заключена въ особенную комнату подъ жесточайшій присмотръ. Объ ея несчастной участи узналъ Никласзонъ и спѣшилъ къ ней на помощь. Онъ уговорилъ Фюренгофа, только для вида, сжалиться надъ своею плѣнницею, простить ее и отпустить съ нимъ, будто для свиданія съ ея сыномъ, откуда обѣщалъ, черезъ нѣсколько дней, отправить въ Елисейскія поля этого опаснаго для нихъ обоихъ свидѣтеля. Рингенскій баронъ не зналъ скорѣйшаго средства избавиться отъ нея, и согласился. Черезъ нѣсколько дней получено имъ въ самомъ дѣлѣ извѣстіе, что Елизаветы не существуетъ. Онъ такъ обрадовался этому извѣстію, что сшилъ своей новой любимицѣ Мартѣ тонкій чепчикъ, себѣ сдѣлалъ модный парикъ и рѣшился было выдать Никласзону одинъ годъ не

доимки, но, подумавъ, что этотъ повѣренный не смѣетъ измѣнить ему собственно для себя, отсчиталъ ему только кучу благодарностей. Впослѣдствіи секретарь баронессы, продолжавшій называться преданнѣйшимъ человѣкомъ Фюренгофа, дѣйствовалъ за одно съ Елизаветою; даже еще въ недавномъ времени диктовалъ ей краснорѣчивое письмо, которымъ грозилъ ему и вмѣстѣ себѣ роковымъ завѣщаніемъ. Елизавета укрылась здѣсь, на мызѣ моего добраго пріятеля, доктора Блументроста. Когда жъ я самъ явился инкогнито въ Лифляндію, когда мой вѣрный Фрицъ опредѣлился кучеромъ къ баронессѣ Зегевольдъ, чтобы надглядывать надъ Никласзономъ и получать по возможности своихъ средствъ свѣдѣнія о томъ, что происходило кругомъ Гельмета...

— Извините, дядюшка, прерываю васъ. Какимъ же образомъ баронесса и другіе непріятели ваши не отгадали вашего лазутчика въ Фрицѣ, котораго они должны были по васъ прежде знать?

— Нѣтъ, другъ мой, они его вовсе не знали. Отецъ мой въ разныя времена своей жизни имѣлъ пребываніе въ Стокгольмѣ и умеръ тамъ. Семейство Треймана было съ нимъ неразлучно. Тамъ отдалъ онъ Фрица, еще мальчикомъ, въ берейторы и ветеринары. Кончивъ курсъ ученія, Фрицъ оставался всегда въ резиденціи для надзора за лошадьми, которыми отецъ мой особенно любилъ щеголять и славился во всемъ королевствѣ. Неоднократно служитель умѣлъ оказывать своему господину опыты рѣдкой преданности и вѣрности. Господинъ умѣлъ ихъ чувствовать и цѣнить: со смертнаго одра своего благороднѣйшій изъ людей и нѣжнѣйшій изъ отцовъ поручалъ меня съ братомъ этому служителю, какъ родственнику, какъ другу. Я путешествовалъ тогда. По пріѣздѣ моемъ въ Лифляндію, Фрицъ жилъ у моего брата, стоявшаго съ полкомъ въ одной

изъ отдаленныхъ провинцій Швеціи; поступилъ же ко мнѣ, когда начались мои несчастія. «Теперь моя помощь вамъ нужнѣе», говорилъ онъ, и оправдалъ свои слова на дѣлѣ. Всѣмъ былъ онъ для меня въ черные дни мои: спасителемъ отъ позорной казни, меня ожидавшей, потому что онъ болѣе всѣхъ способствовалъ къ моему бѣгству изъ Стокгольма. Онъ питалъ меня во дни голода, утѣшалъ въ изгнаніи; теперь помощникъ мой въ освобожденіи Лифляндіи отъ шведскаго ига. Но я замѣчаю, что тронулъ твою слабую струну...

— Не то читаете вы, дядюшка, на лицѣ моемъ: я хотѣлъ спросить, почему знаетъ меня Фрицъ?

— Онъ видѣлъ тебя въ Стокгольмѣ, у меня въ домѣ, передъ вступленіемъ твоимъ въ университетъ. И такъ, когда построены были всѣ мои политическіе виды въ Лифляндіи, куда тайно пріѣзжалъ я нерѣдко, когда русскія войска вступили въ здѣшный край, въ душѣ Елизаветы зажглись темныя надежды мщенія. Войско русское могло быть въ Рингенѣ!.. Почему-жъ и ей не быть тамъ вмѣстѣ?.. Съ этою мыслью и разными видами, которые мнѣ сообщила, она поступила маркитанткою въ корпусъ Шереметева, подъ именемъ чухонской дѣвки Ильзы. Чего не испытала она тамъ въ два года между солдатчины!.. Но близокъ часъ ея торжества; можетъ быть, онъ уже наступилъ. Сѣкира, лежавшая у корня, должна быть поднята, и древу нечестія пришло время пасть... (Паткуль въ благоговѣніи прочиталъ про себя молитву). Молись Богу, добрый мой Густавъ, и Луизу не отнимутъ у тебя.

— Дядюшка! благодѣтель мой! еслибъ это такъ было!...

— Обѣщался-ли бъ ты тогда оставить шведскую службу и вступить въ русскую?

— Никогда, никогда, хотя бъ это стоило руки Луизы! Я умру вѣрнымъ моему законному государю.

— Даже и тогда, когда отечество твое признаетъ своимъ государемъ Петра Великаго и присягнетъ ему на вѣрность?

— Тогда... Это не можетъ быть!..

— Но если бы это случилось.

— Тогда-бъ и я служилъ Петру, государю Лифляндіи. (Паткуль молча пожалъ ему руку). Но что я говорю? До какого слова довели вы меня, дядюшка! Я себя не узнаю. Когда мое отечество гибнетъ въ пожарахъ и неволѣ; когда мои ближніе, мои друзья, идутъ тысячами населять степи сибирскія, въ то время имя Петра, виновника этихъ бѣдствій, на устахъ моихъ и, можетъ быть, въ моемъ сердцѣ замѣнило имя законнаго моего государя. Луиза! — вскричалъ Густавъ, закрывъ глаза руками,—ты все это дѣлаешь!...

Потомъ, немного подумавъ, сказалъ онъ Паткулю:

— Воля ваша, дядюшка, я не понимаю, какія надежды могу имѣть. Полученіе имѣнія?... На что мнѣ оно въ неволѣ, безъ нея? Счастливѣе былъ бы я въ тысячу разъ, если бы вмѣсто богатства пришла она безъ придачи, въ мою бѣдную мызу, наслѣдство бѣднаго отца; я принялъ бы ее тогда, какъ божество, которое однимъ словомъ можетъ дать мнѣ всѣ сокровища міра.

— Я не всемогущъ. Могу тебѣ только сказать: будь покоенъ. Если Ильза не умерла до прибытія русскихъ въ Рингенъ, такъ братъ твой не женатъ на Луизѣ. Все прочее предоставимъ Богу; а покуда будемъ ожидать благопріятнаго посланія отъ нашей феи, обладающей талисманомъ всемогущимъ.

Такъ кончился разговоръ, открывшій много Густаву. Нельзя выразить мучительное положеніе, въ которомъ онъ провелъ цѣлый день между мечтами о счастіи, между нетерпѣніемъ и страхомъ. Иногда представлялась ему Луиза въ тотъ самый мигъ, когда она, сходя

съ Гельметскаго замка, съ нѣжностью опиралась на его руку, и смотря на него глазами, исполненными любви, говорила ими: «Густавъ, я вся твоя!» То гремѣло ему вслухъ имя Адольфа, произнесенное въ пещерѣ, или видѣлось брачное шествіе брата его съ Луизой...

Утромъ слѣдующаго дня Паткуль пришелъ къ нему съ бумагою, только что полученною отъ Ильзы на имя г. Блументроста. Принесшій ее былъ чухонскій крестьянинъ, которому заплачены были за эту услугу большія деньги, съ обѣщаніемъ такой же награды при доставленіи.

— Другъ мой!—сказалъ Паткуль племяннику своему, — и не развертывалъ до тебя рокового посланія. Возложимъ упованіе наше на Бога и съ твердостію, сродною нашему полу, приступимъ къ чтенію.

Здѣсь поднялъ онъ глаза къ небу и съ трепетомъ сердечнымъ, какъ бы его собственная судьба заключалась въ бумагѣ, развернулъ ее. Онъ обѣщалъ много... и горе ему, если онъ питалъ напрасно любовь и надежды Густава! Горе послѣднему, если дядины слова не сбудутся!

— Постойте, дядюшка!—вскричалъ Густавъ,—подождите читать; не убивайте меня вдругъ; дайте мнѣ однажды перевести духъ.

— Малодушный! помни: Луиза смотритъ на тебя. Человѣкъ, неумѣющій управлять собою, недостоинъ ея.

Это волшебное имя придало силы несчастному, и онъ готовъ былъ спокойнѣе выслушать свой приговоръ.

— Письмо это на имя Блументроста,—продолжалъ Паткуль, пробѣгая глазами бумаги и перевертывая листы. — Понимаю; предосторожность не лишняя! Но рука незнакомая, и подписи не видно! Боже мой! сколько лоскутовъ, и что за чепуха!... Постараемся пройти черезъ этотъ дедалъ. Но вотъ письмецо, вѣ-

роятно, писанное женскою рукою. Оно къ тебѣ адресовано, милый другъ, и запечатлѣно именемъ, для тебя драгоцѣннымъ.

Записка была уже въ дрожащихъ рукахъ Густава. Онъ пожиралъ на ней глазами и сердцемъ слѣдующія строки:

«Густавъ! женщина, посланная отъ тебя, сказала мнѣ, что ты раненъ, боленъ, и умрешь, если на вѣчное прощаніе не скажу тебѣ слова утѣшенія. Какое утѣшеніе можетъ дать та, которая сама болѣе имѣетъ въ немъ нужду, нежели кто-нибудь? Сказать-ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это знаешь; и на что тебѣ теперь это слово?... Что сдѣлаешь изъ него?... Повторяя его тебѣ, я уже преступница: черезъ нѣсколько часовъ я жена твоего брата. Велятъ, и я повинуюсь. Прости, будь счастливъ: мысль объ этомъ усладитъ немногіе дни, которые осталось жить Луизѣ З.»

— Свершилось все, дядюшка! — воскликнулъ Густавъ, цѣлуя записку и рыдя надъ нею,—по крайней мѣрѣ, съ этимъ залогомъ умереть не тяжело. Она меня любитъ!... Чего-жъ мнѣ болѣе?... Луиза моя!... Самъ Богъ мнѣ ее далъ.. Она придетъ къ тебѣ въ домъ, Адольфъ, но не будетъ твоя. Ты не знаешь, что она сердцемъ сочеталась со мною прежде!...

Въ глазахъ Густава было что-то дикое; съ ядовитою усмѣшкою онъ обращалъ ихъ на все окружавшее его; онъ весь дрожалъ. Записка упала изъ рукъ. Паткуль поднялъ ее.

— Успокойся, другъ мой! — сказалъ этотъ, пробѣжавъ ее, и потомъ, ласково взявъ руку своего племянника, прибавилъ: — ты прочелъ не всю записку. Взгляни: вотъ отмѣтка, сдѣланная рукою твоего благороднѣйшаго брата. Всмотрись хорошенько. Успокойся, прошу тебя именемъ Луизы.

При этомъ имени Густавъ вздрогнулъ, потеръ себѣ

лобъ рукою, озирался, какъ бы не зналъ, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается. Паткуль повторилъ ему свое замѣчаніе, и онъ схватилъ опять записку Луизы. Дѣствительно, была на ней слѣдующая отмѣтка:

«Я читалъ это письмо, и возвращаю его по принадлежности. Будь счастливъ, Густавъ, повторяю вмѣстѣ съ Луизою. Благодарю Бога, что еще время. Давно бы открыться тебѣ брату и другу твоему Адольфу Т.»

За этой припиской слѣдовала другая:

«Я отмщена. Въ дни счастія своего не забудьте злополучной Ильзы.»

Густавъ не вѣрилъ глазамъ своимъ; читалъ, смотрѣлъ радостно на дядю, углубился въ думы, еще перечитывалъ. Глаза его просвѣтлѣли; сладкія слезы полились изъ нихъ и облегчили его сердце, сдавленное горестію.

— Я еще ничего не понимаю,—сказалъ онъ, наконецъ, бросаясь обнимать Паткуля,—но уже счастливъ.

— Поищемъ объясненія въ этой бумагѣ; но клянись мнѣ прежде не дурачиться болѣе и помнить одно: тебя любятъ, и твоя любовь извѣстна брату, какихъ мало на свѣтѣ. Съ тебя пока довольно.

— Клянусь быть спокойнымъ, чтобы ни было написано въ бумагахъ, еще не прочтенныхъ послѣ той, которая у меня, я ничего не страшусь. Добрый, благородный, милый Адольфъ! я тебя постигаю.

Взглянувъ на Густава съ усмѣшкою, какъ бы не довѣряя ему, Паткуль началъ читать вслухъ по порядку листы, бывшіе у него въ рукахъ:

«Вы удивитесь, почтеннѣйшій господинъ докторъ, получивъ отъ меня письмо изъ Дерпта, и такъ небрежно написанное на нѣсколькихъ лоскуткахъ. Причиною тому чудесныя происшествія, случившіяся въ семействѣ Зегевольдъ, и поспѣшность, съ которою я извѣщаю васъ о нихъ: они перевернули весь домъ

вверхъ дномъ, вскружили мнѣ голову до того, что я не въ состояніи нынѣ классифицировать порядочно ни одно растеніе, и такъ деспотически мною управляютъ, что я, не имѣя бумаги, принужденъ выдирать на письмо къ вамъ листы изъ Флоры, которую составилъ было во время моего путешествія отъ Гельмета до Дерпта. Ахъ, почтеннѣйшій господинъ докторъ! какую собралъ я коллекцію драгоцѣнныхъ растеній, по которымъ нерѣдко вздыхали мы такъ тяжело! Еслибы вы могли видѣть чудесный ranunculus septentrionalis, который отыскалъ я—и гдѣ-жъ, какъ бы вы думали? не падалеку отъ salix acutifolia fœmina. А вы знаете, мой любезнѣйшій другъ, что женскій полъ этого рода, бывшій доселѣ у насъ неизвѣстнымъ, почитали только дикорастущимъ на берегахъ Каспійскаго моря...»

Тутъ Паткуль, потерявъ терпѣніе, пожалъ плечами и сказалъ:

— Спѣшитъ же чудакъ увѣдомить о дѣлахъ фамиліи Зегевольдъ!

Потомъ пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ, бормоча про себя, и вдругъ началъ читать опять вслухъ:

«Вы только можете повѣрить, съ какою любовью обнялъ я эту прелестную Дафну, доселѣ убѣгавшую отъ моихъ поисковъ, — вы только, потому что ваше сердце бьется, какъ и мое, при видѣ этихъ прекрасныхъ твореній... И чтожъ? Злодѣи, служители баронессы, выбросили...»

— Тфу, пропасть! да это цѣлая исторія ивы. Сколько молчаливъ онъ на словахъ, столько болтливъ на бумагѣ. Боже мой, пошли мнѣ терпѣніе! Брръ, брръ... Наконецъ берегъ, берегъ!

«Я, кажется, сказалъ вамъ въ началѣ письма, что не писалъ бы къ вамъ такъ скоро послѣ свиданія нашего, еслибы не просила меня объ этомъ убѣдительно

одна несчастная женщина, которой имя узнаете изъ содержанія этого письма, и въ судьбѣ которой, какъ она мнѣ изъяснила, вы принимаете такое же искреннее, живое участіе, какъ и въ судьбѣ моей воспитанницы. Повидимому, звѣзда одной имѣетъ сильное вліяніе на путь другой. Вы должны во-первыхъ, знать, мой почтеннѣйшій, что мы съ Адольфомъ Траутфеттеромъ едва довезли больную Луизу до Гальсдорфа, помѣстья г-жи баронессы, неподалеку отъ Рингена, — помѣстья, которое обладательница его около десяти лѣтъ не видала и откуда мы выпугнули сотни летучихъ мышей. Одну изъ нихъ, весьма замѣчательную по устройству головы, берегу въ банкѣ. Она,—то есть баронесса, хотѣлъ я сказать,—до сего времени не любила Гальсдорфа; но въ бѣдѣ пригодится иногда и то, на что мы прежде и смотрѣть не хотѣли. Всѣ нѣжнѣйшія попеченія влюбленнаго жениха были истощены, чтобы успокоить страждущую или, лучше сказать, умирающую невѣсту. Кажется, для спасенія ея онъ пожертвовалъ бы жизнію. Жаль мнѣ было добраго, благороднаго Адольфа! Луиза принимала его услуги съ признательностію, казалась внимательною къ его попеченіямъ; между тѣмъ душевный огонь видимо пожиралъ остатки ея жизни. Адольфъ приписывалъ это состояніе разлукѣ съ матерью, неизвѣстности о ней въ такое злополучное для Лифляндіи и особенно для Гельмета время, и тому подобному. Но я видѣлъ, что болѣзнь ея имѣла одинакій источникъ, какъ и та, отъ которой вы излѣчили мою воспитанницу нынѣшней весной. День ото дня нѣжнѣй становился Адольфъ, день ото дня—Луиза грустнѣе. — Худое выйдетъ изъ этого!—думалъ я; но этому худу помочь было нечѣмъ. Пріѣхала черезъ двое сутокъ баронесса, скучная, молчаливая, кажется, изъ доброй школы, потому что отложила въ сторону всѣ дипломатическія заботы. Она

помышляла, говорила только объ эдномъ: устроить скорѣе счастіе своей Луизы. А я такъ думалъ: этимъ счастіемъ ты довершишь ее! Адольфа умѣла въ это время дипломатка ослѣпить до того, что онъ бредилъ только о своемъ будущемъ благополучіи. Тогда же получено нами извѣстіе, что въ Рингенъ приходили татары съ ужаснымъ своимъ предводителемъ, и приходили, какъ антикваріи, взглянуть на развалины замка. Къ удивленію общему, они были смирны тамъ, какъ ягнята: никого не тронули на волосъ; ни у кого не взято даже нитки. Можно сказать, Фюренгофъ вышелъ сухъ изъ воды. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ прошла въ околодкѣ нашемъ молва, что съ войскомъ азіятскимъ въ Рингенѣ была какая-то колдунья, бросила мертваго, золото-волосаго мальчика передъ окнами Бира, вынула изъ дупла какого-то дерева гнѣздо въ видѣ башмака, съ ужасными угрозами показала его издали Фюренгофу, говорила о какой-то бумагѣ и ускакала на черномъ конѣ вмѣстѣ съ татарскимъ начальникомъ. Съ того времени баронъ слегъ въ постель и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ своей вѣрной Марты. Простой народъ говоритъ, что колдунья утащила гнѣздо, въ которомъ лукавый несъ барону золотыя яйца; съ тогоже и тяжело ему стало. Между тѣмъ у насъ въ Гальсдорфѣ рѣшено было отпраздновать свадьбу и вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ новобрачными, ѣхать въ Дерптъ, куда комендантъ тамошній приглашалъ Адольфа укрыться отъ непріятеля и вступить на службу. Послали къ Фюренгофу съ испрошеніемъ на все это его утвержденія, согласно извѣстному условію. Вмѣсто отвѣта пріѣхалъ онъ самъ и, что насъ не мало изумило, требовалъ, чтобы свадьба была отправлена какъ можно поспѣшнѣе. Этого только и хотѣла баронесса. Передъ роковой церемоніей пришла ко мнѣ моя воспитанница. Она была блѣдна, какъ мертвецъ; глаза ея помутились. Она

схватила мою руку своею ледяною рукою, и холодъ смерти сообщился мнѣ. Я не могъ удержать слезъ своихъ. «Другъ мой! мнѣ и плакать не велятъ»—сказала Луиза, сжимая мою руку,—«я пришла съ тобой проститься и... (Тутъ легкій румянецъ означился на щекахъ ея; глаза ея сверкнули погасающимъ пламенемъ; она сняла съ груди крошечную шелковую подушечку и подала мнѣ ее). Этотъ даръ прислалъ мнѣ *онъ* въ послѣдній день моего рожденія, никто мнѣ этого не сказывалъ; но я знаю, это прислалъ *онъ*. У сердца моего хранился милый даръ донынѣ: никто, кромѣ сердца моего, не знаетъ объ этомъ. Я хотѣла, чтобы его вмѣстѣ со мной положили въ гробъ... Сдѣлавшись женою другого, я не могу его имѣть при себѣ. Когда меня не будетъ на свѣтѣ—а этого ждать не долго — возвратите его Густаву. Обѣщаете-ли?...» Слова ея раздирали мнѣ душу; я хотѣлъ ее успокоить, но только могъ плакать. Мы плакали вмѣстѣ. Я ей все обѣщалъ. Луиза хотѣла еще что-то сказать, но послышались шаги баронессы, преслѣдовавшей свою жертву. Вошедши въ мою комнату, она сурово взглянула на насъ и повлекла несчастную къ алтарю. Въ эти роковыя минуты я не могъ покинуть свою Луизу: я присоединился къ ней у входа въ церковь. Она едва могла съ моею помощію и жениха взойти на лѣстницу. Адольфъ замѣтилъ ея состояніе и спросилъ ее съ нѣжнымъ участіемъ, не больна-ли она. «Немножко!»—отвѣчала Луиза, и едва не упала на мои руки; но грозный взоръ матери оживилъ ее. Въ храмѣ находились только баронесса, Фюренгофъ, я — и домашніе. Баронесса была угрюма; милліонеръ все першилъ, будто страдалъ чахоткою; Адольфъ былъ невеселъ; служители плакали такъ, что нѣкоторыя принуждены были выйдти на паперть. Церемонія походила на погребальную процессію...»

— Поэтому она... — вскричалъ Густавъ задыхающимся голосомъ.

— Безумный!—перебилъ съ сердцемъ Паткуль, — что обѣщалъ ты мнѣ? Развѣ не имѣешь въ собственныхъ рукахъ залога своего спокойствія? Начинаю сомнѣваться, достоинъ-ли ты его. Не прерывай меня или я самъ замолчу.

— Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога, продолжайте.

Паткуль началъ снова чтеніе:

«Церемонія походила на погребальную процессію. Казалось, сама природа хотѣла сдѣлать ее еще пасмурнѣе. День ужь вечерѣлъ; черныя тучи собрались со всѣхъ сторонъ и повисли надъ храмомъ; бушевалъ вѣтеръ, и оторванный листъ желѣза на кровлѣ, стоная, раздиралъ душу. Пасторъ готовъ былъ произнести слово судьбы, какъ вдругъ отворилась съ шумомъ дверь церкви и передъ нами явилась высокая женщина, съ лицомъ мѣднаго цвѣта, съ черными длинными волосами, по плечамъ, въ нищенской одеждѣ. Глаза ея ужасно прыгали, и казалось, издавали отъ себя пламень. Мы всѣ съ трепетомъ отступили отъ этого привидѣнія; но всѣхъ болѣе видимо перепугался Фюренгофъ, лицо его начало подергивать ужасными конвульсіями. «Стой!» закричала женщина страшнымъ голосомъ, какого я не слыхивалъ въ жизнь мою, и... (Паткуль съ нетерпѣніемъ схватилъ послѣдній листъ, чтобы читать продолженіе) «и... Sphagnum obtusifolium настоящая поглощающая...»

— Что это значитъ? — вскричалъ чтецъ съ неудовольствіемъ,—нашъ мудрецъ не обернулъ-ли въ забывчивости вверхъ ногами листъ, на которомъ начато было его травяное разсужденіе? Нѣтъ, это не такъ; и это все то, — продолжалъ онъ, оборачивая листъ на разныя стороны.—Посмотримъ опять:

«Sphagnum obtusifolium настоящая губка, погло-

щающая необыкновенно много воды и имѣющая свойство расширять свои сосудцы до величины изумительной...»

— Чтобы чортъ меня побралъ, если я тутъ что понимаю! Весь послѣдній листъ исписанъ разсужденіемъ объ одномъ и томъ же растеніи; а окончанія настоящаго разсказа объ Луизѣ не видно.

— Что онъ со мною сдѣлалъ? — воскликнулъ Густавъ, который доселѣ едва смѣлъ дышать.

— Бездѣлицу! Отъ проклятаго разсѣянія, второпяхъ, онъ навѣрно смѣшалъ листы, и вмѣсто того, который намъ нуженъ, всучилъ свою Sphagnum obtusifolium—чтобъ ему самому превратиться въ Sphagnum!.. О! если бы онъ попался мнѣ теперь, я выжалъ бы изъ этой негодной губки все, что онъ утаилъ отъ насъ! Негодяй, болванъ, годный только вмѣсто бюста Сократа на запыленный шкапъ деревенской библіотеки!..

Паткуль ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами, пыхтѣлъ отъ досады, и, наконецъ, засмѣялся.

— И мы,—сказалъ онъ,—мы настоящія дѣти сердимся на чудака, благороднѣйшаго изъ людей, за слабость, которой сами причастны. Не всѣ-ли мы имѣемъ своего конька? Не всѣ-ли поклоняемся своему идолу, я—чести, ты—любви, Фюренгофъ — золоту, Адамъ — своей флорѣ? О чемъ ни думаетъ, что ни дѣлаетъ, флора въ головѣ его, въ его сердцѣ. И чтожъ? Когда мы впадаемъ въ безуміе отъ того, что не можетъ удовлетворять своей страсти, неужели не извинимъ въ другомъ припадка безумія отъ любви, болѣе безкорыстной, болѣе невинной и чистой?

— Дядюшка, но онъ на волосъ повѣсилъ мечъ надъ головой моей!

— Неблагодарный, прочти еще разъ записку Луизы и брата своего,—отвѣчалъ спокойно Паткуль,—и бла-

годари судьбу за милости, которыя она такъ явно тебѣ посылаетъ. Съ своей стороны возсылаю Тебѣ, о Боже всемогущій, благодареніе за то, что не постыдилъ меня и совершилъ мои обѣты.

Густавъ прочелъ еще разъ письмо Луизы.

— Да! я виноватъ передъ Тобою, Господи! — сказалъ онъ и, павъ на колѣна, пролилъ слезы благодарности передъ Творцомъ своимъ за любовь къ нему Луизы и ниспосланіе залога, примиряющаго его съ жизнію и надеждами, хотя темными, но все-таки драгоцѣнными.

Слѣдующій день былъ днемъ горестной разлуки. Густавъ отправлялся въ Россію съ другими офицерами, взятыми въ плѣнъ въ разныхъ сраженіяхъ. При прощаніи съ дядею ему дано слово заботиться и въ отдаленіи объ его благополучіи. Что сталось съ нимъ, когда онъ, сидя на двухколесной латышской телѣжкѣ, подъѣхалъ къ повороту въ землю непріятельскую и взглянулъ назадъ на дорогу, которая вела въ мѣста, для него столь драгоцѣнныя? Едва закрывшіяся раны его сердца вновь растворились... Кто терялъ свое отечество и оставлялъ въ немъ любимую женщину, можетъ судить, что онъ чувствовалъ. Когда-то онъ увидитъ ихъ? Какія перемѣны могутъ въ это время случиться! Теперь Луиза свободна: въ этомъ увѣряетъ письмо ея, засвидѣтельствованное Адольфомъ; но Луиза еще не его. Кто поручится, что ее не принудятъ выйти за другого? Гдѣ она? Что съ нею? Какая судьба постигнетъ его отечество? Какія собственныя его надежды?.. Запросы эти пропадали въ мрачной неизвѣстности. Онъ посмотрѣлъ впередъ на дорогу въ Россію: въ эту бездну долженъ былъ онъ броситься—и сердце его замерло... Онъ оборотился еще разъ на дорогу въ Лифляндію: глаза его наполнились слезами. Телѣжка двигалась; съ каждымъ шагомъ лошади, цѣна его по-

терь дѣлалась для него чувствительнѣе: онъ ничего не взвидѣлъ и бросился на солому.

Паткуль уѣхалъ ко двору Петра. Проводивъ мнимаго господина Фишерлинга, швейцарка шла, рыдая, въ свое отечество за угрюмымъ отцомъ своимъ и, казалось, готова была выплакать свое сердце. Ей назначено тайное свиданіе въ Германіи, любовь или жалость его назначили, мы не знаемъ; но извѣстно только намъ, что безъ того бы Роза осталась умереть на мызѣ, гдѣ похоронила свое спокойствіе и счастіе.

Владиміра и слѣпца давно не было на мызѣ. Опередивъ ночью русское войско, они отдыхали на послѣдней высотѣ къ Маріенбургу. Сзади оглядывался на нихъ золотой пѣтухъ оппекаленской кирки; впереди показывались имъ блестящимъ полумѣсяцемъ воды озера, врѣзаннаго въ темныя рамы береговъ; чернѣлся въ воздухѣ высокій шпицъ Маріенбургской колокольни, и за ней, какъ искры, мелькали по временамъ въ амбразурахъ крѣпости пушки, освѣщаемыя лучами восходящаго солнца. Уже былъ слышенъ перекатный бой барабана, возвѣщающій *побудокъ*...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧТО ДѢЛАЛОСЬ ВЪ МАРІЕНБУРГѢ?

Деревни, города пылаютъ, тихо
Еще у насъ въ долинахъ.... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья!
„Орлеанск. Дѣва".—Перев. *Жуковскаго.*

Мы такъ привязаны къ одной изъ героинь нашего романа, что не будемъ скупиться на описаніе мѣстечка, оживленнаго ея пребываніемъ. Думаю, что *со временемъ* читатели за это не посѣтуютъ на насъ.

Замокъ маріенбургскій [1]) основанъ въ 1341 г. орденмейстеромъ Бурхардомъ Дрейлевеномъ для защиты границъ Ливоніи отъ русскихъ. Первый комтуръ замка былъ Арнольдъ фонъ-Фитингофъ, по странному стеченію случаевъ, предокъ и однофамилецъ нынѣшняго владѣтеля Маріенбурга. Какъ и прочіе замки въ Лифляндіи, переходилъ онъ изъ рукъ въ руки то къ русскимъ, то къ полякамъ или къ шведамъ: всѣ они точили объ его бойницы желѣзо своихъ мечей и стрѣлъ. Въ 1658 г.

---

[1]) По-латышски *Аллукне*, по-русски *Алистъ*, находящійся въ уѣздѣ, бывшемъ *Розула*, нынѣ Венденскомъ, близъ угла, гдѣ сходятся границы Псковской и Витебской губерній, въ 45 верстахъ отъ *Пейпаузна*, или *Новгородка-Ливонскаго*, въ 60-ти верст. отъ Печоры.

Маріенбургъ осажденъ и взятъ русскими подъ предводительствомъ Афанасія Насакина. Черезъ четыре года сданъ онъ шведамъ вслѣдствіе кардисскаго договора— прибавить надо — неохотно. При исполненіи его обѣ стороны посчитались довольно жарко, къ невыгодѣ нашихъ предковъ. Въ началѣ борьбы Петра съ Карломъ XII, военачальникъ послѣдняго, Шлиппенбахъ, исправилъ укрѣпленія замка. Только съ 1702 года Маріенбургъ становится для насъ особенно занимательнымъ.

Воображеніе, увлекаемое историческими воспоминаніями этого времени, окидываетъ его волшебною сѣтью. Еще не видавъ Маріенбурга, представляешь его себѣ какимъ-то армидинымъ садомъ; увидѣвъ — не разочаруешься. Все въ немъ соотвѣтствуетъ той, которая нѣкогда украшала его своимъ присутствіемъ и украшала потомъ... Но рѣчь теперь о Маріенбургѣ. Живописнѣе мѣстъ я мало видывалъ. Для сравненія съ пріятнѣйшими мѣстами Германіи недостаетъ ему только европейской населенности.

Хотите-ли имѣть лучшую точку зрѣнія на окрестности? Ступайте на высоту, гдѣ стоитъ храмикъ, съ большимъ вкусомъ сооруженный нынѣшнимъ владѣтелемъ Маріенбурга. Высоты этой не было до 1702 г. Чтобы скорѣе овладѣть замкомъ, Шереметевъ, также, какъ и при осадѣ Азова, рычагомъ тысячей рукъ передвинулъ издалека земляной валъ, за которымъ укрывались осаждавшіе; взгромоздилъ бугры на бугры, засыпалъ ими берегъ въ уровень замка и, съ высоты, громя твердыни, требовалъ покорности. Насыпи, исключая подъ храмикомъ, обросли густыми рощицами. Между ними проведена дорога, по которой можно добраться до него въ экипажѣ. Думалъ-ли полководецъ русскій, что онъ своими батареями украситъ владѣнія лифляндскаго барона и устроитъ посѣтителямъ Маріенбурга самое выгодное и пріятное мѣсто для обозрѣнія

его окрестностей? — Отсюда попросимъ читателя нашего смотрѣть на нихъ.

Развалины замка, образующія неправильный шестиугольникъ, стоятъ на небольшомъ островѣ овальной фигуры, въ южномъ заливѣ маріенбургскаго озера. Онѣ, кажется, выплыли изъ водъ, оставивъ окрайницы земли и мыски, едва замѣтные. Война будто нарочно взорвала крѣпость, чтобы сдѣлать еще живописнѣе маріенбургскую окрестность: развалинъ красивѣе не могъ бы создать искуснѣйшій архитекторъ. Природа-зодчій, соперничая съ человѣкомъ въ украшеніи острова, съ большимъ вкусомъ помѣстила кое-гдѣ на берегахъ его кудрявыя деревья, которымъ дали жизнь сѣмена, заброшенныя съ материка. Остатки замка, выступая изъ водъ и погружаясь въ воды, двоятъ красоты этой картины. За островомъ, прямо на противномъ берегу, возвышается кирка. Она построена въ новѣйшія времена и славится въ Лифляндіи своею огромностью и изяществомъ архитектуры. Нѣсколько правѣе, на берегу же озера, изъ купы деревъ, раздѣленныхъ цвѣтникомъ, выглядываетъ простой, но красивый домикъ пастора [1]). На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ домъ, гдѣ жили Гликъ и его воспитанница. Посѣщая жилище пастора, забываешь, что ихъ не найдешь болѣе. При каждомъ стукѣ двери думаешь, не взойдетъ-ли прекрасная Кете? Такъ очаровательно воспоминаніе о ней! Правѣе отъ пасторскаго домика, на холмѣ, у загиба озера, красуется березовая чистая рощица. Время ее засадило. На этомъ возвышеніи стояла кирка, въ ко-

---

[1]) Г-нъ Рюль, пасторъ, умный, любезный, достойно уважаемый своею паствою. Гостепріимство его буду всегда помнить съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ онъ мнѣ о тѣхъ, которые слишкомъ за 100 лѣтъ украшали его обитель! Ему-то я особенно обязанъ за драгоцѣнныя о нихъ свѣдѣнія.

торой патріархъ маріенбургскій напутствовалъ свою паству къ добру, и Катерина Рабе пѣвала въ хорѣ смиренныхъ прихожанъ пѣснь хвалы и благодаренія Богу, для нея столь щедрому. Здѣсь владѣтель Маріенбурга, баронъ фонъ Фитингофъ, пламенно любя все изящное и высокое, предполагалъ поставить памятникъ. Вмѣсто двухъ одинокихъ корчмъ, нынѣ раздѣленныхъ цѣлою верстою, мѣстечко занимало берегъ. Лѣвѣе отъ нынѣшней кирки стоитъ господскій домикъ съ принадлежностями; отъ него по берегу тянется садъ, расположенный со всѣми затѣями вкуса и богатства. Берегъ озера, съ многочисленными заливами на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, то убранъ рощицами и холмами, какъ грудь красавицы пышною оборкою, то усѣянъ рыбачьими хижинами, деревнями и красивыми мызами, которыя глядятся въ воды и въ нихъ умываются. Кое-гдѣ, посреди водъ этихъ выступаютъ зеленые букеты деревъ, или волнуются по нимъ полосы раззолоченной осоки. Въ разныхъ направленіяхъ по временамъ летятъ большія лодки, взмахнувъ крыльями своихъ парусовъ, и скользятъ челноки, едва замѣтные, какъ водяныя букашки. Иногда всплываютъ на озерѣ снѣжные острова, образуемые стадами лебедей, или надъ нимъ тянутся они, воздушные пилигримы, длинною вереницей.

Схватывая опять нить происшествій, которую мы было покинули для описанія Маріенбурга, просимъ вмѣстѣ съ этимъ читателя помнить, что въ послѣднихъ числахъ іюля 1702 года замокъ существовалъ во всей красѣ и силѣ своей, и вмѣщалъ въ своей оградѣ гарнизонную кирку, домъ коменданта и казематы; что противъ острова по дугѣ берега пестрѣло множество домиковъ съ кровлями изъ черепицы. Изъ нихъ выступало грудцой жилище пастора Глика и на холмѣ возвышалась кирка, довольно древняя, а вправо, гдѣ воды

озера наиболѣе суживаются, островъ сообщался съ материкомъ деревяннымъ мостомъ, котораго сваи и теперь еще уцѣлѣли.

Стемнѣло на дворѣ, когда цейгмейстеръ Вульфъ возвращался въ свои казармы. Онъ только-что отрапортовалъ, послѣ вечерней зари, своему старому коменданту Тилофонъ-Тилавъ о благополучномъ состояніи крѣпости и выслушалъ отъ него грустное сознаніе, ежедневно повторяемое и ежедневно приправляемое вздохами, что бойницы, въ случаѣ нападенія непріятеля, не въ состояніи будутъ долго держаться. Скучный и грустный, Вульфъ взошелъ на крѣпостной валъ. Голубой сводъ неба надъ его головою, испещренный миріадами звѣздъ, и другой сводъ, въ такой же блестящей красѣ, опрокинутый подъ его ногами, образовали дивный шаръ, котораго онъ составлялъ средоточіе. «Какъ малъ человѣкъ въ этомъ нерукотворенномъ храмѣ!» думалъ Вульфъ, «но какъ возвышается онъ, умѣя постигать Тебя, мой Боже, и къ Тебѣ духомъ приближаться!» Цейгмейстеръ скинулъ шляпу, преклонилъ колѣно и съ горячими слезами на глазахъ молился. Никогда еще молитвы его не были такъ усердны. Вставъ, невольно взглянулъ онъ на противолежащій берегъ, гдѣ стоялъ домъ пастора. Жилище Глика потонуло во мракѣ, ни одинъ огонекъ не мелькалъ въ немъ, потому что хозяинъ его еще не пріѣзжалъ. Цейгмейстеръ и не ожидалъ его такъ скоро. Вздохнувъ, онъ собирался сойти съ вала, какъ вдругъ въ домѣ пастора блеснулъ огонекъ, другой; огоньки начали ходить, вышли на крыльцо и освѣтили его. Можно было различить фигуры старика и молодой женщины. Сердце артиллериста не на мѣстѣ. Это они, это Кете, нельзя сомнѣваться. Онъ хотѣлъ бы перескочить къ нимъ черезъ воды, но барабанъ пробилъ роковой часъ, и, заключенный въ стѣнахъ крѣ-

пости, онъ долженъ провести мучительную ночь прежде, чѣмъ ихъ увидитъ.

Наступило утро слѣдующаго дня. Высокій цейгмейстеръ съ сердечнымъ трепетомъ стоялъ уже у кабинета пастора, осторожно стукнулъ въ дверь пальцами и на ласковое воззваніе: «Милости просимъ!» вошелъ въ кабинетъ. Гликъ сидѣлъ, обложенный книгами всякаго размѣра, какъ будто окруженный своими дѣтьми разнаго возраста. Не успѣлъ онъ еще оглянуться, кто пришелъ, какъ пріятель сжималъ уже его такъ усердно въ своихъ объятіяхъ, что сплющилъ уступы рыжекаштановаго парика, прибранные съ необыкновеннымъ тщаніемъ.

— Кетхенъ! — закричалъ пасторъ звонкимъ голосомъ, поправляя свою прическу и разводя кости, — и на этотъ зовъ прибѣжала воспитанница его, въ домашнемъ, простомъ платьицѣ, съ чернымъ передникомъ, нарумяненная огнемъ очага, у котораго готовила похлебку для своего воспитателя. Маленькій, проворный *книксенъ*—и полная, бѣленькая ручка ея протянута на пожираніе неуклюжаго цейгмейстера.

— Какая бомба принесла васъ такъ неожиданно къ намъ?—вскричалъ послѣдній съ необыкновеннымъ удовольствіемъ.

— А! господинъ будущій комендантъ нашъ!—отвѣчалъ пасторъ, — благодарите за это русскихъ, которыхъ вы на свою шею намъ накликали.

— Русскихъ?

— Да, они не дали намъ и понюхать супу госпожи баронессы. Право, такой діэты не запомню. За то, вѣроятно, теперь стряпаютъ у нея исправно, по своему. Едва, едва не попали мы сами подъ Сооргофомъ на встчину къ татарамъ, какъ вы обѣщали намъ въ «долинѣ мертвецовъ».

Вульфъ, полагая, что надъ нимъ подшучиваютъ,

вздумалъ было сердиться; но разсказъ его невѣсты, переданный со всѣмъ убѣжденіемъ истины, открылъ ему глаза. Онъ бѣсился, что генералъ-фельдвахтмейстеръ короля шведскаго допустилъ себя обмануть варварамъ.

— Но это еще не бѣда!—воскликнулъ Вульфъ, потирая себѣ руки. — Наши проучатъ ихъ за дерзкую попытку; наши ощиплютъ это воронье стадо.

Пасторъ, вмѣсто отвѣта, вздохнулъ.

— Мы ихъ встрѣтимъ, доннерветтеръ, — продолжалъ цейгмейстеръ, все болѣе и болѣе горячась.

— Для этой встрѣчи и я готовлю свои орудія. Во-первыхъ, господинъ цейгмейстеръ, во-первыхъ, какъ говаривалъ добрый нашъ Фрицъ, возьму я подъ мышку славянскую Библію моего перевода... Слово Божіе есть лучшее орудіе для убѣжденія побѣдителя.

— Побѣдителя?—вскричалъ съ сердцемъ Вульфъ,— а кой чортъ шепнулъ вамъ, что слава непобѣдимаго войска нашего Карла скинетъ шапку передъ вашими московитами? Развѣ сердце ваше? Развѣ вашъ пономарь московитскій написалъ вамъ о томъ?

— Господи! пошли мнѣ духъ терпѣнія и смиренія съ этимъ бѣшенымъ. Вотъ вы видите, господинъ цейгмейстеръ: я возьму подъ одну мышку славянскую Библію, «Institutio rei militaris» и «Ars navigandi» подъ другую...

— Вы измѣнникъ! Вы предатель страны, давшей вамъ гостепріимство! Вы...

Кете бросила на цейгместера умоляющій взглядъ, схватила его за руку—и слово ужасное, готовое выр ваться изъ устъ его, не было произнесено.

— Говорите, говорите, господинъ пасторъ! — продолжалъ уже Вульфъ утихающимъ голосомъ, — я готовъ слушать васъ съ терпѣніемъ, къ которому мнѣ пора бы привыкнуть.

— Мы, измѣнники, въ дѣла ваши, въ дѣла вѣрныхъ, нелицемѣрныхъ сыновъ отечества, не мѣшаемся! — сказалъ пасторъ, стараясь удерживать свой гнѣвъ при видѣ уступаемой ему спорной земли.—Мы, вотъ изволите знать, бредимъ иногда отъ старости; нами, прости Господи! обладаетъ иногда нечистый духъ. (Тутъ пасторъ плюнулъ). Несмотря на это, мы думаемъ о дѣлахъ своихъ заранѣе. Грете! Грете!

Служанка лѣтъ подъ пятьдесятъ, маленькаго роста, круглая, свѣжая, будто вспрыснутая росою Аврора, прибавить надобно, вечерняя и осенняя, съ улыбкою на устахъ прикатила предъ своего господина.

— Гретхенъ, — сказалъ Гликъ ласковымъ голосомъ,—намъ надо отсюда убираться.

Служанка, открывъ заплывшіе отъ полноты глаза и стиснувъ передникъ въ рукахъ своихъ, осталась въ этомъ положеніи: отъ ужаса она не могла набрать голосу на отвѣтъ.

— Да, да, говорю тебѣ, убираться, и со всѣми пожитками. Пуще всего надобно осторожно убрать вотъ эти славянскія книги.

— Кто-жъ насъ гонитъ отсюда?—могла, наконецъ, выговорить Грете дрожащимъ голосомъ.

— Московиты заполонили нашу Лифляндію, если позволятъ намъ еще такъ называть ее, заполонили, говорю тебѣ, по милости нашего всемилостивѣйшаго государя и отца, который для своей славы ловитъ мухъ въ Польшѣ, между тѣмъ какъ мы бѣдствуемъ, преданные невѣжеству, презрѣнію, безпечности *синихъ* нашихъ друзей или владыкъ. Я говорилъ тебѣ давно, помяни мое слово, Алексѣевичъ великій монархъ. Не даромъ проѣзжалъ онъ черезъ Нейгаузенъ 25-го марта 1697 года; не даромъ изволилъ гнѣваться, что ему дали худой форшпаннъ, что его неловко встрѣтили господа высокоименитые: маіоръ Казиміръ Глазенапъ,

капитанъ Дорнфельдъ и еще какой-то дворянинъ безыменный, назначенный въ переводчики къ его величеству; а переводчикъ этотъ говорилъ по-русски, какъ я по-китайски (пасторъ осклаблилъ свои румяныя губки и поправилъ на себѣ парикъ). Вообрази, Грете, онъ сказалъ царю, «ваше московитское государство», то-есть «Ihre Moskowitische Kaiserthum», вмѣсто того, чтобы сказать: «ваше царское величество», то-есть «Ihre Zarische Majestät». Понимаешь-ли?

— Понимаю, господинъ пасторъ!—отвѣчала грустная слушательница, у которой тогда въ воображеніи плясали кастрюли, столовая посуда, боченки и прочая домашняя утварь, потревоженная съ своей осѣдлости въ безвѣстное путешествіе.

— Я улыбнулся. Великій Алексѣевичъ усмѣхнулся также, и человѣкъ черезъ десятокъ, которыхъ онъ былъ всѣхъ выше цѣлою головою—ты меня понимаешь, Грете! метафора и не метафора, какъ хочешь—не одною головою на плечахъ, хотѣлъ я сказать, но головою Юпитера, изъ которой выступила Минерва. Однакожъ, дѣло не въ томъ, черезъ десять человѣкъ Великій Алексѣевичъ посмотрѣлъ на меня своими быстрыми черными глазами, врѣзавшимся въ моемъ сердцѣ, какъ будто хотѣлъ сказать: «вотъ этотъ человѣкъ зналъ бы, какъ меня привѣтствовать!» Съ этого времени (здѣсь пасторъ гордо посмотрѣлъ вокругъ себя) мы познакомились, мы поняли другъ друга.

— Вы говорили, — возразила служанка съ подобострастіемъ, утирая передникомъ слезу, выкатившуюся изъ глазъ ея, — вамъ угодно было сказать, что намъ должно отсюда...

Далѣе не могла она говорить и закрыла глаза передникомъ.

— Экая ты дурочка! Хныканьемъ не поможешь. Чтожъ намъ дѣлать? Московиты, того и гляди, будутъ

сюда; подѣлаютъ изъ насъ чучелъ или изжарятъ насъ на вертелѣ, какъ говорилъ нѣкогда одинъ давнишній мой пріятель...

— Да когда вамъ такъ знакомъ московитскій царь,— прервала Грете съ нѣкоторою досадою, — почему-жъ не напишите къ нему адреса?

— Адреса! адреса!—вскричалъ пасторъ и началъ съ нетерпѣніемъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, двигая и передвигая безпрестанно свой парикъ. Вскорѣ онъ весь горѣлъ въ огнѣ энтузіазма.—Правда, это не худо-бъ! Написать не диво, но съ кѣмъ пошлемъ? Гдѣ мы его найдемъ?.. Творецъ своего государства, онъ вездѣсущъ. Гмъ! пошлемъ, найдемъ... Адресъ! богатая мысль! прекрасное дѣло!... Ты вразумляешь меня, Грете! Кабы пришли на поминѣ странствующіе музыканты... тогда-бъ — и дѣло въ шляпѣ. Грете! ты спасительница Маріенбурга. Да, сяду, сяду, буду писать.

Пасторъ придвинулъ къ себѣ стулъ, взглянулъ сухо и сурово на Вульфа и хотѣлъ съ нимъ раскланяться, но этотъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, дружески пожалъ ее, еще разъ, и сказалъ:

— Русскіе еще не пришли, господинъ пасторъ; а хотя бы и такъ, развѣ у васъ нѣтъ друга ближе Алексѣевича? Замокъ, мнѣ ввѣренный, крѣпокъ; клянусь Богомъ силъ, его возьмутъ развѣ, когда въ преданномъ вамъ Вульфѣ не останется искры жизни. Но и тогда вы и фрейлинъ Рабе безопасны, — прибавилъ онъ въ первый разъ съ особеннымъ чувствомъ, посмотря на нее.—Предлагаю вамъ квартиру бывшаго коменданта, которую нынѣшній не хотѣлъ занять.

Такое дружеское предложеніе и мысль, что онъ поставилъ на своемъ, обезоружили Глика. Опредѣлено, по полученіи неблагопріятныхъ для шведовъ извѣстій, перебраться въ крѣпость, туда же переправить чле-

новъ богадѣльни и значительныхъ гражданъ мѣстечка. Грете отпущена изъ аудіенціи, не совсѣмъ успокоенная. Хотя и знала она, что весь придворный штатъ ея перевезется безъ тревоги чрезъ воды маріенбургскаго Ахерона, но кто могъ поручиться, чтобы какая сумасшедшая бомба не чокнулась въ крѣпости съ членами ея кухни и погреба, столько сердцу ея близкими?

Когда миръ и любовь воцарились въ семействѣ Глика, цейгмейстеръ, казавшійся спокойнымъ, между тѣмъ какъ неизвѣстность о судьбѣ шведскаго войска щемила его сердце, вызвался разсказать свои похожденія съ того времени, какъ они разстались,—похожденія, говорилъ онъ, весьма занимательныя. Прежде нежели онъ началъ разсказывать ихъ, сходилъ онъ пошептаться о чемъ-то съ Грете.

— Мое повѣствованіе,—такъ началъ цейгмейстеръ, возвратясь въ кабинетъ пастора, — будетъ продолженіемъ того, которымъ пугалъ васъ Фрицъ, когда мы подъѣзжали къ «долинѣ мертвецовъ». Вы помните, что я далъ слово, на возвратномъ пути свесть знакомство съ тамошними духами. Я и исполнилъ его. Да, господинъ пасторъ, побывалъ и я въ когтяхъ у сатаны. Вы смѣетесь и, можетъ быть, думаете, что я подвожу мины подъ мужество моей безстрашной сестрицы. Право, нѣтъ. Если хоть одно красное словцо скажу, такъ я не артиллеристъ, не шведъ! Довольны-ли вы?

— Вѣримъ, вѣримъ! — вскричали пасторъ и воспитанница его,—просимъ къ дѣлу,

— Жай! пли! вотъ вамъ вмѣсто предисловія. Слушайте! Снабженный нужными приказаніями отъ генералъ-фельдвахтмейстера, котораго нашелъ я на пути въ Перновъ, и сопутствуемый штыкъ-юнкеромъ и двумя пушкарями, выбранными мнѣ въ подмогу его превосходительствомъ изъ искуснѣйшихъ и опытнѣй-

шихъ въ защитѣ крѣпостей, я спѣшилъ въ Маріенбургъ тѣмъ болѣе, что хотѣлъ еще васъ перенять на дорогѣ. Черезъ Валки проѣхалъ я въ полночь, видѣлся тайно съ Фрицомъ, который сказалъ мнѣ, что починка экипажа задержитъ васъ еще тамъ на цѣлые полдня. Дорожа вашимъ спокойствіемъ, я не смѣлъ васъ разбудить.

Пасторъ пожалъ руку цейгмейстеру; Кете бросила на него такой взглядъ, который, вторгаясь въ сердце, бьетъ въ немъ радостную тревогу. Вульфъ, ободренный этимъ вниманіемъ, продолжалъ живѣе свое повѣствованіе:

— Весь изломанный путевою жизнію на конѣ и, сострадая къ моему буцефалу, на котораго и жало шпоръ уже не дѣйствовало, я пріостановился въ Менценѣ. Тамъ отдохнулъ я крѣпкимъ сномъ, и проснулся, когда уже ночь порядочно разгуливала надъ страною. Мѣсяцъ, какъ говорятъ, заставляющій духовъ плясать на лучахъ своихъ, прямо глядѣлъ мнѣ въ лицо своимъ волшебнымъ ликомъ. Я вспомнилъ о «долинѣ мертвецовъ». Дай-ка, перемигаемся съ длиннымъ, ночнымъ барономъ ея! сказалъ я самъ себѣ, и разбудилъ своихъ спутниковъ. Храбрые у лафета и въ амбразурѣ, они не любили возиться съ духами, и потому, наслышавшись объ ужасной долинѣ, неохотно собрались въ походъ. «Скоро полночь!» сказалъ тоскливо одинъ изъ пушкарей. «Это мнѣ и нужно!» отвѣчалъ я, и скомандовалъ къ маршу. Только-что въѣхали мы въ рощу, изъ которой по косогору идетъ дорога въ «долину мертвецовъ», наши кони стали упираться и, наконецъ, ни съ мѣста, какъ пушки безъ колесъ. Я разсердился на своего буцефала, и прочелъ ему палашомъ порядочный урокъ, но животное мотало головой, прядало и ворочало назадъ. Это меня взбѣсило. Кидаю лошадь, штыкъ-юнкеръ бросаетъ свою, схватываю пистолеты,

и за мною; пушкари остаются полумертвые при лошадяхъ. Выходимъ изъ чащи, и чтожъ? Въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, исполински шагаетъ по долинѣ высокое привидѣніе, выше меня двумя головами, — въ саванѣ и съ мертвецомъ за плечами. И теперь еще, кажется, вижу, какъ моталась безобразная мохнатая голова. Невольно охватилъ меня ужасъ. Товарищъ стоялъ окаменѣлый на одномъ мѣстѣ, творя молитву. «Это шашни!» сказалъ мнѣ разсудокъ. Ободрившись немного, толкаю своего штыкъ-юнкера и приказываю ему слѣдовать за мной. Спѣшу за привидѣніемъ по долинѣ, въ ущелье; оно отъ меня. Шаги его не человѣческіе. Казалось мнѣ, мертвецъ обернулъ ко мнѣ голову и страшно кивалъ ею, какъ будто звалъ за собою. Чтобы себя ободрить, я крикнулъ по лѣсу, и нѣсколько голосовъ отвѣчаютъ мнѣ на разныя манеры: тутъ было и вытье собаки, и мяуканье кошки, и крикъ совы, однимъ словомъ, весь сатанинскій хоръ. Вдругъ забѣгали огоньки и деревья начали ходить. Оглядываюсь назадъ, ищу товарища, его уже не было. Признаюсь, волосы встали у меня дыбомъ; но я зажмурилъ глаза, подумалъ, что иду на сраженіе, и открывъ ихъ, уже смѣлѣе шелъ за мертвецомъ. Пытаю силу руки своей надъ деревомъ, и при взмахѣ палаша оно съ трескомъ валится въ сторону. Это меня еще болѣе ободрило. Иду все за своимъ вожатаемъ. Въ сторонѣ мелькнуло косматое чудовище, обставленное уродливыми каменьями. Привидѣніе съ мертвецомъ отъ него въ сторону; я все за нимъ черезъ кочки, пни и кусты: то настигаю его, то отъ него отстаю. Уже я съ нимъ свыкся; но усталость готова подкосить мнѣ ноги. Впереди, шаговъ за пятьдесятъ, вижу избушку,—въ ней огонекъ. Высокое привидѣніе въ нее, я за нимъ, ужь тамъ, и — брякъ, передо мною на полу ужасный мертвецъ. Привидѣніе

исчезло. Земля подо мною заколебалась, и все закружилось. Съ трепетомъ оглядываюсь, махая безъ цѣли палашомъ; — кругомъ стѣны нѣсколько скелетовъ человѣческихъ въ разныхъ положеніяхъ: иные держали какіе-то значки, другіе — большія зажженныя свѣчи; все грозили мнѣ костянками своими. Я слышалъ, какъ они переговаривались между собою на языкѣ мертвыхъ; смрадные пары окутали меня; адскій хохотъ надо мною посыпался. Тутъ холодный потъ меня прошибъ; я обмеръ, спотыкнулся, запутался въ ногахъ мертвеца и упалъ прямо на ледяную грудь его... и вдругъ, слышу, схватили меня когтями и потащили...

Въ эту минуту разсказчикъ громко кашлянулъ, хлопнули съ ужаснымъ стукомъ ставни, и въ кабинетѣ, гдѣ были собесѣдники, сдѣлалась темь. Кете вскрикнула и прижалась къ своему воспитателю, который и самъ порядочно вздрогнулъ. Но ставни тотчасъ отворились и при свѣтѣ дня испуганные слушатель и слушательница увидѣли смѣющееся лицо Вульфа, и вслѣдъ за тѣмъ раздался торжественный хохотъ его. Онъ поздравлялъ себя съ побѣдою надъ безстрашною Рабе и признался, что внезапное закрытіе съ громомъ ставней была стратагема, устроенная имъ съ Грете, которой за содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ обѣщано безопаснѣйшее мѣсто въ замкѣ для ея посуды.

— Поэтому и разсказъ вашъ выдумка? — сказала прекрасная слушательница, стыдясь минутнаго своего испуга.

— А гдѣ слово шведа? — прибавилъ пасторъ.

— Я и теперь честію шведа завѣряю, что ни одного слова не солгалъ — отвѣчалъ цейгмейстеръ.

— Удивительно! — сказалъ Гликъ.

— Удивительно! — повторила воспитанница.

И тотъ и другая просили развязки, какимъ способомъ удалось ему выпутаться изъ сатанинскихъ когтей.

— Къ ней-то и приступаю со стыдомъ пополамъ,— произнесъ цейгмейстеръ, вздыхая и понизивъ голосъ.— Съ кѣмъ на вѣку не бываетъ осѣчки? И лучшій конь спотыкается. Иные, прошу замѣтить, вскрикиваютъ отъ одного разсказа о мертвецахъ, а я оробѣлъ передъ сонмищемъ ихъ. И такъ къ развязкѣ. «Что васъ несло сюда, господинъ офицеръ, да еще въ полночь?» раздался надо мною человѣческій голосъ, прерываемый смѣхомъ. Я осмѣлился открыть глаза: страшныя видѣнія исчезли; я лежалъ на канапе въ чистой комнатѣ, хорошо освѣщенной; подлѣ меня сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, пріятной и умной физіономіи, хорошо одѣтый. «Мнѣ кажется, я былъ въ лѣсу...» сказалъ я ему, робко осматриваясь, «и видѣлъ много ужаснаго. Не въ сновидѣніи-ли мнѣ это все представилось? Но какимъ образомъ я здѣсь? Гдѣ я? Съ кѣмъ имѣю честь говорить?»—«Вы, милостивый государь,—сказалъ незнакомецъ, — не ошибаюсь, господинъ цейгмейстеръ Вульфъ—находитесь, дѣйствительно, въ лѣсу и въ анатомическомъ театрѣ вашего покорнѣйшаго слуги, доктора медицины Блументроста. А что это за театръ анатомическій, я вамъ сейчасъ объясню, если вы, господинъ офицеръ, оправились отъ испуга вашего»— прибавилъ онъ съ коварною улыбкой.—«Чортъ побери, думалъ я,—лучше попасть въ цѣпныя объятія кителей, чѣмъ подъ ноготокъ насмѣшливаго доктора». Дѣлать было нечего; я поручилъ себя знакомству господина доктора медицины и, краснѣя, просилъ его растолковать мнѣ свою загадку. Онъ взялъ меня за руку, отворилъ одну изъ дверей той комнаты, въ которой мы находились, и—какъ бы вы думали? — мы очутились въ той самой проклятой избушкѣ, гдѣ грозили мнѣ скелеты. Полъ изъ гибкихъ досокъ, дѣйствительно, подо мною заколебался, и грозные остовы замахали свѣчами и значками своими. Мертвеца уже не было.

Я взглянулъ на г. Блументроста: онъ смѣялся отъ души.—«Не бойтесь, господинъ цейгмейстеръ, подойдемте ближе» сказалъ онъ иронически. «Могу похвастаться, что въ Европѣ никто искуснѣе меня не бѣлитъ человѣческихъ костей, изъ которыхъ дѣлаются скелеты. Съ небольшимъ 20 лѣтъ, какъ открыто это искусство Симономъ Паули, изъ Ростока. Не малыхъ трудовъ и издержекъ стоило мнѣ дойдти до такого совершенства, въ какомъ вы видите мои произведенія. Вотъ этотъ скелетъ, напримѣръ,—прибавилъ онъ, указывая мнѣ на самаго большого—отличается глянцевитостію своихъ костей. Въ свое время онъ водилъ шайку разбойниковъ на границахъ псковскихъ, а нынѣ по смерти пугаетъ шведскихъ воиновъ. Онъ назначенъ для дерптскаго университета. Вотъ и значекъ съ нумеромъ и надписью, куда ему слѣдуетъ отправиться. Проволока, пущенная въ его руки, даетъ имъ необыкновенную гибкость. Отъ этого-то проводника мои куколки такъ забавно умѣютъ помахивать руками. Замѣтьте, этотъ особенно изященъ бѣлизною костей. Онъ съ ума сошелъ отъ честолюбія: ему хотѣлось попасть въ старосты, чтобы имѣть волю бить въ селѣ своемъ палкою всѣхъ кого ни разсудитъ; а какъ жезлъ сельскаго всемогущества обращался не отъ него, а на него, то онъ удавился. Теперь вы видите, что чудакъ добился своего: онъ играетъ на моемъ театрѣ едва ли не первую роль. Если бы вы не скучали подробностями, я съ особеннымъ удовольствіемъ объяснилъ бы вамъ достоинства каждаго изъ членовъ этого общества. Вотъ и привиллегія — продолжалъ Блументростъ, указавъ мнѣ на бумагу въ золотой рамѣ, — данная мнѣ господиномъ генералъ-фельдвахтмейстеромъ: она охраняетъ мое заведеніе отъ нападеній невѣжества. А вотъ одобренія разныхъ академій, которымъ я доставилъ уже нѣсколько такихъ молодцовъ».—Дѣйствительно, я про-

челъ привилегію моего начальника, написанную по формѣ и аттестаты г-на доктора.—«Но позвольте мнѣ сдѣлать еще два вопроса,—сказалъ я,—куда дѣвалось высокое привидѣніе, за которымъ я бѣжалъ, и мертвецъ, запутавшій меня въ сѣтяхъ своихъ?»—«Нѣмой!»—закричалъ докторъ, хлопнувъ въ ладоши. На этотъ зовъ явился молодой латышъ, необыкновенной величины и такъ богатырски сложенный, что могъ бы смять добраго медвѣдя «Нѣмой этотъ, мой помощникъ, не въ первый разъ разыгрываетъ роль привидѣнія», присовокупилъ докторъ, «но, признаюсь, нынѣ превзошелъ себя. Не мудрено! онъ имѣлъ передъ собою или, лучше сказать, за собою образованнаго зрителя. Другіе довольствуются только увидѣть его въ долинѣ; но вы преслѣдовали его въ самое святилище его искусства. Для чего все это дѣлается, я вамъ сейчасъ объясню. Всякое высшее знаніе, непостижимое для невѣжественнаго класса людей, имѣетъ нужду прикрыться отъ близорукихъ очей своею таинственностію. Мудрость была бы побита каменьями, если бы показалась черни въ своей наготѣ. Необходимы и въ наше время елевзинскія таинства; и въ наше время науки имѣютъ свои жертвы, когда не облечены чудесностью».

— Правда, правда!—сказалъ, вздохнувъ, Гликъ,—давно ли пострадалъ было, какъ еретикъ и колдунъ, Георгъ Стернгіельмъ за то, что показалъ сквозь стекло высокоименитому дерптскому профессору Виргиніусу муху съ быка, а другимъ стекломъ зажегъ чухонцу бороду? Едва спасся бѣдняга отъ петли, и то по милости королевы Христины: вѣчная ей за то слава. Охъ, охъ, всѣ времена имѣли и будутъ имѣть своихъ Виргиніусовъ.

— Не мое дѣло углубляться въ разсужденія, а только передать вамъ, что я слышалъ отъ доктора, правду сказать, зѣвая. На моемъ мѣстѣ, я выставилъ

бы пушку противъ всей этой чертовщины; жай! пли! — и, доннеръ-веттеръ, пересталъ бы у меня цырюльникъ пугать народъ... Но вы ждете конца моего разсказа. Оканчиваю. «Искусство мое», сказалъ докторъ, «имѣетъ нужду въ чудесности болѣе, нежели какое другое. Для этого воспользовался я старинною народною сказкою о здѣшней долинѣ. Въ матеріалахъ для своего дѣла не нуждаюсь. Высота креста назначена окружными жителями кладбищемъ для умершихъ насильственною смертью. Мое привидѣніе подбираетъ трупы и доставляетъ мнѣ ими средства пріобрѣтать богатство и европейскую славу. Я показалъ бы вамъ теперь свою лабораторію, если бы не зналъ, что вы болѣе храбры противъ живыхъ, нежели противъ мертвыхъ. Слышите-ли, какъ бурлитъ въ адскомъ котлѣ бѣднякъ, такъ умильно кивавшій вамъ своею косматою головой?» Въ самомъ дѣлѣ, я слышалъ, какъ вода клокотала въ ближней комнатѣ, и со стыдомъ догадался, что этотъ шумъ почтенъ мною говоромъ страшныхъ скелетовъ. Тутъ же объяснился и паръ, охватившій меня. Мнѣ хотѣлось узнать, почему, актеры анатомическаго театра встрѣтили меня такъ торжественно со свѣчами. «Признаться вамъ», отвѣчалъ скелетчикъ, «мы васъ поджидали. Одинъ человѣкъ (имени его не скажу) далъ мнѣ знать о вашемъ намѣреніи познакомиться съ духомъ долины, и мы поспѣшили исполнить ваше желаніе. Кажется, все приготовлено съ нашей стороны, чтобы сдѣлать вамъ приличную встрѣчу. Впрочемъ, хотя эти господа дѣйствующія лица были тѣмъ же, чѣмъ мы теперь, а будемъ еще тѣмъ, чѣмъ нынѣ они, могу догадаться, что общество ихъ для васъ не совсѣмъ пріятно. Пойдемъ успокоить вашихъ спутниковъ, дожидающихся васъ на мызѣ съ нетерпѣніемъ». Охотно послѣдовалъ я за своимъ хозяиномъ изъ анатомическаго театра сквозь лѣсъ и на мызу.

Нѣмой и какая-то пригожая дѣвушка, живая, какъ порохъ, освѣщали намъ путь изъ царства смерти въ область жизни. Обласканный и угощенный гостепріимнымъ хозяиномъ, забывъ въ обществѣ его, и еще болѣе на добромъ матрасѣ, ужасы ночи и, наконецъ, убѣжденный, что не надо никогда хвастаться своимъ безстрашіемъ, выѣхалъ я уже на слѣдующее утро изъ мызы г-на Блументроста. Совѣтую и вамъ, любезная сестрица, воспользоваться даннымъ мнѣ урокомъ.

Гликъ и воспитанница его смѣялись много разсказу проученаго храбреца.

Недолго смѣялась Кете, недолго была она беззаботна: будущій комендантъ Маріенбурга заговорилъ о женитьбѣ и просилъ вычеркнуть три мучительныя недѣли изъ назначеннаго до нея срока. Пасторъ призадумался. На бѣду Кете, пришелъ въ минуту этого раздумья маріенбургскій бургомистръ и, узнавъ, о чемъ шло дѣло, совѣтовалъ отложить брачное торжество до окончанія войны.

— По крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ, — это общее мнѣніе вашихъ прихожанъ.

Самолюбивый, упрямый Гликъ не любилъ совѣтовъ; пословицу: «*умъ хорошо, а два лучше*», считалъ онъ сужденіемъ робкихъ голосовъ; для него то было лучшее, что онъ въ кризисы упрямаго самолюбія задумалъ и опредѣлилъ.

— Вотъ въ первый разъ приходъ хочетъ быть умнѣе своего пастора! Я не глупѣе другихъ; знаю, что дѣлаю, — сказалъ онъ съ сердцемъ и, сидя на своемъ конькѣ, рѣшилъ, — быть брачному торжеству непремѣнно черезъ 20 дней.

Никакія обстоятельства не должны были этому помѣшать.

— Только съ тѣмъ уговоромъ,—прибавилъ онъ, — чтобы цейгмейстеръ вступилъ въ службу къ вели-

кому Алексѣевичу, въ случаѣ осады русскими маріенбургскаго замка и, паче чаянія, сдачи онаго непріятелю.

Обѣщано...

Жаль намъ Кете Рабе. Чтожъ дѣлать? Исторія велитъ намъ вести ее къ брачному алтарю. Скоро, скоро придется намъ легкое имячко ея замѣнить полновѣснымъ именемъ госпожи Вульфъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОСАДА

Ужъ много бомбъ упало въ городъ...
Весь Орлеанъ стоитъ надъ бездной
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзнется и вспыхнетъ...

«Орлеанск. Дѣва»—Перев. *Жуковскаго.*

Вечеромъ того же дня пришло въ мѣстечко извѣстіе, что отрядъ Брандта, вышедшій изъ Маріенбурга, не нашелъ на розенгофскомъ форпостѣ ничего, кромѣ развалинъ, и ни одного живого существа, кромѣ двухъ, трехъ израненныхъ лошадей; что Брандтъ для добычи вѣстей посылалъ мили за три впередъ надежныхъ людей, которые и донесли о слышанной ими къ сторонѣ Эмбаха перестрѣлкѣ, и что, вслѣдствіе этихъ слуховъ, отрядъ вынужденъ былъ возвратиться въ Менценъ и тамъ окопаться. Дней черезъ пять послышалась и въ Маріенбургѣ пальба къ сторонѣ Менцена; она продолжалась нѣсколько сутокъ; но извѣстій ни откуда не было, какъ будто смерть оцѣпила страну. Наконецъ, въ одинъ вечеръ показалось необыкновенное зарево, пальба утихла, и вскорѣ прибѣжалъ шведскій солдатъ съ вѣстью объ осадѣ Менцена, разореніи мызы и взятіи въ плѣнъ отряда.

Вздрогнули сердца у жителей мѣстечка; гарнизонъ приготовился къ оборонѣ. Ночь проведена въ ужасномъ безпокойствѣ. На слѣдующей зарѣ весь Маріенбургъ тронулся съ мѣста. Почетные жители начали перебираться въ замокъ; надежда на милость коменданта заставила и средній классъ туда-жъ обратиться; многіе изъ жителей разбѣжались по горамъ, а другіе, которымъ нечего было терять, кромѣ невѣрной свободы, остались въ своихъ лачугахъ.

На главной улицѣ, и особенно къ мосту, была необыкновенная суматоха. Выбрасывали, выносили и перетаскивали изъ домовъ имущества; кричали, бѣгали, толпились, толкали другъ друга, разсказывали, что непріятель уже за милю отъ города; иные едва не сажали его на носъ каждому встрѣчному и поперечному, и всѣ старались быть первыми у моста, чтобы попасть въ замокъ, въ которомъ, казалось имъ, заключалось общее спасеніе. Мостъ трещалъ подъ тяжестью возовъ и людей; озеро было усыпано лодками, нагруженными такъ, что едва не зачерпывали воду. Всѣ простирали руки свои къ стражамъ замка; всѣ молили на разные голоса о пропускѣ.

— Отворите! это я!—говорилъ хриплымъ голосомъ толстый человѣчекъ съ важною физіономіею и еще болѣе важнымъ, чопорнымъ парикомъ, постукивая въ ворота натуральною тростью съ золотымъ набалдашникомъ и перемѣшивая свои требованія къ стражамъ замка утѣшеніями народу: — Что дѣлать, дѣти мои! Это жребій войны! Надо поручить себя милосердію Бога. Не помѣститься же всѣмъ въ крѣпостцѣ; я совѣтовалъ бы вамъ воротиться. Видите, и я, вашъ бургемейстеръ, съ трудомъ туда пробиваюсь.

— А! это вы, господинъ достопочтенный бургемейстеръ? — спросилъ кто-то изъ-за воротъ, и, не дожидаясь отвѣта, впустилъ важнаго человѣка съ его

семействомъ, челядницами и толпою кліентовъ разнаго возраста и роста, потянувшимися за нимъ, какъ многочисленныя дѣти Ѳедула.

Надо знать, что въ свѣтѣ каждый, немного значительный человѣкъ, составляетъ средоточіе своего круга и ведетъ его всюду съ собою; другимъ уже въ этомъ кругу и мѣста нѣтъ.

— Посмотримъ, какъ меня не впустятъ!—кричала вытянутая, сухощавая женщина, въ шелковой кофтѣ радужнаго цвѣта, въ чепчикѣ, смятомъ на одинъ бокъ,— жену перваго торговца въ Лифляндіи! меня, Сусанну Сальпетеръ!

При этомъ грозномъ имени ворота отворились. Сусанна Сальпетеръ съ высоты своего величія гордо посмотрѣла на толпу, покачала головой, помахала себѣ въ лицо вѣеромъ, на которомъ рѣзвились «Игры и Смѣхи», и, толкнувъ немилосердно впередъ несчастную нахохлившуюся фигуру своего мужа съ привѣтствіемъ: «voraus, mein Kätzchen!», вступила важно въ крѣпость.

— Акредитованный погребщикъ его высокородія, господина коменданта, — кричалъ господинъ, поднимая вверхъ бутылку.

И этотъ проскользнулъ въ замокъ. Однакожъ, не подумай, читатель мой, чтобы въ этотъ роковой день торжествовали только значительность сана, богатство, заслуги или успѣхи; нѣтъ! и дружба, безкорыстная, высокая дружба явила себя также во всемъ своемъ блескѣ.

— Генрихъ!—сказалъ жалобнымъ голосомъ какой-то голякъ съ фіалковымъ носомъ и небритой бородой, — вспомни, какъ мы на Ивановъ день, подъ вывѣскою лебедя, чокнули наши чары; что обѣщалъ ты мнѣ тогда?

И этотъ вопіющій голосъ не былъ голосомъ въ

пустынѣ: усастый Орестъ протащилъ своего Пилада сквозь щель едва отворенныхъ воротъ.

Тутъ началась толкотня, пискъ, крикъ; нѣкоторые съ моста попадали въ воду.

— Machen Sie keinen Spektakel!—закричалъ штыкъюнкеръ, вышедши изъ замка съ отрядомъ.

Народъ былъ прогнанъ на твердую землю, мостъ сломанъ и перенесенъ на дрова въ крѣпость. Загремѣли цѣпи, упалъ затворъ и двери спасенія замкнулись безвозвратно.

На эту тревогу насунулись Владиміръ и слѣпецъ.

— Гдѣ домъ пастора? — спросилъ первый у женщины, бѣжавшей, разиня ротъ.

— Домъ? кто имѣетъ нынѣ дома! — отвѣчала она съ сердцемъ.

Другой прохожій былъ милостивѣе къ нашимъ путникамъ: указалъ имъ на жилище Глика и въ придачу объяснилъ, что они не найдутъ тамъ хозяина, потому что онъ перебрался еще прежде всѣхъ въ замокъ подъ крылышко своего будущаго зятя.

Владиміръ сѣлъ съ товарищемъ на берегу озера. Раздумье овладѣло имъ. Онъ зналъ, что пасторъ и цейгмейстеръ не откажутъ ему въ гостепріимствѣ. Но запереться въ крѣпости для цѣли невѣрной? Заточить въ ней съ собою старца? Выдерживать осаду? Кто знаетъ, какой конецъ ея? Подвергнуть Конрада ея жестокостямъ, можетъ быть, насильственной смерти! И такъ уже старику жить не долго; онъ видимо день ото дня гаснетъ. Владиміръ боялся также и за себя. Пожертвовать, можетъ статься, собою, когда готовился увидѣть родину, потерять плоды столькихъ трудовъ и лѣтъ — эта мысль убивала его. Ни одного покровителя — всѣ исчезли: и Паткуль, и маркитантша Ильза, и Фрицъ. Съ другой стороны, какое-то предчувствіе побуждало его отправиться въ замокъ. Объ

этомъ просилъ его и самъ Паткуль. Паткуль знаетъ цейгмейстера; Владиміръ самъ имѣлъ случай въ «долинѣ мертвецовъ» распознать его свойства, провидѣть его геройскій духъ. Онъ встанетъ, этотъ духъ, во всей силѣ и величіи своемъ, когда преданность къ отечеству и королю потребуютъ отъ него подвига. Врагу, опасному для русскихъ, надо противопоставить себя. Кто знаетъ? Можетъ быть, и отъ него самого отечество ждетъ послѣдней, очистительной жертвы.

Рѣшиться на что-нибудь надо скорѣе. Русскіе въ тотъ же день, или, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующій должны подойти къ Маріенбургу, и тогда будетъ отнята всякая возможность попасть въ замокъ.

— Другъ!—сказалъ, наконецъ, Владиміръ своему товарищу, пожимая ему руку,—намъ надо перебраться въ замокъ.

— Чтожъ мѣшаетъ?—спросилъ Конрадъ.

— Замокъ будетъ осажденъ.

— Иди, куда зоветъ тебя Провидѣніе. Мнѣ-ль, старцу, тонкою нитью привязанному къ землѣ, задерживать тебя на пути твоемъ? Разрѣшу, и полечу. Пора и мнѣ поставить въ уголокъ хрупкій посохъ. Готово сердце мое, о Боже! готово!

— Для кого достанется тебѣ, можетъ быть, пожертвовать собой! Знаешь ли, кто я?

— Другъ мой.

— Знаешь ли, что я величайшій злодѣй?

— Ты, другъ мой.

— Я русскій.

— Давно это мнѣ извѣстно.

— Я всегда скрывалъ это отъ тебя.

— Неужели ты думаешь, что слѣпцы ничего не видятъ? Сердце служитъ имъ очами. Мое собрало тебя, разсѣяннаго въ словахъ и намекахъ, въ пути и на перепутьяхъ нашего десятилѣтняго странствія; оно

составило себѣ изъ человѣка, который со мною ходитъ, котораго люди называютъ Вольдемаромъ, существо особенное, отличное отъ другихъ, но знакомое мнѣ до послѣдней нити его бытія. И люблю его: я привязанъ къ нему всѣми способностями души моей; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ему имени; онъ заключаетъ для меня весь міръ, все человѣчество. Говори мнѣ, что ты преступникъ; я не вѣрю тебѣ. Преступникомъ могъ быть Вольдемаръ; но ты, существо, мною созданное, чистъ, какъ ангелы. Мнѣ-ль послѣ того не разумѣть тебя?.. Сколько разъ ловилъ я сердцемъ твои болѣзненные вздохи и читалъ въ нихъ повѣсть твоихъ страданій! Ты разсказывалъ мнѣ о Россіи, какъ о землѣ тебѣ чуждой, но родина отзывалась въ словахъ твоихъ. И ты самъ сколько разъ передавалъ мнѣ въ таинственныхъ отрывкахъ повѣсть твоей жизни! Вольдемаръ самъ не зналъ этого; Вольдемаръ спалъ тогда, но ты мнѣ все повѣдалъ. Москва, Софія, князь Василій, родина, все тебѣ драгоцѣнное, заключенное въ груди твоей во время бдѣнія, вырывалось у тебя во снѣ и обличало тебя. Нерѣдко, при опасныхъ для тебя свидѣтеляхъ, страшась, чтобы ты не измѣнилъ самому себѣ, я подстерегалъ роковыя имена на твоихъ устахъ, толкалъ тебя и прерывалъ тревожныя твои сновидѣнія. Тайну твою хранилъ я, какъ будто ты самъ мнѣ ее повѣрилъ. О! какимъ благомъ почелъ бы я принесть себя въ жертву, тебѣ полезную!

Замолчалъ слѣпецъ. Владиміръ палъ на его грудь, и слезы неподкупнаго счастія оросили ее. Слѣпой старецъ ничего не говорилъ; но вмѣсто отвѣта на челѣ его просіяла радость. Молча поднялись они и побрели къ озеру

Всѣ лодки, по приказанію коменданта, были потоплены или сведены на берегъ острова. Только-что застали они утлый челнъ и въ немъ переѣхали къ

замку. Еще издали замѣтилъ ихъ цейгмейстеръ и приказалъ спустить имъ веревочную лѣстницу, по которой и перебрались они въ замокъ. Неизвѣстно, что открыли Вульфу наши странники; но видно было по движенію въ крѣпостцѣ, что защитники ея приготовлялись къ немедленной оборонѣ.

4-го августа подошли русскіе къ Маріенбургу. Въ слѣдующіе дни прорыты апроши съ трехъ сторонъ залива, въ которомъ стоялъ островъ съ замкомъ; на берегу зашевелилась земля; поднялись сопки; выше и выше, устроены батареи, и началась осада; 20 дней продолжалась она. Искусная оборона цейгмейстера (онъ распоряжался ею за старостью коменданта) долго разстроивала усилія русскихъ взмоститься на высоты, которыя могли бы господствовать надъ замкомъ. Убійственный огонь, высылаемый Вульфомъ, снималъ людей съ батарей, какъ проворный игрокъ—шашки съ доски, подрѣзывая лафеты у мортиръ, разсыпалъ амбразуры и въ нѣсколько часовъ уничтожалъ труды нѣсколькихъ дней. Многихъ русскихъ не досчитывали въ рядахъ: и теперь еще бугры свидѣтельствуютъ, что удары заржавленныхъ маріенбургскихъ пушчонокъ были мѣтки. Несмотря на это, хладнокровіе Шереметева, принявшаго на себя управленіе осадою, не измѣнялось: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Наконецъ, онъ внесъ главную батарею на высоту, съ которой, окинувъ окрестность, могъ сказать: «*Замокъ нашъ!*» Съ этого времени островъ былъ осыпаемъ бомбами; одна сторона стѣны очень повредилась, но осаждаемые не сдавались. Самое ожесточенное мужество поколебало и хладнокровіе Шереметева; — велѣно устроить плоты и быть готовыми къ штурму.

Въ заточеніи своемъ пасторъ и его воспитанница почитали приходъ гусляра и слѣпца особеннымъ для себя благодѣяніемъ неба. Владиміръ, мало-по-малу, не-

замѣтно, подстрекалъ самолюбіе Глика, представляя ему, сколько бы онъ полезенъ былъ преобразователю Россіи знаніемъ языка русскаго и другихъ, какую важную роль могъ бы онъ играть въ этой странѣ и какое великое имя пріобрѣлъ бы въ потомствѣ своими ей заслугами. Что дѣлаетъ онъ въ темномъ, тѣсномъ уголкѣ Лифляндіи? Оцѣнены ли его познанія шведскимъ правительствомъ? Адресъ, надъ которымъ онъ столько трудился, могъ ли, будетъ ли имѣть ходъ? Все это говорилось тайкомъ отъ цейгмейстера, въ минуты задушевной довѣренности, и такъ осторожно, что выговаривалъ эти жалобы не Владиміръ, а оскорбленное самолюбіе пастора. Надо прибавить, что цейгмейстеръ, какъ бы передъ ужаснымъ переломомъ жизни, во всѣхъ спорахъ, затѣваемыхъ Гликомъ, сталъ терпѣливъ, какъ писчая бумага, и оказывалъ ему нѣжную, уступчивую почтительность сына, даже и тогда, когда дѣло шло о переходѣ въ русскую службу. Воображеніе Глика, вмѣстѣ съ успѣхами осаждавшихъ, такъ возгоралось, что онъ, наконецъ, не сталъ сходить уже съ своего конька и написалъ, сидя на немъ, Царю адресъ, которымъ просилъ о принятіи пастыря и паствы маріенбургской, особенно будущаго зятя своего, подъ особенное покровительство его величества. Адресъ обѣщано передать по принадлежности, когда потребуютъ обстоятельства.

Катерина Рабе цвѣла и подъ бурею. Заключенная непріятелемъ въ тѣсной засадѣ и готовясь надѣть новыя цѣпи, она безпечно утѣшалась вкрадчивыми разсказами Владиміра о Россіи и шутила попрежнему. «Настоящая жена храбраго коменданта!» говаривалъ пасторъ.

Нерѣдко подъ громомъ пушекъ составлялось восхитительное тріо изъ Кете, слѣпца и гусляра.

Въ какомъ отношеніи былъ цейгмейстеръ къ Вла-

диміру? О! его полюбилъ онъ, какъ брата, слушался даже его совѣтовъ, нерѣдко полезныхъ. Съ какимъ негодованіемъ внималъ онъ разсказу его о простодушіи и безпечности Шлиппенбаха, котораго, будто, Владиміръ заранѣе увѣдомилъ о выходѣ русскихъ изъ Нейгаузена! Съ какимъ удовольствіемъ далъ онъ убѣжище въ своей пристани этому обломку великаго корабля, разбитаго бурею!

— Скитаюсь теперь безъ куска хлѣба, безъ надежды! Вотъ чѣмъ заплатили за мои услуги! Ими не умѣли пользоваться, а я терплю.

Попеченіями своими о доставленіи всѣхъ возможныхъ выгодъ нашему страннику хотѣлъ Вульфъ вознаградить неблагодарность къ нему своего главнаго начальника, не умѣвшаго во-время обезпечить благосостояніе человѣка, столько для него сдѣлавшаго. Однимъ словомъ, Владиміръ сталъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ цейгмейстеру, въ какихъ прежде находился къ Шлиппенбаху.

Никогда еще молодой странникъ не тосковалъ такъ сильно по отечеству. Часто среди утѣшительныхъ надеждъ слышался ему приговоръ мнимаго отца его. «Отца моего?—спрашивалъ онъ себя,—нѣтъ, не можетъ быть! Андрей Денисовъ не отецъ мнѣ. Слово это не говоритъ моему сердцу; онъ только испугалъ меня неожиданностію. Ничто во мнѣ не двигалось къ нему, во мнѣ нѣтъ ничего съ нимъ сходнаго! Когда-бъ онъ былъ мнѣ отецъ, давно бы въ Москвѣ, въ Поморскомъ скитѣ, гдѣ-нибудь, проглянуло ко мнѣ чувство родительское, хотя-бъ изъ-подъ веригъ пустосвятства. Отецъ не велъ бы на казнь сына, не оставилъ бы матери моей. Мать моя, кто бы она ни была, не могла полюбить это чудовище. Послѣ этого придется мнѣ самого лукаваго признать своимъ отцомъ! Нѣтъ! нѣтъ! сѣти!..» Такъ отражалъ Владиміръ мыслями и серд-

цемъ ужасное объявленіе ересіарха. Молчаніе Паткуля при повѣркѣ завѣщанія Кропотова и отвѣты ясновидящаго слѣпца, для котораго несчастный не таилъ долѣе исторіи своей жизни, утвердили его въ мысляхъ, что Андрей Денисовъ не отецъ его.

Между тѣмъ въ лагерѣ осаждавшихъ случилось происшествіе, весьма близкое къ нашему Владиміру. Въ одинъ день, когда русскій военачальникъ съ высоты, имъ осиленной, вперилъ орлиные взоры на башни Маріенбурга, уже не такъ бойко поговаривавшія, пришли доложить ему, что «одинъ раненый рядовой имѣетъ объявить ему *слово* и *дѣло*». Фельдмаршалъ вошелъ въ свою ставку, туда-жъ призванъ и солдатъ: это былъ тотъ самый, которому Андрей Денисовъ поручилъ отдать свое посланіе. Оно вручено фельдмаршалу съ обыкновенными солдатскими темпами уваженія и подчиненности. Величаво и проницательно взглянулъ Борисъ Петровичъ на служиваго и, прочтя на открытомъ его лицѣ одно смѣлое добродушіе, ласково спросилъ его: «что это значитъ?» Тутъ подробно разсказалъ ему рядовой о встрѣчѣ своей съ Денисовымъ, котораго называлъ переодѣвшимся бояриномъ. Горестная дума осѣнила лицо военачальника въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Въ этомъ письмѣ давали знать, кто такой Владиміръ: довольно было этого объясненія, чтобы погубить его. Къ тому-жъ Андрей Денисовъ присовокуплялъ, что въ то же время, какъ писалъ фельдмаршалу, онъ увѣдомляетъ о злодѣѣ и преображенскій приказъ. По прочтеніи посланія, Борисъ Петровичъ обратился къ солдату, примѣтно удерживаясь отъ гнѣва.

— Хвалю твое усердіе, — сказалъ онъ сурово, отдавая служивому нѣсколько серебряныхъ монетъ,— но поспѣшай въ Россію, куда ты отпущенъ. Чтобы черезъ часъ духу твоего здѣсь не пахло! и... горько

тебѣ будетъ, если когда проговоришься объ этомъ письмѣ! Слышишь?...

Смущенный солдатъ спѣшилъ убраться изъ палатки фельдмаршальской и тѣми же стопами изъ лагеря.

Долго, задумавшись, ходилъ Борисъ Петровичъ взадъ и впередъ по палаткѣ. «Это онъ! нельзя ошибиться!... Поймать!... казнить!... заплатить за важныя услуги отечеству!... надо его спасти!...» были слова, вырывавшіяся у него по временамъ. Скука, грусть видимо означились на важномъ его лицѣ. Онъ приказалъ позвать къ себѣ князя Вадбольскаго. Ему-то повѣрилъ онъ, какъ другу, тайну письма, свои опасенія насчетъ несчастливца, служившаго такъ вѣрно русскому войску, и желаніе свое спасти его отъ гибели, которая его ожидаетъ, если злодѣйскіе происки Денисова найдутъ себѣ путь въ Москвѣ. Только настоящее время дорого; впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, самъ онъ, фельдмаршалъ, можетъ быть ходатаемъ за несчастливца. Гонимый находится въ Маріенбургѣ: объ этомъ предупрежденъ Борисъ Петровичъ. Замокъ едва держится; онъ долженъ скоро сдаться. Надо непремѣнно спасти Владиміра. Примѣты его описаны въ письмѣ: нельзя ошибиться. Вадбольскій тѣмъ охотнѣе берется за дѣло, что угадываетъ въ немъ и своего избавителя. Средства спасенія придуманы такъ, что никто объ исполненіи ихъ не будетъ знать, кромѣ третьяго лица, именно Мурзенки, много обязаннаго несчастному (что Паткуль имѣлъ случай объяснить фельдмаршалу и что мы узнаемъ современемъ). Душа татарскаго наѣздника скрытна какъ дно морское.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СВАДЬБА И ПОГРЕБЕНІЕ

Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

Ночь на 24-е августа была мрачная. По временамъ только прорѣзывался этотъ мракъ огнемъ, вылетавшимъ клубомъ съ трехъ русскихъ батарей. Замокъ на островѣ извергалъ также съ трехъ сторонъ огни: воды озера повторяли ихъ. Въ эти мгновенія рисовался и замокъ, опрокинутый въ водѣ, будто стеклянный дворецъ феи, освѣщенный факелами летающихъ духовъ. Огоньки, унизавшіе высоты, занятыя русскими, казались висящими на воздухѣ. Громъ орудій прокатывался по озеру и отдавался по нѣскольку разъ берегами. Наконецъ, къ полуночи все померкло и стало тихо, такъ тихо, что съ главнаго раската можно было слышать, какъ бѣжала волна и ропотомъ издыхала на берегѣ. Часа два продолжалась тишина. Вдругъ съ берега что-то свистнуло и загремѣло: два огненные хвостика очертили по воздуху полукругъ, и вслѣдъ затѣмъ въ замкѣ что-то съ ужаснымъ шумомъ рухнуло: поднялись крики и стенанія.

Разсвѣтъ дня объяснилъ причину ихъ: главная стѣна и одинъ болверкъ съ пушками пали. Фельдмаршалъ съ высоты любовался разрушеніемъ крѣпости.

— Чиста работа! благодарствую!—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо бомбардира, стоявшаго подлѣ него съ улыбкой самодовольствія.

Въ замкѣ все пріуныло. У коменданта составленъ былъ совѣтъ. Проломъ стѣны, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, изготовленія русскихъ къ штурму, замѣченныя въ замкѣ,—все утверждало въ общемъ мнѣніи, что гарнизонъ не можетъ долѣе держаться, но что, въ случаѣ добровольной покорности, можно ожидать отъ непріятеля милостивыхъ условій для войска и жителей. Рѣшено, черезъ нѣсколько часовъ, послать въ русскій станъ переговорщиковъ о сдачѣ. Самъ цейгмейстеръ, убѣжденный необходимостію, не противился этому рѣшенію.

Съ веселымъ лицомъ явился онъ на квартиру пастора. Послѣдній одѣтъ былъ по праздничному; все въ комнатѣ глядѣло также торжественно. Подавъ дружески руку Вульфу, Гликъ спросилъ его о необыкновенномъ шумѣ, слышанномъ ночью. (За домами не видать было сдѣланнаго въ стѣнѣ пролома). Шутя отвѣчалъ цейгмейстеръ:

— Московиты не такіе варвары, какими я ихъ воображалъ: они знали, что нынѣ день моей свадьбы, и хотѣли еще заранѣе, съ полуночи, поздравить меня съ батарей своихъ. Доннеръ-веттеръ! нынѣ-жъ послѣдуетъ сдача нашей крѣпостцы, и тогда мы расквитаемся съ ними.

— Сдача? слава Богу! — воскликнулъ пасторъ, и въ благоговѣніи сложивъ руки на грудь, прочиталъ про себя молитву.

— Не отложить-ли намъ свадьбу до заключенія мира?

— Ваше слово, господинъ пасторъ, ваше слово должно быть свято. Я хочу, чтобы Катерина Рабе вошла съ моимъ именемъ въ станъ русскій. Гдѣ-жъ моя невѣста?

На зовъ Глика явилась его воспитанница. Щеки ея пылали; грусть въ очахъ ея походила болѣе на тоску любви; черные локоны падали на алебастровыя, округленныя плечи; шея была опоясана золотымъ ожерельемъ съ бирюзою; бѣлоатласное платье, подаренное ей Луизой и сберегаемое ею на важный случай, ластилось около ея роскошныхъ формъ и придавало ей какое-то величіе; станъ ея обнималъ золотошвейный поясъ; одинокая, пышная роза колебалась на бѣлоснѣжной, дѣвственной груди. Только одну и могли найдти въ цвѣтникѣ комендантскаго сада: казалось, она запоздала въ немъ для того только чтобы кончить жизнь такъ счастливо. За невѣстою шелъ Владиміръ. Смуглое лицо, черныя кудри, небрежно раскиданныя, пасмурный взоръ, бѣдная одежда, рѣзко отдѣлялись отъ блестящей, роскошной фигуры невѣсты.

Невѣста и женихъ стали на свои мѣста. Пасторъ съ благоговѣніемъ совершилъ священный обрядъ. Слезы полились изъ глазъ его, когда онъ давалъ четѣ брачное благословеніе. Съ послѣднимъ движеніемъ руки отдали въ станѣ русскомъ кому-то честь барабаннымъ боемъ... и вслѣдъ за тѣмъ въ комнатѣ, гдѣ совершалась церемонія, загремѣлъ таинственный, пророческій голосъ, какъ торжественный звонъ колокола: «*и се на главѣ ея лежитъ корона*!» Всѣ невольно вздрогнули и оглянулись. На порогѣ двери стоялъ слѣпецъ. Онъ казался необыкновенно высокъ; грудь его колебалась, незрящія очи горѣли, какъ въ то время, когда онъ разсказывалъ свои видѣнія въ «долинѣ мертвецовъ». Какимъ образомъ пришелъ въ комнату, гдѣ совершалось таинство, слѣпецъ, одинъ, безъ проводника, безъ по-

соха? Кто былъ его путеводитель?... Три дня уже онъ сильно перемогался. Съ изумленіемъ, молча, смотрѣли на него, какъ на пришлеца съ того свѣта. Вдругъ онъ началъ колебаться, искалъ кого-то руками и, произнеся слово: «*позванъ!*» — грянулся на полъ. Владиміръ подбѣжалъ къ нему; онъ чувствовалъ еще пожатіе его руки; но черезъ мигъ улыбка смерти порхала уже на лицѣ старца. Владиміръ цѣловалъ его руку и орошалъ ее слезами.

Ужасъ объялъ всѣхъ. Новобрачные спѣшили въ другую комнату, а на встрѣчу имъ — штыкъ-юнкеръ Готтлигъ, особенно преданный цейгмейстеру, съ извѣстіемъ, что комендантъ съ нѣсколькими офицерами перебрался уже на ту сторону и прислалъ сказать, что у него идутъ переговоры о сдачѣ замка на выгоднѣйшихъ условіяхъ: гарнизону и жителямъ мѣстечка предоставленъ свободный выходъ; имущество и честь ихъ обезопасены; только солдаты должны сдать оружіе побѣдителямъ и выходить изъ замка съ пулями во рту. Румянецъ вспыхнулъ на лицѣ Вульфа; видно было на лицѣ его, что онъ удерживался отъ негодованія.

— Скажи коменданту,—отвѣчалъ онъ довольно спокойно, — что я даю свое согласіе, но требую шести часовъ, чтобы выпроводить отсюда жителей Маріенбурга. Залогомъ въ выполненіи условій можетъ остаться господинъ комендантъ съ товарищами! — прибавилъ Вульфъ, коварно усмѣхаясь.

Потомъ, переговоривъ что-то съ штыкъ-юнкеромъ шепотомъ, крѣпко пожалъ ему руку, отпустилъ его и, увлекая съ собою новобрачную, пошелъ съ нею отыскивать Глика

Пастора нашли они въ цвѣтникѣ. Дрожащею рукою бросилъ онъ горсть земли на свѣжую могилу и произнесъ:

— Миръ тебѣ въ селеніи праведныхъ!

Въ глубокой горести, опершись на заступъ и качая головой, стоялъ подлѣ него Владиміръ: слезы струились по его щекамъ; взоры его какъ будто выражали:

— Одинъ онъ только въ мірѣ не покидалъ меня, и его у меня отняли!

Новобрачные также посыпали землею на его могилу—и скоро земляной бугоръ скрылъ навѣки останки вдохновеннаго старца.

Свадьба и похороны были такъ смежны, неизвѣстность, окружавшая нашихъ друзей, такъ страшна, что нельзя было имъ не задуматься надъ бѣдностью здѣшняго міра. Штыкъ-юнкеръ Готтлигъ вывелъ ихъ изъ этой задумчивости, донеся цейгмейстеру, что волю его обѣщали исполнить, но, что противъ чаянія, когда онъ, Готтлигъ, причалилъ лодку свою къ берегу острова, войска русскія начали становиться на плоты, вѣроятно, для штурмованія замка.

— Мы встрѣтимъ ихъ! — сказалъ Вульфъ, простился съ Гликомъ и своею супругою и отправился принять гостей, не впору пожаловавшимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе на нѣсколькихъ плотахъ подъѣхали съ разныхъ сторонъ къ острову. Встрѣча была ужасная. Блеснули ружья въ бойницахъ, и осаждавшіе дорого заплатили за свою неосторожность. Сотни ихъ пали. Плоты со множествомъ убитыхъ и раненыхъ немедленно возвратились къ берегу. Изъ стана посланъ былъ офицеръ шведскій переговорить съ Вульфомъ, что русскіе не на штурмъ шли, а только ошибкою, ранѣе назначеннаго часа, готовились принять въ свое завѣдываніе островъ.

— Въ другой разъ не будутъ ошибаться! — сказалъ хладнокровно цейгмейстеръ. — Я требую, чтобы изъ этихъ самыхъ плотовъ сдѣлали мостъ для перехода маріенбургскихъ жителей, которыхъ я взялъ подъ свою защиту!

Съ торжественнымъ лицомъ явился Вульфъ къ Глику и засталъ его въ большихъ трудахъ. Онъ высиживалъ рѣчь, которую хотѣлъ произнесть передъ русскимъ военачальникомъ, когда послѣдуетъ сдача замка. Госпожа Вульфъ въ глубокой задумчивости сидѣла неподалеку отъ него.

— Друзья мои! — сказалъ цейгмейстеръ, — я хлопочу о вашемъ благополучіи. Бездѣльники вздумали было не исполнить своего слова; но кто побывалъ въ моей школѣ, научится держать его. Московитскіе плоты къ вашимъ услугамъ, и я заставлю побѣдителей переправить васъ на ту сторону.

— Э, э, любезный! гдѣ-жъ у васъ, позвольте сказать, Минерва? — говорилъ пасторъ, заглядывая безпрестанно въ бумагу, передъ нимъ лежавшую, перемѣшивая суетливо свой разговоръ на нѣмецкомъ обрывками русской рѣчи и ударяя рукою по столу:—«*Высокоповелительный вождь россійскихъ побѣдоносныхъ....*» «Да, да, мой любезнѣйшій другъ берегитесь, чтобы не.. «*Пали подъ стопы ваши грозныя твердыни крѣпкаго града Маріенбурга, какъ нѣкогда Троя...*» чтобы не отплатили вамъ, говорю я! Бррръ, бррръ!... Не забудьте своего слова... «*Минерва несла передъ вами эгиду свою...*»

— О ней-то хотѣлъ я съ вами переговорить, — перебилъ Вульфъ, пожавъ плечами, и почти насильно отвелъ Глика въ другую комнату. Здѣсь, подъ клятвой, открылъ онъ великую тайну.—Только вамъ, Вольдемару и штыкъ-юнкеру,—прибавилъ цейгмейстеръ,— повѣрилъ я тайну. Спасите себя, *мою* Кете и тѣхъ, кто захочетъ за вами слѣдовать.

— Вы такъ жестоко обманули меня? вы оставляете вдовой ту, съ которой только-что сочеталъ васъ Богъ? — произнесъ горестно пасторъ, — зачѣмъ же, не любяее...

— Другому, кто бы мнѣ это сказалъ, я раскроилъ бы черепъ, — перебилъ Вульфъ. — Нѣтъ, мой добрый отецъ, я любилъ ее слишкомъ много: эту слабость могу только теперь исповѣдать. Но моя любовь была чиста и возвышенна, какъ любовь древняго рыцаря: таковою и останется. Я хотѣлъ только, чтобы бѣдная, незначущая сирота носила мое имя — кажется благородное! въ этомъ, доннеръ-веттеръ, порукою нынѣшній день. Въ шкатулкѣ, которую ввѣрилъ я вамъ вчера, найдетъ вдова цейгмейстера Вульфа, чѣмъ обезпечить будущность. Исполнивъ обязанности дружбы и любви, я имѣю еще высшія обязанности: пришло время заплатить долгъ мой королю и отечеству.

Гликъ убѣждалъ, умолялъ его именемъ дружбы, любви, Бога — оставить свое намѣреніе; но цейгмейстеръ былъ неумолимъ.

— Мое слово неизмѣнно, какъ самъ Богъ! — сказалъ послѣдній — въ этомъ клянусь Его святымъ именемъ!

Оставалось уступить ему не безъ большого неудовольствія.

Отъ новобрачной скрыли ужасную тайну. Только при разставаніи съ мужемъ она замѣтила въ словахъ его и во всѣхъ движеніяхъ что-то необыкновенное. Разлука ихъ должна быть часовая, какъ ей сказали, а между тѣмъ глаза его были мокры, когда онъ прощался съ нею и ея воспитателемъ. Этого никогда съ нимъ не бывало; это не даромъ! Еще сильнѣе возродились ея подозрѣнія, когда Вульфъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ съ особеннымъ чувствомъ: «будь счастлива!» Невольно содрогнулась она отъ этихъ словъ, заплакала и бросилась къ нему на грудь. Она не чувствовала къ нему особенной любви, но привыкла къ нему, уважала его, какъ покровителя, брата, друга; знала, что онъ къ ней привязанъ; носила его имя — и

потерять его было для нея тяжело. Разными обманами старались ее успокоить. Друзья разстались.

Началось шествіе маріенбургскихъ жителей изъ замка по мосту, составленному изъ сдвинутыхъ плотовъ русскихъ. Впереди всѣхъ медленно и важно выступалъ пасторъ въ праздничномъ одѣяніи. Подъ лѣвою мышкою несъ онъ славянскую библію, нерѣдко покашливалъ и бормоталъ про себя, затверживая привѣтственную рѣчь. За нимъ слѣдовала, опустивъ печально голову, воспитанница его, въ брачномъ одѣяніи, котораго не успѣла скинуть. Занятая мыслями о своемъ хозяйствѣ, Грете шла за нею не въ меньшей горести. Она несла узелъ, въ которомъ заключены были, едва выглядывая на бѣлый свѣтъ, Квинтъ-Курцій, Юлій Кесарь, Езопъ и прочіе великіе мужи древности, удостоенные, по милости пастора, преобразиться изъ римской и греческой тоги въ русскую одежду. Полный тревоги и нетерпѣнія, поспѣшалъ за ними Владиміръ. Медленность шествія досаждала ему; еслибъ можно, онъ перебросился бы въ станъ русскій. Клятва, которую онъ далъ Вульфу, хранить роковую тайну, можетъ и должна быть нарушена для блага его соотечественниковъ. Допуститъ-ли онъ своихъ братьевъ быть обманутыми шведами и погибнуть нечаянною смертью?

Вслѣдъ за нашими друзьями высыпали изъ воротъ замка граждане маріенбургскіе, какъ овцы, выпущенныя въ красный день изъ овчарни. Часть гарнизона выступила также, малая часть осталась въ замкѣ, по условію, до сдачи его и всѣхъ военныхъ снарядовъ русскимъ.

Долго стоялъ Вульфъ на берегу острова, пока не потерялъ изъ глазъ пастора и ту, которую онъ называлъ такъ долго сестрою своей и такъ мало своей женою. Близъ моста, на авансценѣ русскаго стана стоялъ благородный представитель своихъ соотечественниковъ,

князь Вадбольскій. Ему поручено было распорядиться о пріемѣ дорогихъ гостей, выступавшихъ изъ замка. Неподвижный, закованный въ одну думу, въ одно чувство, онъ устремилъ свои взоры на подходившую къ нему толпу. Позади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, находился, верхомъ знаменитый Мурзенко, близъ него два конныхъ татарина, изъ которыхъ одинъ держалъ осѣдланную лошадь, и четверо спѣшенныхъ драгунъ. Всѣ они внимательно сторожили движенія Вадбольскаго; самыя лошади ихъ, навостривъ уши, поднявъ головы, казалось, одинаково что-то выжидали. Лишь только Владиміръ вслѣдъ за пасторомъ и его домочадцами спустилъ ногу съ моста на берегъ и взглядъ его сошелся съ наблюдательнымъ взглядомъ князя Вадбольскаго, какъ почувствовалъ, что его схватили за руку могучею рукою.

— Тебя ищутъ!—торопливо сказалъ ему князь, — спасайся отъ бѣды неминучей.

— Я самъ иду! пора къ концу!—отвѣчалъ Владиміръ, хотѣлъ еще говорить, но Вадбольскій гаркнулъ: «сюда»!—налетѣли татары и драгуны, окружили ихъ; поднялось около нихъ облако пыли, сквозь которое ничего нельзя было видѣть изъ русскаго стана и маріенбургскому кортежу. Сильныя руки схватили Владиміра, не давъ ему образумиться; посадили кое-какъ на лошадь и туго привязали къ ней. Мурзенко свистнулъ, и былъ таковъ; за нимъ помчались два татарина и лошадь, къ которой прикрѣпленъ былъ узникъ. Горы, лѣса, мелькали мимо ихъ. Наконецъ они остановились. Разбитый ѣздою, истерзанный крѣпкою перевязью, изнуренный душевными страданіями, Владиміръ полуживой оглянулся. Все вокругъ его ходило. Что съ нимъ сдѣлалось, гдѣ онъ былъ, гдѣ теперь,—не понималъ онъ. Его развязали, сняли съ лошади, посадили на мураву и дали ему выпить воды. Онъ очнулся, и

увидѣлъ себя у калитки мызы Блументроста; передъ нимъ стоялъ Мурзенко; два татарина ухаживали за нѣсколькими лошадьми.

Мурзенко, замѣтивъ, что онъ пришелъ въ себя, подалъ ему бумагу. Владиміръ взялъ ее и прочелъ на ней слѣдующія строки, рукою фельдмаршала написанныя:

«Спасайся; бѣги въ Чудь, въ Польшу, куда хочешь; только въ Россіи не показывайся. Не снесешь тамъ головы своей. Злодѣй Денисовъ ищетъ твоей погибели и пишетъ о тебѣ въ Москву, въ царскую думу. Спасти тебя теперь не могу: ты — *Послѣдній Новикъ!* Молимъ Бога и всѣхъ Святыхъ Его подать намъ случай оказать тебѣ нашу благодарность. Будемъ узнавать о тебѣ на извѣстной мызѣ. Нашъ посланный вручитъ тебѣ знакъ нашей признательности, какой можетъ тебѣ по времени пригодиться».

— Итакъ, Господи, Ты судилъ мнѣ родины не видать!...—сказалъ Владиміръ, прочитавъ записку, и зарыдалъ такъ горько, что привелъ въ жалость татарскаго наѣздника.

Мурзенко, не понимая причины его горести, старался, однакожъ, по своему утѣшить его и подалъ ему кошелекъ, туго набитый золотомъ.

— Отдай этотъ даръ назадъ тому, кто прислалъ его!—сказалъ съ негодованіемъ Владиміръ, оттолкнувъ руку татарина,—объяви ему, что я не наемщикъ. За деньги не дѣлаютъ того, что я сдѣлалъ. Господи! о, Господи! за что лишилъ меня товарища, родителей, отечества? За что отвергаешь и смиреніе мое, и мое раскаяніе?... Не лиши меня хоть послѣдней милости, молю Тебя: сдѣлай, чтобы, когда узнаютъ о смерти Послѣдняго Новика, русскіе братья его, совершили по немъ поминовеніе и помолились о спасеніи души того, кто любилъ такъ много ихъ и свою родину!

Тутъ Владиміръ, закрывъ глаза руками, опять горько заплакалъ; но, немного погодя, встрепенулся и сказалъ Мурзенкѣ:

— Можетъ быть, еще не поздно!... Скачи назадъ, иди прямо къ Шереметеву, и скажи ему, чтобы русскіе не входили въ замокъ. Тамъ офицеръ шведскій зажжетъ пороховой погребъ; взорветъ!...

— Пуфъ! — вскричалъ Мурзенко, показывая движеніями, что онъ понялъ Владиміра. — Бездѣльника! Собака шведъ, понимай моя... Добре, добре! — прибавилъ онъ, обнявъ Владиміра и утеревъ кулакомъ слезу, навернувшуюся на щели одного глаза. Моя твоя не забудетъ. По твоя милости моя пулковникъ. Авось, моя твоя добрѣ сдѣлаетъ.

Съ послѣднимъ словомъ кликнулъ онъ своихъ татаръ, сѣлъ на коня и, какъ вихрь, взвился по дорогѣ къ Маріенбургу.

Проводивъ на мызу г. Блументроста Владиміра, съ которымъ судьба такъ жестоко поступила въ минуты его величайшихъ надеждъ, мы возвратимся къ мосту маріенбургскому. Внезапное похищеніе Владиміра нѣсколько разстроило церемоніальное шествіе, предводимое Гликомъ. Послѣдній едва не перемѣшалъ въ головѣ частей рѣчи, составленной по масштабу порядочной хріи, отъ которой отступить считалъ онъ уголовнымъ преступленіемъ. Князь Вадбольскій, управившись съ Владиміромъ, поспѣшилъ къ пастору и, узнавъ, что онъ говоритъ по-русски, обласкалъ его; на принесенныя же имъ жалобы, что такъ неожиданно и противъ условій схваченъ человѣкъ, ему близкій, данъ ему утѣшительный отвѣтъ, что это сдѣлано по волѣ фельдмаршала, именно для блага человѣка, въ которомъ онъ принимаетъ такое живое участіе; и потому пасторъ убѣжденъ молчать объ этомъ происшествіи, какъ о важной тайнѣ.

Гликъ съ своими прихожанами и обезоруженными шведскими офицерами, вышедшими изъ замка съ частью гарнизона, отведенъ былъ въ русскій станъ. Тамъ, въ богатой ставкѣ, которую мы уже прежде описали, ожидалъ ихъ фельдмаршалъ, окруженный многочисленнымъ штатомъ. Почетные жители Маріенбурга были введены въ нее, и взоры русскихъ воиновъ обратились на прекрасную воспитанницу. Несмотря на присутствіе главнаго начальника, многіе единодушно вскричали: «вотъ пригожая дѣвушка!» «Das ist ein schönes Mädchen!» Самъ фельдмаршалъ невольно охорошился, призвалъ улыбку на важное лицо свое и не разъ взглянулъ на нее глазами, выражавшими то, что уста другихъ произнесли. Госпожа Вульфъ, краснѣя отъ общаго вниманія, на нее обращеннаго, и отъ похвалъ, которыми была осыпана, казалась отъ того еще прелестнѣе. Это вниманіе, не ускользнувшее отъ глазъ пастора, и ласковый пріемъ, сдѣланный ему фельдмаршаломъ, придали ему бодрости. Кашлянувъ и поправивъ на себѣ парикъ, онъ спѣшилъ изумить своихъ слушателей рѣчью, произнесенною на русскомъ языкѣ. Въ ней собрана была вся ученость его, подпертая столбами краснорѣчія и любовію его къ славѣ Петра I-го— любовію, зажженною взглядомъ на него великаго монарха подъ Нейгаузеномъ, питаемою русскими переводами, которые намѣревался посвятить ему, и надеждою основать въ Москвѣ первую знаменитую академію: «Scholam illustrem». Въ заключеніе ораторъ просилъ повергнуть къ стопамъ его величества адресъ, имъ заготовленный, о принятіи ужъ не Маріенбурга—цѣлой Лифляндіи подъ свое покровительство. По окончаніи рѣчи, Гликъ подалъ фельдмаршалу славянскую библію въ огромномъ форматѣ, которую держалъ доселѣ подъ мышкою и которая мѣшала ему порядочно размахнуться. Ободренный лестнымъ вниманіемъ и призна-

тельностію высокаго русскаго сановника, обѣщавшаго ему свое покровительство и денежное пособіе на учрежденіе въ Москвѣ училища, и завѣрившаго его въ милостяхъ царя, который умѣлъ цѣнить истинную ученость, пасторъ почиталъ себя счастливѣе увѣнчанныхъ въ Капитоліѣ. Всѣ мечты, всѣ грезы его самолюбія сбывались!... Вслѣдъ за библіею представлены великіе члены его семейства, исторгаемые одинъ за другимъ изъ смиреннаго убѣжища, въ которомъ держала ихъ Грете, а за ними его воспитанница, шведскіе офицеры и почетные жители Маріенбурга, принятые, волею ихъ или неволею, подъ покровительство восторженнаго оратора. Всѣхъ отрекомендованныхъ Гликомъ фельдмаршалъ оставилъ у себя обѣдать. За столомъ радушный хозяинъ такъ ободрилъ ихъ, что они забыли свое горе и казались дорогими гостями на веселомъ пиршествѣ. Говорили и о Вульфѣ, несмотря на желаніе Глика отстранить отъ себя печальную мысль объ немъ. Когда узнали, что онъ мужъ и только-что нѣсколько часовъ мужъ прелестной воспитанницы, фельдмаршалъ сказалъ по-нѣмецки:

— Вашъ зять порядочно *натрубилъ* намъ въ уши: три недѣли не далъ онъ намъ покоя своею музыкою и недавно еще задалъ намъ порядочный концертъ. Надо бы отплатить ему нынѣ тѣмъ же, — прибавилъ онъ, смотря значительно на г-жу Вульфъ,—но мы не злопамятны. Пусть увѣнчаютъ его въ одинъ день и лавры и митры, столько завидные!

Г-жа Вульфъ покраснѣла и—прибавляетъ хроника—вздохнула... Коментаріи не объясняютъ этого вздоха. Извѣстно намъ только, что съ того времени называли ее прекрасною супругою несноснаго *трубача*...

Послѣ обѣда гости были отпущены по домамъ. Пастору обѣщано доставить его съ честію и со всѣми путевыми удобствами въ Москву, какъ скоро онъ изъ-

явитъ желаніе туда отправиться. Всѣ разошлись довольны и веселы.

Насталъ условный часъ пріема замка. Сначала посланъ былъ къ цейгмейстеру шведскій офицеръ съ предувѣдомленіемъ, что русскіе идутъ немедленно занять островъ.

— Все готово къ пріему ихъ! — отвѣчалъ хладнокровно Вульфъ. Нѣсколько батальоновъ русскихъ тронулось изъ стана съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Голова колонны торжественно входила въ замокъ, хвостъ тянулся по мосту. Гарнизонъ шведскій отдалъ честь побѣдителямъ, сложилъ оружіе, взялъ пули въ ротъ и готовъ былъ выступить изъ замка... Дѣло стало за цейгмейстеромъ, котораго не могли сыскать. Поднялась пыль за мѣстечкомъ по дорогѣ изъ Менцена, быстро вилась клубомъ, исчезла въ мѣстечкѣ; уже на берегу видѣнъ татарскій всадникъ — это Мурзенко. Онъ махалъ рукою и кричалъ что-то изо всей силы; слова его заглушены музыкою и барабаннымъ боемъ...

Въ эту самую минуту среди замка вспыхнулъ огненный языкъ, который, казалось, хотѣлъ слизать ходившія надъ нимъ тучи; дробный, сухой трескъ разорвалъ воздухъ, повторился въ окрестности тысячными перекатами и, наконецъ, превратился въ глухой, продолжительный стонъ, подобный тому, когда ураганъ гулитъ океанъ, качая его въ своихъ объятьяхъ; островъ обхватило облако густого дыма, испещреннаго черными пятнами, представлявшими неясные образы людей, оружія, камней; земля задрожала; воды, закипѣвъ, отхлынули отъ береговъ острова и, показавъ на мигъ дно свое, обрисовали около него вспѣненную окрайницу; по озеру начали ходить бѣлыя косы; мостъ разлетѣлся — и вскорѣ, когда этотъ адъ закрылся, на мѣстѣ, гдѣ стояли замокъ, кирка, домъ коменданта и

прочія зданіи, курились только груды щебня, разорванныя стѣны и надломанныя башни. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Послѣдовала такая же кратковременная тишина, и за нею послышались раздирающіе душу стоны раненыхъ и утопавшихъ, молившихъ о спасеніи или смерти. Немногіе изъ шведовъ и русскихъ въ замкѣ чудесно уцѣлѣли. Не скоро также были посланы люди съ берега, чтобы дать имъ помощь; опасались еще какого-либо адскаго дѣйствія изъ уцѣлѣвшей башни. Испуганное русское войско высыпало изъ стана на высоты и приготовилось въ бой съ непріятелемъ, котораго не видѣли и не знали, откуда ждать.

Вульфъ сдержалъ свое слово: и мертвеца съ этимъ именемъ не нашли непріятели для поруганія его. Его могилою былъ порохъ — стихія, которою онъ жилъ. Память тебѣ славная, благородный шведъ, и отъ своихъ, и отъ чужихъ!...

Исторія не позволяетъ мнѣ скрыть, что месть русскаго военачальника за погубленіе батальона пала на бѣдныхъ жителей и на шведовъ, находившихся по договору въ русскомъ станѣ, не какъ плѣнныхъ, но какъ гостей. Всѣ они задержаны и сосланы въ Россію. Не избѣгли плѣна Гликъ и его воспитанница, можетъ статься, къ удовольствію перваго. Шереметевъ отправилъ ихъ въ Москву въ собственный свой домъ. Мѣстечко Маріенбургъ разорено такъ, что его слѣдовъ не осталось

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У РАСКОЛЬНИКОВЪ

Усталъ я; тьма кругомъ густая,
Запалъ въ глуши мой слѣдъ.
Безбрежнѣй, мниться, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ.

Жуковскій.

«*Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндахъ изрядно*» — писалъ Петръ I къ одному изъ своихъ вельможъ, 10-го сентября 1702 года. А каково было гощеніе, можно видѣть изъ писемъ Шереметева къ самому государю. Особенно два письма, знакомя насъ съ тогдашнимъ образомъ войны русскихъ и жалкимъ состояніемъ Лифляндіи, такъ любопытны, что мы рѣшаемся задержать на выпискѣ изъ нихъ вниманіе нашихъ читателей.

«Посылалъ я (доносилъ фельдмаршалъ) во всѣ стороны полонить и жечь; не осталось цѣлаго ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои, государевы,

ратные люди, въ полонъ мужеска и женска пола и ребятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, и скота съ 20,000 или больше, кромѣ того, что ѣли и пили всѣми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...»

Въ другомъ письмѣ доноситъ онъ же:

«Указалъ ты, государь, купя прислать чухны и и латышей, а твоимъ государевымъ счастіемъ и некупленныхъ пришлю. Можно-бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти, и тому радъ, что ратные люди взяли ихъ по себѣ; а къ Москвѣ посылка не дешева станетъ, кромѣ подводъ».

Къ этому описанію прибавлять нечего; каждое слово есть драгоцѣнный фактъ исторіи, жемчужина ея.

Осень подоспѣла, чтобы своими непогодами прибавить къ мрачному состоянію этой страны. Главная русская армія давно ужь покинула опустошенный ею юго-восточный край Лифляндіи, и перешла на сѣверъ, къ Финскому заливу; развѣ мелкіе наѣзды понавѣдывались изрѣдка, не осмѣлился-ли латышъ вновь пріютиться на родной землѣ, какъ злой ястребъ налетомъ сторожитъ бѣдную пташку на гнѣздѣ, откуда похитилъ ея птенцовъ. Вслѣдъ за военными дозорщиками рыскали стада волковъ, почуявшихъ себѣ добычу. Въ это время Владиміръ покинулъ мызу г. Блументроста.

Сдѣлаемъ перечень его несчастій.

Онъ лишился единственнаго своего товарища, слѣпца, восемь лѣтъ ходившаго съ нимъ рука объ руку, восемь лѣтъ бывшаго единственнымъ его утѣшеніемъ; онъ разлученъ съ Паткулемъ, который одинъ могъ бы помочь ему и не зналъ безвременья для слова правды и добра передъ царями; обманутъ онъ въ минуты лучшихъ, сладчайшихъ своихъ надеждъ — у порога родины и немилосердно оттолкнутъ отъ нея на разстояніе безмѣрное. Русскіе, соотечественники, гонятъ его;

шведамъ, призрѣвшимъ его новымъ отечествомъ и братствомъ, онъ измѣнилъ. Все высокое, прекрасное, имъ воздвигнутое, разбито въ прахъ; все злодѣйское, имъ сдѣланное, воскресло новою жизнью и растетъ передъ его совѣстью. Прошедшее — широкій путь крови, скитанія, нуждъ; будущее — тѣсное, жесткое домовище, откуда онъ живой, съ печатью грѣха и отчужденія, вставая, пугаетъ живыхъ, откуда онъ не можетъ выдти, не встрѣтивъ топора палача или заступа старообрядческаго могильщика. Что осталось ему? Плакать? Онъ уже выплакалъ свои слезы... Прочь все прекрасное, все доброе! Адъ его достояніе: адъ легко отыскать съ такимъ проводникомъ, какъ мщеніе! Отнынѣ злобно смотритъ онъ на жизнь и на человѣчество; но между послѣднимъ сердце его отмѣтило одного человѣка мѣтою кровавою. Его-то радостно опутаетъ онъ своими объятьями, сшибетъ со скудельныхъ ногъ и съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ въ бездну вѣчнаго плача и скрежета зубовъ. Этотъ человѣкъ поднимаетъ его по утру съ ложа, ходитъ съ нимъ неразлучно, сидитъ постоянно съ нимъ за столомъ, у изголовья его постели, будитъ его во снѣ; этотъ человѣкъ — Андрей Денисовъ.

— Мщеніе! — вскричалъ Владиміръ, разбивъ свои гусли.—На что вы мнѣ теперь? Вы не выразите того, что я чувствую.—Мщеніе!—сказалъ онъ нѣмому, разставаясь съ нимъ и пожавъ ему руку пожатіемъ, въ которомъ теплилась послѣдняя искра любви къ ближнему.

Добрый нѣмой, не понимая его, съ жалостію смотрѣлъ на него, какъ на больного, котораго онъ не имѣлъ средствъ излѣчить, крѣпко его обнялъ и проводилъ со слезами. Послѣ него и нѣмой остался на мызѣ круглымъ сиротою!...

Наружность Владиміра была мрачна не менѣе души

его. Дикій, угрюмый взоръ, повременамъ сверкающій, какъ блескъ кинжала, отпущеннаго на убійство; повременамъ коварная, злая усмѣшка, въ которой выражались презрѣніе ко всему земному и ожесточеніе противъ человѣчества; всклокоченная голова, покрытая уродливою шапкою; худо отрощенная борода; бѣдный охабень, стянутый ремнемъ, на ногахъ коты, кистень въ рукахъ, топоръ и четки за поясомъ, сума за плечами, — вотъ въ какомъ видѣ вышелъ Владиміръ съ мызы г-на Блументроста и прошелъ пустыню юго-восточной части Лифляндіи. Онъ приближался къ Дерпту и поворотилъ вправо. Глаза его разыгрались дикимъ восторгомъ.

— Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ. Иду къ нему, гость не на радость! Сяду на большое мѣсто подъ образами, насыщусь его хлѣбомъ-солью, напьюсь медовъ сладкихъ и — отблагодарю за гостепріимство. Долго не забудетъ званаго посѣтителя!

Такъ говорилъ Владиміръ, подходя къ *Носу*, одной изъ деревень, которыми *старовѣры* обсѣли Чудское озеро. Мертвая, осенняя природа; тяжелыя, подобно оледенѣлымъ валамъ, тучи, едва движущіяся съ сѣвера; песчаная степь, сердито всчесанная непогодами; по ней рѣдкія ели, недоростки и уроды изъ царства растеній; временемъ необозримыя, сѣдыя воды Чудского озера, бьющіяся непрерывно съ однообразнымъ стономъ о мертвые берега свои, какъ узникъ о рѣшетку своей темницы; изсохшій листъ, хрустящій подъ ногами путника нашего: все вторило состоянію души Владиміра.

Вотъ онъ ужь и въ деревнѣ.

Латыши, чухны проводятъ обыкновенно унылую, тихую жизнь въ дикой глуши, между горъ и въ лѣсахъ; въ разрозненныхъ далеко одна отъ другой хижинахъ, вдали отъ большихъ дорогъ и мызъ, будто

и теперь грозится на нихъ привидѣніе феодализма съ развалинъ своихъ замковъ. Не видно у нихъ, какъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ, длинныхъ деревень, гдѣ тысячи любятъ жаться другъ къ другу, гдѣ житье привольно, подобно широкимъ рѣкамъ, и шумно, нерѣдко буйно, какъ большія дороги, около которыхъ русскіе любятъ селиться; гдѣ встрѣчаетъ и провожаетъ зори голосистое веселье. По первому взгляду на деревню, въ которую вошелъ Владиміръ, можно было сейчасъ узнать, что ея обитатели русскіе. Ее образовали вдоль узкой улицы два ряда высокихъ избъ, расположенныхъ уступами такъ тѣсно, что казались онѣ взгроможденными одна на другую. Всѣ онѣ были съ однимъ краснымъ окномъ и двумя волоковыми, съ трубами и высокими *коньками*, на которыхъ или вѣялись флаги или вертѣлись суда и круги, искусно вырѣзанные. Ворота, убитыя крупными жестяными гвоздями, прикрывались длиннымъ навѣсомъ, подъ которымъ вдѣланъ былъ мѣдный *восьмиконечный* крестъ. Наружность домовъ содержалась въ необыкновенной чистотѣ; особенно вокругъ оконъ бревна были не только вымыты, но и поскоблены. Тишина, царствовавшая въ селеніи, не удивила бы Владиміра, знавшаго, что въ жилищахъ раскольниковъ наблюдается всегда строгое благочиніе, если бы эта тишина не походила на какую-то мертвенность. Никого не было видно на улицѣ и въ огородахъ. У двухъ-трехъ домовъ брякнулъ онъ по нѣскольку разъ, съ разстановкою, большимъ желѣзнымъ кольцомъ о бляху такого же металла; нѣсколько разъ постучался довольно крѣпко у оконъ палочкою и прочиталъ жалостнымъ голосомъ моленіе: «*Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*». Хоть бы голосъ женщины откликнулся ему!

Гдѣ могли быть жители *Носа* въ гулевую пору, въ обѣденные часы?

Не мало удивился онъ, когда ворота у одного дома безъ труда отворились, лишь только онъ осмѣлился приподнять щеколду и толкнуть слегка полотно ихъ. На дворѣ тощій скотъ пожиралъ навозъ; собака, такая худая, что лопатки ея выставлялись острыми углами и можно было перечесть всѣ ея ребра, шатаясь выползла изъ конуры и встрѣтила пришельца сиповатымъ, болѣзненнымъ лаемъ. Въ сѣняхъ никого, въ избѣ тоже. Посуда, обыкновенно содержимая у раскольниковъ въ большой чистотѣ, была разбросана въ безпорядкѣ по столу и залавкамъ. Печь, въ изразцахъ которой наверчено было множество дыръ, чтобы, во время молитвъ, благодать удобнѣе проходила въ горшки и очищала кушанье, покупаемое на торгахъ, была не топлена. Иконы въ избѣ ни одной. Безъ труда вошелъ Владиміръ на сосѣдній дворъ: въ немъ также пустота; въ третьемъ, въ четвертомъ тоже. Далѣе нашелъ онъ умирающаго младенца.

— Счастливъ, что кончаешь жизнь, не понимая ея! — сказалъ Владиміръ, и отвернулся отъ ранняго страдальца.

Наконецъ, у *звонницы* [1]) представилось ему что-то похожее на живое существо. Это была молодая женщина, лежавшая на голой, сырой землѣ, и почти недвижимая. Съ трудомъ могла она, однакожъ, объяснить нашему страннику, что она дочь тутошняго *уставщика* [2]), удостоена была въ *грамотницы* [3]), замѣняла нерѣдко *батьку* (отца духовнаго) въ часовенномъ служеніи, но что съ недавняго времени лукавый попу-

---

[1]) Колокольни.

[2]) Уставщикъ, надзиратель за порядкомъ во время богослуженія.

[3]) Грамотница читаетъ апостолъ, поетъ на женской половинѣ духовныя пѣсни и пишетъ книги, нерѣдко съ большимъ искусствомъ, по уставному.

талъ ее: полюбила молодого, пригожаго *псалмопѣвца* и *чтеца*. Это бы еще не бѣда. Грѣхъ этотъ можно-бъ искупить нѣсколькими стами *началъ*[1]); но вотъ что ее погубило. Отецъ ея любезнаго, побывавъ въ другомъ *согласіи*, вывезъ оттуда ересь и смутилъ ею нѣкоторыхъ изъ жителей деревни Носа, а именно: онъ сталъ принимать отъ Ѳеодосеянъ титлу, Пилатомъ на крестѣ написанную: «*IС Назарянинъ, Царь Іудейскій*». Носовцы же (поморскаго согласія) писали титлу: «*Царь славы, IС Сынъ Божій*», и потому, предавъ анаѳемѣ *новщиковъ*[2]), выгнали ихъ изъ деревни. Псалмопѣвецъ, прежде вѣчной разлуки съ любезною грамотницею, захотѣлъ съ ней проститься. Роковое свиданіе назначено въ ближнемъ бору. Сердце у раскольницы такое же мягкое, какъ и у женщинъ мірскихъ; она исполнила волю милаго. *Надсмотрщица*[3]) подглядѣла за ними, и поспѣшила избавить несчастную изъ сатанинскихъ когтей Ѳедосеевщика, разсказавъ обо всемъ отцу ея. Озлобленный родитель самъ, своими руками, выдалъ ее *согласію*. Тысячи земныхъ поклоновъ, ужасный постъ, побои, истязанія разнаго рода, освободили грѣшную отъ мученій ада. Ноги у ней были отбиты; одною рукой она не владѣла; земля подернула губы ея.

— Теперь, — прибавила она, — очищенная, жду страшнаго суда.

— Гдѣ-жъ православные?—спросилъ Владиміръ.

— Въ бору, — отвѣчала *грамотница*. — Поспѣшай и ты туда-жъ, чтобы страшный часъ не засталъ тебя въ *суетѣ*.

---

[1]) Началомъ называютъ раскольники тѣ семь поклоновъ, безъ которыхъ они ничего не начинаютъ. Ежели кто въ семъ случаѣ не доложитъ поклона или переложитъ его, то молитва не въ молитву.

[2]) Вводящіе перемѣну, новизну въ расколѣ.

[3]) Надсмотрщикъ наблюдаетъ за нравственностію мужчинъ, надсмотрщица за поведеніемъ женщинъ.

Не понималъ Владиміръ, о какомъ часѣ говорила несчастная. Онъ сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, но ослабѣвшая отъ усилій, которыя употребила, чтобы разсказать о своей судьбѣ, она могла только указать на боръ, видимый изъ деревни, и погрузилась въ моленіе.

«Пойду искать слѣдовъ жизни, болѣе здоровой и сильной», думалъ Владиміръ, обратившись, куда ему указано было: «авось заражу ее страданіями или потѣшусь надъ глупымъ человѣчествомъ».

Еще издали представилось ему странное зрѣлище. Поприща [1]) за два отъ деревни, въ мелкорослом, тщедушномъ бору, на песчаныхъ буграхъ, то смѣло вдающихся языкомъ въ воды Чудского озера, то уступающихъ этимъ водамъ и образующихъ для нихъ заливъ, а для рыбачьихъ лодокъ безопасную пристань, стояло сотни двѣ гробовъ, новенькихъ, только-что изъ-подъ топора. Несмотря на отвращеніе, какое человѣкъ чувствуетъ къ трупамъ себѣ подобныхъ, особенно чужихъ людей, Владиміръ рѣшился подойти къ этому погосту. «Какая язва», думалъ онъ, «уклала въ домовища всѣмъ здѣшнихъ жителей? Смерть, когда она не послана гнѣвомъ Божіимъ, утомилась бы въ годъ засѣять такое поле; а нынѣ, видно, наполнила она ихъ такъ скоро, какъ проворный жнецъ укладываетъ снопами свою полосу, какъ ловкій песъ загоняетъ стадо въ овчарню. Однако, почему гробы не опущены въ могилы? Исчезнувшій съ земли долженъ и истлѣть въ ней, чтобы не оставить послѣ себя ничего, кромѣ имени человѣка. Кто-жъ и когда успѣлъ построить эти домовища? Поэтому жители Носа заранѣе готовились умереть. Не перешли-ли они въ морельщики, и можетъ быть, желая пріобрѣсть мученическій вѣнецъ,

---

[1]) Тогда считали разстояніе поприщами, полагая въ каждомъ 120 шаговъ.

сами себя умертвили?» Размышленія эти были прерваны ужаснымъ воемъ, плачемъ и визгомъ, поднявшимися вдругъ изъ гробовъ, какъ скоро Владиміръ подошелъ къ нимъ. «Грядетъ, грядетъ!» вопили многіе.— «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» раздалось вокругъ его на разные жалобные голоса. Иные читали сами себѣ отходную; другіе молили о помилованіи; нѣкоторые, закрывъ глаза, скрежетали отъ страха зубами. Сначала испугался и самъ Владиміръ, обхваченный такимъ хоромъ, но, взглядѣвшись пристально въ фигуры, укладенныя, какъ муміи, въ ящики, изъ которыхъ большая часть была не закрыта, онъ едва не захохоталъ, несмотря на состояніе, въ которомъ находился. Въ домовищахъ лежали жители Носа, разнаго пола и возраста, окутанные въ саваны и спеленутые—молодые розовыми покромками, а старшіе голубыми, такъ что изъ перевязки составлялись три креста: одинъ на колѣнахъ, другой на брюхѣ, а третій на груди. Бумажный, блестящій вѣнецъ, съ восьмиконечными крестами, обвивалъ ихъ чело; въ головахъ стояли мѣдные литые образа. У нѣкоторыхъ женщинъ покоились младенцы на груди, у другихъ съ крикомъ вырывались. Дѣти требовали хлѣба, обступая отцовъ и матерей, которые съ жестокостью ихъ отталкивали. Владиміръ понялъ тотчасъ, въ чемъ состояло дѣло; съ важностью обошелъ вокругъ живописнаго кладбища, сталъ потомъ на срединѣ и воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Почто вы здѣсь?

На это воззваніе закричали многіе:

— Это антихристъ: онъ смущаетъ насъ. Укрѣпитесь, о братія, въ страшный часъ молитвою.

Владиміръ поднялъ вверхъ правую руку, изъ которой составилъ двуперстное крестное знаменіе, и опять воскликнулъ:

— О имени Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа вопрошаю васъ: почто вы здѣсь?

— Яковъ Ковачъ! — сказалъ тутъ одинъ съ выпятившимся изъ гроба брюхомъ, дрожа отъ холода, а можетъ быть, и проголодавшійся, — онъ речетъ именемъ Господа,

— Воистину такъ!—отвѣчалъ тотъ, къ кому обращена была рѣчь.

— Повѣдаемъ ему, почто мы здѣсь вкупѣ.

— Пора бы,—примолвилъ третій, выпутываясь изъ пеленъ и потихоньку выползая изъ гроба, — пора бы ужъ давно, по вычисленію уставщика Антипа, совершиться пророчеству.

— Посмотримъ, такъ-ли солнце течетъ? Нѣтъ-ли замѣшательства въ мѣрѣ часовъ? — присоединилъ свой голосъ четвертый, слѣдуя примѣру своихъ братій и, посматривая на небо, на которомъ въ это время изъ-за свинцовыхъ тучъ проглянуло солнышко.

— Кажись, все по-старому.

— Антипка обморочилъ насъ!—закричало нѣсколько голосовъ.

— Подайте Антипку! побьемте его каменьями. Бросимте его въ воду!—вопили многіе.

Среди этого смятенія выпрыгнулъ изъ гроба одинъ высокій мужикъ, разорвалъ на себѣ смертныя оковы, побѣжалъ въ противную отъ селенія сторону и, пока разоблачились братья его, спеленутые, подобно кукламъ, онъ успѣлъ скрыться изъ виду.

— Еретикъ! лжеучитель!—вскричали многіе вслѣдъ ему, — не хотѣлъ искупить своего прегрѣшенія мученическою смертію. Достоинъ есть отлученія отъ церкви и общежительства!

— Почто смущаетесь, братія мои о Господѣ,—сказалъ Владиміръ, принявъ на себя постный видъ. — Я странствовалъ много по святымъ мѣстамъ, иду теперь

отъ гроба Господня къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, и несу вамъ, по пути, оружія, каковыми подобаетъ подвизаться противъ сатаны, дышущаго зельною яростію на христоименитое достояніе.

Слова эти, какъ талисманъ, подѣйствовали на живыхъ мертвецовъ. Толпы собирались около благовѣстителя. (Надобно здѣсь замѣтить, что раскольники имѣютъ слѣпую вѣру къ пришельцамъ греко-россійскаго исповѣданія изъ дальнихъ странъ, и потому часто бываютъ обмануты бродягами). Иные, не успѣвъ еще разрѣшить ноги свои отъ смертныхъ узъ, но желая скорѣе поклониться святому мужу (котораго за нѣсколько минутъ готовы были побить каменьями, какъ Антипку), бросались впередъ, запутывались по землѣ. Другіе едва переступали съ ноги на ногу, имѣя руки связанныя, и представляли, такимъ образомъ, движущіеся чурбаны. Нѣкоторые, крѣпче прочихъ стянутые, лежали въ ящикахъ своихъ, будто чающіе движенія воды, и жалостно молили о помощи. Прибавьте къ этому очерку бороды разнаго покроя и цвѣта, высунувшіяся изъ пеленъ; бумажные, пестрые вѣнцы, украшавшіе маститые лбы, отрывки савановъ, которые тащились по пятамъ и на которые наступали ревностные братья, — и можете докончить смѣшную картину возстанія носовцевъ изъ мертвыхъ. Замѣтно было, однакожъ, что человѣка два, три вовсе не показывали знаковъ жизни и, вѣроятно, отъ холода, голода и страха успокоились на вѣчныя времена. Обступившіе Владиміра носовцы разсказали ему, наконецъ, что за нѣсколько дней прошелъ черезъ ихъ общежительство киновіархъ Выговскаго скита и чиноначальникъ поморянъ, Андрей Діонисіевъ. Онъ повѣдалъ имъ, что антихристъ народился уже 30 лѣтъ, 3 мѣсяца и 3 дня, и что Іисусъ Христосъ пріидетъ вскорѣ на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ.

— Мы просили уставщика Антипа, — прибавляли разсказчики, — вычислить намъ, въ кой именно часъ подобаетъ быти страшному суду. Притаился было вначалѣ собачій сынъ, будто боится насъ перепугать, и ну отговариваться, а мы—плотнѣе къ нему: скажи-де намъ, не моги утаить, всю правду-истину. Взялся еще разъ воръ Антипка за книги; три дня, три ночи рылся въ нихъ; отыскалъ яко бы ключъ къ таинствамъ и повѣдалъ намъ въ третій день, что нынѣ-де въ пятницу, въ полудни, неминуемо быти пришествію Господню. Побросали мы все житейское, подѣлали гробы и полегли въ нихъ вчера, изготовясь молитвою и постомъ къ страшному часу. Но знать....

— Обманулъ васъ, о братія, Андрей Діонисіевъ изъ собственной корысти,—перебилъ Владиміръ,—обманулъ васъ и уставщикъ, подкупленный имъ. Разойдется по христіанству поморскому сѣть, въ кою вы попали, и лукавый возвеселится.

— Ахъ онъ такой-сякой! — вскричала толпа, — приди-ка онъ къ намъ!...

— Вонмите мнѣ,—перебилъ опять Владиміръ, возвысивъ голосъ,—вы всѣ, кои здѣсь предстоите и коихъ имена вписаны въ книзѣ животнѣй! Аѳонскій монахъ, сто лѣтъ находящійся при гробѣ Господнемъ, прислалъ вамъ со мною миръ отъ Бога и свое благословеніе. Въ бесѣдѣ о временахъ и лѣтахъ онъ повѣдалъ мнѣ, опираясь на сію трость...

При этомъ словѣ слушатели бросились на посохъ, который держалъ Владиміръ, и въ одинъ мигъ съ жадностію раздѣлили его по себѣ на мелкія части. Владиміръ не смутился и продолжалъ:

— Святой отецъ повѣдалъ мнѣ, что антихристъ уже 60 лѣтъ народился....

— Смотри-ка,—кричали многіе,—скрадено три десятка годовъ. Три десятка! легко молвить! Ну, счаст-

ливъ, что по добру, по здорову уплелся, а то бы похлебалъ свѣжей ушицы!

— Святой отецъ повѣдалъ еще, что искуситель приметъ на себя образъ киновіарха, что смуты его только въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ зачались, а страшный судъ настанетъ не прежде 49 лѣтъ, по вычисленію на семи седмицахъ.

Многое еще толковалъ имъ Владиміръ объ антихристѣ, въ котораго ересіархъ Денисовъ могъ бы смотрѣться, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жители Носа, разинувъ рты, благодарили его за добрую вѣсть, упрашивали его къ себѣ въ уставщики и обѣщали современемъ произвести въ чиноначальники. Чувство мести заставило его согласиться на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе вѣчнымъ сномъ и, слѣдственно, кончившіе свою роль на этой сценѣ человѣческихъ заблужденій, преданы по обычаю, при всей братіи, достойному погребенію; послѣ чего гробы живыхъ брошены въ озеро. Флотилія эта, оттолкнутая отъ береговъ благопріятнымъ вѣтромъ, поплыла по необозримымъ водамъ и вскорѣ исчезла изъ виду. Владиміръ былъ отнесенъ въ мірской домъ, торжественно сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, съ пѣніемъ: «*Вечере водворится плачъ, и за утра радость*».

— Смотря теперь на мое торжество, — думалъ онъ, — кто не сказалъ бы, какъ легко управлять народомъ суевѣрнымъ, невѣжественнымъ! — Но что скажетъ тотъ, кто видѣлъ бѣгство уставщика Антипа?...

Можно было заранѣе предвидѣть, что Владиміръ недолго погоститъ у носовцевъ. Причину этого можно угадать.

Пылкая душа его не терпѣла принужденія. Созданная непокорною, вольнолюбивою, умѣвшая, какъ мы имѣли случай высмотрѣть, съ помощью Бира порвать на себѣ свивальники невѣжества, она не могла подчинить себя стѣсненной жизни раскольниковъ. И какъ иначе? У нихъ любовь къ Богу, исчисленная на лѣстовкахъ и земныхъ поклонахъ; вѣра, заключенная въ двухперстномъ знаменіи, въ восьмиконечномъ крестѣ, въ поклоненіи старымъ иконамъ; добродѣтель въ ужасномъ постѣ, въ ожесточеніи противъ всякой новизны, какъ бы она ни была полезна, въ унизительномъ презрѣніи къ ближнему, несогласному съ ихъ мнѣніями,— вотъ духъ и ученіе, которымъ водились общества раскольниковъ! Такія правила не могли не возмутить души Владиміра. Онъ устыдился своего притворства и, обозначивъ себя передъ носовцами, успѣлъ заслужить ихъ неудовольствіе. Часто не выполнялъ онъ *началъ*, былъ разсѣянъ въ моленной, забывалъ во время кажденія ладономъ вынимать изъ пазухи крестъ и подносить его съ поклономъ къ кадильницѣ, или читать молитву надъ сосудомъ съ пищею, чтобы нечистый въ него не наплевалъ. За такое нарушеніе правилъ своего требника носовцы косились на него, потомъ выговаривали, что онъ *суетится*, и, когда онъ имъ объявилъ, что отправляется къ Соловецкимъ Чудотворцамъ для выполненія даннаго обѣта, очень довольны были, что безъ дальнихъ хлопотъ могутъ отъ него освободиться. Гнать его не смѣли, потому что онъ умѣлъ пріобрѣсть надъ ними нѣкоторую власть своимъ краснорѣчіемъ, привлекавшимъ съ нему слушателей даже изъ дальнихъ мѣстъ, и особенно потому, что денежными вкладами способствовалъ къ выстроенію *часовни* и *столовой*. Со стороны-жъ Владиміра цѣль его была достигнута. Не довольства жизни пришелъ онъ искать у раскольниковъ, а только мести.

Месть его на берегахъ Чудского озера выполнена. Онъ успѣлъ не только носовцевъ, но и сосѣднія деревни возбудить противъ ученія и владычества Андрея Денисова до такого ожесточенія, что въ одинъ день деревни эти, выбравъ отъ себя представителей, послали ихъ въ Носъ и на общемъ сходбищѣ положили: «съ заонеги раздѣленіе имѣть; съ ними ни ѣсть, ни на моленіи стоять; поморскихъ учителей не слушать». Къ этому раздѣленію много способствовала вѣсть, что съ Денисовымъ ходитъ жидъ подъ личиною чернеца поморскаго, обращающій православныхъ въ жидовскую вѣру.

Итакъ Владиміръ, сдѣлавъ свое дѣло между чудскими раскольниками, разстался съ ними. Вся зима проведена имъ въ странствіяхъ по слѣдамъ ересіарха, мнимымъ или настоящимъ, смотря по извѣстіямъ, какія получались. Чѣмъ далѣе пробирался онъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе находилъ ожесточеннаго суевѣрія.

Въ одномъ мѣстѣ *запащиванцы*, утомленные поклонами, которыхъ клали въ день по 300 земныхъ и 700 поясныхъ, изнуренные сорокадневнымъ постомъ въ запертомъ сараѣ, умирали съ голода или пожирали другъ друга.

Въ иномъ мѣстѣ закупывали десятками *перекрещенцевъ* разнаго возраста и пола. Это называлось обновленіе водою. Обновленіе огнемъ было не менѣе ужасно. Желая очиститься отъ грѣховъ и стяжать мученическій вѣнецъ, они толпою входили въ одну избу, обкладывали ее хворостомъ, который зажигали со всѣхъ сторонъ, и, такимъ образомъ, погибали въ пламени, воспѣвая каноны и расточая проклятія на никоніанцевъ.

Зима по послѣднему санному пути убралась восвояси. Безъ нея то-то пиръ начался у природы! Пѣсни жаворонка, шумъ выпущенныхъ изъ плѣна

водъ, зеленые ковры, разостланные на проталинахъ, все заговорило о веснѣ. Владиміръ попрежнему былъ пасмуренъ и въ прежнемъ ожесточеніи шелъ на сѣверъ, чтобы найдти своего гонителя. За Ямбургомъ встрѣтили его слухи, что русскіе уже прошедшею осенью появились у Ладожскаго озера, осадили и взяли Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), что въ Корелахъ *олонецкій попъ* (Иванъ Окуловъ) съ охотниками разбилъ шведовъ, что царь своею могучею волею цѣликомъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ лѣса, болота и воды отъ Ледовитаго моря до Финскаго. Въ проѣздъ Петра мимо Повѣнца пустынножители Выговскаго скита изготовили было въ часовни бочки съ смолою, рѣшась пострадать за свою вѣру, а другіе разбѣжались по лѣсамъ и болотамъ. Царь успокоилъ ихъ словами: «пускай живутъ!» а когда они собрались на прежнее житье, послалъ ихъ въ заводы работать. Наконецъ, Владиміръ услышалъ, что государь обглядываетъ берега Финскаго залива. «Гдѣ только звѣрь ходитъ и рыба плаваетъ, тамъ идутъ у него войска», говорили вѣстовщики, «лѣса рѣжетъ, какъ траву косецъ, переносится черезъ трясины будто на коврѣ самолетѣ, а коли воды сердитыхъ озеръ заблажатъ, сѣчетъ ихъ немилосердно—и затихаютъ!»

При такихъ рѣчахъ Владиміръ задумывался; грудь его сильно волновалась; тяжело вздыхалъ онъ. Мысль, что онъ еще не испыталъ одного, послѣдняго, средства для свиданія съ милымъ, незабвеннымъ отечествомъ, цѣли всѣхъ его желаній, бродила въ его головѣ. Сердцу его отозвались слова Паткуля: «Прямо къ нему, безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и его великодушія!» Прямо къ нему! твердилъ онъ, какъ человѣкъ, которому указали слѣды къ отысканію драгоцѣнной для него потери. Душа его снова вспыхнула любовью къ родинѣ и надеждою. Все опять забыто: и

угрозы ересіарха, и моленія Софіи, и месть, возобладавшая имъ такъ сильно, и казнь, ему назначенная. Онъ видитъ только Петра Великаго, а за нимъ золотыя главы церквей московскихъ; онъ стоитъ у порога знакомаго терема...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВСТРѢЧА

Къ демону обѣты!
Во глубь геены совѣсть, добродѣтель!
Будь воля Неба! мести я хочу,
Кровавой мести!—

„Гамлетъ". — Перев. *М. В.*

Первое мая 1703 года подарило Петра первою морскою пристанью на Балтійскомъ морѣ, а русскихъ открытымъ листомъ въ Европу: — крѣпостца Ніеншанцъ, съ гаванью на берегу Невы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья этой рѣки (тамъ, гдѣ нынѣ Большая и Малая Охта), сдалась, послѣ пятидневной осады, капитану отъ бомбардиръ *Петру Михайлову* (въ этомъ званіи находился тогда государь).

Немногими днями позже, утромъ, Владиміръ, пройдя *Саарамойзу* [1]), къ удивленію его не опустошенную, остановился на высотѣ, ближайшей къ Невѣ, гдѣ сходились дороги изъ Ямбурга и Новгорода, недавно проложенныя. Передъ нимъ на великомъ пространствѣ разстилалось болото—мшистое ложе, съ котораго нѣкогда сбѣжало море! Мрачная зелень сосновыхъ лѣсовъ, изрѣдка перемежаемая серебристымъ березнякомъ, вол-

---

[1]) Нынѣ Царское Село.

новалась по тощей равнинѣ этой, отдѣляла черной каймой ижорскій берегъ отъ голубыхъ водъ Невы и моря, и обрисовывала купу островов и суровый карельскій берегъ. Нева одна роскошничала жизнью въ этой мертвой пустынѣ. Обнимая острова *Койвосари* [1]), *Кирфви-сари* [2]), *Лустъ-Эландъ* [3]) и многіе другіе, она то пряталась за ними, то выставлялась изъ-за нихъ разбитымъ кускомъ зеркала, то блистала въ широкой рамѣ своихъ береговъ. Множество рѣчекъ продиралось сквозь мхи болотъ и спѣшило въ Неву, чтобы вмѣстѣ съ нею убѣжать въ раздолье моря. Кое-гдѣ по островамъ выглядывали рыбачьи хижины. Вдали, передъ устьемъ рѣки, поднимались изъ моря темныя глыбы, обвитыя утренними туманами. Волны Бельта сердито бѣжали на нихъ, какъ бы желая стереть ихъ съ его лица. Неволя или расчеты одни могли загнать человѣка въ эти мѣста: такъ непривлекательны онѣ казались!

Отъ подошвы горы, на которой остановился Владиміръ, шла торная дорога въ Ніеншанцъ: множество тропъ, разыгрывавшихся влѣво и вправо, вело черезъ болота и лѣса къ берегу моря и Невы. Подумавъ нѣсколько, по которой ему идти, онъ назначилъ себѣ тропу, поворачивавшую тотчасъ съ битой дороги влѣво.

Лишь только спустился онъ съ горы и, взявъ нѣсколько въ бокъ отъ нея по большой дорогѣ, готовился повернуть на тропу, какъ послышалъ за собою колокольчикъ. Съ трепетомъ сердечнымъ оборотился онъ, и увидѣлъ красивую колымагу, запряженную въ русскую упряжь тремя бойкими лошадьми, за колымагою тянулось нѣсколько кибитокъ. Сидѣвшіе въ

---

1) Березовый, нынѣ Петербургскій островъ.
2) Каменный.
3) Островъ съ Петропавловскою крѣпостью.

нихъ, судя по одеждѣ, были русскіе и, вѣроятно, составляли *поѣздъ* знатнаго боярина. Передній ямщикъ такъ искусно владѣлъ лошадьми, что спуская повозку съ горы, однимъ магическимъ словомъ, для котораго русскій языкъ не имѣетъ знаковъ, останавливалъ лошадей на самыхъ крутизнахъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе къ Владиміру, можно было различить въ немъ, красиваго, статнаго малаго. Румянецъ здоровья вспрыснулъ его щеки; въ карихъ глазахъ, обведенныхъ черными дугами бровей, замѣтенъ былъ умъ и беззаботное довольство; движенія его были размашисты. Онъ былъ обстриженъ гладко въ кружокъ, на головѣ была надѣта на бекрень поярковая шляпа съ павлиньимъ перомъ, воткнутымъ за черную бархатную ленту. Солнышко играло на золотомъ галунѣ его кумачной рубашки; за пестрымъ кушакомъ, туго опоясывавшимъ его станъ, заткнуты были черныя рукавицы и коротенькій кнутикъ. Пристяжныя завивались и съ нетерпѣнія грызли землю; коренная спалзывала на заднихъ ногахъ и, досадуя, что ей не давали воли, потряхивала головой изъ-подъ огромной дуги, съ азіятскимъ вкусомъ раскрашенной яркими цвѣтами. Выѣхавъ на большую дорогу, молодой ямщикъ приподнялъ шляпу съ павлиньимъ перомъ, стряхнулъ на себѣ волосы, надѣлъ шляпу на одинъ бокъ, приложилъ къ уху правую руку, и голосъ его залился унылою пѣснью:

Ты, дуброва моя, дубровушка,
Ты, дубровушка моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла?

Пѣсня его повременамъ прерывалась обращеніемъ къ лошадямъ и народными поговорками. Колокольчикъ, *даръ Валдая*, билъ мѣру заунывнымъ звономъ.

Въ колымагѣ сидѣла женщина. Отъ того ли, что она плакала или старалась не быть признанною, полная, бѣлая ручка ея прижимала платокъ къ глазамъ. Владиміръ едва замѣтилъ ее, когда повозка начала съ нимъ равняться; онъ былъ весь погруженъ въ слухъ, онъ боялся проронить одинъ родной звукъ.

— Вольдемаръ! — закричалъ женскій пріятный голосъ.

Онъ встрепенулся, хотѣлъ заглянуть въ повозку, но удалый ямщикъ махнулъ рукой, гаркнулъ:

— По всѣмъ тремъ, коренной «не тронь! батюшки, родимые, вырвались!..»

Кони помчали; зарябили круги колесъ, и скоро колымага исчезла изъ виду изумленнаго Владиміра, не имѣвшаго времени разглядѣть, кто сидѣлъ въ ней.— Голосъ знакомый, думалъ онъ, но чей—не могъ себѣ объяснить.—Спросить было некого; заднія повозки полетѣли вслѣдъ за переднею. Ломая себѣ голову надъ этой загадкой и, между тѣмъ, утѣшенный отечественными звуками, онъ повернулъ на тропу, имъ избранную. «Можетъ быть, думалъ онъ, встрѣча эта послѣдній мнѣ привѣтъ отечества, послѣдняя моя радость на землѣ!» Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Невѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему подвигъ, на который онъ рѣшался; чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ встрѣчею съ русскимъ, не потерявшимъ своей чистой коренной народности, тѣмъ болѣе ужасала его мысль, что онъ скоро, можетъ быть, навсегда разстанется, вмѣстѣ съ жизнію, съ тѣмъ, что ему дороже жизни. Тоска безвѣстности надломила сердце его на-двое. Не чувствуя усталости, онъ, однакожъ, нѣсколько разъ принимался отдыхать по дорогѣ. Между тѣмъ къ вечеру онъ уже былъ на ижорскомъ берегу Невы, у опушки густого лѣса, омываемаго ея водами, противъ острова Лустъ-Эланда.

Робко осмотрѣлся онъ сквозь деревья по сторонамъ: — никого не видать и не слыхать! Однѣ воды шумно неслись въ море. На возморьѣ стояла эскадра, какъ стая лебедей, упираясь грудью противъ ярости волнъ. За ближайшимъ къ морю угломъ другого острова (названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ) два судна прибоченились къ сосновому лѣсу, его покрывавшему; флагъ на нихъ былъ шведскій. Временемъ съ судовъ этихъ палили по два раза; тѣмъ же сигналомъ отвѣчали изъ Ніеншанца.— Слѣдственно,—полагалъ Владиміръ,—устье Невы и крѣпостца заняты шведами. Ужели царь, никогда не начинавшій того, чего не могъ исполнить, снялъ осаду?..—Не зная, что придумать, нашъ странникъ рѣшился переночевать на твердой землѣ, а между тѣмъ, до заката солнца, пріискать себѣ челнокъ или старый пень дерева, на которомъ могъ бы утромъ переправиться на *Койво-сари* къ чухонскимъ рыбакамъ, чтобы провѣдать у нихъ о томъ, что происходило въ окрестности. Для исполненія своего намѣренія пошелъ онъ вдоль берега.

Вечеръ становился пасмуренъ. Тучи вились и развивались черными клубами; наконецъ, онѣ слились въ темную массу, оболочившую небо, начали спускаться на землю грядами — и воды Невы отразили ихъ, превратясь въ мутный потокъ. Вскорѣ послышался и дождикъ: то капалъ онъ по листамъ мелкою дробью, то лилъ ведромъ. Владиміръ хотѣлъ было отъ непогоды пріютиться въ лѣсу, но, увидѣвъ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, челнокъ, погрязшій въ тинѣ, рѣшился подвергнуться еще непріятностямъ дождя, чтобы завоевать челнъ, и тѣмъ обезпечить себѣ переѣздъ на *Койво-сари*. Немного труда стоило ему вытащить свою добычу изъ тины. Но какъ дождь усиливался, то онъ собирался было, пообчистивъ челнокъ, положить его вверхъ дномъ на кустъ, который, нѣсколько нагнув-

шись отъ этой тяжести, образовалъ бы, такимъ образомъ, кровъ для нашего странника; но вдругъ остановленъ былъ прикрикомъ на него:

— Не тронь, окаянный!

Онъ оглянулся, и чтожъ?—за нимъ, съ поднятымъ на него весломъ, чернецъ Авраамъ, спутникъ и переводчикъ Андрея Денисова.

То была судьба Владимірова!..

Они узнали другъ друга, хотя мало видались.

Владиміръ забылъ свои надежды, родину все на свѣтѣ; онъ весь не свой! Ужаснымъ, изступленнымъ взоромъ окинулъ онъ чернеца. Взора этого не могъ выдержать Авраамъ, задрожалъ, преклонилъ весло въ знакъ покорности и опустилъ въ землю свои глаза. Но для ученика вельзевулова довольно одной минуты, чтобы обдумать все, что ему надо дѣлать и говорить.

— А!.. видно, рокъ ищетъ моей и вашей головы!— вскричалъ Владиміръ,—гдѣ твой?..

Онъ не договорилъ; месть захватила ему дыханіе.

Чернецъ скоро оправился, принялъ на себя видъ доброжелательства, сдѣлалъ Владиміру знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ, и, возведя глаза къ небу, сказалъ потихоньку:

— Благодареніе Господу Богу, что Онъ послалъ меня къ тебѣ! Помнишь-ли ноць въ домѣ лѣсника?

— Да, помню слишкомъ хорошо!.. Чтожъ тебѣ изъ этого, еврей поганый?

— А вотъ цто, цестный бояринъ! я хоцу спасти тебя отъ конецной гибели.

— Хороши спасители, съ петлей въ рукахъ!.. Послушаемъ, однакожъ!

— Станемъ мы подъ это деревцо; здѣсь доздицекъ не такъ моцитъ. Вотъ этакъ, хорошо. Все, все тебѣ разсказу до подноготной; только прошу, ради Созда-

теля, потише, а то разбудишь пса нецистаго (цтобъ его бѣсы сзарили на сковородѣ!)

— Ну, слушаемъ, ваше преподобіе.

— Изволь припомнить себѣ крупныя словецки, которыя говорилъ тебѣ въ домѣ лѣсника сѣдой плутъ. Я подслушалъ все тогда сквозь стѣнку: цто дѣлать? таковъ нашъ обыцай! По цести, хотѣлось мнѣ тогда шепнуть тебѣ, цтобъ ты пришибъ ему языкъ одназды навѣки вѣковъ, аминь! Но Богъ Іакова и Авраама свидѣтель, цто мнѣ не было никакого на то способа. Какъ скоро ты ушелъ, нашъ сѣдой плутъ давай проклинать тебя. «О! лихо тебѣ будетъ,—сказалъ я ему,— цто ты обизаешь этого праведника».

— Некогда мнѣ слушать твоихъ каноновъ... Чу! какъ гудить небо!.. Знаешь-ли, чего оно проситъ?

— Сейцасъ, сейцасъ! не посмотрю я, крицалъ разбойникъ, цто онъ сынъ князя...

— А, этимъ хоть легче!.. Бездѣльникъ, какъ онъ обманывалъ меня!.. Чтожъ далѣе?

— Не посмотрю, крицалъ онъ, цто онъ сынъ...

— Ни полслова болѣе!.. Такъ, я понялъ твою тайну, воспитатель мой! Понялъ я твое молчаніе, благородный Паткуль!.. Вижу, не мои проступки лежатъ между мною и отечествомъ.

— Это еще не все. На бѣду твою въ ту зе ноць наткнулись на насъ два солдата. Проклятый Андрей назвался бояриномъ, посланнымъ изъ Москвы отъ царской думы для поимки бѣглаго стрѣльца, злодѣя, подкупленнаго будто бы царевною Софіею Алексѣевною, цтобы убить дерзавнаго, Великаго Государя нашего. Андрюшка сказалъ имъ, цто онъ узе не въ силахъ тащить ноги свои и проситъ добрыхъ солдатушекъ сослузить царю слузбу, отдать Шереметеву письмецо отъ него, посланника ясновельмозной думы. Солдаты вызвались вруцить письмо прямо въ руцки фельдмар-

шала и—какъ думать надо—они это вѣрно исполнили. Мы въ скоромъ времени узнали черезъ шпіоновъ нашихъ въ русской арміи, что подъ Маріенбургомъ какого-то вазнаго плѣнника схватили и увезли, куда воронъ костей не заноситъ.—«Это онъ! сказалъ, смѣясь, сынъ люциферовъ: наша взяла!»—Вотъ отслузилъ онъ за упокой твоей душки панихиду и весело побрелъ съ нами въ скитъ свой; но душа его не долго была на пирушкѣ; за Цудью узналъ онъ, что въ деревнѣ Носѣ появился странникъ, который читаетъ проповѣдь, будто онъ, Андрей Денисовъ, лзеучитель, обмансщикъ, самъ антихристъ... Этотъ странникъ — разсказывали намъ—обратилъ всѣхъ на свою сторону, ввелъ многія новизны въ расколѣ, такъ что и царя Петра Алексѣевича стали поминать на моленіи, и успѣлъ совершенно отдѣлить отъ заонезскаго притона всѣ *согласія*, посѣвшія около Цудского озера.—«Это онъ опять!—вскрицалъ, трясясь отъ злости, Андрюшка. — Даетъ мнѣ работу, видно зе послѣднюю!..»

— Такъ, послѣднюю!.. отгадалъ!.. Потомъ очередь придетъ наша!

— «Кто кого перемозетъ!»—прибавилъ онъ, и потащилъ насъ за собою на востокъ къ Новгороду. Тамъ посылалъ онъ деньги по властямъ, объявилъ намѣстнику слово и дѣло, и показалъ ему какія-то письма Софіи Алексѣевны. Вотъ, поскакали гонцы къ царю въ Архангельскъ и вотъ полученъ указъ царскаго величества отыскать твою милость хоть подъ землею и казнить безъ оправданій. Видишь, бояринъ, къ цему они тебя ведутъ: о вей! о вей! прямо подъ топоръ. Сѣдого плута за этотъ доносъ похвалили, брата его и многихъ раскольниковъ, содерзавшихся въ новгородской тюрьмѣ, выпустили на волю и обѣщали милости Выговскому скиту. Теперь бѣзимъ мы безъ оглядки во свояси на покой.

— И все правда? — спросилъ Владиміръ, трясясь отъ гнѣва.

— Не вѣришь, взгляни на *противень* съ указа, который я имѣлъ благополуціе списать слово въ слово.

Тутъ съ подобострастіемъ вынулъ Авраамъ бумагу изъ пазухи и подалъ двумя пальчиками Владиміру. Дѣйствительно, въ спискѣ съ указа сказано было, между прочимъ, что «воспитанникъ и любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, по имени *Володька*, по прозванію Послѣдній Новикъ (примѣтами такой-то и такой-то), во время одного изъ стрѣлецкихъ бунтовъ вкрался между прислуги въ Троицкій монастырь, гдѣ царскій домъ нашелъ тогда убѣжище отъ разъяренныхъ стрѣльцовъ. Сей-то Новикъ умышлялъ на жизнь царевича Петра Алексѣевича въ соборѣ Св. Троицы, у самаго алтаря; но что изволеніемъ Господнимъ и покровительствомъ Св. Сергія Чудотворца напущенъ необычайный страхъ на убійцу, и царевичъ спасенъ. Злодѣй вмѣстѣ съ другими стрѣльцами осужденъ былъ къ смертной казни, посаженіемъ на колъ и отсѣченіемъ головы; но ухищренными стараніями Софіи Алексѣевны выпущенъ изъ-подъ стражи; вмѣсто жъ его безвинно казненъ другой».

— Святой мученикъ!—горестно воскликнулъ Владиміръ при чтеніи этого мѣста,—кровь твоя на мнѣ и злодѣяхъ, пролившихъ ее!..

Конецъ бумаги заключалъ въ себѣ объявленіе, что «Послѣдній Новикъ бѣжалъ и съ того времени скитался по разнымъ землямъ, нынѣ же оказался въ Чуди у раскольниковъ, похваляется милостями царевны Софіи Алексѣевны и возжигаетъ противъ законной власти новые мятежи народные. Въ указѣ назначалась большая награда тому, кто поймаетъ его и представитъ первому мѣстному начальству, которое обязано было,

сличивъ пойманнаго съ означенными примѣтами, немедленно казнить отсѣченіемъ головы».

Бумага произвела свое дѣйствіе; ядъ мщенія разлился по всему составу Послѣдняго Новика (такъ будемъ звать Владиміра, въ которомъ узнали мы это несчастное, гонимое судьбою, существо). Разсудокъ его помрачился; всякое чувство добра заглушено въ его душѣ. Отъ пятъ до конца волосъ онъ весь—мщеніе; онъ ничего не видитъ, кромѣ своего гонителя.

— Гдѣ *онъ?..* — спрашиваетъ изступленный чернеца.

Авраамъ молча беретъ его за руку, ведетъ въ чащу лѣса, останавливается, указываетъ на огненное пятно, видимое вдали въ лѣсу же, и, пользуясь безумнымъ положеніемъ, въ которое ввергнулъ несчастнаго, скрывается за деревьями.

Послѣдній Новикъ не спрашиваетъ о числѣ спутниковъ и защитниковъ Андрея Денисова, не крадется; онъ идетъ прямо на огонь; шаги его, какъ стопы медвѣдя, когда онъ, разъяренный, бѣжитъ на свою добычу.

Андрей Денисовъ былъ одинъ. Служители его, находившіеся съ нимъ изъ числа чудскихъ раскольниковъ, давно возвратились въ свои *согласія*. Послѣдній товарищъ, при немъ оставшійся, *жидовинъ* Авраамъ, ожидалъ только удобнѣйшаго случая ограбить его и бѣжать подъ Тулу, гдѣ возвращенъ былъ нѣкіимъ *Селезневымъ* расколъ, основанный на чистомъ законѣ Моисеевомъ. Въ пустынныхъ лѣсахъ невскихъ назначилъ Авраамъ исполнить свои злодѣйскіе замыслы.

Старикъ сидѣлъ подъ деревомъ, котораго густыя вѣтви, сплетшись дружно съ вѣтвями сосѣднихъ деревъ, образовали кровъ, надежный отъ дождя. Противъ него былъ разложенъ огонь; груда сучьевъ лежала въ сторонѣ. Ересіархъ дремалъ, и въ самой дре-

мотѣ лицо его подергивало, рѣдкая бородка ходила изъ стороны въ стороны. Услышавъ необыкновенный трескъ сучьевъ, онъ встрепенулся. Передъ нимъ лицомъ къ лицу Послѣдній Новикъ, грозный, страшный, какъ смертный часъ злодѣя.

— Узналъ-ли ты меня?—спросилъ Владиміръ ужаснымъ голосомъ, смотря на него изумленными глазами.—Въ этомъ голосѣ, въ этихъ глазахъ Андрей прочелъ свой приговоръ. Дрожа, запинаясь, смиренно отвѣчалъ онъ:

— Узналъ!

— Ты-ли звалъ меня къ себѣ?

— Да... я звалъ... во время...

— Въ свое время я пришелъ! Былъ и на твоей улицѣ праздникъ, названный отецъ! теперь пора на другой пиръ...

Владиміръ вынулъ топоръ изъ-за пояса.

Холодный потъ закапалъ со лба старика.

— Подумай! — простоналъ онъ, и бросился на колѣна передъ ужаснымъ судьею своимъ.

— Поздно!... Ты отнялъ у меня все... все, что только для меня дорого было въ жизни, что я доставалъ тринадцатью годами униженія и кровавыхъ трудовъ... все!... Расплачивайся! часъ насталъ!

Старикъ бормоталъ молитву.

— Не дамъ тебѣ и помолиться... Пускай въ адъ напутствуетъ тебя хохотъ сатаны! Слышишь?... — вскричалъ ужасный судья—блеснулъ топоръ... и убійство совершено.

Дождь лилъ ливмя; погода бушевала.

— Бушуй! шуми!... Любо-ли тебѣ!... Ты этого хотѣло!...—кричалъ Владиміръ, глядя въ изступленіи на небо.

Земля горѣла подъ нимъ; огненныя пятна запрыгали въ его глазахъ. Когда дождь хлесталъ по лицу,

ему казалось, что сатана бросалъ въ него пригоршни крови. Шатаясь побрелъ онъ, самъ не зная куда. Образъ на груди давилъ его; онъ его сорвалъ и бросилъ въ кусты.

Во время ужаснаго разговора убійцы и жертвы Авраамъ стоялъ за кустами. Когда-жъ совершилось злодѣяніе и Послѣдній Новикъ скрылся, чернецъ вышелъ изъ своей засады и подкрался къ убитому, истекавшему кровью изъ плеча, въ которомъ сдѣлана была глубокая рана. Скорою усердною помощью можно было бъ еще возвратить его къ жизни. — «А! старый песъ подурачился довольно на своемъ вѣку»,—сказалъ чернецъ, припавъ къ нему, и только-что началъ обшаривать его, когда услышалъ глухой стонъ.—«О! живучъ, какъ долгоногій паукъ!»—проговорилъ Авраамъ, и принялся облегчать Андрея отъ лишней тяжести при переходѣ изъ этой жизни въ другую, то есть вынулъ изъ-за пазухи его порядочную кису, туго набитую деньгами, и, обобралъ на немъ все, что имѣло дорогую цѣнность: за тряпьемъ онъ не гнался. Потомъ?... потомъ онъ хладнокровно положилъ своего благодѣтеля на огонь, въ который имѣлъ догадку набросать порядочный костеръ сучьевъ; когда-жъ увидѣлъ, что умирающій дрягаетъ ногами, началъ приговаривать усмѣхаясь: «Коси сѣно! коси сѣно!...» подобралъ свою рясу выше колѣнъ и, обремененный богатою добычею, пустился бѣжать, куда зналъ вѣрнѣе.

Долго бродилъ Послѣдній Новикъ по лѣсу, по берегу рѣки, и, наконецъ, палъ въ изнеможеніи силъ. Только въ глубокую полночь онъ очнулся, когда не стало на немъ сухой нитки. Всѣ члены его окоченѣли, будто скрученные желѣзными связьми; въ головѣ его былъ хаосъ, въ ушахъ страшно гудѣло; ему казалось, что били въ набатъ. Онъ старался припомнить себѣ, гдѣ онъ, что съ нимъ сдѣлалось, — и ужасное злодѣя-

ніе первое пришло ему на память. Онъ приподнялся и осмотрѣлся кругомъ. Передъ нимъ роковой челнокъ; кто-то стоялъ въ немъ... манилъ его къ себѣ на другую сторону... Шатаясь пошелъ онъ на зовъ незнакомца; вошелъ въ челнокъ... въ немъ никого!... Волосы встали у него дыбомъ. Рукою злодѣйскою не смѣлъ онъ сотворить крестнаго знаменія. Вдругъ слышитъ онъ плескъ веселъ... плыветъ множество лодокъ... поровнялись съ нимъ... остановились... Это ужь не видѣніе... Слышны голоса, одинъ внятнѣе прочихъ. — «Алексаша!» говорилъ кто-то, «развѣдай, что за человѣкъ!» Вслѣдъ за этими словами одна лодка отдѣлилась отъ другихъ и понеслась прямо на челнъ, въ которомъ стоялъ Послѣдній Новикъ. Его окружаетъ толпа людей. «Что за человѣкъ?» спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, повидимому, офицеръ.

— Я изъ тебя выколочу отвѣтъ!—говоритъ опять прежній голосъ—и удары сыплются на несчастнаго.

Молчитъ тотъ, кто, за нѣсколько часовъ назадъ, свободный отъ преступленія, горько отплатилъ бы за малѣйшую обиду!

— Нечего съ нимъ долго толковать: — вскричалъ опять офицеръ. — Привяжите его челнъ къ нашей лодкѣ, а его самого хорошенько скрутите и бросьте въ его конуру.

Приказаніе это выполнено немедленно и въ точности. Лодка и къ ней причаленный челнокъ отправились и вскорѣ присоединились къ цѣлой флотиліи шлюпокъ, на которыхъ въ темнотѣ чернѣлось множество головъ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

— Ну, Алексаша, ѣздилъ ты *за московскимъ тотчасомъ?*—нетерпѣливо сказалъ сидѣвшій у кормила передовой лодки.

Офицеръ, привезшій Послѣдняго Новика, вошелъ въ эту лодку и объяснилъ говорившему съ нимъ капитану (ибо онъ его такъ называлъ), что «нашелъ какого-то подозрительнаго человѣка, который, сколько могъ различить въ темнотѣ, долженъ быть раскольникъ, и что онъ, для всякой предосторожности, почелъ нужнымъ связать его и привезти съ собою».

— Доброе дѣло! — сказалъ капитанъ, — причальте его челнъ къ нашей шлюпкѣ, и съ Богомъ!

Повелительно-грозный голосъ его раздался по водамъ, и маленькая флотилія поплыла къ устью Невы, держась острова, названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ. Дождь, на нѣсколько минутъ утихшій, опять засѣялъ; темнота была необыкновенная.

«*Аще Богъ съ нами, никто на ны*»,—сказалъ капитанъ съ благоговѣніемъ,—дождь всегда къ благополучію; а нашей экспедиціи темнота и подавно благопріятствуетъ.

Солдаты скинули шляпы и перекрестились. Съ двухъ шведскихъ судовъ, стоявшихъ на устьѣ Невы, послышался лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушекъ; черезъ нѣсколько минутъ отозвались два удара со стороны Ніеншанца.

— «*Сія игрушка ихъ не минетъ*!»—воскликнулъ капитанъ съ удовольствіемъ, которое ясно отзывалось въ голосѣ.—«Mein Herr Lieutenant!»—сказалъ онъ, немного погодя, обратясь къ офицеру, подлѣ него стоявшему,—кажись, къ дѣлу подцѣпили мы раскольника. Не мудрено, что онъ стоялъ караульщикомъ отъ шведовъ. Этотъ родъ, закоснѣлый въ невѣжествѣ, не желаетъ намъ добра; я увѣренъ, что они мои начинанія задержать весьма стараются, не говорю уже о томъ, что они меня персонально не жалуютъ.

— Да, великій государь! они царей и на моленіи не поминаютъ,—отвѣчалъ на нѣмецкомъ лейтенантъ, повидимому хитрый придворный.

Въ капитанѣ, сидѣвшемъ у руля, мы сейчасъ имѣли случай узнать самого Петра I; въ лейтенантѣ, по отечеству его и дружбѣ, оказываемой ему монархомъ, узнаемъ Меньшикова. Кстати замѣтимъ, что разговоръ ихъ продолжался, смотря по предметамъ его, то на нѣмецкомъ, то на русскомъ.

— *Ты забылъ уговоръ, Данилычъ! пожалуй, безъ великаго*!—сказалъ Петръ, — народу и потомству, а не персонѣ дозволено такъ чествовать государей. *Можетъ статься, нѣкогда и наше имя воскреситъ славу свою, но теперь вѣруй, не довольно къ тому нашихъ дѣлъ, все еще початки!*

— Государь, — продолжалъ лейтенантъ, — настоящая война вводитъ уже тебя въ храмъ безсмертія.

— *Нѣтъ, мало еще отмстили мы укоризну шведамъ; больше требуетъ слава, народу нашему славянскому достойная, и обида, нанесенная отечеству отъ-*

ятіемъ земель. Видишь Лифляндію; это членъ Россіи отсѣченный. Если его не возвратимъ, такъ напрасны и початки наши. Только великую надежду имѣемъ на правосудіе Божіе, которое неоднократно насъ викторіями благословлять изволило.

— Принося Божія Богови, повелитель русскаго царства не откажетъ своимъ подданнымъ принесть цесарю цесарева.

— *Что къ моему лицу надлежитъ, я повелитель ихъ, но по моей любви къ нимъ и къ отечеству — другъ ихъ и товарищъ во всемъ!* Легко, Данилычъ, властителю народа заставить величать себя; придворные и стиходѣи чадомъ похвалъ и безъ указу задушить готовы: только дѣлами утѣшно величіе заслужить. Впрочемъ, не о себѣ хлопочу, «mien Herzenskind», а о благополучіи ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа.

— Государь! ты для благополучія Россіи ни здоровья, ни живота своего не щадишь, и нынѣ...

— *Затѣмъ и царь я,*—перебилъ Петръ,—*что долженъ самъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ являть. Законъ я чту наравнѣ съ послѣднимъ изъ моихъ подданныхъ;* въ строю я только солдатъ фланговой—по мнѣ вся линія выстраивается; въ баталіи я долженъ быть на переди. *Слыхалъ ты самъ, сколько подъ Нарвою прикладъ начальствующихъ бѣды причинилъ. Да и нынѣ еще наши господа надмѣру себя берегутъ, и не многимъ ближе становятся отъ крѣпости, какъ нашъ обозъ; но я намѣренъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріевъ кругъ подвинуть.* У меня Катенька боится, право, менѣе иного полковника.

Я говорилъ вамъ, что твердость ея души равняется съ ея красотою. Она, кажется, прибыла нынѣ въ вашъ обозъ, господинъ капитанъ...

— Какъ похорошѣла моя голубушка... Въ конфиденціи объявить, безъ ней весьма скучать нынѣ начи-

наю. Да кстати, Алексаша, я не разсказывалъ тебѣ нынѣшней исторіи?

— Не удосужился слушать.

— Засталъ я ее давича, при разборкѣ ея богажа, въ страшномъ испугѣ. Спрашиваю, что за притча? Развернула она передо мною узелки свои, показала мнѣ складни, серьги дорогія, жемчугъ, и объявила мнѣ, сердечная, что не знаетъ, какъ они тутъ очутились; ибо-де у ней такихъ вещей отъ роду не бывало, да и въ домѣ Шереметева и твоемъ никто ее не даривалъ ими. Я разсмѣялся, и сказалъ ей: «*Не бойся, Катенька! это все твое; Данилычъ догадливъ*... А, min Her, твое дѣльце!..

— Виноватъ, государь.

— Изъ твоей вины можно богатую шубу сшить, и спасибо притачать. *На такую потребу, правду молвить, у меня теперь и денегъ не нашлось бы. Вотъ, какъ получу по чину капитана отъ бомбардиръ и капитана корабельнаго жалованья изъ воинской казны, то воленъ въ нихъ ко всякому употребленію, потому что я службою для государства, какъ и прочіе офицеры, тѣ деньги заслужилъ; а народныя деньги оставляются для государственной пользы, и я обязанъ въ нихъ нѣкогда отдать отчетъ Богу.* Но слово было о Катенькѣ: что у кого болитъ вѣдаешь, тотъ о томъ и говоритъ. Проситъ она меня, отдыху не даетъ, развѣдать отъ Вадбольскаго Семена, какого шведскаго плѣннаго Вольдемара схватилъ онъ ни за что, ни про что подъ Маріенбургомъ и угналъ куда-то съ татарами. Мнѣ объ этомъ и Борисъ Петровичъ не говорилъ. Пожалуй, узнай повѣрнѣе и утѣшь меня и ее вѣсточкой о немъ: можетъ статься, и родной ей какой!

— Воля твоя будетъ выполнена, государь!

Несчастный, лежавшій въ челнокѣ тяжело вздохнулъ.

Меньшиковъ сталъ на колѣно, нагнулся черезъ край шлюпки и, ощупавъ Послѣдняго Новика, отвѣчалъ:

— Онъ мокрехонекъ, какъ мышь, купавшаяся въ водѣ, и дрожитъ такъ, что рука на немъ не удержится...

— Теперь онъ намъ не опасенъ. Развяжи его; да на, возьми, Алексаша, мою епанчу и накрой многострадальца; можетъ статься, онъ и безъ вины виноватъ.

— Государь!... ты самъ... въ такой дождь...

— Возьми, говорю! — сказалъ съ твердостію человѣколюбивый государь, скинувъ съ себя епанчу и подавая ее Меньшикову. — Что до насъ, мы скоро, съ Божьею помощью, обсушимся и отогрѣемся.

Воля Петра была выполнена: развязали плѣнника и покрыли его царскою епанчею. Слезы благодарности и вмѣстѣ горькаго раскаянія полились изъ глазъ несчастнаго: слова монарха удерживали въ немъ послѣднюю искру жизни, готовую погаснуть...

Лодки плыли самою тихою греблею; нѣсколько разъ приказано было имъ останавливаться. Въ это время предметы разговора государя съ его любимцемъ безпрестанно мѣнялись. Гдѣ не побывалъ тогда его геній? Куда въ это время, между заботами простого семьянина, не заброшены были сѣмена его безсмертныхъ дѣлъ, которыми Россія донынѣ могуча и велика? Подъ сѣнью Кавказа садилъ онъ виноградъ; въ степяхъ полуденной Россіи — сосновые и дубовые лѣса, открывалъ портъ на Бельтѣ, заботился о привозѣ пива для своего погреба, строилъ флотъ, заводилъ ассамблеи и училища, рубилъ длинныя полы у кафтановъ, комплектовалъ полки, *потому что*, какъ онъ говорилъ, *при военной школѣ много учениковъ умираетъ, а не добро голову чесать, когда зубья выломаны изъ гребня;* шутилъ,

разсказывалъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, и часто, очень часто упоминалъ о какой-то таинственной Катенькѣ; — все это говорилъ Петръ подъ сильнымъ дождемъ, готовясь на штурмъ непріятельскихъ кораблей, какъ будто на пирушку!

— Herr Kapitain! — сказалъ вругъ Меншиковъ, — двѣ огненныя точки свѣтятся неподалеку отъ насъ; это должны быть фонари на корабляхъ непріятельскихъ..

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь сѣтку дождя показались два огненныя пятна и вскорѣ зарябили двѣ темныя массы, изъ коихъ одна носомъ двинута была въ устье рѣчки, вытекавшей изъ острова. Петръ немедленно приказалъ всѣмъ лодкамъ, числомъ до 30, построиться на два отдѣленія; одному, подъ командою Меншикова, пристать у берега острова къ лѣсу съ тѣмъ, чтобы это отдѣленіе, по первому условленному сигналу, напало на ближайшее непріятельское судно; а самъ, по обыкновенію своему, предоставя себѣ труднѣйшій подвигъ, съ остальными лодками отправился далѣе на взморье, въ обходъ непріятеля. Челнокъ, въ которомъ находился Послѣдній Новикъ, отвязанъ отъ шлюпки; несчастному брошено весло; но онъ не воспользовался этимъ даромъ, и ладья поплыла по теченью рѣки прямо на взморье.

Пока эти распоряженія приводились въ исполненіе тучи разбрелись, и къ сторонѣ Ніеншанцевъ, на небосклонѣ заструилась палевая полоса. Съ непріятельскихъ судовъ (изъ которыхъ одно было 14-пушечная шнява «Астрель», а другое—10-пушечный адмиральскій ботъ «Геданъ») замѣтили русскія лодки, съ двухъ сторонъ по волнамъ скачущія прямо на нихъ, дружно, правильно, какъ ряды искусной конницы. Тревога на судахъ: слышны свистки начальниковъ, командныя слова, крики матросовъ; снимаются съ якоря, подни-

маютъ паруса; эскадрѣ, стоящей близъ острова *Ретусари* [1]), даютъ сигналъ, что находятся въ опасности. Съ просонья и съ испуга дѣйствія исполняются торопливо. Кажется, самыя стихіи въ заговорѣ съ непріятелемъ; мокрыя вѣтрила едва шевелятся. Экипажъ смотритъ на нихъ, какъ на звѣзду своего спасенія: состоя только изъ 77 человѣкъ, онъ понимаетъ опасность вступить въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ не на открытомъ морѣ. Еслибъ можно было пробраться къ эскадрѣ, тогда спасена честь шведскаго флага, и русскіе осмѣяны! Каждый изъ экипажа хотѣлъ бы надуть паруса своими желаніями, — криками хотѣлъ бы подвинуть суда. Суда трогаются; но уже поздно. Семеновцы и преображенцы, эти *потѣшники* царя въ играхъ и бояхъ, одушевленные примѣромъ своего державнаго капитана, настигаютъ, обхватываютъ ихъ, впиваются въ бока ихъ крючьями, баграми, бросаютъ на палубу гранады, мѣткими выстрѣлами изъ мушкетовъ снимаютъ матросовъ съ борта, рѣшетятъ паруса. Пушки ничего не могутъ сдѣлать нападающимъ: ядра летаютъ черезъ головы русскихъ и только тѣшатъ ихъ, срѣзывая или роя волны. Собственныя бока судовъ служатъ защитою непріятелю. Шнява болѣе всего стѣснена русскими лодками; медленно тащитъ она ихъ за собою, не имѣя силъ оторвать отъ себя. Такъ, огромный звѣрь, со всѣхъ сторонъ окруженный маленькими, разъяренными животными и выбившійся изъ силъ, въ бѣгствѣ влечетъ ихъ съ собою до тѣхъ поръ, пока самъ падетъ или ихъ утомитъ. Усиленная ложная аттака, сдѣланная съ одной стороны шнявы, отвлекаетъ на эту сторону почти весь экипажъ; между тѣмъ къ другому борту

---

1) Котлинъ островъ, на которомъ построенъ Кронштадтъ.

прикрѣплены веревочныя лѣстницы. По нимъ, какъ векши, цѣпляются русскіе — и первый на палубѣ Петръ. «Ура! силенъ Богъ русскихъ!» — восклицаетъ царь громовымъ голосомъ, и на встрѣчу бѣгущихъ шведовъ посылаетъ горящую въ его рукѣ гранату. Мѣтко пошла роковая посылка, разодралась на части, и каждому, кому дошла, шепнула смертное слово; каждый кровью или жизнью расписался въ полученіи ея. Со всѣхъ сторонъ шведы съ бѣшенымъ отчаяніемъ заступаютъ мѣста падшихъ; но передъ Петромъ, этимъ исполиномъ тѣломъ и душою, все, что на пути его, ложится въ лоскъ, пораженное имъ или его окружающими.

Шведы дерутся отчаянно; ни одинъ не прячется въ убѣжища корабля. Палуба — открытое поле сраженія; отнято желѣзо — ноготь и зубъ служатъ имъ орудіями; раненые замираютъ, вцѣпившись руками въ своихъ враговъ или заплетаясь около ногъ ихъ.

Эскадра шведская замѣтила несчастное положеніе двухъ судовъ своихъ. Уже трепещутъ въ виду крылья ея парусовъ. Вотъ друзья, братья, готовы исторгнуть бѣдныя жертвы изъ непріятельскихъ рукъ!... Надежда беретъ верхъ надъ отчаяніемъ. Но одно мощное движеніе державнаго кормчаго, взявшагося за руль, нѣсколько распоряженій капитана русскаго — и шнявѣ нѣтъ спасенія!

Въ самую суматоху боя Петръ не теряетъ головы, все наблюдаетъ, вездѣ отдаетъ приказанія, убираетъ самъ паруса, отправляетъ шведскаго кормчаго въ море ловить рыбъ, останавливаетъ на бѣгу судно, правимое къ эскадрѣ, и оборачиваетъ его назадъ. Онъ въ одно время капитанъ, матросъ и кормчій. Во всѣхъ этихъ маневрахъ видны необыкновенное присутствіе духа, быстрое соображеніе ума и наука, которой онъ съ

такимъ смиреніемъ и страстью посвятилъ себя въ Голландіи. Старый морякъ не постыдился бы признать его дѣйствія своими. — Русскіе солдаты, спущенные въ лодки, уводятъ шняву назадъ въ устье Невы, а шведская эскадра не допущена мелководіемъ. Самъ Богъ за Петра. Почти весь экипажъ шнявы перебитъ и перерѣзанъ; рѣдкій изъ составляющихъ его рѣшается купить жизнь цѣною плѣна. — Командиръ шведскій тотчасъ узналъ, съ кѣмъ мѣрялся. — «Петръ одинъ могъ сдѣлать такое дѣло!»—говоритъ онъ, и въ отвѣтъ на мирное предложеніе отъ имени царя, схвативъ переговорщика за грудь, стаскиваетъ его съ собою въ море.

Лишь только побѣда очистила русскимъ палубу шнявы, Меншиковъ прибылъ къ своему капитану съ донесеніемъ о взятіи адмиральскаго бота «Гедена». Побѣда надъ этимъ судномъ легче была куплена.

По сказкѣ плѣнныхъ, оба судна отправлены были къ Ніеншанцамъ съ письмами отъ начальника шведской эскадры, и потому такъ безпечно остановились у острова, что обмануты были дружескими сигнальными отвѣтами изъ крѣпостцы.

— Я сказалъ, что эта игрушка ихъ не минетъ! — восклицалъ Петръ внѣ себя отъ радости; благодарилъ Бога за первую побѣду русскихъ на Балтійскомъ морѣ, обнималъ офицеровъ, изъявлялъ свою признательность солдатамъ, называя ихъ вѣрными товарищами, друзьями.

Съ того времени, какъ Послѣдній Новикъ былъ освобожденъ изъ плѣна, челнокъ его несся по произволу рѣчного теченія; попавъ на взморье, встрѣченъ противными волнами и, наконецъ, прибитъ ими къ корельскому берегу, за нѣсколько верстъ отъ устья Невы. Тамъ чухонскіе рыбаки замѣтили челнокъ, и, осмотрѣвъ его, нашли въ немъ умирающаго человѣка.

Они принесли несчастнаго къ себѣ въ хижину; попеченія добрыхъ людей и травы колдуна, котораго они постарались отыскать въ окрестности, привели къ жизни того, кто въ ней ничего отраднаго не имѣлъ, для кого она уже была въ тягость.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИ ОСНОВАНІИ ГОРОДА

На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

Что прошло — невозвратимо,

Жуковскій.

Что собралось 7-го мая такъ много народа на островѣ Лустъ-Эландъ, прежде столь пустомъ? Бывало, одни чухонскіе рыбаки кое-гдѣ копошились на берегу его, растилая свои сѣти, или развѣ однажды въ годъ егери графа Оксенштирна, которому этотъ островъ съ другими окружными принадлежалъ, заходили въ хижину, единственную на островѣ, для складки убитыхъ звѣрей и для отдыха. По зеленымъ мундирамъ узнаю въ нихъ русскихъ и—гвардейцевъ по золотымъ галунамъ, въ которыхъ солнце горитъ ярко.

Привѣтствую васъ, преображенцы и семеновцы, властителями Бельта! Земля, на которой стоитъ Петербургъ, взята вами съ боя и нынѣ крѣпка за вами.

Въ одномъ мѣстѣ составился изъ офицеровъ блестящій полукругъ. Впереди, на барабанѣ, сидитъ человѣкъ исполинскаго роста, въ колетѣ изъ толстой

лосиной кожи, сшитомъ наподобіе иностраннаго купеческаго камзола, только безъ пуговицъ, клапановъ и кармановъ. Этотъ нарядъ отороченъ ровною, полосатою тесьмою и завязанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ нитяными шнурками. Смоляныя пятна испестрили его; почетный рубецъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ въ боевой передѣлкѣ. Одежда простого моряка, но видъ носящаго ее исторгаетъ уваженіе. Черты его смуглаго лица отлиты грознымъ величіемъ; темнокаріе глаза, прикованные къ одному предмету, горятъ восторгомъ: такъ могъ только смотрѣть богъ на море, усмиренное его державнымъ трезубцемъ! Черный, тонкій усъ придаетъ его физіономіи особенную привлекательность. Голова его открыта, темными кудрями его бережно играетъ вѣтерокъ. Треугольная шляпа у ногъ. Англійской породы собака рыжей шерсти съ бархатнымъ, зеленаго цвѣта, ошейникомъ, на которомъ вышиты слова: «*за вѣрность не умру!*» стережетъ шляпу и повременамъ смотритъ въ глаза своему господину Отъ устья Невы ведутъ ботъ и шняву, взятые у шведовъ. Нѣсколько десятковъ лодокъ, раздѣленныхъ на двѣ линіи, плывутъ впереди и провожаютъ ихъ съ пѣснями и музыкою. Это первый флотъ, входящій торжественно въ русскіе предѣлы. Вотъ что, повидимому, занимаетъ высокаго моряка, сидящаго на барабанѣ.

По лѣвую сторону его, немного подавшись назадъ, стоятъ не изгибаясь два офицера. Въ одномъ мы узнали сейчасъ Бориса Петровича Шереметева, въ другомъ— храбрѣйшаго изъ воиновъ и благороднѣйшаго изъ вельможъ Петра I, князя Михайла Михайловича Голицына, которому Россія обязана за доставленіе ей ключа къ Бельту. Семь словъ, переданныхъ имъ посланному царя, когда этотъ, въ пылу осады Шлиссельбурга, приказывамъ отступить; семь словъ: «*скажи ему, что я принадлежу теперь Богу!*» могли бы увѣковѣчить его

имя, а цѣлая жизнь его была возвышенна, какъ эти слова!.. По другую сторону моряка, нѣсколько наклонившись впередъ, какъ будто хочетъ поймать на лету думу его, стоитъ молодой гвердеецъ пріятной наружности, съ открытыми сѣроголубыми глазами, статный, величавый, облитый золотомъ. По улыбкѣ самодовольствія на устахъ его видно, что это любимецъ счастія. Спрашиваю: кто такой? и мнѣ сказываютъ, что это лейтенантъ отъ бомбардиръ, тотъ самый, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться въ послѣднюю ночную экспедицію. Это Меншиковъ, фортуною схваченный съ улицы ко двору и умѣвшій возвыситься умомъ, отвагою и вѣрностью до степени перваго любимца государя. За ними съ удовольствіемъ отличаемъ въ первыхъ рядахъ старинныхъ нашихъ знакомцевъ: князя Вадбольскаго, Мурзенку, Дюмона, Карпова и Глѣбовскаго. И ты, мишурный генералъ, Голіаѳъ Самсоновичъ, играешь не послѣднюю роль на этой сценѣ съ какимъ-то франтомъ средняго роста въ малиновомъ бархатномъ кафтанѣ, въ пышномъ, напудренномъ парикѣ, съ умильною рожицею и глазами, плутоватыми, какъ у лисицы! Ты называешь своего товарища Балакиревымъ, а это имя принадлежало любимому шуту Петра I. За вами неотлучно ходитъ великанъ Буржуа, и образуетъ съ вами лѣстницу о трехъ ступеняхъ, изъ которыхъ на верхней выказывается одутловатая, румяная, глупосмѣющаяся образина. Все необыкновенное составляетъ свиту необыкновеннаго человѣка. Карла и Балакиревъ расхаживаютъ по берегу и бросаютъ камешки поперекъ рѣки, стараясь, чтобы они, дѣлая по водѣ рикошеты, долетали какъ можно далѣе. Если скачки были скорые и высокіе, то говорили, что это меншиковскіе прыжки. Когда пущенный камень дѣлалъ медленный переходъ и оставлялъ большой кругъ на водѣ, тогда называли это шереметевскимъ шагомъ.

Пузыри, болтуны, верхогляды, недолеты, перелеты— имѣли также свои приноровленія. Наконецъ, два друга и соперника усѣлись...

— Растолкуй мнѣ, пожалуйста,—сказалъ Голіаѳъ своему товарищу,—что значитъ надпись на ошейникѣ Лизеты: *«за вѣрность не умру?»* Вѣдь когда-нибудь и она протянется. Чтожъ тогда изъ нея сдѣлаютъ?

— Безсмертную чучелу!—отвѣчалъ Балакиревъ.— По словамъ нашего *батюшки* Петра Алексѣевича, такую же сдѣлаютъ и изъ *великаго* Буржуа.

— Видно за то, что вѣренъ своей глупости!

— Ступай къ намъ во дворъ, Самсонычъ, у насъ недостаетъ карлы.

— Пошелъ бы, еслибъ ты былъ глупецъ: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.

Такъ и многое подобное говорили шутъ и карла; но обратимся къ кругу офицерскому.

Кто, какъ не самъ Петръ, можетъ быть высокій морякъ, сидящій на барабанѣ. Около него съ уваженіемъ стоятъ почетные сыны Русскаго царства. Отчего-жъ восторъ горитъ въ его глазахъ?.. Онъ забылъ все, его окружающее; геній его творитъ около себя другую страну. Островъ, на которомъ онъ находится, превращается въ крѣпость; верфь, адмиралтейство, таможня, академіи, казармы, конторы, дома вельможъ и послѣ всего дворецъ возникаютъ изъ болотъ; на берегахъ Невы, по островамъ, расположенъ городъ, стройностью, богатствомъ и величіемъ спорящій съ первыми портами и столицами европейскими; торговля кипитъ на пристаняхъ и рынкахъ; народы всѣхъ странъ волнуются по немъ; науки въ немъ процвѣтаютъ. Черезъ ворота Бельта входитъ многочисленный флотъ, обошедшій старую и новую гемисферы. Островъ Рету-сари на взморьѣ служитъ городу шлагбаумомъ

Великій мыслитъ — и бысть!.. Что для другихъ игра воображенія, то для него подвигъ.

Петръ всталъ. Онъ схватилъ съ жаромъ руку Шереметева и говоритъ:

— *Здѣсь будетъ Санктъ-Петербургъ!*

Всѣ смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая его, что такое С.-Петербургъ. И тутъ съ краснорѣчіемъ генія творческаго, всемогущаго, повѣдаетъ онъ окружающимъ его свои исполинскіе планы. Холодный, разсчетливый Шереметевъ представляетъ неудобства: онъ указываетъ на маститое дерево, служившее туземцамъ для отмѣтки высоты, по которую въ разныя времена невскія воды выходили изъ береговъ своихъ.

— Лѣса срубятся на дома,—говоритъ Петръ,—руками шведскими осушимъ шведскія болота, а дерево...

Онъ махнулъ рукою Меншикову; этотъ понялъ его—и памятникъ, враждующій генію, уже не существуетъ! Желѣзо блещетъ по кустарникамъ и рощѣ; со стономъ падаютъ столѣтнія деревья, будто не хотятъ разставаться съ землею, столько лѣтъ ихъ питавшею, — и черезъ нѣсколько часовъ весь Лустъ-Эландъ обнаженъ. На ближнемъ островѣ Койво-сари возникаетъ скромное жилище строителя, *Петра Михайлова:*

....Ковчегъ воспоминаній славныхъ!
Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ:
Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ; Россія! здѣсь твой храмъ [1]).

Между тѣмъ флотилія привѣтствована нѣсколькими залпами изъ ружей и артиллеріи;—изъ пушекъ шнявы и бота поздравили царя съ первой морской побѣдой.

---

[1]) Князь Вяземскій.

Отпраздновавъ побѣду, государь немедленно принялся за созиданіе С.-Петербурга въ виду непріятеля, на землѣ, которую, можетъ быть, завтра надлежало отстаивать. Не устрашила его и грозная схватка со стихіями, ему предстоявшая въ этомъ дѣлѣ. Воля Петра не подчинялась ничему земному, кромѣ его собственной творческой мысли; волѣ же этой покорялось все. Мудрено-ли, что онъ съ такимъ даромъ Неба не загадывалъ ни одного исполинскаго подвига, который не былъ бы ему по плечу, котораго не могъ бы онъ одолѣть?

Для исполненія своего намѣренія, первымъ его дѣломъ было въ тотъ же день разбить планъ новой крѣпости. Ходя съ саженью въ рукахъ по берегу Лустъ-Эланда и сопровождаемый въ своихъ занятіяхъ Шереметевымъ и княземъ Голицынымъ, онъ сошелся въ одномъ мѣстѣ съ Вадбольскимъ.

— А, дорогой куманекъ!—закричалъ онъ этому,— я до тебя давно добираюсь.

— Меншиковъ сказалъ мнѣ только сейчасъ, зачѣмъ я тебѣ нуженъ, государь!—отвѣчалъ Вадбольскій,—я самъ искалъ тебя.

— Такъ мы кстати столкнулись: авось высѣчемъ огонь. Вотъ въ чемъ дѣло. Дошли до меня вѣсточки въ нѣкоей конфиденціи... а съ какой стороны вѣтеръ дулъ, не могу тебѣ повѣдать—въ другое время, ты знаешь, я съ своихъ плечъ снялъ бы для тебя рубашку—вотъ изволишь видѣть, кумъ, дошли до меня вѣсточки, что ты подъ Маріенбургомъ спровадилъ какого-то голяка, шведскаго плѣннаго, куда, на какую потребу, Богъ вѣсть!..

— Коли тайна эта дошла до тебя, государь, то солгать передъ тобою не могу. Приношу тебѣ повинную голову. Этотъ человѣкъ былъ не шведъ, а русскій, изгнанникъ, именно Послѣдній Новикъ.

При этомъ словѣ Петръ вспыхнулъ.

— Послѣдній Новикъ! мой убійца!.. и ты, видно, такой же злодѣй!.. — закричалъ онъ и, не помня себя отъ гнѣва, замахнулся на Вадбольскаго саженью, чтобы его ударить.

— Остановись!..—воскликнулъ Шереметевъ,—онъ исполнилъ только мое приказаніе.

— Открою тебѣ болѣе, — продолжалъ этотъ, — но выслушай, а потомъ буди твой судъ надъ нами. Во время осады Маріенбурга злой раскольникъ далъ мнѣ знать письмомъ, что въ крѣпости скрывается Послѣдній Новикъ по личиною шведа Вольдемара изъ Выборга. Всѣ примѣты Новика были списаны; злодѣйство его было мнѣ вѣдомо; злодѣй былъ въ моихъ рукахъ, и я самъ далъ ему свободу.

— Всеконечно, ты имѣлъ на то важную причину, или ты съ ума сошелъ, Борисъ Петровичъ!

— А вотъ сейчасъ объяснимъ тебѣ, надежда-государь!—Князь Василій Алексѣевичъ! подайте его величеству бумаги, которыя вамъ поручено отдать отъ бывшаго генералъ-кригскомисара.

Мы не имѣли еще случая сказать, что Вадбольскій, въ глубокую осень 1702 года, объѣзжая дозоромъ покоренный край Лифляндіи, заглядывалъ на мызу г-на Блументроста и разспрашивалъ нѣмого о Владимірѣ. Вмѣсто извѣстій, получилъ онъ бумаги, которыя поручено было Новикомъ отдать первому, кто придетъ о немъ навѣдаться: бумаги эти, какъ онъ выразился тогда, изгнаннику болѣе не нужны. Изъ числа ихъ письмо Паткуля къ русскому монарху и свидѣтельство Шереметева о заслугахъ, оказанныхъ Владиміромъ въ кампанію 1702 года, поданы теперь государю Вадбольскимъ. Видно было въ этомъ случаѣ, что избранные ходатаи за несчастнаго дѣйствовали согласно условію, между ними заранѣе сдѣланному.

— Отъ злодѣя черезъ вѣрнолюбезнаго намъ министра? часъ отъ часу мудренѣе!—сказалъ Петръ I, взявши бумаги.

Во время чтенія лицо его то свѣтлѣло, то помрачалось. Прочтя ихъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Шереметева, сталъ ходить взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи чувствъ, выражавшемъ ихъ борьбу, и потомъ спросилъ фельдмаршала:

— Такъ вы дали это свидѣтельство, господинъ фельдмаршалъ?

— Государь,—отвѣчалъ Борисъ Петровичъ,—все, что въ этомъ свидѣтельствѣ, мною данномъ, заключается, есть только слабое изображеніе заслугъ Послѣдняго Новика тебѣ и отечеству. Въ лѣта безразсудной молодости онъ могъ быть преступникомъ, но современемъ позналъ свою вину и искалъ загладить ее великими жертвами. Если я въ прошедшую кампанію сдѣлалъ что-нибудь достойное аттенціи царскаго величества, то этимъ обязанъ ему.

Петръ, не отвѣчая, стоялъ въ глубокой задумчивости.

— Милость краситъ вѣнецъ царскій! — произнесъ съ жаромъ князь Михайла Михайловичъ Голицынъ.— Государь! Ты прощалъ многихъ злодѣевъ, посягавшихъ на твою жизнь; а чѣмъ заслужили они это прощеніе? Однимъ раскаяніемъ!.. Послѣдній Новикъ же, какъ мнѣ извѣстно нынѣ стало, сдѣлалъ то, чѣмъ могъ бы гордиться первый русскій бояринъ. Мы всѣ, сколько насъ ни есть въ войскѣ твоемъ, ему одолжены нашею доброю славой, и умоляемъ тебя за него.

— Когда бы только память злодѣянія!.. — сказалъ Петръ,—нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! вы не знаете... вы не можете знать...

Мурзенко, невидимо подкравшись къ царю, упалъ къ ногамъ и жалобно завопилъ:

— Прикажи, Петръ Алексѣевичъ, твоя моя разжаловать: безъ Новика моя не була-бъ пулковникъ! Борисъ Петровичъ твоя все разсказать. Куда ея голова, и моя туда.

— И, ты, Мурза?... Всѣ, всѣ за него!... Коли-бъ знали, чье отродье онъ непотребное!... — повторялъ государь.

— Отродье? неправда, — возразилъ съ благороднымъ гнѣвомъ Вадбольскій, —полковникъ Семенъ Ивановичъ Кропотовъ былъ его отецъ. Кропотовъ служилъ тебѣ вѣрою и правдою и честно положилъ за тебя животъ свой подъ Гуммелемъ. Какого тебѣ благородства болѣе надобно?.

— Не постыдился бы я назвать его своимъ братомъ, Семенъ Алексѣевичъ! но чѣмъ докажешь, что Послѣдній Новикъ сынъ его?

— Его завѣщаніемъ, котораго сдѣлали меня исполнителемъ воля фельдмаршала и самъ Богъ! Пусть очи твои удостовѣрятъ тебя въ истинѣ словъ моихъ. Вотъ завѣщаніе, писанное рукою Семена Ивановича: она должна быть тебѣ извѣстна.

Тутъ Вадбольскій вынулъ изъ бокового кармана мундира бумагу и подалъ ее царю. Петръ взялъ ее, жадно пробѣжалъ глазами и потомъ задумался. Вадбольскій продолжалъ:

— Съ того свѣта указываетъ онъ тебѣ на кровь, пролитую за тебя и отечество, на старушку вдову, оставленную безъ подпоры и утѣшенія, и требуетъ, чтобы ты даровалъ жизнь ея сыну и матери отдалъ кормильца и утѣшителя. Не только какъ опекунъ Послѣдняго Новика, но какъ человѣкъ, обязанный ему спасеніемъ своей жизни, умоляю тебя за него: умилосердись, отецъ отечества! прости его, или вели меня казнить вмѣстѣ съ нимъ.

— Могу-ли васъ наказывать.—воскликнулъ растро-

ганный государь, — васъ, вѣрные мои слуги и товариши?... для васъ забываю собственную персону... забываю все—и прощаю Послѣдняго Новика.

Радостный возгласъ: «да здравствуетъ государь, отецъ нашъ, многія лѣта!» вырвался изъ груди участниковъ этой сцены и обошелъ весь островъ, по которому офицеры и солдаты были разсыпаны. Признательность народная скоро сообщается и любитъ выражаться въ громкихъ восклицаніяхъ; одна ненависть скрытна и молчалива. Петръ продолжалъ, обратясь къ Шереметеву:

— Письмомъ отъ имени моего попросите его величество кесаря [1]) обнародовать указъ о прощеніи Послѣдняго Новика ради его заслугъ намъ и отечеству; пошлите пріятеля Мурзу отыскать его по Чуди — кстати не удастся-ли гдѣ прихлопнуть нагайкою шведскаго комара — и дайте знать въ дворцовый приказъ, чтобы отписали Владиміру, сыну Кропотова, десять дворовъ въ Софьинѣ; но горе ему, если онъ... захочетъ отыскивать другой родъ, кромѣ Кропотова!...

Защитники Послѣдняго Новика благодарили государя, каждый по своему; хвала Петру переходила изъ устъ въ уста. Всѣ поздравляли другъ друга, какъ съ необыкновеннымъ торжествомъ; разсказывали, кто такой Новикъ, что онъ сдѣлалъ преступнаго и какія великія услуги оказалъ отечеству. Онъ-то спасъ подъ Еррастферомъ артиллерію русскую, давалъ фельдмаршалу черезъ Паткуля извѣстія не только о движеніяхъ шведской арміи, но и о намѣреніяхъ ея предводителя, навелъ русскихъ на розенгофскій форпостъ и такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ подъ Гуммельсгофомъ. Какъ изумились Дюмонъ, Карповъ и Глѣбовскій,

---

[1]) Извѣстно, что въ отсутствіе государя Ромодановскій уполномоченъ былъ правами царскими и носилъ титло кесаря.

узнавъ, что Послѣдній Новикъ, неумышленно составлявшій въ нейгаузенскомъ станѣ предметъ ихъ разговоровъ и вину горькихъ слезъ Кропотова, былъ именно сынъ его и то самое таинственное лицо, игравшее столь важную роль въ войнѣ со шведами и такъ часто служившее загадкою для всего войска! Помнили еще пѣвца-невидимку подъ Розенгофомъ, докончившаго пѣсню, начатую Глѣбовскимъ; каждый повторялъ куплетъ, столь трогательно выражавшій любовь къ родинѣ. Сблизиться съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, услышать повѣсть его жизни — было общимъ сильнымъ желаніемъ офицеровъ.

Не однихъ явныхъ, но и тайныхъ пріятелей имѣлъ Послѣдній Новикъ. Мы это сейчасъ увидимъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Лифляндію Мурзенко позванъ былъ въ домикъ Петра I-го, выстроенный на островѣ Березовомъ, такъ переименованномъ изъ финскаго Койво-сари. У крыльца встрѣтилъ татарина карла Голіафъ и вручилъ ему записку и богатый перстень, сдѣланный въ видѣ короны, подъ которой на оправѣ были вырѣзано: *5 апрѣля*. Все это, отъ имени неизвѣстной, но близкой къ царю особы, просилъ ловкій маленькій агентъ передать Владиміру, какъ скоро его отыщетъ. Отъ кого шелъ даръ, мы не смѣемъ до времени сказать, но можемъ догадаться, прочтя записку, писанную по-нѣмецки.

«Радуюсь твоему благополучію, Вольдемаръ!» такъ сказано было въ ней. «Чужестранка въ Россіи, я уже люблю ее, какъ мое отечество; люблю всѣхъ, кто оказываетъ ему истинныя услуги; а сколько мнѣ извѣстно, болѣе тебя сдѣлалъ и дѣлаетъ ей добро только *одинъ* человѣкъ, *мой* и *твой* повелитель... мой кумиръ съ юныхъ лѣтъ!... Въ знакъ удовольствія, какое доставила мнѣ вѣсть о перемѣнѣ твоей судьбы, и на память нашей дружбы, посылаю тебѣ бездѣлку. Ты

оскорбишь свою давнишнюю знакомую и новую соотечественницу, отвергнувъ этотъ даръ. Напротивъ, принявъ его, обрадуешь ту, которая и въ униженіи тебя любила и на высотѣ не забудетъ».

Мурзенкѣ приказывали еще черезъ карлу сказать, что Владиміра искать далеко не надо; еще недавно видѣли, какъ онъ шелъ отъ Саарамойзы къ Невѣ. И потому операціонная линія татарскаго наѣздника должна была покуда ограничиться обоими берегами этой рѣки.

Ахъ! когда бы знали благодѣтели, друзья Послѣдняго Новика, что тотъ, кто былъ предметомъ ихъ жаркаго участія, не могъ уже пользоваться ни дружбою, ни благодѣяніями ихъ! Ходатайство, прощеніе, залоги дружбы—опоздали!...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОВѢСТЬ ПОСЛѢДНЯГО НОВИКА

О, милой родины страна!
Какою тайною прелестной
Съ душою ты сопряжена!

Нечаевъ.

Между тѣмъ какъ работы кипѣли на островѣ Лустъ-Эландъ, нѣсколько ротъ преображенскаго полка подъ начальствомъ Карпова и драгунскіе полки князя Вадбольскаго и Дюмона поставлены были на ижорскомъ берегу Невы, близъ устья ея, для наблюденія, не сдѣлаетъ ли непріятель высадки съ эскадры. Какъ скоро обязанности службы выполнены были начальниками, они собрались вмѣстѣ у хлѣбосола Вадбольскаго на чару анисовой водки, на пирогъ и кусъ, еще болѣе лакомый, — на чтеніе исторіи Послѣдняго Новика, отданной опекуну его вмѣстѣ съ другими бумагами. Нѣсколько дней уже обѣщалъ Вадбольскій передать своимъ пріятелямъ исповѣдь его жизни. Въ этомъ грѣха теперь не было. Глѣбовскому, распѣвавшему такъ хорошо пѣсни Новика, поручено читать его повѣсть въ услышаніе всей честной бесѣды.

Встарину у русскихъ крестъ былъ приступомъ ко всему. Слѣдуя этому святому обычаю, Глѣбовской перекрестился и началъ чтеніе:

«Судьба видимо гонитъ меня. Ни мое раскаяніе, ни жертвы и заслуги мои отечеству не могли ее удовлетворить. Чувствую: или грѣхи моихъ родителей, или кровь, за меня безвинно пролитая, запечатлѣли меня клеймомъ отчужденія отъ родины. Большого наказанія нельзя придумать. Конецъ моимъ страданіямъ близокъ. Горькая смерть на чужбинѣ, трупъ, не орошенный слезою друга или соотечественника, не отпѣтый священникомъ, оспариваемый дикими звѣрями,—вотъ очистительная жертва, отъ меня ожидаемая! Русскій придетъ нѣкогда въ эту страну; во имя Христа и, можетъ быть, дружбы захочетъ отыскать мои кости и поставить надъ ними крестъ; но не найдетъ онъ и мѣста, гдѣ лежалъ прахъ несчастнаго изгнанника... Крестомъ будутъ мнѣ четыре страны свѣта. Развѣ одинъ голосъ Всемогущаго соберетъ прахъ мой и сплотитъ кости мои въ день судный!

«По крайней мѣрѣ, часть себя хочу оставить на родинѣ. Пусть частью этой будетъ повѣсть моей жизни, начертанная въ слѣдующихъ строкахъ. Разсказъ мой будетъ кратокъ; не утомлю никого изображеніемъ своихъ страданій. Описывая ихъ, желаю, чтобы мои соотечественники не проклинали хоть моей памяти. Я трудился для нихъ много, такъ много самъ любилъ ихъ! Друзья! помяните меня въ своихъ молитвахъ...

«Не знаю, гдѣ я родился. Помню только, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, высокій берегъ Москвы-рѣки, свѣтлыя излучины ея, обширные луга съ высокою травою, въ которой запутывались мои дѣтскія ноги, озера съ небомъ своимъ, оправленныя въ зелень этихъ луговъ, на возвышеніи старинныя хоромы съ теремками, поросшими мохомъ, плодовитый садъ и въ немъ ключъ. Журчаніе его и теперь отзывается моему слуху вмѣстѣ съ пѣніемъ коростеля, раздававшимся по зарямъ. Для другихъ непріятенъ крикъ этой птицы, но я, въ

какихъ странахъ ни слышалъ ея голосъ, всегда чувствовалъ въ груди сладостное томленіе, задумывался о родинѣ, о райскихъ, невозвратныхъ дняхъ дѣтства, и слезами кропилъ эти воспоминанія. Помню, что по обѣимъ сторонамъ нашего жилища тянулась деревня, раздѣленная оврагомъ, черезъ который весною сѣдые потоки съ шумомъ бросались въ рѣку; позади деревни, вдали, чернѣлись лѣса, дремучіе лѣса, населенные будто лѣшими, вѣдьмами и разбойниками; а впереди, черезъ рѣку, на высокомъ берегу ея, стояла деревянная церковь и кругомъ ея кладбище. Не забылъ я даже, что глава церкви была насквозь разодрана временемъ или молніею, и что мѣсяцъ, багровый отъ предвѣстій непогоды, поднимаясь отъ земли, повременамъ входилъ въ эту главу въ видѣ пылающаго сердца.

«— Прогнѣвали мы, родной, Господа!—говорила мнѣ мамка моя, указывая на это явленіе,—настанутъ смуты, побоища, и много крови будетъ пролито! Боюсь за твою головушку, дитя мое! Кровь у тебя кипучая, глаза твои разгораются, когда разсказываю тебѣ о похожденіяхъ богатырей и могучихъ витязей; все у тебя стрѣльцы да стрѣльцы на разумѣ; мальчикъ крестьянскій не стань передъ тобою въ шапкѣ—сейчасъ готовъ ты сорвать ее и съ макушкой. Смири, дитя мое дорогое, свое сердце; ходи стопами тихими по пути Господнему; не гордись, не превозносися; не то — не сносить тебѣ своей головушки. Охъ, охъ! вѣщунъ недобрый кровавый мѣсяцъ: и все въ день твоего ангела! Молись усерднѣе Богу, клади поболѣе земныхъ поклоновъ, не лѣнись творить кресты, и Онъ помилуетъ тебя своею благодатью!

«Худо слушался я наставленій мамки, и слова ея сбылись...

«Деревню, въ которой провелъ я первые годы моего дѣтства и которую описываю, называли *Красное сельцо*.

Часто говаривали въ ней о Коломнѣ, и потому заключаю, что она была неподалеку отъ этого города. Не знаю, тамъ ли я родился; но тамъ, или близко этихъ мѣстъ, хотѣлъ бы я умереть.

«Семи лѣтъ перевезли меня въ Софьино, что подъ Москвою, на берегу же Москвы-рѣки. Съ того времени данъ мнѣ былъ въ воспитатели Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышитскихъ. Говорили много объ учености, пріобрѣтенной имъ въ кіевской академіи, объ его умѣ и необыкновенныхъ качествахъ душевныхъ. Но мнѣ легче было бы остаться на рукахъ доброй, простодушной моей мамки, которой память столько же для меня драгоцѣнна, сколько ненавистно воспоминаніе о Денисовѣ, виновникѣ всѣхъ моихъ бѣдствій.

«Пылкія страсти мои росли съ моимъ тѣломъ, такъ сказать, не по годамъ, а по днямъ. Имъ старались дать опасный блескъ, а не хорошее направленіе, не усмирять ихъ. Воспитатель мой баловалъ меня, льстилъ моимъ прихотямъ, усердно раздувалъ въ сердцѣ моемъ огонь честолюбія и самонадѣянности. Я былъ бѣшенъ, гордъ, властолюбивъ: всѣ проступки мои извинялись; всѣмъ моимъ порокамъ находили благовидный источникъ или возвышенную цѣль. Несмотря на это потворство, я не чувствовалъ привязанности къ своему развратителю: какая-то невидимая сила всегда отталкивала его отъ моего сердца. Не говорю уже о покорности; я не зналъ ея никогда. Я находилъ удовольствіе управлять тѣмъ, который, впослѣдствіи времени, раскрылъ въ себѣ душу необузданную, жаждущую однѣхъ честей и власти. Никогда, въ самыя мгновенія величайшаго на меня гнѣва, когда я подставилъ ему ногу, чтобъ онъ упалъ, или когда изорвалъ въ клочки переложенную имъ съ латинскаго книгу о *реторической силѣ*,—никогда не осмѣлился онъ поднять на меня руки своей. Ка-

жется, я вцѣпился бы въ коварныя очи его и вырвалъ бы ихъ, если бы онъ дерзнулъ сдѣлать эту попытку. Прибавить надо, что Денисовъ всячески старался питать во мнѣ ненависть къ роду Нарышкиныхъ, котораго онъ былъ заклятый врагъ по связямъ своимъ съ Милославскимъ. Наталью Кирилловну, умную, добродѣтельную, описали мнѣ ненавистною мачихою, чарами и происками изводящею пасынковъ и падчерицъ своихъ, чтобы родному сыну доставить право на вѣнецъ. Говорили, что Петръ... но языкъ нѣмѣетъ, перо не повинуется, чтобы передать всѣ гнусныя выдумки, которыми ухищрялись сдѣлать изъ меня съ малолѣтства заклятаго врага царицѣ и сыну ея. Еще не видавъ ихъ, я питалъ къ нимъ неодолимую ненависть.

«Подчинивъ себѣ всѣхъ мальчишекъ въ деревнѣ, я составилъ изъ нихъ стрѣлецкое войско, роздалъ имъ луки и стрѣлы, изъ овина сдѣлалъ дворецъ, вырѣзалъ и намалевалъ, съ помощью моего воспитателя, царицу Наталью Кирилловну съ сыномъ на рукахъ и сдѣлалъ ихъ цѣлью нашихъ воинскихъ подвиговъ. Староста разорилъ было всѣ наши затѣи, называя меня беззаконникомъ, висѣльникомъ: я пошелъ съ своею ватагою на старосту, взялъ его въ плѣнъ и казнилъ его сотнею горячихъ ударовъ.

«Стрѣльцы мои называли меня своимъ атаманомъ: это имя льстило мнѣ нѣкоторое время. Наслышась о золотыхъ главахъ московскихъ церквей, о бѣлокаменныхъ палатахъ престольнаго города, я требовалъ, чтобы меня свезли туда, а когда мнѣ въ этомъ отказали, сказалъ: «дайте мнѣ вырости; я заполоню Москву и сяду въ ней набольшимъ; тогда велю казнить всѣхъ васъ!...» Такъ-то своевольная душа моя съ раннихъ лѣтъ просилась на бѣды!

«Только одного человѣка слушался я и любилъ: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ; имени его и

донынѣ не могу произносить безъ благоговѣнія. Въ первые годы моего пребыванія въ Софьинѣ рѣдко навѣщалъ онъ меня, но каждый разъ оставлялъ въ дѣтскомъ сердцѣ рѣзкіе слѣды своего посѣщенія. Онъ ласкалъ меня такими отеческими ласками, такъ искренно училъ меня добру, что я не могъ не почувствовать всей цѣны его любви и наставленій. Одно слово его дѣйствовало на меня сильнѣе многоплодныхъ, витіеватыхъ рѣчей Денисова. Разъ, пробывъ нѣсколько дней въ Софьинѣ, онъ успѣлъ высмотрѣть дикое состояніе, въ которомъ я находился, и ужаснулся его. Съ того времени онъ чаще сталъ извѣщать меня и старался понемногу обрѣзывать побѣги страстей, готовые заглушить мою душу. Онъ убѣждалъ меня слушаться, уважать, какъ отца, моего воспитателя, который, вѣроятно, желая скрыть настоящую причину худого воспитанія моего, жаловался, что я выбился изъ рукъ.

«Мнѣ минуло десять лѣтъ: помню, черемуха и сирень тогда расцвѣли. Въ одинъ изъ красныхъ дней весны пріѣхала къ намъ гостья молодая, какъ она, привлекательная, какъ Божья радость. Ничего прекраснѣе не видывалъ я ни прежде, ни послѣ, во всю жизнь свою. Когда она вошла неожиданно съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ мою свѣтелку, мнѣ показалось, что вошелъ херувимъ, скрывшій сіянье своей головы подъ *убрусомъ* и спрятавшій крылья подъ парчевымъ *фереземи* и *опашнемъ*, чтобы не ослѣпить смертнаго своимъ явленіемъ. Кто могъ бы ожидать, чтобъ это была... царевна Софія, хитрая, властолюбивая? Нѣтъ, нѣтъ! пускай ни одинъ упрекъ, ни одинъ ропотъ не отравляютъ сладостнаго воспоминанія о первой встрѣчѣ съ нею! Хочу воображать ее теперь со всѣмъ очарованіемъ ея красоты, сбросившей съ себя то, что она имѣла земного, пускай хоть теперь воспоминаніе о ней горитъ одною любовію!... О! какимъ перомъ

описать впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ взоромъ ея, встрѣтившимся съ моимъ? Куда дѣвалась тогда моя самонадѣянность? Я не могъ выдержать этого взора; я потупилъ глаза въ землю; сердце мое шибко билось въ груди.

«— Владиміръ! да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!—сказала она дрожащимъ голосомъ, обняла меня, закрыла концами своего шелковаго покрывала, крѣпко прижала къ своей груди, цѣловала.

«Ласки ея меня ободрили; я самъ сталъ ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, со всею искренностью дѣтской, но пылкой души. Вскорѣ послышался стукъ тяжелой повозки, и царевна, приказавъ мнѣ не выходить изъ моей свѣтлицы, бросилась изъ нея вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Я слышалъ, какъ замкнулась за ними дверь; но не ропталъ на свое заключеніе, потому что посаженъ въ нее былъ по волѣ моей новой владычицы. Осторожно взглянувъ изъ окна, увидѣлъ я на дворѣ двѣ раззолоченныя колымаги; понялъ, что пріѣхали гости, которымъ я не долженъ показываться, сидѣлъ смирно и готовъ былъ, для спокойствія неизвѣстной, но милой мнѣ особы, притаить свое дыханіе. Черезъ нѣсколько часовъ колымаги укатили со двора по дорогѣ въ Москву. Андрей Денисовъ освободилъ меня изъ заключенія, но та, которую полюбилъ я такъ много, не являлась; и долго, очень долго не видалъ я ее; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось!

«Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ я сталъ изрѣдка получать отъ нея письма, исполненныя нѣжной любви ко мнѣ, и подарки. Почеркъ ея руки былъ красивый; остроуміе, блескъ, нѣжность выраженій вкрадывались въ душу. Иногда приписывала она мнѣ стихи, которыхъ красоты объяснялъ мнѣ Денисовъ, знаменитый риторъ своего времени, а болѣе сердце мое. Впослѣдствіи я самъ получилъ неодолимую охоту слагать стихи.

Учителемъ моимъ былъ онъ же. Любовь къ природѣ, живое воображеніе, пылкія страсти, свобода — развернули мои дарованія. Я долженъ прибавить, что переписка съ моею благодѣтельницею сколько усилила мою преданность къ ней, столько и поощрила во мнѣ ненависть къ Нарышкинымъ, виновникамъ всѣхъ горестей и несчастій Софьи Алексѣевны — такъ часто выражалась она въ письмахъ своихъ, не давая мнѣ, однакожъ, знать, кто она именно, а подписываясь просто: *Боярыня Милославская.*

«Въ первую затѣмъ зиму я былъ въ домѣ князя Василья Васильевича, въ Москвѣ. Только-что подъѣзжалъ я къ престольному граду, меня поразили блескъ несчетныхъ золотыхъ главъ его, будто повѣшенныхъ на воздухѣ, какъ небесныя паникадилы, и громада строеній, которой не видѣлъ конца, и звонъ колоколовъ, показавшійся мнѣ торжественнымъ духовнымъ пѣньемъ цѣлаго народа. Въ самой Москвѣ раскрылся для меня новый міръ. Святыня въ храмахъ, волненіе на площадяхъ, церковные праздники, воинскіе смотры, великолѣпіе двора царскаго: все это вдругъ ослѣпило меня и на время смирило мои пагубныя наклонности, невольно покорившіяся такому зрѣлищу. Надолго-ли? Черезъ нѣсколько времени честолюбіе мое начало разыгрываться въ дѣтскихъ мечтахъ, какъ сердитый родникъ, который сначала бьетъ изъ-подъ земли, бѣжитъ потомъ ручьемъ, рѣкою и, наконецъ, бушуетъ моремъ, выливаясь черезъ берега, будто его стѣсняющіе. То хотѣлось мнѣ быть предводителемъ совѣта или войска, то патріархомъ, то любоваться, какъ отъ одного слова моего кипятъ тысячи, какъ отъ одного слова нѣмѣетъ цѣлый народъ—настоящій конь троянскій, огромное издѣлье великаго художника, и все-таки кусокъ дерева, пока управляющій имъ не отопретъ ужасныхъ силъ, въ немъ заключающихся! Такое сравненіе дѣлалъ

нѣкогда мой воспитатель, и я узналъ вскорѣ вѣрность его. Бывшій предводитель крестьянскихъ мальчиковъ въ Софьинѣ набралъ себѣ войско уже изъ дѣтей боярскихъ и довелъ ихъ до строгаго себѣ повиновенія — иныхъ изъ любви къ себѣ, другихъ изъ страха къ своей силѣ, за которую прозвали меня Ильею Муромцемъ. Въ кулачномъ бою я смѣло шелъ одинъ на трехъ, равныхъ мнѣ лѣтами; побороть сильнѣйшаго изъ своихъ товарищей было для меня лучшимъ торжествомъ. Могущество другихъ не изумляло, не пугало меня, но возбуждало во мнѣ досаду; надъ кѣмъ сила моя не брала, тому старался я искусно подставить ногу и свалить его. Не только большіе, сильные люди, даже высокіе дома были мнѣ непріятны; еслибъ я имѣлъ волю, сломалъ бы ихъ или поселился бы въ самомъ большомъ.

«На новосельѣ моемъ стала посѣщать меня тайкомъ, съ позволенія, однакожъ, моего благодѣтеля, женщина среднихъ лѣтъ, пригожая и предобрая. Князь Василій Васильевичъ называлъ ее моею близкою родственницей, моею кормилицей, но заказывалъ мнѣ говорить кому-либо объ ея посѣщеніяхъ.

«— Гдѣ-жъ моя мать, мой отецъ?—спрашивалъ я князя.

«— Они давно померли,—отвѣчалъ онъ.

«— Какъ ихъ звали?

«— Кропотовыми. Только не говори объ этомъ никому. Ты еще въ пеленкахъ подкинутъ къ моему дому; а узналъ я о твоемъ родѣ недавно, тайнымъ случаемъ. Покуда называйся: Владиміръ сирота. Подъ этимъ условіемъ боярыня Милославская, которую ты столько полюбилъ, содержитъ тебя, воспитываетъ и хочетъ сдѣлать тебя счастливымъ, опредѣливъ современемъ ко двору царскому.

«Я выполнилъ точно волю своего благодѣтеля, по-

тому что хранить тайну умѣлъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! почему не могъ я назвать тогда своею матерью пригожую женщину, посѣщавшую меня тайкомъ, въ которой узналъ я современемъ Кропотову, жену Семена Ивановича? Она кормила меня своею грудью, любила меня, какъ сына, и, можетъ статься, была настоящая моя мать. Сколькихъ бѣдствій избавился бы я тогда!

«При всякомъ посѣщеніи своемъ, Кропотова цѣловала меня съ нѣжностію матери, всегда приносила мнѣ дорогіе подарки и всегда разставалась со мною, обливая меня горячими слезами. Слезы эти, не знаю почему, надрывали мнѣ сердце, впрочемъ не слишкомъ склонное къ нѣжнымъ ощущеніямъ; послѣ нея мнѣ всегда становилось грустно, хотя и не надолго. Боярыню Милославскую, или, что одно и то же, царевну Софію Алексѣевну, которую только видѣлъ разъ, любилъ я болѣе ея, но о Кропотовой болѣе жалѣлъ: она казалась мнѣ такою несчастною!

«Однажды подарила она мнѣ гусли, на которыхъ приклеена была картинка съ изображеніемъ Ильи Муромца. Какъ дорожилъ я этимъ даромъ, можно судить по тому, что я не покидалъ его въ самые черные дни своего изгнанничества, во всѣхъ странствіяхъ своихъ. Все, что ни имѣлъ я лучшаго, готовъ былъ отдать товарищу, но съ гуслями ни за что не согласился бы разстаться.

«Кто не помнитъ кончины царя Ѳедора Алексѣевича? И старый и малый оплакивали добраго государя, котораго любили одни по опытамъ на себѣ его благихъ дѣлъ, а другіе, мало жившіе на свѣтѣ, по сочувствію народному. Еще врѣзанъ у всѣхъ въ памяти и первый бунтъ стрѣлецкій, взволновавшій вопросъ: кому изъ двухъ дѣтей-наслѣдниковъ сидѣть на престолѣ? — вопросъ, рѣшенный только великимъ духомъ Петра Але-

ксѣевича, когда онъ угадалъ, что ему надобно царствовать. Я не зналъ тогда причинъ возмущенія, но радовался, слыша о гибели Нарышкиныхъ и торжествѣ прекрасной и умной царевны, изъ рода Милославскихъ. Моя софьинская знакомка была также изъ этого рода.

«— Любо-ли?—кричали стрѣльцы, возвращаясь съ кроваваго пира, на которомъ торжествовали побѣду своей владычицы.

«— Любо!—отвѣчалъ я съ восторгомъ, стоя у воротъ нашего дома,—и стрѣльцы, радостно предрекая мнѣ великую будущность, брали меня на руки и съ криками поднимали на воздухъ.

«Въ день вѣнчанія на царство двухъ братьевъ, Андрей Денисовъ повелъ меня въ Кремль. Стоявшій у входа сотникъ проводилъ насъ къ самымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь мы, въ ожиданіи торжества, какъ бы приросли къ своимъ мѣстамъ. Вдоль дороги, по которой надо было идти царямъ, тянулись съ обѣихъ сторонъ, будто по шнуру, ряды стрѣльцовъ съ ихъ блестящими сѣкирами. Двинулось торжественное шествіе. Протопопъ кропилъ путь святою водой; золото парчевыхъ одеждъ начало переливаться; загорѣлись, какъ жаръ, богатыя царскія шапки, и вотъ, предъ нами цари—одинъ [1]), шестнадцатилѣтній блѣдный, тщедушный, съ безжизненнымъ взоромъ, сгорбившійся, едва смѣя дышать подъ тяжестью своей одежды и еще болѣе своего сана; другой [2]) — десятилѣтнее дитя, живой, цвѣтущій здоровьемъ, съ величавою осанкою, съ глазами, полными огня, ума и нетерпѣнія, взирающій на народъ, какъ будто хотѣлъ сказать: *мой* народъ!... Казалось, одного гнали за державою, ему насильно вручаемою,—другой, рожденный повелѣвать,

---

[1]) Іоаннъ.
[2]) Петръ.

шелъ схватить бразды правленія, у него отнимаемыя. Признаюсь, я, бѣдный, ничтожный сирота, воспитываемый благодѣяніями князя и боярыни, осмѣлился завидовать державному дитяти!... За царями шла... кто-жъ? Моя тайная благодѣтельница, боярыня Милославская!... Но здѣсь я узналъ свою ошибку.

«— Вотъ царевна Софья Алексѣевна! — сказалъ воспитатель мой, дернувъ меня за одежду, и возгласъ удивленія и радости, готовый вылетѣть изъ устъ моихъ, замеръ въ груди.

«Очами изумленія, любви, благодарности смотрѣлъ я на царевну. Она то ласково кланялась стрѣльцамъ, то легкимъ наклоненіемъ головы давала знать боярамъ, чтобы ускорили шествіе: то смотрѣла съ какою-то непріязненною усмѣшкою и будто бъ съ завистью на царевича Петра; но, когда поровнялась со мною, удостоила меня и воспитателя моего особеннымъ поклономъ, такъ что всю милость этого поклона присвоилъ я одному себѣ безъ раздѣла.

«— Владиміръ!—сказалъ мнѣ Денисовъ, когда мы съ торжества возвращались домой,—я нарочно водилъ тебя смотрѣть на вѣнчаніе царей, чтобы ты узналъ, кто твоя благодѣтельница. Вѣдай, Господу угодно взыскать тебя новыми милостями: на дняхъ вступишь ты въ услуженіе къ царевнѣ; тебя ожидаютъ высшія степени, богатство, слава. Не спрашивай ни меня, ни другого кого, за что царевна тебя любитъ; можетъ статься, обѣтъ, данный твоей матери.... я самъ хорошо не знаю что — довольно, что она любитъ тебя, бѣднаго, безроднаго сироту.... Такъ угодно Богу; видно, ты родился въ сорочкѣ! вотъ что можно мнѣ сказать на вопросы о твоей талантливой судьбѣ. Помни: твое благополучіе зависитъ отъ твоей скромности и вѣрности дому Милославскихъ. На вершинѣ не забудь и своего воспитателя: не мало потрудился онъ для тебя.

«Въ восторгѣ отъ милостей прекрасной царевны голова у меня кружилась: я все обѣщалъ. О своемъ же происхожденіи не только не хотѣлъ, я боялся даже знать болѣе того, что слышалъ отъ самого князя. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней князь Василій Васильевичъ повелъ меня въ Коломенское, куда отправились царевичи тѣшиться соколиною охотой, а царевны наслаждаться прогулками по садамъ, изстари славившимися. Я былъ предупрежденъ, чтобы мнѣ, при видѣ царевны Софьи Алексѣевны, показывать, будто вовсе не знаю ея. Съ нами повезли мои маленькія гусли, на которыхъ я уже довольно искусно игралъ. Когда мы вступили въ коломенскій дворецъ и пока докладывалъ о насъ стольникъ царицына чина, мы слышали изъ одного терема пріятное пѣніе женскихъ голосовъ. Вскорѣ голоса умолкли, и я позванъ былъ одинъ въ этотъ самый теремъ. Несмотря, на мое удальство, сердце у меня затрепетало. Стольникъ несъ впереди меня гусли мои, потомъ сдалъ ихъ и меня царевниной постельницѣ Ѳедорѣ Семеновой, по прозванію Казачкѣ, которая, приласкавъ и ободривъ меня по-своему, отвела во внутренніе покои. Въ одномъ изъ нихъ, отличавшемся отъ другихъ величиною и убранствомъ, сидѣла царевна Софья Алексѣевна, окруженная сестрами своими, молодою, пригожею царицею Марѳою Матвѣевной, узнавшею столь рано печаль вдовства [1]), и многими знатными дѣвицами, пріѣхавшими дѣлить съ подругами своими радости сельской, свободной жизни. Какъ теперь вижу, Софья Алексѣевна сидѣла на стулѣ съ высокою, узорочною спинкой, нѣмецкаго мастер-

---

[1]) Дочь Матвѣя Васильевича Апраксина, сочетавшаяся 15-го февраля 1862 года съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, по прозванію *Чахлымъ*, и овдовѣвшая, 20-ти лѣтъ, 27-го апрѣля того-жъ года.

ства, и держала въ рукѣ тросточку, расписанную золотомъ, у которой рукоятка была изъ краснаго сердолика, украшеннаго дорогими каменьями. Прочіе собесѣдники всѣ сидѣли на скамьяхъ и занимались плетеніемъ кружева для полотенцевъ. Я отличилъ тотчасъ свою благодѣтельницу, какъ различаютъ первую звѣзду вечернюю отъ прочихъ звѣздъ. И здѣсь, посреди красавицъ московскихъ, она была всѣхъ ихъ прекраснѣе, хотя ей было уже двадцать пять лѣтъ. Я помолился сначала святымъ иконамъ, сдѣлалъ потомъ ей низкій поклонъ и, наконецъ, раскланялся на всѣ стороны. Софья Алексѣевна подозвала меня къ себѣ, дала мнѣ поцѣловать свою ручку и сама поцѣловала меня въ лобъ; всѣ осыпали меня ласками, называя пригожимъ мальчикомъ. Но всѣхъ болѣе, послѣ моей благодѣтельницы, ласкала тогда и впослѣдствіи всегда оказывала мнѣ искреннюю привязанность царица Марѳа Матвѣевна. Память объ ея милостяхъ расцвѣчала черные дни моей жизни; неоцѣненное благодѣяніе, ею мнѣ однажды оказанное и котораго не смѣю объяснить, усладитъ мой смертный часъ!...

«На вопросы, дѣланные мнѣ съ разныхъ сторонъ, отвѣчалъ я смѣло, стараясь всѣмъ угодить. Меня просили сыграть что-нибудь на гусляхъ. Раскрыли ихъ, и собесѣдницы, съ позволенія Софьи Алексѣевны, присыпали смотрѣть картинку, изображающую богатыря Илью Муромца, ѣдущаго на ретивомъ конѣ сражаться противъ Соловья-разбойника, усѣвшагося на семи дубахъ. Это была одна изъ первыхъ картинъ русскаго издѣлья. Многіе смѣялись отъ всего сердца, особенно дѣвица Прасковія Ѳедоровна Салтыкова [1]), живая, веселая, говорившая, что она на святкахъ видѣла въ зер-

---

[1]) 9-го февраля 1684 года выдана замужъ за царевича Іоанна Алексѣевича.

калѣ жениха своего, будто похожаго на урода, сидящаго на деревьяхъ. Хорошенькая, но непривлекательная ни лицомъ, ни разговорами, дѣвица Евдокея Ѳедоровна Лопухина [1]), взглянувъ изъ-за другихъ на картинку, плюнула и съ неудовольствіемъ отворотилась, сказавъ, что «грѣхъ смотрѣть на такое дьявольское искушеніе».—Я игралъ на гусляхъ то заунывныя, то веселыя пѣсни, и видѣлъ съ торжествомъ, какъ всѣ довольны были моею игрою.

«Когда Софья Алексѣевна объявила желаніе свое взять меня къ себѣ въ *пажи*, и когда, на вопросы боярынь объяснила имъ, что такое *пажъ*, всѣ упрашивали ее исполнить это поскорѣе и не оставить своею милостью пригожаго, разумнаго сироту (такъ угодно было имъ называть меня). Съ этого часа моя судьба рѣшена: князю Василью Васильевичу объявлено о волѣ царевны — и черезъ нѣсколько дней я съ своими гуслями и мечтами честолюбія водворился въ царскихъ палатахъ. Не стану распространяться о милостяхъ ко мнѣ царевны Софіи: кому изъ московскихъ жителей онѣ не извѣстны? Скажу только, что онѣ росли вмѣстѣ съ возвышеніемъ ея. Я сдѣлался баловнемъ ея и всѣхъ придворныхъ женщинъ. Отъ природы тщеславный, непокорный, я возмечталъ о себѣ столько, что не сталъ ни во что считать царицу Наталью Кирилловну, а съ сыномъ ея, бывшимъ мнѣ почти ровесникомъ искалъ всегда причинъ къ неудовольствію. Дитя рано обнаружило въ себѣ царя; во всѣхъ случаяхъ Петръ Алексѣевичъ давалъ мнѣ чувствовать свое превосходство, въ самыхъ играхъ напоминалъ мнѣ долгъ подданнаго. Это бѣсило меня.

«Послѣ второго стрѣлецкаго бунта Наталья Кирилловна, видя, что честолюбивая падчерица каждый годъ

---

1) Впослѣдствіи нелюбимая супруга Петра I.

очищаетъ себѣ новую ступень къ престолу, искала съ своими совѣтниками предлога открыть ей войну за права, похищаемыя у Петра, который еще только учился защищать ихъ. Бездѣлица бываетъ обыкновенно придиркою къ ссорѣ людей сильныхъ и знатныхъ, какъ для начинанія боя, гдѣ должны стѣна на стѣну сразиться славные бойцы цѣлаго города, высылаютъ всегда мальчиковъ. Такъ сдѣлали и въ томъ случаѣ, о которомъ говорю.

«— Именемъ пажа, даннымъ подкидышу, — говорила Наталья Кирилловна, — хочетъ новая царица начать новый дворъ; это явное оскорбленіе русскихъ обычаевъ и законности. Скоро у ней появятся неслыханныя должности, замѣщаемыя ея приверженцами, и намъ съ сыномъ между ними и мѣста не будетъ.

«Софья Алексѣевна, всегда умная и на этотъ разъ осторожная, притворилась слишкомъ слабою, или въ самомъ дѣлѣ не чувствовала еще въ себѣ довольно силы явно идти на встрѣчу сдѣланному ей обвиненію: она старалась отыграться отъ него переименованіемъ меня въ Новика—званіе, которое дѣти боярскіе переставали уже носить, вступая въ службу. Впослѣдствіи честолюбіе Софьи Алексѣевны утвердило за мною придачу Послѣднаго, доставившую мнѣ слишкомъ пагубную извѣстность.

Съ 1683 года запрещено было посѣщать меня пригожей женщинѣ, извѣстной мнѣ подъ именемъ Кропотовой. Князь Василій Васильевичъ, оберегатель царственной большой печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ, ближній бояринъ и намѣстникъ новгородскій, неся на себѣ все бремя правленія государствомъ, былъ столько занятъ, что не могъ посвятить мнѣ много времени, и потому вся моя любовь сосредоточивалась въ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, которая, съ своей стороны, старалась платить мнѣ милостями,

какія можно оказывать только любимцу. Ахъ! зачѣмъ такъ поздно узналъ я, безразсудный, что чувства ея ко мнѣ, вмѣстѣ съ потворнымъ воспитаніемъ Денисова, готовили изъ меня орудіе ихъ страстей?

«Мнѣ минуло 15 лѣтъ. Предметъ зависти боярскихъ дѣтей, окруженный довольствомъ и нѣгою, утѣшая царевну и придворныхъ ея игрою на гусляхъ и пѣніемъ, нерѣдко, среди дѣтскихъ игръ, похищая пылъ первой страсти съ устъ прекрасныхъ женщинъ, которыя обращались тѣмъ свободнѣе со мною, что не опасались ни лѣтъ моихъ, ни ревниваго надзора родственниковъ, не дерзавшаго слѣдовать за ними ко двору властолюбивой правительницы; вознагражденный тайною любви одной прекрасной, умной, чувствительной женщины, которой имя знаетъ и будетъ знать только одинъ Богъ,—на такомъ пиру жизни я не могъ желать ничего, кромѣ продолженія его. Но безпокойная душа моя просила бѣдъ, и бѣды не заставили меня долго ждать.

«Мы проводили лѣто въ Коломенскомъ. Петръ Алексѣевичъ съ своими *потѣшными* осаждалъ крѣпостцу, построенную имъ изъ земли на высокомъ берегу Москвы-рѣки, при загибѣ ея. Однажды, восхищенный успѣхами своего войска, онъ пришелъ къ царевнѣ Софьѣ, разсказывалъ о подвигахъ своихъ, шутилъ надъ женскимъ правленіемъ; говорилъ, что «для рукъ, привыкшихъ владѣть иглою и веретеномъ, тяжела держава, съ которою надо соединять и мечъ»; грозился нѣкогда своими новобранными наказать враговъ отечества и, наконецъ, увидѣвъ меня, приглашалъ вступить къ себѣ въ службу. Каждое слово его было ударомъ ножа въ грудь Софьи Алексѣевны; я видѣлъ, какъ глаза ея разгорались, какъ грудь ея волновалась отъ досады. Съ быстротою молніи кровь и у меня начала перебѣгать по всему тѣлу. Съ нами въ комнатѣ была царица Марѳа Матвѣевна.

«— Полно быть дѣвичьимъ прихвостникомъ!—продолжалъ Петръ, положивъ руку на мое плечо. — Ты здѣсь Послѣдній Новикъ; у меня можешь быть первымъ потѣшникомъ.

«— Пускай потѣшаютъ тебя нѣмцы, — отвѣчалъ я угрюмо, сбросивъ съ плеча своего руку Петра, — я русскій, лучше хочу быть послѣднимъ слугою у законной царевны, чѣмъ первымъ бояриномъ у тебя.

«Царь-отрокъ вспыхнулъ, и сильная оплеуха раздалась по моей щекѣ. Не помня себя, я замахнулся было... но почувствовалъ, что меня держали за руки и что нѣжныя женскія руки обхватили станъ мой, силясь увлечь меня далѣе отъ Петра, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ съ видомъ гордымъ и грознымъ. Софья Алексѣевна приказывала мнѣ удалиться немедленно. Марѳа Матвѣевна, не выпуская меня изъ своихъ объятій, со слезами на глазахъ умоляла не губить себя. На крикъ ихъ прибѣжали *комнатные* люди, и меня вывели изъ терема, но не прежде, какъ я послалъ въ сердце своего обидчика роковую клятву отмстить ему. Это происшествіе имѣло послѣдствіе изгнаніе меня въ Софьино, гдѣ я опять глазъ на глазъ съ моимъ развратителемъ Денисовымъ. На этотъ разъ я предался ему совершенно: я упивался его бесѣдами. Въ нихъ, кромѣ ненависти къ Петру, я ничего не слыхалъ; я далъ олицетворенному сатанѣ кровавую запись на свою душу.

«Были кончены походы крымскіе, затѣянные (такъ объяснилось мнѣ послѣ) царевною Софьею, чтобы ознаменовать свое правленіе военными подвигами и отвесть благороднаго князя Василія Васильевича отъ присмотра за ея умыслами на жизнь Петра. Извѣстны послѣдствія этой войны: безполезная трата людей и денегъ, слезы тысячъ, безчестье войска, небывалыя награжденія военачальниковъ и неудовольствія сильныхъ еди-

номышленниковъ младшаго царя. Однѣ побѣды нынѣшнія могли прикрыть своимъ блескомъ постыдныя имена *Перекопа*, *Черной* и *Зеленой долинъ*. Въ оба эти похода я былъ при князѣ Васильѣ; возвратясь изъ изъ нихъ, жилъ опять въ Софьинѣ. У всѣхъ современниковъ моихъ еще на памяти государственные перевороты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ послѣдніе годы правленія Софьи такъ быстро, что не позволяли ей установить свои коварные замыслы, а Петру болѣе и болѣе расширяли кругъ его державныхъ дѣйствій. Съ досадою видѣла правительница, что всѣ ея начинанія обгоняли душевныя сила юнаго царя и возраставшая къ нему народная любовь, или, лучше сказать, воля Провидѣнія. Униженная всенародно въ церковномъ ходѣ 8-го іюня 1689 года, царевна поспѣшила рѣшительно грянуть въ своего брата и соперника третьимъ стрѣлецкимъ бунтомъ, гдѣ въ залогъ успѣха была положена ея собственная голова. Я ничего не зналъ объ ея новыхъ козняхъ. 18-го августа, съ разсвѣтомъ дня, получаю отъ нея записку, въ которой приказывали мнѣ немедленно явиться въ Москву. — «Жизнь моя въ опасности», — прибавляла она между прочимъ. — Не думаю долго; ножъ за поясъ, слово Денисову о причинѣ моего отъѣзда, отъ него слово, что часъ мести насталъ, и совѣтъ, какъ дѣйствовать, чтобы уничтожить врага Софьи и моего; беру лошадь, скачу безъ памяти. Въ тѣснинѣ *Волчьихъ воротъ* [1]), поперекъ дороги, лежитъ сосна, взъерошившая свои мохнатые сучьи и образовавшая изъ нихъ густой частоколъ. Ищу въ лѣсу мѣста, гдѣ бы мнѣ перебраться на дорогу, какъ вдругъ изъ-за кустовъ прямо на меня

---

[1]) Такъ называется и донынѣ мѣсто въ лѣсу по коломенской дорогѣ, въ 23-хъ верстахъ отъ Москвы. За нѣсколько еще десятковъ лѣтъ оно было заставою разбойниковъ.

нѣсколько молодцовъ съ дубинами и топорами; одни повисли за устцахъ моей лошади, другіе меня обезоружили. Но какъ внезапно напали они на меня, такъ же скоро отъ меня отступили.

«— Послѣдній Новикъ! Послѣдній Новикъ!—закричало нѣсколько голосовъ.—Ступай своей дорогой! мы хлѣбъ-соль царевны Софьи Алексѣевны помнимъ; знаемъ, что она тебя жалуетъ, и не хотимъ ни твоего добра, ни головы твоей. Поспѣшай: намъ и вамъ въ Москвѣ худо; нѣмцы берутъ верхъ; царевнѣ не сдобровать!»

«Не слышу ничего болѣе; скачу опять безъ ума; во всю дорогу видѣнія разгоряченнаго воображенія меня преслѣдуютъ. Вижу, народъ зыблется въ Кремлѣ; слышу, кричатъ: «подайте царевну!...» Вотъ палачъ, намотавъ ея длинные волосы на свою поганую руку, волочитъ царевну по ступенямъ *Краснаго крыльца*, чертитъ ею по праху широкій слѣдъ... готова плаха... топоръ занесенъ... брызжетъ кровь... голова ея выставлена на позоръ черни... кричатъ: «любо! любо!...» Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ, сердце замираетъ, въ ушахъ раздается знакомый голосъ: «отмсти, отмсти за меня!...» Смотрю впередъ: вижу сіяющую главу Ивана Великаго и, прилѣпясь къ ней, сыплю удары на бѣдное животное, которое мчитъ меня, какъ вѣтеръ. Вотъ и я въ городѣ! Концы Москвы пусты; Москва вся на площадяхъ и въ Кремлѣ. Видѣнія мои сбываются: народъ волнуется, шумитъ, толкуетъ объ открытіи заговора, о бѣгствѣ царя Петра Алексѣевича съ матерью и молодою супругою въ Троицкій монастырь; войско, подъ предводительствомъ Лефорта и Гордона, собирается въ походъ; сзываютъ вѣрныхъ Петру къ защитѣ его, проклинаютъ Шакловитаго, раздаются угрозы Софьѣ. Лечу во дворецъ, прямо въ комнаты царевны. Толпа служителей встрѣчаетъ меня слезами,

похоронными возгласами, рыданіями. Не помню ногъ подъ собою: хочу и боюсь спросить, что дѣлается съ моею благодѣтельницею; наконецъ, осмѣливаюсь—и мнѣ отвѣчаютъ только, что «она въ крайней опасности».— Услышавъ изъ ближней комнаты мой голосъ, она отворяетъ дверь и кличетъ меня къ себѣ. Вхожу. Она одна. Лицо ея помертвѣло; на немъ ясно отражается послѣдняя борьба душевнаго величія съ отчаяніемъ; голосъ, привыкшій повелѣвать, дрожитъ; честолюбивая царица—только несчастная женщина.

«— Другъ мой!—сказала она, обнявъ меня и обливаясь слезами,—Петръ Алексѣевичъ ищетъ моей конечной гибели. Распустилъ слухъ въ народѣ, будто я готовила заговоръ, которымъ хочу истребить меньшаго брата, мать его и всѣхъ приближенныхъ, и скрылся въ Троицкій монастырь. Враги мои подкупаютъ народъ, стрѣльцовъ; всѣ покидаютъ меня, всѣ винятъ несчастную въ злодѣяніи. И на умѣ не имѣла... Развѣ вынудитъ меня защита собственной жизни... Меня ожидаютъ монастырь или плаха. Скажи, что дѣлать мнѣ?

«Изступленный, я предлагаю ей свою руку, своихъ пріятелей, рѣшаюсь отправиться съ ними къ Троицѣ, пока войска туда еще не пришли, даю клятву проникнуть въ обитель, до Петра. Софья благословляетъ меня на это злодѣяніе, снабжаетъ меня золотомъ, драгоцѣнными вещами, письмомъ, совѣтами, и я, съ десятью, повидимому, преданными мнѣ стрѣльцами, въ слѣдующую ночь у стѣнъ монастыря. Только черезъ сутки отпираютъ намъ входъ въ него сквозь трещину *Каличьей* башни: деньги и драгоцѣнности, данныя мнѣ Софьею, оставлены у пріятеля Денисова, жившаго въ Троицкомъ посадѣ. Изъ десяти товарищей остается у меня половина; прочіе, упились виномъ или разбѣжались, услыша, что войска на дорогѣ изъ Москвы. Въ

оставшихся товарищахъ вижу нерѣшительность; они, однакожъ, слѣдуютъ за мною. Позади церкви Смоленской Божіей Матери скрываемся въ ветхой, необитаемой кельѣ *монаха оружейнаго*. Отсюда видно всѣхъ, кто ни выходитъ изъ *Государевой палаты;* отсюда сторожимъ свою жертву. Петру съ своей матерью идти на утреннюю молитву въ одну изъ монастырскихъ церквей (молодая супруга его нездорова); въ храмѣ Божіемъ должно совершиться злодѣяніе. Время дорого; разсуждать и откладывать некогда, Мнѣ, какъ любимцу Софіи, предоставлена честь быть мстителемъ ея и убійцею Петра. Ласточка встрепенулась и щебечетъ на гнѣздѣ, прилѣпленномъ къ окну, у котораго стоимъ; заря занимается. Взоры мои сквозь рѣшетку окна устремлены на *Государеву палату*, ищутъ адской цѣли и встрѣчаютъ однѣ святыя изображенія. Божія Мать улыбается улыбкою неба, смотря на предвѣчнаго Младенца: Іисусъ на вечери учитъ апостоловъ своихъ любви къ ближнему и миру; далѣе несетъ. Онъ съ покорностью крестъ свой; ангелы радостно порхаютъ около престола своего Творца... и все кругомъ меня говоритъ о добрѣ, о невинности, о небѣ, и все тихо святою тишиной. А я, несчастный, къ чему готовлюсь? Въ жилахъ моихъ кипитъ кровь, въ груди возятся дьяволы. Отвращаю взоры отъ святыхъ предметовъ, и предо мною гробница Годунова: на ней стоитъ младенецъ съ перерѣзаннымъ горломъ, съ кровавыми струями по бѣлой одеждѣ, и грозитъ мнѣ. Совѣсть! Ты это была; ты предстала мнѣ въ видѣ святого мученика и встревожила все мое существо. Еще руки мои чисты; еще не вступалъ я въ права Творца своего! Есть время одуматься... Въ колоколъ ударили къ заутрени. Я встрепенулся.

«— Идутъ,» — сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

«Смотрю: царица Наталья Кирилловна, опираясь одною рукою на посошокъ, другою крестясь, пробирается по тропѣ между гробницами; за ней — Петръ Алексѣевичъ, отряхивая черныя кудри свои, какъ будто отрясая съ себя ночную лѣнь. Съ другой стороны, покашливая, бредетъ старикъ монахъ. Сердце у меня хочетъ выскочить изъ груди. Забыто все; вижу только своего врага, помню только клятву, данную Софьѣ.

«— Не здѣсь-ли?—говорю своимъ товарищамъ.

«— Видишь, сколько мелкихъ камней на кладбищѣ,—отвѣчаетъ одинъ,—есть чѣмъ оборониться, да и монахи бѣгутъ... лучше въ церкви.

«— Не отложить-ли совсѣмъ?»—прибавляетъ другой.

«Прочіе молчатъ; я молчу и гляжу, какъ монахъ, дрожащій отъ старости, большимъ ключомъ силится отворить дверь въ Троицкій соборъ, какъ нетерпѣливый Петръ вырываетъ у него ключъ, и желѣзныя, огромныя двери съ шумомъ распахиваются. Выбѣгаю стремглавъ изъ кельи, пролетаю дворъ и—въ церкви. Святыня, вмѣстѣ съ холоднымъ, сырымъ воздухомъ, вѣящимъ отъ стѣнъ, обхватила меня; темный ликъ Спасителя грозно на меня смотрѣлъ; толпа праведниковъ двигалась, росла и меня обступила. Невольно содрогнулся я и остановился посреди церкви. Оглядываюсь: три товарища, слѣдовавшіе за мной, стояли у входа въ нее, не смѣя войти. Въ это время царица Наталья Кирилловна и сынъ ея молились на колѣнахъ предъ царскими дверьми. Вѣроятно, услышавъ за собою необыкновенно смѣлую поступь, она оглянулась, вскрикнула:

«— Стрѣльцы! злодѣи! — съ ужасомъ ухватила Петра за руку и прямо опрометью бросилась съ нимъ черезъ царскія двери въ алтарь.

«Я за ними, черезъ порогъ Святая Святыхъ, съ ножемъ въ рукѣ. Престолъ насъ раздѣляетъ. Петръ останавливается; то грозно смотритъ на меня, то ищетъ, чѣмъ оборониться. Мать силится загородить его собою, указываетъ мнѣ распятіе, на образъ Сергія Чудотворца, умоляетъ меня именемъ Бога и Святыхъ пощадить ея сына и лучше убить ее, если нужна кровь Нарышкиныхъ... Я вполовину побѣжденъ; но дѣлаю надъ собою усиліе, преслѣдую Петра, настигаю... уже заношу ножъ... Раздается крикъ матери, ужасный крикъ, разодравшій мнѣ душу, поворотившій мнѣ всю внутренность, крикъ, отзывающійся и теперь въ груди моей... Движеніемъ, которое я сдѣлалъ, чтобы поймать свою добычу, падаетъ съ жертвенника распятіе... Одинъ изъ моихъ товарищей грозно взываетъ ко мнѣ: «*постой, не здѣсь, не у престола; въ другомъ мѣстѣ онъ не уйдетъ отъ насъ!*»—Бьютъ въ набатъ—и все въ одно мгновенье!... Я упалъ духомъ; рука, не искусившаяся въ дѣлахъ крови, осталась въ нерѣшительности дѣйствовать. Этотъ мигъ спасъ Петра и Россію!... Слышу, нѣсколько монаховъ хватаютъ меня сзади за руки и вырываютъ ножъ. Связанный, я брошенъ въ какой-то погребъ. Сколько времени я пробылъ въ немъ, не знаю: перемѣны дня тамъ не означались; помню только ночь длинную, какъ вѣчность, жажду, голодъ, постель въ лужѣ, ледяное прикосновеніе гадовъ, ползавшихъ по мнѣ, и душевныя муки, — послѣдствія безполезнаго злодѣянія!

«Наконецъ, я услышалъ глухой стукъ въ стѣнѣ. Была-ли то вѣсть казни или спасенія? Сердце мое замерло при этой мысли. Нѣсколько камней упало близъ меня, и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое втащили, развязали и бросили на землю. Это брошенное захрапѣло ужасно. Голосъ произнесъ тихо, но твердо:

«— Гдѣ ты, Послѣдній Новикъ? Именемъ царевны Софія Алексѣевны дай мнѣ руку.

«— Вотъ она! — сказалъ я, ощупавъ незнакомца, на голосъ котораго пошелъ.

«— Теперь раздѣнься и брось здѣсь свой кафтанъ,—продолжалъ онъ.

«Мнѣ пришло на мысль, что для спасенія моего хотятъ замѣнить меня другимъ, что этотъ другой вмѣсто меня долженъ положить свою голову на плаху, и я сначала поколебался было исполнить волю незнакомца; но любовь къ жизни превозмогла—я предался своему избавителю. Мы продрались черезъ лазейку, сдѣланную довольно высоко въ стѣнѣ, нашли за стѣной другого человѣка, насъ ожидавшаго, заклали искусно отверстіе каменьями, поползли на четвереньках по какимъ-то темнымъ извилинамъ, очутились въ башнѣ; съ помощью веревочной лѣстницы, тутъ приготовленной, взлѣзли на высоту въ узкое окно, оттуда на крышу, карабкались по ней, подражая между тѣмъ мяуканью кошекъ, и потомъ впрыгнули въ слуховое окно. Темная ночь, не позволявшая различать предметы, способствовала нашему побѣгу. Не скажу, гдѣ и у кого я очутился: тайна эта умретъ со мною. Нѣсколько недѣль жилъ я подъ поломъ, слышалъ оттуда барабанный бой пришедшаго къ монастырю войска, вопли, исторгаемые пыткою на монастырскомъ дворѣ, радостныя восклицанія народа; слышалъ разсказы, какъ около монастыря поднялась такая пыль, что одному другого за два шага нельзя было видѣть, когда свели преступниковъ изъ обители и изъ Москвы на одно мѣсто; какъ Шакловитый, снятый съ дыбы, просилъ ѣсть и, наконецъ, какъ совершилась казнь надъ злодѣями. Кому отрубили голову или вырѣзали языкъ, кого били кнутомъ, сослали въ вѣчное заточеніе. Въ числѣ послѣднихъ былъ князь Василій Васильевичъ...

въ числѣ первыхъ былъ — Послѣдній Новикъ. Можно было судить, что я чувствовалъ, слушая такіе разсказы.

«Когда я хотѣлъ узнать, какимъ образомъ могли замѣнить меня другимъ въ тюрьмѣ и на плахѣ, избавитель мой объяснилъ мнѣ, что мой двойникъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, прискакавшихъ со мною къ Троицѣ для убіенія царя, что Андрей Денисовъ, пріѣхавшій вслѣдъ за мною по приказанію Софьи Алексѣевны, нашелъ его у постоялаго двора въ такомъ мертвомъ опьянѣніи, что, если бы вороны глаза у него клевали, не чувствовалъ бы ничего. Состояніемъ этимъ воспользовались, положили его въ мѣшокъ и притащили въ мое заключеніе. Монахи пришли взять меня оттуда, и хотя тотчасъ догадались о подмѣнѣ заключеннаго, но, видя, что входъ въ тюрьму былъ въ прежнемъ крѣпкомъ состояніи, приписывая этотъ случай чуду или напущенію дьявола, и болѣе всего боясь открытіемъ подмѣна заслужить казнь, мнѣ приготовленную, сдали моего двойника, подъ моимъ именемъ, солдатамъ, а эти палачу. Къ обману способствовала густая пыль, о которой я говорилъ, и приказъ царскій казнить меня безъ допросовъ. Исполнители казни работали живо, — прибавлялъ мой избавитель,— имъ все равно было, чья голова или чей языкъ летѣли подъ ихъ рукою, лишь бы счетъ головамъ и языкамъ былъ вѣренъ. Не мудрено также, что палача задарилъ Денисовъ.

«Я не могъ быть выпущенъ изъ монастыря тѣмъ путемъ, которымъ въ него вошелъ; у всѣхъ башенъ стояла уже крѣпкая стража. Надо было дождаться выѣзда царя съ его семействомъ изъ обители. Я дождался этого выѣзда, буря миновала;—днемъ, во время обѣдни, выпустили меня изъ моей засады и монастырскихъ воротъ. Узнать меня нельзя было въ рубищѣ,

съ искривленною на одну сторону шеею, со спущенными на лицо волосами; я проскользнулъ въ толпѣ убогихъ, которыхъ мой избавитель собралъ для раздачи имъ милостыни. Въ ближней деревушкѣ нашелъ я Андрея Денисова, имѣвшаго въ готовности двухъ бойкихъ лошадей—и... съ этого времени я изгнанникъ изъ родины!»

На этомъ мѣстѣ остановился чтецъ, какъ для того чтобы отдохнуть, такъ и дать своимъ товарищамъ сообразить разсказъ Новика съ слухами о происшествіяхъ тогдашняго времени. Исполнивъ то и другое, принялись снова за чтеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

То пѣснь про родину мою:
Я день и ночь ее пою.
Баронъ Розенъ.

«Пусть запретятъ вамъ выѣзжать въ какой-либо городъ, и это запрещеніе покажется вамъ мучительнымъ наказаніемъ: чтожъ долженъ чувствовать тотъ, для кого навсегда заперта дорога въ отечество? Изгнанникъ, подобный мнѣ, можетъ только понять мои чувства. Теперь только узналъ я цѣну того, чѣмъ обладалъ и что потерялъ безвозвратно. Эта ужасная извѣстность перемѣнила мой нравъ. Куда дѣвались мечты честолюбія! «О Боже мой!—говорилъ я, обливаясь слезами,—сдѣлай меня самымъ бѣднымъ, ничтожнымъ изъ смертныхъ, хоть послѣднимъ крестьяниномъ села Софьина, и за это униженіе отдай мнѣ ее, отдай мнѣ родину. Тринадцать лѣтъ, каждый день съ усиливающеюся по ней тоскою, творю эту молитву, и донынѣ попрежнему странникомъ въ чужбинѣ.

«Мы ѣхали все на сѣверъ. Дорогою повременамъ обгоняли толпы раскольниковъ, пробиравшихся по тому же направленію. При видѣ моего спутника они останавливались, испрашивали его совѣтовъ, помощи, и

никогда не оставались безъ того и другого. Андрей зналъ хорошо пути къ человѣческому сердцу и мастерски умѣлъ пользоваться его слабостями; отъ природы и ученія краснорѣчивый, онъ былъ богатъ убѣжденіями духовными; также и въ вещественныхъ пособіяхъ не нуждался. Всѣ драгоцѣнности и деньги, данныя мнѣ Софьею Алексѣевною, получилъ онъ обратно, по назначенію моему, отъ того человѣка, кому я ихъ ввѣрилъ, да и самъ товарищъ мой напутствованъ былъ такими же щедрыми дарами царевны. Дорогой имѣлъ я случай вывѣдать, что переселеніе на сѣверъ нѣсколькихъ сотъ семействъ русскихъ дѣлалось вслѣдствіе видовъ Денисова, давно обдуманныхъ и искусно расположенныхъ, и имѣло цѣлью современемъ противопоставить на всѣхъ концахъ Россіи враждующую силу царю изъ рода Нарышкиныхъ. Этою силою, неколебимою своимъ невѣжествомъ, руководствовала нерѣдко Софья въ свою пользу, но, не пріобрѣтя для себя ничего, удовлетворила только жадному властолюбію своего клеврета. Впослѣдствіи узналъ я, что главнымъ условіемъ ея богатыхъ милостей, какъ ему, такъ и основаннымъ имъ поморскимъ скитамъ, которыхъ онъ сдѣлался патріархомъ, была передача мнѣ въ наслѣдство этого чиноначальства. Разрывъ его со мною долженъ былъ увлечь за собой и разрывъ съ нимъ Софьи: тѣмъ важнѣе было для него потерять меня.

«По прибытіи нашемъ за Онегу, возникли мало-помалу русскія селенія изъ болотъ и лѣсовъ; жизнь общественная заговорила въ пустыняхъ. Меня ничто не занимало, даже и сулимое мнѣ владычество. Я не могъ выдержать болѣе года въ Выгонскомъ скитѣ. Проклиная виновниковъ своего несчастія, для котораго они меня съ младечества воспитывали, съ тоскою, которую не въ силахъ былъ вырвать изъ сердца, какъ будто стрѣлу, въ него вонзенную и въ немъ перелом-

ленную,—я бѣжалъ... назадъ идти не могъ... я бѣжалъ въ Швецію. Ничего не взялъ я съ собою, кромѣ гуслей, неоцѣненнаго дара доброй Кропотовой, освященнаго чистою, безкорыстною любовью ко мнѣ (онѣ доставлены мнѣ въ скитъ черезъ одного раскольника, совершенно преданнаго Софьѣ Алексѣевнѣ).

«Переходя изъ страны въ страну, убѣгая отъ родины и находя ее вездѣ въ своемъ сердцѣ, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи. Игра на гусляхъ и пѣнье доставляли мнѣ насущный хлѣбъ. Пѣсни, сочиненныя мною на разные случаи моей жизни, переносили меня въ прошедшее и облегчали грудь мою, исторгая изъ очей сладкія слезы. Молва о московитскомъ музыкантѣ переходила по горамъ и долинамъ; на семейныхъ праздникахъ, на свадьбахъ мнѣ первому былъ почетъ; всѣ возрасты слушали меня съ удовольствіемъ; старость весело притопывала мнѣ мѣру; юность то плясала подъ мою игру, то горько задумывалась. Вездѣ есть добрыя сердца; въ Швеціи я нашелъ ихъ много, очень много. Гостепріимство и любовь приглашали меня не разъ въ свои семьянины. Въ горахъ Далекарліи, у одного богатаго мызника меня особенно ласкали. Онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, кромѣ дочери, не имѣлъ дѣтей. Старикъ уговаривалъ меня войти къ нему въ домъ вмѣсто сына.

«— Остался бы, добрый старикъ,—говорилъ я,— кабы могъ забыть родину.

«Дочь его—прекрасная, статная, рослая, какъ бы отъ земли тянуло ее къ себѣ небо, — каждый день болѣе и болѣе опутывала меня своею любовью. Часто, слушая мои пѣсни, она съ нѣжностью останавливала на мнѣ свои черноогненные глаза, отъ которыхъ хотѣлъ бы уйти въ преисподнюю; нерѣдко слезы блистали на длинныхъ рѣсницахъ прекрасной дѣвушки.

«— Добрый странникъ!—сказала она мнѣ однажды, побѣдивъ свою стыдливость,— останься съ нами, я буду любить тебя, какъ брата, какъ...

«Потупленныя въ землю очи, дрожащія уста, волненіе дѣвственной груди — договорили мнѣ все, что она боялась вымолвить.

«— Не хочу обманывать тебя, милая! У меня въ Россіи есть уже невѣста; не снять мнѣ до гробовой доски желѣзнаго кольца, которымъ я съ нею обручился,—отвѣчалъ я ей, и спѣшилъ удалиться отъ жилища, гдѣ, на мѣсто невинныхъ радостей, поселилъ безпокойство. Такъ одинъ взглядъ сатаны побиваетъ жатву, чумитъ стада и вноситъ пожары въ хижины!

«Судьба привела меня въ Стокгольмъ въ 1694 году, когда весь городъ шепталъ (говорить громко истину при Карлѣ XI не смѣли) о жестокостяхъ редукціонной комиссіи, о явкѣ къ верховному суду депутатовъ лифляндскаго дворянства, о рѣзкихъ возраженіяхъ одного изъ нихъ, Паткуля, отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ, умомъ и отвагою и, наконецъ о приговорѣ, грозившемъ этимъ народнымъ представителямъ. Любя все необыкновенное, я старался узнать этого великаго противника неправосудной власти. Играю на гусляхъ передъ его окнами я привлекъ на себя его вниманіе. Онъ полюбилъ меня съ перваго дня, какъ увидѣлъ; разгадалъ меня, исторгнулъ изъ униженія своимъ вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ и умѣлъ возбудить во мнѣ такое участіе, что я вскорѣ повѣрилъ ему тайны своей жизни. Эта откровенность и несчастія, ему грозившія, скрѣпили еще болѣе нашъ союзъ. Съ своей стороны онъ старался, по возможности времени, образовать меня, и разсказами о подвигахъ Петра съ того дня, какъ я оставилъ Троицкій монастырь, успѣлъ возбудить во мнѣ удивленіе къ этому государю. Иностранецъ раскрылъ для меня все, что козни Софьи

Алексѣевны имѣли въ себѣ ужаснаго; отъ него узналъ я, въ какую бездну повергнулъ бы Россію, убивъ съ Петромъ ея просвѣщеніе и благоденствіе.

«Смертный приговоръ Паткуля былъ подписанъ. Онъ бѣжалъ, письмомъ своимъ ввѣряя меня пріязни хорошаго знакомца своего Адама Бира, профессора въ Упсальскомъ университетѣ.

«Бира не засталъ я уже въ университетѣ, изъ котораго изгнала его несправедливость, существующая, какъ видно, вездѣ, гдѣ есть люди. Я нашелъ его въ бѣдности, однакожъ, не въ уныніи. Онъ училъ дѣтей своего прихода читать и писать и этой поденщиной едва снискивалъ себѣ пропитаніе. Письмо Паткуля сблизило насъ скоро. Съ простодушіемъ младенца Бира соединялъ въ себѣ умъ мудреца и благородство, не покоряющееся обстоятельствамъ. Счастливымъ себя считаю, если могъ сдѣлать что-нибудь для него въ черные дни его жизни. За то чѣмъ не заплатилъ онъ мнѣ? Онъ научилъ меня высокимъ истинамъ, раскрылъ для меня таинства природы, обошелъ со мною рука съ рукой весь міръ, заставилъ полюбить великіе образцы Греціи и Рима, однимъ словомъ — показалъ мнѣ человѣка, каковъ онъ былъ и есть, и человѣчество, какъ оно будетъ нѣкогда. Въ купели его мудрости я обновился; я полюбилъ добродѣтель для нея самой и отечество мое съ самоотверженіемъ. Мысль очистить себѣ путь на родину благородными подвигами, служеніемъ ей истинно-полезнымъ—заброшена мнѣ въ сердце его уроками. Во снѣ и на яву я только мечталъ, какъ осуществить эту мысль.

«Скоро наступилъ конецъ искушенію, которое угодно было Провидѣнію послать моему второму отцу. Сестра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ своего вѣка, знавшая нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ и латинскій, какъ свой родной, призвала его въ Сток-

гольмъ, откуда отправила въ Лифляндію, въ воспитатели къ дочери баронессы Зегевольдъ. Наслѣдство, лучшее, какое онъ могъ мнѣ оставить, было порученіе моему дружескому вниманію одного необыкновеннаго созданія. Сынъ бѣднаго кожевенника изъ-подъ Торнео, съ душею, пожираемою небеснымъ огнемъ вдохновенія, бѣжавшій отъ объятій отца и ласкъ родины, чтобы сообщить другимъ этотъ огонь, солдатъ, странникъ, студентъ и, наконецъ, слѣпецъ, въ домѣ умалишенныхъ: вотъ дивное твореніе, которое наслѣдовалъ я послѣ Бира. Имя его Конрадъ. Сильныя душевныя потрясенія, кипучее воображеніе, занятія ума, никогда недовольнаго тѣмъ, что знаетъ, и пытающагося добраться по цѣпи творенія до высочайшаго знанія, разстроили его разсудокъ. Голосъ мой первый воззвалъ его къ дѣятельности; это былъ первый сочувственный звукъ, ударявшій по струнамъ его сердца. Оно уразумѣло меня, и съ того времени слѣпецъ шелъ всюду за мной, какъ будто привязанный ко мнѣ невидимою цѣпью. Оба съ пламенною душой и воображеніемъ, съ одинаковыми наклонностями, оба несчастные, униженные судьбою, но не терпящіе униженія отъ подобныхъ себѣ, мы сопряглись на земное житіе и рука съ рукой пошли по міру. Какъ онъ любилъ меня! Родство, друзей, родину, свѣтъ Божій—все заключилъ онъ во мнѣ. Семь лѣтъ ему ничего не было извѣстно обо мнѣ, кромѣ моего имени и мнимаго моего отечества, Выборга; но слѣпецъ внутренними очами прочелъ мои тайныя страданія, узналъ изъ моихъ бесѣдъ о Россіи (въ которой, по словамъ моимъ, я столько странствовалъ), узналъ, что она мое отечество, и похитилъ заключенныя въ сердцѣ моемъ роковыя имена людей, имѣвшихъ сильное вліяніе на жизнь мою. Желанія мои угадывалъ, какъ рабъ, купленный благодѣяніями. Онъ былъ у меня послѣднее, единственное благо

на землѣ. Судьба и въ этомъ мнѣ позавидовала. Его ужь нѣтъ. Горькія слезы льются изъ глазъ моихъ: начертывая эти строки, стою, мнится мнѣ, съ заступомъ передъ его могилою и готовлюсь засыпать его навѣки землею.

«Сердце влекло меня въ Лифляндію; тамъ я могъ быть ближе къ своему отечеству. Мы переплыли сердитыя воды Бельта; мы въ странѣ, гдѣ именно Юрьева, Новгородка-Ливонскаго, Ракобора, напоминали мнѣ о владычествѣ надъ нею русскихъ. Долго новый край и люди не приносили ничего новаго душѣ изгнанника; въ ней все та же тоска по родинѣ. Одною отрадою мнѣ было ходить по нѣскольку разъ въ годъ за Новгородокъ-Ливонскій на гору Кувшинову, какъ бы на поклоненіе моему отечеству: оттуда я могъ видѣть крестъ Печерской обители, зажигаемый лучемъ солнечнымъ; оттуда могъ я молиться русской святынѣ. По цѣлымъ часамъ смотрѣлъ я на эту звѣзду утѣшительную, и только ночь уносила съ нею мои радости; поутру дожидался я, когда опять взойдетъ мое свѣтило и дастъ мнѣ привѣтный знакъ отъ родного края.

«Въ видѣ странствующихъ музыкантовъ, мы протоптали перекрестные слѣды по всей Лифляндіи. На мызахъ баронскихъ, въ шведскихъ лагеряхъ и казармахъ, въ латышскихъ и чухонскихъ хижинахъ, я былъ извѣстенъ подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга; твердое знаніе языка шведскаго много способствовало мнѣ къ сокрытію настоящаго моего отечества. Къ удивленію моему и даже страху, въ одно посѣщеніе мое лѣкаря Блументроста на мызѣ его, близъ Маріенбурга, онъ началъ говорить мнѣ наединѣ о Россіи, о готовившейся войнѣ, о пользѣ, какую могъ бы я извлечь, служа въ это время (кому, не объяснилъ); говорилъ мнѣ о Паткулѣ, какъ о человѣкѣ, ему весьма извѣстномъ и, наконецъ, далъ мнѣ знать догадками, кто

я такой. Именемъ Бога умолялъ я его объясниться. Съ меня взята клятва, самая ужасная, молчать обо всемъ, что я ни увижу и услышу.

«— Мнѣ ничего неизвѣстно, — сказалъ докторъ Блументростъ, — но вотъ человѣкъ, который угадалъ въ Вольдемарѣ изъ Выборга, по примѣтамъ, мною описаннымъ, кто онъ, и который откроетъ тебѣ болѣе.

«Онъ снялъ картину со стѣны и ударилъ три раза въ ладони. Отворилась маленькая дверь, и передо мною явился—Паткуль. Мы обрадовались другъ другу: сердце мое предугадывало въ немъ моего спасителя; онъ не скрылъ, что на мнѣ основываетъ великія надежды свои. Увѣрясь въ постоянствѣ и твердости моихъ чувствъ, Паткуль открылъ мнѣ, какими жертвами я могу купить прощеніе Петра Алексѣевича и пріобрѣсти свое отечество. Душа моя взыграла надеждами: я на все рѣшился; я закабалилъ себя въ шпіоны...»

Чтобы не наскучить читателямъ повтореніемъ того, что они уже знаютъ изъ предыдущихъ частей нашего романа, оставляемъ здѣсь разсказъ Послѣдняго Новика, но извлекаемъ изъ этого разсказа только то, что намъ нужно дополнить для ясности и связи происшествій.

Новикъ, отъ природы строптивый, пылкій, нетерпѣливый, взялся нести на себѣ ярмо ужасное и постыдное; притворствовать, обманывать, продавать себѣ подобнаго—такова была его обязанность! Но въ награду ему обѣщано отечество, и нѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился за эту цѣну.

Предвѣстники сѣверной войны разыгрывались. Согласно наставленіямъ Паткуля, Новикъ явился къ генералъ-фельдвахтмейстеру Шлиппенбаху, знавшему его прежде и любившему за игру на гусляхъ; открылъ, что онъ русскій, любимецъ Софьи, бѣглый стрѣлецъ, хотѣвшій убить Петра I; что онъ и теперь питаетъ

къ царю сильную ненависть, которую желаетъ и можетъ доказать услугами своими шведамъ. Онъ подкупленъ Паткулемъ, — прибавлялъ Новикъ, — вывѣдывать движенія войскъ въ Лифляндіи и духъ тамошняго дворянства; онъ долженъ вести съ нимъ переписку; въ доказательство представилъ нѣсколько писемъ, полученныхъ отъ него будто бы черезъ раскольниковъ, и, наконецъ, брался, несмотря на предосторожности хитраго измѣнника и врага Швеціи, заманить его современемъ въ западню, откуда ему не вырваться. Въ искренности рѣчей Послѣдняго Новика нельзя было сомнѣваться: драгоцѣнный образъ на груди его, даръ царевны, письма Софьи въ Выговскій скитъ, которыми она убѣждала своего питомца не покидать своей цѣли и надѣяться, что правое дѣло скоро восторжествуетъ; письма самого Паткуля — какихъ лучше свидѣтельствъ могъ требовать Шлиппенбахъ? Генералъ-фельдвахтмейстеръ всему повѣрилъ и предался своему лазутчику. Чтобы лучше обманывать Паткуля, обѣщано передавать ему время отъ времени извѣстія о томъ, что дѣлалось въ шведскомъ войскѣ. Денежныхъ наградъ шпіону не жалѣли; милостей безденежныхъ насулено еще болѣе въ случаѣ хорошаго исполненія; за измѣну обѣщана висѣлица. Но какая польза была Новику измѣнять? Въ Россіи ожидаетъ его плаха, а здѣсь, въ Лифляндіи, подъ покровомъ шведскаго могущества, онъ можетъ выйти въ люди и разбогатѣть! Условія сдѣланы, и Послѣдній Новикъ, подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга, снабженъ отъ Шлиппенбаха охраннымъ листомъ, которымъ, по высочайше дарованной военачальнику власти, велѣно по всей Лифляндіи и въ шведскомъ войскѣ *чинить* предъявителю всякое пособіе и покровительство. Первый опытъ усердія его къ пользѣ шведовъ былъ, по виду, жестокъ для противной стороны.

Война сѣверная все еще таилась подъ личиною дружескихъ увѣреній. Посланникъ польскій (Карловичъ), исполнивъ съ Паткулемъ свои дѣла въ Москвѣ, возвращался саннымъ путемъ черезъ Ригу. Товарищъ его обходилъ южный край Лифляндіи, посѣвая вездѣ неудовольствія къ шведскому правительству, и среди политическихъ заботъ, увлеченный сердцемъ, не оставилъ заплатить дань природѣ и взглянуть на свое родное пепелище. Посланникъ просилъ рижскаго коменданта Дальберга пропустить черезъ крѣпость обозъ его, вслѣдъ за нимъ ѣхавшій. Дано обѣщаніе. Въ обозѣ скрывалось множество оружія; при въѣздѣ его въ крѣпость долженъ былъ ворваться въ нее отрядъ польскихъ драгунъ, стоявшій на границахъ Курляндіи; отъ недовольныхъ и подкупленныхъ въ Ригѣ ожидали помощи. Стратагема оказалась неудачною, и потому Владиміръ далъ о ней знать коменданту. Взяты всѣ предосторожности встрѣтить непріятеля; послѣдствія извѣстны: не званныхъ, но жданныхъ гостей встрѣтили и съ урокомъ проводили; война открылась. Съ этого времени Послѣдній Новикъ пріобрѣлъ полную довѣренность той стороны, которую обманывалъ. Въ продолженіе же войны неоднократно утверждалъ онъ Шлиппенбаха въ этомъ чувствѣ къ нему новыми опытами своего усердія, большею частью запоздалыми, не имѣвшими значительной цѣнности, но выставленными такъ искусно, что принимались въ высокомъ курсѣ. Мы видѣли, какой перевѣсъ имѣли передъ этими дѣйствіями вѣрность и преданность сторонѣ русской, которой онъ доставлялъ во-время неоцѣненныя свѣдѣнія черезъ Паткуля, Ильзу и—кто подумалъ-бы?—черезъ Мурзенко. Управляя всѣми движеніями сокровенной политики своего истиннаго довѣрителя, онъ все зналъ о дѣйствіяхъ прочихъ лазутчиковъ его, но самъ, съ глубокими тайнами своей должности, извѣстенъ былъ

только ему одному и его служителю, Фрицу. Даже Никласзону, усердному, но коварному агенту его, выставленъ Вольдемаръ шпіономъ отъ шведовъ. Жертвы, принесенныя Послѣднимъ Новикомъ на алтарь отечества, куплены дорогою цѣною униженія, необыкновенныхъ трудовъ тѣлесныхъ и умственныхъ, сильныхъ душевныхъ страданій — достойныя жертвы для искупленія его проступка и полученія награды, столь пламенно преслѣдуемой! Но судьба обвила свою жертву крѣпкими, нерасторгаемыми узами, какъ змѣями, кокорыми опутаны были Лаокоонъ и дѣти его...

Объяснивъ дѣйствія Владиміра, столько способствовавшія русскимъ къ завоеванію Лифляндіи, дополнимъ изъ его жизни небольшіе промежутки въ происшествіяхъ, которыя помѣшали ему насладиться плодами своихъ трудовъ.

Бѣгство его изъ Выговскаго скита очень встревожило Денисова, боявшагося потерять съ нимъ милости Софьи, все еще продолжаемыя скиту на прежнихъ условіяхъ. Царевна-инокиня, уму которой удивлялся самъ Петръ Великій, знала все, что дѣлалось за стѣнами монастыря не только въ отечествѣ ея, но и при иностранныхъ дворахъ. Извѣстно, какіе слухи распустила она въ Вѣнѣ, во время путешествія своего брата по Европѣ, и сколько эти слухи поколебали было политику Австріи. Удивительно-ли послѣ того, что Софья провѣдала о бѣгствѣ своего питомца изъ скита и потомъ о появленіи его въ Лифляндіи? Преслѣдуя народные слухи, она отыскала солдата, бывшаго подъ Еррастферомъ и отпущеннаго за ранами изъ арміи Шереметева на свою родину въ Москву. Онъ разсказалъ ей всѣ обстоятельства сраженія, и Софья въ спасителѣ отряда Лимы угадала своего любимца. Догадки устрашили ее тѣмъ болѣе, что, во время бунта 1698 года, кончившагося ужаснымъ зрѣлищемъ нѣсколькихъ

сотъ человѣкъ, повѣшенныхъ передъ ея окнами, постельница ея подъ клещами пытки открыла правительству важную тайну, касавшуюся Послѣдняго Новика; и потому, боясь за него, боясь за себя и негодуя, что ея любимецъ предался сторонѣ, ей ненавистной, Софья писала къ Денисову убѣдить Владиміра возвратиться въ скитъ, а если убѣжденія не подѣйствуютъ — употребить самыя сильныя мѣры къ недопущенію его въ Россію, хотя-бъ это стоило ему жизни. Денисовъ, ободряемый милостями царевны, дружбою къ роду Милославскихъ (*коего сѣмя росло въ Россіи*, какъ изъяснялся Петръ I) и, наконецъ, ненавистью къ Нарышкинымъ, оттѣснившимъ его нѣкогда отъ важной государственной должности, началъ усердно отыскивать Владиміра по Лифляндіи и послалъ для преслѣдованія его старовѣровъ, преданныхъ своему чиноначальнику. Старцу Аѳиногену первому удалось встрѣтить его. Вѣстникъ этотъ открылъ ему волю и угрозы царевны, увѣщанія Денисова, страшную будущность, ожидавшую его въ отечествѣ, и неизъяснимое блаженство, приготовленное въ скитѣ покорному сыну православной церкви. Когда-жъ посланіе его не имѣло никакого успѣха, отправился, согласно даннымъ ему наставленіямъ, въ русскій станъ, подъ Нейгаузенъ, съ подметнымъ письмомъ. Мы видѣли, какъ онъ умеръ за бороду свою: видѣли, какія послѣдствія имѣло самое свиданіе патріарха поморскихъ изувѣровъ съ Владиміромъ въ домѣ лѣсника. Остальное намъ также извѣстно.

Послѣдній Новикъ кончилъ свое повѣствованіе признаніемъ, что онъ изнемогъ подъ усиленными ударами судьбы, и просьбою къ своимъ соотечественникамъ помолиться о спасеніи его души. Повѣствованіе было адресовано на имя князя Вадбольскаго, какъ человѣка, принимавшаго въ немъ, повидимому, сильное участіе—

человѣка, отъ котораго, за услугу свою подъ Гуммельсгофомъ, ожидаетъ онъ ходатайства за него у отечества.

Чтеніе исторіи Послѣдняго Новика оставило грустное впечатлѣніе въ сердцахъ собесѣдниковъ. Вадбольскаго тревожило какое-то сомнѣніе. Не менѣе того остался онъ преданъ несчастному.

Усилили поиски по Новикѣ, и все безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, при очисткѣ лѣса на ижорскомъ берегу, солдатамъ попался на глаза богатый складень, даръ царевны, сорванный убійцею съ груди своей въ минуту величайшихъ его страданій и брошенный въ кусты. Драгоцѣнная находка представлена фельдмаршалу; объявлено по войску, не отыщется ли хозяинъ. Какъ скоро Вадбольскій взглянулъ на образъ, тотчасъ отгадалъ, кому онъ принадлежитъ. Мѣсто, гдѣ онъ найденъ, освидѣтельствовано. Близъ него, по разнымъ частямъ лѣса, валялись человѣческія кости. (Вѣроятно, что тѣло Денисова въ мученіяхъ предсмертныхъ свалилось съ костра, на который положилъ его *жидовинъ*, и потомъ расхищено звѣрями.) Не оставалось сомнѣнія для друзей Послѣдняго Новика, что онъ или убитъ раскольниками и растерзанъ волками, или просто сдѣлался жертвою послѣднихъ. Мурзенко, узнавъ объ этомъ, бросился палить раскольничьи селенія и забирать ихъ сотнями, отсылая въ Россію.

Долго горевали о Послѣднемъ Новикѣ, еще дольше о немъ говорили и, наконецъ, забыли его, какъ забываютъ въ мірѣ все, что въ немъ не вѣчно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ 1704 ГОДА

Родная! гдѣ-же ты? Увидимся-ль съ тобой?
Приди; я жду тебя все также сиротою—
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинутъ былъ тобою!

Козловъ.

Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
Да черное сукно,
Да три шага земли, земли,
Намъ нужны всѣмъ равно.

„Гамлетъ". — Перев. *М. В.*

Въ одинъ лѣтній день 1704 года, когда звонъ вечерній тяготѣлъ надъ Москвою, шелъ нищій, одинъ-одинехонекъ, по обширному полю, растилавшемуся отъ города до Новодѣвичьяго монастыря. Этотъ нищій не походилъ на своихъ собратьевъ: рубищамъ и сумѣ измѣняло какое-то душевное благородство; оно изображалось на его лицѣ и нерѣдко вспыхивало въ его помутившихся глазахъ. Ему могло быть съ небольшимъ 30 лѣтъ, но замѣтно было, что удары гнѣвной судьбы, наперекоръ времени, означались на всемъ его существѣ слѣдами ранняго разрушенія. Это свидѣтельствовали лобъ, изрытый глубокими бороздами, сѣдины, пробившіяся сквозь смоль его волосъ, падавшихъ въ безпорядкѣ по плечамъ, сгорбленный, высокій станъ, дро-

жащія руки. Онъ нерѣдко останавливался на пути своемъ, скидалъ шапку, какъ бы мыслилъ о святынѣ, осматривался кругомъ; казалось, то любовался зрѣлищемъ Москвы, возносившей золотыя главы своихъ церквей изъ безконечнаго табора домовъ, то восторженнымъ взоромъ преслѣдовалъ блестящія излучины Москвы-рѣки и красивые берега ея, то прислушивался къ звону колоколовъ. Въ это время станъ его распрямлялся; пасмурное лицо свѣтлѣло, слабый румянецъ пробѣгалъ по щекамъ, улыбка порхала на помертвѣлыхъ губахъ и въ глазахъ его блистали слезы. Въ одно мгновеніе ока все измѣнялось. Какъ человѣкъ, смотря на солнце, вдругъ ослѣпленъ его блескомъ, онъ вздрагивалъ, опускалъ голову и взоры въ землю и опять медленными шагами пробирался по тропѣ къ Новодѣвичьему монастырю, нерѣдко спотыкаясь о камни, попадавшіеся ему подъ ноги. Лицо его подергивалось облакомъ унынія; тяжелый воздухъ потрясалъ его грудь, и губы лепетали молитву покаянія.

Вотъ онъ у монастырскихъ воротъ осматривается кругомъ; руками, дрожащими болѣе обыкновеннаго, творитъ крестныя знаменія передъ образомъ Божіей Матери; вотъ уже проходитъ монастырскій дворъ и становится на паперти въ ряду своей нищей братіи. Между глубокими вздохами изученной скорби его товарищей не слышно его вздоха; онъ недвижимъ, какъ гробовая плита. Вечернее моленіе кончилось. Монахини выходятъ изъ церкви, и между ними одна... Кто подъ иноческимъ покрываломъ и рясою, подъ наружностью старухи, не узналъ бы въ ней той, которая нѣсколько разъ силилась вырвать державу изъ могучихъ рукъ Петра Великаго, которая чувствовала себя столько способною царствовать, но не была на то опредѣлена Провидѣніемъ? Инокиня Сусанна видомъ все еще царевна Софья. Взоръ ея попрежнему пове-

лѣваетъ и очаровываетъ; невольнымъ уваженіемъ преслѣдуютъ ее, нынѣ ей равныя, подруги; кажется, все, ее окружающее, страшится еще въ затворницѣ будущей владычицы Россіи. Она раздаетъ милостыню нищимъ; рука ея протянута къ тому, котораго мы изобразили... взоры ихъ встрѣчаются... деньги падаютъ изъ дрожащихъ рукъ его... Она... Боже мой! на устахъ ея замираетъ слово, которое готова была произнести; смертная блѣдность покрываетъ ея лицо, и Сусанна падаетъ на руки монахинь. Съ поспѣшностью уносятъ ее въ келью.

Народъ давно вышелъ изъ монастыря; храмъ пустъ; нищій все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Кажется, онъ чего-то ожидаетъ.

И вотъ — подходитъ къ нему старая монахиня и шепотомъ зоветъ его за собою. Онъ повинуется; онъ въ кельи инокини Сусанны!

Они остались вдвоемъ; никто не слыхалъ ихъ разговора. Видѣли только, что, когда таинственный нищій выходилъ оттуда, слезы струились по разгоররѣвшимся его щекамъ, прежде столь блѣднымъ.

Съ того времени Сусанна опасно занемогла.

3-го іюля, въ 6 часовъ утра, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ ударили три раза съ протяжною разстановкою въ большой колоколъ. Таинственный нищій сидѣлъ на лавкѣ у монастырскихъ воротъ; онъ вздрогнулъ, привсталъ и судорожнымъ движеніемъ три раза перекрестился, возведя къ небу полные слезъ глаза.

Скоро пронеслась вѣсть, что инокиня Сусанна скончалась. Передъ смертью она приняла схиму подъ именемъ Софіи — именемъ, которое носила, бывъ царевной и владычицей Россіи!...

5-го іюля великолѣпная похоронная процессія наполняла пространство Новодѣвичьяго монастыря. Мно-

жество народа сопровождало ее. Таинственный нищій шелъ за гробомъ.

Когда гробъ стали опускать въ землю, нищій хотѣлъ продраться къ нему ближе. Его отталкивали; но онъ сдѣлалъ усиліе... вскрикнулъ: *пустите! она...* Болѣе не могъ онъ ничего говорить и безъ чувствъ упалъ на землю.

Таинственный нищій былъ — Послѣдній Новикъ. Онъ не выдержалъ; онъ пришелъ на родину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПИСЬМО ИЗЪ-ДАЛЕКА

Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье.
Пушкинъ.

Дерптъ и Нарва,—послѣднія твердыя связи, которыми сердце Лифляндіи держалось еще къ шведскому правительству,—были взяты, и вслѣдъ затѣмъ русскіе торжествовали надъ своими непріятелями ежегодно по нѣскольку побѣдъ на сушѣ и на водахъ. Сбывались предсказанія Паткуля: мщеніе его дѣлами отвѣчало на угрозы двухъ королей; почти вся Лифляндія принадлежала уже Россіи. Вотъ все, что мы находимъ нужнымъ сказать о происшествіяхъ въ четыре года, послѣдовавшіе за смертью Софьи. Теперь попросимъ читателя на коврѣ-самолетѣ воображенія перенестись въ 1707 годъ.

Шведскіе плѣнные были разсыпаны по многимъ городамъ Россіи. Густавъ Траутфеттеръ проводилъ время своего скучнаго заточенія въ Коломнѣ (за 100 верстъ отъ Москвы). Квартира ему была назначена у одного богатаго купца, смотрѣвшаго на постояльца своего, какъ обыкновенно невѣжественный классъ русскихъ смотритъ на иностранца—существо,

которое въ глазахъ ихъ есть нѣчто между человѣкомъ и животнымъ. Съ нимъ вмѣстѣ никогда не ѣли, не пили; для него была даже собственная посуда, оскверненная устами бусурманскими. Впрочемъ, хозяинъ ласкалъ его, исправно натапливалъ печь въ его комнатѣ и потчивалъ его пирогами, говядиной и медомъ хоть до упаду. Надо прибавить, что щедрыя денежныя посылки отъ неизвѣстной особы давали ему способы жить прилично своему званію и даже помогать товарищамъ плѣна, большею частью содержавшимъ себя трудами рукъ своихъ. Нерѣдко дочери хозяина, двѣ пригожія дѣвушки, изъ затворническихъ своихъ свѣтлицъ то бросали цвѣты въ милаго незнакомца, то нѣжили слухъ его заунывными пѣснями. Но Густавъ былъ равнодушенъ къ этимъ знакамъ сердечнаго вниманія. «Какъ! — скажутъ нѣкоторые свѣтскіе люди— какъ! быть вѣрну пять лѣтъ? C'est presque le siège de Troyes!» Да, милостивые государи, онъ любилъ Луизу, какъ никогда еще: въ разлукѣ, въ плѣну, въ обществѣ людей непросвѣщенныхъ, образъ ея, не покидая его, всегда стоялъ у него на стражѣ отъ всѣхъ искушеній. Сердце Густава помнило только одинъ даръ любви, привѣтъ однихъ глазъ, понимало только одно увѣреніе, которое, казалось ему, произносила Луиза своимъ волшебнымъ голосомъ: «*Густавъ! сказать-ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это давно знаешь!*» Взамѣнъ попеченій о немъ Паткуля, находившагося уже нѣсколько лѣтъ посланникомъ отъ россійскаго двора при королѣ польскомъ, не оставляли его благодѣянія скрытнаго генія, присылавшаго уже нѣсколько разъ извѣстія о Луизѣ:

«Луиза здорова. — При взятіи русскими Дерпта съ нею ничего худого не случилось.—Есть вѣрныя извѣстія, что она васъ попрежнему помнитъ и любитъ.— Надѣйтесь!»

Вотъ что писали къ нему въ разныя времена, услаждая, такимъ образомъ, грустное его изгнанничество. Рука была незнакомая. Сначала довольно поломалъ онъ себѣ голову, чтобы открыть, кто давалъ ему извѣстія; но впослѣдствіи оставилъ эту заботу, довольный, что есть человѣкъ въ Россіи, который желаетъ ему добра. Въ 1707 году прекратились вдругъ свѣдѣнія о фамиліи Зегевольдъ. Истомившись въ надеждахъ на лучшую будущность и не видя имъ исполненія, онъ предался отчаянію. Все помрачилось въ его глазахъ: и природа, и люди. Въ первой, казалось ему, времена года измѣнили свой порядокъ, земля лишалась уже солнечной теплоты, отброшенная гнѣвомъ Провидѣнія въ низшую сферу міровъ. Человѣкъ представлялся ему существомъ несчастнѣйшимъ, пущеннымъ на эту земную глыбу для страданій. Неожиданное письмо, имъ полученное, сколько обрадовало его сначала почеркомъ руки, написавшей адресъ, столько же содержаніемъ своимъ переполнило чашу горести, поднесенную ему судьбою. Письмо было отъ двоюроднаго брата его.

«Немалаго труда стоило мнѣ сыскать случай доставить тебѣ это посланіе, милый братъ и другъ!— писалъ Адольфъ, — оно сдѣлаетъ большія извилины, пока дойдетъ до тебя. Но, завоевавъ этотъ случай золотымъ орудіемъ, не знаю, съ чего начать письмо. Голова моя идетъ кругомъ, сердце такъ преисполнено горести, досады, негодованія, что я не приберу для нихъ выраженій. «*Суета суетъ и всяческая суета!*» вотъ слова, которыя я, вѣтренникъ, каковымъ ты знавалъ меня, рѣдко заглядывавшій въ Священное Писаніе, нынѣ твержу безпрестанно: вотъ слова, вырывающіяся у меня теперь изъ груди, служащія мнѣ якоремъ для утвержденія на нихъ моего посланія.

«Ты счастливъ! да, повторяю тебѣ, ты счастливѣе меня во сто разъ. Въ скучномъ изгнаніи своемъ, въ разлукѣ съ милыми сердцу, ты вознагражденъ любовью Луизы, о которой—прости мнѣ!—не могу говорить и до сихъ поръ безъ того, чтобы средь бѣла дня у меня въ глазахъ не мутилось и сердце не поворачивалось, какъ въ смоляномъ кипяткѣ. Ты знаешь, что прелестнѣйшая изъ женщинъ тебя любитъ; ты обладаешь еще благомъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ — надеждою! А я?... растерявъ свое сердце по всѣмъ дневкамъ нашихъ походовъ, убѣгая отечества, разореннаго и едва-ли не завоеваннаго русскими, убѣгая мѣстъ, гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ стыдъ нашего оружія, ѣду въ главную армію, чтобы отдохнуть хотя среди побѣдъ моего короля и славы шведовъ—и чтожъ? какъ будто нарочно, пріѣзжаю къ цѣли своихъ желаній для того только... Ты знаешь, что я не трусливаго десятка, видалъ довольно хладнокровно смерть въ разныхъ ея каррикатурныхъ образахъ на поляхъ битвъ; но, собираясь начертать тебѣ роковыя слова, дрожу, какъ въ лихорадкѣ, не могу совладать съ перомъ... Дай мнѣ настроить свои силы, чтобы приступить къ ужасному описанію; собери и ты все присутствіе своего духа, чтобы читать его. Начну издалека и опять обопрусь на якорѣ священныхъ словъ: «*Суета суетъ и всяческая суета!*»

«Послѣ письма, которое я старался доставить тебѣ надежными путями, и въ которомъ описывалъ подробно все, со мною, или, лучше сказать, съ нами случившееся съ того времени, какъ мы расталась [1]), я былъ заключенъ въ Дерптѣ до взятія его русскими. Лифляндцы отстаивали крѣпость, какъ любовникъ милую

---

[1]) Письмо это не было доставлено Густаву по причинамъ, не извѣстнымъ автору.

ему особу отъ нападеній соперниковъ; однакожъ, не устояли противъ множества осаждавшихъ, личнаго мужества и искусства вѣнчаннаго героя. Да, милый другъ, и я теперь скажу: «Петръ-герой истинный!» Гарнизонъ, по условію, долженъ былъ выйдти изъ крѣпости безъ знаменъ и оружія; но великодушный побѣдитель, уваживъ въ непріятеляхъ необыкновенное мужество, съ которымъ они противились ему, возвратилъ офицерамъ шпаги и третьей части солдатъ ихъ ружья. Признаюсь, такой поступокъ отъ повелителя дикихъ народовъ тронулъ, восхитилъ меня. Я смотрю теперь на Петра другими глазами, безъ предубѣжденія, которое мы привыкли питать къ нему.

«Пріѣхавъ въ главную армію, я засталъ короля на торжественной колесницѣ, отнимающаго вѣнцы и раздающаго ихъ. Все трепетало имени шведскаго. Чтожъ изъ этого для нашего отечества? думали лифляндцы, и попрежнему шли проливать свою благородную кровь за упрямство короля.

«Августъ, скитаясь изгнанникомъ по Польшѣ, старался малодушными жертвами умилостивить побѣдителя: преклонивъ колѣна, онъ молитъ о пощадѣ. Карлъ требовалъ, чтобы противникъ его навсегда отказался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго и—кто-бъ помыслилъ, чтобы завоеватель царствъ, дарившій ихъ, какъ игрушки, жадничалъ болѣе всего пріобрѣтеніями одного человѣка? — онъ потребовалъ выдачи Паткуля. Министры Августа не любили нашего дядю за его рѣзкій, благородный до излишней смѣлости характеръ, и особенно за то, что онъ, бывъ преданъ выгодамъ своего новаго государя, Петра I, всегда предупреждалъ козни поляковъ противъ него. Это былъ громъ, заставлявшій грѣшниковъ перекреститься. Самъ Августъ видѣлъ въ Паткулѣ зоркаго, неподкупнаго соглядатая всѣхъ своихъ дѣйствій, слабыхъ, дву-

смысленныхъ и не всегда благородныхъ. Его польско-саксонское величество имѣло крѣпко на сердцѣ, что посланникъ при дворѣ его потребовалъ отъ него нѣкогда отчета въ *субсидныхъ* деньгахъ, присланныхъ вѣрнымъ союзникомъ и употребленныхъ королемъ на подарки разнымъ женщинамъ; онъ зналъ также, что Паткуль слѣдилъ всѣ намѣренія его сблизиться съ Карломъ и своею политикою мѣшалъ этому сближенію. Однимъ словомъ, Паткуль былъ пожертвованъ малодушію Августа, зависти и недоброжелательству его министровъ и мщенію Карла.

«Все, что будешь читать теперь, почерпнуто изъ слѣдственнаго дѣла, находившагося у меня въ рукахъ, и изъ свѣдѣній, изустно мнѣ переданныхъ лицами, разыгрывавшими ужасное происшествіе, какому не было еще примѣра. Многое, что описываю, видѣлъ я собственными глазами.

«Оставивъ неудачное командованіе надъ русскими войсками въ Польшѣ, Паткуль находился то въ Дрезденѣ, то ѣздилъ въ Берлинъ. Возвратясь изъ Пруссіи къ саксонскому двору, въ литературныхъ занятіяхъ онъ находилъ сладостный отдыхъ отъ политическихъ трудовъ. Какъ бы предчувствуя скорый конецъ своего бурнаго поприща, онъ написалъ нѣсколько сочиненій, служащихъ къ оправданію его дѣйствій съ того самаго времени, какъ избранъ былъ ходатаемъ за права своихъ соотечественниковъ у шведскаго престола. Хиромантія, которую, какъ извѣстно тебѣ, любилъ этотъ необыкновенный человѣкъ, похищала также не мало времени изъ жизни столько дѣятельной, которая бы могла быть столько полезною для его отечества, если бы своекорыстные разсчеты одного короля и мщеніе другого не отняли его у нашей бѣдной Лифляндіи. Наконецъ, на 42-мъ его году Гименей готовился поднести ему самый роскошнѣйшій цвѣтокъ, какой ро-

дился въ садахъ міра: прелестная саксонка Ейнзидель уже съ кольцомъ обручальнымъ отдала ему свое сердце. Между тѣмъ коварная судьба, усмѣхаясь, точила свои орудія на жертву, которую за нѣсколько часовъ сама окружила всѣмъ очарованіемъ земного счастія. 19-го декабря [1]) 1705 года, въ 11 часовъ вечера, только-что успѣлъ онъ лечь въ постель и уснуть,—вѣроятно, съ пріятными грезами,—исполнители власти, слишкомъ малодушной и несправедливой, чтобы дѣйствовать днемъ, вторгаются въ квартиру нашего дяди, будятъ его безъ всякой жалости и снисхожденія, обыкновенно въ этомъ случаѣ оказываемыхъ даже преступнымъ, не даютъ ему времени одѣться и за строгимъ карауломъ увозятъ его въ крѣпость Зонненштейнъ. Тамъ бросаютъ его за желѣзную рѣшетку и оставляютъ нѣсколько дней безъ пищи. Бумаги его запечатаны; секретари, кромѣ Никласзона, умѣвшаго и на этотъ разъ выпутаться изъ бѣды, и служители заключены также по разнымъ отдѣленіямъ крѣпости. Одинъ Фрицъ, обреченный еще разъ служить его избавленію, находился въ то время, по дѣламъ своего господина, въ Берлинѣ. Слухъ о необыкновенномъ заточеніи посланника обѣжалъ скоро по всѣмъ дорогамъ и встрѣтилъ вѣрнаго служителя на возвратномъ пути его. Онъ прибылъ таки въ Дрезденъ, но, укрываясь у друзей своего господина, посвятилъ всего себя его спасенію. Взялась содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ—кто?—какъ бы ты думалъ?—дочь пастуха! Да, любезнѣйшій другъ, теперь только узналъ я, что можетъ женщина, которая *любитъ!*... Это дивное созданіе, передъ которымъ все возвышенное, все благородное, должно пасть на колѣна, швейцарка Роза. Дочь бѣднаго пастыря, вызванная вмѣстѣ съ отцомъ своимъ

---

[1]) Нов. ст.

изъ Альпійскихъ горъ, гдѣ Паткуль укрывалъ нѣкогда свою изгнанническую голову, она имѣла несчастіе предаться всею душою этому обольстительному сыну рока. Отца, родину, долгъ, промѣняла она на любовь; весь свой міръ вмѣстила въ немъ въ одномъ. Когда Роза, вмѣстѣ съ отцомъ, возвращалась съ мызы Блументроста въ Швейцарію, и когда узнала, что онъ ни за что не рѣшается идти въ Дрезденъ, гдѣ любовникомъ ея назначено ей было свиданіе, она бросила старика и понесла свои великія жертвы къ ногамъ своего идола. Одинъ взглядъ любви заставилъ бы Розу все забыть, кромѣ этой любви. Каковъ же былъ для нея ударъ, когда она съ сердечнымъ трепетомъ, съ мечтами о сладостной наградѣ, прибывъ въ Дрезденъ, узнала на порогѣ Паткуля жилища, что онъ сговоренъ на Ейнзидель! Эта вѣсть была для нея громовымъ ударомъ. Нѣсколько дней ходила она, какъ полуумная, безъ сна, безъ пищи; мальчишки начали бросать въ нее грязью, привѣтствуя ее именемъ дурочки; сострадательныя сердца готовились пристроить ее въ домъ умалишенныхъ. Вѣсть о несчастіи Паткуля оживила ее; все къ ней возвратилось: разсудокъ, силы тѣлесныя и душевныя, воля все побѣждающая—воля любви. Прекрасная Ейнзидель долго плакала по женихѣ своемъ (говорятъ, что она и теперь не замужемъ!). Роза дѣйствовала. Давши руку Фрицу на жизнь и на смерть для спасенія человѣка, имъ столь драгоцѣннаго, она не словами, а дѣломъ начала доказывать свои чувства. Никласзонъ взялся также имъ помогать, какъ онъ говорилъ, въ изъявленіе признательности за великія благодѣянія, оказанныя ему Паткулемъ.

«Труды ихъ не остались тщетными. Роза умѣла, подъ видомъ торговки сыромъ, пробраться въ крѣпость, найти доступъ къ коменданту и, наконецъ, къ затворнику. При свиданіи съ Паткулемъ, она забыла его

вины; благодарность, казалось, возвратила ей любовь друга, но это была только благодарность. На груди Розы несчастный вздыхалъ объ Ейнзидель. Комендантъ, изъ сожалѣнія ли къ своему плѣннику, или задаренный деньгами, началъ обходиться съ нимъ милостивѣе и даже позволилъ вести переписку съ довѣренными ему особами. Слѣдствіемъ ея были жаркія представленія посланниковъ разныхъ дворовъ саксонскому курфюрсту, въ томъ числѣ князя Голицына, объ оскорбленіи, нанесенномъ государямъ ихъ въ лицѣ представителя русскаго монарха. Августъ боялся Петра, боялся мнѣнія свѣта, и потому колебался было освободить своего плѣнника; но, испуганный новыми побѣдами Карла, оставилъ попрежнему Паткуля въ заключеніи. Переписка открыта; плѣнникъ переведенъ въ Кенигштейнъ, подъ строжайшій присмотръ, а человѣколюбивый комендантъ зонненштейнскій казненъ. Мщеніе не извиняетъ жалости.

«Ты слыхалъ, что такое Кенигштейнъ: твердыня на неприступной скалѣ, куда нога непріятельская никогда не клала своего слѣда и, вѣроятно, никогда не положитъ. И туда умѣли пробраться любовь Луизы и вѣрность Фрица. Разсказываютъ, что комендантъ кенигштейнскій, несмотря на ужасный примѣръ, въ его глазахъ совершенный, склонился было за тельца золотого осводить нашего дядю, но что Паткуль слишкомъ понадѣялся на заступленіе Петра, на важность своего сына и великодушіе Августа и отказался купить себѣ свободу цѣною денегъ

«Однажды, въ часъ свиданія, дорого купленный, Роза приноситъ плѣннику письмо—отъ кого, думалъ бы ты?—отъ Ейнзидель. Роза поймала въ глазахъ своего друга желаніе и спѣшила исполнить его; сходила въ Дрезденъ, объявила невѣстѣ Паткуля, что нѣсколько строкъ ея руки утѣшатъ затворника, получила отъ

нея письмо, несла нѣсколько миль свинцовое бремя у сердца своего и эту новую жертву положила къ ногамъ своего кумира, чтобы въ глазахъ его прочесть себѣ награду. Я не прибавляю ничего; слова недостаточны для изъясненія этого подвига: твое сердце оцѣнитъ его!..

«Бывъ въ свитѣ нашего короля, я узналъ о заточеніи дяди только въ Гутсдорфѣ, гдѣ Карлъ и Августъ имѣли свиданіе на квартирѣ нашего министра Пипера. Не думай, чтобы два соперника, столь различные, однакожъ, своимъ положеніемъ, сошлись такъ близко для бесѣды о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Карлъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, началъ разговоръ своими сапогами, продолжалъ сапогами и кончилъ ими же. Несмотря, что рѣчь шла только о ногахъ, Августъ долженъ былъ снять съ головы корону и, скрѣпя сердце, поздравить съ нею новаго польскаго короля, указаннаго мечомъ побѣдителя. Этимъ свиданіемъ рѣшена и передача нашего дяди въ полное распоряженіе Карла. Я попытался просить его величество о помилованіи; но онъ былъ неумолимъ. Сѣверный левъ не могъ удержать своего восторга, что поймалъ жертву, столь долго издѣвавшуюся надъ его силою; онъ рѣшился продлить еще на нѣсколько времени жизнь ея, чтобы насладиться долѣе своимъ мщеніемъ. Повѣришь ли, какъ былъ низокъ великій Карлъ XII въ эти минуты!.. Если попадутся его величеству эти строки, пускай насытитъ онъ вновь жажду крови надъ благороднымъ лифляндцемъ, не разъ проливавшимъ ее за него».

Здѣсь рукою Карла XII написано было: «*Читалъ и велѣлъ доставить письмо по адресу. Траутфеттеръ— не Паткуль*».

«Шведскій отрядъ подъ начальствомъ двухъ лифляндцевъ (барона Ротгаузена и капитана Стакельберга

принялъ въ свое завѣдываніе Паткуля и отвелъ его въ Рейхардсгриммъ, гдѣ находилась шведская главная квартира. Королевское мщеніе, получивъ надзоръ за плѣнникомъ лифляндцемъ, казалось, хотѣло посмѣяться надъ отечествомъ нашимъ. Бѣдная Лифляндія! Мало тебѣ, что за твою вѣрность предали тебя огню и мечу непріятельскому; надъ тобою еще безстыдно ругаются. Но—Богъ милостивъ часъ твоего избавленія наступаетъ.

«Другъ мой! я видѣлъ *его* — сердце замираетъ отъ одного воспоминанія этого зрѣлища — я видѣлъ благороднѣйшаго изъ лифляндцевъ, прикованнаго къ позорному столбу. Капитанъ дежурный не могъ отказать мнѣ въ свиданіи; но легче бъ мнѣ было не испрашивать его. Страданія истомили тѣло несчастнаго; онъ походилъ на мертвеца: ржавчина желѣзъ въѣлась въ его руки; но какой сильный духъ еще въ немъ обиталъ! Рыдая, палъ я въ его объятія.

«Другъ мой! — сказалъ онъ, — ты плачешь, увидя меня въ такомъ положеніи. Знаешь-ли, что эти цѣпи— мое торжество? Это обрывокъ тѣхъ цѣпей, которыми я опуталъ вашего Карла и подъ которыми онъ скоро изнеможетъ. Звукъ ихъ,—прибавилъ онъ, гремя желѣзами,—есть отголосокъ міра, приговоръ потомства несправедливой власти. Свѣтъ былъ ослѣпленъ на счетъ Карла XII: я доказалъ, что можно его побѣдить; мой плѣнъ открылъ глаза свѣту. Слава его пала навсегда! не воскресятъ ее тысячи побѣдъ. Напротивъ, моя возвышается этимъ униженіемъ, этими цѣпями; онѣ говорятъ сильнѣе за меня, нежели само предстательство Петра Великаго и дворовъ европейскихъ. Впрочемъ, я не потерялъ еще надежды... Да! голосъ Великаго не ходатайствуетъ нигдѣ вотще! Но если погибну жертвою мщенія, то завѣщаю будущимъ вѣкамъ позоръ Карла XII и величіе моихъ несчастій. Лиф-

ляндія! о мое отечество! я желалъ тебѣ добра: безкорыстный защитникъ твоихъ правъ это доказалъ; я желаю тебѣ добра!—будутъ послѣднія слова, которыя произнесу, умирая за тебя.

«Несчастный говорилъ много, съ необыкновенною силой и жаромъ; глаза его горѣли, грудь сильно поднималась. Звуки цѣпей, повременамъ потрясаемыхъ, казались мнѣ громовыми текстами, которымъ онъ придавалъ своей проповѣди особенную силу. Вдругъ, посреди его движеній, суставъ на одной рукѣ его отъ худобы хрустнулъ, кисть сдвинулась съ мѣста.

«— Другъ мой! — сказалъ онъ довольно твердо,— справь мнѣ руку, по-солдатски. Это не первый разъ!

«Скрѣпя сердце, я взялъ на себя должность костоправа и помогъ несчастному, сколько умѣлъ.

«— Какъ тѣло немощно! прибавилъ онъ, — одно легкое движеніе измѣняетъ его; но духъ—о! его перенесу я съ земли къ ногамъ Творца моего въ цѣлости, въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его отъ Творца!..

«Потомъ разспрашивалъ онъ меня долго о тебѣ, о Луизѣ! присовокупилъ, что онъ не будетъ спокоенъ и на томъ свѣтѣ, если твоя судьба не устроится по обѣщанію его и твоему желанію.

«— Густавъ любитъ такъ много и равно любимъ,— сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ. — Мнѣ писали, что одна особа, близкая царю, продолжаетъ устраивать его счастіе. Ахъ! и я думалъ наслаждаться подобнымъ счастіемъ!... Другъ мой! если будешь въ Дрезденѣ, скажи моей Ейнзидель, что я, умирая, думалъ о ней, что у позорнаго столба... Нѣтъ, нѣтъ, не говори послѣдняго! Робкая любовь ея вообразитъ себѣ всѣ ужасы моего положенія, и Паткуль предстанетъ ей въ видѣ презрѣнномъ, ужасномъ... Презрѣніе!... Мысль объ этомъ чувствѣ поворачиваетъ вверхъ-дномъ все мое существо. Страсть, дружба не боятся такого зрѣлища;

но его испугается чувство, воспитанное въ нѣгѣ, въ придворной роскоши, окруженное лучами славы и удовольствій. Скажи только моей невѣстѣ, что ея воспоминаніе обо мнѣ усладитъ послѣднія минуты моей жизни.

«Изъ глазъ несчастнаго закапали слезы на изсохшую грудь его и оттуда пали на желѣзо. Я плакалъ съ нимъ вмѣстѣ.

«Голосъ дежурнаго офицера прекратилъ нашу бесѣду. Насъ разлучили. При выходѣ изъ сарая (нельзя иначе назвать мѣсто, гдѣ содержался Паткуль), я встрѣтилъ добраго Фрица и подлѣ него увидѣлъ Розу—можно было угадать сейчасъ это дивное твореніе. Она сидѣла на голой землѣ, сложивъ голову на грудь и потупивъ томные взоры туда, гдѣ душа оставляетъ навсегда свои тѣлесные оковы. Повѣришь-ли, милый другъ, что она съ Фрицомъ откупала себѣ мѣсто подлѣ тюрьмы или большими деньгами, или трудами, не свойственными ея полу? Присовокупи къ этимъ жертвамъ грубыя ласки и насмѣшки солдатчины... Какъ скоро имя дяди нашего коснулось ея слуха, она встрепенулась, начала ловить въ глазахъ моихъ чувство, которое я несъ изъ заточенія несчастнаго, и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ нашему разговору. Видно, что сильная любовь особенно изощряетъ чувства; ибо нѣкоторыя слова, сказанныя мною такъ тихо, что старикъ, подлѣ меня стоявшій, едва могъ ихъ слышать, отпечатывались вѣрно на лицѣ ея. Прелестное душой и тѣломъ твореніе! ты достойна была бъ лучшей участи.

«Фрицъ намекнулъ мнѣ о надеждѣ... Высшая власть уже приговорила Паткуля къ казни; между тѣмъ, для обряда, желая казаться справедливою, приказала военному суду заняться процессомъ несчастнаго. Можно было заранѣе угадать, какое зрѣлище послѣдуетъ за этой комедіей!...

«Изъ Саксоніи вывезли Паткуля въ закрытой повозкѣ, въ которой проверчено было нѣсколько скважинъ для воздуха. 30 солдатъ генерала Мейерфельда полка, состоявшаго изъ однихъ лифляндцевъ, прикрывали его путешествіе въ Польшу. 27-го сентября долженъ былъ печальный поѣздъ прибыть въ Казиміръ, гдѣ 30-го числа назначено колесовать несчастнаго.

«На другой день по прибытіи Паткуля въ Казиміръ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ городскую тюрьму, полковой священникъ, магистръ Гагенъ, получивъ тайное повелѣніе приготовить его къ смерти, пришелъ къ нему въ 3 часа пополудни. Явленіе духовной особы разъяснило несчастному его судьбу.

«— Я пришелъ утѣшить васъ дарами Священнаго Писанія,—сказалъ Гагенъ.

«— Благодарю васъ, отецъ мой,—отвѣчалъ Паткуль дрожащимъ голосомъ, взявъ его за руку, — съ этимъ вмѣстѣ несете вы мнѣ, конечно, другія важныя вѣсти.

«Гагенъ поклонился офицеру, тутъ же находившемуся, шепнулъ ему что-то на ухо и, когда онъ вышелъ, обратился съ чувствомъ и твердостью къ дядѣ нашему:

«— Выслушайте отъ меня, благороднѣйшій господинъ, то, что произнесъ нѣкогда пророкъ Исаія царю Езекію: «*устрой свой домъ, ибо ты долженъ умереть* и до вечера завтрашняго-жъ дня оставить міръ сей».

«Эта вѣсть, казалось, поразила узника, не терявшаго до сего времени надежды; онъ бросился на постель и плакалъ. Но это малодушіе было только мгновенною данью природѣ. Вскорѣ успокоился онъ, присѣлъ на скамейку къ пастору и съ краснорѣчіемъ, ему свойственнымъ, излилъ передъ нимъ оправданіе своей политической жизни.

«— Несправедливая редукція и личная ненависть временщика, Гастфера, вотъ мое преступленіе!—гово-

рилъ онъ. — Швеція упрекаетъ меня, что я пошелъ служить ея непріятелямъ. Но оставилъ-ли я ее, счастливый, въ честяхъ, съ насмѣшками и угрозами? Я бѣжалъ изъ нея, какъ изгнанникъ, спасая свою голову. Куда было дѣваться мнѣ? не въ землю-жъ укрыться! По вѣрѣ своей, и въ монастырѣ не могъ я найти убѣжища. Я все употребилъ, чтобъ умилостивить двухъ королей; но мою преданность, мою покорность презрѣли. Не этого хотѣла самолюбивая власть: она хотѣла примѣрно наказать меня за то, что я осмѣлился возвысить предъ нею голосъ на защиту правъ моего отечества, что я вздумалъ изобличить несправедливость ея избранныхъ и ея самой. Въ позорѣ и смерти моей видѣла она свое личное торжество и униженіе смѣлой истины...

«Здѣсь духовникъ прервалъ Паткуля, напомнивъ ему, что не время заниматься дѣлами земли. Осужденный съ жаромъ взялъ руку Гагена и сказалъ:

«— Дайте мнѣ малый срокъ заплатить дань земному; послѣ того не услышите отъ меня ни слова о презрѣнныхъ вещахъ здѣшняго міра.

«Паткуль говорилъ еще о своихъ услугахъ прусскому королю и римскому императору; говорилъ, сколько тысячъ талеровъ роздалъ онъ шведскимъ плѣннымъ въ Москвѣ, разразился негодованіемъ на малодушіе Августа и, наконецъ, почитая себя оправданнымъ въ своей политической жизни, отпустилъ духовника до ближайшаго свиданія.

«Въ 7 часовъ вечера Гагенъ посѣтилъ опять узника. На этотъ разъ засталъ онъ его совершенно успокоеннымъ.

«— Добро пожаловать!—сказалъ Паткуль съ веселымъ видомъ.—Вы, какъ ангелъ Божій, приходите къ затворнику. Съ сердца моего спало тяжелое бремя; я чувствую въ себѣ большую перемѣну. Радуюсь, что

долженъ умереть; неволя мучительнѣе смерти! лишь бы смерть была скорая!... Не знаете-ли къ чему я приговоренъ?

«Гагенъ отвѣчалъ, что приговоръ остается для него тайною и только извѣстенъ высшему начальнику.

«— Ахъ! и это почитаю милостью! — воскликнулъ несчастный.—По крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ-ли мнѣ судебнымъ порядкомъ допросы?

«— Думаю, — возразилъ магистръ, — что вамъ *все* объявятъ на лобномъ мѣстѣ.

«Послѣ этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, осужденный занялся съ нимъ духовной бесѣдой.

«— Путемъ терновымъ должны мы идти въ царство небесное,—говорилъ онъ.—Я увѣренъ, что страданія міра сего ничтожны въ сравненіи съ блаженствомъ, ожидающимъ насъ за предѣлами гроба.

«На предложеніе духовника сдѣлать передъ смертью какое-либо письменное распоряженіе, дядюшка попросилъ бумаги и приборъ для письма, и когда подали ему то и другое, продиктовалъ Гагену духовное завѣщаніе, которымъ отказывалъ третью часть своего движимаго имущества [1]) вѣрному и преданному секретарю Никласзону; другую часть назначилъ на выкупъ родового имѣнія въ Лифляндіи съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ ближайшимъ наслѣдникамъ завѣщателя, а остальную часть—ты отгадаешь, любезный другъ, что онъ не забылъ насъ въ этомъ случаѣ. Подписавъ завѣщаніе и передавъ его духовнику, онъ задумался; потомъ глубоко вздохнувъ и качая головой, произнесъ:

«— Да, да! въ отечествѣ своемъ и на чужбинѣ Паткуль имѣетъ друзей, которые будутъ жалѣть о

---

[1]) Почти все имущество его находилось въ долгу за Августомъ, который никогда не думалъ уплатить его. Не мудрено, что этотъ долгъ служилъ однимъ изъ низкихъ побужденій выдать Паткуля.

немъ. Что скажетъ о моей смерти старая курфюрстина и...—со слезами на глазахъ договорилъ онъ—моя бѣдная невѣста?... Ради Бога, отецъ мой, передайте Амаліи Ейнзидель мой предсмертный поклонъ... Обѣщаете-ли?

«Магистръ далъ слово выполнить его желаніе. (О Розѣ не было слова; но въ тайной исповѣди его грѣховъ эта несчастная жертва, конечно, заняла первое мѣсто). Тутъ узникъ не безъ труда убѣдилъ своего духовника, въ знакъ благодарности за усердное напутствованіе изъ этой жизни въ другую, принять отъ него сто червонныхъ и сверхъ того подарилъ ему рѣдкое изданіе Ветхаго Завѣта, которое, какъ онъ изъяснился, было лучшимъ его утѣшеніемъ въ черные дни его жизни. Побесѣдовавъ еще о разныхъ благочестивыхъ предметахъ, дядюшка изъявилъ желаніе успокоиться.

«— Мнѣ нужно сномъ подкрѣпить тѣло свое, — сказалъ онъ,—завтра долженъ я бодрствовать.

«Духовникъ оставилъ его одного».

Продолженіе письма было написано не рукою Адольфа; вотъ его содержаніе:

«Милостивый Государь!

«Нѣтъ нужды сказывать вамъ мое имя; оно покуда останется для васъ тайною. Довольно вамъ знать, что я пріятель вашего брата, что онъ, бывъ неожиданно потребованъ королемъ, съ которымъ и отправился въ Польшу, не успѣлъ, по этому случаю, кончить письмо свое къ вамъ и просилъ меня сдѣлать это вмѣсто него. Исполняю волю вашего брата; продолжаю его повѣствованіе, и сказанными путями отправляю письмо къ вамъ.

«Вслѣдъ за тѣмъ, когда духовникъ вышелъ отъ Паткуля, Никласзонъ тихими стопами вошелъ къ нему и открылъ, что преданные ему все приготовили къ

его спасенію. Эта неожиданная вѣсть сначала перепугала Паткуля: совсѣмъ приготовясь къ смерти, стоя уже одною ногой на порогѣ гроба, онъ, казалось, неохотно возвращался назадъ. Но друзья его сдѣлали такія большія пожертвованія, жизнь взглянула ему въ лицо очаровательными глазами Ейнзидель, ведя за собою столько радостей; насмѣшка надъ властолюбіемъ Карла еще льстила ему такъ много, что онъ согласился съ волею своихъ друзей.

«— Буду готовъ, — сказалъ Паткуль, отпуская своего бывшаго секретаря, и жизнь съ мечтами любви и честолюбія разыгралась снова въ этой пламенной душѣ.

«Выше объяснено, что мейерфельдскій полкъ состоялъ весь изъ лифляндцевъ. Негодованіе и сожалѣніе одушевили ряды ихъ, многіе изъ нихъ громко вопіяли противъ жестокости короля; во всю дорогу изъ Саксоніи до Казиміра оказываемо было плѣннику снисхожденіе разнаго рода; друзьямъ его позволено съ нимъ видѣться и бесѣдовать; изъ скважинъ въ его повозкѣ подѣланы окна; пища давалась ему самая вкусная: дорогой онъ видимо оправился. Наконецъ, составленъ заговоръ спасти осужденнаго; но какъ все еще ожидали королевской милости, о которой доходили слухи во время путешествія, то и отложили привесть этотъ заговоръ въ исполненіе уже по прибытіи въ Казиміръ.

«Все слажено къ вечеру 29-го. Въ этотъ роковой вечеръ должна рѣшиться судьба Паткуля.

«Вотъ планъ заговора: Роза каждое утро и вечеръ посѣщаетъ заключеннаго; ее пропустятъ по обыкновенію. За корсетомъ у ней двѣ пилы: одною рушатся желѣзы на плѣнникѣ, другою — слабая рѣшетка изъ двухъ связей у окна тюремнаго. Бичевку, которую она прикрѣпитъ подъ свое платье, спустятъ въ окно. Внизу, у стѣнъ тюремныхъ, Фрицъ привяжетъ къ концу би-

чевки веревочную лѣстницу. Бойкія лошади разставлены, гдѣ нужно; дежурный офицеръ, неподкупный ни съ какой стороны, употчиванъ виномъ. Стража, которая, по расчисленію времени, должна стоять у дверей Паткулевой комнаты и подъ окномъ ея, у стѣнъ тюремныхъ, предалась всею душою заговорщикамъ. Побѣгъ обезпеченъ, Никласзонъ устлалъ дорогу червонцами.

«Главное дѣло должна совершить Роза. Приступая къ нему, она падаетъ на колѣна и, поднявъ къ небу полные слезъ глаза, молитъ Бога объ успѣхѣ.

«— Дай мнѣ спасти его! — восклицаетъ она, — и потомъ умру спокойно! Мнѣ, мнѣ будетъ мой Фишерлингъ обязанъ своимъ спасеніемъ; онъ вспомнитъ обо мнѣ хоть тогда, когда меня не станетъ; онъ скажетъ, что никто на свѣтѣ не любилъ его, какъ я!

«Было къ 9 часамъ вечера. Роза подходитъ къ тюрьмѣ; сердце у ней бьется необыкновенно. Она сказываетъ пароль стражѣ у входа; ее пропускаютъ. Но въ караульнѣ на встрѣчу ей дежурный капитанъ, исполинъ, плечистый, рыжеволосый, отекшій отъ вина. Огонь, горѣвшій въ сальной плошкѣ, бросалъ полусвѣтъ кругомъ себя и только изрѣдка, забравъ вдругъ пищи въ свѣтильню, ярко вспыхивалъ. Тогда выставлялись ломаными чертами то изувѣченное въ бояхъ лицо ветерана, изображавшее охужденіе и грусть, то улыбка молодого его товарища, искосившаго сладострастный взглядъ на обольстительную дѣвушку, то на полномъ, глупомъ лицѣ рекрута страхъ видѣть своего начальника, а впереди гигантская, пьяная фигура капитана, поставившаго надъ глазами щитомъ огромную, налитую спиртомъ руку, чтобы видѣть лучше предъ собою и, наконецъ, посреди всѣхъ блѣдное, но привлекательное лицо швейцарки, рѣзко выходившее изъ всѣхъ предметовъ своими полуизмятыми

прелестями, страхомъ и нетерпѣніемъ, толпившимися въ ея огненныхъ глазахъ, и одеждою, чуждою странѣ, въ которой происходила сцена. Но когда свѣтъ въ плошкѣ, ослабѣвая, трепеталъ, какъ крылья приколотой бабочки, тогда всѣ фигуры погружались въ какую-то смѣшанную, уродливую группу, которая представляла скачущую сатурналію и надъ нею господствующую широкую тѣнь исполина-капитана.

«— Милости просимъ, милости просимъ, залетная райская пташка!—сказалъ онъ, устремивъ на дѣвушку помутившіеся взоры,—что къ намъ послѣ зари попало въ западню, то наше по всѣмъ правамъ... Чортъ меня побери, да я такой красотки давно не видалъ!

«— Ваше благородіе! — сказала Роза голосомъ, въ которомъ выражались смущеніе и боязнь подпасть гнѣву ея властителя—позвольте мнѣ къ заключенному... вамъ извѣстно... я, презрѣнная тварь, люблю... связи давнишнія...

«— Ого! знаемъ всѣ ваши шашни!—прервалъ, смѣясь во все горло, капитанъ.—Только-что вышелъ отъ превосходительнаго нашего арестанта цѣлитель душъ, какъ является врачъ... Гмъ! гмъ! Ну, конечно, оно легче отправляться на тотъ свѣтъ. Чтобы меня самый главный изъ чертей, баронъ, графъ, князь-чортъ заполонилъ, коли я лгу! Еслибы мнѣ пришлось знать свою смерть за нѣсколько часовъ, сдѣлалъ бы наоборотъ.

«— Вы такъ добры, вы такъ милостивы...—говорила Роза, сложивъ свои руки въ видѣ моленія. Она стояла на раскаленныхъ угольяхъ, но сойти съ нихъ не было возможности. Своевольный капитанъ, стащивъ съ нея неосторожно косынку, положилъ широкую, налитую виномъ руку свою на плечо дѣвушки, бѣлое, какъ выточенная слоновая кость. Это былъ прессъ, изъ-подъ котораго трудно было освободиться.

«— Ну, превосходительная, поцѣлуй за пропускъ..

«Каждый мигъ дорогъ; разсуждать некогда,—Роза исполнила волю пьянаго деспота, и думая, что этимъ умилостивила его, сдѣлала движеніе впередъ, но геркулесъ нашъ обнялъ дѣвушку такъ крѣпко, что пилы, бывшія на ней, вонзились въ грудь и растерзали ее.

«Роза вздрогнула, выдираясь изъ объятій капитана. Адъ былъ въ груди ея, но она выдавила улыбку на свое лицо, называла мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цѣловала его поганыя руки.

«— А вотъ сейчасъ, касаточка! Не думай, однакожъ, чтобы прелести твои насъ такъ ослѣпили, что мы забыли службу его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго... Чортъ побери, не несешь-ли ты чего запрещеннаго колоднику?

«У стѣнъ тюремныхъ раздался съ тремя перерывами голосъ часового; это былъ знакъ, что все изготовлено Фрицемъ. А Роза еще ничего не сдѣлала! Она затрепетала всѣмъ тѣломъ; изъ раны на груди кровь забила ключомъ. Несмотря на свои страданія, она старалась оправиться и отвѣчала довольно твердо.

«— Развѣ я полуумная! развѣ мнѣ висѣлица мила?

«— О! мы не допустимъ до чужихъ зубковъ такое сладкое яблочко. Мы, понимаешь... по военному регламенту... пунктъ...—(Капитанъ приставилъ толстый перстъ къ своему лбу) — дьяволъ побери всѣ пункты! ихъ столько вертится въ глазахъ моихъ... Гей! капралъ! по которому?..

«— Нашъ регламентъ приказъ начальника! — отвѣчалъ браво усатый капралъ.

«— Славно отвѣчалъ! Люблю молодца. Ну!...

«Капитанъ показалъ головою и рукой, чтобы раздѣли швейцарку.

«— Позвольте-жъ, я сама... — прервала Роза, отталкивая перваго, подошедшаго къ ней солдата, сѣла

проворно на скамью, скинула башмакъ, потомъ чулокъ... онъ былъ въ крови!

«— Кровь, ваше благородіе!—сказалъ солдатъ

«— Кровь! кровь! — подтвердилъ, качая головой, капитанъ,—что это такое?

«— Вотъ видите, — отвѣчала запинаясь Роза, — у меня проволока... по нашему швейцарскому обычаю, въ корсетѣ... а вы, господинъ, — Богъ вамъ судья! — такъ крѣпко меня, обняли... Ахъ! сжальтесь, ради Создателя, сжальтесь...

«— Фуй! пропустить ее! — заревѣлъ капитанъ, и Роза, помня только о спасеніи милаго ей человѣка, бросилась, босая на одну ногу, въ двери, которыя вели, черезъ коридоръ, въ комнату Паткуля.

«Въ коридорѣ встрѣтили ее насмѣшки и проклятія нѣсколькихъ преступниковъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ. На ужасныхъ лицахъ ихъ можно было читать ихъ злодѣянія.

«— Поищи правды!—говорилъ одинъ душегубецъ:— насъ морятъ съ голоду, а у Паткуля—чѣмъ онъ лучше насъ?.. измѣнникъ!... у него безпрестанно пиры да банкеты! То летятъ сладкіе кусочки и стклянки, то шныряютъ пріятели да дѣвки.

«— Не тюрьма, а рай!—прибавилъ другой, разбойничавшій на большихъ дорогахъ,—эхъ, пріятель! давно говорятъ, что правда сгорѣла.

«Роза мелькнула мимо этихъ проповѣдниковъ истины Слово стражѣ у одной двери на концѣ коридора, и— въ комнатѣ Паткуля.

«— Роза!... — могъ только вымолвить несчастный отъ избытка и смѣси разныхъ чувствъ, поднявъ взоръ и руку къ небу.

«Награда ея была въ немъ самомъ; а онъ, неблагодарный, показывалъ на небо!...

«Мысль о спасеніи помутила взоры Паткуля; онъ

не замѣтилъ крови на ногѣ избавительницы своей. Роза имѣла предосторожность вытереть пилу, которую ему подала.

«Онъ становится у окна, Роза — у ногъ его. Принимаются за работу. Пилы ходятъ усердно. Звено, прикрѣпленное къ одной ногѣ плѣнника, уже разрушено; распилена и одна связь въ окнѣ. Надежда придаетъ силъ Паткулю; онъ загибаетъ конецъ связи и принимается за другую. Роза трудится также надъ другимъ звеномъ, обнявъ крѣпко ногу своего друга.

«— Цсъ! — говоритъ вполголоса Паткуль, дрожа всѣми членами, — кажется, стража у дверей смѣняется!...

«Сердце замираетъ у Розы; она боится пошевелиться; она вся претворилась въ слухъ.

«Все тихо.

«— Ничего!... тебѣ почудилось!.. — отвѣчаетъ она послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, облегчивъ грудь вздохомъ, и снова пилы живо ходятъ по желѣзу. Но тутъ работа идетъ медленнѣе: силы ея ослабѣли отъ труда, потери крови и страха опоздать.

«Вдругъ двери тихонько отворились и затворились, Паткуль этого не видалъ; но Роза... она видѣла, или ей показалось, что она видѣла...

«— Это страхъ дѣйствуетъ! это мечта! — думаетъ она, и пилитъ, сколько силъ достаетъ.

«Уже кольцо едва держится къ цѣпи. Она проситъ Паткуля рвануть его ногою. Онъ исполняетъ ея волю но звено не ломается. Роза опять за работу. У плѣнника пилка идетъ успѣшнѣе: другая связь въ окнѣ распилена; бичевка черезъ него заброшена; слышно, что ее поймали... что ее привязываютъ... Роза собираетъ послѣднія силы... вотъ — пила то пойдетъ, то остановится, какъ страхомъ задержанное дыханье... вотъ нѣсколько движеній — и...

«И сквозь полурастворенныя двери выставилась ужасная голова съ шрамомъ на лбу... запрыгали сѣроголубые глаза... и разсыпался адскій хохотъ... Потомъ?... потомъ молчаніе гроба!

«— Измѣна! закричали подъ окномъ—то былъ голосъ Фрица—и вслѣдъ затѣмъ послышался выстрѣлъ...

«Ударили тревогу.

«Узникъ остолбенѣлъ. Сердце Розы поворотилось въ груди, кровь застыла въ ея жилахъ... она успѣла только сдѣлать полуоборотъ головою... въ какомъ-то безуміи устремила неподвижные взоры на дверь, раскрыла ротъ съ посинѣлыми губами... одною рукою она обнимала еще ногу Паткуля, какъ будто на ней замерла; другую руку едва отдѣлила отъ звена, которое допиливала... Въ этомъ положеніи она, казалось, окаменѣла.

«— Ваше превосходительство!—произнесла сквозь полурастворенную дверь голова, на коей нѣжилась адская усмѣшка,—наемщикъ вашъ, негодяй, которому, на мызѣ г. Блументроста, за кровные труды, обѣщали вы плюнуть въ лицо и утереть ногою, пришелъ поблагодарить васъ за милости ваши. Покорнѣйшій вашъ слуга платитъ вамъ свой долгъ съ процентами. Мы расквитались, прощайте!

«Это говорилъ Никласзонъ, преданнѣйшій, вѣрнѣйшій, покорнѣйшій секретарь того, кто благодѣтельствовалъ ему на всю жизнь и еще недавно завѣщалъ треть своего имущества, наравнѣ съ своими племянниками.

«Демонское лицо скрылось; но Паткуль, будто оглушенный громомъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ.

«Стража съ офицеромъ, вновь наряженнымъ, вошла, Роза въ безуміи погрозила на нихъ пилою и голосомъ, походившимъ на визгъ, заговорила:

«— Тише!... не мѣшайте мнѣ... я пилю, допилю, друга милаго спасу... я пилю, пилю, пилю...

«Въ это время она изо всѣхъ силъ пилила, не желѣзо, но ногу Паткуля; потомъ зашаталась, стиснула его лѣвою рукою и вдругъ пала. Розу подняли... Она... была мертвая.

«— Смерть! скорѣе смерть!—воскликнулъ Паткуль задыхающимся голосомъ; потомъ обратилъ мутные взоры на бѣдную дѣвушку, сталъ передъ ней на колѣна, бралъ поперемѣнно ея руки, цѣловалъ то одну, то другую, и орошалъ ихъ слезами

«— Я погубилъ тебя!—вскричалъ онъ,—я—второй Никласзонъ! Господи! Ты праведенъ: Ты взыскиваешь съ меня еще здѣсь. О другъ мой, твоя смерть вырвала изъ моего сердца всѣ чувства, которыя питалъ я къ другой. Роза! милая Роза! у тебя нѣтъ уже соперницы: умирая, я принадлежу одной тебѣ.

«Несчастному показалось въ этотъ мигъ, что теплота жизни заструилась въ рукѣ дѣвушки, что она судорожно пожала его руку... Онъ хочетъ удержать эту теплоту своимъ дыханіемъ. Напрасно! Роза—умерла...

«Офицеръ учтиво подошелъ къ Паткулю и сказалъ ему:

«— Позвольте мнѣ исполнить свою должность,—и потомъ далъ знакъ головою солдатамъ.

«Два изъ нихъ надѣли новыя цѣпи на плѣнника, другіе понесли изъ комнаты мертвое тѣло швейцарки, какъ поврежденную мраморную статую прекрасной женщины уносятъ навсегда въ кладовую, гдѣ разбросаны и поношенныя туфли, и разбитые горшки.

«Легко догадаться, что преданнѣйшій секретарь Паткуля былъ участникомъ заговора для того только, чтобы открыть его и заслужить новыя милости отъ министровъ Августа. Награда превзошла его ожиданія: онъ опредѣленъ тайнымъ совѣтникомъ ко двору саксонскому.

«На другой день казнили Паткуля... но я избавлю васъ отъ описанія послѣднихъ минутъ его жизни. Стыдъ Карла совершился».

Такъ кончилось письмо къ Густаву; но я вижу, что этимъ не отдѣлался отъ любопытства своихъ читателей. Со всѣхъ сторонъ слышу клики: подавай намъ Паткуля на сцену лобнаго мѣста! на сцену! мы хотимъ изображенія послѣднихъ минутъ его жизни!

Случалось ли вамъ видѣть трагическаго актера, который, окончивъ свою роль, сколько силъ и умѣнья его достало, по опущеніи занавѣса вызывается неугомонными, безпардонными возгласами публики? Утомленный, едва переводя дыханіе, актеръ является на сцену и лепечетъ свою благодарность. Такъ и я принимаюсь за иступленное перо, чтобы исполнить волю своихъ читателей.

На другой день, рано по-утру, неподалеку отъ польскаго городка Казиміра, на площадкѣ, огражденной съ одной стороны лѣсомъ, съ другой стороны окаймленной рвомъ дороги, собралось множество народа, чтобы полюбоваться, какъ будутъ колесовать и четвертовать измѣнника шведскому королю и вмѣстѣ посланника отъ русскаго двора. Народъ жадничалъ смотрѣть эту потѣху, какъ медвѣжью травлю; всѣ тѣснились къ колесу и четыремъ столбамъ, трофеямъ казни, охраняемымъ тремястами конныхъ драгунъ. Были охотники, платившіе деньги и даже искавшіе рукожатія палача, чтобы стоять поближе къ роковому колесу. Множество форшпанокъ и нѣсколько колымагъ, въ которыя запряжены были статные жеребцы, отягченные богатою сбруей, показывали, что не одна чернь именемъ жадничала смотрѣть на кровавый пиръ. Чепчики и шляпки, убранные цвѣтами, также изрѣдка

мелькали. Иногда раздавались знаки нетерпѣнія увидѣть скорѣе жертву, но укрощались неучтивымъ привѣтствіемъ шведскихъ палашей. Недовольно, что зеленая площадка съ трехъ сторонъ отдѣлялась черными стѣнами народа, самыя деревья унизаны были любопытными.

— Каково окована готовальня! — сказалъ стоявшій впереди, неподалеку отъ колеса, человѣкъ большого роста, въ запачканной рубашкѣ, съ кожанымъ фартукомъ,—какъ въѣдетъ, такъ не бывало руки или ноги.

— Ну, товарищъ! — прервалъ другой въ бѣломъ зипунѣ, на которомъ цѣплялись еще кое-гдѣ стружки дерева,—и дубъ-то отдѣланъ по желѣзу!

— Дѣло мастера боится,—подхватилъ первый.— Мы съ тобой....

Откуда ни возмись еврей, тряхнулъ своими песиками и, посмотрѣвъ сурово на мастеровъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «вы, поляки, безъ моихъ денежекъ меньше чѣмъ нуль!» — околдовалъ ихъ этимъ взоромъ такъ, что они безмолвно потупили свои очи въ землю и униженно сняли съ себя бѣлыя валяныя шапки.

Подлѣ колеса стоялъ плечистый мужикъ съ звѣрскою рожей. Услышавъ похвалу орудію казни, онъ насмѣшливо оборотился къ панегиристамъ и съ высоты своего настоящаго величія удостоилъ ихъ слѣдующею рѣчью:

— Все зависитъ отъ возницаго, который будетъ управлять колесницею. Можно заколдовать колесо и потомить,—прибавилъ онъ, коварно улыбаясь,—можно и разомъ отправить!

— Казнь дѣлается не для потѣхи исполнителей власти, а для примѣра общественнаго, — сказалъ сердито школьникъ, высокій, сухощавый.

Палачъ важно посмотрѣлъ на него, какъ бы хотѣлъ выговорить: «увидимъ!»

Бѣдный Паткуль! Кто подумалъ бы, что слово школьника, произнесенное не во-время, усилитъ муки, тебѣ назначенныя!

Нѣсколько зрителей, окружившихъ философа-смѣльчака, при взглядѣ его антагониста отхлынули назадъ, такъ что они двое остались впереди сцены, измѣряя другъ друга неуступчивыми взорами, какъ гладіаторы передъ боемъ.

— Ахъ, Матка Божья!—пищала толстая писарша, выдираясь локтями изъ толпы и таща подругу,—такая судьбина пала нашему Казиміру, а то, вѣдь, оборони Господи! должно было колесовать его въ Слупцѣ.

— Невѣжа!—продолжала она, измѣнивъ свой нѣжный голосъ на грубый и толкая одного молодого человѣка, порядочно одѣтаго,—не имѣетъ никакого уваженія къ знанію.

— А чтожъ, панна, не привинтила вельможнаго званія ко своему лбу? — спросилъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— Колесовать и четвертовать!—подхватила подруга писарши, увлекая ее отъ ссоры, готовый возгорѣться.— Вѣдь казнить-то будутъ генерала, измѣнщика, который бросилъ своего слугу изъ окна и зарѣзалъ любовницу.

— Не диво, что народъ кишмя кишитъ! А вотъ Маріанна, моя раба Маріанна. Маріанна! подь сюда и остерегай насъ отъ грубіяновъ.

Испитая служанка, съ подбитымъ глазомъ, босая, поспѣшила сдѣлать изъ себя щитъ противъ невѣждъ, которые осмѣлились бы обезпокоить ея панну.

— Чу! что-то кричатъ? Не везутъ ли ужь его?... Умру съ тоски, коли не удастся его видѣть. Говорятъ, что у него на шеѣ боченокъ съ золотомъ, за который онъ было хотѣлъ, Мати Божія! продать своего короля: колесо-то проѣдетъ по немъ, боченокъ разсыплется, и тогда народъ смѣло подбирай червончики!

Между тѣмъ какъ народнымъ толкамъ не было умолку, Паткуль просилъ духовника своего, прибывшаго къ нему въ четыре часа утра, приступить во имя Христа Спасителя къ святому дѣлу, пока около тюрьмы шумъ народный не увеличился. По принятіи Святыхъ Таинъ, онъ выглянулъ въ окно, посмотрѣлъ на восходящее солнце и сказалъ вздохнувъ:

— Гдѣ-то я буду при закатѣ твоемъ?.. О! скорѣй, скорѣй изъ этого міра суетъ, гдѣ каждый мигъ для меня несносенъ! скорѣй къ тебѣ, о моя Роза, мой Фрицъ!

Когда-жъ услышалъ шумъ колесъ, приближавшійся къ тюрьмѣ, онъ прибавилъ:

— Слава Богу, спѣшатъ!

Караульный поручикъ явился, Паткуль надѣлъ епанчу и вышелъ за духовникомъ своимъ, окруженный стражею.

Проходя коридоромъ, онъ невольно взглянулъ сквозь растворенную дверь въ какой-то подвалъ, довольно освѣщенный, чтобы видѣть все, что въ немъ происходило, и глаза его встрѣтили... Боже мой! тѣло несчастной Розы лежало на двухъ скамейкахъ, грудь ея была взрѣзана... и человѣчекъ, примѣтный только своимъ пунцовымъ носомъ, возился съ окровавленнымъ ножомъ и рукой въ широкой ранѣ, въ которую глазъ непосвященнаго боялся бы взглянуть! такъ отвратительна для человѣка внутренность человѣка! Свѣтъ отъ лампы скользилъ на оконечностяхъ лица швейцарки, заостренныхъ смертію, падалъ на черныя, длинныя косы, сметавшія при движеніи лѣкаря пыль съ пола, на уста, подернутыя землею, истерзанную грудь и будто изъ воска вылитую ногу, опоясанную черною кровью. На стѣнѣ висѣла соломенная шляпа, увитая цвѣтами... Какъ хороша была нѣкогда Роза въ этой шляпѣ! На этихъ чертахъ останавливался страстный

взоръ любовника; эти черныя косы расплетала, рѣзвясь, его рука, или нѣжилась въ шелковыхъ кудряхъ; на этихъ устахъ упивалась любовь; эту ногу покрывали жаркіе поцѣлуи—а теперь... служитель Эскулапа бормочетъ надъ Розою отходную латынь, и отъ всего, что она была, несетъ мертвецомъ.

Въ углу подвала, на соломѣ, лежало тѣло Фрица, покрытое солдатскимъ плащемъ,—награда за вѣрность!

— Пощадите, если вы не звѣри! ради Бога, пощадите! — вскричалъ Паткуль, силясь броситься въ подвалъ.

Стража его удержала; ему даже не дали проститься съ друзьями своими.

Лѣкарь, испуганный крикомъ несчастнаго, оставилъ на минуту свои занятія, покачалъ головой и потомъ снова принялся потрошить Розу, доискиваясь въ ея внутренности тайны жизни, какъ въ древнія времена жрецъ читалъ тайны Провидѣнія въ жертвѣ, принесенной его божеству.

Не слыхалъ Паткуль, какъ его посадили въ повозку; не видалъ, какъ мчалась она, въ сопровожденіи сильнаго коннаго отряда, сквозь аллею народа. Когда его вытащили изъ повозки, подвели къ колесу и сняли съ него цѣпи, онъ затрепеталъ и сказалъ духовнику судорожнымъ голосомъ:

— Теперь-то, господинъ пасторъ, молите Бога, чтобъ Онъ покрѣпилъ меня!

Приготовляясь къ зрѣлищу казни, народъ шумѣлъ и, казалось, ожидалъ чего-то веселаго; но, увидѣвъ жертву, онъ былъ объятъ сожалѣніемъ и страхомъ. Человѣчество взяло свои права. Все замолкло.

Наряженный въ экзекуцію капитанъ (Валдау) вынулъ изъ кармана бумагу и прочелъ по ней громогласно:

«Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, что его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь...»

— Хороша милость!—воскликнулъ иронически Паткуль, пожавъ плечами и взглянувъ на небо.

Капитанъ, смущенный этимъ восклицаніемъ, остановился было среди своей рѣчи, но, тотчасъ оправившись, продолжалъ:

«Нашъ всемилостивѣйшій государь, Карлъ XII, повелѣлъ сего измѣнника отечеству...»

При словѣ: *измѣнникъ*, Паткуль вскричалъ съ негодованіемъ:

— Неправда: я служилъ отечеству своему слишкомъ усердно и вѣрно.

Капитанъ старался заглушить это восклицаніе, продолжая читать громче:

«Колесовать и четвертовать за преступленіе въ примѣръ другимъ, да страшится каждый измѣны и служитъ вѣрно своему королю».

Осужденнаго раздѣли и привязали къ четыремъ столбамъ. Духовникъ просилъ зрителей читать вслухъ молитву: *«Отче нашъ!»*

– Да,—сказалъ Паткуль,—молитесь, друзья мои, молитесь!

И народъ прерывистымъ голосомъ молился. Стенанія, жалобы, вздохи стояли въ воздухѣ.

Послѣ перваго удара колеса несчастный простоналъ:

— Господи, помилосердуй!

За каждымъ ударомъ страдалецъ призывалъ имя Бога, пока обѣ руки и ноги были раздроблены. 15 ударовъ — бытописатели и о числѣ ихъ спорятъ — 15 ударовъ нанесены ему такъ неловко, или съ такою адскою потѣхою, что онъ и послѣ нихъ остался живъ. Капитанъ сжалился надъ несчастнымъ и закричалъ палачу, чтобы онъ проѣхалъ колесомъ по груди. Паткуль бросилъ взоръ благодарности на офицера и жалобно возопилъ:

— Скорѣй голову! голову!

Между тѣмъ какъ, по приказанію капитана, палачъ собирался приступить къ рѣшительному удару, несчастный собралъ всю свою жизненность и самъ положилъ голову на плаху.

Въ это время кумушки прикусили языкъ: мастера, трудившіеся надъ колесомъ, поблѣднѣли, какъ полотно; жидъ пейсиками своими утиралъ слезы; вся масса народа безмолствовала, какъ будто имѣстѣ съ Паткулемъ положила свою голову на плаху.

Изо рта у него хлынула кровь.

— Плюю въ лицо Карла... Роза...—прохрипѣлъ страдалецъ...

Палачъ ударилъ разъ, два, три, и голова отвалилась. Послѣ того туловище, разрубленное на четыре части, воткнуто на четыре высокія копья, поставленныя въ одинъ рядъ. Голова имѣла почетъ: ее вонзили на особенный шестъ.

«Растерзаныя члены Паткуля, — говоритъ Вольтеръ, — висѣли на столбахъ до 1713 года, пока Августъ, снова вступилъ на польскій престолъ, велѣлъ ихъ собрать. Ихъ доставили въ ящикѣ въ Варшаву. При этомъ случаѣ находился Бюзенваль, посланникъ французскій. Король, указывая на ящикъ, сказалъ: «*вотъ члены Паткуля!*»

. . . . . .

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗУБНОЙ ЛѢКАРЬ

И города беретъ,
Какъ зубы рветъ.

Густавъ, прочтя описаніе послѣднихъ дней жизни своего дяди, возненавидѣлъ Карла и просился немедленно въ русскую службу. Слѣдствіемъ этого прошенія былъ вызовъ его въ Москву. Здѣсь нашелъ онъ многихъ соотечественниковъ своихъ, изъ лучшихъ фамилій, снискивавшихъ себѣ пропитаніе разными искусствами. Иные давали уроки танцованья, другіе учили чистописанію, языкамъ и математикѣ. Нѣсколькихъ пріятелей своихъ засталъ онъ въ разрисовываньѣ стеколъ для подмосковнаго села Покровскаго.

— Благодаря попеченіямъ о насъ короля шведскаго,—говорили они, — вотъ чѣмъ должны мы занимать руки, пожинавшія для него славу! Русскіе, заказавшіе намъ эту работу, любуются въ ней намалеванными медвѣдями, орлами, башнями, какъ затѣйливой игрой нашего воображенія; но потомство наше, увидя на стеклахъ этихъ знакомые имъ гербы, прочтетъ по нимъ печальную исторію нашего плѣна.

Негодованіе плѣнниковъ, приготовленное несчастнымъ положеніемъ ихъ, вспыхнуло при разсказѣ о казни Паткуля. Всѣ они охотно послѣдовали примѣру Густава и дали заручное прошеніе на имя Петра I о принятіи ихъ въ подданство русское. Вскорѣ за этимъ рѣшеніемъ Траутфеттеру велѣно явиться во дворецъ.

Простота Петра I, великаго человѣка на престолѣ, чуждая слишкомъ утонченныхъ приличій и всякихъ притязаній на этикетное угожденіе своему лицу, позволяла ему заниматься и подвигами государственными, и домашними мелочными дѣлами. Ему доставало время на все: оттого-то оставилъ онъ намъ безчисленные памятники своего генія и рукъ своихъ. Иной государь не сдѣлалъ того въ цѣлое свое царствованіе, что Петръ сотворилъ въ одинъ день.

Безъ посредниковъ, кромѣ дежурнаго деньщика, Густавъ явился во дворецъ. Его ввели въ кабинетъ, загроможденный моделями кораблей, крѣпостей, мельницъ, орудіями математики и хирургіи. Прямо противъ двери сидѣла на стулѣ женщина среднихъ лѣтъ, которая умоляла о чемъ-то со слезами. За стулъ держался мужчина съ плутовскою миной и качая головой. Спиною къ Густаву и лицомъ къ женщинѣ стоялъ другой мужчина, высокій, въ поношенномъ французскомъ кафтанѣ изъ толстаго сукна сѣраго цвѣта, въ тафтяномъ нижнемъ платьѣ съ полотнянымъ фартукомъ, въ цвѣтныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными пряжками. Онъ расправлялъ щипцы для выдергиванья зубовъ.

— Полно, баба, выть! — говорилъ мужчина въ сѣромъ кафтанѣ, вѣроятно, лѣкарь, — стерпится, слюбится.

— Богомъ божусь, — вопила женщина, — у меня ничего не болитъ.

— Чтожъ ты, Полубояровъ?... — сердито вскричалъ лѣкарь.

— У страха глаза велики, ваше величество! Повѣрите-ли — всю ночь проохала и простонала бѣлугой, такъ что семья хоть бѣги вонъ, — отвѣчалъ стоявшій за стуломъ; потомъ, обратясь къ женщинѣ, ласково сказалъ:—Чего бояться, дурочка? только махнетъ батюшка Петръ Алексѣевичъ своею легкою ручкою, такъ болѣсть—какъ съ гуся вода.

— Злодѣй! окаянный! полно издѣваться надо мною!— проговорила всхлипывая женщина.

— Ну, видно, съ ней добромъ не сдѣлаешься, — прервалъ Петръ I, въ которомъ мы узнали лѣкаря,— подержи ее за голову и руки, и мы справимся.

Камердинеръ спѣшилъ выполнить волю государя съ необыкновеннымъ усердіемъ и ловкостью.

— Говори же, баба, который зубъ у тебя болитъ?— продолжалъ государь, разѣвая ей силою ротъ.

— Ваше царское величество... ваше пре... восходительство... помилосердуйте... у меня зубки всѣ здоровехоньки... я изволила вамъ докладывать...

— Не дурачься, баба! а то, знаешь меня?

— Воля ваша, рвите, какой благоугодно!—отвѣчала полумертвая отъ испуга женщина.

У нея, въ самомъ дѣлѣ, не болѣли зубы. Мужъ ея, государевъ камердинеръ, Полубояровъ, желая отмстить ей за нѣкоторыя проказы, и зная, что Петръ I большой охотникъ дѣлать хирургическія операціи, просилъ его вырвать у ней будто бы больной зубъ. Впослѣдствіи, когда открылась истина, Полубоярову порядочно досталось.

— А-а, вижу самъ! вотъ этотъ! — сказалъ Петръ, съ удовольствіемъ, ярко отливавшимся на его лицѣ, и выдернулъ мастерски зубъ, который казался ему поврежденнымъ болѣе другихъ.

Послѣ этой операціи женщину отпустили въ сопровожденіи услужливой ей половины, утѣшавшей ее съ краснорѣчіемъ искренней любви. Въ это время государь, вытирая свои инструменты и укладывая ихъ въ футляръ, замѣтилъ Густава и ласково произнесъ:

— А, min herr Траутфеттеръ, добро пожаловать.

Выслушавъ просьбу Густава и обласкавъ его, онъ обратилъ рѣчь на смерть его дяди.

— Богъ судья Августу!—говорилъ Петръ, тяжело вздыхая, — на его мѣстѣ я лучше бы самъ погибъ, чѣмъ выдалъ бы человѣка, котораго взялъ подъ свое покровительство [1]). Не люблю этихъ политическихъ увертокъ. Мои пріятели голландцы говорятъ о нихъ по дѣломъ: «dat benen niet met all Klugheden, maar Betrügeryen» *(въ нихъ болѣе обмана, чѣмъ благоразумія)*. Дорожу тобою: вѣдь ты достаешься мнѣ будто по духовной, отъ дяди. Тебя и твоихъ товарищей опредѣляю съ добрымъ трактаментомъ въ полки моей гвардіи. Служите мнѣ также вѣрно, какъ служили моему брату Карлу.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ генераловъ и министровъ, вошедшихъ въ кабинетъ безъ доклада. Каждому сказалъ Петръ нѣсколько словъ; въ каждомъ словѣ видѣнъ былъ творецъ. Онъ схватывалъ важнѣйшіе предметы, касающіеся до устройства государства или политики, какъ орелъ, увѣренный въ своей силѣ, налетомъ схватываетъ предметъ, имъ взвидѣнный. За смѣлую истину благодарилъ совѣтника, за хитрую ложь тотчасъ сбивалъ съ ногъ докладчика.

Аудіенція кончилась скоро. Отпустивъ своихъ министровъ, Петръ надѣлъ другой кафтанъ, поновѣе, на

---

[1]) Петръ I доказалъ это, когда, въ худшихъ его обстоятельствахъ при Прутѣ, Порта требовала отъ него выдачи Кантемира.

стулѣ висѣвшій, отперъ комодъ, вынулъ изъ него пять серебряныхъ рублевиковъ и сказалъ, отдавши ихъ Густаву:

— Вотъ тебѣ на первый случай; годятся на потѣху въ «Аустеріи» [1]).

— Ваше величество, простите мнѣ, если...

— Пустое, — перебилъ государь, — всему свой часъ—и поплакать, и повеселиться.

Тутъ послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, произносившій по-русски на нѣмецкій ладъ:

— Петръ Алексѣевичъ! подите сюда на мою аудіенцію...

На этотъ зовъ государь поспѣшилъ въ другую комнату, и въ то время, когда онъ отворялъ дверь, Густавъ увидѣлъ сквозь нее прелестную молодую женщину съ пестрымъ чулкомъ на лѣвой рукѣ, который, вѣроятно, заштопывала, и замѣтилъ даже, что она взглянула на него съ тѣмъ увертливымъ искусствомъ, какое однѣ женщины умѣютъ употреблять, когда есть препятствія ихъ любопытству или другимъ чувствамъ. Немного погодя, раздался поцѣлуй за дверьми, и Густавъ услышалъ голосъ Петра, выговаривавшій довольно внятно:

— Ты знаешь, Катенька, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ государь возвратился въ кабинетъ и спросилъ ласково своего гостя:

— Ты, конечно, давно не былъ на исповѣди?

— Государь!—отвѣчалъ Густавъ, — я каждый вечеръ исповѣдуюсь Богу въ грѣхахъ дня моего; но по-

---

1) У «Курятныхъ воротъ», въ томъ домѣ, гдѣ сперва открытъ былъ московскій университетъ, находилась гостиница «Аустерія»; и донынѣ слыветъ подъ этимъ названіемъ крайній проходъ по Скорняжному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ нынѣ харчевни и лавки.

средникомъ въ нихъ не бралъ пастора за неимѣніемъ его въ томъ городѣ, гдѣ я содержался.

— Съ пасторомъ-то я и хочу тебя свести. Знаешь-ли Глика изъ Маріенбурга?

— Видывалъ я его въ малолѣтствѣ моемъ, но съ того времени уваженіе и любовь къ нему моихъ соотечественниковъ сблизили меня заочно съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ.

— Будь у него нынѣ же въ 6 часовъ послѣ обѣда: ты увидишься тамъ съ пріятелями и, можетъ статься,— прибавилъ государь усмѣхаясь, — съ пріятельницей. Живетъ онъ въ Кокуевой слободѣ — спроси только нѣмецкую школу—всякій мальчикъ тебѣ укажетъ. Теперь поди, успокой своихъ камрадовъ, попируй съ ними въ *адмиральскій часъ* [1]), а тамъ подумаемъ, что еще сотворить съ вами. Открой мнѣ, не придетъ-ли тебѣ по сердцу въ Москвѣ пригожая дѣвка: я твой сватъ.

Сказавъ это, государь показалъ Густаву на дверь, которую и заперъ за нимъ. Съ сердцемъ, обвороженнымъ простотою, ласками и величіемъ царя, съ сердцемъ, волнуемымъ какимъ-то сладостнымъ предчувствіемъ, возвратился Густавъ домой, гдѣ ожидали его плѣнные офицеры. Можно угадать, что они спѣшили запить свою радость въ «Аустеріи», гдѣ тосты за здравіе новаго ихъ государя не разъ повторялись.

---

[1]) 11 часовъ утра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КЪ РАЗВЯЗКѢ

Вдругъ слышитъ — кличутъ: малый другъ!
И видитъ вѣрнаго Руслана.

Пушкинъ.

Въ назначенный часъ Густавъ былъ въ Кокуевой [1]) слободѣ. На встрѣчу ему вереница мальчишекъ, занимавшихся гимнастическими играми, вѣроятно, послѣ умственныхъ трудовъ, ибо нѣкоторые, сидя чехардою на своихъ товарищахъ, читали съ нихъ, будто съ каѳедры, заданную лекцію; другіе искусно перекидывались бомбами, начиненными порохомъ премудрости, или просто книжками и тетрадями. О! какъ раскричался бы великій основатель школы, которую онъ называлъ «Schola illustris», если бы увидѣлъ и услышалъ все, что происходило за чертою его академіи. На вопросъ Густава: гдѣ живетъ пасторъ Гликъ? десятки голосовъ закричали:

— Пасторъ Глистъ? Знаемъ, знаемъ!

— Вамъ надобно школьнаго учителя на соломенныхъ ножкахъ?

---

[1]) Нѣмецкой.

— Съ ястребинымъ носомъ?

— Съ кошачьими глазами?

— Съ войлокомъ на головѣ?

— Чтобы не замерзъ послѣдній цыпленокъ ума, который въ ней остается!

— Третій домъ отъ угла, ворота съ надписью мѣломъ: «*Нѣмецкій попъ...*»

— И съ крестомъ!

— Чтобъ чортъ не ушибъ его пестомъ!

Густавъ отворялъ уже калитку пасторова жилища, а насмѣшки на счетъ великаго педагога все еще сыпались, какъ бѣглые огоньки въ стрѣлковой цѣпи.

Старикъ, повидимому, упрежденный о приходѣ Траутфеттера, принялъ его сначала съ важною ласкою покровителя, но мало-по-малу спустился съ высоты своей на самый дружескій тонъ и обращеніе.

— Вы, конечно, слышали, господинъ Траутфеттеръ,—говорилъ Гликъ, въ которомъ отъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ на плечахъ усилилась болтливость, — вы, конечно, слышали, какъ нѣкогда тезоименитое дворянство и рыцарство лифляндское, въ томъ числѣ и бывшій мой зятикъ... гмъ! часовой... — прибавилъ Гликъ осматриваясь, — миръ праху его! Моя Кете не была ему сужена... я погубилъ-бы ее... характеръ трудный, упорный, безтолковый; только я одинъ могъ его сносить...

— Благороднѣйшій сынъ отечества! — перебилъ Густавъ.

— О! что до благородства, то на этотъ счетъ никто не отдастъ ему болѣе меня справедливости. Это-то благородство меня оковало, восхитило, увлекло... Жаль только, что Минервы не всегда слушался; но дѣло не въ томъ—я хотѣлъ говорить... —гмъ! —пасторъ кашлянулъ и поправилъ свой парикъ. —Да, да, я хотѣлъ сказать, что многіе во время оно смѣялись надъ моею

любовью къ русскому языку и горячей преданностью къ великому Алексѣевичу, которому, мимоходомъ сказать, — это случилось въ Нейгаузенѣ, именно 23-го марта 1697 года, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ, — предсказывалъ я будущую его славу. Потомъ, — не могу и этого дня забыть, — осмѣлься кто послѣ этого увѣрить, что въ пасторѣ Гликѣ не было крошки предвѣдѣнія, предвѣдѣнія, однимъ словомъ, вдохновенія Минервы!—Я хочу опытомъ подтвердить вамъ, молодой человѣкъ, что эти запасы никогда не лишніе. Итакъ, въ первыхъ числахъ іюня 1702 года, подъѣзжали мы съ покойнымъ цейгмейстеромъ — какъ теперь его вижу и бесѣдую съ нимъ — въ «долинѣ мертвецовъ» — что близъ Менцена... Надо вамъ объяснить, что, по милости его величества царя и бывшей моей Кете, въ этой долинѣ устроена нынѣ прекрасная мыза *Катариненгофъ*, принадлежащая вашему покорнѣйшему слугѣ.—Пасторъ осклабилъ свои розовыя губки и пріосанился.—Но не въ томъ дѣло—вотъ, вздумалось цейгмейстеру попугать мою Кете, которую, мимоходомъ сказать, я одинъ имѣю право такъ называть и, можетъ статься, еще одинъ... но тому чего не позволено? — И московиты-то не христіане, говорилъ Вульфъ, и вотъ поймаютъ насъ арканомъ, меня, покорнѣйшаго вашего слугу, изжарятъ на вертелѣ, а мою воспитанницу уведутъ-де къ падишаху московитскому... Фуй, фуй! краснѣю отъ этихъ словъ; но de mortuis aut bene aut nihil, то есть: о мертвыхъ или добро говори, или молчи.

— Господинъ пасторъ! — перебилъ Густавъ, выведенный изъ терпѣнія словоохотливостью Глика: — его величество, царь россійскій, адресовалъ меня къ вамъ.

— О молодость, молодость! какъ стала ты нынѣ нетерпѣлива! Къ его-то величеству и вашему благу,

государь мой, веду я рѣчь. Слушайте же меня, или я откажусь отъ устройства судьбы вашей.

— Простите—это было въ послѣдній разъ—теперь я васъ слушаю.

— Упрямцу Вульфу предсказывалъ я, что если мы будемъ взяты русскими, — которыхъ, замѣтьте, донынѣ неправильно называли москвитами,—я опредѣлюсь въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ пасторомъ, заложу краеугольный камень русской академіи, а моя Кете... сдѣлается украшеніемъ семейства знаменитаго русскаго боярина. И чтожъ, достопочтенный гость мой, все это сбылось по предсказанію глупаго, упрямаго старика. Вы видите меня, маріенбургскаго пастора, въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ; основанная мною академія, schola illustris, есть первый знаменитый разсадникъ наукъ въ Россіи. Образователь обширнѣйшаго государства въ мірѣ нерѣдко удостоиваетъ совѣтоваться съ *нами* на счетъ просвѣщенія ввѣренныхъ ему народовъ, и, наконецъ, Кете — о! судьба ея превзошла мои ожиданія!—Старикъ возвелъ къ небу полные слезъ глаза; потомъ, успокоившись, произнесъ вполголоса, почти на ухо Густаву:—Я вамъ скажу тайну, которая, правду сказать, съ мая почти всей Россіи извѣстна — моя бывшая Кете первая особа по царѣ...

Густавъ, полагая, что Гликъ отъ старости рехнулся съ ума, отодвинулъ назадъ свой стулъ и остановилъ на своемъ собесѣдникѣ неподвижные отъ изумленія взоры.

Гликъ засмѣялся и тономъ покровителя продолжалъ:

— Она можетъ сдѣлать очень много для васъ; она уже много для васъ сдѣлала... Прибавлю еще, хотя скромность ея запечатывала мнѣ уста: невидимый благотворитель и корреспондентъ вашъ во все время вашего плѣна—есть бывшая моя воспитанница.

— Все это какимъ образомъ?

— Узнаете позже. Кто могъ бы угадать ранѣе будущую судьбу сироты? Странно! чудесно! это правда; но чего Богу невозможно? Иногда угодно Ему удивлять міръ дѣлами любви Своей къ избраннымъ отъ Него твореніямъ. Но дѣло теперь не въ томъ. — Его величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, Петръ Алексѣевичъ, прислалъ васъ ко мнѣ, говорите вы?

— Точно такъ, господинъ пасторъ!—отвѣчалъ Густавъ, убѣжденный голосомъ и выраженіемъ лица Глика въ истинѣ словъ его и, между тѣмъ, блуждая мыслями какъ бы въ волшебномъ мірѣ.

— Я долженъ исполнить волю моего государя и близкой ему и мнѣ особы, о которой мы говорили. Вы присланы услышать отъ меня, что, по волѣ его, семейство баронессы Зегевольдъ вызвано изъ Дерпта сюда...

Густавъ вскочилъ со стула и, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва могъ выговорить:

— Вы шутите надо мной, господинъ пасторъ?

— Боже меня сохрани, особенно когда дѣло идетъ объ участи людей, мнѣ столько любезныхъ. Минерва не покинула меня на старости до того, чтобы разсказывать вамъ сонный бредъ за существенность. Узнайте болѣе: баронесса, дочь ея и добрый Биръ въ Москвѣ со вчерашняго утра и квартируютъ за два шага отъ меня.

— Господинъ пасторъ! господинъ пасторъ! что вы со мною дѣлаете?...—вскричалъ Густавъ: — я готовъ упасть къ ногамъ вашимъ; я готовъ цѣловать ваши руки. Луиза! Государь! Кто еще?... Боже! Боже! я какъ помѣшанный.

Густавъ обнималъ пастора и плакалъ отъ радости.

— Здорова ли она? помнитъ ли меня?—разспрашивалъ онъ, сжимая въ своихъ рукахъ руку Глика.

— Что она здорова, это мнѣ извѣстно; остальное предоставляю ей самой разсказать вамъ. Впрочемъ, чтобы васъ долго не томить, мы пошлемъ тотчасъ за Биромъ. Грете! Грете!

Явилась экономка пастора, сдѣлавшаяся отъ беззаботной жизни въ ширину то же, что была въ вышину. Велѣно Грете сходить за Биромъ — и Биръ не заставилъ себя долго ждать. Съ восторгомъ дружбы и неожиданности бросился онъ въ объятія Траутфеттера.

— Гмъ! гмъ! — сказалъ наконецъ растроганный Биръ:—Господь ведетъ насъ сюда, видно, къ развязкѣ. Пора, право, пора; а то моя милая, добрая Луиза пала бы подъ бременемъ своей судьбы.

— Любитъ ли она меня? помнитъ ли, по крайней мѣрѣ?—спросилъ Густавъ.

— Любитъ, какъ въ первые дни вашего знакомства,

— О, какъ я счастливъ! Кому теперь могу позавидовать? Все прошедшее забыто. Но разскажите мнѣ ради Бога...

— Все, что съ нею случилось съ того времени, какъ мы разстались, не правда ли? Вы знаете, я не мастеръ говорить... когда бы можно было на письмѣ... это бы дѣло другое.

— Вы имѣете снисходительнаго слушателя. Разсказывайте, какъ можете. Я затруднять васъ много не стану, а попрошу только раскрыть мнѣ, что случилось съ Луизою послѣ того, какъ ее привели въ церковь для вѣнчанія. Что прежде было, извѣстно мнѣ изъ письма вашего къ доктору Блументросту: оно-то привязало меня еще къ жизни, но оставило въ большой неизвѣстности, потому что перепутано было на самомъ любопытномъ мѣстѣ описаніемъ болотнаго моха.

Биръ покраснѣлъ какъ дѣвушка и сказалъ, запинаясь:

— Виноватъ... эта любовь къ натуральной исторіи... эта разсѣянность мнѣ дорого стоили: я мучился за чтеца и за себя вмѣстѣ. Какъ я перемѣшалъ все— не знаю: только знаю, что листъ съ концомъ интересной для васъ исторіи очутился въ моей Флорѣ. Хотѣлъ было я съ досады отказаться отъ моей любимицы, но— судите по себѣ, мой любезнѣйшій Густавъ, — страсть все страсть: даешь слово изгнать ее изъ сердца и изъ головы, а все къ ней возвращаешься. Но вы ждете, чтобы я успокоилъ васъ, — извольте. На бумагѣ бы оно лучше; однако-жь... какъ-нибудь разскажу.

Густавъ увѣрилъ снова чудака, что онъ не будетъ взыскателенъ за выборъ и порядокъ словъ, и Биръ началъ такъ свой разсказъ:

«Мы ввели кое-какъ полумертвую Луизу въ церковь. Адольфъ, смотря на ея страданія и не понимая ихъ причины, просилъ отложить свадьбу, но баронесса и Фюренгофъ настояли совершить ее безъ отлагательства. Уже приступлено было къ священному обряду, какъ въ церковь вбѣжала женщина высокая, худая, шафраннаго цвѣта, съ черными, длинными волосами, распущенными по плечамъ, въ изорванной одеждѣ чухонки,—настоящее привидѣніе! Глаза ея горѣли, какъ раскаленные уголья; отъ усталости она задыхалась. Церемонія остановилась; мы всѣ перепугались, но всѣхъ болѣе Фюренгофъ. Онъ началъ дѣлать такія ужасныя гримасы, какъ будто ломала его нечистая сила.

«— Стой! — закричала женщина страннымъ голосомъ, обратясь къ Адольфу: — ты кругомъ обманутъ! Твоя невѣста тебя не любитъ, и ты погубишь ее и себя, если на ней женишься. Ее выдаютъ за будущее богатство твое, а богатство это не можетъ тебѣ принадлежать, развѣ ты захочешь получить незаконно, ограбивъ своего брата. Этотъ злодѣй, — продолжала ужасная женщина, указывая на Фюренгофа,—восполь-

зовался наслѣдствомъ, принадлежащимъ Густаву, подмѣнивъ настоящее завѣщаніе своего отца подложнымъ. Я, сообщница его злодѣяній, составляла эту бумагу. Предаю себя въ руки правосудія и съ собою этого мошенника. Призываю Бога во свидѣтели словъ своихъ; а тебѣ, Траутфеттеръ, вручаю законныя тому доказательства. Когда-бъ не знала тебя, я представила бы ихъ въ судъ».

Фюренгофъ бросился было вырывать бумаги во время передачи ихъ Адольфу, угрожая своему племяннику вѣчною ненавистью и отчужденіемъ отъ наслѣдства, если онъ послушаетъ сумасшедшую вѣдьму, какъ онъ называлъ чудесную женщину, и приказалъ было слугамъ схватить ее. Слуги не повиновались, услыша клятву Адольфа, что онъ беретъ ее подъ свою защиту и что тотъ, кто до нея дотронется, будетъ отвѣчать за нее жизнію своей. Чудесная женщина подала клочекъ бумаги Адольфу и произнесла вполголоса:

«— Эта записка касается до тебя именно. Отойди къ окну и прочти ее. Все прочее буду имѣть время объяснить тебѣ и суду. А ты, мошенникъ! — продолжала она, возвысивъ голосъ и съ яростью обратясь къ Фюренгофу,—смотри на меня, осязай меня: это я, я, Елизавета Трейманъ, твоя бывшая пріятельница, твоя сообщница въ злодѣйствахъ, тобою изгнанная, недоморенная тобою. Земной судъ твой начался: допросы, тюрьма, цѣпи, казнь, вмѣстѣ, вмѣстѣ со мною! Ха, ха, ха! любовники вѣрные, на жизнь и смерть! Вмѣсто чищенныхъ червончиковъ, мы, о другъ мой, перечтемъ съ тобою по нѣскольку разъ въ день звенья цѣпей; позоръ, злоба, раскаяніе будутъ терзать твою грудь, какъ ты терзалъ человѣчество; но въ объятіяхъ моихъ ты все забудешь... даже милую Марту... не правда-ли? ха, ха, ха! О, сладко будетъ задушить тебя въ нихъ!

«И сатанинскій хохотъ изступленной, при общемъ молчаніи, ужасно раздавался подъ сводами церкви, и оторванный листъ желѣза на кровлѣ стоналъ, какъ вѣщая птица. Луиза прижалась ко мнѣ и скрыла свое лицо на моей груди; сама баронесса дрожала, поблѣднѣвшій пасторъ хотѣлъ было вывесть Елизавету изъ храма, но отъ одного вскрика ея оторопѣлъ. Изступленная продолжала:

«— Подожди немножко, пасторъ! подожди, любезный, твоя очередь послѣ. Дай мнѣ досказать свою проповѣдь: она стоитъ твоихъ вялыхъ поученій — рѣжетъ, пилитъ, жжетъ, только-что съ адскаго очага! Развѣ спрошу тебя: бывалъ-ли у тебя на исповѣди злодѣй ужаснѣе этого?... Онъ убійца своего отца, дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній, развратитель дѣвъ, грабитель, кровопійца, гробный тать, сдирающій послѣднюю одежду мертвеца: это все—вотъ онъ. Балдуинъ Фюренгофъ! Съ нимъ-то волею и неволею сочеталась я на здѣшнюю и будущую жизнь. Да, злодѣй! не оставлю тебя и въ другомъ мірѣ: и тамъ вопьюсь когтями своими въ твою душу и не покину тебя вѣчно... Вѣчность! Слышишь-ли ты это слово? а?... Ты не вѣрилъ ему, но скоро, скоро повѣришь, голубчикъ!

«Пока Елизавета осыпала своего подсудимаго ругательствами, Адольфъ успѣлъ прочесть данный ему лоскутокъ и прочія бумаги, упалъ со слезами на колѣна передъ Распятіемъ, благодарилъ въ несвязныхъ словахъ Бога за спасеніе свое и брата и потомъ, вставъ, объявилъ пастору, что свадьбѣ не быть. Поцѣловавъ съ жаромъ руку у Луизы, онъ сказалъ ей:

«— Будьте счастливы съ тѣмъ, кого любите! Объ этомъ берусь хлопотать всѣми силами. Слава Богу, что еще время!

«Адольфъ хотѣлъ еще говорить съ баронессою; но она, бросивъ на него сердитый взглядъ, повлекла изъ церкви дочь свою, примѣтно обрадованную перемѣною своей судьбы; я за ними. Не знаю, что послѣ того говорено оставшимися въ церкви; только слышалъ при выходѣ шумъ, ссору; люди Фюренгофа не хотѣли долѣе повиноваться. Когда мы сѣли въ карету, любопытство подстрекнуло меня выглянуть изъ окна: я увидѣлъ, что Фюренгофа насильно втащили въ карету Адольфа, а этотъ съ Елисаветой сѣлъ въ колымагу Фюренгофа; затѣмъ оба экипажа поскакали по дорогѣ въ Дерптъ. Мы возвращались въ Гальсдорфъ, намъ на встрѣчу слуга съ извѣстіемъ, что туда прискакали татары, все тамъ жгутъ и грабятъ. Дышло на поворотъ, и мы тоже прямо въ Дерптъ. Черезъ нѣсколько дней позванъ я былъ въ городскую тюрьму къ Елисаветѣ Трейманъ. Она разсказала мнѣ, что «судъ, вслѣдствіе ея доноса, посадилъ въ тюрьму ее и Фюренгофа раздѣленнаго съ ней одною перегородкою, и просила меня, развѣдавъ о дѣйствіяхъ Адольфа, отписать подробно обо всемъ случившемся къ г. Блументросту». Я обѣщалъ все несчастной. Вслѣдъ затѣмъ Адольфъ сообщилъ мнѣ, что правительство строжайше изслѣдовало злодѣяніе Фюренгофа, который уже и признался въ немъ, и что имѣніе, похищенное у васъ, мой любезный другъ, будетъ возвращено немедленно по принадлежности. Благородство и твердость души вашего брата въ этихъ обстоятельствахъ не могу довольно превознесть. Самый усердный стряпчій, изъ видовъ богатой корысти, не хлопоталъ-бы столько за своего кліента, какъ онъ дѣйствовалъ за васъ, противъ собственной пользы: ибо послѣ этой тяжбы, гдѣ онъ былъ въ одно время истцомъ и отвѣтчикомъ, остается онъ такимъ бѣднякомъ, какимъ знали васъ до сего времени.

— Все пополамъ, и мы будемъ равно богаты! — сказалъ тронутый Густавъ.

— Позвольте, для маленькаго отступленія, воспользоваться вашимъ восклицаніемъ, — сказалъ съ робкою ужимкою Биръ, смотря на горшокъ съ цвѣтами, стоявшій на окнѣ:—мнѣ хотѣлось давно спросить господина достопочтеннаго хозяина: бальзамины, impatiens hortensis, которые я вижу здѣсь въ Москвѣ почти на каждомъ окошкѣ, не есть ли предметъ особеннаго религіознаго почитанія между московитами?...

Пасторъ захохоталъ.

— За кого жь принимаете вы русскихъ?—сказалъ онъ. — Нѣтъ, достопочтенный гость мой! Обитатели здѣшніе никому не поклоняются, кромѣ какъ иконамъ своихъ Святыхъ. Бальзамины же находятся почти въ каждомъ домѣ и подсолнечники въ каждомъ саду, потому что другихъ цвѣтовъ русскіе почти не держатъ, а цвѣты здѣсь любятъ. Impatiens hortensis выписанъ еще недавно сѣменами изъ Голландіи разсадителемъ всего полезнаго и пріятнаго въ Россіи. Но любезнѣйшій собесѣдникъ нашъ ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія вашего разсказа.

— Виноватъ, виноватъ! — сказалъ, оправясь отъ своего смущенія, Биръ: — на чемъ же я остановился? Бальзаминъ, гортензія, шафранъ...

Онъ имѣлъ привычку добираться, по аналогіи цвѣтовъ, до предмета, имъ забытаго.

— Да, да, шафранъ! Елизавета, сказалъ я, просила отписать обо всемъ къ г. Блументросту. Исполнивъ это, я вложилъ въ письмо свое лоскутокъ бумаги, данный ею же, а какого содержанія, мнѣ неизвѣстно; мнѣ строго было запрещено заглядывать въ него. Все это препроводилъ я, куда назначено, съ чухонцемъ, которому Адольфъ заплатилъ хорошія деньги зя услугу. Виноватъ только въ ошибкѣ... но судьба уже все сама

поправила. Что случилось послѣ? спросите вы. Послѣ... въ одно роковое утро нашли Фюренгофа въ тюрьмѣ, задушеннаго собственными цѣпями, чему Елизавета Трейманъ за перегородкою много хохотала; потомъ и несчастная Елизавета умерла въ сумасшедшемъ домѣ, проклиная своего обольстителя и изъявляя надежду соединиться съ нимъ въ аду. Имѣніе, у васъ похищенное, утверждено за вами, силою законовъ. По взятіи Дерпта русскими. братъ вашъ уѣхалъ въ Польшу, къ королю шведскому; воспитанница моя снова расцвѣла душою и тѣломъ, какъ роза centifolia, тѣмъ живѣе, что вспрыснута была росою надежды, которая, втайнѣ вамъ сказать, присылалась ей нерѣдко въ записочкахъ по почтѣ... извините сравненіе... гмъ! виноватъ... да, да, о чемъ бишь я говорилъ?—вотъ видите,—я сказалъ, что собьюсь съ толку; оно лучше было бы на письмѣ...

— Вы говорили о Луизѣ,—подхватилъ Густавъ:—какъ же вы здѣсь очутились?

— Какъ сѣмена, переброшенныя бурею на чуждую имъ землю; но и тутъ умѣютъ они приняться, лишьбы родное солнышко ихъ согрѣвало и питало. Иначе вамъ скажу: баронесса, отказавшаяся было отъ дипломатики послѣ урока, даннаго ей при разставаніи съ Гельметомъ, вздумала въ послѣдніе годы опять за нее приняться, замѣшалась будто въ заговорѣ противъ русскаго правительства и по этому случаю принуждена была совершить съ нами маленькое путешествіе въ Москву. Мнѣ и здѣсь хорошо. Съ будущею весной надѣюсь дѣлать въ окрестностяхъ ботаническія экскурсіи; а всего лучше то, что судьба моей доброй Луизы, надѣюсь, развяжется здѣсь. Вижу васъ, и забываю всѣ прошедшія непріятности...

Кукушка на стѣнныхъ часахъ прокуковала семь часовъ.

— Гостьи наши должны скоро быть здѣсь!—произнесъ усмѣхаясь Гликъ.—Да вотъ и онѣ!

Сердце Густава затрепетало. Послышался стукъ въ ворота, потомъ скрипъ калитки, шорохъ въ передней; дверь растворилась—и... кто-жь передъ глазами Густава?...

Луиза во всемъ блескѣ своей красоты, со всѣмъ очарованіемъ, которое окружало ее въ первую встрѣчу съ другомъ ея сердца. Она была нѣсколько блѣднѣе, нежели тогда, но эта блѣдность и нѣсколько лѣтъ, накинутыхъ на нее временемъ, не вытѣснили ни одной изъ ея прелестей. Если бы Густавъ видѣлъ ее теперь въ первый разъ, онъ готовъ бы былъ снова въ нее влюбиться. Бѣлое, простое платьеце, обвивавшее станъ, стройно перехваченный, придавало ей какое-то эѳирное свойство, тѣмъ болѣе, что она, опрометью вбѣжавъ въ комнату и, вѣроятно, не думавъ никого найти, кромѣ пастора и Бира, вдругъ, при видѣ новаго лица, остановилась, отдала назадъ свою прелестную голову и приподнялась на цыпочкахъ. Вглядѣвшись въ Густава, она вскрикнула.

Что такое? — ворчала баронесса, шедшая за дочерью.—Боже мой! да насъ завлекли въ сѣти; это западня, позоръ, униженіе! Вотъ что дѣлаютъ нынѣ пасторы, служители алтарей! Потворствуютъ слабостямъ, помогаютъ дочерямъ противъ матерей! Пойдемъ отсюда, Луиза!

Между тѣмъ какъ она читала эту проповѣдь, Луиза и Густавъ смотрѣли другъ на друга въ какомъ-то сладостномъ упоеніи... смотрѣли и... невольно пали другъ другу въ объятія.

— Теперь не разстанемся! теперь не разлучатъ насъ!—говорили они, обливаясь слезами и держа другъ друга крѣпко за руки.

— Матушка! госпожа баронесса! благословите нашу

любовь, или мы умремъ завтра! — воскликнули они, упавъ къ ногамъ ея и обнимая ея колѣна.

— Что это за комедія?—сказала сердито дипломатка.

— Госпожа баронесса! — произнесъ важно пасторъ,—его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь, Петръ Алексѣевичъ, приказалъ вамъ сказать, что онъ принялъ на себя должность свата господина Траутфеттера, и сверхъ того повелѣлъ мнѣ отдать вручаемую вамъ при семъ цыдулку.

Г-жа Зегевольдъ дрожащими руками взяла поданную ей бумагу, подошла къ свѣчѣ и прочла слѣдующее:

«Min Frau!

«Я, Cesar и полковникъ отъ гвардіи россійской, взялся быть сватомъ капитана Густава Траутфеттера. Дочь ваша ему нравится; онъ вашей дочери; чего болѣе? прошу не претендовать. Въ приданое ей даю всѣ лифляндскія помѣстья, отнятыя у васъ въ военное время, и дозволяю вамъ управлять ими до вашей смерти. Современемъ обѣщаю вамъ и зятю вашему особенную мою царскую аттенцію. По дѣламъ вашего отечества даю вамъ право, ради нашего интереса, вести съ нами прямо корреспонденцію; за добрыя извѣстія буду вамъ всегда reconnaissant. На свадьбу дарю вамъ табакерку съ моею персоною и тысячу рублевъ. Кажись, уконтентовалъ васъ порядкомъ; а упрямиться долѣе вамъ ради какой причины?

«*Piter.*»

Можно было прочесть на лицѣ честолюбивой баронессы, какая строка изъ этого посланія произвела на сердце ея пріятнѣйшее впечатлѣніе. Право относиться по дипломатическимъ дѣламъ къ повелителю обширнѣйшаго государства — право, дающее ей опять сильное вліяніе на ея соотечественниковъ, поколебало твердость

ея души. Кончилось тѣмъ, что она благословила чету любовниковъ и обняла своего будущаго зятя.

На другой день баронесса, женихъ, невѣста, пасторъ Гликъ и Биръ позваны были во дворецъ. Петръ I, не заставивъ ихъ долго ждать себя, явился въ голубомъ, гродетуровомъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ, съ андреевскою лентою черезъ плечо. Только въ особенные торжественные дни государь показывался въ такомъ блестящемъ нарядѣ; но въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ угодить одной милой особѣ, «которой»,—говорилъ онъ, — «ни въ чемъ не могъ отказывать». Всѣ посѣтители были имъ обласканы, особенно Биръ. Разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ натуральной исторіи, онъ нашелъ въ немъ необыкновенныя, глубокія свѣдѣнія и по другимъ наукамъ, которыя самъ любилъ, и до того привязался къ доброму педагогу, что забылъ предметъ посѣщенія его спутниковъ и увлекъ его съ собою въ кабинетъ. Тамъ показалъ онъ ему гербарій, собранный царскими трудами. Биръ, восторженный ласковымъ обхожденіемъ государя и любовью къ своему предмету, вскорѣ бесѣдовалъ съ Петромъ, какъ съ равнымъ себѣ ученымъ.

— Вотъ этакихъ людей люблю!—говорилъ Петръ, цѣлуя его въ лобъ: — не хвастунишка, а настоящій дѣлецъ.

Въ какомъ-то невольномъ благоговѣніи къ простотѣ великаго мужа стояли баронесса и ея спутники, когда въ пріемную залу изъ заднихъ аппартаментовъ вступила прелестная молодая женщина.

— Милая Кете, едва не вскрикнула Луиза, и хотѣла было броситься въ объятія ея, но баронесса остановила дочь свою за рукавъ.

— Милая Луиза!—сказала со слезами на глазахъ и въ нѣкоторомъ смущеніи бывшая воспитанница пастора

Глика:—не бойся!... обними же меня скорѣй, скорѣй, милый другъ!

Екатерина спѣшила прижать къ сердцу гельметскую пріятельницу свою. Онѣ плакали вмѣстѣ отъ радости; перемѣна состояній не измѣнила ихъ чувствъ.

Г-жа Зегевольдъ отъ изумленія не могла придти въ себя; но во время дружескихъ изъясненій государыни съ Луизою, пасторъ разсказалъ дипломаткѣ со всею нѣмецкою пунктуальностію и нѣжностію отца, что бывшая его воспитанница, по взятіи ея въ плѣнъ подъ Маріенбургомъ, попала въ домъ къ Шереметеву и оттуда къ Меншикову. Здѣсь, въ 1702 году, Петръ I увидѣлъ ее и влюбился въ нее такъ, что никогда уже съ нею не разставался. Сначала знали ее подъ именемъ Катерины Скавронской—именемъ, которое угодно было государю ей придать. Въ 1703 году приняла она грекороссійское исповѣданіе; крестнымъ отцомъ ея былъ наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй Петровичъ, и по немъ-то названа она Екатериной Алексѣевною. Въ маѣ 1707 года государь сочетался съ нею бракомъ.

Такъ объяснялъ пасторъ дивную судьбу своей воспитанницы, наблюдая мѣсяцы и числа каждой эпохи въ ея жизни. Когда Екатерина замѣтила, что онъ кончилъ свое объясненіе, она подошла къ баронессѣ и ласково, но съ величіемъ, свойственнымъ царицѣ и будто ей врожденнымъ, обратила рѣчь къ дипломаткѣ и увѣрила ее самыми лестными выраженіями въ своемъ будущемъ благорасположеніи къ ней.

— А! вижу, что твое сердце не выдержало, Катенька!—сказалъ Петръ, вошедши въ пріемную залу:—люблю тебя за то, душа моя, что не забываешь прежнихъ друзей своихъ. Теперь, Frau баронесса! могу открыть вамъ секретъ: супруга моя хлопотала о благополучіи вашей дочери, какъ бы о своемъ собствен-

номъ.—Тутъ подошелъ онъ къ Луизѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Я вашъ гость на свадьбѣ и крестный отецъ первому ребенку, котораго вамъ дастъ Богъ.

— Удивительно! удивительно! я все это вижу, какъ во снѣ!—говорила баронесса, возвращаясь съ своимъ семействомъ и Гликомъ домой въ придворной, богатой каретѣ и кивая важно народу, который скидалъ передъ каретою шапки за четверть версты.

Благоговѣйно сложивъ руки на грудь, пасторъ произнесъ:

— Неисповѣдимы судьбы Господи! Не даромъ говорилъ о моей Кете слѣпецъ Конрадъ изъ Торнео въ «Долинѣ мертвецовъ»: «*Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ судебъ?*... и сбылось!...

— Великій государь! — восклицалъ Биръ: — какъ онъ знающъ въ натуральной исторіи!

Густавъ и Луиза не говорили ни слова; но, смотря другъ на друга глазами, выражавшими упоеніе счастія и пламенной любви, жали другъ другу руки и забывали весь міръ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАРТИНА

Одинъ только полковникъ Траутфеттеръ!
„Истор. Карла XII“. *Вольтеръ.*

Знойно лѣтнее небо; облака порохового дыма клубятся по немъ и хмурятъ его, будто раскаленное отъ гнѣва. Вправо отрывокъ широкой рѣки; противный берегъ ея мраченъ и обнаженъ, какъ могильный бугоръ, въ степи наброшенный надъ бѣднымъ странникомъ. Поперекъ рѣки плыветъ судно. На лицахъ гребцовъ видна боязнь, въ движеніяхъ ихъ—торопливость. Бѣдная повозка, у которой колеса скрѣплены рванями, стоитъ на суднѣ: въ ней лежитъ воинъ, накрытый синимъ плащомъ. Лицо его подернуто мертвою блѣдностью; замѣтно, что болѣзнь и горесть оспариваютъ жертву свою у твердости душевной, видимо уступающей. Вокругъ повозки, на палубѣ, стоятъ и сидятъ нѣсколько воиновъ. Въ числѣ ихъ казакъ: подавая пить изъ шляпы больному, въ повозкѣ лежащему, онъ смотритъ на него съ нѣжною заботливостію родного или друга. Прочія всѣ лица въ синихъ иностранныхъ мундирахъ. Положеніе, въ которомъ они находятся

показываетъ, что несчастіе поравняло всѣ званія. Одинъ, преклонивъ голову къ колесу, спитъ; другой перевязываетъ товарищу руку; далѣе, ближе къ кормѣ, два воина, со слезами на глазахъ, берутся за голову и ноги, повидимому, умершаго товарища и собираются бросить его въ рѣчную могилу, уносящую столь же быстро, какъ время, все, что ей ни повѣрять. Къ носу тѣснится группа въ уныніи и отчаяніи. Иные со страхомъ смотрятъ на повозку, гдѣ, кажется, умираетъ ихъ послѣдняя надежда; другіе, поднявъ къ небу взоры, молятся. За большимъ судномъ торопятся рыбачьи лодки. Нѣсколько всадниковъ, отталкивая немилосердно несчастныхъ, хватающихся то за гриву, то за хвостъ коней ихъ, или, подавая погибающимъ руку спасенія, перерѣзываютъ рѣку. Кое-гдѣ мелькаютъ борющіеся съ волнами; утопленники показываютъ, какъ стрѣлка, теченіе водъ. Впереди сцены идетъ сраженіе: оно уже при послѣднемъ издыханіи. Бой неравенъ между воинами въ синихъ мундирахъ съ воинами въ зеленыхъ. Число первыхъ не велико; они утомлены, нехотя дерутся въ рукопашную, толпами сдаются въ плѣнъ и бросаютъ оружіе; путь ихъ устланъ изломанными лафетами, взорванными ящиками, грядою мертвыхъ и раненыхъ. Воины въ зеленыхъ мундирахъ глядятъ побѣдителями: удовольствіе торжества пышетъ въ ихъ взорахъ; сила и увѣренность въ каждомъ ихъ движеніи; кажется, лицо одного, замахнувшагося прикладомъ ружья на упавшаго непріятеля, четко выражаетъ: «*лежачаго не бьютъ!*» Совершенно на авансценѣ выступаетъ изъ группы сражающихся фигура молодого офицера въ синемъ мундирѣ; онъ палъ, раненый въ грудь. Изъ ней бьетъ кровь струей. Правою рукою стиснулъ онъ рукоятку меча, какъ будто не хочетъ отдать его и самой смерти. По лицу офицера, чрезвычайно выразительному, бѣжитъ уже смертная блѣдность;

оборотивъ голову къ сторонѣ рѣки, онъ устремилъ на небо взоры, исполненные благодарности; слезы каплютъ по щекамъ; уста его силятся что-то произнести.

Вотъ картина, на которую я засмотрѣлся въ домѣ одного любителя изящнаго! Меня такъ заняло главное лицо, что мнѣ стало жаль его, какъ человѣка, соединеннаго со мною узами дружбы. Онъ умеръ героемъ, но умеръ далеко отъ родины, видя уничтоженіе ея славы. Хозяинъ картины засталъ меня въ этомъ положеніи.

— Замѣчаю, что это художественное произведеніе оковало ваше вниманіе,—сказалъ онъ мнѣ.—Знаете-ли, что представляетъ картина?

Я просилъ разсказать мнѣ сюжетъ ея.

— Это переправа Карла XII черезъ Днѣпръ послѣ полтавской битвы,—отвѣчалъ мнѣ любитель изящнаго.— Днѣпръ былъ гранью, гдѣ побѣда распрощалась съ нимъ навсегда. Войско его уничтожено. Послѣдніе обрывки этого войска, ужасавшаго нѣкогда сѣверъ, силятся купить королю свободу. Едва не захваченъ онъ непріятелемъ, слѣдящимъ его по горячимъ ступенямъ. Оставшіеся при немъ служители и воины добываютъ съ трудомъ повозку; въ нее кладутъ короля-бѣглеца,—того, который нѣкогда отнималъ царства и раздавалъ ихъ. Карлъ раненъ; лихорадка и лютѣйшая болѣзнь великихъ людей—униженіе пожираютъ его; онъ видимо упалъ духомъ. Послѣднее его спасеніе— переправа черезъ Днѣпръ: онъ совершаетъ ее въ томъ положеніи, въ какомъ видите на холстѣ. Остатокъ войска бросаетъ оружіе; многіе силятся спастись вплавь. Одинъ полковникъ Адольфъ Траутфеттеръ съ своимъ батальономъ отчаянно задерживаетъ натискъ торжествующаго непріятеля. Раненый въ грудь, онъ

падаетъ, благодаря Провидѣніе за спасеніе короля и за то, что не переживаетъ униженія шведскаго войска. Если хотите, онъ произноситъ имя родины, друга, и проситъ стоящаго подлѣ него воина передать имъ послѣднее свое воспоминаніе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

СХИМНИКЪ

Край милый увидишь — сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь:
И бишни и храмы, и предковъ палаты
И сердцу святыя гробницы узришь!
. . . . . .
И ласково примутъ отчизны сыны,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

Императрица Екатерина Алексѣевна, на другой день послѣ коронаціи своей (это было 8-го мая 1724 года), захотѣла воспользоваться пріятностями весны, чтобы посѣтить, съ самыми близкими ей особами, подмосковное дворцовое село Коломенское и, если хорошая погода продолжится, погостить тамъ нѣсколько дней. Въ одной каретѣ съ нею сидѣли дочери ея, Анна и Елисавета, цвѣтущія наслѣдственной красотой, и супруга русскаго генерала Густава Траутфеттера, Луиза Ивановна. Въ другомъ экипажѣ находились шестидесятилѣтній старецъ князь Василій Алексѣевичъ Вадбольскій съ дѣтьми Траутфеттера, сыномъ и двумя дочерьми, которые были хороши, какъ восковые херувимы, выставляемые напоказъ въ вербную субботу, или какъ тѣ маленькія, прелестныя творенія, съ полными розовыми щечками, съ плутоватыми глазами, изображаемыми такъ привлекательно на англійскихъ

гравюрахъ. Генералъ Траутфеттеръ ѣхалъ верхомъ, то впереди заботливо осматривая худыя мѣста, то подлѣ самыхъ экипажей, гдѣ заключались залоги, равно для него драгоцѣнные. Любовь подданнаго, супруга и отца ясно выражалась въ его взорахъ и поступкахъ. Старостью уравненный съ дѣтствомъ, князь Вадбольскій забавлялъ своихъ маленькихъ собесѣдниковъ разными шутками, или занималъ ихъ вниманіе, разсказывая о своихъ походахъ въ Лифляндію. Дѣти слушали его, какъ веселаго сказочника, а когда онъ кончалъ, съ нѣжностью бросались къ нему, жали его мохнатыя, жилистыя руки въ своихъ ручонкахъ, и кричали взапуски: «*дѣдушка!* милый *дѣдушка!* еще что-нибудь!» Надо было видѣть, какъ малютки внимали въ благоговѣніи повѣствованію о подвигахъ русскихъ подъ Гуммельсгофомъ, устремивъ неподвижно глазенки свои на выразительное лицо старца. Сынъ Траутфеттера до того своевольничалъ съ *дѣдушкой*, что скинулъ, наконецъ, съ сѣдовласой головы его трехугольную шляпу, обложенную золотыми галунами, нахлобучилъ ею свою маленькую голову, съ которой бѣжали льняныя кудри, и обезоруживъ стараго воина, кричалъ ему:—Шлиппенбахъ! сдайся, или я тебя заколю!» За этимъ слѣдовалъ такой хохотъ, что Густавъ принужденъ былъ погрозить на дѣтей пальцемъ и указать имъ на экипажъ государыни, ѣхавшій впереди очень близко.

Было къ семи часамъ вечера. Кареты поровнялись съ Симоновымъ монастыремъ. Императрица наслышавшись, что съ площадки надъ трапезною церковью видъ на Москву и окрестности очарователенъ, приказала остановиться у монастырскихъ воротъ. Архимандритъ, увидя государевъ экипажъ, поспѣшилъ встрѣтить высокихъ гостей.

Цѣлью посѣщенія монастыря была площадка надъ трапезною церковью: Екатерина туда поспѣшила. Архи-

мандритъ второпяхъ потребовалъ было ключа у служ..., слѣдовавшаго за нимъ; но тотъ доложилъ ему, что передъ захожденіемъ солнца, какъ ему извѣстно, входъ въ башню всегда отпертъ.

— По какому именно случаю всегда въ одно время?— спросила государыня, вслушавшись въ разговоры монаховъ.

— Вашему царск.... ва...шему императорскому величеству, великой и матери отечества, имѣю благополучіе рабски донести, — началъ архимандритъ, смѣшавшись въ титулѣ, къ которому русскіе еще не привыкли, и полагая, что прочія имена, данныя Петру I, должны неминуемо, по законному порядку, идти къ его супругѣ.

— Пожалуйте, безъ лишнихъ церемоній, отецъ архимандритъ! — усмѣхаясь перебила Екатерина Алексѣевна ласковымъ голосомъ.

— По великости вашего благоснисхожденія доложу вашему величеству, что въ здѣшней, спасаемой Богомъ и нашими государями, вторыми по Богѣ, обители, обрѣтается схимникъ, то-есть монашествующее лицо, сирѣчь затворникъ, обитающій въ семъ мірѣ единымъ скудельнымъ своимъ составомъ, но безсмертнымъ духомъ витающій за предѣлами гроба, яко на крыліяхъ голубиныхъ...

Государыня опять усмѣхнулась и, пожавъ слегка плечами, посмотрѣла на князя Вадбольскаго. Этотъ понялъ ее и своимъ обычно-рѣзкимъ голосомъ прервалъ архимандрита:

— Поскорѣй къ дѣлу, отецъ! Вѣримъ, что твой схимникъ великій постникъ, молитвословъ; да куда-жь дѣвалъ ты вопросъ матушки государыни?

— А вотъ сей *моментъ*! — продолжалъ архимандритъ, примѣшивая къ своему риторству иностранныя слова, чѣмъ думалъ угодить людямъ вѣка своего, какъ мы

любимъ угождать своему.—Мы, монашествующіе, необычные къ *конверсаціи* съ такими высокими *персонами*, и—да помилуетъ насъ всемилостивѣйшее всещедрое сердце ея величества!—говоримъ по простотѣ нашего уразумѣнія. И такожде изволите видѣть, схимникъ этотъ, живущій уже 20 лѣтъ во ангельскомъ образѣ и житіи, единымъ своимъ услажденіемъ имѣетъ ежедневно, передъ восходомъ солнца и западомъ сицеваго обрѣтаться на площадкѣ надъ трапезою, которая, какъ глаголетъ преданіе, была въ древнія времена *обсерваціонною* башней. Съ нея-то, по всему вѣроятію, россійскіе стражи, яко гуси капитолійскіе, или зоркіе журавли, или, благоподобнѣе, орли, надзирали за посѣщеніемъ незванныхъ гостей, крымцевъ, жаловавшихъ къ намъ по каширской дорогѣ.

— Чтожъ дѣлаетъ схимникъ, всегда въ одно время на площадкѣ?—спросилъ князь Вадбольскій.

— Услаждаетъ свое сердце и взоръ зрѣлищемъ здѣшнихъ эдемскихъ окрестностей. Ликъ его хотя благолѣпенъ, обыкновенно подернутъ сердечною мглою; очи его тусклы, яко олово; но когда онъ обрѣтается на своей площадкѣ, тогда лицо его просіяваетъ, яко лучъ солнечный сквозь тучи, очи его ярко блестятъ, молніи подобно; а иногда, какъ по долгу нашему замѣчено, видали его проливающимъ обильные источники слезъ. Сколько усмотрѣть возможно по лицу, сему зерцалу души нашей, слезы сіи имѣютъ ключомъ своимъ избытокъ радостныхъ чувствованій. Единая въ немъ странность заключается, что онъ не даетъ никому своего благословенія, каковаго, по святости его жизни, жаждутъ всѣ православные, посѣщающіе сію обитель. Ваше величество ужасомъ преисполнились бы, узрѣвъ вериги, какія онъ носитъ; тяжесть таковыхъ можетъ выдержать развѣ великій государь, отецъ отечества, на исполинскихъ раменахъ своихъ.

— И двадцать уже лѣтъ наложилъ онъ на себя тяжкій обѣтъ?—спросила государыня.

— Въ 1704 году, осенью, пришелъ онъ къ намъ въ видѣ странника; постригся вскорѣ въ монахи и черезъ три года облачился тѣломъ и душою въ схиму.

— Какъ его звали, когда онъ пришелъ къ вамъ?

— Владиміромъ.

Государыня и князь Вадбольскій невольно посмотрѣли другъ другу въ глаза, какъ бы искали въ нихъ разрѣшенія темной задачи.

— А теперь какъ его зовутъ? — спросила императрица.

— Въ монахахъ его звали Василіемъ, а въ схимѣ нарицается онъ опять Владиміромъ. Не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству, пока усталость вами не овладѣла, ибо и боговѣнчанныя особы, яко и мы, грѣшные человѣки, подвержены немощамъ, взглянуть на другія рѣдкости монастырскія, какъ-то на *тайникъ*, или подземный ходъ къ рѣкѣ, на тюремную башню-*дуру*...

У князя Вадбольскаго готово было уже словечко для прекращенія словоохотливости архимандрита: но императрица предупредила *дѣдушку* (такъ обыкновенно звали князя она и близкія ей особы), потребовавъ, чтобы показали ей дорогу на сторожевую площадку. Требованіе это было произнесено такимъ твердымъ голосомъ, что архимандритъ, не распложаясь далѣе, повелъ своихъ гостей, куда они желали.

Императрица, увидѣвъ, что лѣстница, ведущая на площадку, неудобна и трудна, предложила Вадбольскому остаться въ трапезной комнатѣ. Но старый солдатъ не любилъ казаться хилымъ и ни за что не соглашался отстать отъ другихъ.

— Развѣ вамъ вспомнить Гуммельсгофскую гору?—

сказала государыня, подаривъ его тою улыбкою, которою она умѣла такъ мастерски привѣтствовать и награждать.—Дѣти! — прибавила она, обратясь къ великимъ княжнамъ, — возьмите дѣдушку подъ руки; а если онъ заупрямится, то я сама его поведу.

И старецъ, съ слезами радости на глазахъ, позволилъ себя поддерживать дочерямъ Петра I. Минуты эти были для него истиннымъ торжествомъ.

Екатерина Алексѣевна первая взошла на верхъ, восторженнымъ взоромъ заплатила мимоходомъ дань очаровательнымъ видамъ, представляющимся съ площадки, и устремила его потомъ на схимника, сидѣвшаго спиною къ ней на ветхой скамейкѣ и облокотясь въ глубокой задумчивости на перилы, лицомъ къ полудню. Шорохъ, произведенный приходомъ слѣдовавшихъ за государынею, заставилъ схимника оглянуться. Онъ привсталъ; но лишь только взглянулъ на нее и Вадбольскаго, задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Долго, очень долго смотрѣли на него императрица и князь Вадбольскій испытующими глазами, въ которыхъ заблистали, наконецъ, слезы; долго и схимникъ смотрѣлъ на Екатерину и князя, и крупныя слезы заструились также по блѣднымъ его щекамъ.

— Отецъ архимандритъ, вы, также и маленькое общество наше,—сказала государыня, обратясь къ генералу Траутфеттеру и женѣ его,—оставьте насъ съ княземъ однихъ...

Потомъ, обратясь къ великимъ княжнамъ и показавъ имъ на схимника, присовокупила съ особеннымъ чувствомъ:

— Анна! Елисавета! взглядитесь хорошенько въ черты этого человѣка; удержите образъ его въ вашей памяти; пускай благодарность врѣжетъ его въ сердцахъ вашихъ! Это благодѣтель русскій и, можетъ быть, первый благодѣтель вашей матери.

И великія княжны, тронутыя, выраженіемъ лица и голоса своей матери, съ благоговѣніемъ вглядывались въ черты схимника.

Когда государыня осталась съ тѣми, кого назначила, она подошла къ затворнику, взяла его за руку и сказала:

— Мы, кажется, узнали другъ друга!

— Государыня!—отвѣчалъ тронутый схимникъ,— Послѣдній Новикъ—могъ-ли забыть ту, которую знавалъ съ десятилѣтняго ея возраста прекрасною и великою, и которой высокое назначеніе тогда уже слышалъ изъ пророческихъ устъ своего друга? Радостно слѣдилъ я твое возвышеніе, и теперь, видя тебя на другой день твоей *коронаціи*, въ гостяхъ у меня, столь же радостно привѣтствую твой приходъ словами вдохновеннаго слѣпца: «*и се на главѣ твоей лежитъ корона!*» Знакомъ мнѣ и этотъ гость! — прибавилъ Послѣдній Новикъ, прижимая къ своему сердцу Вадбольскаго, который бросился его обнимать.

Спрашивали отшельника, почему не воспользовался онъ прощеніемъ Петра Великаго, прощеніемъ, которое, вѣроятно, должно было дойти до слуха странника.

— Ахъ!—сказалъ Владиміръ,—зачѣмъ спрашиваете меня о томъ, что я хотѣлъ бы забыть навѣки, что отравляетъ лучшіе часы моей жизни? Открою вамъ только, что прощеніе государя опоздало нѣсколькими днями; узнавъ о немъ, я, преступникъ вторично, не смѣлъ имъ воспользоваться. Я слѣдилъ моего гонителя, и нашелъ его!... Кровь, кровь ближняго на этихъ рукахъ, которыхъ благословенія жаждутъ православные; эти херувимы, разсыпавшіеся по моей одеждѣ, сѣкутъ крыльями своими, какъ пламенными мечами; вериги, которыя ношу, слишкомъ легки, чтобъ утомить мои душевныя страданія; двадцать лѣтъ тяжелаго затвор-

ничества не могли укрыть меня отъ привидѣнія, вездѣ меня преслѣдующаго. Но, повѣрите-ли? и съ этими муками я не промѣняю настоящаго своего состоянія на то, въ которомъ находился до прибытія въ мое отечество. Я здѣсь на родинѣ; во всякіе часы дня могу смотрѣть на мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство: тамъ я родился, тутъ, ближе, Софьино, гдѣ я воспитывался; здѣсь Коломенское, а здѣсь золотоглавая Москва съ ея святынею и благолѣпіемъ. Все тутъ, чего просилъ изгнанникъ, что онъ покупалъ цѣною униженія и трудовъ необыкновенныхъ! Мои соотечественники, православные, не откажутъ мнѣ въ могилѣ, на общемъ кладбищѣ, между ними. А тамъ, — прибавилъ Владиміръ, взглянувъ на небо со слезами на глазахъ,—какъ неугасимую лампаду, повѣсилъ я мои надежды; тамъ, можетъ быть, Отецъ всеобщій и Судія-нечеловѣкъ взглянетъ милосерднымъ окомъ на двадцать годовъ тяжкаго раскаянія. — Спаситель простилъ разбойника!..

Здѣсь схимникъ, потупивъ очи, замолчалъ. Государыня и Вадбольскій старались излить въ его сердце утѣшенія и надежды, въ которыхъ оно нуждалось. Бесѣда оживилась мало-по-малу краснорѣчивымъ воспоминаніемъ тѣхъ происшествій, которыя имѣли столь сильное вліяніе на судьбу Екатерины и Россіи

Солнце давно скрылось. Москва и прелестныя ея окрестности утопали въ вечернемъ туманѣ.

Когда схимникъ прощался съ своими гостями, впалые глаза его горѣли огнемъ небеснаго вдохновенія, щеки его пылали.

— Да! — сказала Вадбольскому императрица Екатерина Алексѣевна, прохлаждая опахаломъ разгорѣвшееся лицо свое и глаза, красные отъ слезъ, когда они сходили съ лѣстницы, — по взятіи Маріенбурга, пророческія слова таинственнаго слѣпца такъ сильно

врѣзались въ моемъ воображеніи и сердцѣ, что я... повѣрите-ли?... вскорѣ послѣ того начала мыслить... *о корокъ. Да! это было такъ!...*

Лучшія желанія Послѣдняго Новика исполнились: онъ умеръ въ глубокой старости на площадкѣ, устремивъ свой умирающій взоръ на Коломенское, имъ столько любимое. Его похоронили на общемъ кладбищѣ Симонова монастыря. Нынѣ не сыскать тамъ его могилы: новые мертвецы сдавили прахъ своихъ предшественниковъ.

PS. Нѣкоторыя особы, которымъ я читалъ свой романъ въ рукописи, спрашивали меня: «что сдѣлалось съ прочими лицами его». Удовлетворяю любопытству ихъ и другихъ копотливыхъ читателей. Кропотова отдала Богу душу, услышавъ о смерти своего мужа; дѣвица Горнгаузенъ до 50 лѣтъ все ждала своего рыцаря-жениха; Блументростъ сдѣлался лейбъ-медикомъ Петра I; Биръ былъ достойнымъ членомъ россійской *академіи;* баронесса занималась до смерти политикою и, какъ видно по списку важныхъ лицъ, присутствовавшихъ при коронаціи императрицы, находилась тогда въ числѣ статсъ-дамъ. А прочіе?... Уфъ! прочіе жили, женились, плодились и умирали, какъ милліоны имъ подобныхъ.

Еще вопросъ, г. сочинитель: «кто была особа, ѣхавшая за Саарамойзой въ колымагѣ и назвавшая Вольдемара по имени?»—Разумѣется, Катерина Скав-

ронская! Она же посылала Новику, черезъ Мурзенку, богатый подарокъ, на которомъ вырѣзано было 5-е апрѣля — день ея рожденія и день, въ который слѣпецъ въ первый разъ предсказывалъ ея высокую участь.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА

стр.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

Часть третья и четвертая 1

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 076299228